РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ИЗДАНІЕ
СОЮЗА РУССКИХЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ.

№ I. *НОЯБРЬ 1902 г.* № I.

Воинственное ученіе социализма распространяется нынче среди пролетаріевъ съ такой же быстротой, какъ нѣкогда смиренное ученіе Христа среди рабовъ. Наскучило пролетарію ждать царствія божія на небѣ, онъ хочетъ его завоевать на землѣ.

Приглядитесь къ тому, что теперь дѣлается въ Зап. Европѣ. По призыву социалистической партіи 300.000 бельгійскихъ рабочихъ сразу, какъ одинъ человѣкъ, бросаютъ работу, чтобы добиться расширенія политическихъ правъ народа. То же повторяется въ Швеціи. По всему міру проходитъ волна небывалаго стачечнаго движенія. Въ Америкѣ ежегодно бастуетъ свыше 300.000 рабочихъ. Въ Галиціи стачка сельскихъ рабочихъ охватываетъ 200 общинъ, 100.000 человѣкъ. Союзъ французскихъ углекоповъ объявляетъ стачку; она сразу поднимаетъ на ноги 150.000 шахтеровъ. Ихъ поддерживаютъ деньгами всѣ остальные рабочіе союзы и социалистическія организаціи Франціи; французскіе портовые рабочіе начинаютъ отказываться выгружать привозной уголь; нѣмецкіе и англійскіе углекопы помогаютъ деньгами, отказомъ отъ сверхурочныхъ работъ; бельгійскіе угрожаютъ хозяевамъ стачкой, требуя повышенія платы, мѣстами прямо начинаютъ стачку; австрійскіе рабочіе посылаютъ привѣтъ „подземнымъ братьямъ" во Франціи. Германское правительство въ угоду дворянъ-землевладѣльцевъ хочетъ повысить пошлину на хлѣбъ и мясо, и по одному сигналу социалистической партіи начинается повсемѣстная боевая кампанія противъ правительства и его единомышленниковъ: ихъ одновременно громятъ съ парламентской трибуны, въ 73 нѣмецкихъ социалистическихъ газетахъ и въ безчисленныхъ народныхъ собраніяхъ. Милліоны нѣмецкихъ социалистовъ—пролетаріевъ съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдятъ за исходомъ борьбы.

Въ основѣ современнаго общества лежитъ глубокое противорѣчіе между интересами труда и капитала, и социалисты пользуются каждымъ поводомъ, чтобы обнаружить негодность *всего* существующаго строя. Вслѣдствіе этого сплошь и рядомъ мелкая стычка быстро разростается въ крупное событіе, приводитъ въ движеніе всѣ колеса государственнаго механизма, выводитъ наружу всѣ сталкивающіеся общественные интересы, подвергаетъ опасности весь гнусный современный порядокъ, сплачиваетъ однихъ для его спасенія, другихъ для его низверженія. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ подъ покровомъ „образцоваго" европейскаго порядка обостряется и углубляется борьба между организованнымъ пролетаріатомъ и буржуазнымъ міромъ, какъ эта борьба проникаетъ во всѣ области общественной жизни. Она тамъ ведется обыкновенно сдержанно, въ рамкахъ закона, но у борющихся сторонъ бурлитъ и кипитъ въ груди, одна лишняя капля—и дѣло доходитъ до кровопролитія. На поверхности все еще спокойно, но загляните въ глубь, и вы поймете, что въ Европѣ назрѣваютъ соціальные перевороты, какихъ еще міръ не видалъ.

И русскій пролетаріатъ началъ борьбу за свое освобожденіе. Правительство пыталось ее затушить въ самомъ зародышѣ, но теперь оно само признается, что это дѣло безнадежное. „У меня нѣтъ средствъ остановить движеніе рабочихъ,—заявляетъ со скрежетомъ зубовъ одесскій градоначальникъ Шуваловъ, — но за то я ихъ сгною въ тюрьмѣ".

Русскіе рабочіе борются за лучшую долю, какъ и европейскіе. Но какъ различна обстановка этой борьбы въ Зап. Европѣ и въ Россіи! Тамъ государственный механизмъ и всѣ общественныя отношенія ясны, открыты, на виду у всего народа. Въ рабской Россіи все это замазано, затушевано и покрыто мракомъ. Вы видѣли когда-нибудь извѣстную картину Верещагина? На ней изображенъ часовой, стоящій на посту на Шипкѣ. Валитъ снѣгъ. Часовой замерзъ; его совсѣмъ засыпало снѣгомъ, и изъ сугроба торчитъ одинъ лишь штыкъ. Подъ картиной подпись: „На Шипкѣ все спокойно!" Вотъ точно также самодержавное правительство хочетъ внушить русскому народу, что у насъ все благополучно.

Повсюду свирѣпствуетъ безработица; безработныхъ тысячами высылаютъ въ голодныя деревни. Въ это время капиталисты заводятъ „черные листы", призываютъ воинскія команды для охраненія фабрикъ отъ рабочихъ, организуютъ при содѣйствіи правительства синдикаты для искусственнаго повышенія цѣнъ на сахаръ, на нефть, на продукты народнаго потребленія, а правительство заявляетъ, что „у насъ нѣтъ условій, какія существуютъ на Западѣ; до сихъ поръ еще у насъ удерживаются патріархальныя отношенія между рабочими и хозяевами."

Крестьяне умираютъ съ голоду; несмотря на все свое долготерпѣніе они возстали противъ помѣщиковъ. Ихъ сѣкутъ поголовно, цѣлыми деревнями, цѣлыми волостями. Въ это самое время помѣщики вмѣстѣ съ губернаторомъ и казачьими офицерами пируютъ, пьютъ шампанское. А царь батюшка говоритъ крестьянамъ: „Живите въ *мирѣ*, слушайтесь вашихъ *добрыхъ* предводителей дворянства!" На Шипкѣ все спокойно!

Русскій рабочій не хочетъ быть безгласнымъ инструментомъ „отечественной промышленности". У него проснулась жажда жизни, жизни для себя, а не для другихъ, жажда знанія, жажда свободы, жажда общественной борьбы. Онъ съ замираніемъ сердца прислушивается къ великимъ битвамъ европейскаго пролетаріата, онъ торопится принять въ нихъ участіе. Но съ перваго же шага онъ видитъ, что ему некуда податься, негдѣ развернуться. Какъ только онъ дѣлаетъ попытку двинуться впередъ, передъ нимъ выростаетъ фигура пьянаго казака съ искаженнымъ лицомъ и закинутой надъ головой нагайкой, либо безсмысленная фигура городового, который на всѣ вопросы знаетъ одинъ отвѣтъ: „не велѣно пущать!" Какъ Церберъ, какъ сторожевой песъ у выхода изъ ада, самодержавіе загораживаетъ рабочимъ доступъ къ той общественной аренѣ, на которой теперь происходятъ на Западѣ великія битвы между пролетаріатомъ и буржуазнымъ міромъ. Но эта арена слишкомъ заманчива, слишкомъ велика сила пробудившагося у рабочаго гражданскаго чувства, чтобы онъ могъ остановиться передъ нагайкой или передъ пулей. И онъ не остановился. „Хоть бы сподобиться умереть за свободу", пишетъ работница наканунѣ демонстраціи въ Петербургѣ. „Теперь нужно учить, какъ въ бой идти", пишетъ другой рабочій. И то, что эти двое пишутъ, тысячи и тысячи рабочихъ въ разныхъ концахъ Россіи думаютъ про себя.

Достаточно было опыта нѣсколькихъ лѣтъ борьбы во имя великой соціалистической цѣли, достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ осмысленной жизни, чтобы русскій пролетаріатъ подошелъ къ важнѣйшему и самому наболѣвшему вопросу русской жизни, къ вопросу о низверженіи самодержавія.

Три четверти вѣка въ борьбѣ съ самодержавіемъ гибнутъ лучшіе люди русской земли. Рабочая масса не первая пришла на поле битвы. Но дѣло это по плечу одному пролетаріату. Тѣни казненныхъ декабристовъ, землевольцевъ и народовольцевъ, тѣни Пестеля, Рылѣева, Осинскаго, Михайлова, Желябова, Перовской, Халтурина и многихъ другихъ протягиваютъ пролетаріату свои руки и говорятъ ему: „Ты долженъ побѣдить въ томъ дѣлѣ, за которое мы умѣли лишь честно умереть.“

Пролетаріатъ подошелъ къ распутью, гдѣ скрещиваются разныя дороги. Самые различные слои народа заинтересованы въ паденіи самодержавія. Они пока не всѣ это ясно сознаютъ; но они чувствуютъ, что теперь въ Россіи жить стало окончательно невозможно.

Одни подходятъ къ вопросу о паденіи самодержавія по той же дорогѣ, по которой къ нему подошелъ пролетаріатъ. Съ ними пролетаріатъ *пока* можетъ идти рука объ руку въ политической борьбѣ.

Другіе подходятъ къ этому вопросу другой дорогой. Ихъ путь только скрещивается съ путемъ пролетаріата на этомъ пунктѣ, на паденіи самодержавія. Съ ними пролетаріатъ не шелъ и не пойдетъ никогда рядомъ въ борьбѣ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ крестьяне, городское простонародье, учащаяся молодежь, разночинная интеллигенція, т. е. вся демократія, всѣ угнетаемые и преслѣдуемые, всѣ, кому нужна политическая свобода для улучшенія своей доли.

Къ числу вторыхъ принадлежатъ либеральная буржуазія и либеральное дворянство, которымъ нужна политическая свобода для того, чтобы можно было *непосредственно* политически господствовать надъ народомъ безъ посредничества царскихъ гайдуковъ.

Первые идутъ на борьбу открыто, подставляя свою грудь подобно пролетаріату. Вторые не менѣе опасны самодержавію, но они опасны лишь тѣмъ, что они въ минуту жизни трудную откажутъ ему въ поддержкѣ.

Крестьяне пока не додумались до отрицанія самодержавія. Но они совершенно перестаютъ признавать дѣйствующіе въ Россіи законы. Каждый день получаются вѣсти изъ деревни, что крестьяне отказываются платить подати и арендныя деньги, отказываются признавать собственность помѣщиковъ, открыто сопротивляются властямъ, открыто читаютъ на сходахъ запрещенныя изданія и т. д., и т. д.

Студенты давно потеряли всякое терпѣніе; они не могутъ мириться съ тѣмъ, что гимназіи и университеты превратились въ полицейскіе участки; они ничего не ждутъ и не требуютъ больше отъ самодержавія, кромѣ одного, чтобы оно перестало существовать. Вотъ уже три года, какъ учащаяся молодежь отдаетъ лучшія свои силы на борьбу съ самодержавіемъ. Въ этой борьбѣ она идетъ въ ногу съ рабочими. И лучшая часть интелигенціи выражаетъ имъ свое сочувствіе и готовность ихъ поддержать.

Либеральные дворяне и либеральная буржуазія, съ своей стороны, съ нетерпѣніемъ ждутъ развязки и выноса тѣла покойника и заранѣе уже готовятся къ тому, чтобы получить самый лакомый кусокъ при раздѣлѣ самодержавнаго наслѣдства.

Самодержавіе чуетъ свою гибель, и среди вѣрныхъ слугъ его происходитъ явное смятеніе.

Одни кричатъ: сѣчь царскихъ супостатовъ! Это самое вѣрное средство. Покойный Николай I (онъ же Николай Палкинъ) всегда къ нему прибѣгалъ съ успѣхомъ. Вспомните, сколько разъ сѣченый народъ цѣловалъ розгу и благодарилъ своихъ экзекуторовъ.

Другіе кричатъ: вѣшать ихъ, подлецовъ! Царь-освободитель и „незабвенный родитель“ Александръ III сколько ихъ перевѣшали, и что же? Въ концѣ концовъ умиротворили. Недаромъ „незабвенный родитель“ прозванъ миротворцемъ.

Третьи кричатъ: времена не тѣ. Нынче надо обманомъ, хитростью.

Миропомазаный Митрофанушка растерялся, со всѣми соглашается, всѣмъ угождаетъ.

Сразу засвистѣли розги, воздвиглись висѣлицы и открылась эра всенароднаго обмана. Въ то время, какъ на югѣ сѣкутъ народъ и дерутъ съ него военную контрибуцію, въ „первопрестольной“ кн. Сергѣй приглашаетъ народъ на молебенъ въ память освобожденія крестьянъ. Тотъ самый Витте,

который недавно писалъ въ докладной запискѣ, что земство и самодержавіе несовмѣстимы, заявляетъ теперь, что его, дескать, не поняли: онъ въ душѣ либералъ, онъ убѣжденъ, что въ концѣ концовъ самодержавіе неизбѣжно будетъ ограничено. Но повремените, дайте срокъ. Другими словами, дайте мнѣ еще всласть поживиться насчетъ общественнаго пирога.

* * *

Если поближе присмотрѣться къ той ожесточенной свалкѣ, которая происходитъ сейчасъ въ Россіи, то обнаружится, между прочимъ, крайне знаменательное явленіе. Съ кѣмъ ни поговори теперь, у всѣхъ на языкѣ—рабочій. Одни говорятъ: намъ нужна поддержка рабочаго класса. Другіе подступаютъ къ правительству съ робкими либеральными „ходатайствами“, а сами киваютъ на рабочихъ. Онъ имъ нуженъ, какъ пугало. И само правительство ночей не спитъ — все о рабочемъ печется. То усилитъ полицейскіе наряды въ рабочихъ кварталахъ, то набьетъ тюрьмы рабочими; то розгой погладитъ, то желтымъ билетомъ пригрозитъ; а то начнетъ кассы взаимопомощи заводить среди рабочихъ, начнетъ измышлять мѣры къ „урегулированію“ и узаконенію рабочаго движенія.

Смыслъ всего этого совершенно ясенъ: пролетаріатъ сталъ силой въ Россіи!

Постылое самодержавіе издыхаетъ, и, по общему мнѣнію, лишь мускулистый кулакъ рабочаго можетъ нанести ему смертельный ударъ.

Рабочій, конечно, не откажется сослужить эту службу русскому царю. Но для рабочаго этого мало. Не для того онъ пробудился къ свѣту и жизни, чтобы сыграть одну лишь роль тарана, которымъ разбиваютъ стѣну, роль мускулистаго кулака. Ему нужно свалить самодержавіе больше, чѣмъ кому бы то ни было. Но ему это нужно для себя; ему нужно, чтобы онъ вполнѣ могъ использовать ту свободу, за которую онъ проливаетъ кровь.

Теперь проклятый вопросъ для Россіи — вопросъ о низверженіи самодержавія. 40 лѣтъ тому назадъ проклятымъ вопросомъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Теперь пугаломъ для правительства служитъ рабочій; тогда пугаломъ служилъ „мужикъ“. Всѣ со страхомъ ожидали, что вотъ-вотъ „мужикъ“ встряхнется и разорветъ свои цѣпи. Крестьянинъ дѣйствительно волновался и бунтовалъ, но такъ какъ у него не было ни политическаго пониманія, ни политической организаціи, то вопросъ о волѣ рѣшался безъ его непосредственнаго участія; его рѣшали „господа“ за его спиной, и онъ получилъ лишь обглоданную кость.

То же самое можетъ повториться теперь съ рабочими. Сколько разъ пролетаріатъ служилъ уже пушечнымъ мясомъ въ исторіи! Сколько разъ онъ въ Зап. Европѣ проливалъ свою кровь за свободу, а она въ полной мѣрѣ доставалась другимъ, которые не сѣяли, а пожинали. Вотъ о чемъ слѣдуетъ крѣпко подумать всякому русскому рабочему.

Если рабочій дѣйствительно сила, если дѣйствительно отъ него зависитъ теперь судьба самодержавія, то не подобаетъ ему плестись въ хвостѣ за другими; онъ самъ долженъ вести на бой тѣхъ, которые способны воевать и самъ долженъ руководить всѣми военными дѣйствіями. Теперь, какъ и всегда, рабочіе должны твердо помнить слова, сказанныя нѣкогда великимъ учителемъ пролетаріата Карломъ Марксомъ: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса“

Дѣло рабочаго класса не маленькое. Рабочій живетъ не сегодняшнимъ днемъ. Передъ русскимъ рабочимъ ярко свѣтитъ въ дали великая цѣль, къ которой стремится пролетаріатъ всего міра—полное уничтоженіе всякой эксплуатаціи и всякаго угнетенія, осуществленіе соціализма. Вотъ эту цѣль рабочій не долженъ упускать ни на минуту изъ виду при борьбѣ съ самодержавіемъ. Съ самодержавіемъ нужно раздѣлаться такъ, чтобы расчищенъ былъ по возможности болѣе широкій путь соціализму.

Революціи часто не повторяются, и нужно умѣть ковать желѣзо, пока горячо. Многіе готовы бороться съ самодержавіемъ; еще больше число тѣхъ, которые будутъ съ радостью привѣтствовать его паденіе. Но другіе классы при этомъ не имѣютъ въ виду той великой цѣли, къ которой стремится пролетаріатъ и его вѣрные надежные друзья. Напротивъ того, большинство пугается этой цѣли, большинство видитъ въ соціализмѣ вредную и опасную мечту. Но въ такомъ случаѣ ясно, что уже при самомъ низверженіи самодержавія у пролетаріата съ другими участниками революціи произойдетъ жестокая борьба.

Въ предстоящей революціи пролетаріатъ имѣетъ свои особые интересы, которые расходятся съ интересами однихъ, противоположны интересамъ другихъ классовъ.

Никому пролетаріатъ не можетъ довѣрить защиты своихъ интересовъ во время революціи, кромѣ самого себя. И пото-

Борьба шведскаго пролетаріата за избирательное право.

Всеобщая шведская забастовка 1902 г. займетъ важное мѣсто въ исторіи рабочаго и революціоннаго движенія.

Мысль о всеобщей стачкѣ до послѣдняго времени имѣла въ себѣ нѣчто несбыточное. Никакая рабочая партія не была, казалось, столь сильной, чтобы по данному ею сигналу сотни тысячъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, бросили работу, какъ одинъ человѣкъ, и обрекли себя на голодъ. Всеобщая стачка казалась чѣмъ-то весьма и весьма далекимъ.

Шведская соціальдемократія, прошедшая практическую школу профессіональнаго рабочаго движенія, приступила къ дѣлу основательно. Хладнокровные шведы не преувеличиваютъ своихъ силъ, но за то и не бросаютъ дѣла на полпути.

Шведскіе рабочіе, лишенные права участвовать черезъ своихъ выборныхъ въ управленіи страной, не имѣя такъ называемаго избирательнаго права, уже въ 1891 году рѣшили, что всеобщая стачка — единственное средство добиться политической равноправности. Вопросъ этотъ обсуждался потомъ на съѣздахъ соціальдемократической партіи, но изъ области витаній и мечтаній на почву жизненной дѣйствительности онъ перешелъ только въ 1898 г. На профессіональномъ съѣздѣ 1898 г. рабочіе занялись обсужденіемъ подробностей всеобщей забастовки, рѣшали, въ какихъ отрасляхъ труда лучше всего бросить работу, и опредѣляли необходимое число участниковъ.

На скандинавскомъ съѣздѣ рабочихъ въ Копенгагенѣ 1901 г. шведы представили выработанный ими планъ всеобщей забастовки на обсужденіе своихъ датскихъ и норвежскихъ товарищей. Согласно съ этимъ планомъ всеобщая стачка должна была быть объявлена не профессіональными союзами, а политической организаціей. Война объявлялась не фабрикантамъ и заводчикамъ, а правительству и реакціонному парламенту. Профессіональные союзы должны были стоять въ сторонѣ; они не должны были помогать деньгами стачечникамъ, такъ какъ предстоящіе расходы могли въ корень подорвать самыя богатыя кассы. На шведскихъ рабочихъ возлагалась трудная, но и почетная обязанность самимъ промыслить себѣ пропитаніе, извернуться своими средствами во время стачки. Въ цѣляхъ же агитаціи и для защиты противъ мести фабрикантовъ рѣшено было собрать особый стачечный фондъ изъ однодневнаго заработка всѣхъ организованныхъ рабочихъ. Избранное стачечное правленіе должно было заняться устройствомъ собраній и демонстрацій по всей странѣ, чтобы ко времени обсужденія вопроса объ избирательномъ правѣ весною 1902 г. шведскій рабочій былъ вполнѣ готовъ къ своему смѣлому и славному дѣлу. За зиму 1901 -- 1902 года соціальдемократы созвали болѣе 1000 собраній.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство представило, наконецъ, парламенту свой проектъ избирательной реформы. Всякій шведъ получалъ право голоса, но... съ такой массой ограниченій, что все сводилось на нѣтъ.

Народъ окрестилъ это правительственное предложеніе „мошенническимъ проектомъ“. А единственный представитель рабочей партіи въ парламентѣ Брантингъ на огромномъ собраніи въ 10.000 рабочихъ (6 апрѣля 1902 г.) отозвался объ этихъ ограниченіяхъ слѣдующимъ образомъ:

„Весь правительственный проектъ есть насмѣшка надъ справедливыми требованіями народа. Въ Швеціи и безъ того бо́льшій процентъ стариковъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, а правительство хочетъ отрѣзать отъ политическаго вліянія все молодое до 25 л. —это первое ограниченіе. Коварное требованіе точной уплаты податей — второе ограниченіе. Представьте себѣ, что какой-нибудь рабочій долженъ былъ отлучиться изъ города какъ разъ въ день, назначенный для уплаты податей. Если онъ вернется на слѣдующій день и понесетъ свою подать, то ее, конечно, примутъ, но за свою неаккуратность рабочій лишается права голоса на цѣлыхъ 2 года. Отбытая воинская повинность — третье ограниченіе. Оно свидѣтельствуетъ о воинственномъ духѣ правительства. Этимъ ограниченіемъ лишаются права голоса всѣ тѣ честные люди, которые не соглашаются обучаться убивать своихъ ближнихъ. Имѣющіе болѣе 5.000 кронъ ежегоднаго дохода получаютъ соотвѣтственно и бо́льшее число голосовъ — это четвертое ограниченіе. Наконецъ, всякій женатый и достигшій 40 лѣтъ получаетъ 2 голоса — это пятое ограниченіе. Слѣдовало бы въ такомъ случаѣ 55-лѣтнему дать 3 голоса, 70-лѣтнему —4, 85-лѣтнему—5, а 100-лѣтнему старцу и всѣ 6 голосовъ. Нѣтъ, мы не можемъ принять этой лживой реформы, одной рукой дающей, а другой отнимающей. Долой ее!“

Другой ораторъ, анархистъ Беригренъ, далъ вполнѣ оправдавшуюся потомъ характеристику правительственнаго проекта: „Богъ послалъ нашему королю новаго министра юстиціи, умнаго, какъ козелъ, и несовсѣмъ глупаго. Главное его занятіе — составить такой глупый проектъ реформы, что даже самый глупый членъ парламента не можетъ голосовать за него.“

Для протеста противъ этого „мошенническаго проекта“ повсюду были созваны собранія, большинство которыхъ высказалось противъ всякихъ уступокъ и за всеобщее, равное и прямое избирательное право.

Въ воскресенье, 6 апрѣля, стокгольмскіе рабочіе въ числѣ 10.000 устроили вышеупомянутое собраніе на площади Лиль-Янцъ, сдѣлавшейся знаменитой въ исторіи шведскаго рабочаго движенія. Здѣсь, между прочимъ, была высказана надежда, что тѣ 114 соціальдемократическихъ выборныхъ, которые вскорѣ должны были собраться на конгрессѣ въ стокгольмскій Народный Дворецъ, выработаютъ и мѣры, необходимыя для выполненія народной воли.

Въ слѣдующее воскресенье, 13 апрѣля, на той же площади Лиль-Янцъ собралось уже 15.000 человѣкъ. Настроеніе было болѣе повышенное. Собраніе открылось пѣніемъ Марсельезы и „Сыновъ труда“ и съ горячимъ нетерпѣніемъ ждало первыхъ вѣстей отъ заканчивающаго свои тайныя засѣданія конгресса. Наконецъ, показывается первый вѣстникъ, обремененный кипой только-что отпечатанныхъ постановленій съѣзда.

Планъ, выработанный конгрессомъ, превосходенъ по своей простотѣ и естественности. Каждое воскресенье должны устраиваться по всей Швеціи массовыя собранія-демонстраціи. Съ переходомъ проекта на обсужденіе въ парламентскій комитетъ еженедѣльныя собранія превращаются въ ежедневныя. И, наконецъ, когда напряженіе достигаетъ высшей точки и реформа начинаетъ обсуждаться въ самомъ парламентѣ, ежедневныя демонстраціи переходятъ въ полную забастовку, продолжающуюся все время, пока длятся парламентскіе дебаты.

Всеобщая забастовка является такимъ образомъ результатомъ всего предшествующаго. Въ этомъ развитіи нѣтъ скачковъ, одно дѣйствіе вытекаетъ изъ другого и переходитъ въ третье столь же естественно, какъ въ музыкѣ піано черезъ кресчендо переходитъ въ фортиссимо.

Этотъ планъ, вѣрный съ точки зрѣнія агитаціонной психологіи, придалъ много силы всему движенію и помогъ шведскимъ рабочимъ выполнить ихъ задачу.

Одинъ изъ участниковъ конгресса и любимый народный ораторъ, хромой портной Августъ Пальмъ при бурныхъ аплодисментахъ всходитъ на трибуну. „Жребій брошенъ! — говоритъ онъ: — Презрѣніе къ народной волѣ со стороны власть имущихъ привело насъ къ постановленію о всеобщей стачкѣ. Мы подробно обсуждали это рѣшеніе: всеобщая забастовка — самая дѣйствительная мѣра въ настоящее время. Это огонь, который охватитъ нашу страну со всѣхъ концовъ. Не забывайте, что мы выходимъ на борьбу не изъ-за простого права голоса, но за измѣненіе всѣхъ невыносимыхъ условій нашего существованія! Вспомните о всемъ томъ презрѣніи и насиліяхъ противъ нашихъ организацій, о всѣхъ тѣхъ женахъ и дѣтяхъ, которыя были выброшены на зимній холодъ изъ-за того, что ихъ мужья участвовали въ союзахъ! Теперь чаша полна, и мы заставимъ ее перелиться черезъ край“.

Другой ораторъ Тoресонъ подчеркнулъ всю серьезность предстоящей борьбы: „Я заклинаю васъ идти впередъ на свѣтлую борьбу; она можетъ окончиться для того и другого изъ васъ тѣмъ, что онъ будетъ плавать въ своей собственной крови, но отъ этой же борьбы зависитъ и дарованіе странѣ народной конституціи“.

Вмѣсто того, чтобы разойтись, воодушевленное рѣчами собраніе двинулось стройными рядами по самымъ людныымъ улицамъ къ Народному Дворцу. Такимъ образомъ вполнѣ неожиданно произошла первая уличная демонстрація въ Стокгольмѣ. Пѣніе революціонныхъ пѣсенъ смѣнялось криками ура въ честь всеобщей

му онъ теперь уже долженъ стараться взять дѣло революціи въ свои руки. Если онъ этого не сумѣетъ сдѣлать, онъ въ рѣшительный моментъ будетъ преданъ, обманутъ, и то, что онъ потеряетъ въ горячее время, того не наверстаетъ въ десятки лѣтъ борьбы при мирной обстановкѣ.

Но что значитъ: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса“? Самодержавное правительство, буржуазія, дворянство, всѣ тѣ, съ которыми ему приходится и придется прямо бороться или сталкиваться въ борьбѣ, обладаютъ опытомъ, знаніями, организацией. Чтобы осуществить въ борьбѣ свои особые интересы, пролетаріатъ долженъ имъ противопоставить *свой* опытъ, *свое* знаніе, *свою* организацію. А все это не создается въ одинъ день, до всего этого каждый рабочій не можетъ додуматься собственнымъ умомъ. Но, къ счастью, каждому рабочему не приходится теперь начинать съ азовъ и доходить до всего на основаніи собственнаго опыта. Интересы всѣхъ пролетаріевъ одинаковы, и ужъ вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ ведется въ Европѣ освободительная борьба пролетаріата. За это время соціалистическая интелигенція, преданная пролетаріату и отчасти сама вышедшая изъ его рядовъ, плоть отъ его плоти, пользуясь знаніемъ настоящаго вѣка и опытомъ пролетарской борьбы, успѣла выработать соціалистическую науку, освѣщающую жизнь съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, науку, отличную отъ буржуазной. Въ полувѣковой организованной борьбѣ европейскаго пролетаріата успѣли выработаться особые пріемы политической борьбы. На основаніи этого опыта, этого знанія и этихъ испытанныхъ пріемовъ борьбы, приспособленныхъ къ интересамъ пролетаріата, сложились во всемъ мірѣ соціальдемократическія рабочія партіи, и такая же партія существуетъ у насъ въ Россіи. Соціальдемократическая партія отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что она служитъ интересамъ только пролетаріата, не отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ, а всего рабочаго класса въ цѣломъ, не однимъ только мимолетнымъ, преходящимъ интересамъ рабочаго класса, а прежде всего и больше всего великой конечной цѣли пролетарской борьбы — соціализму, въ осуществленіи котораго заинтересовано все угнетенное человѣчество. Только эта партія способна руководить освободительной борьбой рабочаго класса, только она способна будетъ руководить пролетаріатомъ въ моментъ предстоящей революціи.

Мы переживаемъ теперь тревожное время ломки политическаго строя Россіи. Въ умахъ рабочихъ бродятъ тысячи вопросовъ. Рабочіе рвутся на борьбу. То и дѣло у нихъ возникаютъ новые кружки и организаціи. Разныя партіи и общественныя силы стараются перетянуть ихъ на свою сторону. Теперь больше чѣмъ когда-либо рабочимъ нужно сплотиться подъ *собственнымъ* знаменемъ.

Собирайтесь же подъ красное знамя Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи! Читайте ея листки и изданія, отзывайтесь на ея прокламаціи, примыкайте къ ея организаціямъ! Спѣшите, потому что рабочимъ предстоитъ выполнить великую работу, и каждый, кому дорога судьба рабочаго класса и судьба своей родины, долженъ въ такое тревожное время быть на своемъ посту.

Какъ они изворачиваются!

„Вы не можете себѣ представить, до какой степени этотъ чертовскій человѣкъ, казалось бы, такой умный и практичный, помѣшанъ на покровительствѣ труду и своимъ милѣйшимъ русскимъ рабочимъ“.

Читатель, навѣрное, не догадается, о комъ тутъ идетъ рѣчь. Это московскій фабрикантъ-французъ жалуется на министра финансовъ Витте. Мы такихъ грѣховъ за Витте что-то не знали. Но, оказывается, французъ правъ. Улика на лицо.

Недавно соціалисты опубликовали секретную записку министра о стачкахъ и рабочихъ союзахъ *). Въ ней онъ излагаетъ свои мысли съ такой откровенностью, съ какой никогда не рѣшился бы выступить публично. Такъ, онъ чистосердечно признается, что рабочіе въ Россіи поставлены въ „исключительное положеніе *вслѣдствіе особаго (несправедливаго) къ нимъ отношенія закона и высшихъ правительственныхъ властей*, и что такая исключительность едвали можетъ быть чѣмъ-нибудь оправдана“. Это говоритъ келейно тотъ самый Витте, который въ глаза увѣряетъ рабочихъ, что „законъ одинаково ограждаетъ справедливые интересы какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ“. Горькую правду таить про себя, а вслухъ проповѣдовать завѣдомую ложь — обычный пріемъ порядочнаго русскаго министра.

Что у Витте на языкѣ — давно всѣмъ извѣстно. Что у него на умѣ — для народа тайна: туда „постороннимъ входъ воспрещается“. Но нескромные соціалисты проникли и въ это „святая святыхъ“ и вынесли на свѣтъ божій „министерскія“ мысли.

Вчера еще всѣ отношенія Витте къ рабочему движенію укладывались въ несложное правило Мымрецова: „тащить и не пущать“. Тащить стачечниковъ на работу, тащить непокорныхъ въ тюрьму и ссылку. Не пускать рабочихъ на собранія, въ кружки и союзы, не пускать ихъ къ свѣту, къ лучшей жизни. Опытъ, однако, убѣдилъ Витте, что исключительно этимъ правиломъ руководиться нельзя, что оно часто приноситъ одинъ только вредъ. Правительство надѣялось палкой вколотить въ рабочихъ любовь къ себѣ. Но къ досадѣ Витте оказалось, что „преслѣдованія поселяютъ въ средѣ рабочихъ озлобленіе, порождаютъ въ нихъ прочное убѣжденіе въ несправедливомъ отношеніи къ нимъ закона, создаютъ *благопріятную почву для распространенія противоправительственныхъ ученій.*“

Насилія правительства надъ стачечниками числа стачекъ не уменьшаютъ. Даже наоборотъ. „Если бы существовало болѣе спокойное отношеніе къ стачкамъ, легче было бы выяснить истинныя причины ихъ и принять мѣры къ миролюбивому соглашенію“. Правда часто бываетъ на сторонѣ стачечниковъ. „Крайне трудно допустить, чтобы рабочіе рѣшились на стачку безъ достаточныхъ къ тому поводовъ“.

Полиція разгоняетъ рабочія собранія и арестуетъ ихъ участниковъ. Но, „несмотря на запрещенія, рабочимъ все таки необходимо собираться вмѣстѣ, чтобы перетолковать о своихъ дѣлахъ, что они и дѣлаютъ, но дѣлаютъ тайно, въ укромныхъ мѣстахъ фабрики, на открытомъ воздухѣ, *внѣ надзора*. Сходки эти происходятъ въ ограниченномъ составѣ, притомъ *весьма часто при участіи совершенно нежелательныхъ, неблагонадежныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои политическія цѣли*, сбивающихъ рабочихъ съ правильнаго пути и наносящихъ этимъ большой, трудно поправимый вредъ“.

Полиція преслѣдуетъ рабочихъ за устройство кассъ, союзовъ и кружковъ. И всетаки „въ средѣ рабочихъ существуютъ *тайные* кружки съ цѣлью распространенія противоправительственныхъ ученій. Но *будь у рабочихъ своя собственная, а не прячущаяся по угламъ, организація*, едвали дѣятельность этихъ кружковъ имѣла бы успѣхъ“.

Бѣдный Витте! Какой черной неблагодарностью отплачиваютъ ему рабочіе за всѣ его старанія наставить ихъ на правильный путь. Но онъ все еще не теряетъ надежды на успѣхъ. Не удалось взять ихъ мытьемъ, такъ удастся катаньемъ. Витте пробуетъ подсластить удары нагайки грошовымъ леденцомъ.

Онъ предлагаетъ, во-первыхъ, отмѣнить „несправедливыя“ наказанія за досрочный отказъ отъ работы и за стачку.“

Во вторыхъ, Витте предлагаетъ разрѣшить рабочимъ стачки, союзы для взаимопомощи и самообразованія и фабрично-заводскія собранія.

Итакъ, Витте предлагаетъ ввести въ Россіи свободу стачекъ, союзовъ и собраній. Поосторожнѣе, г. Витте, какъ бы не услышалъ васъ вашъ сослуживецъ Плеве и не пригласилъ бы васъ перебраться изъ покойнаго министерскаго кабинета въ сибирскія тундры. Но Витте не запугаешь. Онъ смѣло и увѣренно идетъ впередъ.

Взамѣнъ исключительнаго несправедливаго закона, запрещающаго стачки, онъ предлагаетъ другой такой же несправедливый — онъ хочетъ установить наказаніе за „*насилія, угрозы и обезславленія*“ во время стачки. И насилія, и угрозы, и обезславленія можно найти при желаніи даже въ самой мирной стачкѣ. Рабочіе останавливаютъ въ воротахъ идущихъ на работу — они совершаютъ насиліе. Стачечникъ уговариваетъ товарища примкнуть къ стачкѣ — онъ ему „угрожаетъ“. Стачечникъ пристыдилъ штрейкбрехера или только выразительно взглянулъ на него — онъ совершилъ „обезславленіе“. Вся свобода стачекъ сводится только къ измѣненію № и текста статьи закона. Въ положеніи же стачечниковъ никакихъ перемѣнъ не произойдетъ. Въ случаѣ, же если бы новый законъ почему либо оказался неудобнымъ, то вѣдь всегда есть возможность втихомолку отмѣнить его какимъ-нибудь циркуляромъ: вспомните хоть исторію съ закономъ о рабочемъ днѣ, который Витте началъ нарушать и отмѣнять чуть не на слѣдующій день послѣ его изданія. А чего не сдѣлаетъ Витте, то докончитъ за него Плеве, подтвердивъ по полиціи строгій приказъ о преслѣдованіяхъ, арестахъ и высылкахъ стачечниковъ.

*) См. нелегальную брошюру: „Самодержавіе и стачки“. Мы настойчиво совѣтуемъ читателямъ поближе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ документомъ.

стачки и изрѣдка угрожающими возгласами: „Къ королевскому замку!“ Полиція произвела нѣсколько арестовъ.

„Итакъ, уже сегодня — писалъ на слѣдующій день Брантингъ — мы можемъ крикнуть массамъ новый лозунгъ: полный ходъ впередъ!“

Выполняя программу, съѣздъ назначилъ первую всеобщую демонстрацію на воскресенье 20 апрѣля.

Демонстраціи вездѣ прошли спокойно за исключеніемъ Стокгольма, гдѣ потерявшее голову начальство вызвало небывалое въ Швеціи уличное избіеніе. Собраніе происходило на той же площади Лиль-Янцъ и доходило до 25.000 чел. Послѣ ряда горячихъ рѣчей толпа при крикахъ: „впередъ на уличную демонстрацію“ двинулась къ Народному Дворцу. Сначала все шло мирно, но вблизи королевскаго замка на толпу свирѣпо набросились конные полицейскіе съ обнаженными саблями, а шпіоны своими дубинками начали обрабатывать мирныхъ демонстрантовъ. Шляпы, калоши, палки замелькали въ воздухѣ, сабли засверкали на солнцѣ, изступленные крики, брань, окровавленныя лица — все это настолько напоминало наши русскія сцены, что дальше описывать ихъ не имѣетъ смысла. Потерявъ въ этой западнѣ до 100 раненыхъ и арестованныхъ, толпа, наконецъ, достигла Народнаго Дворца. Полиція и здѣсь продолжала свои насилія, пока толпа не разошлась, слѣдуя увѣщаніямъ своихъ вождей.

Но долго еще Стокгольмъ не могъ успокоиться въ эту ночь. На смѣну взрослымъ демонстрантамъ явились подростки, занявшіе площадь передъ Народнымъ Дворцомъ, и забавлялись надъ полиціей, угощая ее кошачьими концертами. Полиція, арестовывая мальчишекъ, сама поддерживала воодушевленіе, и еще въ 2 часа ночи, какъ сообщаетъ одна телеграмма, у Народнаго Дворца стояло 20 полицейскихъ и 4 демонстранта.

На слѣдующій день правленіе партіи обратилось къ рабочимъ, убѣждая ихъ не помогать полиціи, которая, очевидно, хочетъ вызвать безпорядки и заглушить движеніе: „Рабочіе, вашъ гнѣвъ вполнѣ справедливъ. Но не позволяйте раздражать себя! Тихо и спокойно ведите себя эти дни, чтобы еще большими массами выступить въ слѣдующее воскресенье!“

Поведеніе полиціи вызвало противъ себя бурю негодованія какъ въ обществѣ, такъ и у многихъ членовъ парламента, гдѣ 73 человѣка голосовало за судъ надъ полиціей (131 депутатъ были противъ).

Общественное мнѣніе заставило правительство быть благоразумнѣе, и въ воскресенье, 27 апрѣля, стокгольмцы уже въ числѣ 30.000 тихо и спокойно прошли по улицамъ города. Главный зачинщикъ безпорядка — полиція совершенно отсутствовала, передавъ по соглашенію съ рабочими наблюденіе за порядкомъ 300 выбраннымъ для этого рабочимъ. Вездѣ царило полное спокойствіе.

Слѣдующая демонстрація назначена была на воскресенье, 11 мая, когда парламентскій комитетъ долженъ былъ начать обсужденіе проекта реформы. Участіе въ шествіи на этотъ разъ было еще больше. На улицахъ Стокгольма двигалось до 100.000 человѣкъ, и нѣтъ сомнѣнія, что это была самая большая демонстрація во всей Скандинавіи. Рабочіе, шедшіе на этотъ разъ съ музыкой и развѣвающимися знаменами, проходили мимо Народнаго Дворца въ продолженіе полутора часа.

13 и 14 мая были устроены во всей Швеціи вечернія собранія рабочихъ для обсужденія правительственнаго проекта и для принятія послѣднихъ мѣръ къ забастовкѣ.

Наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что реформа будетъ обсуждаться въ парламентѣ съ 15 мая. Правленіе рабочей партіи оповѣстило немедленно всю страну объ этомъ: „Впередъ, всѣ сыны труда, мужчины и женщины! Впередъ за всеобщее избирательное право! Съ завтрашняго дня начинается забастовка!“

Шведская столица имѣла наканунѣ стачки очень нервный, тревожный видъ. Повсюду — въ конкахъ, кофейняхъ, вездѣ, гдѣ только сходилось двое, велась бесѣда о предстоящей забастовкѣ. Воздухъ былъ насыщенъ духомъ безпокойства и недовольства, всѣ самыя обыденныя происшествія получали иную окраску и какъ бы новую жизнь. Вотъ куда-то мчатся доверху нагруженныя телѣги — это купцы спѣшатъ съ доставкой своихъ товаровъ до остановки работъ. Повозки съ цѣлой горой пивныхъ бочекъ и бутылокъ тарахтятъ по всѣмъ направленіямъ: это пивоварные рабочіе объявили о своемъ присоединеніи къ стачкѣ. Посыльные и прислуга возвращаются съ базара, сгибаясь подъ тяжестью корзинъ, съ запасами на нѣсколько дней. Вотъ длинный рядъ женщинъ съ ведрами, графинами, кувшинами стоитъ у водопровода, спѣша запастись водой: это разнесся слухъ, что водопроводные рабочіе тоже стакнулись. А вотъ вооруженные полицейскіе оцѣпливаютъ часть города, прилегающую къ королевскому замку и парламенту: это правительство боится, чтобы рабочіе не разнесли ненавистныхъ имъ зданій.

И подумать только, что всю эту суматоху вызвала лишь „пробная демонстрація“, какъ сами шведы отзываются о своей забастовкѣ.

Что же сдѣлаетъ настоящая всеобщая забастовка?

Наконецъ, наступило 15 мая. Работы остановились во всей Швеціи. Болѣе *120.000* стачечниковъ отказали въ своемъ трудѣ тому обществу, которое не даетъ рабочимъ, этой настоящей соли земли, участія въ изданіи законовъ, въ управленіи страной. Вездѣ тихое, торжественное, праздничное настроеніе. Какъ зачарованныя, стоятъ фабричныя и заводскія трубы: ни дыма, ни шума, ни грохота, ни одного гудка. На улицахъ не слышно ни пронзительныхъ звонковъ конокъ, ни стука колесъ о мостовую, ни топота лошадиныхъ копытъ. За то вездѣ празднично одѣтые рабочіе и работницы, вездѣ батальоны закаленныхъ сыновъ труда, марширующіе стройными рядами подъ красными знаменами.

Но особенно много людей возлѣ Народнаго Дворца въ Стокгольмѣ. Всѣ прилегающія къ Дому улицы и огромная площадь передъ нимъ представляютъ одно сплошное людское море. Въ самомъ Домѣ всѣ залы, лѣстницы, балконы, дворъ биткомъ набиты людьми. Все зданіе — какъ бы одно думающее и чувствующее живое существо. Тутъ голова и душа всего стачечнаго движенія. Тутъ настоящее правительство Швеціи въ эти дни общей забастовки.

Пробывъ немного въ комнатѣ, гдѣ засѣдаетъ стачечное правленіе, лучше всего убѣждаешься въ томъ, какъ необходимы рабочіе для существованія общества. Вотъ посланные отъ рабочихъ большого сахарнаго завода съ просьбой разрѣшить тремъ изъ нихъ остаться на заводѣ, чтобы работа могла начаться сейчасъ же послѣ конца стачки. Вотъ является какой-то фабрикантъ и проситъ о томъ же. Вотъ въ телефонъ звонитъ хозяинъ бумажной фабрики и спрашиваетъ согласія на то, чтобы 10 человѣкъ изъ 500 не бросали работы. Вотъ опять рабочіе, спрашивающіе совѣта, какъ имъ быть со своимъ фабрикантомъ, угрожающимъ расчетомъ всѣмъ забастовавшимъ. Вотъ приходитъ телеграмма, что къ такомъ-то городѣ забастовало 13.000 рабочихъ, въ такомъ то — 5.000 и т. д. Вотъ представители отъ почтальоновъ съ предложеніемъ бросить работу, вотъ желѣзнодорожные служащіе съ тѣмъ же. Вотъ водопроводные и газовые рабочіе, коночники, типографы, извозчики, грузчики, телеграфисты и даже „театральные рабочіе“, о существованіи которыхъ до сихъ поръ никто и не зналъ. Вотъ въ телефонъ раздается голосъ тяжко больного радикальнаго депутата Гедина:

— Прошу дать извозчика.

— Нельзя достать ни одного, всѣ извозчики бросили работу.

— Но мнѣ нужно въ парламентъ...

— Сожалѣемъ, но...

— Поймите же, что я долженъ тамъ быть при обсужденіи такого важнаго вопроса. Сдѣлайте исключеніе.

— Исключеніе дѣлается только для похоронъ.

— Отлично! Давайте похоронныя дроги! Вѣдь я ѣду на погребеніе правительства.

Нечего и говорить, что его желаніе исполняется.

Теперь спустимся во дворъ. Тутъ рѣчи, пѣніе, крики ура, потрясающіе стѣны массивнаго зданія, и толпа... толпа, жадно слушающая всѣ новости, за невыходомъ газетъ передающіяся изъ устъ въ уста. Вотъ съ балкона раздается радостная вѣсть: тысячная толпа работницъ на ткацкой фабрикѣ въ Мальмё, запертая на фабрикѣ хозяиномъ, выломала ворота, смяла полицію и примкнула къ своимъ товарищамъ.

Такая всеобщая забастовка продолжалась 3 дня. Въ это время въ парламентѣ велись оживленныя пренія по поводу избирательной реформы. Окруживъ парламентъ непрерывной цѣпью городовыхъ, полиція думала отрѣзать депутатовъ отъ народнаго вліянія. Напрасно! Уже въ первый день среди самыхъ горячихъ споровъ электрическій свѣтъ вдругъ погасъ, и смущенные депутаты спѣшили при тускломъ свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей (запасъ ихъ также истощался!) похоронить ненавистный народу проектъ со всѣми его ограниченіями.

Но къ чему же тогда весь этотъ шумъ? А вотъ къ чему. Вмѣшательство полиціи въ стачки становится все назойливѣе. Оно стѣсняетъ и озлобляетъ не только рабочихъ, но и хозяевъ: полиція то запрещаетъ дѣлать уступки забастовщикамъ, то, напротивъ, заставляетъ насильно исполнять требованія рабочихъ, чтобы предупредить иля въ началѣ прекратить стачку. Хозяева возроптали. Ихъ ангелъ-хранитель Витте поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Его *новый законъ долженъ оградить, насколько только возможно, хозяевъ отъ непрошеннаго полицейскаго вмѣшательства въ стачки.* Для вмѣшательства же полиціи по приглашенію хозяевъ онъ оставляетъ полный просторъ.

Выходитъ, что разрѣшеніе стачекъ рабочимъ предлагается лишь для успокоенія фабрикантовъ. Ну, да что за счеты! Вѣдь „въ нашей промышленности преобладаетъ патріархальный складъ отношеній между хозяиномъ и рабочими", царятъ „ладъ, согласіе, простота и справедливость!" И зачѣмъ только Витте выкинулъ эти золотыя слова изъ новаго изданія своего стараго секретнаго циркуляра!

Еще лучше обстоитъ дѣло съ союзами. Рабочимъ нужны боевые сплоченные союзы для защиты профессіональныхъ и политическихъ интересовъ, для борьбы за уничтоженіе экономическаго и политическаго гнета. Имъ нужна полная свобода дѣйствій внутри этихъ союзовъ. А что же предлагаетъ имъ Витте? Кассы взаимопомощи, которыя „не затрагивали бы нисколько интересовъ работодателей и *не имѣли бы права вмѣшиваться въ отношенія между хозяевами и рабочими.*" Все въ этихъ союзахъ должно быть чинно и благородно. А ну, какъ рабочіе не захотятъ вступать въ эти пансіоны благородныхъ дѣвицъ. А начальство-то на что? Не пойдетъ рабочій по доброй волѣ, такъ потащутъ его въ союзъ силою. Витте предлагаетъ сдѣлать кассы *обязательными*, чтобы въ нихъ участвовали всѣ рабочіе *поголовно* — и тѣ, которые способны и готовы постоять за себя и товарищей, и трусы, негодяи и предатели. А вдругъ — спаси богъ — въ этихъ союзахъ заведется крамола? И отъ этой бѣды имѣются въ запасѣ средства — казенный „нормальный" уставъ и усиленный надзоръ фабричныхъ инспекторовъ и полиціи. Эти *„крѣпостные"* рабочіе союзы будутъ, пожалуй, еще почище тѣхъ, которыми въ прошломъ году правительство наградило студентовъ и отъ которыхъ тѣ съ презрѣніемъ отвернулись.

Рабочій жадно ищетъ знаній. Что же, дѣло это хорошее, только надо за него браться съ умомъ, а то начитается рабочій запрещенныхъ книжекъ и начнетъ мечтать о себѣ ни вѣсть что, вообразитъ себя, пожалуй, еще соціалистомъ. Надо оберечь его отъ этой заразы — перетянуть изъ тайныхъ кружковъ въ разрѣшенныя общества самообразованія съ казеннымъ уставомъ и подъ полицейскимъ надзоромъ. Тамъ научатъ его „механическому" чтенію такъ, чтобы онъ, точно Гоголевскій Петрушка, не понималъ того, что читаетъ. Тамъ профессора Озеровы будутъ бесѣдовать съ нимъ о полицейскихъ рабочихъ союзахъ, священники проповѣдовать терпѣніе и покорность, жандармы объяснять цѣлительную силу царской нагайки. Чего же еще рабочему нужно?

Новая секретная записка Витте, какъ вы видите, есть изворотливый обманъ. Но изворачиваться правительство заставляетъ только сила рабочихъ, страхъ передъ рабочимъ движеніемъ. Въ этомъ смыслѣ рабочіе могутъ себя поздравить съ новой крупной побѣдой надъ правительствомъ. Они заставили его еще разъ расписаться въ томъ, что оно ихъ боится. Нравственное значеніе этой побѣды очень велико, и сознательные рабочіе должны самымъ широкимъ образомъ использовать ее: они должны объяснять своимъ болѣе довѣрчивымъ товарищамъ тѣ причины, которыя побудили Витте на этотъ шагъ, и тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ. Они должны сорвать съ лицемѣра министра надѣтую имъ маску благодѣтеля рабочихъ. Витте хочетъ узаконить рабочее движеніе, чтобы обезсилить и сломить его. Но это ему не удастся. Рабочаго движенія не втиснуть въ тѣсныя рамки полицейскихъ порядковъ. Оно было и должно остаться у насъ нелегальнымъ. Правительственные союзы не уничтожатъ нелегальныхъ рабочихъ организацій. Только въ нихъ, внѣ полицейскаго надзора, при участіи и подъ вліяніемъ неблагонадежныхъ соціалистовъ — можетъ и будетъ развиваться рабочее движеніе. Въ нихъ — жизнь, борьба и залогъ лучшаго будущаго.

А потому нашъ отвѣтъ разнымъ Зубатовымъ и Витте можетъ быть только одинъ.

Намъ не нужно узаконеннаго (легальнаго) рабочаго движенія въ душной атмосферѣ полицейскаго произвола. Наше движеніе нуждается въ просторѣ и свѣжемъ воздухѣ. Намъ не нужны рабочія организаціи подъ вашимъ руководствомъ. Намъ нужны организаціи для борьбы съ вами!

---

68 голосовъ высказалось за предложеніе вождя рабочихъ Брантинга о всеобщемъ равномъ избирательномъ правѣ, тогда какъ 3 года тому назадъ за него осмѣлились высказаться только 36 депутатовъ. Огромнымъ большинствомъ былъ проваленъ правительственный проектъ, и 117 голосами противъ 107 было постановлено: „требовать отъ правительства составленія новаго проекта избирательной реформы, но уже на основаніи всеобщаго права голоса и съ пропорціональными выборами".

Телеграмма правленія соціальдемократической партіи: „Забастовка прекращается сегодня, въ субботу 17 мая, въ 6 час. вечера". оповѣстила всю Швецію, что въ борьбѣ за всеобщее избирательное право наступилъ новый періодъ.

„Благодаря нашей забастовкѣ и демонстраціямъ — пишетъ главная газета шведскихъ рабочихъ — вся Швеція охвачена роемъ мыслей, прежде ей совершенно чуждыхъ, мыслей о возрожденіи, о блестящемъ будущемъ, о высшей политической свободѣ и богатой гражданской жизни. Теперь никто не сомнѣвается, какая партія борется самымъ честнымъ образомъ за жизненные вопросы народа. Но намъ нельзя останавливаться на этой нравственной побѣдѣ. Наша борьба откликнулась сильнымъ эхомъ въ палатѣ депутатовъ. Но главное дѣло еще остается. Рабочіе должны зорко смотрѣть, чтобы правительство опять не смошенничало. На осеннихъ выборахъ въ парламентъ намъ предстоитъ еще разъ помѣряться силами съ противниками расширенія народныхъ правъ и, если понадобится, то вступить въ настоящую серьезную борьбу, а не только въ пробную демонстрацію".

Такъ какъ всеобщая забастовка была направлена не противъ хозяевъ, а исключительно противъ правительства и парламента, то и случаевъ расчета рабочихъ за стачку было сравнительно мало. Расходы по содержанію оставшихся безъ мѣста, веденіе отдѣльныхъ стачекъ противъ упорныхъ хозяевъ, отказывавшихся вновь принять старыхъ рабочихъ, расходы по защитѣ и помощи арестованныхъ въ демонстраціяхъ (во время забастовки не было произведено ни одного ареста!) — все это было покрыто изъ фонда всеобщей стачки. Фондъ этотъ, составленный изъ однодневнаго заработка рабочихъ и частныхъ пожертвованій (одно пожертвованіе въ 20 рублей пришло даже изъ Монголіи!), достигалъ 89.000 кронъ *), изъ которыхъ истрачено было 79.000.

Кромѣ упрямыхъ хозяевъ были, конечно, и сочувствовавшіе рабочимъ. Такъ, многіе фабриканты (особенно изъ мелкихъ) дѣлали взносы въ стачечный фондъ; одинъ роздалъ всѣмъ своимъ рабочимъ по 50 кронъ; другой встрѣтилъ своихъ рабочихъ накрытымъ столомъ съ закуской и выпивкой.

Намъ остается еще разсмотрѣть послѣднія событія въ этой политической борьбѣ за избирательное право, результатъ осеннихъ выборовъ въ парламентъ.

Всеобщая забастовка разбудила массы, и она же главная причина тому, что друзья избирательной реформы („лѣвая") одержала на выборахъ блестящую побѣду надъ противниками („правой").

Лѣвая получила 121 депутата, а правая всего 107, въ то время какъ въ прежнемъ парламентѣ отношеніе было почти обратное. Избиратели высказали ясно, что они одобряютъ всеобщую забастовку и порицаютъ правительство, выбравъ отъ Стокгольма тѣхъ 20 депутатовъ, которые весною требовали суда надъ полиціей за ея безчинства.

Но для рабочихъ важнѣе избраніе 4 соціальдемократическихъ депутатовъ.

Редакторъ соціалистической газеты Брантингъ выбранъ въ Стокгольмѣ, каменьщикъ Перссонъ — въ Мальмё, желѣзодѣлательный рабочій Ларсонъ — на западѣ и сапожникъ Торсонъ на югѣ Швеціи.

На выборахъ рабочіе получили достойную награду за ту послѣдовательную и упорную борьбу, которую они вели этой весной. Въ томъ парламентѣ, который въ серьезъ долженъ взять на себя разсмотрѣніе избирательной реформы, впервые въ шведской исторіи будутъ засѣдать нѣсколько представителей рабочей партіи. Ихъ еще немного — всего 4 человѣка, но эта первая побѣда — залогъ того, что въ скоромъ будущемъ всѣ шведы получатъ право управлять своей страной.

*) Крона равна приблизительно 50 копѣйкамъ.

Долой же легализацію! Да здравствуетъ нелегальное революціонное соціальдемократическое рабочее движеніе!

КОНКУРЕНЦІЯ.

Зубатовъ пригласилъ въ Москвѣ въ трактиръ Тѣстова нѣсколько десятковъ фабрикантовъ и произнесъ передъ ними, при закрытыхъ дверяхъ. рѣчь. которую мы помѣщаемъ здѣсь въ извлеченіи *).

Вслѣдствіе... неправильной постановки школъ..., руководимыхъ неблагонадежными учителями..., вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго направленія печати..., рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрятъ на представителей торгово-промышленнаго сословія, говоря вообще, какъ на „мошенниковъ".

Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своихъ законныхъ правъ только въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи г. московскаго оберъ-полиціймейстера, которое, сознавая всю трудность положенія этого сословія, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ представителя капитала, со стороны „рабочаго класса" и интеллигенціи. Но, къ великому сожалѣнію, само это сословіе, не будучи посвящено во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики охраннаго отдѣленія, не только не сочувствуетъ его предначертаніямъ, но даже, повидимому, противодѣйствуетъ имъ.

Нынѣ законъ возлагаетъ охрану законныхъ правъ хозяевъ и рабочихъ на фабричную инспекцію, но это учрежденіе, по мнѣнію охраннаго отдѣленія, оказалось безсильнымъ въ своей области, потерявъ въ глазахъ рабочихъ всякое довѣріе. И именно поэтому охранное отдѣленіе, въ видахъ соображеній государственной важности, не только рѣшилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекціи, кои обнимаютъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ, но и почти склонно поставить на самомъ этомъ учрежденіи, какъ на анахронизмѣ, крестъ.

Возлагая на себя бремя этихъ обязанностей, охранное отдѣленіе... приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы проникнуть въ глубину глубинъ особенностей фабрично-заводскаго быта, и по изслѣдованіи ихъ оно пришло къ непоколебимому убѣжденію, что единственнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить погромы капиталовъ и частной собственности..., является расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ, какъ на этомъ настаиваетъ г. министръ финансовъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, внѣзаконномъ, нелегальномъ.

Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, вопреки ст. 119 Устава о предупрежденіи и т. д., должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ... Общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами, массами.

Дабы утвердить это обоюдополезное для хозяевъ и рабочихъ учрежденіе, дабы грядущія событія не застали врасплохъ, охранное отдѣленіе озаботилось не только отысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ, даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ, но и устройствомъ, такъ сказать, питомника для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми искусными въ этой области. Всѣ сіи учителя и воспитатели получаютъ приличное вознагражденіе въ видѣ жалованія, харчевыхъ, проѣздныхъ, наградныхъ.

Средства для поддержанія сего учрежденія доставляются обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическихъ мастерскихъ... Кромѣ того, поступаютъ пожертвованія отъ высокопоставленныхъ особъ, „интеллигенціи", духовенства и разныхъ лицъ.

Дабы рабочіе могли объяснить себѣ возможно основательнѣе свои права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, охранное отдѣленіе открыло лекціи, привлекши къ этому дѣлу его высокопреосвященство московскаго митрополита...

Въ видѣ перваго опыта, такъ сказать, генеральной репетиціи, управленія народными громадами, былъ произведенъ 19 февраля начальникомъ охраннаго отдѣленія сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ московской губерніи безъ различія сословій къ памятнику царя-освободителя, гдѣ выборные возложили вѣнокъ. Этотъ внезапный сборъ 50.000-й толпы, произведенный вопреки закона о рабочемъ времени, вызвалъ восторженное умиленіе его императорскаго высочества...

Благодаря таковымъ порядкамъ, Москва избавлена была нынѣшнею весною и лѣтомъ отъ многихъ приготовлявшихся безпорядковъ..., тогда какъ въ Петербургѣ бе порядки почти не прекращаются въ теченіе всего лѣта.

Предпочтеніе внѣзаконному пути проведенія въ жизнь новыхъ условій бытія фабричнаго рабочаго, а не законодательному, дано по соображеніямъ высокой государственной важности, на основаніи коихъ можетъ дѣйствовать пока только г. московскій оберъ-полиціймейстеръ...

Охранное отдѣленіе уже успѣло въ короткій срокъ снискать искреннѣйшее довѣріе къ себѣ рабочихъ...

Представителямъ торгово-промышленнаго сословія, при существующемъ положеніи вещей, остается лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звеньями которой являются „рабочій классъ", интеллигенція и духовенство, сплотившіеся около обожаемаго августѣйшаго хозяина столицы, его императорскаго высочества великаго князя Сергія Александровича, и такимъ образомъ облегчить въ значительной степени нелегкую задачу проведенія въ жизнь не только Москвы и московской губерніи, но и всей Россіи, хотя и внѣзаконнаго, но единственно спасительнаго порядка взаимоотношеній между хозяевами и рабочими.

Судя по изложенію этой рѣчи Зубатова, фабрикантъ, который ее записалъ и опубликовалъ, видно, хорошо раскусилъ „соображенія высокой государственной важности", которыми руководится Зубатовъ. Оберъ-сыщику изъ охраннаго отдѣленія Зубатову спать не даютъ лавры и окладъ жалованья оберъ-плута изъ министерства финансовъ Витте. Они на перебой „спасаютъ отечество", на перебой дурачатъ рабочихъ и умасливаютъ фабрикантовъ. Каждое „вѣдомство" пользуется для этой благородной цѣли средствами, находящимися въ распоряженіи этого вѣдомства.

Сыщикъ проповѣдуетъ „полицейскій произволъ" для отмѣны законовъ, а министръ изобрѣтаетъ „законы" для прочнаго водворенія полицейскаго произвола.

Московскіе фабриканты, твердо знающіе правило — не обманешь — не продашь, насквозь видятъ и Витте и Зубатова и смѣются надъ ними въ кулакъ. А московскіе рабочіе несутъ свои гроши въ охранное отдѣленіе и молятся за царя-освободителя по приглашенію сыщиковъ. **Позоръ!**

*) Рѣчь цѣликомъ напечатана въ № 8 заграничной газеты „Освобожденіе".

Совѣтъ русскому правительству.

Витте и Зубатовъ все думаютъ о томъ, какъ бы „полицейскимъ способомъ" рѣшить рабочій вопросъ, который столько хлопотъ надѣлалъ правительству, и ничего они придумать не могутъ.

А между тѣмъ задача эта была уже недавно блестяще рѣшена въ одномъ южно-американскомъ государствѣ, въ Никарагуа.

Сообщаемъ это рѣшеніе, въ надеждѣ, что мудрое русское правительство приметъ его къ свѣдѣнію и соображенію.

Новый законъ, изданный въ Никарагуа, объявляетъ, что всякій, у кого нѣтъ собственности на 200 рублей, причисляется къ рабочему классу. Всякій, причисленный закономъ къ рабочему классу, обязывается имѣть своего хозяина. Рабочій, не имѣющій хозяина, проще говоря, безработный арестуется полиціей и содержится въ тюрьмѣ въ теченіе 20 дней. Послѣ этого срока рабочаго гоняютъ на какую-либо общественную работу, предпринимаемую на счетъ правительства, покуда какой-нибудь хозяинъ частнаго промышленнаго заведенія не возьметъ къ себѣ рабочаго *изъ милости.*

Вотъ какъ самодержавное правительство могло бы рѣшить рабочій вопросъ. При такомъ законѣ прекратилась бы безработица, прекратились бы стачки, рабочія волненія и т. п., и на землѣ водворился бы рай — полицейскій рай.

ЦАРСКІЯ РѢЧИ.

Въ 11 № Революціонной Россіи напечатано письмо вѣрноподданнаго матроса „о тяжкомъ положеніи бѣднаго государя". „Жизнь его хуже нашего. Государь все опасается и больше сидитъ въ своемъ зимнемъ дворцѣ, все одно что арестованный. Только и развлеченіе — играетъ съ своими собаками. Они на него такъ и прыгаютъ, и бѣгаетъ съ ними по саду, а то бѣгаетъ по крышѣ или играетъ съ братомъ въ лапту".

Не въ первый разъ на русскомъ престолѣ такой „великій" государь: въ 16 вѣкѣ „скорбный главой" царь Федоръ звонилъ въ колокола и забавлялся шутами и дурками; въ 18-мъ Петръ III игралъ въ оловянные солдатики, въ 20-мъ Николай II развлекается лаптой и собаками...

Но сердобольный матросъ немного хватилъ черезъ край. У „бѣднаго государя" есть вѣдь и дѣло. Хочешь — не хочешь, а надо подписать бумаги, которыя приносятъ министры. Иную изъ нихъ царь даже прочтетъ и положитъ мудрую резолюцію вродѣ того, что „не разрѣшаю въ Россіи кризиса, даю разрѣшеніе только на временную заминку въ дѣлахъ".

Но царь не только „миропомазанный штемпель", который министры прикладываютъ къ своимъ бумагамъ. Онъ еще жи-

вой фонографъ, который въ важныхъ случаяхъ передаетъ публикѣ слова своихъ министровъ.

Писатель Щедринъ писалъ когда-то о правителѣ съ органчикомъ вмѣсто головы. Органчикъ умѣлъ выговаривать только два слова: не потерплю, раззорю!

Съ тѣхъ поръ жизнь стала сложнѣе, люди стали требовательнѣе. Усложнился и механизмъ царской головы: она вмѣщаетъ и произноситъ не только грозные окрики, но и цѣлыя рѣчи.

* * *

Въ Курскѣ во время маневровъ царь принималъ депутаціи отъ крестьянъ и дворянъ. Представители дворянства явились къ царю на поклонъ по доброй волѣ. Крестьянъ согнали туда по приказу начальства. И принялъ ихъ царь тоже по разному: кость бѣлая, кость черная — имъ разный и почетъ.

Дворянамъ царь сказалъ: Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ своихъ монарховъ за *вѣрную самоотверженную службу престолу.* Незабвенный отецъ мой призвалъ васъ къ руководству *крестьянскимъ управленіемъ.* На этомъ поприщѣ вы *мнѣ служите не за страхъ, а за совѣсть.* Благодарю васъ за службу. (Рады стараться, отвѣтили дворяне). Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія; *дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время. Есть неустройства и въ крестьянскомъ.* Для устраненія послѣднихъ по моему повелѣнію соображаются необходимыя мѣры. Къ участію въ этихъ трудахъ будутъ призваны губернскіе комитеты *съ участіемъ дворянства* и земства. Что касается *помѣстнаго землевладѣнія,* которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то *его укрѣпленіе будетъ моей непрестанной заботой*".

Крестьянамъ царь сказалъ: „Весной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губ. крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. *Виновные понесутъ заслуженное наказаніе, а начальство сумѣетъ, я увѣренъ, не допуститъ на будущее время подобныхъ безпорядковъ.* Напоминаю вамъ слова покойнаго моего батюшки: „Слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте дурнымъ слухамъ". Помните, что *богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ божіимъ.* Передайте въ точности все, что я вамъ сказалъ, вашимъ односельчанамъ; а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды я не оставлю своимъ попеченіемъ.

* * *

Царь благодаритъ дворянъ за вѣрную службу престолу не за страхъ, а за совѣсть. За богомъ молитва, за царемъ служба не пропадетъ. „Дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время". Но утѣшьтесь, господа дворяне! „Укрѣпленіе дворянскаго землевладѣлнія будетъ непрестанной заботой" царя. Не утруждайте же своихъ бѣлыхъ рукъ работою и веселыхъ головъ заботами о завтрашнемъ днѣ. Знайте, что царская казна всегда къ вашимъ услугамъ. Вспомните, лѣтъ 15 назадъ, когда вы проѣли выкупныя свидѣтельства и запутались въ долгу, какъ въ шелку, развѣ не учредилъ для васъ „незабвенный отецъ" царя дворянскаго банка и теплыхъ мѣстечекъ земскихъ начальниковъ. Нынѣшній царь свято чтитъ завѣты своихъ предковъ. Вотъ онъ устраиваетъ для васъ дворянскія кассы взаимопощи. Не пугайтесь этого слова *взаимо*-помощь. Царь обѣщаетъ на открытіе кассъ отпустить вамъ изъ казначейства по его, государя, „усмотрѣнію"; а затѣмъ ваша касса въ теченіе 10-ти лѣтъ будетъ получать казенное пособіе въ размѣрѣ вашихъ собственныхъ взносовъ. Будетъ откуда платить недоимки и проценты въ земельные банки, будетъ откуда брать дополнительныя ссуды подъ залогъ имѣній... А если несмотря и на эти льготы ваше родовое имѣніе перейдетъ всетаки въ руки чумазыхъ, такъ и противъ этой бѣды есть въ запасѣ вѣрное средство. По хозяйственной благонадежности вы являетесь самыми желательными въ правительственныхъ видахъ землевладѣльцами въ Сибири. Недавно еще по вашему желанію былъ изданъ законъ о нарѣзкѣ для васъ тамъ чуть не даромъ лучшихъ участковъ по 3000 десятинъ, да еще въ перемежку съ крестьянскими землями, чтобы обезпечить васъ дешевыми рабочими и дорогими арендаторами.

Новое широкое поле дѣятельности открывается передъ вами. Все пойдетъ, какъ по маслу. Оставайтесь только сами попрежнему „оплотомъ порядка и нравственной силы Россіи" и не увлекайтесь „безсмысленными мечтаніями"...

* * *

На крестьянъ царь съ перваго же слова набросился съ угрозами.

Всѣ знаютъ, какъ Малюта Оболенскій усмирялъ крестьянъ. Солдатамъ было предписано „дѣйствовать оружіемъ во всю, по совѣсти, и при стрѣльбѣ безцѣльныхъ выстрѣловъ вверхъ не дѣлать". Крестьянамъ давали по 100 ударовъ розгами, вымоченными въ соляномъ растворѣ; въ больницы привозили не людей, а изуродованное, изсѣченное, изрубленное человѣческое мясо. Даже инымъ помѣщикамъ становилось жутко отъ такой расправы. Нѣсколько крестьянъ предпочли ей самоубійство. Въ усмиренныхъ деревняхъ Малюта ставилъ на постой „вольныхъ" донскихъ казаковъ. Они били и грабили крестьянъ, насиловали ихъ женъ и дочерей. Казачій полковникъ Циглеръ говорилъ крестьянамъ: „Теперь намъ нужны не вы, нужны ваши бабы". Въ дополненіе всего царь приказалъ взыскать съ „бунтовщиковъ" въ пользу „пострадавшихъ" помѣщиковъ военную контрибуцію въ 800 тысячъ руб.

И пролитую кровь, и безпощадную порку, и милліонный штрафъ, и казацкій постой царь ставитъ ни во что. Онъ грозитъ, что „виновные въ безпорядкахъ понесутъ заслуженное наказаніе".

Раньше ихъ наказывали не въ зачетъ, не справляясь съ законами. Теперь ихъ накажутъ по суду на основаніи закона. Имъ грозитъ впереди еще каторга или арестантскія роты.

Царская милость къ русскому народу не знаетъ предѣла!

Но царь не только милостивъ: онъ справедливъ и безпристрастенъ. „Тяжелое положеніе" дворянскаго землевладѣнія не заслоняетъ въ его глазахъ того, что „есть *неустройства* и въ крестьянскомъ быту", правда, не столь уже существенныя, но всетаки... Для ихъ устраненія царь „соображаетъ необходимыя мѣры" и къ участію въ этихъ трудахъ призываетъ дворянство. Оно съумѣетъ разобраться: вѣдь дворянамъ не впервой рѣшать крестьянскую участь.

А пока что, содравши съ нищихъ крестьянъ 800 тыс. *), царь даетъ имъ добрый совѣтъ: „Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ божіимъ".

Рѣчь къ крестьянамъ царь закончилъ приказомъ: Передайте все въ точности своимъ односельчанамъ. Мы, соціалисты, тоже позаботимся о самой *широкой огласкѣ* царской рѣчи.

* * *

Вернувшись изъ Курска въ Петербургъ, царь на Балтійскомъ заводѣ во время спуска новаго броненосца удостоилъ рѣчью рабочихъ: „Трудитесь честно, ведите себя спокойно и не давайте себя смущать дурнымъ людямъ, которые такіе же враги вамъ, какъ и мнѣ".

„Трудитесь честно", это значитъ — будьте подгонялами, штрейкбрехерами, сбивайте расцѣнки, срывайте стачки. Трудитесь честно — значитъ, становитесь подлецами въ глазахъ товарищей.

„Ведите себя спокойно", это значитъ — откажитесь навсегда отъ мысли жить по человѣчески, откажитесь отъ борьбы за лучшее будущее, за лучшее настоящее.

„Не давайте смущать себя дурнымъ людямъ; они такіе же враги вамъ, какъ и мнѣ". Царь хочетъ увѣрить, что у него и у рабочихъ общіе враги и общіе друзья. Царь напрашивается въ друзья къ рабочимъ. Они не удостоятъ его этой чести, не запятнаютъ себя позоромъ царской дружбы.

Мѣсто царя не въ честной семьѣ рабочаго народа, а среди палачей и жандармовъ!

СУДЪ НАДЪ КРЕСТЬЯНАМИ — „БУНТОВЩИКАМИ".

Въ Валкахъ Харьковской губ. судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей только что окончила разборъ дѣлъ о весеннихъ крестьянскихъ волненіяхъ. Засѣданія происходили *при закрытыхъ дверяхъ.* Привлекалось 191 чел. Крестьянъ пріѣхали защищать передовые адвокаты. Они собрали массу поразительныхъ данныхъ о томъ, что пришлось вынести крестьянамъ до суда — о поркѣ, контрибуціи, военномъ постоѣ, *насилованіи женщинъ.* Но судъ хотѣлъ знать только то, *что дѣлали крестьяне, а не то, что дѣлалось надъ ними.* Адвокатамъ не позволено было касаться этого; они вынуждены были отказаться отъ защиты и заявили и опубликовали *протестъ* противъ незаконнаго поведенія предсѣдателя суда. Въ этомъ протестѣ они пишутъ: „По

*) Сами помѣщики заявили убытковъ *только на 350 тысячъ.*

основнымъ положеніямъ уголовнаго права *ни одинъ человѣкъ не можетъ быть дважды наказанъ за одно и то же дѣло, а именно это судъ и хочетъ дѣлать сейчасъ съ крестьянами.*" Слушаніе дѣла продолжалось безъ участія адвокатовъ, но и тѣ факты, которые они успѣли раскрыть, подѣйствовали даже на судей, и они вынесли обвиняемымъ сравнительно мягкій приговоръ. Ст. 269[1], по которой обвинялись крестьяне и которая была *издана спеціально для этой цѣли еще въ голодный 91-й г.*, грозитъ каторгой. Харьковская судебная палата приговорила крестьянъ къ арестантскимъ ротамъ на 1 годъ и даже ходатайствуетъ передъ государемъ о смягченія наказанія до 6 м. тюрьмы *)

Правда и милость царствуютъ въ судахъ!

Сейчасъ происходятъ разбирательства дѣлъ о безпорядкахъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ. Обвиняемыхъ до 300 человѣкъ.

Харьковскій Комитетъ Соц.-Дем. Партіи вотъ что говоритъ между прочимъ въ своей прокламаціи по поводу этого суда надъ крестьянами:

„Судятъ крестьянъ, крестьянъ обиженныхъ и униженныхъ, голодныхъ и темныхъ, безправныхъ и нищихъ. Ихъ судятъ не въ Харьковѣ, гдѣ десятки тысячъ рабочихъ и тысячи студентовъ, а подальше отъ смѣлыхъ и честныхъ людей, умѣющихъ судить самихъ судей. Ихъ судятъ въ захолустныхъ городишкахъ — въ Валкахъ и Константиноградѣ. Ихъ судятъ не судомъ присяжныхъ, судомъ общества, а судомъ нѣсколькихъ чиновниковъ — царскихъ холоповъ, при участіи сословныхъ представителей: городского головы — купца, предводителя дворянства — помѣщика и волостного старшины, безгласнаго „при господахъ". Словомъ, ихъ судятъ все „свои люди". Мало того, ихъ судятъ при закрытыхъ дверяхъ, и даже, вопреки законамъ, не допускаютъ въ залъ засѣданія по трое родственниковъ отъ каждаго обвиняемаго, которые могли бы видѣть, что творится правое дѣло, а не насиліе. Словомъ ихъ судитъ правительство, то самое правительство, которое является единственнымъ преступникомъ во всемъ происшествіи".

Поученіе преосвящ. Иринея, епископа Орловскаго.

(Изъ „Церк. Вѣд.")

„Бѣдные и малоимущіе также необходимы въ мірѣ, какъ и богатые и многоимущіе, подобно тому, какъ незамѣтная травка и кустики зелени среди высокихъ деревьевъ и большихъ кустарниковъ... Не будь такого неравенства, никто не сталъ бы подчиняться кому-либо, вездѣ царилъ бы хаосъ, полное безначаліе и анархія. Обладай всѣ въ равной мѣрѣ достаткомъ и имуществомъ, никто не захотѣлъ бы взяться за какую-либо утомительную работу, за какое-либо общеполезное дѣло, не много нашлось бы охотниковъ къ труду. Но развѣ возможно было бы при этомъ сносное жительство? Развѣ возможно, положимъ, какому либо землевладѣльцу въ одно и то же время быть сапожникомъ, портнымъ, печникомъ, кузнецомъ и т. п.?

Въ общественной жизни богатый имѣетъ нужду въ бѣдномъ, богатому нужны руки бѣднаго, его голова; а трудящійся бѣднякъ имѣетъ нужду въ заработной платѣ, въ вознагражденіи за трудъ, въ работодателѣ. Такъ восполняются оба состоянія. И такою взаимною зависимостью устрояется и упрочивается общественное благоустройство. И какъ пустынна была бы жизнь, если бы не было ни высокихъ, ни низкихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, если бы не было разнообразія въ жизни! Представьте себѣ громадную, необозримую равнину, заросшую зеленою травою: вездѣ одна трава и трава и ничего больше. Остановится ли въ восхищеніи взоръ вашъ на этой картинѣ? Не вѣрнѣе ли, что, утомясь ея однообразіемъ, онъ станетъ искать другихъ предметовъ? А почему? Потому, что нѣтъ горъ и холмовъ, придающихъ необычайную прелесть и красоту равнинѣ. Какъ пустынно было бы въ мірѣ, если бы не было раздѣленія на бѣдныхъ и богатыхъ, связующаго людей въ единое общество....

Думаемъ, что сказаннымъ достаточно выяснено, зачѣмъ Богъ допускаетъ существованіе бѣдныхъ".

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Дѣвочка съ арфою пѣла...

. . . .

Ту старую пѣсню о сладости жертвъ,
Небесную *эйяпопею,* **)
Которой морочатъ ребенка-народъ,
Чтобъ гнулъ онъ покорнѣе шею.

Я знаю ту пѣсню, я знаю и кто
Ея сочинители были; —
Тянули тайкомъ они сами вино,
А паству водою поили.

Нѣтъ, пѣсню другую, получше, новѣй
Спѣть, други, хочу вамъ теперь я,
Мы будемъ счастливѣй, мы будемъ умнѣй,
Отбросивъ гнилыя повѣрья.

Лѣнивому брюху мы ѣсть не дадимъ,
Что добыли честныя руки,
И царство небесное здѣсь создадимъ
Себѣ мы безъ слезъ и безъ муки.

У щедрой кормилицы нашей — земли —
Для всѣхъ насъ достаточно хлѣба...
Есть розы и мирты, цвѣты и любовь,
И сладкій горошекъ душистый.

Да, сладкій горошекъ достанется намъ,
Мы даже стручечки облупимъ.
А царство небесное мы воробьямъ
И ангеламъ божьимъ уступимъ.

А впрочемъ, готовъ я туда полетѣть,
Лишь только бы крыльевъ дождаться;
И будемъ мы тамъ аллилуія пѣть
И въ райскихъ садахъ наслаждаться...

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ СТАРИЧКА

въ укромномъ уголкѣ *).

...Не даромъ говорятъ старички, что нынѣшняя молодежь испорчена до мозга костей. Никакого у нея уваженія къ старшимъ, непризнаніе начальства и, что въ особенности хуже всего — это ея сатанинская гордость. Что генералъ, что крестьянинъ — для нея все равно. А разъ уваженія къ начальству нѣтъ, то какіе ужъ могутъ быть порядки. Не успѣетъ начальство легонько потормошить, а ужъ кричатъ: караулъ, убиваютъ. Захочетъ ли то же начальство залѣзть въ карманъ къ обывателю (для его же дурака пользы), а онъ ужъ во все горло оретъ: грабятъ! Поговорите, наприм., съ представителемъ современнаго поколѣнія о полиціи, и вы услышите, какіе неблагодарные, полные ненависти отзывы онъ даетъ о ней. „Что такое полиція — скажетъ онъ — это шайка бандитовъ, поставившая себѣ цѣлью охотиться за собственностью обывателя; начиная отъ городового и кончая Шуваловымъ — всѣ взяточники, казнокрады, воры и разбойники. Полиція не блюстительница порядка, а всякаго безпорядка учинительница, а вѣдь полиція должна бы быть учрежденіемъ, охраняющимъ жизнь, здоровье, имущество и общественную безопасность", — вотъ какъ разсуждаютъ нонѣшніе. А откуда берутся такія разсужденія? Отъ гордости, которая ихъ обуяла, непочитанія чиновъ, легкомыслія, а пуще всего отъ черной неблагодарности. Вѣдь если подумать, что могла бы съ нами сдѣлать полиція и что она съ нами дѣлаетъ, то денно и нощно молиться будемъ за ея благодѣянія и милости. Обыватель нонѣшній жалуется, что бьютъ въ участкахъ и частенько даже избиваютъ до полусмерти, а этого онъ не принимаетъ въ резонъ, что когда-то и больнѣе и больше били; что полиція поставлена надъ нами, чтобы пещись о насъ; она наша защитница, она же и кормилица и поилица наша — за каждымъ жирнымъ кускомъ, который кладешь въ ротъ, подсматриваетъ, за каждымъ глоткомъ твоимъ подглядываетъ; что вѣдь полиція, наконецъ, не существуетъ же для обывателя, а какъ разъ наоборотъ, обыватель для полиціи. Она могла бы всѣхъ насъ перебить или проглотить живьемъ (на то она начальство), а между тѣмъ она этого не дѣлаетъ. Десятокъ, другой перебьетъ за цѣлый годъ въ участкахъ, да и только, а насъ-то всѣхъ въ городѣ больше полъмилліона и послѣ этого такая неблагодарность! Относительно взятки, то и на этотъ счетъ бабушка на-двое сказала. Взятка свята, ибо въ ней спасенье обрѣтаемъ. Нонѣшніе-то и понять не хотятъ, что разъ надъ животомъ твоимъ и смертью начальство вольно дѣлать, что хочетъ, то наипаче оно вольно надъ нашимъ имуществомъ; если, значитъ, владѣешь овцою, ну и шерсть ея твоя. А то недоволенъ взяткою! Что взятка? Взятка пустякъ. Бога мы благодарить должны, что полиція всего нашего добра не забираетъ; благодарить полицію мы должны за ея безкорыстіе и скромность. У насъ, на Молдаванкѣ, напримѣръ, каждая лавочка, каждый трактиръ и вообще каждое торговое заведеніе обложено данью, и все это дѣлается по благородному, по чести. Даже данъ

*) Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ № 8 заграничной газеты русскихъ либераловъ, „Освобожденія".

**) Эйяпопея — по гречески: баюшки-баю.

*) Въ сентябрѣ издано въ Одессѣ группой пролетаріевъ-соціалистовъ.

эта равномѣрно по чинамъ распредѣляется. Если приставъ получаетъ съ трактира по 10 руб. въ мѣсяцъ, то надзиратель—рублей 5-6, а городовые по одному рублю. Самая меньшая сумма дани—1½-2 руб., которую платятъ маленькія лавочки, а чѣмъ больше торговля, тѣмъ большею данью она обложена — видите, все обдѣлывается по совѣсти. И маленькой данью удовлетворяются дѣйствительные хозяева, которымъ по праву кулака и насилія все принадлежитъ. Вмѣсто того, чтобы заходить во всѣ эти магазины и брать тамъ на правахъ дѣйствительной собственницы, что сердцу и глазу угодно, полиція настолько скромна, что воруетъ то, что ей принадлежитъ. Какъ говорятъ злые языки, полиція наша участвуетъ во всѣхъ крупныхъ кражахъ, а въ западныхъ и сибирскихъ губерніяхъ содѣйствуетъ тамъ развитію конокрадства. О нашей одесской полиціи говорятъ даже, что по воскреснымъ днямъ, слѣдующимъ за получкой, она особенно много арестовываетъ рабочихъ, чтобы въ участкахъ ихъ карманы прочистить. Что же касается того, что полиція у насъ, какъ говорятъ, вмѣсто того, чтобы быть блюстительницей порядка и порядочности, представляетъ собою виновницу всѣхъ безпорядковъ и разныхъ скандаловъ, то и на счетъ этого вслѣдствіе легкомыслія обывателя нонѣшняго у него составилось ошибочное мнѣніе. Опять же онъ, обыватель, напраслину взводитъ на начальство. Я опять прибѣгну къ примѣру. За нимъ въ карманъ не полѣзу. Ихъ у меня подъ рукой тысячи. 1 мая были арестованы на Николаевскомъ бульварѣ по подозрѣнію въ принадлежности къ демонстрантамъ человѣкъ 35, въ томъ числѣ 8 женщинъ. Когда послѣднія предстали предъ лицомъ Шувалова, онѣ были встрѣчены имъ площадною бранью и угрозами, что всѣхъ ихъ онъ заморитъ въ тюрьмѣ и даже отдастъ въ дома терпимости (сильно онѣ его голубчика разсердили); все жъ таки, хотя онъ и держитъ ихъ въ тюрьмѣ и до сихъ поръ, а второй своей угрозы не привелъ въ исполненіе. Не привелъ же онъ въ исполненіе не потому, что онъ этого не могъ сдѣлать, а ужъ сердце у него доброе, любвеобильное, какъ у всякаго, должно быть, начальства. Не будь такого сердца у нихъ, плохо пришлось бы нашему брату обывателю—не изъ чиновныхъ. Иначе разсердился бы на тебя его благородіе или еще тѣмъ болѣе превосходительство, и твоя жена, дочери, сестры очутились бы въ домахъ терпимости. Молиться и молиться мы должны богу, что смягчаетъ онъ сердца ихъ. Ложась и вставая мы должны думать о томъ, какъ бы угодить нашему начальству, что сдѣлать бы такое, чтобъ оно нами осталось довольно. Нонѣшніе могутъ сказать, что все это полиція могла бы сдѣлать и дѣлаетъ теперь не по закону, но опять же вслѣдствіе ихъ легкомыслія они забываютъ,

Что въ Россіи нѣтъ закона,
Есть столбъ, а на столбѣ корона.

Это заграницей тамъ законы пишутся для всѣхъ равные, а у насъ одно дѣло законъ, а другое—полицейскій кулакъ. Мы, слава те господи, отъ такихъ порядковъ, гдѣ бы все дѣлалось законно, ограждены. Святой нашей Русью правитъ самодержавный, богопомазанный, православный царь съ кликою, хотя кровопійцъ, но за то всѣ они знатнаго происхожденія—графы и князья, не то, что заграницей, гдѣ управляютъ страною выборные отъ народа, въ числѣ которыхъ попадаются даже крестьяне и рабочіе. Не врагъ я обывателю, я вѣдь самъ обыватель. Я даже желаю ему всего наилучшаго: чтобы при самодержавіи крѣпла его спина, чтобъ задняя часть его тѣла покрылась кожей толщиною вершка въ два, нечувствительной къ ударамъ нагайки и розги, а въ особенности желаю, чтобъ въ его головѣ не было мыслей—онѣ есть причина всякаго недовольства и самомнѣнія, а потому паче всякаго грѣха да избѣгаетъ ихъ!!

КАЗНЬ ЛЕКЕРТА. *)

(РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА).

Въ ночь съ 27 на 28 мая въ Вильнѣ на военномъ полѣ совершилась казнь Лекерта. Около трехъ часовъ ночи въ лагерѣ, гдѣ квартируетъ 27 дивизія, была произведена тревога. Солдаты, вооруженные 15 боевыми патронами, двинулись въ сопровожденіи своихъ начальниковъ на военное поле. По дорогѣ офицера предупреждали ихъ, что они идутъ на очень непріятное зрѣлище. Когда они прибыли на мѣсто, ротные командиры растолковали имъ, что они призваны присутствовать при казни Лекерта, покушавшагося на жизнь губернатора. На полѣ собрались офиціальныя лица, долженствовавшія присутствовать при казни. Стали готовить висѣлицу. Скоро прибылъ палачъ, конвоируемый полсотней казаковъ. Ровно въ три часа прибылъ преступникъ. Блѣдный, худой, моложавый, онъ своей улыбкой производилъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Судебныя власти прочли громогласно приговоръ. „Лекертъ обвиняется въ покушеніи на жизнь Валя, который, защищая престолъ и отечество, подвергъ сѣченію рабочихъ-манифестантовъ. Преступникъ Лекертъ, желая мстить за это губернатору, покушался на его жизнь. Въ виду того, что Вильна находится на положеніи усиленной охраны, Лекерта предали военному суду, который на основаніи обвиненія прокурора Дорошевича приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе“. Передъ началомъ казни начальникъ дивизіи громко спрашивалъ войска: „Зачѣмъ собрались сюда?“ И солдаты должны были дружнымъ крикомъ отвѣчать: „Мы собрались сюда, чтобы присутствовать при казни еврея Лекерта, покушавшагося на жизнь Валя“. Казенный раввинъ Неизеръ обратился къ преступнику съ просьбой раскаяться. Саркастическая улыбка была отвѣтомъ на эту гнусную просьбу. По совершеніи всѣхъ обрядовъ, палачъ подъ конвоемъ подошелъ къ преступнику, связалъ ему руки и повелъ его къ висѣлицѣ... Около 20 минутъ рыли могилу. Солдаты присутствовали, пока палачъ не бросилъ висѣвшій трупъ въ могилу.

*) Помѣщаемъ это описаніе казни, не бывшее еще въ печати.

Къ вопросу о террорѣ.

Самое цѣнное, что русскій рабочій вынесъ изъ своей десятилѣтней борьбы, это — пробудившееся чувство чести, уваженіе къ своей личности, сознаніе, что онъ, вчерашній рабъ, нынѣ превратился въ борца за свободу. Пока это чувство живо, ожесточенныя гоненія правительства безсильны остановить политическое движеніе рабочихъ.

Надо было сломить въ душѣ рабочаго главную пружину борьбы — самоуваженіе, посягнуть на его честь, унизить его въ собственныхъ глазахъ.

Для этой цѣли правительство придумало — сѣчь розгами участвующихъ въ демонстраціяхъ.

Мысль эта зародилась въ головѣ у министра заплечныхъ дѣлъ фонъ-Шлеве. Первый опытъ сдѣлалъ развратникъ фонъ-Валь въ Вильнѣ. Затѣмъ это возводится какъ бы въ правило: рабочихъ-демонстрантовъ подвергаютъ тѣлесному наказанію въ Вильнѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ и Минскѣ.

На такой ударъ нужно было отвѣтить тутъ же ударомъ. Но Соціальдемократическая Рабочая Партія, ожидая всякой гадости отъ правительства, все же *такого* оборота дѣла не предвидѣла и къ нему не готовилась, а злодѣяніе вопило о мести. И вотъ, рабочій Гиршъ Лекертъ рѣшаетъ дѣйствовать помимо партіи, по горячимъ слѣдамъ. Онъ стрѣляетъ въ Валя и платится за это головой.

Выстрѣлъ Лекерта вызвалъ у всѣхъ честныхъ людей вздохъ облегченія. Конечно, тѣмъ рабочимъ, которые пережили тѣлесное наказаніе, не оказавъ или не имѣвъ возможности оказать сопротивленія, отъ подвига Лекерта не стало легче. Но Лекертъ заступился за честь званія рабочаго-революціонера вообще, на которую дерзнуло посягнуть правительство. И все же выстрѣломъ Лекерта не рѣшился вопросъ, какъ отвѣчать правительству на его неслыханныя насилія.

Валь не единственный злодѣй у царя, и виленскіе рабочіе не единственныя жертвы издѣвательства этихъ злодѣевъ. Да и само сѣченіе розгами есть только наиболѣе крайнее, наиболѣе безстыжее проявленіе цѣлой обширной системы истязаній, которую правительство практикуетъ по отношенію къ возстающимъ противъ его гнета. Эти истязанія выражаются во всевозможныхъ пыткахъ въ тюрьмахъ надъ арестованными, въ жестокомъ избіеніи демонстрантовъ на площадяхъ, въ поголовномъ сѣченіи волнующихся крестьянъ и т. д. Естественно, что трудность борьбы съ остервенѣлымъ правительствомъ заронила въ голову многихъ мысль отвѣчать *на его систематическій терроръ такимъ же систематическимъ террором* *). Еще до выстрѣла Лекерта, 2-го апрѣля, Балмашевъ убилъ министра Сипягина. Затѣмъ мы узнаемъ о возникновеніи „боевой организаціи“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Бывшій соціальдемократъ рабочій

*) Терроръ значитъ, собственно, насильственныя мѣры для устрашенія; въ русской революціонной политической дѣятельности терроромъ принято называть мѣры, направляемыя противъ отдѣльныхъ представителей власти.

Ѳома Качуръ переходитъ въ эту партію и по порученію ея „боевой организаціи“ стрѣляетъ 29 іюля въ губернатора Оболенскаго — экзекутора крестьянъ.

Мы соціальдемократы въ борьбѣ съ самодержавіемъ возлагали всегда свои надежды исключительно на политическое движеніе народныхъ массъ, на единоборство же съ отдѣльными царскими насильниками посредствомъ террора мы всегда смотрѣли, какъ на нецѣлесообразный способъ борьбы. Но безмѣрная наглость правительства заставила нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей соціальдемократовъ задуматься: наша соціальдемократическая партія, разсуждаютъ они, должна, конечно, продолжать борьбу съ самодержавіемъ при помощи своихъ старыхъ испытанныхъ средствъ. Но не обязана ли партія *наряду* съ этимъ организовать *месть* противъ особенно нестерпимыхъ злодѣяній правительства въ формѣ террора? Не обязана ли наша партія взять въ свои руки такое дѣло, какое по своему почину совершилъ Лекертъ?

Злодѣяній царскаго правительства не перечесть, и поводовъ для мести тоже не оберешься. Очевидно, что если бы наша партія вздумала организовывать терроръ для отмщенія всѣмъ царскимъ насильникамъ, она должна была бы начать систематическую террористическую борьбу противъ правительства, т. е. она должна была бы дѣлать то, что дѣлаетъ или хочетъ дѣлать партія соціалистовъ-революціонеровъ. Хотя такіе новые взгляды пока высказываются только нѣкоторыми отдѣльными членами нашей партіи, тѣмъ не менѣе *всѣ* ея члены и всѣ, которые ей сочувствуютъ, должны уже теперь заранѣе серьезно подумать и взвѣсить, что бы сталось съ нашимъ рабочимъ движеніемъ, если бы мы согласились съ этими взглядами?

* * *

Вся сила рабочаго движенія заключается въ томъ, что рабочая масса растетъ политически — начинаетъ понимать великую роль пролетаріата въ современномъ мірѣ, великое освободительное дѣло, которое онъ и *лишь онъ одинъ* способенъ выполнить.

Когда же на сцену выступаютъ террористическія организаціи, политическая роль *рабочаго класса*, какъ чего-то цѣлаго и единаго, далеко отодвигается назадъ. Вмѣсто воодушевленія тѣмъ, что соціалистъ Лассаль назвалъ „идеей рабочаго сословія“, возникаетъ преклоненіе передъ ослѣпительными дѣлами и передъ личной отвагой отдѣльныхъ героевъ-террористовъ.

Пусть хоть всѣ террористы будутъ по происхожденію рабочіе. Отъ этого ничего не мѣняется. Ихъ сила не въ томъ, что они составляютъ часть рабочей арміи, ихъ сила въ томъ, что они сами отважные люди. Стрѣляетъ ли въ министра студентъ Балмашевъ, стрѣляетъ ли въ губернатора рабочій Качуръ, это одинаково дѣло не рабочаго класса, а дѣло отдѣльныхъ отважныхъ лицъ либо отдѣльныхъ удалыхъ дружинъ. Какъ только на сцену выступаютъ боевыя дружины, общее вниманіе неизбѣжно отвлекается отъ сплоченной борьбы рабочаго класса.

И въ этой сплоченной борьбѣ пролетаріата есть гдѣ развернуться, и здѣсь можетъ проявиться не меньше самоотверженія и героизма. Развѣ тысячи стачечниковъ, которые изъ товарищескаго чувства обрекаютъ свои семьи на голодъ въ теченіе мѣсяцевъ, выказываютъ мало самоотверженія? Развѣ рабочіе, сражающіеся съ войсками за свободу, обнаруживаютъ мало героизма? Развѣ въ вѣрѣ рабочаго класса, что онъ обновитъ міръ, мало величія? Героизмъ „боевыхъ организацій“ не болѣе привлекателенъ, чѣмъ массовой героизмъ пролетаріата, а между тѣмъ вліяніе, которое онъ неизбѣжно оказалъ бы на рабочее движеніе, было бы крайне пагубное: болѣе отважныхъ рабочихъ подвиги террористовъ увлекутъ и оторвутъ отъ организованной классовой борьбы пролетаріата; ихъ начнетъ преслѣдовать мысль, какъ бы *на свой страхъ и рискъ* расправиться съ особенно ненавистными негодяями, будь то мастеръ, фабрикантъ или шпіонъ. И у массы рабочихъ остынетъ интересъ къ классовой борьбѣ: она начнетъ возлагать свои надежды на таинственныя и всемогущія „боевыя организаціи“; вотъ-вотъ поднимется рука мстителя и воздастъ правительству и хозяевамъ за всѣ ихъ надругательства надъ народомъ. И сами террористы, которые вначалѣ смотрятъ на себя, лишь какъ на *застрѣльщиковъ* народной борьбы, начинаютъ исподволь себя считать *заступниками* и *освободителями* безсильнаго народа. Ѳома Качуръ, стрѣлявшій въ Оболенскаго, говоритъ, напримѣръ, въ своемъ „письмѣ къ рабочимъ“: теперь рабочій будетъ знать, что „есть кому за него *заступиться*... Боевая организація добьется, чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло *свободно* развиваться“.

Такъ *подъ вліяніемъ террора разстраивается сплоченность и исчезаетъ самоувѣренность въ рядахъ пролетаріата.*

Но этого мало. Рабочая партія ставитъ себѣ цѣлью не только бороться и побѣдить, но и использовать плоды побѣды. Для нея недостаточно нанести тяжкій уронъ царскому правительству или даже свалить его. Она стремится свалить его *такимъ способомъ*, чтобы рабочій классъ отъ этого возможно больше выигралъ, чтобы побѣда обезпечила ему и всему народу возможно большую свободу. Для этого наша партія должна сохранять всегда ясность мысли, должна разграничивать и правильно оцѣнивать различныя общественныя движенія, поддерживать тѣ, которыя ей на руку, и бороться противъ тѣхъ, которыя стоятъ или станутъ ей на пути. Терроръ же ослѣпляетъ и отвлекаетъ вниманіе отъ этихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Разгоряченному воображенію террористовъ задачи борьбы представляются въ очень упрощенномъ видѣ: боевая организація у нихъ становится олицетвореніемъ *всего* возставшаго угнетеннаго народа, а царскій насильникъ, которому она предназначаетъ свои удары, становится олицетвореніемъ всего существующаго зла. Такимъ образомъ, сложная борбба съ самодержавіемъ, въ которой принимаютъ участіе разные общественные классы съ разными разсчетами и видами на будущее, представляется въ упрощенномъ видѣ поединка между Ильей Муромцемъ и Идолищемъ Поганымъ. Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, то прочитайте журналъ „Народное Дѣло“, который партія террористовъ, соціалистовъ-революціонеровъ издаетъ для рабочихъ. „Чистой кровью Ѳомы Качура *навѣки* связаны крестьянская и рабочая борьба“—читаемъ мы тамъ. Мы соціальдемократы ломаемъ себѣ голову надъ вопросомъ, какъ связать въ настоящее время стихійное крестьянское движеніе съ политическимъ движеніемъ пролетаріата. У нихъ дѣло рѣшается просто: Качуръ своимъ выстрѣломъ все связалъ. И не диво, ибо онъ сказочный богатырь: „Стрѣлявшій, человѣкъ громадной силы, какъ щепки раскидалъ напавшихъ на него и, *жадно* глядя вслѣдъ удалявшемуся губернатору, выстрѣлилъ еще разъ...“ Такъ пишетъ „Народное Дѣло“, и мы приводимъ это не для того, конечно, чтобы умалить благородный подвигъ Ѳомы Качура, а для того, чтобы показать, какъ терроръ дѣйствуетъ на умы.

Если бы мы соціальдемократы стали заводить террористическія „боевыя организаціи“, мы бы разстроили массовую борьбу пролетаріата и разрушили бы всю нашу испытанную соціальдемократическую тактику, а что бы мы дали взамѣнъ этого пролетаріату?

Допустимъ, невѣроятное, что мы бы дѣлали одно удачное покушеніе за другимъ, допустимъ, что мы этимъ бы устрашили самодержавное правительство и приблизили бы его паденіе. Но могъ ли бы этимъ пораженіемъ правительства воспользоваться пролетаріатъ, котораго мы своимъ терроромъ отвлекли отъ сознательной и организованной классовой борьбы? Въ минуту замѣшательства общаго врага болѣе всего выгадываютъ тѣ общественные классы, которые лучше организованы и болѣе сознательны. Нетрудно предвидѣть, что отъ нашего террористическаго единоборства больше всего выигралъ бы не пролетаріатъ, а буржуазія, которая теперь уже насторожилась и улучаетъ только моментъ, чтобы лучше всего использовать для себя затруднительное положеніе правительства. Недаромъ либеральная буржуазія съ ужасомъ говоритъ о классовой борьбѣ, „вздымающейся подобно угрожающему вулкану“ и въ то же время такъ сочувствуетъ, чтобы *другіе* стрѣляли въ министровъ, платя за это своей головой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, почитайте нелегальную газету „Освобожденіе“.

* * *

Мы не знаемъ, разсчитывало ли сознательно правительство, что оно нагайками и розгами увлечетъ соціальдемократію на путь террора, или нѣтъ. Если это былъ съ его стороны маневръ, то оно во всякомъ случаѣ ошиблось въ разсчетѣ.

Рабочіе, которыхъ сѣкли въ Вильнѣ, Екатеринославѣ и другихъ городахъ,— наши товарищи. Оскорбленіе, которое имъ нанесли царскіе палачи, есть такое же оскорбленіе для насъ, для всего рабочаго класса, и мы его не забудемъ. Но дисциплинированная партія платитъ за оскорбленіе не такъ, какъ частное лицо. Мы расплатимся съ самодержавнымъ правительствомъ за всѣ его оскорбленія. Но *мы дадимъ ему сраженіе не въ томъ мѣстѣ и не въ той формѣ, какъ это выгодно для него, мы дадимъ ему такое сраженіе, какое выгодно для насъ.*

Вы знаете, навѣрно, крайне поучительную исторію нашего студенческаго движенія 1899 года? Оно началось съ того, что петербургскихъ студентовъ избили нагайками. Это оскорбленіе сразу подняло на ноги студенчество всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Моментально начались повсемѣстно бурныя студенческія сходки, завязалась лихорадочная переписка между студентами, повсюду стали издаваться ежедневные студенческіе бюллетени, пошли общія забастовки, протесты. Движеніе скоро приняло такіе размѣры, что ему стало тѣсно въ рамкахъ университетовъ. Прошелъ годъ и оно было вынесено на улицу и превратилось въ открытую политическую борьбу съ правительствомъ.

Пролетаріатъ получилъ теперь еще болѣе неслыханное оскорбленіе, чѣмъ петербургскіе студенты въ 1899 г., и спрашиваешь себя: неужели рабочему не такъ же дорога честь своихъ товарищей, какъ студенту дорога честь его товарища студента? Или у рабочихъ силы нѣтъ? Но вѣдь сила учащейся молодежи игрушка въ сравненіи съ силой пролетаріата. Вѣдь, если бы рабочій захотѣлъ, онъ сразу остановилъ бы всю жизнь въ государствѣ. Почему же эти негодяи осмѣливаются такъ обращаться съ рабочимъ? Какъ смѣетъ мерзавецъ Плеве говорить: „я долженъ требовать казни, ибо Лекертъ рабочій, интеллигенцію этимъ не устрашишь, на рабочихъ же этотъ приговоръ возымѣетъ надлежащее дѣйствіе“?! *)

Русскій пролетаріатъ въ массѣ оставилъ безнаказаннымъ издѣвательство надъ нимъ. Но мы меньше всего склонны это ставить въ счетъ его нечувствительности или его безсилію.

Тихорѣцкая исторія недавно показала, что русскіе рабочіе способны заступаться горячо не только за честь товарищей, но и за честь первой незнакомой оскорбленной женщины. Слухъ о томъ, что судебный слѣдователь путемъ обмана арестовалъ пассажирку Золотову и изнасиловалъ ее, послѣ чего тюремщики торговали ея тѣломъ, поднялъ на ноги двѣ тысячи рабочихъ. Они потребовали, чтобы имъ выдали на судъ негодяя, они разгромили въ порывѣ негодованія станичную контору, почтовую станцію, жандармское правленіе, избили полицію и т. д.

Давнишнія кровавыя волненія въ Маріуполѣ, харьковская маевка, обуховская оборона, недавняя батумская бойня и многіе другіе факты показали, что рабочіе способны жизнь свою отдать за товарищей. Сколько разъ рабочіе отбивали арестованныхъ товарищей отъ конвоя, сколько разъ они осаждали тюрьмы и полицію, требуя освобожденія товарищей? Сколько разъ они шли подъ пули изъ чувства солидарности. На Обуховскомъ заводѣ они даже дали настоящее сраженіе войскамъ...

Въ чемъ же загадка? Почему русскій пролетаріатъ не протестовалъ въ массѣ противъ виленскихъ и тому подобныхъ экзекуцій надъ революціонерами-рабочими? Ключъ къ этой загадкѣ можетъ быть только въ одномъ:

Пролетаріатъ еще недостаточно организованъ и масса рабочихъ недостаточно политически сознательна. Революціоннаго духа у рабочихъ уже во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у студентовъ. Но студенты въ массѣ интеллигентнѣе, а главное, при условіяхъ университетской жизни студентамъ относительно гораздо быстрѣе и легче удается сорганизовать общерусскій студенческій протестъ, несмотря на разношерстный составъ студенчества, несмотря на изрядное количество студентовъ „бѣлоподкладочниковъ“ и „маменькиныхъ сынковъ“.

Наша непоколебимая вѣра въ силу пролетаріата, гордое сознаніе того, что пролетаріатъ уже успѣлъ внести въ русскую политическую жизнь, не должно намъ закрывать глаза на пробѣлы рабочаго движенія.

Рабочіе одного города или района еще слишкомъ мало интересуются тѣмъ, что творится въ другомъ городѣ и въ другомъ районѣ, и организаціонныя связи между разными городами очень слабы. Когда правительство совершитъ какое-нибудь злодѣйство въ Витебскѣ или въ Саратовѣ, оно принимаетъ всѣ мѣры для предупрежденія или подавленія волненій въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно совершило преступленіе. Но развѣ не могутъ противъ этого злодѣянія протестовать рабочіе другихъ городовъ, неожиданно для правительства, тамъ, гдѣ оно не подготовлено къ отпору?

Рабочая масса, которая теперь вездѣ возбуждена и вездѣ недовольна всей своей жизнью, еще не ясно сознаетъ связи между своими муками и самодержавнымъ гнетомъ; она мало сознаетъ свою кровную связь съ тѣми рабочими и нерабочими революціонерами, которые ведутъ политическую борьбу за интересы рабочаго класса, которыхъ правительство мучитъ въ политическихъ застѣнкахъ, на которыхъ оно вымещаетъ всю свою злобу—и организаціонная связь между мѣстными соціальдемократическими комитетами и рабочей массой еще слишкомъ слаба, слишкомъ слабо вліяніе комитетовъ на массу.

Итакъ, ясно, что теперь дѣлать: всѣ, кому дороги интересы и честь рабочаго класса въ виду новыхъ надругательствъ правительства должны теперь думать не о террорѣ, а отдать всѣ свои силы на то, чтобы *укрѣпить связь между соціальдемократическими организаціями разныхъ городовъ и разныхъ національностей, укрѣпить связь между массой и комитетами и развить политическое сознаніе широкой массы рабочихъ.*

При такихъ условіяхъ слухъ о новомъ оскорбленіи, нанесенномъ правительствомъ рабочимъ, пройдетъ, какъ электрическій токъ, черезъ всѣ соціальдемократическія организаціи и подниметъ на ноги рабочую массу во всей Россіи, вызоветъ взрывъ всенароднаго протеста и тогда... тогда за злодѣянія какого-нибудь Валя или Оболенскаго будетъ держать отвѣтъ передъ народомъ все подлое россійское самодержавное правительство!

*) Это онъ сказалъ одному члену государственнаго совѣта.

КАКЪ ЗАЩИЩАТЬ СВОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

9-го сентября, въ Лодзи облили кислотой директора фабрики Фукса, Шика. По этому поводу Лодзинскій Комитетъ Бунда обратился къ рабочимъ съ воззваніемъ (на евр. яз.)

Изложивъ обстоятельства дѣла, охарактеризовавъ Шика (пострадавшаго директора), жестоко издѣвавшагося надъ рабочими и не останавливавшагося передъ кулачной расправой, и выяснивъ причины, толкающія рабочихъ на путь единоличныхъ актовъ мести, воззваніе продолжаетъ: „Но достигается ли такими средствами (обливаніе кислотой и пр.) цѣль защиты человѣческаго достоинства рабочихъ? Всякій, кто надъ этимъ поразмыслитъ, долженъ будетъ отвѣтить: нѣтъ, не достигается. Уже не говоря о томъ, что всѣхъ извергові, которыми кишитъ современное испорченное плутократическое общество, не уничтожишь, — человѣческое достоинство еще не защищается тѣмъ, что кто-нибудь изъ за угла отомститъ за всѣхъ рабочихъ; наоборотъ, это еще притупляетъ ихъ человѣческое достоинство, пріучая ихъ вѣрить, что другіе за нихъ отомстятъ, и они остаются столь же равнодушны къ оскорбленіямъ, какъ и прежде. Нѣтъ! не это есть средство для сознательныхъ рабочихъ, которые ставятъ себѣ цѣлью не мстить тому или другому эксплуататору или насильнику, но бороться противъ всего общественнаго порядка, порождающаго угнетателей и угнетаемыхъ, капиталистовъ и пролетаріевъ, бороться за такой строй, въ которомъ всѣ духовныя и матеріальныя блага, которыя несетъ съ собой человѣчеству наша культура, сдѣлаются достояніемъ всѣхъ трудящихся... бороться за соціализмъ...

Озаренные свѣтомъ классового сознанія, пришедшіе къ пониманію нашей роли въ современномъ обществѣ и лежащей на насъ задачи переустройства его на лучшихъ началахъ, мы не должны спокойно допускать, чтобы насъ оскорбляли и унижали; защита нашего человѣческаго достоинства должна быть нашимъ общимъ дѣломъ. Когда кто-нибудь изъ извергові или изъ царскихъ псовъ—полицейскихъ грубо съ нами обращается, мы должны всѣ немедленно, тутъ же на мѣстѣ, протестовать, противиться насилію до послѣдней возможности, до полнаго изнеможенія,

до послѣдней капли крови; мы должны всѣ вмѣстѣ защищать нашу попранную честь. Когда мастеръ наглецъ, директоръ извергъ, полицейскій песъ позволяютъ себѣ грубость по отношенію къ кому-нибудь изъ рабочихъ, мы должны всѣ, какъ одинъ человѣкъ, возстать противъ этого, протестовать всѣми средствами, отвѣтить насиліемъ на насиліе, бросить работу и требовать моральнаго удовлетворенія, потому что въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено не только одному изъ насъ, но всѣмъ, всему пролетаріату, какъ классу. Храня преступное молчаніе на мѣстѣ, покорно склонивъ голову, оставивъ безъ отвѣта насиліе, мы сами себя больше унижаемъ, чѣмъ это дѣлаютъ тѣ своими криками и руганью. Если мы всѣ будемъ энергично отстаивать свое человѣческое достоинство, если наша честь станетъ для насъ неприкосновенной святыней, то и другіе должны будутъ съ этимъ считаться; мы ихъ заставимъ перемѣнить свой взглядъ на насъ, рабочихъ, и печальныя средства, въ родѣ недавно примѣненнаго, выйдутъ изъ употребленія.

Будемъ же—кончаетъ воззваніе—распространять среди забитыхъ рабочихъ чистый свѣтъ классового сознанія, будемъ всегда и вездѣ проповѣдовать имъ о святости достоинства человѣка. Пусть ни одинъ случай униженія рабочихъ не пройдетъ даромъ, пусть ни одно оскорбленіе, гдѣ бы оно ни произошло—на фабрикѣ, на улицѣ—не останется безъ отвѣта со стороны самихъ униженныхъ. Пусть каждый стоитъ за свою честь и всѣ за честь каждаго, тогда не будетъ болѣе надобности въ актахъ единоличной расправы, и мы гордо и побѣдоносно поведемъ нашу борьбу за честь и счастье рабочаго класса, за равенство всѣхъ людей.“

(Изъ бюлл. Бунда № 90).

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Ростовъ-на-Дону. Несмотря на многочисленные аресты и обыски въ теченіе февраля, марта и апрѣля, положеніе Донского Комитета не только не пошатнулось, но даже, напротивъ того, онъ сталъ развивать свою дѣятельность энергичнѣе прежняго.

Съ мая по сентябрь Комитетъ распространилъ, — не считая первомайской, — слѣдующія прокламаціи: 1) къ рабочимъ завода Кекишева (200 экз.), 2) вторично къ рабочимъ того же завода (150 экз.), 3) къ рабочимъ фабрики Максимова (150 экз.). Во всѣхъ трехъ прокламаціяхъ обрисовывалось положеніе рабочихъ на названныхъ фабрикахъ и указывалось на необходимость съорганизоваться для борьбы съ хозяевами за слѣд. требованія: уменьшеніе рабочаго дня, улучшеніе гигіеническихъ условій труда, вѣжливое обращеніе. Въ удачный моментъ была выпущена Донскимъ Комитетомъ четвертая прокламація „ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ фабрики Асмолова“, гдѣ возникло сильное недовольство рабочихъ вслѣдствіе безсовѣстной эксплуатаціи дѣтскаго труда. Ребятъ заставляли таскать по нѣсколько часовъ сряду на 2-ой этажъ фабрики тюки картона вѣсомъ въ два пуда, причемъ для удобства переноски эти тюки взваливали имъ на голову; отъ такой работы у многихъ ребятъ кожа на головѣ стиралась и представляла собою сплошную рану. Кромѣ того, для сокращенія расходовъ новый управляющій фабрикой рѣшилъ уменьшить число машинъ почти вдвое и распредѣлить работу ихъ между остальными. Благодаря этому значительно увеличился трудъ рабочихъ, приставленныхъ къ оставшимся въ дѣйствіи машинамъ, но управляющій не счелъ нужнымъ увеличить ихъ плату. Прокламація вызвала массу сочувственныхъ толковъ среди рабочихъ. Къ сожалѣнію, количество экземпляровъ (120) нужно признать слишкомъ незначительнымъ для фабрики, гдѣ работаютъ до 300 чел.

Пятая прокламація, выпущенная Комитетомъ за указанный промежутокъ времени, по поводу повѣшенія 3-хъ убійцъ городового Лагутина, была распространена въ количествѣ 2000 экз. и носила чисто политическій характеръ. Во время суда была выяснена причастность къ убійству одного изъ высшихъ ростовскихъ полицейскихъ чиновъ, котораго не только не привлекли къ отвѣтственности, но даже дали ему возможность заблаговременно скрыться. Кромѣ того, одинъ изъ приговоренныхъ, Ходжаевъ, послѣ того какъ ходатайство о помилованіи было отвергнуто, сдѣлалъ признаніе, которое онъ торжественно повторилъ на эшафотѣ передъ казнью, что двое другихъ приговоренныхъ вмѣстѣ съ нимъ къ смерти совершенно невиновны въ убійствѣ. Несмотря на это признаніе, всѣ трое были повѣшены. Комитетъ удачно воспользовался этими фактами, чтобы дискредитировать царское правительство въ глазахъ населенія. Прокламація имѣла большой успѣхъ во всѣхъ слояхъ публики и читалась нарасхватъ.

Уфа. „Царь и его правительство не даютъ намъ праздновать нашего праздника 1-го мая. Такъ и мы не дадимъ праздновать его праздника. Въ день восшествія на престолъ мы открыто заявимъ царю, что мы отказываемся праздновать этотъ день, день позора для нашей страны, и призываемъ нашихъ товарищей и общество послѣдовать нашему примѣру“.

Такими словами заканчивается прокламація Уфимскаго Рабочаго Комитета, распространенная 21 октября въ количествѣ 700 экземпляровъ по главнымъ улицамъ и въ рабочихъ кварталахъ. Прокламаціи раздавались мальчиками подъ видомъ афишъ, ихъ наклеили на дверяхъ губернатора, жандармскаго начальника, на полицейскихъ участкахъ и будкахъ; онѣ были вложены въ газеты въ читальнѣ, пивныхъ, столовыхъ, разбросаны въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Нижній-Новгородъ. Удачная маевка въ Сормовѣ сильно приподняла настроеніе у рабочихъ. По всему заводу шли разговоры о тѣхъ требованіяхъ, которыя были выставлены на первомайскомъ знамени: „Долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“ Но среди массы еще неясно было сознаніе о той связи, которая существуетъ между борьбой за улучшеніе рабочей жизни и борьбой противъ самодержавія. Нижегородскій Комитетъ, по просьбѣ Сормовской рабочей организаціи, выпустилъ листокъ по вопросу о томъ: „Что значитъ долой самодержавіе? Зачѣмъ нужна намъ политическая свобода?“ Прокламація о томъ, что такое политическая свобода, была распространена еще до маевки. Оживленіе сказалось и въ усиленіи спроса на литературу, и въ ростѣ кружковъ для занятій, и въ готовности продолжать такъ удачно начатую борьбу. Лѣтомъ произошло совершенно неожиданно небольшое повтореніе майской демонстраціи. Поводомъ къ этому послужила перемѣна въ распредѣленіи времени ночныхъ работъ. Прежде ночныя работы производились безъ перерыва. Теперь администрація установила перерывъ въ 1½ часа. Недовольные этимъ рабочіе рѣшили протестовать. Несмотря на перерывъ, они бросили работу въ обычное время; ночью часть рабочихъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ прошлась по Сормову. Полицейскихъ послѣдствій эта маленькая демонстрація не имѣла. Заводская администрація уступила рабочимъ и уничтожила перерывъ. Изъ другихъ явленій сормовской жизни отмѣтимъ отправку сормовской рабочей организаціей адреса виленскимъ рабочимъ по поводу виленской экзекуціи и начавшійся выпускъ листковъ по вопросамъ мѣстной сормовской жизни. Сейчасъ сознательные сормовскіе рабочіе въ кружкахъ съ интересомъ обсуждаютъ проектъ партійной программы, выработанной Зарей и Искрой. Нижегородскій Комитетъ не ограничиваетъ свою дѣятельность только рабочими, но старается вербовать сторонниковъ с.-демократіи и въ другихъ слояхъ населенія. Такъ, во время учительскихъ курсовъ въ іюнѣ съ большимъ успѣхомъ была распространена среди курсистовъ прокламація къ учителямъ и учительницамъ, въ которой выяснялись политическія и культурныя задачи соціальдемократіи. Еще большій успѣхъ имѣла дѣйствительно очень удачно составленная прокламація къ солдатамъ на тему о „внутреннемъ врагѣ.“ Выло выпущено нѣсколько листковъ къ крестьянамъ, (одинъ изъ нихъ, кажется, даже на мордовскомъ языкѣ).

Побѣгъ изъ кіевской тюрьмы. Изъ кіевской тюрьмы 18 августа бѣжало 11 политическихъ. Подробности побѣга заимствуемъ изъ листка, изд. „Искрой“.

„Орудіями побѣга послужили сшитая изъ разрѣзанныхъ простынь лѣстница и полупудовый якорь. Какъ послѣдній очутился въ рукахъ бѣжавшихъ—это, конечно, секретъ организаторовъ побѣга. 18 августа вечеромъ, когда заключенные гуляли по двору около стѣны, нѣсколько изъ нихъ напали на стоявшаго вблизи часового, забили ему ротъ и связали его по рукамъ и ногамъ. Операція продѣлана была невполнѣ совершенно, такъ что солдатъ могъ нѣсколько разъ крикнуть: „Ратуйте, ратуйте!“ Къ счастью, заглушенный крикъ его не былъ услышанъ. Пока одни возились съ часовымъ, другіе образовали „живую пирамиду“, верхній конецъ которой доходилъ почти до вершины стѣны. Отсюда нетрудно было влѣзть на стѣну и прикрѣпить якорь, къ которому съ одной стороны была привязана лѣстница, а съ другой—веревка, по которой спускались внизъ. Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ благополучно спустился послѣдній изъ бѣглецовъ, изъ тюрьмы раздался выстрѣлъ, означавшій тревогу. Бѣжавшіе направились въ разныя стороны.

Немедленно во всѣ концы Россіи дано было циркулярно извѣщеніе о побѣгѣ и сообщены примѣты бѣжавшихъ. Двое изъ послѣднихъ попали-было въ руки полиціи, но черезъ короткое время освободились... какимъ путемъ, объ этомъ умолчимъ, дабы не компрометировать того урядника, который, навѣрное, никому не разсказываетъ, какъ онъ упустилъ двоихъ изъ „одиннадцати“.

Не обошлось и безъ курьезовъ: двое изъ бѣжавшихъ пролежали *цѣлыя сутки* въ полѣ недалеко отъ тюрьмы и имѣли удовольствіе видѣть суету, поднятую надзирателями послѣ того, какъ они хватились.“

ИЗЪ СИБИРИ. Неудачная попытка замиренія. Какъ извѣстно, правительство за намѣреніе устроить демонстрацію въ Москвѣ 9 марта арестовало до 700 человѣкъ, почти исключительно студентовъ и курсистокъ; изъ нихъ около 100 человѣкъ было выслано административно въ различныя мѣста Сибири на различные сроки.

Русское, такъ называемое, общество никогда не обнаруживало избытка гражданскаго мужества. Но какъ знать? Быть можетъ, въ настоящій моментъ общаго революціоннаго подъема, особенно въ виду жестокой расправы правительства съ „дѣтьми“, зашевелились бы и „отцы“? Теперь все возможно.

И вотъ правительство, выбиваясь изъ силъ въ безнадежной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ, пытается примирить съ собою хотя бы наиболѣе умѣренные элементы общества. Чтобы задобрить „отцовъ“, оно пробуетъ „миловать“ „дѣтей“.

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій летитъ въ Сибирь, чтобы „облегчить участь“ высланныхъ студентовъ, не забывая, конечно, при этомъ своихъ полицейскихъ расчетовъ.

Онъ предлагаетъ сосланнымъ студентамъ вернуться въ Россію на извѣстныхъ условіяхъ. Но студенты, охваченные общимъ настроеніемъ, повсюду, какъ бы сговорившись, даютъ ему отпоръ.

Въ Ачинскѣ Святополкъ-Мирскій предлагалъ студентамъ дать честное слово не участвовать въ безпорядкахъ; всѣ отказались. Въ Красноярскѣ отказались говорить съ нимъ; хотя явились, но не проронили ни слова. Въ Нижнеудинскѣ совсѣмъ не явились для бесѣдъ, и напрасно ждалъ студентовъ товарищъ министра нѣсколько часовъ. Въ Иркутскѣ отказались обращаться съ какими бы то ни было просьбами.

Въ Якутскъ губернатору была послана телеграмма доставить всѣхъ студентовъ въ Иркутскъ къ 17 авг. Якутяне тронулись въ путь. Въ Олекминскѣ товарищи встрѣтили ихъ за это несовсѣмъ радушно. Олекминцы заявили, что ими послана телеграмма въ министерство съ запросомъ, что все это значитъ. Тогда якутяне присоединились къ товарищамъ. Черезъ 3 дня отъ губернатора была получена слѣдующая телеграмма: „Министръ вн. дѣлъ предложилъ мнѣ объявить студентамъ, что переводъ ихъ изъ якутской области вызванъ предположеніемъ облегчить ихъ участь. Тѣ, которые не желаютъ пойти навстрѣчу такому предложенію, могутъ оставаться на мѣстахъ настоящаго водворенія“.

Только 3 человѣка рѣшили „пойти навстрѣчу“ предложенію правительства.

Олекминцы послали слѣдующую отвѣтную телеграмму: „Отрицая возможность соглашенія между нами и существующимъ правительствомъ, мы нижеподписавшіеся предпочитаемъ остаться на мѣстахъ настоящаго водворенія“. Слѣдуютъ подписи. Якутяне отвѣтили: „Нижеподписавшіеся студенты, сосланные въ Якутскъ, не желая идти навстрѣчу предположеніямъ правительства, которыя не могутъ не быть противоположны убѣжденіямъ молодежи, предпочитаютъ остаться на мѣстѣ своего водворенія“.

Такъ позорно для правительства закончилась попытка заигрыванія съ революціонно настроенными студентами.

Деревенскія впечатлѣнія. (Два письма изъ Воронежской г.).

1) Поздравьте: у насъ идетъ дымъ коромысломъ. Ночь прошла такъ нелѣпо, что трудно и вообразить: въ 11 час., когда всѣ въ экономіи улеглись, крестьяне сосѣдней слободы, прогнавъ нашихъ сторожей, напали на амбаръ, разнесли его прямо въ щепки, затѣмъ принялись за ворота, отъ которыхъ остались лишь жалкіе обломки. Проникнувъ въ нашъ дворъ, они камнями заставили всѣхъ попрятаться и, подойдя къ дому, кирпичами стали бросать въ окна и разбили нѣсколько стеколъ. А тутъ уже пошли въ ходъ и плодовыя деревья, и огородныя травы; поломали массу. Пробушевавъ такимъ образомъ часа два—три, они на разсвѣтѣ удалились.

Объективно это—утѣшительно, а субъективно—для меня грустно. Видите ли, я боялась, ибо трескъ и звонъ стекла у разбитыхъ по сосѣдству оконъ наводилъ меня на крайне грустныя размышленія. Кто можетъ ручаться, что кирпичи, брошенные въ мое окно, не проломятъ мнѣ голову. Выйти никому было нельзя, а сидѣть въ темнотѣ и слушать все совершающееся спокойно — прямо внѣ человѣческихъ силъ. Я знала, что наши вооружились и первый вошедшій въ домъ былъ бы раненъ, а это развѣ хорошо? По счастью еще оконъ нашихъ спаленъ не тронули, и никто не врывался въ домъ.

Сегодня ночью ждемъ повторенія, а потому пригласили нѣсколькихъ мужиковъ. Дай то богъ, чтобы все прошло, а то наши помѣщики приглашаютъ уже военную силу. У одного сосѣда землевладѣльца произошло то же. Какъ нагонятъ батальонъ, прямо житья не будетъ: видѣть торжество помѣщиковъ — отвратительно... Крестьянинъ сказалъ мнѣ вчера: „попомните вы, барышня, насъ, *силой мы беремъ, и не вы*“. Это не была угроза лично мнѣ, а такъ, отрывокъ изъ длиннаго разговора.

2) Вся исторія распадается на два взаимно дополняющихъ момента: нападеніе на усадьбу и столкновеніе съ полиціей, которое чуть не кончилось убійствомъ становового, стрѣлявшаго въ осаждавшую его толпу. Послѣднее произошло дня черезъ четыре послѣ перваго и вызвало со стороны властей рѣшительныя мѣры: пріѣздъ товарища прокурора, слѣдователя, исправника, нѣсколькихъ урядниковъ, появленіе сельской охранной полиціи (сотскихъ, десятскихъ) въ числѣ 40 человѣкъ. Теперь на будущее время помѣщикамъ обѣщана помощь военной силы, а крестьянамъ—крутая расправа, выселеніе ихъ въ другія мѣста. Рѣчь исправника сельскому сходу прямо неподражаема; въ ней они выставлены противниками существующаго порядка, бунтарями, идущими противъ своего русскаго царя, своихъ благодѣтелей — помѣщиковъ. Единственнымъ орудіемъ противъ ихъ мятежей признана военная сила, которая не замедлитъ явиться съ барабаннымъ боемъ, съ нагайками и ружьями при новомъ проявленіи неудовольствія. А въ вѣнцѣ всего — угроза стереть съ лица земли этотъ ужасный разсадникъ крамолы — деревни М. и К.

Пошло дознаніе, отдача подъ надзоръ и, наконецъ, аресты.

Какъ и вездѣ, агитаторовъ, наиболѣе дѣятельно убѣждавшихъ односельчанъ показать свою силу и вступиться за свои права, мало, человѣкъ 6—8; другіе лишь подбитые ими, начинаютъ все выдавать. Какъ ведется теперь слѣдствіе, перенесенное въ городъ, легко представить по словамъ приставовъ и урядниковъ: „мы заставимъ тамъ говорить всякаго; ни одинъ не уйдетъ такъ“. Одного мужика уводили въ городъ съ десятскими, и онъ перекрестился; тогда приставъ закричалъ: „крестись, крестись, мы тебя еще не такъ перекрестимъ! Невольно подъ палкой выскажешь все и дѣло выйдетъ наружу.“

Воронежскіе земцы. Намъ пишутъ: 31-го августа предсѣдатель губернской управы частнымъ образомъ созываетъ предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ. Обсуждаютъ программу, выработанную на курскомъ земскомъ съѣздѣ *), разговариваютъ много о мелкой земской единицѣ. До обѣда разговоры носили либеральный характеръ. Признано было желательнымъ привлечь къ земскому дѣлу сельскихъ учителей, докторовъ и крестьянъ, пользующихся уваженіемъ, но только *въ роли избираемыхъ, а не избирателей. Избирателями же должны остаться дворяне и крупные собственники.* Рѣшили и испугались, не зашли ли слишкомъ далеко. За обѣдомъ предсѣдатель обратилъ вниманіе, что при такомъ либеральномъ новшествѣ можетъ случиться (какъ ни мало надежды, чтобъ крупные плательщики стали выбирать голытьбу), что дворяне и землевладѣльцы будутъ вытѣснены темнымъ крестьянствомъ. А это значитъ—*отдать въ руки темной массы страну.* При этомъ прямо было высказано, что *теперь мы дворяне правимъ, а то ними станутъ править.* Послѣ обѣда прежнее постановленіе было отмѣнено.

Крамолу ловятъ. Въ Черниговскомъ уѣздѣ неизвѣстный агитаторъ (позже арестованный въ Гомелѣ и оказавшійся отставнымъ солдатомъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ рабочимъ въ Петербургѣ) обходитъ нѣсколько деревень и говоритъ на сходахъ о необходимости раздѣленія всей земли поровну. Для приданія своимъ словамъ вѣса онъ говорилъ, что посланъ отъ царя. Послѣ этого, по приказу губернатора, на всѣхъ сходахъ было объявлено, что посланные отъ царя не могутъ явиться въ деревню безъ сопровожденія или земскаго начальника, или чиновъ полиціи, а являющіеся безъ нихъ — крестьянскіе враги и злоумышленники, которыхъ надо представлять по начальству. Послѣ этого по начальству крестьяне представляютъ акцизныхъ чиновниковъ; наконецъ, доставляется къ земскому начальнику подполковникъ генеральнаго штаба Толмачевъ съ его деньщикомъ. Толмачевъ производилъ на поляхъ какія-то съемки для военныхъ цѣлей. Являются къ нему крестьяне. „А вы тутъ що робите?“—„А вамъ какое дѣло?“ „Якъ, какое дѣло, а бумаги у васъ есть?“—„Я командированъ по высочайшему повелѣнію.“—„Эге! по высочайшему повелѣнію! Намъ саме такихъ и треба—а поїдимо до земського.“ И полковнику Толмачеву волей-неволей пришлось оставить работу и за 17 верстъ ѣхать къ земскому начальнику въ сопровожденіи крестьянъ, воображавшихъ, что поймали злоумышленника.

Другой случай. Въ Черниговѣ, передъ первымъ мая задерживается и обыскивается сторожъ общественной библіотеки, поклонившійся на улицѣ студенту. Въ карманѣ у него находится два платка: бѣлый и *красный.* Жандармскій полковникъ по этому поводу снимаетъ съ него формальный допросъ. „А на что это у тебя красный платокъ?“—„Носъ сикать“ (сморкаться).—„А зачѣмъ же онъ у тебя красный?“—„Та мені казали, що красный не такъ скоро пачкается.“ Жандармъ не довѣряетъ и нѣсколько разъ къ недоумѣнію задержаннаго возвращается къ вопросу о цвѣтѣ платка, говоря: „Нѣтъ, нѣтъ, красныхъ платковъ не надо!“ Послѣ допроса библіотечному сторожу предписывается въ 24 часа уѣхать изъ Чернигова къ отцу въ деревню.

Пріемы дознанія. Въ бюллетенѣ „Рев. Россіи“ № 76 напечатано слѣд. письмо рабочаго, арестованнаго по дѣлу о безпорядкахъ на Воткинскомъ заводѣ: „Я вамъ постараюсь разсказать, что мы потерпѣли. Когда насъ арестовали, то предварительно дѣлали надъ нами кулачную расправу, попадало основательно и прикладомъ; я думалъ, что прямо бьютъ на смерть, и весьма удивился, что остался живъ, когда толкнули меня въ казематъ. Вѣдь били по головѣ, по спинѣ, вообще, по чему придется; просто, когда тебя сунутъ въ камеру, то часа полтора у тебя въ глазахъ зеленые круги; а потомъ долженъ ты любоваться на эти сцены почти каждые полчаса; крики избиваемыхъ такъ терзали меня, что прямо я ломалъ руки. Потомъ начались допросы съ застращиваніемъ висѣлицей и розгами, особенно меня и З. И что бы ты ни сказалъ, вѣры тебѣ нѣтъ, а только и говорятъ: „За несознаніе предадимъ военному суду“. Но кажется, что угрозы ихъ не привели ни къ чему. Тогда они стали дѣйствовать пыткой. Она состояла въ слѣдующемъ: насъ въ количествѣ 4-хъ человѣкъ однажды разбудили ночью, часа въ 2, и сказали, чтобы мы собирались идти. Приготовили усиленный конвой. Одинъ изъ моихъ товарищей спросилъ, можно ли взять хлѣбъ; на это приставъ съ злорадной улыбкой отвѣтилъ, что на томъ свѣтѣ хлѣба не понадобится, и что только чистосердечное признаніе можетъ еще перемѣнить нашу участь. Ни одинъ изъ насъ не струсилъ, мы всѣ

*) Весной и лѣтомъ либеральные земцы на двухъ тайныхъ съѣздахъ, въ Москвѣ и Курскѣ, выработали программу тѣхъ требованій, которыя они должны предъявить царскому правительству, и тѣхъ дѣйствій, которыми они должны добиваться своихъ требованій. Этой программѣ въ слѣдующемъ № будетъ посвящена особая статья.

взялись за руки и пошли туда, куда насъ повели солдаты. Насъ повели по направленію ограды, и мы очень удивились, что насъ неожиданно повернули къ башнѣ. Въ темнотѣ мы старались разглядѣть висѣлицу, и, дѣйствительно, тутъ было поставлено что-то похожее на нее. Мы тогда пожали другъ другу руки и усиленно зашагали впередъ. Удивленію нашему не было границъ, когда насъ заперли подъ башней, сказавши, что послѣ съ нами раздѣлаются. Заперли насъ по одиночкѣ и предоставили насъ самимъ себѣ. Что были тутъ за думы, конечно, въ письмѣ трудно передать; боль отъ розогъ показалась ничтожнѣйшей болью сравнительно съ прошедшими пытками. Но все это пробудило во многихъ только чувство мщенія и жажду борьбы. И никогда они не увидятъ меня, лежащаго у ихъ ногъ!..“

Судъ надъ демонстрантами. Участники майскихъ демонстрацій въ Нижнемъ и Саратовѣ привлекаются къ отвѣтственности не въ административномъ порядкѣ, какъ обыкновенно; ихъ дѣла разбираются въ судебныхъ палатахъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Вновь наступаетъ время громкихъ политическихъ процессовъ, которыхъ правительство избѣгало около 20 лѣтъ. — Подробности въ слѣд. №.

Новое насиліе надъ Финляндіей. 18-го сентября правительство съ нарушеніемъ всѣхъ формальностей опубликовало рядъ законовъ, имѣющихъ цѣлью упрочить въ Финляндіи полицейскій произволъ. Вотъ главные пункты этихъ законовъ. Уничтожается право петицій: „безусловно оставляются безъ разсмотрѣнія подаваемыя *скопомъ* прошенія, адреса и петиціи, кои, подъ видомъ ходатайства о нуждахъ края клонятся *къ осужденію дѣйствій правительства или къ поколебанію общественнаго порядка и спокойствія*“. Напомнимъ, что въ 99 году финляндцами былъ отправленъ царю отъ *всѣхъ* 500 общинъ протестъ противъ беззаконнаго нарушенія имъ финляндской конституціи. Теперь царское правительство хочетъ оградить себя отъ подобныхъ непріятностей. —Сенатъ, имѣвшій прежде тѣнь самостоятельности, теперь окончательно подчиняется генералъ-губернатору. Прокуроръ сената теряетъ право дѣлать губернатору замѣчанія и лично доносить на него государю. Прежде чиновники и судьи были несмѣняемы. Уволить отъ должности ихъ можно было только по приговору суда. Правительству въ его борьбѣ съ финляндской крамолой это было неудобно: среди чиновниковъ и особенно среди судей было много лицъ, прямо или косвенно участвующихъ въ противоправительственномъ движеніи, отказывающихся признавать и исполнять самодержавные законы. Добиться ихъ увольненія отъ суда было нелегко. Теперь правительство присваиваетъ себѣ право самому безъ суда увольнять чиновниковъ и судей и уже начало широко имъ пользоваться. Увольняется отъ службы всякій, кто „дозволитъ себѣ при отправленіи обязанностей службы или внѣ оной несовмѣстные съ долгомъ службы и служебнымъ положеніемъ поступки“. Такъ, уволенъ главный почтмейстеръ за то, что отказался шпіонить за частной перепиской. Для заполненія мѣстъ увольняемыхъ правительство облегчаетъ доступъ на финляндскую службу болѣе покладистымъ русскимъ чиновникамъ. Такъ, шагъ за шагомъ Финляндія превращается въ финляндскую губернію царской имперіи. Для „увѣнчанія зданія“ оставалось только ввести въ Финляндіи „россійскую“ систему административной ссылки. Судя по сообщенію иностранныхъ газетъ, и за этимъ дѣло не станетъ. Финляндскій генер.-губернаторъ Бобриковъ и министръ Плеве вели съ царемъ въ Ливадіи бесѣду о томъ, чтобы имъ было предоставлено право ссылать въ Восточную Сибирь всѣхъ финляндскихъ „агитаторовъ“ безъ суда и слѣдствія.

Два назначенія. Министръ фонъ-Плеве въ душевной бесѣдѣ съ однимъ французскимъ гражданиномъ говорилъ: „тѣлесныя наказанія исчезнутъ, но для этого еще не настало время. Розги я люблю болѣе, чѣмъ ружейные выстрѣлы“. Другая слабость министра — провокація.

Соотвѣтственно со своими утонченными вкусами, министръ выбралъ себѣ двухъ помощниковъ: провокаторъ Зубатовъ переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ вн. д. Сѣкуторъ Валь назначенъ товарищемъ министра вн. д. и начальникомъ корпуса жандармовъ.

„Насъ собралось небольшое, но порядочное общество: я, сыщикъ и проститутка“. *(Изъ Щедрина)*

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Женева, самый свободный городъ свободной Швейцаріи, недавно была ареной такихъ сценъ, которыя заставили одного соціалиста закончить статью о нихъ восклицаніемъ: „Да здравствуетъ Россія! Наша Женева ничуть не уступитъ царской Варшавѣ. Боже царя храни!“

Городъ былъ точно на военномъ положеніи. По улицамъ съ барабаннымъ боемъ маршировали отряды солдатъ и разъѣзжали конные патрули. На стѣнахъ домовъ красовалось „обязательное постановленіе,“ воспрещавшее народныя сходбища и демонстраціи. Войска разгоняли демонстрантовъ, раздирали въ клочки ихъ знамена. Полиція арестовывала и высылала десятки лицъ. Какъ тутъ было женевскому соціалисту не вспомнить о самодержавной Россіи?

Что же заставило Женеву принять такой необычный видъ?— *Всеобщая стачка рабочихъ.* О ней и будетъ рѣчь въ этой замѣткѣ.

Дѣло началось съ того, что компанія электрическихъ дорогъ поручила новому управляющему Брадфору увеличить доходность предпріятія. Тотъ, какъ водится, первымъ дѣломъ принялся за рабочихъ. Хорошо организованные трамвайщики дали ему отпоръ: за одинъ мѣсяцъ они устроили двѣ стачки. Первая, вызванная неосновательнымъ увольненіемъ 44 товарищей, прошла дружно: всѣ 600 человѣкъ разомъ бросили работу. Директоръ, не подготовившійся къ стачкѣ, уступилъ на второй день. Но тогда же онъ задался цѣлью сломить сопротивленіе рабочихъ. Онъ сталъ готовить вторую стачку и готовиться къ ней. Онъ набиралъ новый комплектъ болѣе сговорчивыхъ служащихъ, вносилъ рознь въ среду старыхъ, расчитывалъ организованныхъ и требовательныхъ рабочихъ. Главною цѣлью его было уничтожить или ослабить организацію трамвайщиковъ. Ему это и удалось, благодаря предупредительному содѣйствію женевскаго правительства.

Едва началась вторая стачка (28 сентября), Брадфоръ потребовалъ отъ правительства, чтобы оно „охраняло *свободу труда*“ т. е. тѣхъ, которые согласились замѣстить стачечниковъ. Правительство любезно предоставило въ его распоряженіе до сотни жандармовъ и полицейскихъ. Подъ ихъ усиленнымъ конвоемъ нѣсколько вагоновъ выѣхали изъ депо. Рабочее населеніе встрѣтило ихъ насмѣшками и свистомъ. Произошли мелкія стычки съ полиціей. Правительство въ угоду компаніи раздуло дѣло. На другой же день оно издало приказъ о созывѣ войска *) въ числѣ 700 человѣкъ для охраненія порядка, депо и вагоновъ.

Полагаясь на штыки правительства, Брадфоръ рѣшилъ ни на шагъ не уступать стачечникамъ. Онъ наотрѣзъ отказался вести переговоры съ организаціей трамвайщиковъ, требовалъ отъ стачечниковъ письменнаго извиненія передъ тѣми „честными и смѣлыми“ рабочими, которые во время стачки свято исполняли свой долгъ. На такое униженіе не могъ, разумѣется, согласиться ни одинъ хоть сколько-нибудь уважающій себя рабочій.

Тѣмъ временемъ Брадфору удалось-таки съ грѣхомъ пополамъ возстановить движеніе трамваевъ. Правда, вагоны ходили пустые, только жандармы на площадкахъ охраняли „свободу труда“. Рабочіе поддерживаютъ забастовщиковъ „стачкой пассажировъ“, буржуа не довѣряютъ своей драгоцѣнной жизни неопытнымъ кондукторамъ. Компанія несетъ убытки, но не сдается. „Если мы уступимъ рабочимъ, заявляетъ Брадфоръ, мы перестанемъ быть хозяевами у себя дома; не мы рабочимъ, а рабочіе намъ будутъ отдавать приказы и распоряженія.“

Стачка казалась окончательно проигранной; 300 рабочихъ должны были остаться на зиму безъ хлѣба и работы. Но тутъ дѣло принимаетъ иной оборотъ. Если на сторону компаніи открыто стало правительство, то за стачечниковъ вступается женевскій рабочій классъ. Чрезмѣрныя и оскорбительныя требованія компаніи задѣли всѣхъ рабочихъ за живое: въ нихъ они справедливо увидѣли *попраніе своей свободы организаціи и своего достоинства.* Дѣло 300 трамвайщиковъ становится дѣломъ всѣхъ женевскихъ рабочихъ. На очередь встаетъ вопросъ о поддержкѣ трамвайщиковъ *всеобщей стачкой. Борьба трамвайщиковъ съ компаніей разростается въ борьбу труда съ капиталомъ.*

Въ свободной Женевѣ такъ же, какъ и въ самодержавной Россіи, правительство сразу становится на сторону капитала. Но благодаря политической свободѣ самая борьба рабочаго класса выливается въ такія формы, которыя совершенно невозможны въ современной Россіи.

Вопросъ о всеобщей стачкѣ горячо обсуждается въ рабочихъ организаціяхъ; его не разъ поднимаютъ на многолюдныхъ народныхъ собраніяхъ. Наконецъ, во вторникъ 7 октября на многотысячномъ рабочемъ собраніи всеобщая стачка окончательно рѣшена. Рабочіе веселыми группами подъ звуки соціалистическихъ пѣсенъ расходятся по домамъ, твердо рѣшивъ въ четвергъ не выходить на работу. Настроеніе у всѣхъ бодрое: всѣ готовы бороться до конца за общее рабочее дѣло.

Рѣшеніе рабочихъ вызвало переполохъ въ городѣ. Буржуазіи уже мерещится призракъ рабочей революціи. Ея газеты затянули обычную пѣсню о подстрекателяхъ, заговорили о необходимости закона противъ всеобщей стачки: она, молъ, „нарушаетъ общественный порядокъ“. Женевскіе депутаты побуждаютъ правительство къ самымъ крутымъ мѣрамъ противъ стачечниковъ.

Впрочемъ, это было излишне. Правительство и само не дремало. Оно созываетъ до 3.000 войска. Оно настойчиво „совѣтуетъ“ гражданамъ, которымъ дорога добрая слава своего города, не толпиться и не останавливаться на улицахъ, гдѣ происходятъ безпорядки. „А то пеняйте на себя. Знайте, что мы примемъ самыя энергичныя мѣры противъ нарушителей порядка.“ Правительство грозитъ немедленной высылкой всякому иностранцу, ко-

*) Собственно народнаго ополченія. Постояннаго войска въ Швейцаріи нѣтъ. Это громадное преимущество съ точки зрѣнія рабочихъ. Ополченіе ближе стоитъ къ народу, чѣмъ войско, его труднѣе направить противъ „внутреннихъ враговъ“. Среди самихъ стачечниковъ были ополченцы, призванные для охраненія порядка.

торый будетъ арестованъ на рабочемъ собраніи или на улицѣ— не богатымъ, конечно, путешественникамъ: они всегда желанные гости для женевскихъ торговцевъ и трактирщиковъ, — а тѣмъ иностранцамъ рабочимъ, чьи руки создаютъ богатства женевскихъ капиталистовъ. Въ то же время въ церквахъ возносится молитва къ всевышнему, чтобы „онъ ниспослалъ на Женеву миръ, внушилъ рабочимъ духъ примиренія и благоразумія и возстановилъ добрыя отношенія между всѣми классами населенія“.

Но молитва, видно, не дошла до бога. Въ четвергъ стачка началась и сразу захватила до 15.000 человѣкъ. Забастовали рѣшительно на всѣхъ стройкахъ, во всѣхъ типографіяхъ. Газеты не выходятъ. Только къ вечеру удается отлитографировать писанный листокъ вродѣ нашихъ нелегальныхъ газетокъ. По городу ходятъ возбужденныя толпы рабочихъ. Всѣ оживленно бесѣдуютъ о стачкѣ. Съ напряженіемъ ждутъ вечера, присоединятся ли къ стачкѣ электрики, газовщики и рабочіе водопровода. Если да, то городъ погрузится вечеромъ въ тьму, населеніе останется безъ воды... Но правительству какъ-то удалось умаслить эти группы рабочихъ. Вечеромъ къ разочарованію стачечниковъ и радости буржуазіи электрики и к-о отказались примкнуть къ стачкѣ. Въ первый же вечеръ произошла стычка съ войсками около депо. Гиды (конница, состоящая изъ богатыхъ гражданъ), размахивая обнаженными шашками, топчутъ и разгоняютъ толпу. Есть раненые и арестованные. Но генеральное сраженіе еще впереди.

На пятницу утро было назначено шествіе по городу. Съ 9 часовъ, несмотря на дождь, около ресторана, откуда должно было начаться шествіе, стояли толпы народа. Въ 10 ч. стройными рядами двинулись союзы рабочихъ, ихъ сопровождаютъ тысячи сочувствующихъ лицъ. Во главѣ каждаго союза несутъ знамя. Шествіе растянулось почти на версту и спокойно дошло до моста черезъ Рону. Здѣсь полтора десятка солдатъ-велосипедистовъ перерѣзываютъ дорогу. Они берутъ ружья на перевѣсъ. Толпа въ первый моментъ отступаетъ передъ штыками, но одинъ рабочій бросается впередъ на солдатъ и увлекаетъ за собой остальныхъ. Солдаты отброшены въ сторону. Шествіе благополучно проходитъ черезъ мостъ, только хвостъ его былъ отрѣзанъ подоспѣвшимъ съ другого моста отрядомъ пѣхоты. Новое столкновеніе произошло при возвращеніи на второмъ мосту: сильный отрядъ солдатъ откинулъ назадъ рабочихъ, несмотря на ихъ сопротивленіе; во время схватки нѣсколько знаменъ было разодрано въ клочки. Съ тылу двигались на рабочихъ еще солдаты. Руководители шествія вступили въ переговоры съ офицеромъ. Онъ согласился пропустить рабочихъ, взявъ съ нихъ слово, что они не пойдутъ въ богатую часть города нарушать спокойствіе перепуганной буржуазіи.

Къ ресторану возвратилась только часть рабочихъ и тамъ на бурномъ собраніи протестовала противъ правительства.

Попытка правительства вызвать рабочихъ на открытое сопротивленіе властямъ и затѣмъ штыками и ружейными выстрѣлами задавить стачку не удалась. Но правительство не теряетъ надежды и продолжаетъ раздражать рабочихъ: оно запрещаетъ уличныя демонстраціи и сборища. Иностранцевъ, въ томъ числѣ и политическихъ, находившихъ пріютъ въ Женевѣ отъ преслѣдованій своего правительства, оно за участіе въ стачкѣ или открытое сочувствіе стачечникамъ передаетъ въ руки ихъ властей. Тайкомъ и обманомъ оно арестовываетъ руководителей стачки и обвиняетъ ихъ чуть не въ государственномъ преступленіи. Одного изъ нихъ, анархиста Бертони, избили въ участкѣ такъ, какъ бьютъ въ русскихъ застѣнкахъ. Все время войска „для охраны порядка“ подъ звуки барабана ходятъ по улицамъ города.

Чувство злобы и негодованія растетъ въ душѣ стачечниковъ. Но они чувствуютъ свою слабость, у нихъ не хватаетъ силъ продолжать стачку.

Въ субботу возобновляютъ работу типографщики, самые организованные и передовые рабочіе Женевы, и послѣ трехдневной пріостановки возобновляется выходъ газетъ. Въ воскресенье днемъ было общее собраніе стачечниковъ. Трамвайщики благодарили товарищей за поддержку, но уговаривали начать работу. „Мы не хотимъ, чтобы тысячи голодали за 300 человѣкъ“. Были голоса за продолженіе стачки, но большинство рѣшило прекратить ее.

Въ понедѣльникъ работа вездѣ возобновилась. Во вторникъ объявлено было объ окончаніи стачки трамвайщиковъ; изъ нихъ 183 человѣка выброшено компаніей на улицу, подъ предлогомъ, „что честные и вѣрные рабочіе отказываются работать рядомъ со своими оскорбителями“.

Стачка кончилась пораженіемъ рабочихъ. Буржуазія торжествуетъ побѣду. Ея депутаты осыпаютъ похвалами правительство за твердость и увѣренность его дѣйствій; ея газеты разсыпаются въ комплиментахъ передъ жандармами, ея попы поютъ молебны за избавленіе отъ внутренняго врага и междоусобной брани.

Женева приняла обычный видъ. Точно ничего и не было. Но это только такъ кажется. Въ дѣйствительности же стачка оставила по себѣ глубокіе слѣды.

Цѣлую недѣлю весь городъ— и буржуа и рабочіе, взрослые и дѣти—только стачкой и жили. Сколько за это время было передумано и перечувствовано! Какой яркій свѣтъ пролила стачка на всѣ общественныя отношенія и порядки! Весь городъ раздѣлился на двѣ партіи. Всякій долженъ былъ выяснить себѣ свое отношеніе къ борющимся сторонамъ, открыто примкнуть къ той или другой сторонѣ. Борьба захватила всѣ области общественной жизни, отодвинула первоначальный поводъ къ стачкѣ на задній планъ. Изъ 3000 ополченцевъ 300 отказались явиться на призывъ правительства. Они встрѣчаютъ горячее сочувствіе рабочихъ; союзъ типографщиковъ рѣшаетъ отказавшимся ополченцамъ изъ своихъ членовъ выдавать стачечное пособіе. За то какую бурю негодованія вызываетъ этотъ отказъ въ буржуазномъ лагерѣ: газеты поднимаютъ вопль объ измѣнѣ отечеству, буржуа угощаютъ вѣрныхъ присягѣ солдатъ виномъ и обѣдами, демонстративно устраиваютъ подписку въ пользу ихъ семействъ, правительство привлекаетъ не явившихся ополченцевъ къ судебной отвѣтственности. Расчитаннымъ трамвайщикамъ рабочіе подыскиваютъ мѣста; семействамъ высланныхъ изъ Женевы рабочихъ-иностранцевъ оказываютъ денежную поддержку. А буржуазія поощряетъ полицію къ дальнѣйшей очисткѣ города отъ „неблагонадежныхъ“ лицъ; ея судъ приговариваетъ вождей стачечниковъ къ тюремному заключенію. Борьба проникла и въ храмъ науки: буржуазные студенты устраиваютъ кошачій концертъ профессору-соціалисту за его сочувствіе къ стачечникамъ.

Стачка углубила пропасть между буржуазіей и пролетаріатомъ, обострила и осмыслила ихъ взаимныя отношенія. Она же показала рабочимъ, чего имъ не хватаетъ для борьбы—сознательности и организованности.

Женевская соціальдемократическая партія недостаточно сильна и самостоятельна; она плохо и неправильно руководитъ борьбой пролетаріата за его освобожденіе. Женевскіе соціалисты все время плелись въ хвостѣ за радикалами, которые въ Женевѣ являются партіей мелкихъ лавочниковъ и ремесленниковъ. Боясь опредѣленной и самостоятельной программой отпугнуть отъ себя мирныхъ женевскихъ мѣщанъ, соціалистическая партія предпочла вступить съ радикалами въ полюбовную сдѣлку: она помогла имъ на прошлыхъ выборахъ, помогла имъ взять въ свои руки правительственную власть. Въ награду за это радикалы приняли соціалиста Тьебо въ свое министерство. Этимъ поступкомъ соціалистическая организація связала себѣ руки: дорожа союзомъ съ радикалами и мѣстомъ въ министерствѣ, она не рѣшалась выступать съ рѣшительными требованіями и рѣзкой критикой и довольствовалась жалкими подачками радикаловъ. Рабочіе были недовольны такимъ поведеніемъ соціалистовъ, разочаровывались въ политической борьбѣ и переходили на сторону анархистовъ.

Стачка выяснила настоящую цѣну этой сдѣлки. Радикальное министерство, несмотря на участіе въ немъ соціалиста, оказалось не лучше всякаго другого буржуазнаго министерства: оно слѣпо исполняло волю своей госпожи—буржуазіи и не останавливалось ни передъ чѣмъ для пораженія рабочихъ. А соціалистъ-министръ только скрѣплялъ своей подписью всѣ правительственныя распоряженія о созывѣ войска, арестахъ, высылкахъ и т. д. За свои поступки Тьебо, конечно, будетъ исключенъ изъ рядовъ соціалистической партіи.

Стачка сдѣлала немыслимымъ продолженіе прежняго добраго согласія между этими двумя партіями. Соціалисты поняли, что ни отъ какого буржуазнаго правительства ждать имъ нечего, что имъ надо стремиться самимъ взять въ свои руки политическую власть. А для этого они должны неуклонно вести свою линію, не соблазняясь ни на какіе посулы и подачки. Съ другой стороны, лавочники-радикалы страшно озлоблены на соціалистовъ: они, видите ли, своей стачкой отбили отъ Женевы ея желанныхъ гостей, богатыхъ и знатныхъ иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда проживать свои капиталы.

Скоро послѣ стачки были новые выборы. Радикалы рѣзко выступили противъ „измѣнниковъ и враговъ своего дорогого отечества“. Соціалисты со своей стороны отказались поддерживать радикаловъ. Выборы обнаружили ростъ соціализма въ Женевѣ: число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, увеличилось съ 1000 до 3000. Такъ отразилась стачка на политическомъ движеніи женевскихъ рабочихъ. Она же оживила и професіональное движеніе. Професіональные союзы въ Женевѣ тоже очень слабы. На 15 тыс. стачечниковъ приходилось самое большее $2^1/_2$ тыс. организованныхъ рабочихъ. Стачка побудила рабочихъ заняться усиленіемъ своихъ организацій и поставить ихъ въ болѣе тѣсную связь съ политическимъ рабочимъ движеніемъ. Еще во время стачки приступаютъ къ организаціи союза рабочіе-булочники. Послѣ стачки многіе союзы приступили къ пересмотру уставовъ.

Такое серьезное вліяніе имѣла всеобщая стачка на женевскихъ рабочихъ. Для насъ русскихъ она интересна съ другой стороны. У нѣкоторыхъ она, можетъ быть, вызоветъ вопросъ: какой же толкъ рабочимъ въ политической свободѣ, если и въ свободныхъ странахъ правительство такъ же, какъ и у насъ, стоитъ на сторонѣ капитала? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ также вопросомъ: А могла бы у насъ въ Россіи стачка разростись въ такое крупное общественное событіе? Могла бы она такъ всколыхнуть все населеніе стотысячнаго города? Могла бы такъ рѣзко поставить вопросъ о розни между пролетаріатомъ и всѣмъ существующимъ строемъ, такъ опредѣленно выяснить рабочимъ цѣли и средства рабочаго движенія?

Политическая свобода не есть еще освобожденіе рабочаго класса. Но она составляетъ необходимое условіе для его борьбы за освобожденіе.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

торый будетъ арестованъ на рабочемъ собраніи или на улицѣ— не богатымъ, конечно, путешественникамъ: они всегда желанные гости для женевскихъ торговцевъ и трактирщиковъ, — а тѣмъ иностранцамъ рабочимъ, чьи руки создаютъ богатства женевскихъ капиталистовъ. Въ то же время въ церквахъ возносится молитва къ всевышнему, чтобы „онъ ниспослалъ на Женеву миръ, внушилъ рабочимъ духъ примиренія и благоразумія и возстановилъ добрыя отношенія между всѣми классами населенія“.

Но молитва, видно, не дошла до бога. Въ четвергъ стачка началась и сразу захватила до 15.000 человѣкъ. Забастовали рѣшительно на всѣхъ стройкахъ, во всѣхъ типографіяхъ. Газеты не выходятъ. Только къ вечеру удается отлитографировать писанный листокъ вродѣ нашихъ нелегальныхъ газетокъ. По городу ходятъ возбужденныя толпы рабочихъ. Всѣ оживленно бесѣдуютъ о стачкѣ. Съ напряженіемъ ждутъ вечера, присоединятся ли къ стачкѣ электрики, газовщики и рабочіе водопровода. Если да, то городъ погрузится вечеромъ въ тьму, населеніе останется безъ воды... Но правительству какъ-то удалось умаслить эти группы рабочихъ. Вечеромъ къ разочарованію стачечниковъ и радости буржуазіи электрики и к-о отказались примкнуть къ стачкѣ. Въ первый же вечеръ произошла стычка съ войсками около депо. Гиды (конница, состоящая изъ богатыхъ гражданъ), размахивая обнаженными шашками, топчутъ и разгоняютъ толпу. Есть раненые и арестованные. Но генеральное сраженіе еще впереди.

На пятницу утро было назначено шествіе по городу. Съ 9 часовъ, несмотря на дождь, около ресторана, откуда должно было начаться шествіе, стояли толпы народа. Въ 10 ч. стройными рядами двинулись союзы рабочихъ, ихъ сопровождаютъ тысячи сочувствующихъ лицъ. Во главѣ каждаго союза несутъ знамя. Шествіе растянулось почти на версту и спокойно дошло до моста черезъ Рону. Здѣсь полтора десятка солдатъ-велосипедистовъ перерѣзываютъ дорогу. Они берутъ ружья на перевѣсъ. Толпа въ первый моментъ отступаетъ передъ штыками, но одинъ рабочій бросается впередъ на солдатъ и увлекаетъ за собой остальныхъ. Солдаты отброшены въ сторону. Шествіе благополучно проходитъ черезъ мостъ, только хвостъ его былъ отрѣзанъ подоспѣвшимъ съ другого моста отрядомъ пѣхоты. Новое столкновеніе произошло при возвращеніи на второмъ мосту: сильный отрядъ солдатъ откинулъ назадъ рабочихъ, несмотря на ихъ сопротивленіе; во время схватки нѣсколько знаменъ было разодрано въ клочки. Съ тылу двигались на рабочихъ еще солдаты. Руководители шествія вступили въ переговоры съ офицеромъ. Онъ согласился пропустить рабочихъ, взявъ съ нихъ слово, что они не пойдутъ въ богатую часть города нарушать спокойствіе перепуганной буржуазіи.

Къ ресторану возвратилась только часть рабочихъ и тамъ на бурномъ собраніи протестовала противъ правительства.

Попытка правительства вызвать рабочихъ на открытое сопротивленіе властямъ и затѣмъ штыками и ружейными выстрѣлами задавить стачку не удалась. Но правительство не теряетъ надежды и продолжаетъ раздражать рабочихъ: оно запрещаетъ уличныя демонстраціи и сборища. Иностранцевъ, въ томъ числѣ и политическихъ, находившихъ пріютъ въ Женевѣ отъ преслѣдованій своего правительства, оно за участіе въ стачкѣ или открытое сочувствіе стачечникамъ передаетъ въ руки ихъ властей. Тайкомъ и обманомъ оно арестовываетъ руководителей стачки и обвиняетъ ихъ чуть не въ государственномъ преступленіи. Одного изъ нихъ, анархиста Бертони, избили въ участкѣ такъ, какъ бьютъ въ русскихъ застѣнкахъ. Все время войска „для охраны порядка“ подъ звуки барабана ходятъ по улицамъ города.

Чувство злобы и негодованія растетъ въ душѣ стачечниковъ. Но они чувствуютъ свою слабость, у нихъ не хватаетъ силъ продолжать стачку.

Въ субботу возобновляютъ работу типографщики, самые организованные и передовые рабочіе Женевы, и послѣ трехдневной пріостановки возобновляется выходъ газетъ. Въ воскресенье днемъ было общее собраніе стачечниковъ. Трамвайщики благодарили товарищей за поддержку, но уговаривали начать работу. „Мы не хотимъ, чтобы тысячи голодали за 300 человѣкъ“. Были голоса за продолженіе стачки, но большинство рѣшило прекратить ее.

Въ понедѣльникъ работа вездѣ возобновилась. Во вторникъ объявлено было объ окончаніи стачки трамвайщиковъ; изъ нихъ 183 человѣка выброшено компаніей на улицу, подъ предлогомъ, „что честные и вѣрные рабочіе отказываются работать рядомъ со своими оскорбителями“.

Стачка кончилась пораженіемъ рабочихъ. Буржуазія торжествуетъ побѣду. Ея депутаты осыпаютъ похвалами правительство за твердость и увѣренность его дѣйствій; ея газеты разсыпаются въ комплиментахъ передъ жандармами, ея попы поютъ молебны за избавленіе отъ внутренняго врага и междоусобной брани.

Женева приняла обычный видъ. Точно ничего и не было. Но это только такъ кажется. Въ дѣйствительности же стачка оставила по себѣ глубокіе слѣды.

Цѣлую недѣлю весь городъ— и буржуа и рабочіе, взрослые и дѣти—только стачкой и жили. Сколько за это время было передумано и перечувствовано! Какой яркій свѣтъ пролила стачка на всѣ общественныя отношенія и порядки! Весь городъ раздѣлился на двѣ партіи. Всякій долженъ былъ выяснить себѣ свое отношеніе къ борющимся сторонамъ, открыто примкнуть къ той или другой сторонѣ. Борьба захватила всѣ области общественной жизни, отодвинула первоначальный поводъ къ стачкѣ на заднiй планъ. Изъ 3000 ополченцевъ 300 отказались явиться на призывъ правительства. Они встрѣчаютъ горячее сочувствіе рабочихъ; союзъ типографщиковъ рѣшаетъ отказавшимся ополченцамъ изъ своихъ членовъ выдавать стачечное пособіе. За то какую бурю негодованія вызываетъ этотъ отказъ въ буржуазномъ лагерѣ: газеты поднимаютъ вопль объ измѣнѣ отечеству, буржуа угощаютъ вѣрныхъ присягѣ солдатъ виномъ и обѣдами, демонстративно устраиваютъ подписку въ пользу ихъ семействъ, правительство привлекаетъ не явившихся ополченцевъ къ судебной отвѣтственности. Расчитаннымъ трамвайщикамъ рабочіе подыскиваютъ мѣста; семействамъ высланныхъ изъ Женевы рабочихъ-иностранцевъ оказываютъ денежную поддержку. А буржуазія поощряетъ полицію къ дальнѣйшей очисткѣ города отъ „неблагонадежныхъ“ лицъ; ея судъ приговариваетъ вождей стачечниковъ къ тюремному заключенію. Борьба проникла и въ храмъ науки: буржуазные студенты устраиваютъ кошачій концертъ профессору-соціалисту за его сочувствіе къ стачечникамъ.

Стачка углубила пропасть между буржуазіей и пролетаріатомъ, обострила и осмыслила ихъ взаимныя отношенія. Она же показала рабочимъ, чего имъ не хватаетъ для борьбы—сознательности и организованности.

Женевская соціальдемократическая партія недостаточно сильна и самостоятельна; она плохо и неправильно руководитъ борьбой пролетаріата за его освобожденіе. Женевскіе соціалисты все время плелись въ хвостѣ за радикалами, которые въ Женевѣ являются партіей мелкихъ лавочниковъ и ремесленниковъ. Боясь опредѣленной и самостоятельной программой отпугнуть отъ себя мирныхъ женевскихъ мѣщанъ, соціалистическая партія предпочла вступить съ радикалами въ полюбовную сдѣлку: она помогла имъ на прошлыхъ выборахъ, помогла имъ взять въ свои руки правительственную власть. Въ награду за это радикалы приняли соціалиста Тьебо въ свое министерство. Этимъ поступкомъ соціалистическая организація связала себѣ руки: дорожа союзомъ съ радикалами и мѣстомъ въ министерствѣ, она не рѣшалась выступать съ рѣшительными требованіями и рѣзкой критикой и довольствовалась жалкими подачками радикаловъ. Рабочіе были недовольны такимъ поведеніемъ соціалистовъ, разочаровывались въ политической борьбѣ и переходили на сторону анархистовъ.

Стачка выяснила настоящую цѣну этой сдѣлки. Радикальное министерство, несмотря на участіе въ немъ соціалиста, оказалось не лучше всякаго другого буржуазнаго министерства: оно слѣпо исполняло волю своей госпожи—буржуазіи и не останавливалось ни передъ чѣмъ для пораженія рабочихъ. А соціалистъ-министръ только скрѣплялъ своей подписью всѣ правительственныя распоряженія о созывѣ войска, арестахъ, высылкахъ и т. д. За свои поступки Тьебо, конечно, будетъ исключенъ изъ рядовъ соціалистической партіи.

Стачка сдѣлала немыслимымъ продолженіе прежняго добраго согласія между этими двумя партіями. Соціалисты поняли, что ни отъ какого буржуазнаго правительства ждать имъ нечего, что имъ надо стремиться самимъ взять въ свои руки политическую власть. А для этого они должны неуклонно вести свою линію, не соблазняясь ни на какіе посулы и подачки. Съ другой стороны, лавочники-радикалы страшно озлоблены на соціалистовъ: они, видите ли, своей стачкой отбили отъ Женевы ея желанныхъ гостей, богатыхъ и знатныхъ иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда проживать свои капиталы.

Скоро послѣ стачки были новые выборы. Радикалы рѣзко выступили противъ „измѣнниковъ и враговъ своего дорогого отечества“. Соціалисты со своей стороны отказались поддерживать радикаловъ. Выборы обнаружили ростъ соціализма въ Женевѣ: число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, увеличилось съ 1000 до 3000. Такъ отразилась стачка на политическомъ движеніи женевскихъ рабочихъ. Она же оживила и профессіональное движеніе. Профессіональные союзы въ Женевѣ тоже очень слабы. На 15 тыс. стачечниковъ приходилось самое большее 2½ тыс. организованныхъ рабочихъ. Стачка побудила рабочихъ заняться усиленіемъ своихъ организацій и поставить ихъ въ болѣе тѣсную связь съ политическимъ рабочимъ движеніемъ. Еще во время стачки приступаютъ къ организаціи союза рабочіе-булочники. Послѣ стачки многіе союзы приступили къ пересмотру уставовъ.

Такое серьезное вліяніе имѣла всеобщая стачка на женевскихъ рабочихъ. Для насъ русскихъ она интересна съ другой стороны. У нѣкоторыхъ она, можетъ быть, вызоветъ вопросъ: какой же толкъ рабочимъ въ политической свободѣ, если и въ свободныхъ странахъ правительство такъ же, какъ и у насъ, стоитъ на сторонѣ капитала? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ также вопросомъ: А могла бы у насъ въ Россіи стачка разростись въ такое крупное общественное событіе? Могла бы она такъ всколыхнуть все населеніе стотысячнаго города? Могла бы такъ рѣзко поставить вопросъ о розни между пролетаріатомъ и всѣмъ существующимъ строемъ, такъ опредѣленно выяснить рабочимъ цѣли и средства рабочаго движенія?

Политическая свобода не есть еще освобожденіе рабочаго класса. Но она составляетъ необходимое условіе для его борьбы за освобожденіе.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ИЗДАНІЕ
СОЮЗА РУССКИХЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ.

№ 1. НОЯБРЬ 1902 г. № 1.

Воинственное ученіе соціализма распространяется нынче среди пролетаріевъ съ такой же быстротой, какъ нѣкогда смиренное ученіе Христа среди рабовъ. Наскучило пролетарію ждать царствія божія на небѣ, онъ хочетъ его завоевать на землѣ.

Приглядитесь къ тому, что теперь дѣлается въ Зап. Европѣ. По призыву соціалистической партіи 300.000 бельгійскихъ рабочихъ сразу, какъ одинъ человѣкъ, бросаютъ работу, чтобы добиться расширенія политическихъ правъ народа. То же повторяется въ Швеціи. По всему міру проходитъ волна небывалаго стачечнаго движенія. Въ Америкѣ ежегодно бастуетъ свыше 300.000 рабочихъ. Въ Галиціи стачка сельскихъ рабочихъ охватываетъ 200 общинъ, 100.000 человѣкъ. Союзъ французскихъ углекоповъ объявляетъ стачку; она сразу поднимаетъ на ноги 150.000 шахтеровъ. Ихъ поддерживаютъ деньгами всѣ остальные рабочіе союзы и соціалистическія организаціи Франціи; французскіе портовые рабочіе начинаютъ отказываться выгружать привозной уголь; нѣмецкіе и англійскіе углекопы помогаютъ деньгами, отказомъ отъ сверхурочныхъ работъ; бельгійскіе угрожаютъ хозяевамъ стачкой, требуя повышенія платы, мѣстами прямо начинаютъ стачку; австрійскіе рабочіе посылаютъ привѣтъ „подземнымъ братьямъ“ во Франціи. Германское правительство въ угоду дворянъ-землевладѣльцевъ хочетъ повысить пошлину на хлѣбъ и мясо, и по одному сигналу соціалистической партіи начинается повсемѣстная боевая кампанія противъ правительства и его единомышленниковъ: ихъ одновременно громятъ съ парламентской трибуны, въ 73 нѣмецкихъ соціалистическихъ газетахъ и въ безчисленныхъ народныхъ собраніяхъ. Милліоны нѣмецкихъ соціалистовъ — пролетаріевъ съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдятъ за исходомъ борьбы.

Въ основѣ современнаго общества лежитъ глубокое противорѣчіе между интересами труда и капитала, и соціалисты пользуются каждымъ поводомъ, чтобы обнаружить негодность *всего* существующаго строя. Вслѣдствіе этого сплошь и рядомъ мелкая стычка быстро разростается въ крупное событіе, приводитъ въ движеніе всѣ колеса государственнаго механизма, выводитъ наружу всѣ сталкивающіеся общественные интересы, подвергаетъ опасности весь гнусный современный порядокъ, сплачиваетъ однихъ для его спасенія, другихъ для его низверженія. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ подъ покровомъ „образцоваго“ европейскаго порядка обостряется и углубляется борьба между организованнымъ пролетаріатомъ и буржуазнымъ міромъ, какъ эта борьба проникаетъ во всѣ области общественной жизни. Она тамъ ведется обыкновенно сдержанно, въ рамкахъ закона, но у борющихся сторонъ бурлитъ и кипитъ въ груди, одна лишняя капля—и дѣло доходитъ до кровопролитія. На поверхности все еще спокойно, но загляните въ глубь, и вы поймете, что въ Европѣ назрѣваютъ соціальные перевороты, какихъ еще міръ не видалъ.

И русскій пролетаріатъ началъ борьбу за свое освобожденіе. Правительство пыталось ее затушить въ самомъ зародышѣ, но теперь оно само признается, что это дѣло безнадежное. „У меня нѣтъ средствъ остановить движеніе рабочихъ, —заявляетъ со скрежетомъ зубовъ одесскій градоначальникъ Шуваловъ, — но за то я ихъ сгною въ тюрьмѣ“.

Русскіе рабочіе борются за лучшую долю, какъ и европейскіе. Но какъ различна обстановка этой борьбы въ Зап. Европѣ и въ Россіи! Тамъ государственный механизмъ и всѣ общественныя отношенія ясны, открыты, на виду у всего народа. Въ рабской Россіи все это замазано, затушевано и покрыто мракомъ. Вы видѣли когда-нибудь извѣстную картину Верещагина? На ней изображенъ часовой, стоящій на посту на Шипкѣ. Валитъ снѣгъ. Часовой замерзъ; его совсѣмъ засыпало снѣгомъ, и изъ сугроба торчитъ одинъ лишь штыкъ. Подъ картиной подпись: „На Шипкѣ все спокойно!“ Вотъ точно также самодержавное правительство хочетъ внушить русскому народу, что у насъ все благополучно.

Повсюду свирѣпствуетъ безработица; безработныхъ тысячами высылаютъ въ голодныя деревни. Въ это время капиталисты заводятъ „черные листы“, призываютъ воинскія команды для охраненія фабрикъ отъ рабочихъ, организуютъ при содѣйствіи правительства синдикаты для искусственнаго повышенія цѣнъ на сахаръ, на нефть, на продукты народнаго потребленія, а правительство заявляетъ, что „у насъ нѣтъ условій, какія существуютъ на Западѣ; до сихъ поръ еще у насъ удерживаются патріахальныя отношенія между рабочими и хозяевами.“

Крестьяне умираютъ съ голоду; несмотря на все свое долготерпѣніе они возстали противъ помѣщиковъ. Ихъ сѣкутъ поголовно, цѣлыми деревнями, цѣлыми волостями. Въ это самое время помѣщики вмѣстѣ съ губернаторомъ и казачьими офицерами пируютъ, пьютъ шампанское. А царь батюшка говоритъ крестьянамъ: „Живите въ *мирѣ*, слушайтесь вашихъ *добрыхъ* предводителей дворянства!“ На Шипкѣ все спокойно!

Русскій рабочій не хочетъ быть безгласнымъ инструментомъ „отечественной промышленности“. У него проснулась жажда жизни, жизни для себя, а не для другихъ, жажда знанія, жажда свободы, жажда общественной борьбы. Онъ съ замираніемъ сердца прислушивается къ великимъ битвамъ европейскаго пролетаріата, онъ торопится принять въ нихъ участіе. Но съ перваго же шага онъ видитъ, что ему некуда податься, негдѣ развернуться. Какъ только онъ дѣлаетъ попытку двинуться впередъ, передъ нимъ выростаетъ фигура пьянаго казака съ искаженнымъ лицомъ и закинутой надъ головой нагайкой, либо безсмысленная фигура городового, который на всѣ вопросы знаетъ одинъ отвѣтъ: „не велѣно пущать!“ Какъ Церберъ, какъ сторожевой песъ у выхода изъ ада, самодержавіе загораживаетъ рабочимъ доступъ къ той общественной аренѣ, на которой теперь происходятъ на Западѣ великія битвы между пролетаріатомъ и буржуазнымъ міромъ. Но эта арена слишкомъ заманчива, слишкомъ велика сила пробудившагося у рабочаго гражданскаго чувства, чтобы онъ могъ остановиться передъ нагайкой или передъ пулей. И онъ не остановился. „Хоть бы сподобиться умереть за свободу“, пишетъ работница наканунѣ демонстраціи въ Петербургѣ. „Теперь нужно учить, какъ въ бой идти“, пишетъ другой рабочій. И то, что эти двое пишутъ, тысячи и тысячи рабочихъ въ разныхъ концахъ Россіи думаютъ про себя.

Достаточно было опыта нѣсколькихъ лѣтъ борьбы во имя великой соціалистической цѣли, достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ осмысленной жизни, чтобы русскій пролетаріатъ подошелъ къ важнѣйшему и самому наболѣвшему вопросу русской жизни, къ вопросу о низверженіи самодержавія.

Три четверти вѣка въ борьбѣ съ самодержавіемъ гибнутъ лучшіе люди русской земли. Рабочая масса не первая пришла на поле битвы. Но дѣло это по плечу одному пролетаріату. Тѣни казненныхъ декабристовъ, землевольцевъ и народовольцевъ, тѣни Пестеля, Рылѣева, Осинскаго, Михайлова, Желябова, Перовской, Халтурина и многихъ другихъ протягиваютъ пролетаріату свои руки и говорятъ ему: „Ты долженъ побѣдить въ томъ дѣлѣ, за которое мы умѣли лишь честно умереть."

Пролетаріатъ подошелъ къ распутью, гдѣ скрещиваются разныя дороги. Самые различные слои народа заинтересованы въ паденіи самодержавія. Они пока не всѣ это ясно сознаютъ; но они чувствуютъ, что теперь въ Россіи жить стало окончательно невозможно.

Одни подходятъ къ вопросу о паденіи самодержавія по той же дорогѣ, по которой къ нему подошелъ пролетаріатъ. Съ ними пролетаріатъ *пока* можетъ идти рука объ руку въ политической борьбѣ.

Другіе подходятъ къ этому вопросу другой дорогой. Ихъ путь только скрещивается съ путемъ пролетаріата на этомъ пунктѣ, на паденіи самодержавія. Съ ними пролетаріатъ не шелъ и не пойдетъ никогда рядомъ въ борьбѣ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ крестьяне, городское простонародье, учащаяся молодежь, разночинная интеллигенція, т. е. вся демократія, всѣ угнетаемые и преслѣдуемые, всѣ, кому нужна политическая свобода для улучшенія своей доли.

Къ числу вторыхъ принадлежатъ либеральная буржуазія и либеральное дворянство, которымъ нужна политическая свобода для того, чтобы можно было *непосредственно* политически господствовать надъ народомъ безъ посредничества царскихъ гайдуковъ.

Первые идутъ на борьбу открыто, подставляя свою грудь подобно пролетаріату. Вторые не менѣе опасны самодержавію, но они опасны лишь тѣмъ, что они въ минуту жизни трудную откажутъ ему въ поддержкѣ.

Крестьяне пока не додумались до отрицанія самодержавія. Но они совершенно перестаютъ признавать дѣйствующіе въ Россіи законы. Каждый день получаются вѣсти изъ деревни, что крестьяне отказываются платить подати и арендныя деньги, отказываются признавать собственность помѣщиковъ, открыто сопротивляются властямъ, открыто читаютъ на сходахъ запрещенныя изданія и т. д., и т. д.

Студенты давно потеряли всякое терпѣніе: они не могутъ мириться съ тѣмъ, что гимназіи и университеты превратились въ полицейскіе участки: они ничего не ждутъ и не требуютъ больше отъ самодержавія, кромѣ одного, чтобы оно перестало существовать. Вотъ уже три года, какъ учащаяся молодежь отдаетъ лучшія свои силы на борьбу съ самодержавіемъ. Въ этой борьбѣ она идетъ въ ногу съ рабочими. И лучшая часть интеллигенціи выражаетъ имъ свое сочувствіе и готовность ихъ поддержать.

Либеральные дворяне и либеральная буржуазія, съ своей стороны, съ нетерпѣніемъ ждутъ развязки и выноса тѣла покойника и заранѣе уже готовятся къ тому, чтобы получить самый лакомый кусокъ при раздѣлѣ самодержавнаго наслѣдства.

Самодержавіе чуетъ свою гибель, и среди вѣрныхъ слугъ его происходитъ явное смятеніе.

Одни кричатъ: сѣчь царскихъ супостатовъ! Это самое вѣрное средство. Покойный Николай I (онъ же Николай Палкинъ) всегда къ нему прибѣгалъ съ успѣхомъ. Вспомните, сколько разъ сѣченый народъ цѣловалъ розгу и благодарилъ своихъ экзекуторовъ.

Другіе кричатъ: вѣшать ихъ, подлецовъ! Царь-освободитель и „незабвенный родитель" Александръ III сколько ихъ перевѣшали, и что же? Въ концѣ концовъ умиротворили. Недаромъ „незабвенный родитель" прозванъ миротворцемъ.

Третьи кричатъ: времена не тѣ. Нынче надо обманомъ, хитростью.

Миропомазаный Митрофанушка растерялся, со всѣми соглашается, всѣмъ угождаетъ.

Сразу засвистѣли розги, воздвиглись висѣлицы и открылась эра всенароднаго обмана. Въ то время, какъ на югѣ сѣкутъ народъ и дерутъ съ него военную контрибуцію, въ „первопрестольной" кн. Сергѣй приглашаетъ народъ на молебенъ въ память освобожденія крестьянъ. Тотъ самый Витте,

который недавно писалъ въ докладной запискѣ, что земство и самодержавіе несовмѣстимы, заявляетъ теперь, что его, дескать, не поняли: онъ въ душѣ либералъ, онъ убѣжденъ, что въ концѣ концовъ самодержавіе неизбѣжно будетъ ограничено. Но повремените, дайте срокъ. Другими словами, дайте мнѣ еще всласть поживиться насчетъ общественнаго пирога.

* * *

Если поближе присмотрѣться къ той ожесточенной свалкѣ, которая происходитъ сейчасъ въ Россіи, то обнаружится, между прочимъ, крайне знаменательное явленіе. Съ кѣмъ ни поговори теперь, у всѣхъ на языкѣ — рабочій. Одни говорятъ: намъ нужна поддержка рабочаго класса. Другіе подступаютъ къ правительству съ робкими либеральными „ходатайствами", а сами киваютъ на рабочихъ. Онъ имъ нуженъ, какъ пугало. И само правительство ночей не спитъ — все о рабочемъ печется. То усилитъ полицейскіе наряды въ рабочихъ кварталахъ, то набьетъ тюрьмы рабочими; то розгой погладитъ, то желтымъ билетомъ пригрозитъ; а то начнетъ кассы взаимопомощи заводить среди рабочихъ, начнетъ измышлять мѣры къ „урегулированію" и узаконенію рабочаго движенія.

Смыслъ всего этого совершенно ясенъ: пролетаріатъ сталъ силой въ Россіи!

Постылое самодержавіе издыхаетъ, и, по общему мнѣнію, лишь мускулистый кулакъ рабочаго можетъ нанести ему смертельный ударъ.

Рабочій, конечно, не откажется сослужить эту службу русскому царю. Но для рабочаго этого мало. Не для того онъ пробудился къ свѣту и жизни, чтобы сыграть одну лишь роль тарана, которымъ разбиваютъ стѣну, роль мускулистаго кулака. Ему нужно свалить самодержавіе больше, чѣмъ кому бы то ни было. Но ему это нужно для себя; ему нужно, чтобы онъ вполнѣ могъ использовать ту свободу, за которую онъ проливаетъ кровь.

Теперь проклятый вопросъ для Россіи — вопросъ о низверженіи самодержавія. 40 лѣтъ тому назадъ проклятымъ вопросомъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Теперь пугаломъ для правительства служитъ рабочій; тогда пугаломъ служилъ „мужикъ". Всѣ со страхомъ ожидали, что вотъ-вотъ „мужикъ" встряхнется и разорветъ свои цѣпи. Крестьянинъ дѣйствительно волновался и бунтовалъ, но такъ какъ у него не было ни политическаго пониманія, ни политической организаціи, то вопросъ о волѣ рѣшался безъ его непосредственнаго участія; его рѣшали „господа" за его спиной, и онъ получилъ лишь обглоданную кость.

То же самое можетъ повториться теперь съ рабочими. Сколько разъ пролетаріатъ служилъ уже пушечнымъ мясомъ въ исторіи! Сколько разъ онъ въ Зап. Европѣ проливалъ свою кровь за свободу, а она въ полной мѣрѣ доставалась другимъ, которые не сѣяли, а пожинали. Вотъ о чемъ слѣдуетъ крѣпко подумать всякому русскому рабочему.

Если рабочій дѣйствительно сила, если дѣйствительно отъ него зависитъ теперь судьба самодержавія, то не подобаетъ ему плестись въ хвостѣ за другими; онъ самъ долженъ вести на бой тѣхъ, которые способны воевать и самъ долженъ руководить всѣми военными дѣйствіями. Теперь, какъ и всегда, рабочіе должны твердо помнить слова, сказанныя нѣкогда великимъ учителемъ пролетаріата Карломъ Марксомъ: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса".

Дѣло рабочаго класса не маленькое. Рабочій живетъ не сегодняшнимъ днемъ. Передъ русскимъ рабочимъ ярко свѣтитъ въ дали великая цѣль, къ которой стремится пролетаріатъ всего міра — полное уничтоженіе всякой эксплуатаціи и всякаго угнетенія, осуществленіе соціализма. Вотъ эту цѣль рабочій не долженъ упускать ни на минуту изъ виду при борьбѣ съ самодержавіемъ. Съ самодержавіемъ нужно раздѣлаться такъ, чтобы расчищенъ былъ по возможности болѣе широкій путь соціализму.

Революціи часто не повторяются, и нужно умѣть ковать желѣзо, пока горячо. Многіе готовы бороться съ самодержавіемъ: еще больше число тѣхъ, которые будутъ съ радостью привѣтствовать его паденіе. Но другіе классы при этомъ не имѣютъ въ виду той великой цѣли, къ которой стремится пролетаріатъ и его вѣрные надежные друзья. Напротивъ того, большинство пугается этой цѣли, большинство видитъ въ соціализмѣ вредную и опасную мечту. Но въ такомъ случаѣ ясно, что уже при самомъ низверженіи самодержавія у пролетаріата съ другими участниками революціи произойдетъ жестокая борьба.

Въ предстоящей революціи пролетаріатъ имѣетъ свои особые интересы, которые расходятся съ интересами однихъ, противоположны интересамъ другихъ классовъ.

Никому пролетаріатъ не можетъ довѣрить защиты своихъ интересовъ во время революціи, кромѣ самого себя. И пото-

Борьба шведскаго пролетаріата за избирательное право.

Всеобщая шведская забастовка 1902 г. займетъ важное мѣсто въ исторіи рабочаго и революціоннаго движенія.

Мысль о всеобщей стачкѣ до послѣдняго времени имѣла въ себѣ нѣчто несбыточное. Никакая рабочая партія не была, казалось, столь сильной, чтобы по данному ею сигналу сотни тысячъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, бросили работу, какъ одинъ человѣкъ, и обрекли себя на голодъ. Всеобщая стачка казалась чѣмъ-то весьма и весьма далекимъ.

Шведская соціальдемократія, прошедшая практическую школу профессіональнаго рабочаго движенія, приступила къ дѣлу основательно. Хладнокровные шведы не преувеличиваютъ своихъ силъ, но за то и не бросаютъ дѣла на полпути.

Шведскіе рабочіе, лишенные права участвовать черезъ своихъ выборныхъ въ управленіи страной, не имѣя такъ называемаго избирательнаго права, уже въ 1891 году рѣшили, что всеобщая стачка — единственное средство добиться политической равноправности. Вопросъ этотъ обсуждался потомъ на съѣздахъ соціальдемократической партіи, но изъ области витаній и мечтаній на почву жизненной дѣйствительности онъ перешелъ только въ 1898 г. На профессіональномъ съѣздѣ 1898 г. рабочіе занялись обсужденіемъ подробностей всеобщей забастовки, рѣшали, въ какихъ отрасляхъ труда лучше всего бросить работу, и опредѣляли необходимое число участниковъ.

На скандинавскомъ съѣздѣ рабочихъ въ Копенгагенѣ 1901 г. шведы представили выработанный ими планъ всеобщей забастовки на обсужденіе своихъ датскихъ и норвежскихъ товарищей. Согласно съ этимъ планомъ всеобщая стачка должна была быть объявлена не профессіональными союзами, а политической организаціей. Война объявлялась не фабрикантамъ и заводчикамъ, а правительству и реакціонному парламенту. Профессіональные союзы должны были стоять въ сторонѣ; они не должны были помогать деньгами стачечникамъ, такъ какъ предстоящіе расходы могли въ корень подорвать самыя богатыя кассы. На шведскихъ рабочихъ возлагалась трудная, но и почетная обязанность самимъ промыслить себѣ пропитаніе, извернуться своими средствами во время стачки. Въ цѣляхъ же агитаціи и для защиты противъ мести фабрикантовъ рѣшено было собрать особый стачечный фондъ изъ однодневнаго заработка всѣхъ организованныхъ рабочихъ. Избранное стачечное правленіе должно было заняться устройствомъ собраній и демонстрацій по всей странѣ, чтобы ко времени обсужденія вопроса объ избирательномъ правѣ весною 1902 г. шведскій рабочій былъ вполнѣ готовъ къ своему смѣлому и славному дѣлу. За зиму 1901 1902 года соціальдемократы созвали болѣе 1000 собраній.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство представило, наконецъ, парламенту свой проектъ избирательной реформы. Всякій шведъ получалъ право голоса, но... съ такой массой ограниченій, что все сводилось на нѣтъ.

Народъ окрестилъ это правительственное предложеніе „мошенническимъ проектомъ". А единственный представитель рабочей партіи въ парламентѣ Брантингъ на огромномъ собраніи въ 10.000 рабочихъ (6 апрѣля 1902 г.) отозвался объ этихъ ограниченіяхъ слѣдующимъ образомъ:

„Весь правительственный проектъ есть насмѣшка надъ справедливыми требованіями народа. Въ Швеціи и безъ того большій процентъ стариковъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, а правительство хочетъ отрѣзать отъ политическаго вліянія все молодое до 25 л. это первое ограниченіе. Коварное требованіе точной уплаты податей — второе ограниченіе. Представьте себѣ, что какой-нибудь рабочій долженъ былъ отлучиться изъ города какъ разъ въ день, назначенный для уплаты податей. Если онъ вернется на слѣдующій день и понесетъ свою подать, то ее, конечно, примутъ, но за свою неаккуратность рабочій лишается права голоса на цѣлыхъ 2 года. Отбытая воинская повинность — третье ограниченіе. Оно свидѣтельствуетъ о воинственномъ духѣ правительства. Этимъ ограниченіемъ лишаются права голоса всѣ тѣ честные люди, которые не соглашаются обучаться убивать своихъ ближнихъ. Имѣющіе болѣе 5.000 кронъ ежегоднаго дохода получаютъ соотвѣтственно и бо́льшее число голосовъ — это четвертое ограниченіе. Наконецъ, всякій женатый и достигшій 40 лѣтъ получаетъ 2 голоса — это пятое ограниченіе. Слѣдовало бы въ такомъ случаѣ 55-лѣтнему дать 3 голоса, 70-лѣтнему — 4, 85-лѣтнему — 5, а 100-лѣтнему старцу и всѣ 6 голосовъ. Нѣтъ, мы не можемъ принять этой лживой реформы, одной рукой дающей, а другой отнимающей. Долой ее!"

Другой ораторъ, анархистъ Беригренъ, далъ вполнѣ оправдавшуюся потомъ характеристику правительственнаго проекта: „Богъ послалъ нашему королю новаго министра юстиціи, умнаго, какъ козелъ, и несовсѣмъ глупаго. Главное его занятіе составить такой глупый проектъ реформы, что даже самый глупый членъ парламента не можетъ голосовать за него."

Для протеста противъ этого „мошенническаго проекта" повсюду были созваны собранія, большинство которыхъ высказалось противъ всякихъ уступокъ и за всеобщее, равное и прямое избирательное право.

Въ воскресенье, 6 апрѣля, стокгольмскіе рабочіе въ числѣ 10.000 устроили вышеупомянутое собраніе на площади Лиль-Янцъ, сдѣлавшейся знаменитой въ исторіи шведскаго рабочаго движенія. Здѣсь, между прочимъ, была высказана надежда, что тѣ 114 соціальдемократическихъ выборныхъ, которые вскорѣ должны были собраться на конгрессѣ въ стокгольмскій Народный Дворецъ, выработаютъ и мѣры, необходимыя для выполненія народной воли.

Въ слѣдующее воскресенье, 13 апрѣля, на той же площади Лиль-Янцъ собралось уже 15.000 человѣкъ. Настроеніе было болѣе повышенное. Собраніе открылось пѣніемъ Марсельезы и „Сыновъ труда" и съ горячимъ нетерпѣніемъ ждало первыхъ вѣстей отъ заканчивающаго свои тайныя засѣданія конгресса. Наконецъ, показывается первый вѣстникъ, обремененный кипой только-что отпечатанныхъ постановленій съѣзда

Планъ, выработанный конгрессомъ, превосходенъ по своей простотѣ и естественности. Каждое воскресенье должны устраиваться по всей Швеціи массовыя собранія-демонстраціи. Съ переходомъ проекта на обсужденіе въ парламентскій комитетъ еженедѣльныя собранія превращаются въ ежедневныя. И, наконецъ, когда напряженіе достигаетъ высшей точки и реформа начинаетъ обсуждаться въ самомъ парламентѣ, ежедневныя демонстраціи переходятъ въ полную забастовку, продолжающуюся все время, пока длятся парламентскіе дебаты.

Всеобщая забастовка является такимъ образомъ результатомъ всего предшествующаго. Въ этомъ развитіи нѣтъ скачковъ, одно дѣйствіе вытекаетъ изъ другого и переходитъ въ третье столь же естественно, какъ въ музыкѣ піано черезъ кресчендо переходитъ въ фортиссимо.

Этотъ планъ, вѣрный съ точки зрѣнія агитаціонной психологіи, придалъ много силы всему движенію и помогъ шведскимъ рабочимъ выполнить ихъ задачу.

Одинъ изъ участниковъ конгресса и любимый народный ораторъ, хромой портной Августъ Пальмъ при бурныхъ аплодисментахъ всходитъ на трибуну. „Жребій брошенъ! — говоритъ онъ: Презрѣніе къ народной волѣ со стороны власть имущихъ привело насъ къ постановленію о всеобщей стачкѣ. Мы подробно обсуждали это рѣшеніе: всеобщая забастовка — самая дѣйствительная мѣра въ настоящее время. Это огонь, который охватитъ нашу страну со всѣхъ концовъ. Не забывайте, что мы выходимъ на борьбу не изъ-за простого права голоса, но за измѣненіе всѣхъ невыносимыхъ условій нашего существованія! Вспомните о всемъ томъ презрѣніи и насиліяхъ противъ нашихъ организацій, о всѣхъ тѣхъ женахъ и дѣтяхъ, которыя были выброшены на зимній холодъ изъ-за того, что ихъ мужья участвовали въ союзахъ! Теперь чаша полна, и мы заставимъ ее перелиться черезъ край".

Другой ораторъ Торесонъ подчеркнулъ всю серьезность предстоящей борьбы: „Я заклинаю васъ идти впередъ на свѣтлую борьбу; она можетъ окончиться для того и другого изъ васъ тѣмъ, что онъ будетъ плавать въ своей собственной крови, но отъ этой же борьбы зависитъ и дарованіе странѣ народной конституціи".

Вмѣсто того, чтобы разойтись, воодушевленное рѣчами собраніе двинулось стройными рядами по самымъ люднымъ улицамъ къ Народному Дворцу. Такимъ образомъ вполнѣ неожиданно произошла первая уличная демонстрація въ Стокгольмѣ. Пѣніе революціонныхъ пѣсенъ смѣнялось криками ура въ честь всеобщей

му онъ теперь уже долженъ стараться взять дѣло революціи въ свои руки. Если онъ этого не сумѣетъ сдѣлать, онъ въ рѣшительный моментъ будетъ преданъ, обманутъ, и то, что онъ потеряетъ въ горячее время, того не наверстаетъ въ десятки лѣтъ борьбы при мирной обстановкѣ.

Но что значитъ: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса"? Самодержавное правительство, буржуазія, дворянство, всѣ тѣ, съ которыми ему приходится и придется прямо бороться или сталкиваться въ борьбѣ, обладаютъ опытомъ, знаніями, организаціей. Чтобы осуществить въ борьбѣ свои особые интересы, пролетаріатъ долженъ имъ противопоставить *свой* опытъ, *свое* знаніе, *свою* организацію. А все это не создается въ одинъ день, до всего этого каждый рабочій не можетъ додуматься собственнымъ умомъ. Но, къ счастью, каждому рабочему не приходится теперь начинать съ азовъ и доходить до всего на основаніи собственнаго опыта. Интересы всѣхъ пролетаріевъ одинаковы, и ужъ вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ ведется въ Европѣ освободительная борьба пролетаріата. За это время соціалистическая интелигенція, преданная пролетаріату и отчасти сама вышедшая изъ его рядовъ, плоть отъ его плоти, пользуясь знаніемъ настоящаго вѣка и опытомъ пролетарской борьбы, успѣла выработать соціалистическую науку, освѣщающую жизнь съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, науку, отличную отъ буржуазной. Въ полувѣковой организованной борьбѣ европейскаго пролетаріата успѣли выработаться особые пріемы политической борьбы. На основаніи этого опыта, этого знанія и этихъ испытанныхъ пріемовъ борьбы, приспособленныхъ къ интересамъ пролетаріата, сложились во всемъ мірѣ соціальдемократическія рабочія партіи, и такая же партія существуетъ у насъ въ Россіи. Соціальдемократическая партія отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что она служитъ интересамъ только пролетаріата, не отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ, а всего рабочаго класса въ цѣломъ, не однимъ только мимолетнымъ, преходящимъ интересамъ рабочаго класса, а прежде всего и больше всего великой конечной цѣли пролетарской борьбы — соціализму, въ осуществленіи котораго заинтересовано все угнетенное человѣчество. Только эта партія способна руководить освободительной борьбой рабочаго класса, только она способна будетъ руководить пролетаріатомъ въ моментъ предстоящей революціи.

Мы переживаемъ теперь тревожное время ломки политическаго строя Россіи. Въ умахъ рабочихъ бродятъ тысячи вопросовъ. Рабочіе рвутся на борьбу. То и дѣло у нихъ возникаютъ новые кружки и организаціи. Разныя партіи и общественныя силы стараются перетянуть ихъ на свою сторону. Теперь больше чѣмъ когда-либо рабочимъ нужно сплотиться подъ *собственнымъ* знаменемъ.

Собирайтесь же подъ красное знамя Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи! Читайте ея листки и изданія, отзывайтесь на ея прокламаціи, примыкайте къ ея организаціямъ! Спѣшите, потому что рабочимъ предстоитъ выполнить великую работу, и каждый, кому дорога судьба рабочаго класса и судьба своей родины, долженъ въ такое тревожное время быть на своемъ посту.

Какъ они изворачиваются!

„Вы не можете себѣ представить, до какой степени этотъ чертовскій человѣкъ, казалось бы, такой умный и практичный, помѣшанъ на покровительствѣ труду и своимъ милѣйшимъ русскимъ рабочимъ".

Читатель, навѣрное, не догадается, о комъ тутъ идетъ рѣчь. Это московскій фабрикантъ-французъ жалуется на министра финансовъ Витте. Мы такихъ грѣховъ за Витте что-то не знали. Но, оказывается, французъ правъ. Улика на лицо.

Недавно соціалисты опубликовали секретную записку министра о стачкахъ и рабочихъ союзахъ *). Въ ней онъ излагаетъ свои мысли съ такой откровенностью, съ какой никогда не рѣшился бы выступить публично. Такъ, онъ чистосердечно признается, что рабочіе въ Россіи поставлены въ „исключительное положеніе *вслѣдствіе особаго (несправедливаго) къ нимъ отношенія закона и высшихъ правительственныхъ властей*, и что такая исключительность едвали можетъ быть чѣмъ-нибудь оправдана". Это говоритъ келейно тотъ самый Витте, который въ глаза увѣряетъ рабочихъ, что „законъ одинаково ограждаетъ справедливые интересы какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ". Горькую правду таить про себя, а вслухъ проповѣдовать завѣдомую ложь — обычный пріемъ порядочнаго русскаго министра.

*) См. нелегальную брошюру: „Самодержавіе и стачки". Мы настойчиво совѣтуемъ читателямъ поближе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ документомъ.

стачки и нарѣдка угрожающими возгласами: „Къ королевскому замку!" Полиція произвела нѣсколько арестовъ.

„Итакъ, уже сегодня — писалъ на слѣдующій день Брантингъ — мы можемъ крикнуть массамъ новый лозунгъ: полный ходъ впередъ!"

Выполняя программу, съѣздъ назначилъ первую всеобщую демонстрацію на воскресенье 20 апрѣля.

Демонстраціи вездѣ прошли спокойно за исключеніемъ Стокгольма, гдѣ потерявшее голову начальство вызвало небывалое въ Швеціи уличное избіеніе. Собраніе происходило на той же площади Лиль-Янцъ и доходило до 25.000 чел. Послѣ ряда горячихъ рѣчей толпа при крикахъ: „впередъ на уличную демонстрацію" двинулась къ Народному Дворцу. Сначала все шло мирно, но вблизи королевскаго замка на толпу свирѣпо набросились конные полицейскіе съ обнаженными саблями, а шпіоны своими дубинками начали обрабатывать мирныхъ демонстрантовъ. Шляпы, калоши, палки замелькали въ воздухѣ, сабли засверкали на солнцѣ, изступленные крики, брань, окровавленныя лица — все это настолько напоминало наши русскія сцены, что дальше описывать ихъ не имѣетъ смысла. Потерявъ въ этой западнѣ до 100 раненыхъ и арестованныхъ, толпа, наконецъ, достигла Народнаго Дворца. Полиція и здѣсь продолжала свои насилія, пока толпа не разошлась, слѣдуя увѣщаніямъ своихъ вождей.

Но долго еще Стокгольмъ не могъ успокоиться въ эту ночь. На смѣну взрослымъ демонстрантамъ явились подростки, занявшіе площадь передъ Народнымъ Дворцомъ, и забавлялись надъ полиціей, угощая ее кошачьими концертами. Полиція, арестовывая мальчишекъ, сама поддерживала воодушевленіе, и еще въ 2 часа ночи, какъ сообщаетъ одна телеграмма, у Народнаго Дворца стояло 20 полицейскихъ и 4 демонстранта.

На слѣдующій день правленіе партіи обратилось къ рабочимъ, убѣждая ихъ не помогать полиціи, которая, очевидно, хочетъ вызвать безпорядки и заглушить движеніе: „Рабочіе, вашъ гнѣвъ вполнѣ справедливъ. Но не позволяйте раздражать себя! Тихо и спокойно ведите себя эти дни, чтобы еще большими массами выступить въ слѣдующее воскресенье!"

Поведеніе полиціи вызвало противъ себя бурю негодованія какъ въ обществѣ, такъ и у многихъ членовъ парламента, гдѣ 73 человѣка голосовало за судъ надъ полиціей (131 депутатъ были противъ).

Общественное мнѣніе заставило правительство быть благоразумнѣе, и въ воскресенье, 27 апрѣля, стокгольмцы уже въ числѣ 30.000 тихо и спокойно прошли по улицамъ города. Главный зачинщикъ безпорядка — полиція совершенно отсутствовала, передавъ по соглашенію съ рабочими наблюденіе за порядкомъ 300 выбраннымъ для этого рабочимъ. Вездѣ царило полное спокойствіе.

Слѣдующая демонстрація назначена была на воскресенье, 11 мая, когда парламентскій комитетъ долженъ былъ начать обсужденіе проекта реформы. Участіе въ шествіи на этотъ разъ было еще больше. На улицахъ Стокгольма двигалось до 100.000 человѣкъ, и нѣтъ сомнѣнія, что это была самая большая демонстрація во всей Скандинавіи. Рабочіе, шедшіе на этотъ разъ съ музыкой и развѣвающимися знаменами, проходили мимо Народнаго Дворца въ продолженіе полутора часа.

13 и 14 мая были устроены во всей Швеціи вечернія собранія рабочихъ для обсужденія правительственнаго проекта и для принятія послѣднихъ мѣръ къ забастовкѣ.

Наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что реформа будетъ обсуждаться въ парламентѣ съ 15 мая. Правленіе рабочей партіи оповѣстило немедленно всю страну объ этомъ: „Впередъ, всѣ сыны труда, мужчины и женщины! Впередъ за всеобщее избирательное право! Съ завтрашняго дня начинается забастовка!"

Шведская столица имѣла наканунѣ стачки очень нервный, тревожный видъ. Повсюду — въ конкахъ, кофейняхъ, вездѣ, гдѣ только сходилось двое, велась бесѣда о предстоящей забастовкѣ. Воздухъ былъ насыщенъ духомъ безпокойства и недовольства, всѣ самыя обыденныя происшествія получали иную окраску и какъ бы новую жизнь. Вотъ куда-то мчатся доверху нагруженныя телѣги — это купцы спѣшатъ съ доставкой своихъ товаровъ до остановки работъ. Повозки съ цѣлой горой пивныхъ бочекъ и бутылокъ тарахтятъ по всѣмъ направленіямъ: это пивоварные рабочіе объявили о своемъ присоединеніи къ стачкѣ. Посыльные и

таить про себя, а вслухъ проповѣдовать завѣдомую ложь — обычный пріемъ порядочнаго русскаго министра.

Что у Витте на языкѣ — давно всѣмъ извѣстно. Что у него на умѣ — для народа тайна: туда „постороннимъ входъ воспрещается". Но нескромные соціалисты проникли и въ это „святая святыхъ" и вынесли на свѣтъ божій „министерскія" мысли.

Вчера еще всѣ отношенія Витте къ рабочему движенію укладывались въ несложное правило Мымрецова: „тащить и не пущать". Тащить стачечниковъ на работу, тащить непокорныхъ въ тюрьму и ссылку. Не пускать рабочихъ на собранія, въ кружки и союзы, не пускать ихъ къ свѣту, къ лучшей жизни. Опытъ, однако, убѣдилъ Витте, что исключительно этимъ правиломъ руководиться нельзя, что оно часто приноситъ одинъ только вредъ. Правительство надѣялось палкой вколотить въ рабочихъ любовь къ себѣ. Но къ досадѣ Витте оказалось, что „преслѣдованія поселяютъ въ средѣ рабочихъ озлобленіе, порождаютъ въ нихъ прочное убѣжденіе въ несправедливомъ отношеніи къ нимъ закона, создаютъ *благопріятную почву для распространенія противоправительственныхъ ученій*."

Насилія правительства надъ стачечниками числа стачекъ не уменьшаютъ. Даже наоборотъ. „Если бы существовало болѣе спокойное отношеніе къ стачкамъ, легче было бы выяснить истинныя причины ихъ и принять мѣры къ миролюбивому соглашенію". Правда часто бываетъ на сторонѣ стачечниковъ. „Крайне трудно допустить, чтобы рабочіе рѣшились на стачку безъ достаточныхъ къ тому поводовъ".

Полиція разгоняетъ рабочія собранія и арестуетъ ихъ участниковъ. Но, „несмотря на запрещенія, рабочимъ все таки необходимо собираться вмѣстѣ, чтобы перетолковать о своихъ дѣлахъ, что они и дѣлаютъ, но дѣлаютъ тайно, въ укромныхъ мѣстахъ фабрики, на открытомъ воздухѣ, *внѣ надзора*. Сходки эти происходятъ въ ограниченномъ составѣ, притомъ *весьма часто при участіи совершенно нежелательныхъ, неблагонадежныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои политическія цѣли*, сбивающихъ рабочихъ съ правильнаго пути и наносящихъ этимъ большой, трудно поправимый вредъ".

Полиція преслѣдуетъ рабочихъ за устройство кассъ, союзовъ и кружковъ. И всетаки „въ средѣ рабочихъ существуютъ *тайные* кружки съ цѣлью распространенія противоправительственныхъ ученій. Но *будь у рабочихъ своя собственная, а не прячущаяся по угламъ, организація*, едвали дѣятельность этихъ кружковъ имѣла бы успѣхъ".

Бѣдный Витте! Какой черной неблагодарностью отплачиваютъ ему рабочіе за всѣ его старанія наставить ихъ на правильный путь. Но онъ все еще не теряетъ надежды на успѣхъ. Не удалось взять ихъ мытьемъ, такъ удастся катаньемъ. Витте пробуетъ подсластить удары нагайки грошовымъ леденцомъ.

Онъ предлагаетъ, во-первыхъ, отмѣнить „несправедливыя" наказанія за досрочный отказъ отъ работы и за стачку."

Во вторыхъ, Витте предлагаетъ разрѣшить рабочимъ стачки, союзы для взаимопомощи и самообразованія и фабричнозаводскія собранія.

Итакъ, Витте предлагаетъ ввести въ Россіи свободу стачекъ, союзовъ и собраній. Поосторожнѣе, г. Витте, какъ бы не услышалъ васъ вашъ сослуживецъ Плеве и не пригласилъ бы васъ перебраться изъ покойнаго министерскаго кабинета въ сибирскія тундры. Но Витте не запугаешь. Онъ смѣло и увѣренно идетъ впередъ.

Взамѣнъ исключительнаго несправедливаго закона, запрещающаго стачки, онъ предлагаетъ другой такой же несправедливый — онъ хочетъ установить наказаніе за „*насилія, угрозы и обезславленія*" во время стачки. И насилія, и угрозы, и обезславленія можно найти при желаніи даже въ самой мирной стачкѣ. Рабочіе останавливаютъ въ воротахъ идущихъ на работу — они совершаютъ насиліе. Стачечникъ уговариваетъ товарища примкнуть къ стачкѣ — онъ ему „угрожаетъ". Стачечникъ пристыдилъ штрейкбрехера или только выразительно взглянулъ на него — онъ совершилъ „обезславленіе". Вся свобода стачекъ сводится только къ измѣненію № и текста статьи закона. Въ положеніи же стачечниковъ никакихъ перемѣнъ не произойдетъ. Въ случаѣ, же если бы новый законъ почему либо оказался неудобнымъ, то вѣдь всегда есть возможность втихомолку отмѣнять его какимъ-нибудь циркуляромъ: вспомните хоть исторію съ закономъ о рабочемъ днѣ, который Витте началъ нарушать и отмѣнять чуть не на слѣдующій день послѣ его изданія. А чего не сдѣлаетъ Витте, то докончитъ за него Плеве, подтвердивъ по полиціи строгій приказъ о преслѣдованіяхъ, арестахъ и высылкахъ стачечниковъ.

прислуга возвращаются съ базара, сгибаясь подъ тяжестью корзинъ, съ запасами на нѣсколько дней. Вотъ длинный рядъ женщинъ съ ведрами, графинами, кувшинами стоитъ у водопровода, спѣша запастись водой: это разнесся слухъ, что водопроводные рабочіе тоже стакнулись. А вотъ вооруженные полицейскіе оцѣпливаютъ часть города, прилегающую къ королевскому замку и парламенту: это правительство боится, чтобы рабочіе не разнесли ненавистныхъ имъ зданій.

И подумать только, что всю эту суматоху вызвала лишь „пробная демонстрація", какъ сами шведы отзываются о своей забастовкѣ.

Что же сдѣлаетъ настоящая всеобщая забастовка?

Наконецъ, наступило 15 мая. Работы остановились во всей Швеціи. Болѣе *120.000* стачечниковъ отказали въ своемъ трудѣ тому обществу, которое не даетъ рабочимъ, этой настоящей соли земли, участія въ издачіи законовъ, въ управленіи страной. Вездѣ тихое, торжественное, праздничное настроеніе. Какъ зачарованныя, стоятъ фабричныя и заводскія трубы: ни дыма, ни шума, ни грохота, ни одного гудка. На улицахъ не слышно ни пронзительныхъ звонковъ конокъ, ни стука колесъ о мостовую, ни топота лошадиныхъ копытъ. За то вездѣ празднично одѣтые рабочіе и работницы, вездѣ батальоны закаленныхъ сыновъ труда, марширующіе стройными рядами подъ красными знаменами.

Но особенно много людей возлѣ Народнаго Дворца въ Стокгольмѣ. Всѣ прилегающія къ Дому улицы и огромная площадь передъ нимъ представляютъ одно сплошное людское море. Въ самомъ Домѣ всѣ залы, лѣстницы, балконы, дворъ биткомъ набиты людьми. Все зданіе — какъ бы одно думающее и чувствующее живое существо. Тутъ голова и душа всего стачечнаго движенія. Тутъ настоящее правительство Швеціи въ эти дни общей забастовки.

Пробывъ немного въ комнатѣ, гдѣ засѣдаетъ стачечное правленіе, лучше всего убѣждаешься въ томъ, какъ необходимы рабочіе для существованія общества. Вотъ посланные отъ рабочихъ большого сахарнаго завода съ просьбой разрѣшить тремъ изъ нихъ остаться на заводѣ, чтобы работа могла начаться сейчасъ же послѣ конца стачки. Вотъ является какой-то фабрикантъ и проситъ о томъ же. Вотъ въ телефонъ звонитъ хозяинъ бумажной фабрики и спрашиваетъ согласія на то, чтобы 10 человѣкъ изъ 500 не бросали работы. Вотъ опять рабочіе, спрашивающіе совѣта, какъ имъ быть со своимъ фабрикантомъ, угрожающимъ расчетомъ всѣмъ забастовавшимъ. Вотъ приходитъ телеграмма, что въ такомъ-то городѣ забастовало 13.000 рабочихъ, въ такомъ то — 5.000 и т. д. Вотъ представители отъ почтальоновъ съ предложеніемъ бросить работу, вотъ желѣзнодорожные служащіе съ тѣмъ же. Вотъ водопроводные и газовые рабочіе, коночники, типографы, извозчики, грузчики, телеграфисты и даже „театральные рабочіе", о существованіи которыхъ до сихъ поръ никто и не зналъ. Вотъ въ телефонъ раздается голосъ тяжко больного радикальнаго депутата Гедина:

— Прошу дать извозчика.

— Нельзя достать ни одного, всѣ извозчики бросили работу.

— Но мнѣ нужно въ парламентъ...

— Сожалѣемъ, но...

— Поймите же, что я долженъ тамъ быть при обсужденіи такого важнаго вопроса. Сдѣлайте исключеніе.

— Исключеніе дѣлается только для похоронъ.

— Отлично! Давайте похоронныя дроги! Вѣдь я ѣду на погребеніе правительства.

Нечего и говорить, что его желаніе исполняется.

Теперь спустимся во дворъ. Тутъ рѣчи, пѣніе, крики ура, потрясающіе стѣны массивнаго зданія, и толпа... толпа, жадно слушающая всѣ новости, за невыходомъ газетъ передающіяся изъ устъ въ уста. Вотъ съ балкона раздается радостная вѣсть: тысячная толпа работницъ на ткацкой фабрикѣ въ Мальмё, запертая на фабрикѣ хозяиномъ, выломала ворота, смяла полицію и примкнула къ своимъ товарищамъ.

Такая всеобщая забастовка продолжалась 3 дня. Въ это время въ парламентѣ велись оживленныя пренія по поводу избирательной реформы. Окруживъ парламентъ непрерывной цѣпью городовыхъ, полиція думала отрѣзать депутатовъ отъ народнаго вліянія. Напрасно! Уже въ первый день среди самыхъ горячихъ споровъ электрическій свѣтъ вдругъ погасъ, и смущенные депутаты спѣшили при тускломъ свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей (запасъ ихъ также истощался!) похоронить ненавистный народу проектъ со всѣми его ограниченіями.

Но къ чему же тогда весь этотъ шумъ? А вотъ къ чему. Вмѣшательство полиціи въ стачки становится все назойливѣе. Оно стѣсняетъ и озлобляетъ не только рабочихъ, но и хозяевъ: полиція то запрещаетъ дѣлать уступки забастовщикамъ, то, напротивъ, заставляетъ насильно исполнять требованія рабочихъ, чтобы предупредить или въ началѣ прекратить стачку. Хозяева возроптали. Ихъ ангелъ-хранитель Витте поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Его *новый законъ долженъ оградить, насколько только возможно, хозяевъ отъ непрошеннаго полицейскаго вмѣшательства въ стачки.* Для вмѣшательства же полиціи по приглашенію хозяевъ онъ оставляетъ полный просторъ.

Выходитъ, что разрѣшеніе стачекъ рабочимъ предлагается лишь для успокоенія фабрикантовъ. Ну, да что за счеты! Вѣдь „въ нашей промышленности преобладаетъ патріархальный складъ отношеній между хозяиномъ и рабочими", царятъ „ладъ, согласіе, простота и справедливость!" И зачѣмъ только Витте выкинулъ эти золотыя слова изъ новаго изданія своего стараго секретнаго циркуляра!

Еще лучше обстоитъ дѣло съ союзами. Рабочимъ нужны боевые сплоченные союзы для защиты профессіональныхъ и политическихъ интересовъ, для борьбы за уничтоженіе экономическаго и политическаго гнета. Имъ нужна полная свобода дѣйствій внутри этихъ союзовъ. А что же предлагаетъ имъ Витте? Кассы взаимопомощи, которыя „не затрагивали бы нисколько интересовъ работодателей и *не имѣли бы права вмѣшиваться въ отношенія между хозяевами и рабочими.*" Все въ этихъ союзахъ должно быть чинно и благородно. А ну, какъ рабочіе не захотятъ вступать въ эти пансіоны благородныхъ дѣвицъ. А начальство-то на что? Не пойдетъ рабочій по доброй волѣ, такъ потащутъ его въ союзъ силою. Витте предлагаетъ сдѣлать кассы *обязательными*, чтобы въ нихъ участвовали всѣ рабочіе *поголовно* — и тѣ, которые способны и готовы постоять за себя и товарищей, и трусы, негодяи и предатели. А вдругъ — спаси богъ — въ этихъ союзахъ заведется крамола? И отъ этой бѣды имѣются въ запасѣ средства—казенный „нормальный" уставъ и усиленный надзоръ фабричныхъ инспекторовъ и полиціи. Эти *„крѣпостные"* рабочіе союзы будутъ, пожалуй, еще почище тѣхъ, которыми въ прошломъ году правительство наградило студентовъ и отъ которыхъ тѣ съ презрѣніемъ отвернулись.

Рабочій жадно ищетъ знаній. Что же, дѣло это хорошее, только надо за него браться съ умомъ, а то начитается рабочій запрещенныхъ книжекъ и начнетъ мечтать о себѣ ни вѣсть что, вообразитъ себя, пожалуй, еще соціалистомъ. Надо оберечь его отъ этой заразы — перетянуть изъ тайныхъ кружковъ въ разрѣшенныя общества самообразованія съ казеннымъ уставомъ и подъ полицейскимъ надзоромъ. Тамъ научатъ его „механическому" чтенію такъ, чтобы онъ, точно Гоголевскій Петрушка, не понималъ того, что читаетъ. Тамъ профессора Озеровы будутъ бесѣдовать съ нимъ о полицейскихъ рабочихъ союзахъ, священники проповѣдовать терпѣніе и покорность, жандармы объяснять цѣлительную силу царской нагайки. Чего же еще рабочему нужно?

Новая секретная записка Витте, какъ вы видите, есть изворотливый обманъ. Но изворачиваться правительство заставляетъ только сила рабочихъ, страхъ передъ рабочимъ движеніемъ. Въ этомъ смыслѣ рабочіе могутъ себя поздравить съ новой крупной побѣдой надъ правительствомъ. Они заставили его еще разъ расписаться въ томъ, что оно ихъ боится. Нравственное значеніе этой побѣды очень велико, и сознательные рабочіе должны самымъ широкимъ образомъ использовать ее: они должны объяснять своимъ болѣе довѣрчивымъ товарищамъ тѣ причины, которыя побудили Витте на этотъ шагъ, и тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ. Они должны сорвать съ лицемѣра министра надѣтую имъ маску благодѣтеля рабочихъ. Витте хочетъ узаконить рабочее движеніе, чтобы обезсилить и сломить его. Но это ему не удастся. Рабочаго движенія не втиснуть въ тѣсныя рамки полицейскихъ порядковъ. Оно было и должно остаться у насъ нелегальнымъ. Правительственные союзы не уничтожатъ нелегальныхъ рабочихъ организацій. Только въ нихъ, внѣ полицейскаго надзора, при участіи и подъ вліяніемъ неблагонадежныхъ соціалистовъ — можетъ и будетъ развиваться рабочее движеніе. Въ нихъ жизнь, борьба и залогъ лучшаго будущаго.

А потому нашъ отвѣтъ разнымъ Зубатовымъ и Витте можетъ быть только одинъ.

Намъ не нужно узаконеннаго (легальнаго) рабочаго движенія въ душной атмосферѣ полицейскаго произвола. Наше движеніе нуждается въ просторѣ и свѣжемъ воздухѣ. Намъ не нужны рабочія организаціи подъ вашимъ руководствомъ. Намъ нужны организаціи для борьбы съ вами!

---

68 голосовъ высказалось за предложеніе вождя рабочихъ Брантинга о всеобщемъ равномъ избирательномъ правѣ, тогда какъ 3 года тому назадъ за него осмѣлились высказаться только 36 депутатовъ. Огромнымъ большинствомъ былъ проваленъ правительственный проектъ, и 117 голосами противъ 107 было постановлено: „требовать отъ правительства составленія новаго проекта избирательной реформы, но уже на основаніи всеобщаго права голоса и съ пропорціональными выборами".

Телеграмма правленія соціальдемократической партіи: „Забастовка прекращается сегодня, въ субботу 17 мая, въ 6 час. вечера", оповѣстила всю Швецію, что въ борьбѣ за всеобщее избирательное право наступилъ новый періодъ.

„Благодаря нашей забастовкѣ и демонстраціямъ — пишетъ главная газета шведскихъ рабочихъ — вся Швеція охвачена роемъ мыслей, прежде ей совершенно чуждыхъ, мыслей о возрожденіи, о блестящемъ будущемъ, о высшей политической свободѣ и богатой гражданской жизни. Теперь никто не сомнѣвается, какая партія борется самымъ честнымъ образомъ за жизненные вопросы народа. Но намъ нельзя останавливаться на этой нравственной побѣдѣ. Наша борьба откликнулась сильнымъ эхомъ въ палатѣ депутатовъ. Но главное дѣло еще остается. Рабочіе должны зорко смотрѣть, чтобы правительство опять не смошенничало. На осеннихъ выборахъ въ парламентъ намъ предстоитъ еще разъ помѣряться силами съ противниками расширенія народныхъ правъ и, если понадобится, то вступить въ настоящую серьезную борьбу, а не только въ пробную демонстрацію".

Такъ какъ всеобщая забастовка была направлена не противъ хозяевъ, а исключительно противъ правительства и парламента, то и случаевъ расчета рабочихъ за стачку было сравнительно мало. Расходы по содержанію оставшихся безъ мѣста, веденіе отдѣльныхъ стачекъ противъ упорныхъ хозяевъ, отказывавшихся вновь принять старыхъ рабочихъ, расходы по защитѣ и помощи арестованныхъ въ демонстраціяхъ (во время забастовки не было произведено ни одного ареста!) — все это было покрыто изъ фонда всеобщей стачки. Фондъ этотъ, составленный изъ однодневнаго заработка рабочихъ и частныхъ пожертвованій (одно пожертвованіе въ 20 рублей пришло даже изъ Монголіи!), достигалъ 89.000 кронъ *), изъ которыхъ истрачено было 79.000.

Кромѣ упрямыхъ хозяевъ были, конечно, и сочувствовавшіе рабочимъ. Такъ, многіе фабриканты (особенно изъ мелкихъ) дѣлали взносы въ стачечный фондъ; одинъ роздалъ всѣмъ своимъ рабочимъ по 50 кронъ; другой встрѣтилъ своихъ рабочихъ накрытымъ столомъ съ закуской и выпивкой.

Намъ остается еще разсмотрѣть послѣднія событія въ этой политической борьбѣ за избирательное право, результатъ осеннихъ выборовъ въ парламентъ.

Всеобщая забастовка разбудила массы, и она же главная причина тому, что друзья избирательной реформы („лѣвая") одержала на выборахъ блестящую побѣду надъ противниками („правой").

Лѣвая получила 121 депутата, а правая всего 107, въ то время какъ въ прежнемъ парламентѣ отношеніе было почти обратное. Избиратели высказали ясно, что они одобряютъ всеобщую забастовку и порицаютъ правительство, выбравъ отъ Стокгольма тѣхъ 20 депутатовъ, которые весною требовали суда надъ полиціей за ея безчинства.

Но для рабочихъ важнѣе избраніе 4 соціальдемократическихъ депутатовъ.

Редакторъ соціалистической газеты Брантингъ выбранъ въ Стокгольмѣ, каменьщикъ Перссонъ — въ Мальмэ, желѣзодѣлательный рабочій Ларсонъ — на западѣ и сапожникъ Торсонъ на югѣ Швеціи.

На выборахъ рабочіе получили достойную награду за ту послѣдовательную и упорную борьбу, которую они вели этой весной. Въ томъ парламентѣ, который въ серьезъ долженъ взять на себя разсмотрѣніе избирательной реформы, впервые въ шведской исторіи будутъ засѣдать нѣсколько представителей рабочей партіи. Ихъ еще немного — всего 4 человѣка, но эта первая побѣда — залогъ того, что въ скоромъ будущемъ всѣ шведы получатъ право управлять своей страной.

*) Крона равна приблизительно 50 копѣйкамъ.

Долой же легализацію! Да здравствуетъ нелегальное революціонное соціальдемократическое рабочее движеніе!

КОНКУРЕНЦІЯ.

Зубатовъ пригласилъ въ Москвѣ въ трактиръ Тѣстова нѣсколько десятковъ фабрикантовъ и произнесъ передъ ними, при закрытыхъ дверяхъ, рѣчь, которую мы помѣщаемъ здѣсь въ извлеченіи *).

Вслѣдствіе... неправильной постановки школъ..., руководимыхъ неблагонадежными учителями.... вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго направленія печати..., рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрятъ на представителей торгово-промышленнаго сословія, говоря вообще, какъ на „мошенниковъ".

Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своихъ законныхъ правъ только въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи г. московскаго оберъ-полиціймейстера, которое, сознавая всю трудность положенія этого сословія, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ представителя капитала, со стороны „рабочаго класса" и интеллигенціи. Но, къ великому сожалѣнію, само это сословіе, не будучи посвящено во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики охраннаго отдѣленія, не только не сочувствуетъ его предначертаніямъ, но даже, повидимому, противодѣйствуетъ имъ.

Нынѣ законъ возлагаетъ охрану законныхъ правъ хозяевъ и рабочихъ на фабричную инспекцію, но это учрежденіе, по мнѣнію охраннаго отдѣленія, оказалось безсильнымъ въ своей области, потерявъ въ глазахъ рабочихъ всякое довѣріе. И именно поэтому охранное отдѣленіе, въ видахъ соображеній государственной важности, не только рѣшилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекціи, кои обнимаютъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ, но и почти склонно поставить на самомъ этомъ учрежденіи, какъ на анахронизмѣ, крестъ.

Возлагая на себя бремя этихъ обязанностей, охранное отдѣленіе... приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы проникнуть въ глубину глубинъ особенностей фабрично-заводскаго быта, и по изслѣдованіи ихъ оно пришло къ непоколебимому убѣжденію, что единственнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить погромы капиталовъ и частной собственности..., является расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ, какъ на этомъ настаиваетъ г. министръ финансовъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, внѣзаконномъ, нелегальномъ.

Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, вопреки ст. 319 Устава о предупрежденіи и т. д., должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ... Общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами, массами.

Дабы утвердить это обоюдополезное для хозяевъ и рабочихъ учрежденіе, дабы грядущія событія не застали врасплохъ, охранное отдѣленіе озаботилось не только отысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ, даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ, но и устройствомъ, такъ сказать, питомника для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми искусными въ этой области. Всѣ сіи учителя и воспитатели получаютъ приличное вознагражденіе въ видѣ жалованія, харчевыхъ, проѣздныхъ, наградныхъ.

Средства для поддержанія сего учрежденія доставляются обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическихъ мастерскихъ... Кромѣ того, поступаютъ пожертвованія отъ высокопоставленныхъ особъ, „интеллигенціи", духовенства и разныхъ лицъ.

Дабы рабочіе могли объяснить себѣ возможно основательнѣе свои права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, охранное отдѣленіе открыло лекціи, привлекши къ этому дѣлу его высокопреосвященство московскаго митрополита...

Въ видѣ перваго опыта, такъ сказать, генеральной репетиціи, управленія народными громадами, былъ произведенъ 19 февраля начальникомъ охраннаго отдѣленія сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ московской губерніи безъ различія сословій къ памятнику царя-освободителя, гдѣ выборные возложили вѣнокъ. Этотъ внезапный сборъ 50.000-й толпы, произведенный вопреки закона о рабочемъ времени, вызвалъ восторженное умиленіе его императорскаго высочества...

Благодаря таковымъ порядкамъ, Москва избавлена была нынѣшнею весною и лѣтомъ отъ многихъ приготовлявшихся безпорядковъ..., тогда какъ въ Петербургѣ безпорядки почти не прекращаются въ теченіе всего лѣта.

Предпочтеніе внѣзаконному пути проведенія въ жизнь новыхъ условій бытія фабричнаго рабочаго, а не законодательному, дано по соображеніямъ высокой государственной важности, на основаніи коихъ можетъ дѣйствовать пока только г. московскій оберъ-полиціймейстеръ...

Охранное отдѣленіе уже успѣло въ короткій срокъ снискать искреннѣйшее довѣріе къ себѣ рабочихъ...

Представителямъ торгово-промышленнаго сословія, при существующемъ положеніи вещей, остается лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звеньями которой являются „рабочій классъ", интеллигенція и духовенство, сплотившіеся около обожаемаго августѣйшаго хозяина столицы, его императорскаго высочества великаго князя Сергія Александровича, и такимъ образомъ облегчить въ значительной степени нелегкую задачу проведенія въ жизнь не только Москвы и московской губерніи, но и всей Россіи, хотя и внѣзаконнаго, но единственно спасительнаго порядка взаимоотношеній между хозяевами и рабочими.

*) Рѣчь цѣликомъ напечатана въ № 8 заграничной газеты „Освобожденіе".

Судя по изложенію этой рѣчи Зубатова, фабрикантъ, который ее записалъ и опубликовалъ, видно, хорошо раскусилъ „соображенія высокой государственной важности", которыми руководится Зубатовъ. Оберъ-сыщику изъ охраннаго отдѣленія Зубатову спать не даютъ лавры и окладъ жалованья оберъ-плута изъ министерства финансовъ Витте. Они на перебой „спасаютъ отечество", на перебой дурачатъ рабочихъ и умасливаютъ фабрикантовъ. Каждое „вѣдомство" пользуется для этой благородной цѣли средствами, находящимися въ распоряженіи этого вѣдомства.

Сыщикъ проповѣдуетъ „полицейскій произволъ" для отмѣны законовъ, а министръ изобрѣтаетъ „законы" для прочнаго водворенія полицейскаго произвола.

Московскіе фабриканты, твердо знающіе правило — не обманешь не продашь, насквозь видятъ и Витте и Зубатова и смѣются надъ ними въ кулакъ. А московскіе рабочіе несутъ свои гроши въ охранное отдѣленіе и молятся за царя-освободителя по приглашенію сыщиковъ. **Позоръ!**

Совѣтъ русскому правительству.

Витте и Зубатовъ все думаютъ о томъ, какъ бы „полицейскимъ способомъ" рѣшить рабочій вопросъ, который столько хлопотъ надѣлалъ правительству, и ничего они придумать не могутъ.

А между тѣмъ задача эта была уже недавно блестяще рѣшена въ одномъ южно-американскомъ государствѣ, въ Никарагуа.

Сообщаемъ это рѣшеніе, въ надеждѣ, что мудрое русское правительство приметъ его къ свѣдѣнію и соображенію.

Новый законъ, изданный въ Никарагуа, объявляетъ, что всякій, у кого нѣтъ собственности на 200 рублей, причисляется къ рабочему классу. Всякій, причисленный закономъ къ рабочему классу, обязывается имѣть своего хозяина. Рабочій, не имѣющій хозяина, проще говоря, безработный арестуется полиціей и содержится въ тюрьмѣ въ теченіе 20 дней. Послѣ этого срока рабочаго гоняютъ на какую-либо общественную работу, предпринимаемую на счетъ правительства, покуда какой-нибудь хозяинъ частнаго промышленнаго заведенія не возьметъ къ себѣ рабочаго *изъ милости.*

Вотъ какъ самодержавное правительство могло бы рѣшить рабочій вопросъ. При такомъ законѣ прекратилась бы безработица, прекратились бы стачки, рабочія волненія и т. п., и на землѣ водворился бы рай — полицейскій рай.

ЦАРСКІЯ РѢЧИ.

Въ 11 № Революціонной Россіи напечатано письмо вѣрноподданнаго матроса „о тяжкомъ положеніи бѣднаго государя". „Жизнь его хуже нашего. Государь все опасается и больше сидитъ въ своемъ зимнемъ дворцѣ, все одно что арестованный. Только и развлеченіе — играетъ съ своими собаками. Они на него такъ и прыгаютъ, и бѣгаетъ съ ними по саду, а то бѣгаетъ по крышѣ или играетъ съ братомъ въ лапту".

Не въ первый разъ на русскомъ престолѣ такой „великій" государь: въ 16 вѣкѣ „скорбный главой" царь Федоръ звонилъ въ колокола и забавлялся шутами и дурками; въ 18-мъ Петръ III игралъ въ оловянные солдатики, въ 20-мъ Николай II развлекается лаптой и собаками...

Но сердобольный матросъ немного хватилъ черезъ край. У „бѣднаго государя" есть вѣдь и дѣло. Хочешь — не хочешь, а надо подписать бумаги, которыя приносятъ министры. Иную изъ нихъ царь даже прочтетъ и положитъ мудрую резолюцію вродѣ того, что „не разрѣшаю въ Россіи кризиса, даю разрѣшеніе только на временную заминку въ дѣлахъ".

Но царь не только „миропомазанный штемпель", который министры прикладываютъ къ своимъ бумагамъ. Онъ еще жи-

вой фонографъ, который въ важныхъ случаяхъ передаетъ публикѣ слова своихъ министровъ.

Писатель Щедринъ писалъ когда-то о правителѣ съ органчикомъ вмѣсто головы. Органчикъ умѣлъ выговаривать только два слова: не потерплю, раззорю!

Съ тѣхъ поръ жизнь стала сложнѣе, люди стали требовательнѣе. Усложнился и механизмъ царской головы: она вмѣщаетъ и произноситъ не только грозные окрики, но и цѣлыя рѣчи.

* * *

Въ Курскѣ во время маневровъ царь принималъ депутаціи отъ крестьянъ и дворянъ. Представители дворянства явились къ царю на поклонъ по доброй волѣ. Крестьянъ согнали туда по приказу начальства. И принялъ ихъ царь тоже по разному: кость бѣлая, кость черная — имъ разный и почетъ.

Дворянамъ царь сказалъ: Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ своихъ монарховъ за *вѣрную самоотверженную службу престолу*. Незабвенный отецъ мой призвалъ васъ къ руководству *крестьянскимъ управленіемъ*. На этомъ поприщѣ вы *мнѣ служите не за страхъ, а за совѣсть*. Благодарю васъ за службу. (Рады стараться, отвѣтили дворяне). Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія; *дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время. Есть неустройства и въ крестьянскомъ*. Для устраненія послѣднихъ по моему повелѣнію соображаются необходимыя мѣры. Къ участію въ этихъ трудахъ будутъ призваны губернскіе комитеты *съ участіемъ дворянства* и земства. Что касается *помѣстнаго землевладѣнія*, которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то *его укрѣпленіе будетъ моей непрестанной заботой*".

Крестьянамъ царь сказалъ: „Весной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губ. крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. *Виновные понесутъ заслуженное наказаніе, а начальство сумѣетъ, я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ*. Напоминаю вамъ слова покойнаго моего батюшки: „Слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте дурнымъ слухамъ". Помните, что *богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ божіимъ*. Передайте въ точности все, что я вамъ сказалъ, вашимъ односельчанамъ; а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды я не оставлю своимъ попеченіемъ.

* * *

Царь благодаритъ дворянъ за вѣрную службу престолу не за страхъ, а за совѣсть. За богомъ молитва, за царемъ служба не пропадетъ. „Дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время". Но утѣшьтесь, господа дворяне! „Укрѣпленіе дворянскаго землевладѣлнія будетъ непрестанной заботой" царя. Не утруждайте же своихъ бѣлыхъ рукъ работою и веселыхъ головъ заботами о завтрашнемъ днѣ. Знайте, что царская казна всегда къ вашимъ услугамъ. Вспомните, лѣтъ 15 назадъ, когда вы проѣли выкупныя свидѣтельства и запутались въ долгу, какъ въ шелку, развѣ не учредилъ для васъ „незабвенный отецъ" царя дворянскаго банка и теплыхъ мѣстечекъ земскихъ начальниковъ. Нынѣшній царь свято чтитъ завѣты своихъ предковъ. Вотъ онъ устраиваетъ для васъ дворянскія кассы взаимопощи. Не пугайтесь этого слова *взаимо*-помощь. Царь обѣщаетъ на открытіе кассъ отпустить вамъ изъ казначейства по его, государя, „усмотрѣнію"; а затѣмъ ваша касса въ теченіе 10-ти лѣтъ будетъ получать казенное пособіе въ размѣрѣ вашихъ собственныхъ взносовъ. Будетъ откуда платить недоимки и проценты въ земельные банки, будетъ откуда брать дополнительныя ссуды подъ залогъ имѣній... А если несмотря и на эти льготы ваше родовое имѣніе перейдетъ всетаки въ руки чумазыхъ, такъ и противъ этой бѣды есть въ запасѣ вѣрное средство. По хозяйственной благонадежности вы являетесь самыми желательными въ правительственныхъ видахъ землевладѣльцами въ Сибири. Недавно еще по вашему желанію былъ изданъ законъ о нарѣзкѣ для васъ тамъ чуть не даромъ лучшихъ участковъ по 3000 десятинъ, да еще въ перемежку съ крестьянскими землями, чтобы обезпечить васъ дешевыми рабочими и дорогими арендаторами.

Новое широкое поле дѣятельности открывается передъ вами. Все пойдетъ, какъ по маслу. Оставайтесь только сами попрежнему „оплотомъ порядка и нравственной силы Россіи" и не увлекайтесь „безсмысленными мечтаніями"...

* * *

На крестьянъ царь съ перваго же слова набросился съ угрозами.

Всѣ знаютъ, какъ Малюта Оболенскій усмирялъ крестьянъ. Солдатамъ было предписано „дѣйствовать оружіемъ во всю, по совѣсти, и при стрѣльбѣ безцѣльныхъ выстрѣловъ вверхъ не дѣлать". Крестьянамъ давали по 100 ударовъ розгами, вымоченными въ соляномъ растворѣ; въ больницы привозили не людей, а изуродованное, изсѣченное, изрубленное человѣческое мясо. Даже инымъ помѣщикамъ становилось жутко отъ такой расправы. Нѣсколько крестьянъ предпочли ей самоубійство. Въ усмиренныхъ деревняхъ Малюта ставилъ на постой „вольныхъ" донскихъ казаковъ. Они били и грабили крестьянъ, насиловали ихъ женъ и дочерей. Казачій полковникъ Циглеръ говорилъ крестьянамъ: „Теперь намъ нужны не вы, нужны ваши бабы". Въ дополненіе всего царь приказалъ взыскать съ „бунтовщиковъ" въ пользу „пострадавшихъ" помѣщиковъ военную контрибуцію въ 800 тысячъ руб.

И пролитую кровь, и безпощадную порку, и милліонный штрафъ, и казацкій постой царь ставитъ ни во что. Онъ грозитъ, что „виновные въ безпорядкахъ понесутъ заслуженное наказаніе".

Раньше ихъ наказывали не въ зачетъ, не справляясь съ законами. Теперь ихъ накажутъ по суду на основаніи закона. Имъ грозитъ впереди еще каторга или арестантскія роты.

Царская милость къ русскому народу не знаетъ предѣла!

Но царь не только милостивъ: онъ справедливъ и безпристрастенъ. „Тяжелое положеніе" дворянскаго землевладѣнія не заслоняетъ въ его глазахъ того, что „есть *неустройства* и въ крестьянскомъ быту", правда, не столь уже существенныя, но всетаки... Для ихъ устраненія царь „соображаетъ необходимыя мѣры" и къ участію въ этихъ трудахъ призываетъ дворянство. Оно съумѣетъ разобраться: вѣдь дворянамъ не впервой рѣшать крестьянскую участь.

А пока что, содравши съ нищихъ крестьянъ 800 тыс. *), царь даетъ имъ добрый совѣтъ: „Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ божіимъ".

Рѣчь къ крестьянамъ царь закончилъ приказомъ: Передайте все въ точности своимъ односельчанамъ. Мы, соціалисты, тоже позаботимся о самой *широкой огласкѣ* царской рѣчи.

* * *

Вернувшись изъ Курска въ Петербургъ, царь на Балтійскомъ заводѣ во время спуска новаго броненосца удостоилъ рѣчью рабочихъ: „Трудитесь честно, ведите себя спокойно и не давайте себя смущать дурнымъ людямъ, которые такіе же враги вамъ, какъ и мнѣ".

„Трудитесь честно", это значитъ — будьте подгонялами, штрейкбрехерами, сбивайте расцѣнки, срывайте стачки. Трудитесь честно — значитъ, становитесь подлецами въ глазахъ товарищей.

„Ведите себя спокойно", это значитъ — откажитесь навсегда отъ мысли жить по человѣчески, откажитесь отъ борьбы за лучшее будущее, за лучшее настоящее.

„Не давайте смущать себя дурнымъ людямъ; они такіе же враги вамъ, какъ и мнѣ". Царь хочетъ увѣрить, что у него и у рабочихъ общіе враги и общіе друзья. Царь напрашивается въ друзья къ рабочимъ. Они не удостоятъ его этой чести, не запятнаютъ себя позоромъ царской дружбы.

Мѣсто царя не въ честной семьѣ рабочаго народа, а среди палачей и жандармовъ!

СУДЪ НАДЪ КРЕСТЬЯНАМИ — „БУНТОВЩИКАМИ".

Въ Валкахъ Харьковской губ. судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей только что окончила разборъ дѣлъ о весеннихъ крестьянскихъ волненіяхъ. Засѣданія происходили *при закрытыхъ дверяхъ*. Привлекалось 191 чел. Крестьянъ пріѣхали защищать передовые адвокаты. Они собрали массу поразительныхъ данныхъ о томъ, что пришлось вынести крестьянамъ до суда — о поркѣ, контрибуціи, военномъ постоѣ, *насилованіи женщинъ*. Но судъ хотѣлъ знать только то, *что дѣлали крестьяне, а не то, что дѣлалось надъ ними*. Адвокатамъ не позволено было касаться этого; они вынуждены были отказаться отъ защиты и заявили и опубликовали *протестъ* противъ незаконнаго поведенія предсѣдателя суда. Въ этомъ протестѣ они пишутъ: „По

*) Сами помѣщики заявили убытковъ *только на 350 тысячъ*.

основнымъ положеніямъ уголовнаго права *ни одинъ человѣкъ не можетъ быть дважды наказанъ за одно и то же дѣло, а именно это судъ и хочетъ дѣлать сейчасъ съ крестьянами*." Слушаніе дѣла продолжалось безъ участія адвокатовъ, но и тѣ факты, которые они успѣли раскрыть, подѣйствовали даже на судей, и они вынесли обвиняемымъ сравнительно мягкій приговоръ. Ст. 269^{1}, по которой обвинялись крестьяне и которая была *издана специально для этой цѣли еще въ голодный 91-й г.*, грозитъ каторгой. Харьковская судебная палата приговорила крестьянъ къ арестантскимъ ротамъ на 1 годъ и даже ходатайствуетъ передъ государемъ о смягченіи наказанія до 6 м. тюрьмы *)

Правда и милость царствуютъ въ судахъ!

Сейчасъ происходятъ разбирательства дѣлъ о безпорядкахъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ. Обвиняемыхъ до 300 человѣкъ.

Харьковскій Комитетъ Соц.-Дем. Партіи вотъ что говоритъ между прочимъ въ своей прокламаціи по поводу этого суда надъ крестьянами:

„Судятъ крестьянъ, крестьянъ обиженныхъ и униженныхъ, голодныхъ и темныхъ, безправныхъ и нищихъ. Ихъ судятъ не въ Харьковѣ, гдѣ десятки тысячъ рабочихъ и тысячи студентовъ, а подальше отъ смѣлыхъ и честныхъ людей, умѣющихъ судить самихъ судей. Ихъ судятъ въ захолустныхъ городишкахъ — въ Валкахъ и Константиноградѣ. Ихъ судятъ не судомъ присяжныхъ, судомъ общества, а судомъ нѣсколькихъ чиновниковъ — царскихъ холоповъ, при участіи сословныхъ представителей: городского головы — купца, предводителя дворянства помѣщика и волостного старшины, безгласнаго „при господахъ". Словомъ, ихъ судятъ все „свои люди". Мало того, ихъ судятъ при закрытыхъ дверяхъ, и даже, вопреки законамъ, не допускаютъ въ залъ засѣданія по трое родственниковъ отъ каждаго обвиняемаго, которые могли бы видѣть, что творится правое дѣло, а не насиліе. Словомъ ихъ судитъ правительство, то самое правительство, которое является единственнымъ преступникомъ во всемъ происшествіи".

Поученіе преосвящ. Иринея, епископа Орловскаго.

(Изъ „Церк. Вѣд.")

„Бѣдные и малоимущіе также необходимы въ мірѣ, какъ и богатые и многоимущіе, подобно тому, какъ незамѣтная травка и кустики зелени среди высокихъ деревьевъ и большихъ кустарниковъ... Не будь такого неравенства, никто не сталъ бы подчиняться кому-либо, вездѣ царилъ бы хаосъ, полное безначаліе и анархія. Обладай всѣ въ равной мѣрѣ достаткомъ и имуществомъ, никто не захотѣлъ бы взяться за какую-либо утомительную работу, за какое-либо общеполезное дѣло, не много нашлось бы охотниковъ къ труду. Но развѣ возможно было бы при этомъ сносное жительство? Развѣ возможно, положимъ, какому либо землевладѣльцу въ одно и то же время быть сапожникомъ, портнымъ, печникомъ, кузнецомъ и т. п.?

Въ общественной жизни богатый имѣетъ нужду въ бѣдномъ, богатому нужны руки бѣднаго, его голова; а трудящійся бѣднякъ имѣетъ нужду въ заработной платѣ, въ вознагражденіи за трудъ, въ работодателѣ. Такъ восполняются оба состоянія. И такою взаимною зависимостью устрояется и упрочивается общественное благоустройство. И какъ пустынна была бы жизнь, если бы не было ни высокихъ, ни низкихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, если бы не было разнообразія въ жизни! Представьте себѣ громадную, необозримую равнину, заросшую зеленою травою: вездѣ одна трава и трава и ничего больше. Остановится ли въ восхищеніи взоръ вашъ на этой картинѣ? Не вѣрнѣе ли, что, утомясь ея однообразіемъ, онъ станетъ искать другихъ предметовъ? А почему? Потому, что нѣтъ горъ и холмовъ, придающихъ необычайную прелесть и красоту равнинѣ. Какъ пустынно было бы въ мірѣ, если бы не было раздѣленія на бѣдныхъ и богатыхъ, связующаго людей въ единое общество....

Думаемъ, что сказаннымъ достаточно выяснено, зачѣмъ Богъ допускаетъ существованіе бѣдныхъ".

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Дѣвочка съ арфою пѣла...

. . . .

Ту старую пѣсню о сладости жертвъ,
Небесную *эйяпопею*, **)
Которой морочатъ ребечка-народъ,
Чтобъ гнулъ онъ покорнѣе шею.

Я знаю ту пѣсню, я знаю и кто
Ея сочинители были; —
Тянули тайкомъ они сами вино,
А паству водою поили.

Нѣтъ, пѣсню другую, получше, новѣй
Спѣть, други, хочу вамъ теперь я,
Мы будемъ счастливѣй, мы будемъ умнѣй,
Отбросивъ гнилыя повѣрья.

Лѣнивому брюху мы ѣсть не дадимъ,
Что добыли честныя руки,
И царство небесное здѣсь создадимъ
Себѣ мы безъ слезъ и безъ муки.

У щедрой кормилицы нашей — земли —
Для всѣхъ насъ достаточно хлѣба...
Есть розы и мирты, цвѣты и любовь,
И сладкій горошекъ душистый.

Да, сладкій горошекъ достанется намъ,
Мы даже стручечки облупимъ.
А царство небесное мы воробьямъ
И ангеламъ божьимъ уступимъ.

А впрочемъ, готовъ я туда полетѣть,
Лишь только бы крыльевъ дождаться;
И будемъ мы тамъ аллилуія пѣть
И въ райскихъ садахъ наслаждаться...

*) Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ № 8 заграничной газеты русскихъ либераловъ, „Освобожденія".

**) Эйяпопея — по гречески: баюшки-баю.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ СТАРИЧКА

въ укромномъ уголкѣ *).

...Не даромъ говорятъ старички, что нынѣшняя молодежь испорчена до мозга костей. Никакого у нея уваженія къ старшимъ, непризнаніе начальства и, что въ особенности хуже всего — это ея сатанинская гордость. Что генералъ, что крестьянинъ — для нея все равно. А разъ уваженія къ начальству нѣтъ, то какіе ужъ могутъ быть порядки. Не успѣетъ начальство легонько потормошить, а ужъ кричатъ: караулъ, убиваютъ. Захочетъ ли то же начальство залѣзть въ карманъ къ обывателю (для его же дурака пользы), а онъ ужъ во все горло оретъ: грабятъ! Поговорите, наприм., съ представителемъ современнаго поколѣнія о полиціи, и вы услышите, какіе неблагодарные, полные ненависти отзывы онъ даетъ о ней. „Что такое полиція — скажетъ онъ — это шайка бандитовъ, поставившая себѣ цѣлью охотиться за собственностью обывателя; начиная отъ городового и кончая Шуваловымъ — всѣ взяточники, казнокрады, воры и разбойники. Полиція не блюстительница порядка, а всякаго безпорядка учинительница, а вѣдь полиція должна бы быть учрежденіемъ, охраняющимъ жизнь, здоровье, имущество и общественную безопасность", — вотъ какъ разсуждаютъ нонѣшніе. А откуда берутся такія разсужденія? Отъ гордости, которая ихъ обуяла, непочитанія чиновъ, легкомыслія, а пуще всего отъ черной неблагодарности. Вѣдь если подумать, что могла бы съ нами сдѣлать полиція и что она съ нами дѣлаетъ, то денно и нощно молиться будемъ за ея благодѣянія и милости. Обыватель нонѣшній жалуется, что бьютъ въ участкахъ и частенько даже избиваютъ до полусмерти, а этого онъ не принимаетъ въ резонъ, что когда-то и больнѣе и больше били; что полиція поставлена надъ нами, чтобы пещись о насъ; она наша защитница, она же и кормилица и поилица наша — за каждымъ жирнымъ кускомъ, который кладешь въ ротъ, подсматриваетъ, за каждымъ глоткомъ твоимъ подглядываетъ; что вѣдь полиція, наконецъ, не существуетъ же для обывателя, а какъ разъ наоборотъ, обыватель для полиціи. Она могла бы всѣхъ насъ перебить или проглотить живьемъ (на то она начальство), а между тѣмъ она этого не дѣлаетъ. Десятокъ, другой перебьетъ за цѣлый годъ въ участкахъ, да и только, а насъ-то всѣхъ въ городѣ больше полъмилліона и послѣ этого такая неблагодарность! Относительно взятки, то и на этотъ счетъ бабушка на-двое сказала. Взятка свята, ибо въ ней спасенье обрѣтаемъ. Нонѣшніе-то и понять не хотятъ, что разъ надъ животомъ твоимъ и смертью начальство вольно дѣлать, что хочетъ, то наипаче оно вольно надъ нашимъ имуществомъ; если, значитъ, владѣешь овцою, ну и шерсть ея твоя. А то недоволенъ взяткою! Что взятка? Взятка пустякъ. Бога мы благодарить должны, что полиція всего нашего добра не забираетъ; благодарить полицію мы должны за ея безкорыстіе и скромность. У насъ, на Молдаванкѣ, напримѣръ, каждая лавочка, каждый трактиръ и вообще каждое торговое заведеніе обложено данью, и все это дѣлается по благородному, по чести. Даже данъ

*) Въ сентябрѣ издано въ Одессѣ группой пролетаріевъ-соціалистовъ.

эта равномѣрно по чинамъ распредѣляется. Если приставъ получаетъ съ трактира по 10 руб. въ мѣсяцъ, то надзиратель—рублей 5-6, а городовые по одному рублю. Самая меньшая сумма дани—1½-2 руб., которую платятъ маленькія лавочки, а чѣмъ больше торговля, тѣмъ большею данью она обложена — видите, все обдѣлывается по совѣсти. И маленькой данью удовлетворяются дѣйствительные хозяева, которымъ по праву кулака и насилія все принадлежитъ. Вмѣсто того, чтобы заходить во всѣ эти магазины и брать тамъ на правахъ дѣйствительной собственницы, что сердцу и главу угодно, полиція настолько скромна, что воруетъ то, что ей принадлежитъ. Какъ говорятъ злые языки, полиція наша участвуетъ во всѣхъ крупныхъ кражахъ, а въ западныхъ и сибирскихъ губерніяхъ содѣйствуетъ тамъ развитію конокрадства. О нашей одесской полиціи говорятъ даже, что по воскреснымъ днямъ, слѣдующимъ за получкой, она особенно много арестовываетъ рабочихъ, чтобы въ участкахъ ихъ карманы прочистить. Что же касается того, что полиція у насъ, какъ говорятъ, вмѣсто того, чтобы быть блюстительницей порядка и порядочности, представляетъ собою виновницу всѣхъ безпорядковъ и разныхъ скандаловъ, то и на счетъ этого вслѣдствіе легкомыслія обывателя нонѣшняго у него составилось ошибочное мнѣніе. Опять же онъ, обыватель, напраслину взводитъ на начальство. Я опять прибѣгну къ примѣру. За нимъ въ карманъ не полѣзу. Ихъ у меня подъ рукой тысячи. 1 мая были арестованы на Николаевскомъ бульварѣ по подозрѣнію въ принадлежности къ демонстрантамъ человѣкъ 35, въ томъ числѣ 8 женщинъ. Когда послѣднія предстали предъ лицомъ Шувалова, онѣ были встрѣчены имъ площадною бранью и угрозами, что всѣхъ ихъ онъ заморитъ въ тюрьмѣ и даже отдастъ въ дома терпимости (сильно онѣ его голубчика разсердили); все жъ таки, хотя онъ и держитъ ихъ въ тюрьмѣ и до сихъ поръ, а второй своей угрозы не привелъ въ исполненіе. Не привелъ же онъ въ исполненіе не потому, что онъ этого не могъ сдѣлать, а ужъ сердце у него доброе, любвеобильное, какъ у всякаго, должно быть, начальства. Не будь такого сердца у нихъ, плохо пришлось бы нашему брату обывателю—не изъ чиновныхъ. Иначе разсердился бы на тебя его благородіе или еще тѣмъ болѣе превосходительство, и твоя жена, дочери, сестры очутились бы въ домахъ терпимости. Молиться и молиться мы должны богу, что смягчаетъ онъ сердца ихъ. Ложась и вставая мы должны думать о томъ, какъ бы угодить нашему начальству, что сдѣлать бы такое, чтобъ оне нами осталось довольно. Нонѣшніе могутъ сказать, что все это полиція могла бы сдѣлать и дѣлаетъ теперь не по закону, но опять же вслѣдствіе ихъ легкомыслія они забываютъ,

Что въ Россіи нѣтъ закона,
Есть столбъ, а на столбѣ корона.

Это заграницей тамъ законы пишутся для всѣхъ равные, а у насъ одно дѣло законъ, а другое—полицейскій кулакъ. Мы, славате господи, отъ такихъ порядковъ, гдѣ бы все дѣлалось законно, ограждены. Святой нашей Русью правитъ самодержавный, богопомазанный, православный царь съ кликою, хотя кровопійцъ, но за то всѣ они знатнаго происхожденія—графы и князья, не то, что заграницей, гдѣ управляютъ страною выборные отъ народа, въ числѣ которыхъ попадаются даже крестьяне и рабочіе. Не врагъ я обывателю, я вѣдь самъ обыватель. Я даже желаю ему всего наилучшаго: чтобы при самодержавіи крѣпла его спина, чтобъ задняя часть его тѣла покрылась кожей толщиною вершка въ два, нечувствительной къ ударамъ нагайки и розги, а въ особенности желаю, чтобъ въ его головѣ не было мыслей—онѣ есть причина всякаго недовольства и самомнѣнія, а потому паче всякаго грѣха да избѣгаетъ ихъ!!

КАЗНЬ ЛЕКЕРТА. *)

(РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА).

Въ ночь съ 27 на 28 мая въ Вильнѣ на военномъ полѣ совершилась казнь Лекерта. Около трехъ часовъ ночи въ лагерѣ, гдѣ квартируетъ 27 дивизія, была произведена тревога. Солдаты, вооруженные 15 боевыми патронами, двинулись въ сопровожденіи своихъ начальниковъ на военное поле. По дорогѣ офицера предупреждали ихъ, что они идутъ на очень непріятное зрѣлище. Когда они прибыли на мѣсто, ротные командиры растолковали имъ, что они призваны присутствовать при казни Лекерта, покушавшагося на жизнь губернатора. На полѣ собрались офиціальныя лица, долженствовавшія присутствовать при казни. Стали готовить висѣлицу. Скоро прибылъ палачъ, конвоируемый полсотней казаковъ. Ровно въ три часа прибылъ преступникъ. Блѣдный, худой, моложавый, онъ своей улыбкой производилъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Судебныя власти прочли громогласно приговоръ. „Лекертъ обвиняется въ покушеніи на жизнь Валя, который, защищая престолъ и отечество, подвергъ сѣченію рабочихъ-манифестантовъ. Преступникъ Лекертъ, желая истить за это губернатору, покушался на его жизнь. Въ виду того, что Вильна находится на положеніи усиленной охраны, Лекерта предали военному суду, который на основаніи обвиненія прокурора Дорошевича приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе". Передъ началомъ казни начальникъ дивизіи громко спрашивалъ войска: „Зачѣмъ собрались сюда?" И солдаты должны были дружнымъ крикомъ отвѣчать: „Мы собрались сюда, чтобы присутствовать при казни еврея Лекерта, покушавшагося на жизнь Валя". Казенный раввинъ Немзеръ обратился къ преступнику съ просьбой раскаяться. Саркастическая улыбка была отвѣтомъ на эту гнусную просьбу. По совершеніи всѣхъ обрядовъ, палачъ подъ конвоемъ подошелъ къ преступнику, связалъ ему руки и повелъ его къ висѣлицѣ... Около 20 минутъ рыли могилу. Солдаты присутствовали, пока палачъ не бросилъ висѣвшій трупъ въ могилу.

*) Помѣщаемъ это описаніе казни, не бывшее еще въ печати.

Къ вопросу о террорѣ.

Самое цѣнное, что русскій рабочій вынесъ изъ своей десятилѣтней борьбы, это — пробудившееся чувство чести, уваженіе къ своей личности, сознаніе, что онъ, вчерашній рабъ, нынѣ превратился въ борца за свободу. Пока это чувство живо, ожесточенныя гоненія правительства безсильны остановить политическое движеніе рабочихъ.

Надо было сломить въ душѣ рабочаго главную пружину борьбы — самоуваженіе, посягнуть на его честь, унизить его въ собственныхъ глазахъ.

Для этой цѣли правительство придумало — сѣчь розгами участвующихъ въ демонстраціяхъ.

Мысль эта зародилась въ головѣ у министра заплечныхъ дѣлъ фонъ-Плеве. Первый опытъ сдѣлалъ развратникъ фонъ-Валь въ Вильнѣ. Затѣмъ это возводится какъ бы въ правило: рабочихъ-демонстрантовъ подвергаютъ тѣлесному наказанію въ Вильнѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ и Минскѣ.

На такой ударъ нужно было отвѣтить тутъ же ударомъ. Но Соціальдемократическая Рабочая Партія, ожидая всякой гадости отъ правительства, все же *такого* оборота дѣла не предвидѣла и къ нему не готовилась, а злодѣяніе вопило о мести. И вотъ, рабочій Гиршъ Лекертъ рѣшаетъ дѣйствовать помимо партіи, по горячимъ слѣдамъ. Онъ стрѣляетъ въ Валя и платится за это головой.

Выстрѣлъ Лекерта вызвалъ у всѣхъ честныхъ людей вздохъ облегченія. Конечно, тѣмъ рабочимъ, которые пережила тѣлесное наказаніе, не оказавъ или не имѣвъ возможности оказать сопротивленія, отъ подвига Лекерта не стало легче. Но Лекертъ заступился за честь званія рабочаго-революціонера вообще, на которую дерзнуло посягнуть правительство. И все же выстрѣломъ Лекерта не рѣшился вопросъ, какъ отвѣчать правительству на его неслыханныя насилія.

Валь не единственный злодѣй у царя, и виленскіе рабочіе не единственныя жертвы издѣвательства этихъ злодѣевъ. Да и само сѣченіе розгами есть только наиболѣе крайнее, наиболѣе безстыжее проявленіе цѣлой обширной системы истязаній, которую правительство практикуетъ по отношенію къ возстающимъ противъ его гнета. Эти истязанія выражаются во всевозможныхъ пыткахъ въ тюрьмахъ надъ арестованными, въ жестокомъ избіеніи демонстрантовъ на площадяхъ, въ поголовномъ сѣченіи волнующихся крестьянъ и т. д. Естественно, что трудность борьбы съ остервенѣлымъ правительствомъ заронила въ голову многихъ мысль отвѣчать *на его систематическій терроръ такимъ же систематическимъ терроромъ* *). Еще до выстрѣла Лекерта, 2-го апрѣля, Балмашевъ убилъ министра Сипягина. Затѣмъ мы узнаемъ о возникновеніи „боевой организаціи" партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Бывшій соціальдемократъ рабочій

*) Терроръ значитъ, собственно, насильственныя мѣры для устрашенія; въ русской революціонной политической дѣятельности терроромъ принято называть мѣры, направляемыя противъ отдѣльныхъ представителей власти.

Ѳома Качуръ переходитъ въ эту партію и по порученію ея „боевой организаціи" стрѣляетъ 29 іюля въ губернатора Оболенскаго — экзекутора крестьянъ.

Мы соціальдемократы въ борьбѣ съ самодержавіемъ возлагали всегда свои надежды исключительно на политическое движеніе народныхъ массъ, на единоборство же съ отдѣльными царскими насильниками посредствомъ террора мы всегда смотрѣли, какъ на нецѣлесообразный способъ борьбы. Но безмѣрная наглость правительства заставила нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей соціальдемократовъ задуматься: наша соціальдемократическая партія, разсуждаютъ они, должна, конечно, продолжать борьбу съ самодержавіемъ при помощи своихъ старыхъ испытанныхъ средствъ. Но не обязана ли партія *наряду* съ этимъ организовать *месть* противъ особенно нестерпимыхъ злодѣяній правительства въ формѣ террора? Не обязана ли наша партія взять въ свои руки такое дѣло, какое по своему почину совершилъ Лекертъ?

Злодѣяній царскаго правительства не перечесть, и поводовъ для мести тоже не оберешься. Очевидно, что если бы наша партія вздумала организовывать терроръ для отмщенія всѣмъ царскимъ насильникамъ, она должна была бы начать систематическую террористическую борьбу противъ правительства, т. е. она должна была бы дѣлать то, что дѣлаетъ или хочетъ дѣлать партія соціалистовъ-революціонеровъ. Хотя такіе новые взгляды пока высказываются только нѣкоторыми отдѣльными членами нашей партіи, тѣмъ не менѣе *всѣ* ея члены и всѣ, которые ей сочувствуютъ, должны уже теперь заранѣе серьезно подумать и взвѣсить, что бы сталось съ нашимъ рабочимъ движеніемъ, если бы мы согласились съ этими взглядами?

* * *

Вся сила рабочаго движенія заключается въ томъ, что рабочая масса растетъ политически — начинаетъ понимать великую роль пролетаріата въ современномъ мірѣ, великое освободительное дѣло, которое онъ и *лишь онъ одинъ* способенъ выполнить.

Когда же на сцену выступаютъ террористическія организаціи, политическая роль *рабочаго класса*, какъ чего-то цѣлаго и единаго, далеко отодвигается назадъ. Вмѣсто воодушевленія тѣмъ, что соціалистъ Лассаль назвалъ „идеей рабочаго сословія", возникаетъ преклоненіе передъ ослѣпительными дѣлами и передъ личной отвагой отдѣльныхъ героевъ-террористовъ.

Пусть хоть всѣ террористы будутъ по происхожденію рабочіе. Отъ этого ничего не мѣняется. Ихъ сила не въ томъ, что они составляютъ часть рабочей арміи, ихъ сила въ томъ, что они сами отважные люди. Стрѣляетъ ли въ министра студентъ Балмашевъ, стрѣляетъ ли въ губернатора рабочій Качуръ, это одинаково дѣло не рабочаго класса, а дѣло отдѣльныхъ отважныхъ лицъ либо отдѣльныхъ удалыхъ дружинъ. Какъ только на сцену выступаютъ боевыя дружины, общее вниманіе неизбѣжно отвлекается отъ сплоченной борьбы рабочаго класса.

И въ этой сплоченной борьбѣ пролетаріата есть гдѣ развернуться, и здѣсь можетъ проявиться не меньше самоотверженія и героизма. Развѣ тысячи стачечниковъ, которые изъ товарищескаго чувства обрекаютъ свои семьи на голодъ въ теченіе мѣсяцевъ, выказываютъ мало самоотверженія? Развѣ рабочіе, сражающіеся съ войсками за свободу, обнаруживаютъ мало героизма? Развѣ въ вѣрѣ рабочаго класса, что онъ обновитъ міръ, мало величія? Героизмъ „боевыхъ организацій" не болѣе привлекателенъ, чѣмъ массовой героизмъ пролетаріата, а между тѣмъ вліяніе, которое онъ неизбѣжно оказалъ бы на рабочее движеніе, было бы крайне пагубное: болѣе отважныхъ рабочихъ подвиги террористовъ увлекутъ и оторвутъ отъ организованной классовой борьбы пролетаріата; ихъ начнетъ преслѣдовать мысль, какъ бы *на свой страхъ и рискъ* расправиться съ особенно ненавистными негодяями, будь то мастеръ, фабрикантъ или шпіонъ. И у массы рабочихъ остынетъ интересъ къ классовой борьбѣ: она начнетъ возлагать свои надежды на таинственныя и всемогущія „боевыя организаціи"; вотъ-вотъ поднимется рука мстителя и воздастъ правительству и хозяевамъ за всѣ ихъ надругательства надъ народомъ. И сами террористы, которые вначалѣ смотрятъ на себя, лишь какъ на *застрѣльщиковъ* народной борьбы, начинаютъ исподволь себя считать *заступниками* и *освободителями* безсильнаго народа. Ѳома Качуръ, стрѣлявшій въ Оболенскаго, говоритъ, напримѣръ, въ своемъ „письмѣ къ рабочимъ": теперь рабочій будетъ знать, что „есть кому за него *заступиться*... Боевая организація добьется, чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло *свободно* развиваться".

Такъ *подъ вліяніемъ террора разстраивается сплоченность и исчезаетъ самоувѣренность въ рядахъ пролетаріата.*

Но этого мало. Рабочая партія ставитъ себѣ цѣлью не только бороться и побѣдить, но и использовать плоды побѣды. Для нея недостаточно нанести тяжкій уронъ царскому правительству или даже свалить его. Она стремится свалить его *такимъ способомъ*, чтобы рабочій классъ отъ этого возможно больше выигралъ, чтобы побѣда обезпечила ему и всему народу возможно большую свободу. Для этого наша партія должна сохранять всегда ясность мысли, должна разграничивать и правильно оцѣнивать различныя общественныя движенія, поддерживать тѣ, которыя ей на руку, и бороться противъ тѣхъ, которыя стоятъ или станутъ ей на пути. Терроръ же ослѣпляетъ и отвлекаетъ вниманіе отъ этихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Разгоряченному воображенію террористовъ задачи борьбы представляются въ очень упрощенномъ видѣ: боевая организація у нихъ становится олицетвореніемъ *всего* возставшаго угнетеннаго народа, а царскій насильникъ, которому она предназначаетъ свои удары, становится олицетвореніемъ всего существующаго зла. Такимъ образомъ, сложная борьба съ самодержавіемъ, въ которой принимаютъ участіе разные общественные классы съ разными разсчетами и видами на будущее, представляется въ упрощенномъ видѣ поединка между Ильей Муромцемъ и Идолищемъ Поганымъ. Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, то прочитайте журналъ „Народное Дѣло", который партія террористовъ, соціалистовъ-революціонеровъ издаетъ для рабочихъ. „Чистой кровью Ѳомы Качура *навѣки* связаны крестьянская и рабочая борьба"—читаемъ мы тамъ. Мы соціальдемократы ломаемъ себѣ голову надъ вопросомъ, какъ связать въ настоящее время стихійное крестьянское движеніе съ политическимъ движеніемъ пролетаріата. У нихъ дѣло рѣшается просто: Качуръ своимъ выстрѣломъ все связалъ. И не диво, ибо онъ сказочный богатырь: „Стрѣлявшій, человѣкъ громадной силы, какъ щепки раскидалъ напавшихъ на него и, *жадно* глядя вслѣдъ удалявшемуся губернатору, выстрѣлилъ еще разъ..." Такъ пишетъ „Народное Дѣло", и мы приводимъ это не для того, конечно, чтобы умалить благородный подвигъ Ѳомы Качура, а для того, чтобы показать, какъ терроръ дѣйствуетъ на умы.

Если бы мы соціальдемократы стали заводить террористическія „боевыя организаціи", мы бы разстроили массовую борьбу пролетаріата и разрушили бы всю нашу испытанную соціальдемократическую тактику, а что бы мы дали взамѣнъ этого пролетаріату?

Допустимъ, невѣроятное, что мы бы дѣлали одно удачное покушеніе за другимъ, допустимъ, что мы этимъ бы устрашили самодержавное правительство и приблизили бы его паденіе. Но могъ ли бы этимъ пораженіемъ правительства воспользоваться пролетаріатъ, котораго мы своимъ терроромъ отвлекли отъ сознательной и организованной классовой борьбы? Въ минуту замѣшательства общаго врага болѣе всего выгадываютъ тѣ общественные классы, которые лучше организованы и болѣе сознательны. Нетрудно предвидѣть, что отъ нашего террористическаго единоборства больше всего выигралъ бы не пролетаріатъ, а буржуазія, которая теперь уже насторожилась и улучаетъ только моментъ, чтобы лучше всего использовать для себя затруднительное положеніе правительства. Недаромъ либеральная буржуазія съ ужасомъ говоритъ о классовой борьбѣ, „вздымающейся подобно угрожающему вулкану" и въ то же время такъ сочувствуетъ, чтобы *другіе* стрѣляли въ министровъ, платя за это своей головой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, почитайте нелегальную газету „Освобожденіе".

* * *

эта равномѣрно по чинамъ распредѣляется. Если приставъ получаетъ съ трактира по 10 руб. въ мѣсяцъ, то надзиратель—рублей 5-6, а городовые по одному рублю. Самая меньшая сумма дани—$1\frac{1}{2}$-2 руб., которую платятъ маленькія лавочки, а чѣмъ больше торговля, тѣмъ большею данью она обложена — видите, все обдѣлывается по совѣсти. И маленькой данью удовлетворяются дѣйствительные хозяева, которымъ по праву кулака и насилія все принадлежитъ. Вмѣсто того, чтобы заходить во всѣ эти магазины и брать тамъ на правахъ дѣйствительной собственницы, что сердцу и глазу угодно, полиція настолько скромна, что воруетъ то, что ей принадлежитъ. Какъ говорятъ злые языки, полиція наша участвуетъ во всѣхъ крупныхъ кражахъ, а въ западныхъ и сибирскихъ губерніяхъ содѣйствуетъ тамъ развитію конокрадства. О нашей одесской полиціи говорятъ даже, что по воскреснымъ днямъ, слѣдующимъ за получкой, она особенно много арестовываетъ рабочихъ, чтобы въ участкахъ ихъ карманы прочистить. Что же касается того, что полиція у насъ, какъ говорятъ, вмѣсто того, чтобы быть блюстительницей порядка и порядочности, представляетъ собою виновницу всѣхъ безпорядковъ и разныхъ скандаловъ, то и на счетъ этого вслѣдствіе легкомыслія обывателя нонѣшняго у него составилось ошибочное мнѣніе. Опять же онъ, обыватель, напраслину взводитъ на начальство. Я опять прибѣгну къ примѣру. За нимъ въ карманъ не полѣзу. Ихъ у меня подъ рукой тысячи. 1 мая были арестованы на Николаевскомъ бульварѣ по подозрѣнію въ принадлежности къ демонстрантамъ человѣкъ 35, въ томъ числѣ 8 женщинъ. Когда послѣднія предстали предъ лицомъ Шувалова, онѣ были встрѣчены имъ площадною бранью и угрозами, что всѣхъ ихъ онъ заморитъ въ тюрьмѣ и даже отдастъ въ дома терпимости (сильно онѣ его голубчика разсердили); все жъ таки, хотя онъ и держитъ ихъ въ тюрьмѣ и до сихъ поръ, а второй своей угрозы не привелъ въ исполненіе. Не привелъ же онъ въ исполненіе не потому, что онъ этого не могъ сдѣлать, а ужъ сердце у него доброе, любвеобильное, какъ у всякаго, должно быть, начальства. Не будь такого сердца у нихъ, плохо пришлось бы нашему брату обывателю—не изъ чиновныхъ. Иначе разсердился бы на тебя его благородіе или еще тѣмъ болѣе превосходительство, и твоя жена, дочери, сестры очутились бы въ домахъ терпимости. Молиться и молиться мы должны богу, что смягчаетъ онъ сердца ихъ. Ложась и вставая мы должны думать о томъ, какъ бы угодить нашему начальству, что сдѣлать бы такое, чтобъ оно нами осталось довольно. Нонѣшніе могутъ сказать, что все это полиція могла бы сдѣлать и дѣлаетъ теперь не по закону, но опять же вслѣдствіе ихъ легкомыслія они забываютъ,

Что въ Россіи нѣтъ закона,
Есть столбъ, а на столбѣ корона.

Это заграницей тамъ законы пишутся для всѣхъ равные, а у насъ одно дѣло законъ, а другое—полицейскій кулакъ. Мы, слава те господи, отъ такихъ порядковъ, гдѣ бы все дѣлалось законно, ограждены. Святой нашей Русью правитъ самодержавный, богопомазанный, православный царь съ кликою, хотя кровопійцъ, но за то всѣ они знатнаго происхожденія—графы и князья, не то, что заграницей, гдѣ управляютъ страною выборные отъ народа, въ числѣ которыхъ попадаются даже крестьяне и рабочіе. Не врагъ я обывателю, я вѣдь самъ обыватель. Я даже желаю ему всего наилучшаго: чтобы при самодержавіи крѣпла его спина, чтобъ задняя часть его тѣла покрылась кожей толщиною вершка въ два, нечувствительной къ ударамъ нагайки и розги, а въ особенности желаю, чтобъ въ его головѣ не было мыслей —онѣ есть причина всякаго недовольства и самомнѣнія, а потому паче всякаго грѣха да избѣгаетъ ихъ!!

КАЗНЬ ЛЕКЕРТА. *)

(РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА).

Въ ночь съ 27 на 28 мая въ Вильнѣ на военномъ полѣ совершилась казнь Лекерта. Около трехъ часовъ ночи въ лагерѣ, гдѣ квартируетъ 27 дивизія, была произведена тревога. Солдаты, вооруженные 15 боевыми патронами, двинулись въ сопровожденіи своихъ начальниковъ на военное поле. По дорогѣ офицера предупреждали ихъ, что они идутъ на очень непріятное зрѣлище. Когда они прибыли на мѣсто, ротные командиры растолковали имъ, что они призваны присутствовать при казни Лекерта, покушавшагося на жизнь губернатора. На полѣ собрались официальныя лица, долженствовавшія присутствовать при казни. Стали готовить висѣлицу. Скоро прибылъ палачъ, конвоируемый полсотней казаковъ. Ровно въ три часа прибылъ преступникъ. Блѣдный, худой, моложавый, онъ своей улыбкой производилъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Судебныя власти прочли громогласно приговоръ. „Лекертъ обвиняется въ покушеніи на жизнь Валя, который, защищая престолъ и отечество, подвергъ сѣченію рабочихъ-манифестантовъ. Преступникъ Лекертъ, желая истить за это губернатору, покушался на его жизнь. Въ виду того, что Вильна находится на положеніи усиленной охраны, Лекерта предали военному суду, который на основаніи обвиненія прокурора Дорошевича приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе“. Передъ началомъ казни начальникъ дивизіи громко спрашивалъ войска: „Зачѣмъ собрались сюда?“ И солдаты должны были дружнымъ крикомъ отвѣчать: „Мы собрались сюда, чтобы присутствовать при казни еврея Лекерта, покушавшагося на жизнь Валя“. Казенный раввинъ Немзеръ обратился къ преступнику съ просьбой раскаяться. Саркастическая улыбка была отвѣтомъ на эту гнусную просьбу. По совершеніи всѣхъ обрядовъ, палачъ подъ конвоемъ подошелъ къ преступнику, связалъ ему руки и повелъ его къ висѣлицѣ... Около 20 минутъ рыли могилу. Солдаты присутствовали, пока палачъ не бросилъ висѣвшій трупъ въ могилу.

*) Помѣщаемъ это описаніе казни, не бывшее еще въ печати.

Къ вопросу о террорѣ.

Самое цѣнное, что русскій рабочій вынесъ изъ своей десятилѣтней борьбы, это — пробудившееся чувство чести, уваженіе къ своей личности, сознаніе, что онъ, вчерашній рабъ, нынѣ превратился въ борца за свободу. Пока это чувство живо, ожесточенныя гоненія правительства безсильны остановить политическое движеніе рабочихъ.

Надо было сломить въ душѣ рабочаго главную пружину борьбы — самоуваженіе, посягнуть на его честь, унизить его въ собственныхъ глазахъ.

Для этой цѣли правительство придумало — сѣчь розгами участвующихъ въ демонстраціяхъ.

Мысль эта зародилась въ головѣ у министра заплечныхъ дѣлъ фонъ-Плеве. Первый опытъ сдѣлалъ развратникъ фонъ-Валь въ Вильнѣ. Затѣмъ это возводится какъ бы въ правило: рабочихъ-демонстрантовъ подвергаютъ тѣлесному наказанію въ Вильнѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ и Минскѣ.

На такой ударъ нужно было отвѣтить тутъ же ударомъ. Но Соціальдемократическая Рабочая Партія, ожидая всякой гадости отъ правительства, все же *такого* оборота дѣла не предвидѣла и къ нему не готовилась, а злодѣяніе вопило о мести. И вотъ, рабочій Гиршъ Лекертъ рѣшаетъ дѣйствовать помимо партіи, по горячимъ слѣдамъ. Онъ стрѣляетъ въ Валя и платится за это головой.

Выстрѣлъ Лекерта вызвалъ у всѣхъ честныхъ людей вздохъ облегченія. Конечно, тѣмъ рабочимъ, которые пережили тѣлесное наказаніе, не оказавъ или не имѣвъ возможности оказать сопротивленія, отъ подвига Лекерта не стало легче. Но Лекертъ заступился за честь званія рабочаго-революціонера вообще, на которую дерзнуло посягнуть правительство. И все же выстрѣломъ Лекерта не рѣшился вопросъ, какъ отвѣчать правительству на его неслыханныя насилія.

Валь не единственный злодѣй у царя, и виленскіе рабочіе не единственныя жертвы издѣвательства этихъ злодѣевъ. Да и само сѣченіе розгами есть только наиболѣе крайнее, наиболѣе безстыжее проявленіе цѣлой обширной системы истязаній, которую правительство практикуетъ по отношенію къ возстающимъ противъ его гнета. Эти истязанія выражаются во всевозможныхъ пыткахъ въ тюрьмахъ надъ арестованными, въ жестокомъ избіеніи демонстрантовъ на площадяхъ, въ поголовномъ сѣченіи волнующихся крестьянъ и т. д. Естественно, что трудность борьбы съ остервенѣлымъ правительствомъ заронила въ голову многихъ мысль отвѣчать *на его систематическій терроръ такимъ же систематическимъ терроромъ* *). Еще до выстрѣла Лекерта, 2-го апрѣля, Балмашевъ убилъ министра Сипягина. Затѣмъ мы узнаемъ о возникновеніи „боевой организаціи“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Бывшій соціальдемократъ рабочій

*) Терроръ значитъ, собственно, насильственныя мѣры для устрашенія; въ русской революціонной политической дѣятельности терроромъ принято называть мѣры, направляемыя противъ отдѣльныхъ представителей власти.

Ѳома Качуръ переходитъ въ эту партію и по порученію ея „боевой организаціи“ стрѣляетъ 29 іюля въ губернатора Оболенскаго — экзекутора крестьянъ.

Мы соціальдемократы въ борьбѣ съ самодержавіемъ возлагали всегда свои надежды исключительно на политическое движеніе народныхъ массъ, на единоборство же съ отдѣльными царскими насильниками посредствомъ террора мы всегда смотрѣли, какъ на нецѣлесообразный способъ борьбы. Но безмѣрная наглость правительства заставила нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей соціальдемократовъ задуматься: наша соціальдемократическая партія, разсуждаютъ они, должна, конечно, продолжать борьбу съ самодержавіемъ при помощи своихъ старыхъ испытанныхъ средствъ. Но не обязана ли партія *наряду* съ этимъ организовать *месть* противъ особенно нестерпимыхъ злодѣяній правительства въ формѣ террора? Не обязана ли наша партія взять въ свои руки такое дѣло, какое по своему почину совершилъ Лекертъ?

Злодѣяній царскаго правительства не перечесть, и поводовъ для мести тоже не оберешься. Очевидно, что если бы наша партія вздумала организовывать терроръ для отмщенія всѣмъ царскимъ насильникамъ, она должна была бы начать систематическую террористическую борьбу противъ правительства, т. е. она должна была бы дѣлать то, что дѣлаетъ или хочетъ дѣлать партія соціалистовъ-революціонеровъ. Хотя такіе новые взгляды пока высказываются только нѣкоторыми отдѣльными членами нашей партіи, тѣмъ не менѣе *всѣ* ея члены и всѣ, которые ей сочувствуютъ, должны уже теперь заранѣе серьезно подумать и взвѣсить, что бы сталось съ нашимъ рабочимъ движеніемъ, если бы мы согласились съ этими взглядами?

* * *

Вся сила рабочаго движенія заключается въ томъ, что рабочая масса растетъ политически, начинаетъ понимать великую роль пролетаріата въ современномъ мірѣ, великое освободительное дѣло, которое онъ и *лишь онъ одинъ* способенъ выполнить.

Когда же на сцену выступаютъ террористическія организаціи, политическая роль *рабочаго класса*, какъ чего-то цѣлаго и единаго, далеко отодвигается назадъ. Вмѣсто воодушевленія тѣмъ, что соціалистъ Лассаль назвалъ „идеей рабочаго сословія“, возникаетъ преклоненіе передъ ослѣпительными дѣлами и передъ личной отвагой отдѣльныхъ героевъ-террористовъ.

Пусть хоть всѣ террористы будутъ по происхожденію рабочіе. Отъ этого ничего не мѣняется. Ихъ сила не въ томъ, что они составляютъ часть рабочей арміи, ихъ сила въ томъ, что они сами отважные люди. Стрѣляетъ ли въ министра студентъ Балмашевъ, стрѣляетъ ли въ губернатора рабочій Качуръ, это одинаково дѣло не рабочаго класса, а дѣло отдѣльныхъ отважныхъ лицъ либо отдѣльныхъ удалыхъ дружинъ. Какъ только на сцену выступаютъ боевыя дружины, общее вниманіе неизбѣжно отвлекается отъ сплоченной борьбы рабочаго класса.

И въ этой сплоченной борьбѣ пролетаріата есть гдѣ развернуться, и здѣсь можетъ проявиться не меньше самоотверженія и героизма. Развѣ тысячи стачечниковъ, которые изъ товарищескаго чувства обрекаютъ свои семьи на голодъ въ теченіе мѣсяцевъ, выказываютъ мало самоотверженія? Развѣ рабочіе, сражающіеся съ войсками за свободу, обнаруживаютъ мало героизма? Развѣ въ вѣрѣ рабочаго класса, что онъ обновитъ міръ, мало величія? Героизмъ „боевыхъ организацій“ не болѣе привлекателенъ, чѣмъ массовой героизмъ пролетаріата, а между тѣмъ вліяніе, которое онъ неизбѣжно оказалъ бы на рабочее движеніе, было бы крайне пагубное: болѣе отважныхъ рабочихъ подвиги террористовъ увлекутъ и оторвутъ отъ организованной классовой борьбы пролетаріата; ихъ начнетъ преслѣдовать мысль, какъ бы *на свой страхъ и рискъ* расправиться съ особенно ненавистными негодяями, будь то мастеръ, фабрикантъ или шпіонъ. И у массы рабочихъ остынетъ интересъ къ классовой борьбѣ: она начнетъ возлагать свои надежды на таинственныя и всемогущія „боевыя организаціи“; вотъ-вотъ поднимется рука мстителя и воздастъ правительству и хозяевамъ за всѣ ихъ надругательства надъ народомъ. И сами террористы, которые вначалѣ смотрятъ на себя, лишь какъ на *застрѣльщиковъ* народной борьбы, начинаютъ исподволь себя считать *заступниками* и *освободителями* безсильнаго народа. Ѳома Качуръ, стрѣлявшій въ Оболенскаго, говоритъ, напримѣръ, въ своемъ „письмѣ къ рабочимъ“: теперь рабочій будетъ знать, что „есть кому за него *заступиться*... Боевая организація добьется, чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло *свободно* развиваться“.

Такъ *подъ вліяніемъ террора разстраивается сплоченность и исчезаетъ самоувѣренность въ рядахъ пролетаріата.*

Но этого мало. Рабочая партія ставитъ себѣ цѣлью не только бороться и побѣдить, но и использовать плоды побѣды. Для нея недостаточно нанести тяжкій уронъ царскому правительству или даже свалить его. Она стремится свалить его *такимъ способомъ*, чтобы рабочій классъ отъ этого возможно больше выигралъ, чтобы побѣда обезпечила ему и всему народу возможно большую свободу. Для этого наша партія должна сохранять всегда ясность мысли, должна разграничивать и правильно оцѣнивать различныя общественныя движенія, поддерживать тѣ, которыя ей на руку, и бороться противъ тѣхъ, которыя стоятъ или станутъ ей на пути. Терроръ же ослѣпляетъ и отвлекаетъ вниманіе отъ этихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Разгоряченному воображенію террористовъ задачи борьбы представляются въ очень упрощенномъ видѣ: боевая организація у нихъ становится олицетвореніемъ *всего* возставшаго угнетеннаго народа, а царскій насильникъ, которому она предназначаетъ свои удары, становится олицетвореніемъ всего существующаго зла. Такимъ образомъ, сложная борьба съ самодержавіемъ, въ которой принимаютъ участіе разные общественные классы съ разными разсчетами и видами на будущее, представляется въ упрощенномъ видѣ поединка между Ильей Муромцемъ и Идолищемъ Поганымъ. Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, то прочитайте журналъ „Народное Дѣло“, который партія террористовъ, соціалистовъ-революціонеровъ издаетъ для рабочихъ. „Чистой кровью Ѳомы Качура *навѣки* связаны крестьянская и рабочая борьба“ —читаемъ мы тамъ. Мы соціальдемократы ломаемъ себѣ голову надъ вопросомъ, какъ связать въ настоящее время стихійное крестьянское движеніе съ политическимъ движеніемъ пролетаріата. У нихъ дѣло рѣшается просто: Качуръ своимъ выстрѣломъ все связалъ. И не диво, ибо онъ сказочный богатырь: „Стрѣлявшій, человѣкъ громадной силы, какъ щепки раскидалъ напавшихъ на него и, *жадно* глядя вслѣдъ удалявшемуся губернатору, выстрѣлилъ еще разъ...“ Такъ пишетъ „Народное Дѣло“, и мы приводимъ это не для того, конечно, чтобы умалить благородный подвигъ Ѳомы Качура, а для того, чтобы показать, какъ терроръ дѣйствуетъ на умы.

Если бы мы соціальдемократы стали заводить террористическія „боевыя организаціи“, мы бы разстроили массовую борьбу пролетаріата и разрушили бы всю нашу испытанную соціальдемократическую тактику, а что бы мы дали взамѣнъ этого пролетаріату?

Допустимъ, невѣроятное, что мы бы дѣлали одно удачное покушеніе за другимъ, допустимъ, что мы этимъ бы устрашили самодержавное правительство и приблизили бы его паденіе. Но могъ ли бы этимъ пораженіемъ правительства воспользоваться пролетаріатъ, котораго мы своимъ терроромъ отвлекли отъ сознательной и организованной классовой борьбы? Въ минуту замѣшательства общаго врага болѣе всего выгадываютъ тѣ общественные классы, которые лучше организованы и болѣе сознательны. Нетрудно предвидѣть, что отъ нашего террористическаго единоборства больше всего выигралъ бы не пролетаріатъ, а буржуазія, которая теперь уже насторожилась и улучаетъ только моментъ, чтобы лучше всего использовать для себя затруднительное положеніе правительства. Недаромъ либеральная буржуазія съ ужасомъ говоритъ о классовой борьбѣ, „вздымающейся подобно угрожающему вулкану“ и въ то же время такъ сочувствуетъ, чтобы *другіе* стрѣляли въ министровъ, платя за это своей головой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, почитайте нелегальную газету „Освобожденіе“.

* * *

Мы не знаемъ, разсчитывало ли сознательно правительство, что оно нагайками и розгами увлечетъ соціальдемократію на путь террора, или нѣтъ. Если это былъ съ его стороны маневръ, то оно во всякомъ случаѣ ошиблось въ разсчетѣ.

Рабочіе, которыхъ сѣкли въ Вильнѣ, Екатеринославѣ и другихъ городахъ, — наши товарищи. Оскорбленіе, которое имъ нанесли царскіе палачи, есть такое же оскорбленіе для насъ, для всего рабочаго класса, и мы его не забудемъ. Но дисциплинированная партія платитъ за оскорбленіе не такъ, какъ частное лицо. Мы расплатимся съ самодержавнымъ правительствомъ за всѣ его оскорбленія. Но *мы дадимъ ему сраженіе не въ томъ мѣстѣ и не въ той формѣ, какъ это выгодно для него, мы дадимъ ему такое сраженіе, какое выгодно для насъ.*

Вы знаете, навѣрно, крайне поучительную исторію нашего студенческаго движенія 1899 года? Оно началось съ того, что петербургскихъ студентовъ избили нагайками. Это оскорбленіе сразу подняло на ноги студенчество всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Моментально начались повсемѣстно бурныя студенческія сходки, завязалась лихорадочная переписка между студентами, повсюду стали издаваться ежедневные студенческіе бюллетени, пошли общія забастовки, протесты. Движеніе скоро приняло такіе размѣры, что ему стало тѣсно въ рамкахъ университетовъ. Прошелъ годъ и оно было вынесено на улицу и превратилось въ открытую политическую борьбу съ правительствомъ.

Пролетаріатъ получилъ теперь еще болѣе неслыханное оскорбленіе, чѣмъ петербургскіе студенты въ 1899 г., и спрашиваешь себя: неужели рабочему не такъ же дорога честь своихъ товарищей, какъ студенту дорога честь его товарища студента? Или у рабочихъ силы нѣтъ? Но вѣдь сила учащейся молодежи игрушка въ сравненіи съ силой пролетаріата. Вѣдь, если бы рабочій захотѣлъ, онъ сразу остановилъ бы всю жизнь въ государствѣ. Почему же эти негодяи осмѣливаются такъ обращаться съ рабочимъ? Какъ смѣетъ мерзавецъ Плеве говорить: „я долженъ требовать казни, ибо Лекертъ рабочій, интеллигенцію этимъ не устрашишь, на рабочихъ же этотъ приговоръ возымѣетъ надлежащее дѣйствіе"?! *)

Русскій пролетаріатъ въ массѣ оставилъ безнаказаннымъ издѣвательство надъ нимъ. Но мы меньше всего склонны это ставить въ счетъ его нечувствительности или его безсилію.

Тихорѣцкая исторія недавно показала, что русскіе рабочіе способны заступаться горячо не только за честь товарищей, но и за честь первой незнакомой оскорбленной женщины. Слухъ о томъ, что судебный слѣдователь путемъ обмана арестовалъ пассажирку Золотову и изнасиловалъ ее, послѣ чего тюремщики торговали ея тѣломъ, поднялъ на ноги двѣ тысячи рабочихъ. Они потребовали, чтобы имъ выдали на судъ негодяя, они разгромили въ порывѣ негодованія станичную контору, почтовую станцію, жандармское правленіе, избили полицію и т. д.

Давнишнія кровавыя волненія въ Маріуполѣ, харьковская маевка, обуховская оборона, недавняя батумская бойня и многіе другіе факты показали, что рабочіе способны жизнь свою отдать за товарищей. Сколько разъ рабочіе отбивали арестованныхъ товарищей отъ конвоя, сколько разъ они осаждали тюрьмы и полицію, требуя освобожденія товарищей? Сколько разъ они шли подъ пули изъ чувства солидарности. На Обуховскомъ заводѣ они даже дали настоящее сраженіе войскамъ...

Въ чемъ же загадка? Почему русскій пролетаріатъ не протестовалъ въ массѣ противъ виленскихъ и тому подобныхъ экзекуцій надъ революціонерами-рабочими? Ключъ къ этой загадкѣ можетъ быть только въ одномъ:

Пролетаріатъ еще недостаточно организованъ и масса рабочихъ недостаточно политически сознательна. Революціоннаго духа у рабочихъ уже во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у студентовъ. Но студенты въ массѣ интеллигентнѣе, а главное, при условіяхъ университетской жизни студентамъ относительно гораздо быстрѣе и легче удается сорганизовать общерусскій студенческій протестъ, несмотря на разношерстный составъ студенчества, несмотря на изрядное количество студентовъ „бѣлоподкладочниковъ" и „маменькиныхъ сынковъ".

Наша непоколебимая вѣра въ силу пролетаріата, гордое сознаніе того, что пролетаріатъ уже успѣлъ внести въ русскую политическую жизнь, не должно намъ закрывать глаза на пробѣлы рабочаго движенія.

Рабочіе одного города или района еще слишкомъ мало интересуются тѣмъ, что творится въ другомъ городѣ и въ другомъ районѣ, и организаціонныя связи между разными городами очень слабы. Когда правительство совершитъ какое-нибудь злодѣйство въ Витебскѣ или въ Саратовѣ, оно принимаетъ всѣ мѣры для предупрежденія или подавленія волненій въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно совершило преступленіе. Но развѣ не могутъ противъ этого злодѣянія протестовать рабочіе другихъ городовъ, неожиданно для правительства, тамъ, гдѣ оно не подготовлено къ отпору?

Рабочая масса, которая теперь вездѣ возбуждена и вездѣ недовольна всей своей жизнью, еще не ясно сознаетъ связи между своими муками и самодержавнымъ гнетомъ; она мало сознаетъ свою кровную связь съ тѣми рабочими и нерабочими революціонерами, которые ведутъ политическую борьбу за интересы рабочаго класса, которыхъ правительство мучитъ въ политическихъ застѣнкахъ, на которыхъ оно вымещаетъ всю свою злобу — и организаціонная связь между мѣстными соціальдемократическими комитетами и рабочей массой еще слишкомъ слаба, слишкомъ слабо вліяніе комитетовъ на массу.

Итакъ, ясно, что теперь дѣлать: всѣ, кому дороги интересы и честь рабочаго класса въ виду новыхъ надругательствъ правительства должны теперь думать не о террорѣ, а отдать всѣ свои силы на то, чтобы *укрѣпить связь между соціальдемократическими организаціями разныхъ городовъ и разныхъ національностей, укрѣпить связь между массой и комитетами и развить политическое сознаніе широкой массы рабочихъ.*

При такихъ условіяхъ слухъ о новомъ оскорбленіи, нанесенномъ правительствомъ рабочимъ, пройдетъ, какъ электрическій токъ, черезъ всѣ соціальдемократическія организаціи и подниметъ на ноги рабочую массу во всей Россіи, вызоветъ взрывъ всенароднаго протеста и тогда... тогда за злодѣянія какого-нибудь Валя или Оболенскаго будетъ держать отвѣтъ передъ народомъ все подлое россійское самодержавное правительство!

*) Это онъ сказалъ одному члену государственнаго совѣта.

КАКЪ ЗАЩИЩАТЬ СВОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

9-го сентября, въ Лодзи облили кислотой директора фабрики Фукса, Шика. По этому поводу Лодзинскій Комитетъ Бунда обратился къ рабочимъ съ воззваніемъ (на евр. яз.)

Изложивъ обстоятельства дѣла, охарактеризовавъ Шика (пострадавшаго директора), жестоко издѣвавшагося надъ рабочими и не останавливавшагося передъ кулачной расправой, и выяснивъ причины, толкающія рабочихъ на путь единоличныхъ актовъ мести, воззваніе продолжаетъ: „Но достигается ли такими средствами (обливаніе кислотой и пр.) цѣль защиты человѣческаго достоинства рабочихъ? Всякій, кто надъ этимъ поразмыслитъ, долженъ будетъ отвѣтить: нѣтъ, не достигается. Уже не говоря о томъ, что всѣхъ изверговъ, которыми кишитъ современное испорченное плутократическое общество, не уничтожишь, — человѣческое достоинство еще не защищается тѣмъ, что кто-нибудь изъ за угла отомститъ за всѣхъ рабочихъ; наоборотъ, это еще притупляетъ ихъ человѣческое достоинство, пріучая ихъ вѣрить, что другіе за нихъ отомстятъ, и они остаются столь же равнодушны къ оскорбленіямъ, какъ и прежде. Нѣтъ! не это есть средство для сознательныхъ рабочихъ, которые ставятъ себѣ цѣлью не мстить тому или другому эксплуататору или насильнику, но бороться противъ всего общественнаго порядка, порождающаго угнетателей и угнетаемыхъ, капиталистовъ и пролетаріевъ, бороться за такой строй, въ которомъ всѣ духовныя и матеріальныя блага, которыя несетъ съ собой человѣчеству наша культура, сдѣлаются достояніемъ всѣхъ трудящихся... бороться за соціализмъ...

Озаренные свѣтомъ классового сознанія, пришедшіе къ пониманію нашей роли въ современномъ обществѣ и лежащей на насъ задачи переустройства его на лучшихъ началахъ, мы не должны спокойно допускать, чтобы насъ оскорбляли и унижали; защита нашего человѣческаго достоинства должна быть нашимъ общимъ дѣломъ. Когда кто-нибудь изъ изверговъ или изъ царскихъ псовъ—полицейскихъ грубо съ нами обращается, мы должны всѣ немедленно, тутъ же на мѣстѣ, протестовать, противиться насилію до послѣдней возможности, до полнаго изнеможенія,

до послѣдней капли крови; мы должны всѣ вмѣстѣ защищать нашу попранную честь. Когда мастеръ наглецъ, директоръ извергъ, полицейскій песъ позволяютъ себѣ грубость по отношенію къ кому-нибудь изъ рабочихъ, мы должны всѣ, какъ одинъ человѣкъ, возстать противъ этого, протестовать всѣми средствами, отвѣтить насиліемъ на насиліе, бросить работу и требовать моральнаго удовлетворенія, потому что въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено не только одному изъ насъ, но всѣмъ, всему пролетаріату, какъ классу. Храня преступное молчаніе на мѣстѣ, покорно склонивъ голову, оставивъ безъ отвѣта насиліе, мы сами себя больше унижаемъ, чѣмъ это дѣлаютъ тѣ своими криками и руганью. Если мы всѣ будемъ энергично отстаивать свое человѣческое достоинство, если наша честь станетъ для насъ неприкосновенной святыней, то и другіе должны будутъ съ этимъ считаться: мы ихъ заставимъ перемѣнить свой взглядъ на насъ, рабочихъ, и печальныя средства, въ родѣ недавно примѣненнаго, выйдутъ изъ употребленія.

Будемъ же кончаетъ воззваніе распространять среди забитыхъ рабочихъ чистый свѣтъ классового сознанія, будемъ всегда и вездѣ проповѣдовать имъ о святости достоинства человѣка. Пусть ни одинъ случай униженія рабочихъ не пройдетъ даромъ, пусть ни одно оскорбленіе, гдѣ бы оно ни произошло на фабрикѣ, на улицѣ не останется безъ отвѣта со стороны самихъ униженныхъ. Пусть каждый стоитъ за свою честь и всѣ за честь каждаго, тогда не будетъ болѣе надобности въ актахъ единоличной расправы, и мы гордо и побѣдоносно поведемъ нашу борьбу за честь и счастье рабочаго класса, за равенство всѣхъ людей."

(Изъ бюлл. Бунда № 90).

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Ростовъ-на-Дону. Несмотря на многочисленные аресты и обыски въ теченіе февраля, марта и апрѣля, положеніе Донского Комитета не только не пошатнулось, но даже, напротивъ того, онъ сталъ развивать свою дѣятельность энергичнѣе прежняго.

Съ мая по сентябрь Комитетъ распространилъ, — не считая первомайской, — слѣдующія прокламаціи: 1) къ рабочимъ завода Кекишева (200 экз.), 2) вторично къ рабочимъ того же завода (150 экз.), 3) къ рабочимъ фабрики Максимова (150 экз.). Во всѣхъ трехъ прокламаціяхъ обрисовывалось положеніе рабочихъ на названныхъ фабрикахъ и указывалось на необходимость сьорганизоваться для борьбы съ хозяевами за слѣд. требованія: уменьшеніе рабочаго дня, улучшеніе гигіеническихъ условій труда, вѣжливое обращеніе. Въ удачный моментъ была выпущена Донскимъ Комитетомъ четвертая прокламація „ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ фабрики Асмолова", гдѣ возникло сильное недовольство рабочихъ вслѣдствіе безсовѣстной эксплуатаціи дѣтскаго труда. Ребятъ заставляли таскать по нѣсколько часовъ сряду на 2-ой этажъ фабрики тюки картона вѣсомъ въ два пуда, причемъ для удобства переноски эти тюки взваливали имъ на голову; отъ такой работы у многихъ ребятъ кожа на головѣ стиралась и представляла собою сплошную рану. Кромѣ того, для сокращенія расходовъ новый управляющій фабрикой рѣшилъ уменьшить число машинъ почти вдвое и распредѣлить работу ихъ между остальными. Благодаря этому значительно увеличился трудъ рабочихъ, приставленныхъ къ оставшимся въ дѣйствіи машинамъ, но управляющій не счелъ нужнымъ увеличить ихъ плату. Прокламація вызвала массу сочувственныхъ толковъ среди рабочихъ. Къ сожалѣнію, количество экземпляровъ (120) нужно признать слишкомъ незначительнымъ для фабрики, гдѣ работаютъ до 300 чел.

Пятая прокламація, выпущенная Комитетомъ за указанный промежутокъ времени, по поводу повѣшенія 3-хъ убійцъ городового Лагутина, была распространена въ количествѣ 2000 экз. и носила чисто политическій характеръ. Во время суда была выяснена причастность къ убійству одного изъ высшихъ ростовскихъ полицейскихъ чиновъ, котораго не только не привлекли къ отвѣтственности, но даже дали ему возможность заблаговременно скрыться. Кромѣ того, одинъ изъ приговоренныхъ, Ходжаевъ, послѣ того какъ ходатайство о помилованіи было отвергнуто, сдѣлалъ признаніе, которое онъ торжественно повторилъ на эшафотѣ передъ казнью, что двое другихъ приговоренныхъ вмѣстѣ съ нимъ къ смерти совершенно невиновны въ убійствѣ. Несмотря на это признаніе, всѣ трое были повѣшены. Комитетъ удачно воспользовался этими фактами, чтобы дискредитировать царское правительство въ глазахъ населенія. Прокламація имѣла большой успѣхъ во всѣхъ слояхъ публики и читалась нарасхватъ.

Уфа. „Царь и его правительство не даютъ намъ праздновать нашего праздника 1-го мая. Такъ и мы не дадимъ праздновать его праздника. Въ день восшествія за престолъ мы открыто заявимъ царю, что мы отказываемся праздновать этотъ день, день позора для нашей страны, и призываемъ нашихъ товарищей и общество послѣдовать нашему примѣру".

Такими словами заканчивается прокламація Уфимскаго Рабочаго Комитета, распространенная 21 октября въ количествѣ 700 экземпляровъ по главнымъ улицамъ и въ рабочихъ кварталахъ. Прокламаціи раздавались мальчиками подъ видомъ афишъ, ихъ наклеили на дверяхъ губернатора, жандармскаго начальника, на полицейскихъ участкахъ и будкахъ; онѣ были вложены въ газеты въ читальнѣ, пивныхъ, столовыхъ, разбросаны въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Нижній-Новгородъ. Удачная маевка въ Сормовѣ сильно приподняла настроеніе у рабочихъ. По всему заводу шли разговоры о тѣхъ требованіяхъ, которыя были выставлены на первомайскомъ знамени: „Долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!" Но среди массы еще неясно было сознаніе о той связи, которая существуетъ между борьбой за улучшеніе рабочей жизни и борьбой противъ самодержавія. Нижегородскій Комитетъ, по просьбѣ Сормовской рабочей организаціи, выпустилъ листокъ по вопросу о томъ: „Что значитъ долой самодержавіе? Зачѣмъ нужна намъ политическая свобода?" Прокламація о томъ, что такое политическая свобода, была распространена еще до маевки. Оживленіе сказалось и въ усиленіи спроса на литературу, и въ ростѣ кружковъ для занятій, и въ готовности продолжать такъ удачно начатую борьбу. Лѣтомъ произошло совершенно неожиданно небольшое повтореніе майской демонстраціи. Поводомъ къ этому послужила перемѣна въ распредѣленіи времени ночныхъ работъ. Прежде ночныя работы производились безъ перерыва. Теперь администрація установила перерывъ въ 1½ часа. Недовольные этимъ рабочіе рѣшили протестовать. Несмотря на перерывъ, они бросили работу въ обычное время; ночью часть рабочихъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ прошлась по Сормову. Полицейскихъ послѣдствій эта маленькая демонстрація не имѣла. Заводская администрація уступила рабочимъ и уничтожила перерывъ. Изъ другихъ явленій сормовской жизни отмѣтимъ отправку сормовской рабочей организаціей адреса виленскимъ рабочимъ по поводу виленской экзекуціи и начавшійся выпускъ листковъ по вопросамъ мѣстной сормовской жизни. Сейчасъ сознательные сормовскіе рабочіе въ кружкахъ съ интересомъ обсуждаютъ проектъ партійной программы, выработанной Зарей и Искрой. Нижегородскій Комитетъ не ограничиваетъ свою дѣятельность только рабочими, но старается вербовать сторонниковъ с.-демократіи и въ другихъ слояхъ населенія. Такъ, во время учительскихъ курсовъ въ іюнѣ съ большимъ успѣхомъ была распространена среди курсистовъ прокламація къ учителямъ и учительницамъ, въ которой выяснились политическія и культурныя задачи соціальдемократіи. Еще большій успѣхъ имѣла дѣйствительно очень удачно составленная прокламація къ солдатамъ на тему о „внутреннемъ врагѣ." Было выпущено нѣсколько листковъ къ крестьянамъ, (одинъ изъ нихъ, кажется, даже на мордовскомъ языкѣ).

Побѣгъ изъ кіевской тюрьмы. Изъ кіевской тюрьмы 18 августа бѣжало 11 политическихъ. Подробности побѣга заимствуемъ изъ листка, изд. „Искрой".

„Орудіями побѣга послужили сшитая изъ разрѣзанныхъ простынь лѣстница и полупудовый якорь. Какъ послѣдній очутился въ рукахъ бѣжавшихъ—это, конечно, секретъ организаторовъ побѣга. 18 августа вечеромъ, когда заключенные гуляли по двору около стѣны, нѣсколько изъ нихъ напали на стоявшаго вблизи часового, забили ему ротъ и связали его по рукамъ и ногамъ. Операція продѣлана была невполнѣ совершенно, такъ что солдатъ могъ нѣсколько разъ крикнуть: „Ратуйте, ратуйте!" Къ счастью, заглушенный крикъ его не былъ услышанъ. Пока одни возились съ часовымъ, другіе образовали „живую пирамиду", верхній конецъ которой доходилъ почти до вершины стѣны. Отсюда нетрудно было взлѣзть на стѣну и прикрѣпить якорь, къ которому съ одной стороны была привязана лѣстница, а съ другой—веревка, по которой спускались внизъ. Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ благополучно спустился послѣдній изъ бѣглецовъ, изъ тюрьмы раздался выстрѣлъ, означавшій тревогу. Бѣжавшіе направились въ разныя стороны.

Немедленно во всѣ концы Россіи дано было циркулярно извѣщеніе о побѣгѣ и сообщены примѣты бѣжавшихъ. Двое изъ послѣднихъ попали-было въ руки полиціи, но черезъ короткое время освободились... какимъ путемъ, объ этомъ умолчимъ, дабы не компрометировать того урядника, который, навѣрное, никому не разсказываетъ, какъ онъ упустилъ двоихъ изъ „одиннадцати".

Не обошлось и безъ курьезовъ: двое изъ бѣжавшихъ пролежали *цѣлые сутки* въ полѣ недалеко отъ тюрьмы и имѣли удовольствіе видѣть суету, поднятую надзирателями послѣ того, какъ они хватились."

ИЗЪ СИБИРИ. **Неудачная попытка замиренія.** Какъ извѣстно, правительство за намѣреніе устроить демонстрацію въ Москвѣ 9 марта арестовало до 700 человѣкъ, почти исключительно студентовъ и курсистокъ; изъ нихъ около 100 человѣкъ было выслано административно въ различныя мѣста Сибиря на различные сроки.

Русское, такъ называемое, общество никогда не обнаруживало избытка гражданскаго мужества. Но какъ знать? Быть можетъ, въ настоящій моментъ общаго революціоннаго подъема, особенно въ виду жестокой расправы правительства съ „дѣтьми", зашевелились бы и „отцы"? Теперь все возможно.

И вотъ правительство, выбиваясь изъ силъ въ безнадежной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ, пытается примирить съ собою хотя бы наиболѣе умѣренные элементы общества. Чтобы задобрить „отцовъ", оно пробуетъ „миловать" „дѣтей".

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій летитъ въ Сибирь, чтобы „облегчить участь“ высланныхъ студентовъ, не забывая, конечно, при этомъ своихъ полицейскихъ ра счетовъ.

Онъ предлагаетъ сосланнымъ студентамъ вернуться въ Россію на извѣстныхъ условіяхъ. Но студенты, охваченные общимъ настроеніемъ, повсюду, какъ бы сговорившись, даютъ ему отпоръ.

Въ Ачинскѣ Святополкъ-Мирскій предлагалъ студентамъ дать честное слово не участвовать въ безпорядкахъ; всѣ отказались. Въ Красноярскѣ отказались говорить съ нимъ; хотя явились, но не проронили ни слова. Въ Нижнеудинскѣ совсѣмъ не явились для бесѣдъ, и напрасно ждалъ студентовъ товарищъ министра нѣсколько часовъ. Въ Иркутскѣ отказались обращаться съ какими бы то ни было просьбами.

Въ Якутскъ губернатору была послана телеграмма доставить всѣхъ студентовъ въ Иркутскъ къ 17 авг. Якутяне тронулись въ путь. Въ Олекминскѣ товарищи встрѣтили ихъ за это несовсѣмъ радушно. Олекминцы заявили, что ими послана телеграмма въ министерство съ запросомъ, что все это значитъ. Тогда якутяне присоединились къ товарищамъ. Черезъ 3 дня отъ губернатора была получена слѣдующая телеграмма: „Министръ вн. дѣлъ предложилъ мнѣ объявить студентамъ, что переводъ ихъ изъ якутской области вызванъ предположеніемъ облегчить ихъ участь. Тѣ, которые не желаютъ пойти навстрѣчу такому предположенію, могутъ оставаться на мѣстахъ настоящаго водворенія“.

Только 3 человѣка рѣшили „пойти навстрѣчу“ предложенію правительства.

Олекминцы послали слѣдующую отвѣтную телеграмму: „Отрицая возможность соглашенія между нами и существующимъ правительствомъ, мы нижеподписавшіеся предпочитаемъ остаться на мѣстахъ настоящаго водворенія“. Слѣдуютъ подписи. Якутяне отвѣтили: „Нижеподписавшіеся студенты, сосланные въ Якутскъ, не желая идти навстрѣчу предположеніямъ правительства, которыя не могутъ не быть противоположны убѣжденіямъ молодежи, предпочитаютъ остаться на мѣстѣ своего водворенія“.

Такъ позорно для правительства закончилась попытка заигрыванія съ революціонно настроенными студентами.

Деревенскія впечатлѣнія. (Два письма изъ Воронежской г.).

1) Поздравьте: у насъ идетъ дымъ коромысломъ. Ночь прошла такъ нелѣпо, что трудно и вообразить: въ 11 час., когда всѣ въ экономіи улеглись, крестьяне сосѣдней слободы, прогнавъ нашихъ сторожей, напали на амбаръ, разнесли его прямо въ щепки, затѣмъ принялись за ворота, отъ которыхъ остались лишь жалкіе обломки. Проникнувъ въ нашъ дворъ, они камнями заставили всѣхъ попрятаться и, подойдя къ дому, кирпичами стали бросать въ окна и разбили нѣсколько стеколъ. А тутъ уже пошли въ ходъ и плодовыя деревья, и огородныя травы; поломали массу. Пробушевавъ такимъ образомъ часа два—три, они на разсвѣтѣ удалились.

Объективно это—утѣшительно, а субъективно—для меня грустно. Видите ли, я боялась, ибо трескъ и звонъ стекла у разбитыхъ по сосѣдству оконъ наводилъ меня на крайне грустныя размышленія. Кто можетъ ручаться, что кирпичи, брошенные въ мое окно, не проломятъ мнѣ голову. Выйти никому было нельзя, а сидѣть въ темнотѣ и слушать все совершающееся спокойно—прямо внѣ человѣческихъ силъ. Я знала, что наши вооружились и первый вошедшій въ домъ былъ бы раненъ, а это развѣ хорошо? По счастью еще оконъ нашихъ спаленъ не тронули, и никто не врывался въ домъ.

Сегодня ночью ждемъ повторенія, а потому пригласили нѣсколькихъ мужиковъ. Дай то богъ, чтобы все прошло, а то наши помѣщики приглашаютъ уже военную силу. У одного сосѣда землевладѣльца произошло то же. Какъ нагонятъ батальонъ, прямо житья не будетъ: видѣть торжество помѣщиковъ—отвратительно... Крестьянинъ сказалъ мнѣ вчера: „попомните вы, барышня, насъ, *силой мы беремъ, а не вы*“. Это не была угроза лично мнѣ, а такъ, отрывокъ изъ длиннаго разговора.

2) Вся исторія распадается на два взаимно дополняющихъ момента: нападеніе на усадьбу и столкновеніе съ полиціей, которое чуть не кончилось убійствомъ становаго, стрѣлявшаго въ осаждавшую его толпу. Послѣднее произошло дня черезъ четыре послѣ перваго и вызвало со стороны властей рѣшительныя мѣры: пріѣздъ товарища прокурора, слѣдователя, исправника, нѣсколькихъ урядниковъ, появленіе сельской охранной полиціи (сотскихъ, десятскихъ) въ числѣ 40 человѣкъ. Теперь на будущее время помѣщикамъ обѣщана помощь военной силы, а крестьянамъ—крутая расправа, выселеніе ихъ въ другія мѣста. Рѣчь исправника сельскому сходу прямо неподражаема; въ ней они выставлены противниками существующаго порядка, бунтарями, идущими противъ своего русскаго царя, своихъ благодѣтелей—помѣщиковъ. Единственнымъ орудіемъ противъ ихъ мятежей признана военная сила, которая не замедлитъ явиться съ барабаннымъ боемъ, съ нагайками и ружьями при новомъ проявленіи неудовольствія. А въ вѣнцѣ всего—угроза стереть съ лица земли этотъ ужасный разсадникъ крамолы—деревни М. и К.

Пошло дознаніе, отдача подъ надзоръ и, наконецъ, аресты. Какъ и вездѣ, агитаторовъ, наиболѣе дѣятельно убѣждавшихъ односельчанъ показать свою силу и вступиться за свои права, мало, человѣкъ 6—8; другіе, лишь подбитые ими, начинаютъ ихъ выдавать. Какъ ведется теперь слѣдствіе, перенесенное въ городъ, легко представить по словамъ приставовъ и урядниковъ: „мы заставимъ тамъ говорить всякаго; ни одинъ не уйдетъ такъ“. Одного мужика уводили въ городъ съ десятскими, и онъ перекрестился; тогда приставъ закричалъ: „крестись, крестись, мы тебя еще не такъ перекрестимъ! Невольно подъ палкой выскажешь все и дѣло выйдетъ наружу.“

Воронежскіе земцы. Намъ пишутъ: 31-го августа предсѣдатель губернской управы частнымъ образомъ созываетъ предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ. Обсуждаютъ программу, выработанную на курскомъ земскомъ съѣздѣ *), разговариваютъ много о мелкой земской единицѣ. До обѣда разговоры носили либеральный характеръ. Признано было желательнымъ привлечь къ земскому дѣлу сельскихъ учителей, докторовъ и крестьянъ, пользующихся уваженіемъ, но только *въ роли избираемыхъ, а не избирателей. Избирателями же должны остаться дворяне и крупные собственники.* Рѣшили и испугались, не зашли ли слишкомъ далеко. За обѣдомъ предсѣдатель обратилъ вниманіе, что при такомъ либеральномъ новшествѣ можетъ случиться (какъ ни мало надежды, чтобъ крупные плательщики стали выбирать голытьбу), что дворяне и землевладѣльцы будутъ вытѣснены темнымъ крестьянствомъ. А это значитъ—*отдать въ руки темной массы страну.* При этомъ прямо было высказано, что *теперь мы дворяне правимъ, а то нами станутъ править.* Послѣ обѣда прежнее постановленіе было отмѣнено.

Крамолу ловятъ. Въ Черниговскомъ уѣздѣ неизвѣстный агитаторъ (позже арестованный въ Гомелѣ и оказавшійся отставнымъ солдатомъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ рабочимъ въ Петербургѣ) обходитъ нѣсколько деревень и говоритъ на сходахъ о необходимости раздѣленія всей земли поровну. Для приданія своимъ словамъ вѣса онъ говорилъ, что посланъ отъ царя. Послѣ этого, по приказу губернатора, на всѣхъ сходахъ было объявлено, что посланные отъ царя не могутъ явиться въ деревню безъ сопровожденія или земскаго начальника, или чиновъ полиціи, а являющіеся безъ нихъ—крестьянскіе враги и злоумышленники, которыхъ надо представлять по начальству. Послѣ этого по начальству крестьяне представляютъ акцизныхъ чиновниковъ; наконецъ, доставляется къ земскому начальнику подполковникъ генеральнаго штаба Толмачевъ съ его денщикомъ. Толмачевъ производилъ на поляхъ какія-то съемки для военныхъ цѣлей. Являются къ нему крестьяне. „А вы тутъ що робите?“ „А вамъ какое дѣло?“ „Якъ, какое дѣло, а бумаги у васъ есть?“ „Я командированъ по высочайшему повелѣнію.“ „Эге! по высочайшему повелѣнію! Намъ саме такихъ и треба—а поiдимо до земського.“ И полковнику Толмачеву волей-неволей пришлось оставить работу и за 17 верстъ ѣхать къ земскому начальнику въ сопровожденіи крестьянъ, воображавшихъ, что поймали злоумышленника.

Другой случай. Въ Черниговѣ, передъ первымъ мая задерживается и обыскивается сторожъ общественной библіотеки, поклонившійся на улицѣ студенту. Въ карманѣ у него находится два платка: бѣлый и *красный.* Жандармскій полковникъ по этому поводу снимаетъ съ него формальный допросъ. „А на что это у тебя красный платокъ?“ „Носъ сякать“ (сморкаться). „А зачѣмъ же онъ у тебя красный?“ „Та мені казали, що красный не такъ скоро пачкается.“ Жандармъ не довѣряетъ и нѣсколько разъ къ недоумѣнію задержаннаго возвращается къ вопросу о цвѣтѣ платка, говоря: „Нѣтъ, нѣтъ, красныхъ платковъ не надо!“ Послѣ допроса библіотечному сторожу предписывается въ 24 часа уѣхать изъ Чернигова къ отцу въ деревню.

Пріемы дознанія. Въ бюллетенѣ „Рев. Россіи“ № 76 напечатано слѣд. письмо рабочаго, арестованнаго по дѣлу о безпорядкахъ на Воткинскомъ заводѣ: „Я вамъ постараюсь разсказать, что мы потерпѣли. Когда насъ арестовали, то предварительно дѣлали надъ нами кулачную расправу, попадало основательно и прикладомъ; я думалъ, что прямо бьютъ на смерть, и весьма удивился, что остался живъ, когда толкнули меня въ казематъ. Вѣдь били по головѣ, по спинѣ, вообще, по чему придется; просто, когда тебя сунутъ въ камеру, то часа полтора у тебя въ глазахъ зеленые круги; а потомъ долженъ ты любоваться на эти сцены почти каждые полчаса; крики избиваемыхъ такъ терзали меня, что прямо я ломалъ руки. Потомъ начались допросы съ застращиваніемъ висѣлицей и розгами, особенно меня и З. И что бы ты ни сказалъ, вѣры тебѣ нѣтъ, а только и говорятъ: „За несознаніе предадимъ военному суду“. Но кажется, что угрозы ихъ не привели ни къ чему. Тогда они стали дѣйствовать пыткой. Она состояла въ слѣдующемъ: насъ въ количествѣ 4-хъ человѣкъ однажды разбудили ночью, часа въ 2, и сказали, чтобы мы собирались идти. Приготовили усиленный конвой. Одинъ изъ моихъ товарищей спросилъ, можно ли взять хлѣбъ: на это приставъ съ злорадной улыбкой отвѣтилъ, что на томъ свѣтѣ хлѣба не понадобится, и что только чистосердечное признаніе можетъ еще перемѣнить нашу участь. Ни одинъ изъ насъ не струсилъ, мы всѣ

*) Весной и лѣтомъ либеральные земцы на двухъ тайныхъ съѣздахъ, въ Москвѣ и Курскѣ, выработали программу тѣхъ требованій, которыя они должны предъявить царскому правительству, и тѣхъ дѣйствій, которыми они должны добиваться своихъ требованій. Этой программѣ въ слѣдующемъ № будетъ посвящена особая статья.

взялись за руки и пошли туда, куда насъ повели солдаты. Насъ повели по направленію ограды, и мы очень удивились, что насъ неожиданно повернули къ башнѣ. Въ темнотѣ мы старались разглядѣть висѣлицу, и, дѣйствительно, тутъ было поставлено что-то похожее на нее. Мы тогда пожали другъ другу руки и усиленно зашагали впередъ. Удивленію нашему не было границъ, когда насъ заперли подъ башней, сказавши, что послѣ съ нами раздѣлаются. Заперли насъ по одиночкѣ и предоставили насъ самимъ себѣ. Что были тутъ за думы, конечно, въ письмѣ трудно передать; боль отъ розогъ показалась ничтожнѣйшей болью сравнительно съ прошедшими пытками. Но все это пробудило во многихъ только чувство мщенія и жажду борьбы. ~~И никогда~~ они не увидятъ меня, лежащаго у ихъ ногъ“.

Судъ надъ демонстрантами. Участники майскихъ демонстрацій въ Нижнемъ и Саратовѣ привлекаются къ отвѣтственности не въ административномъ порядкѣ, какъ обыкновенно; ихъ дѣла разбираются въ судебныхъ палатахъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Вновь наступаетъ время громкихъ политическихъ процессовъ, которыхъ правительство избѣгало около 20 лѣтъ. Подробности въ слѣд. №.

Новое насиліе надъ Финляндіей. 18-го сентября правительство съ нарушеніемъ всѣхъ формальностей опубликовало рядъ законовъ, имѣющихъ цѣлью упрочить въ Финляндіи полицейскій произволъ. Вотъ главные пункты этихъ законовъ. Уничтожается право петицій: „безусловно оставляются безъ разсмотрѣнія подаваемыя *скопомъ* прошенія, адреса и петиціи, кои, подъ видомъ ходатайства о нуждахъ края клонятся *къ осужденію дѣйствій правительства или къ поколебанію общественнаго порядка и спокойствія*“. Напомнимъ, что въ 99 году финляндцами былъ отправленъ царю отъ *всѣхъ* 500 общинъ протестъ противъ беззаконнаго нарушенія имъ финляндской конституціи. Теперь царское правительство хочетъ оградить себя отъ подобныхъ непріятностей.

Сенатъ, имѣвшій прежде тѣнь самостоятельности, теперь окончательно подчиняется генералъ-губернатору. Прокуроръ сената теряетъ право дѣлать губернатору замѣчанія и лично доносить на него государю. Прежде чиновники и судьи были несмѣняемы. Уволить отъ должности ихъ можно было только по приговору суда. Правительству въ его борьбѣ съ финляндской крамолой это было неудобно: среди чиновниковъ и особенно среди судей было много лицъ, прямо или косвенно участвующихъ въ противоправительственномъ движеніи, отказывающихся признавать и исполнять самодержавные законы. Добиться ихъ увольненія отъ суда было нелегко. Теперь правительство присваиваетъ себѣ право самому безъ суда увольнять чиновниковъ и судей и уже начало широко имъ пользоваться. Увольняется отъ службы всякій, кто „дозволитъ себѣ при отправленіи обязанностей службы или внѣ оной несовмѣстные съ долгомъ службы и служебнымъ положеніемъ поступки“. Такъ, уволенъ главный почтмейстеръ за то, что отказался шпіонить за частной перепиской. Для заполненія мѣстъ увольняемыхъ правительство облегчаетъ доступъ на финляндскую службу болѣе покладистымъ русскимъ чиновникамъ. Такъ, шагъ за шагомъ Финляндія превращается въ финляндскую губернію царской имперіи. Для „увѣнчанія зданія“ оставалось только ввести въ Финляндіи „россійскую“ систему административной ссылки. Судя по сообщенію иностранныхъ газетъ, и за этимъ дѣло не станетъ. Финляндскій генер.-губернаторъ Бобриковъ и министръ Плеве вели съ царемъ въ Ливадіи бесѣду о томъ, чтобы имъ было предоставлено право ссылать въ Восточную Сибирь всѣхъ финляндскихъ „агитаторовъ“ безъ суда и слѣдствія.

Два назначенія. Министръ фонъ Плеве въ душевной бесѣдѣ съ однимъ французскимъ гражданиномъ говорилъ: „тѣлесныя наказанія исчезнутъ, но для этого еще не настало время. Розги я люблю болѣе, чѣмъ ружейные выстрѣлы“. Другая слабость министра—провокація.

Соотвѣтственно со своими утонченными вкусами, министръ выбралъ себѣ двухъ помощниковъ: провокаторъ Зубатовъ переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ вн. д. Сѣкуторъ Валь назначенъ товарищемъ министра вн. д. и начальникомъ корпуса жандармовъ.

„Насъ собралось небольшое, но порядочное общество: я, сыщикъ и проститутка“. (*Изъ Щедрина*).

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Женева, самый свободный городъ свободной Швейцаріи, недавно была ареной такихъ сценъ, которыя заставили одного соціалиста закончить статью о нихъ восклицаніемъ: „Да здравствуетъ Россія! Наша Женева ничуть не уступитъ царской Варшавѣ. Боже царя храни!“

Городъ былъ точно на военномъ положеніи. По улицамъ съ барабаннымъ боемъ маршировали отряды солдатъ и разъѣзжали конные патрули. На стѣнахъ домовъ красовалось „обязательное постановленіе,“ воспрещавшее народныя сходбища и демонстраціи. Войска разгоняли демонстрантовъ, раздирали въ клочки ихъ знамена. Полиція арестовывала и высылала десятки лицъ. Какъ тутъ было женевскому соціалисту не вспомнить о самодержавной Россіи?

Что же заставило Женеву принять такой необычный видъ?—*Всеобщая стачка рабочихъ.* О ней и будетъ рѣчь въ этой замѣткѣ.

Дѣло началось съ того, что компанія электрическихъ дорогъ поручила новому управляющему Брадфору увеличить доходность предпріятія. Тотъ, какъ водится, первымъ дѣломъ принялся за рабочихъ. Хорошо организованные трамвайщики дали ему отпоръ: за ~~одинъ мѣсяцъ~~ они устроили двѣ стачки. Первая, вызванная неосновательнымъ увольненіемъ 44 товарищей, прошла дружно: всѣ 600 человѣкъ разомъ бросили работу. Директоръ, не подготовившійся къ стачкѣ, уступилъ на второй день. Но тогда же онъ задался цѣлью сломить сопротивленіе рабочихъ. Онъ сталъ готовить вторую стачку и готовиться къ ней. Онъ набиралъ новый комплектъ болѣе сговорчивыхъ служащихъ, вносилъ рознь въ среду старыхъ, расчитывалъ организованныхъ и требовательныхъ рабочихъ. Главною цѣлью его было уничтожить или ослабить организацію трамвайщиковъ. Ему это и удалось, благодаря предупредительному содѣйствію женевскаго правительства.

Едва началась вторая стачка (28 сентября), Брадфоръ потребовалъ отъ правительства, чтобы оно „охраняло *свободу труда*“ т. е. тѣхъ, которые согласились замѣстить стачечниковъ. Правительство любезно предоставило въ его распоряженіе до сотни жандармовъ и полицейскихъ. Подъ ихъ усиленнымъ конвоемъ нѣсколько вагоновъ выѣхали изъ депо. Рабочее населеніе встрѣтило ихъ насмѣшками и свистомъ. Произошли мелкія стычки съ полиціей. Правительство въ угоду компаніи раздуло дѣло. На другой же день оно издало приказъ о созывѣ войска *) въ числѣ 700 человѣкъ для охраненія порядка, депо и вагоновъ.

Полагаясь на штыки правительства, Брадфоръ рѣшилъ ни на шагъ не уступать стачечникамъ. Онъ наотрѣзъ отказался вести переговоры съ организаціей трамвайщиковъ, требовалъ отъ стачечниковъ письменнаго извиненія передъ тѣми „честными и смѣлыми“ рабочими, которые во время стачки свято исполняли свой долгъ. На такое униженіе не могъ, разумѣется, согласиться ни одинъ хоть сколько-нибудь уважающій себя рабочій.

Тѣмъ временемъ Брадфору удалось-таки съ грѣхомъ пополамъ возстановить движеніе трамваевъ. Правда, вагоны ходили пустые, только жандармы на площадкахъ охраняли „свободу труда“. Рабочіе поддерживаютъ забастовщиковъ „стачкой пассажировъ“, буржуа не довѣряютъ своей драгоцѣнной жизни неопытнымъ кондукторамъ. Компанія несетъ убытки, но не сдается. „Если мы уступимъ рабочимъ, заявляетъ Брадфоръ, мы перестанемъ быть хозяевами у себя дома; не мы рабочимъ, а рабочіе намъ будутъ отдавать приказы и распоряженія.“

Стачка казалась окончательно проигранной; 300 рабочихъ должны были остаться на зиму безъ хлѣба и работы. Но тутъ дѣло принимаетъ иной оборотъ. Если на сторону компаніи открыто стало правительство, то за стачечниковъ вступается женевскій рабочій классъ. Чрезмѣрныя и оскорбительныя требованія компаніи задѣли всѣхъ рабочихъ за живое: въ нихъ они справедливо увидѣли *попраніе своей свободы организаціи и своего достоинства.* Дѣло 300 трамвайщиковъ становится дѣломъ всѣхъ женевскихъ рабочихъ. На очередь встаетъ вопросъ о поддержкѣ трамвайщиковъ *всеобщей стачкой. Борьба трамвайщиковъ съ компаніей разростается въ борьбу труда съ капиталомъ.*

Въ свободной Женевѣ такъ же, какъ и въ самодержавной Россіи, правительство сразу становится на сторону капитала. Но благодаря политической свободѣ самая борьба рабочаго класса выливается въ такія формы, которыя совершенно невозможны въ современной Россіи.

Вопросъ о всеобщей стачкѣ горячо обсуждается въ рабочихъ организаціяхъ; его не разъ поднимаютъ на многолюдныхъ народныхъ собраніяхъ. Наконецъ, во вторникъ 7 октября на многотысячномъ рабочемъ собраніи всеобщая стачка окончательно рѣшена. Рабочіе веселыми группами подъ звуки соціалистическихъ пѣсенъ расходятся по домамъ, твердо рѣшивъ въ четвергъ не выходить на работу. Настроеніе у всѣхъ бодрое: всѣ готовы бороться до конца за общее рабочее дѣло.

Рѣшеніе рабочихъ вызвало переполохъ въ городѣ. Буржуазіи уже мерещится призракъ рабочей революціи. Ея газеты затянули обычную пѣсню о подстрекателяхъ, заговорили о необходимости закона противъ всеобщей стачки: она, молъ, „нарушаетъ общественный порядокъ“. Женевскіе депутаты побуждаютъ правительство къ самымъ крутымъ мѣрамъ противъ стачечниковъ.

Впрочемъ, это было излишне. Правительство и само не дремало. Оно созываетъ до 3.000 войска. Оно настойчиво „совѣтуетъ“ гражданамъ, которымъ дорога добрая слава своего города, не толпиться и не останавливаться на улицахъ, гдѣ происходятъ безпорядки. „А то пеняйте на себя. Знайте, что мы примемъ самыя энергичныя мѣры противъ нарушителей порядка.“ Правительство грозитъ немедленной высылкой всякому иностранцу, ко-

*) Собственно народнаго ополченія. Постояннаго войска въ Швейцаріи нѣтъ. Это громадное преимущество съ точки зрѣнія рабочихъ. Ополченіе ближе стоитъ къ народу, чѣмъ войско, его труднѣе направить противъ „внутреннихъ враговъ“. Среди самихъ стачечниковъ были ополченцы, призванные для охраненія порядка.

торый будетъ арестованъ на рабочемъ собраніи или на улицѣ— не богатымъ, конечно, путешественникамъ: они всегда желанные гости для женевскихъ торговцевъ и трактирщиковъ, — а тѣмъ иностранцамъ рабочимъ, чьи руки создаютъ богатства женевскихъ капиталистовъ. Въ то же время въ церквахъ возносится молитва къ всевышнему, чтобы „онъ ниспослалъ на Женеву миръ, внушилъ рабочимъ духъ примиренія и благоразумія и возстановилъ добрыя отношенія между всѣми классами населенія“.

Но молитва, видно, не дошла до бога. Въ четвергъ стачка началась и сразу захватила до 15.000 человѣкъ. Забастовали рѣшительно на всѣхъ стройкахъ, во всѣхъ типографіяхъ. Газеты не выходятъ. Только къ вечеру удается отлитографировать писанный листокъ вродѣ нашихъ нелегальныхъ газетокъ. По городу ходятъ возбужденныя толпы рабочихъ. Всѣ оживленно бесѣдуютъ о стачкѣ. Съ напряженіемъ ждутъ вечера, присоединятся ли къ стачкѣ электрики, газовщики и рабочіе водопровода. Если да, то городъ погрузится вечеромъ въ тьму, населеніе останется безъ воды... Но правительству какъ-то удалось умаслить эти группы рабочихъ. Вечеромъ къ разочарованію стачечниковъ и радости буржуазіи электрики и к-о отказались примкнуть къ стачкѣ. Въ первый же вечеръ произошла стычка съ войсками около депо. Гиды (конница, состоящая изъ богатыхъ гражданъ), размахивая обнаженными шашками, топчутъ и разгоняютъ толпу. Есть раненые и арестованные. Но генеральное сраженіе еще впереди.

На пятницу утро было назначено шествіе по городу. Съ 9 часовъ, несмотря на дождь, около ресторана, откуда должно было начаться шествіе, стояли толпы народа. Въ 10 ч. стройными рядами двинулись союзы рабочихъ, ихъ сопровождаютъ тысячи сочувствующихъ лицъ. Во главѣ каждаго союза несутъ знамя. Шествіе растянулось почти на версту и спокойно дошло до моста черезъ Рону. Здѣсь полтора десятка солдатъ-велосипедистовъ перерѣзываютъ дорогу. Они берутъ ружья на перевѣсъ. Толпа въ первый моментъ отступаетъ передъ штыками, но одинъ рабочій бросается впередъ на солдатъ и увлекаетъ за собой остальныхъ. Солдаты отброшены въ сторону. Шествіе благополучно проходитъ черезъ мостъ, только хвостъ его былъ отрѣзанъ подоспѣвшимъ съ другого моста отрядомъ пѣхоты. Новое столкновеніе произошло при возвращеніи на второмъ мосту: сильный отрядъ солдатъ откинулъ назадъ рабочихъ, несмотря на ихъ сопротивленіе; во время схватки нѣсколько знаменъ было разодрано въ клочки. Съ тылу двигались на рабочихъ еще солдаты. Руководители шествія вступили въ переговоры съ офицеромъ. Онъ согласился пропустить рабочихъ, взявъ съ нихъ слово, что они не пойдутъ въ богатую часть города нарушать спокойствіе перепуганной буржуазіи.

Къ ресторану возвратилась только часть рабочихъ и тамъ на бурномъ собраніи протестовала противъ правительства.

Попытка правительства вызвать рабочихъ на открытое сопротивленіе властямъ и затѣмъ штыками и ружейными выстрѣлами задавить стачку не удалась. Но правительство не теряетъ надежды и продолжаетъ раздражать рабочихъ: оно запрещаетъ уличныя демонстраціи и сборища. Иностранцевъ, въ томъ числѣ и политическихъ, находившихъ пріютъ въ Женевѣ отъ преслѣдованій своего правительства, оно за участіе въ стачкѣ или открытое сочувствіе стачечникамъ передаетъ въ руки ихъ властей. Тайкомъ и обманомъ оно арестовываетъ руководителей стачки и обвиняетъ ихъ чуть не въ государственномъ преступленіи. Одного изъ нихъ, анархиста Бертони, избили въ участкѣ такъ, какъ бьютъ въ русскихъ застѣнкахъ. Все время войска „для охраны порядка“ подъ звуки барабана ходятъ по улицамъ города.

Чувство злобы и негодованія растетъ въ душѣ стачечниковъ. Но они чувствуютъ свою слабость, у нихъ не хватаетъ силъ продолжать стачку.

Въ субботу возобновляютъ работу типографщики, самые организованные и передовые рабочіе Женевы, и послѣ трехдневной пріостановки возобновляется выходъ газетъ. Въ воскресенье днемъ было общее собраніе стачечниковъ. Трамвайщики благодарили товарищей за поддержку, но уговаривали начать работу. „Мы не хотимъ, чтобы тысячи голодали за 300 человѣкъ“. Были голоса за продолженіе стачки, но большинство рѣшило прекратить ее.

Въ понедѣльникъ работа вездѣ возобновилась. Во вторникъ объявлено было объ окончаніи стачки трамвайщиковъ; изъ нихъ 183 человѣка выброшено компаніей на улицу, подъ предлогомъ, „что честные и вѣрные рабочіе отказываются работать рядомъ со своими оскорбителями“.

Стачка кончилась пораженіемъ рабочихъ. Буржуазія торжествуетъ побѣду. Ея депутаты осыпаютъ похвалами правительство за твердость и увѣренность его дѣйствій; ея газеты разсыпаются въ комплиментахъ передъ жандармами, ея попы поютъ молебны за избавленіе отъ внутренняго врага и междоусобной брани.

Женева приняла обычный видъ. Точно ничего и не было. Но это только такъ кажется. Въ дѣйствительности же стачка оставила по себѣ глубокіе слѣды.

Цѣлую недѣлю весь городъ— и буржуа и рабочіе, взрослые и дѣти—только стачкой и жили. Сколько за это время было передумано и перечувствовано! Какой яркій свѣтъ пролила стачка на всѣ общественныя отношенія и порядки! Весь городъ раздѣлился на двѣ партіи. Всякій долженъ былъ выяснить себѣ свое отношеніе къ борющимся сторонамъ, открыто примкнуть къ той или другой сторонѣ. Борьба захватила всѣ области общественной жизни, отодвинула первоначальный поводъ къ стачкѣ на задній планъ. Изъ 3000 ополченцевъ 300 отказались явиться на призывъ правительства. Они встрѣчаютъ горячее сочувствіе рабочихъ; союзъ типографщиковъ рѣшаетъ отказавшимся ополченцамъ изъ своихъ членовъ выдавать стачечное пособіе. За то какую бурю негодованія вызываетъ этотъ отказъ въ буржуазномъ лагерѣ: газеты поднимаютъ вопль объ измѣнѣ отечеству, буржуа угощаютъ вѣрныхъ присягѣ солдатъ виномъ и обѣдами, демонстративно устраиваютъ подписку въ пользу ихъ семействъ, правительство привлекаетъ не явившихся ополченцевъ къ судебной отвѣтственности. Расчитаннымъ трамвайщикамъ рабочіе подыскиваютъ мѣста; семействамъ высланныхъ изъ Женевы рабочихъ-иностранцевъ оказываютъ денежную поддержку. А буржуазія поощряетъ полицію къ дальнѣйшей очисткѣ города отъ „неблагонадежныхъ“ лицъ; ея судъ приговариваетъ вождей стачечниковъ къ тюремному заключенію. Борьба проникла и въ храмъ науки: буржуазные студенты устраиваютъ кошачій концертъ профессору-соціалисту за его сочувствіе къ стачечникамъ.

Стачка углубила пропасть между буржуазіей и пролетаріатомъ, обострила и осмыслила ихъ взаимныя отношенія. Она же показала рабочимъ, чего имъ не хватаетъ для борьбы — сознательности и организованности.

Женевская соціальдемократическая партія недостаточно сильна и самостоятельна; она плохо и неправильно руководитъ борьбой пролетаріата за его освобожденіе. Женевскіе соціалисты все время плелись въ хвостѣ за радикалами, которые въ Женевѣ являются партіей мелкихъ лавочниковъ и ремесленниковъ. Боясь опредѣленной и самостоятельной программой отпугнуть отъ себя мирныхъ женевскихъ мѣщанъ, соціалистическая партія предпочла вступить съ радикалами въ полюбовную сдѣлку: она помогла имъ на прошлыхъ выборахъ, помогла имъ взять въ свои руки правительственную власть. Въ награду за это радикалы приняли соціалиста Тьебо въ свое министерство. Этимъ поступкомъ соціалистическая организація связала себѣ руки: дорожа союзомъ съ радикалами и мѣстомъ въ министерствѣ, она не рѣшалась выступать съ рѣшительными требованіями и рѣзкой критикой и довольствовалась жалкими подачками радикаловъ. Рабочіе были недовольны такимъ поведеніемъ соціалистовъ, разочаровывались въ политической борьбѣ и переходили на сторону анархистовъ.

Стачка выяснила настоящую цѣну этой сдѣлки. Радикальное министерство, несмотря на участіе въ немъ соціалиста, оказалось не лучше всякаго другого буржуазнаго министерства: оно слѣпо исполняло волю своей госпожи—буржуазіи и не останавливалось ни передъ чѣмъ для пораженія рабочихъ. А соціалистъ-министръ только скрѣплялъ своей подписью всѣ правительственныя распоряженія о созывѣ войска, арестахъ, высылкахъ и т. д. За свои поступки Тьебо, конечно, будетъ исключенъ изъ рядовъ соціалистической партіи.

Стачка сдѣлала немыслимымъ продолженіе прежняго добраго согласія между этими двумя партіями. Соціалисты поняли, что ни отъ какого буржуазнаго правительства ждать имъ нечего, что имъ надо стремиться самимъ взять въ свои руки политическую власть. А для этого они должны неуклонно вести свою линію, не соблазняясь ни на какіе посулы и подачки. Съ другой стороны, лавочники-радикалы страшно озлоблены на соціалистовъ: они, видите ли, своей стачкой отбили отъ Женевы ея желанныхъ гостей, богатыхъ и знатныхъ иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда проживать свои капиталы.

Скоро послѣ стачки были новые выборы. Радикалы рѣзко выступили противъ „измѣнниковъ и враговъ своего дорогого отечества“. Соціалисты со своей стороны отказались поддерживать радикаловъ. Выборы обнаружили ростъ соціализма въ Женевѣ: число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, увеличилось съ 1000 до 3000. Такъ отразилась стачка на политическомъ движеніи женевскихъ рабочихъ. Она же оживила и професіональное движеніе. Професіональные союзы въ Женевѣ тоже очень слабы. На 15 тыс. стачечниковъ приходилось самое большее 2½ тыс. организованныхъ рабочихъ. Стачка побудила рабочихъ заняться усиленіемъ своихъ организацій и поставить ихъ въ болѣе тѣсную связь съ политическимъ рабочимъ движеніемъ. Еще во время стачки приступаютъ къ организаціи союза рабочіе-булочники. Послѣ стачки многіе союзы приступили къ пересмотру уставовъ.

Такое серьезное вліяніе имѣла всеобщая стачка на женевскихъ рабочихъ. Для насъ русскихъ она интересна съ другой стороны. У нѣкоторыхъ она, можетъ быть, вызоветъ вопросъ: какой же толкъ рабочимъ въ политической свободѣ, если и въ свободныхъ странахъ правительство такъ же, какъ и у насъ, стоитъ на сторонѣ капитала? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ также вопросомъ: А могла бы у насъ въ Россіи стачка разростись въ такое крупное общественное событіе? Могла бы она такъ всколыхнуть все населеніе стотысячнаго города? Могла бы такъ рѣзко поставить вопросъ о розни между пролетаріатомъ и всѣмъ существующимъ строемъ, такъ опредѣленно выяснить рабочимъ цѣли и средства рабочаго движенія?

Политическая свобода не есть еще освобожденіе рабочаго класса. Но она составляетъ необходимое условіе для его борьбы за освобожденіе.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ИЗДАНІЕ
СОЮЗА РУССКИХЪ СОЦІАЛДЕМОКРАТОВЪ.

№ 2. *ДЕКАБРЬ 1902 г.* № 2.

Соціалдемократическая партія и партія соціалистовъ-революціонеровъ.

Наша партія зоветъ пролетаріатъ на борьбу за свободу и за соціализмъ. Но въ Россіи есть еще одна партія, которая тоже зоветъ пролетаріатъ на борьбу за свободу и за соціализмъ, — партія соціалистовъ-революціонеровъ *). Обѣ партіи ставятъ себѣ *повидимому* одинаковыя задачи, но *въ дѣйствительности* мы, соціалдемократы, ведемъ борьбу противъ теоретическихъ взглядовъ и тактическихъ пріемовъ соціалистовъ-революціонеровъ и, какъ читатель увидитъ, ведемъ борьбу не безъ основанія.

Соціалдемократическая партія есть партія рабочаго класса (городского и сельскаго пролетаріата). Пролетаріатъ — единственный классъ, находящійся въ непримиримой враждѣ со всѣмъ современнымъ соціальнымъ строемъ, и наша партія руководитъ его освободительной борьбой противъ этого строя. Въ нашу партію входятъ не только рабочіе, но и интеллигенты, и крестьяне, и люди разныхъ общественныхъ положеній. Но въ нее входятъ лишь тѣ интеллигенты, которые научились смотрѣть на общественную жизнь съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, которые поняли смыслъ его освободительной борьбы и посвятили ей свою жизнь; лишь тѣ крестьяне, которые стали на точку зрѣнія пролетаріата и освободились отъ взглядовъ, надеждъ и стремленій, свойственныхъ массѣ крестьянъ — собственниковъ. Вы видите, что *наша партія есть рабочая партія.*

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, въ отличіе отъ насъ, считаетъ себя партіей не одного пролетаріата, а *всего трудового народа*, не живущаго насчетъ эксплуатаціи. Она считаетъ себя въ одинаковой мѣрѣ партіей трудовой интеллигенціи — умственныхъ работниковъ, пролетаріата — наемныхъ рабочихъ и крестьянства, обрабатывающаго землю собственнымъ трудомъ.

И мы, соціалдемократы, обращаемся ко всѣмъ слоямъ трудового народа. Но мы оказываемъ имъ поддержку, мы вступаемъ съ ними въ союзъ лишь *пока* и *поскольку* они содѣйствуютъ нашей освободительной борьбѣ за соціализмъ. Мы не сливаемся съ ними въ одну партію, твердо зная, что *одинъ* лишь пролетаріатъ пойдетъ до конца въ великой освободительной борьбѣ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ, напротивъ того, не дѣлаетъ различія между разными слоями „трудового народа“ и считаетъ себя выразительницей интересовъ всѣхъ этихъ слоевъ. На первый взглядъ кажется, что партія соціалистовъ-революціонеровъ имѣетъ подъ собой болѣе широкій, а потому и болѣе прочный фундаментъ. Но это только на первый взглядъ. Чтобы быть настоящей партіей разныхъ общественныхъ слоевъ, т. е. вѣрной представительницей ихъ интересовъ, нужно, чтобы эти интересы совпадали. И несомнѣнно, что въ настоящее время, пока ведется борьба съ самодержавіемъ, *политическіе* интересы пролетаріата совпадаютъ въ общемъ съ политическими интересами интеллигенціи и крестьянъ. Но основные *соціальные* интересы пролетаріата отличны отъ *соціальныхъ* интересовъ большинства трудового крестьянства и трудовой интеллигенціи, и это особенно ярко обнаружится, какъ только закончится борьба съ нашимъ общимъ врагомъ — съ самодержавіемъ, какъ только народъ заживетъ на своей волѣ.

Мы, соціалдемократы, призываемъ интеллигенцію на борьбу съ самодержавіемъ и поддерживаемъ ее, когда она сама ведетъ эту борьбу, но мы не обманываемъ себя несбыточными надеждами. Мы знаемъ, что, какъ только исчезнетъ политическій гнетъ, объединяющій теперь всю трудовую интеллигенцію, — сейчасъ же обнаружится, что только небольшая ея часть готова связать свою судьбу съ бурной и тревожной жизнью революціоннаго пролетаріата. Гораздо бо́льшая часть трудовой интеллигенціи уйдетъ въ „станъ ликующихъ“, на услуженіе буржуазіи. Главная же ея масса успокоится на мѣщанскомъ счастьѣ, погрузится въ свои маленькіе личные интересы, будетъ заниматься мелкими культурными и благотворительными дѣлами, будетъ хлопотать о мелкихъ соціальныхъ реформахъ и т. д. Эти различныя тяготѣнія интеллигенціи и теперь уже обозначаются достаточно явственно. Въ свободной же Россіи они гораздо рѣзче выступятъ наружу. Поэтому крайне неосновательно думать, что можно спаять всю массу трудовой интеллигенціи въ одну партію съ пролетаріатомъ.

Такъ же трудно спаять въ одну партію все трудовое крестьянство съ пролетаріатомъ. Наша рабочая партія зоветъ все трудовое крестьянство на борьбу за демократическую свободу, и она увѣрена, что на этотъ зовъ крестьянство откликнется. Но изъ этого она не заключаетъ, что все трудовое крестьянство солидарно съ пролетаріатомъ въ его соціальныхъ интересахъ. Трудовое крестьянство — это, во 1-хъ, крестьяне, живущіе преимущественно наемнымъ трудомъ, батрачествомъ, отхожими промыслами, это, во 2-хъ, громадный слой малоземельныхъ крестьянъ, живущихъ въ крайней нуждѣ, но все еще цѣпляющихся за землю; это, въ 3-хъ, „хозяйственные мужики“, обезпеченные инвентаремъ и надѣломъ, но не прибѣгающіе къ помощи наемнаго труда. Съ *первыми* пролетаріатъ, конечно, вполнѣ солидаренъ, потому что они тѣ же пролетаріи, только гораздо менѣе сознательные и менѣе развитые, чѣмъ городскіе рабочіе.

Со *вторыми* пролетаріатъ только *отчасти* солидаренъ, поскольку они являются кандидатами въ пролетаріи и поскольку они борются противъ хищничества и безправія, противъ всякихъ крѣпостныхъ путъ, которыми ихъ связали правительство и помѣщики. Въ этой борьбѣ пролетаріатъ долженъ быть солидаренъ съ крестьянствомъ, ибо крѣпостныя путы препят-

*) Соціалисты-революціонеры сорганизовались въ партію недавно. Они имѣютъ свой научный журналъ — „Вѣстникъ Русской Революціи“, свой центральный органъ — газету „Революціонная Россія“, газету для крестьянъ и рабочихъ — „Народное Дѣло“. Въ ихъ партію входятъ „Боевая Организація“ и „Крестьянскій Союзъ“; къ нимъ примыкаетъ „Аграрно-Соціалистическая Лига“. Партія соціалистовъ-революціонеровъ и примыкающія къ ней организаціи распространяютъ въ большомъ количествѣ прокламаціи, листки и брошюры среди крестьянъ, рабочихъ и интеллигенціи.

ствуютъ развитію экономической культуры, препятствуютъ развитію классовой борьбы въ деревнѣ, препятствуютъ превращенію полукабальнаго, нищаго крестьянина съ его отсталыми взглядами въ пролетарія, тяготѣющаго къ соціализму. Но дальше ихъ солидарность не идетъ. Если сравнить сознательныя стремленія революціоннаго пролетаріата съ наивными мечтами этого наиболѣе революціоннаго слоя крестьянъ, то окажется, что они находятся въ полнѣйшемъ противорѣчіи. Разоренное крестьянство мечтаетъ объ уничтоженіи частной собственности на землю путемъ уравнительнаго подушнаго передѣла всей земли. Сознательный пролетаріатъ хочетъ уничтожить частную собственность на землю путемъ передачи ея въ пользованіе соціалистически организованнаго общества. Разоренное крестьянство питаетъ несбыточную мечту, что частная собственность на землю будетъ уничтожена въ самомъ близкомъ будущемъ. Сознательный пролетаріатъ знаетъ, что она можетъ быть уничтожена еще нескоро, только послѣ общей соціальной революціи. Пролетарская соціальная революція возможна только въ такой странѣ, гдѣ капитализмъ положилъ основаніе будущаго общественнаго производства, гдѣ крупная индустрія получила значительный перевѣсъ надъ сельскимъ хозяйствомъ, гдѣ армія промышленнаго пролетаріата значительно выросла насчетъ притока деревенскаго населенія въ города, *гдѣ городъ преобладаетъ надъ деревней*. Если бы осуществилась несбыточная мечта разоренныхъ крестьянъ, если бы произошелъ „черный передѣлъ", вся общественная жизнь пошла бы вспять. Россія, ставшая въ значительной степени промышленной страной, превратилась бы надолго въ деревенскую Русь *). При господствѣ современнаго денежнаго, товарнаго хозяйства это, конечно, не остановило бы пролетаризаціи крестьянъ, но это бы ее затянуло.

Различіе между современнымъ соціализмомъ пролетаріата и деревенскимъ коммунизмомъ нашихъ разоренныхъ крестьянъ отражаетъ на себѣ то, что К. Марксъ назвалъ „величайшимъ, быть можетъ, противорѣчіемъ въ исторіи" — противорѣчіе между городомъ и деревней!...

Что касается *третьяго* разряда крестьянъ — „хозяйственныхъ мужиковъ", то не только ихъ міровоззрѣніе, а и главные ихъ экономическіе интересы находятся въ полномъ противорѣчіи съ интересами пролетаріата. Хозяйственные мужики принадлежатъ къ классу мелкой буржуазіи. Пролетарій ведетъ борьбу противъ капитала. Хозяйственный мужикъ самъ тянется къ капиталу, стремится прикупить земли, прианять работниковъ, пріобрѣсти торговое заведеніе, словомъ, стать мелкимъ эксплуататоромъ. Пролетарій имѣетъ интересы потребителя, хозяйственный мужикъ имѣетъ интересы продавца и т. д.

* * *

Читатель видитъ, насколько различны соціальные интересы разныхъ слоевъ „трудового народа". Отсюда слѣдуетъ, *что фундаментъ, на которомъ соціалисты-революціонеры хотятъ построить свою партію — трудовой народъ, хотя и шире фундамента нашей партіи — рабочій классъ, но за то и гораздо болѣе зыбкій, настолько зыбкій, что на немъ никакой прочной партіи, а тѣмъ болѣе соціалистической партіи, построить невозможно.*

Отъ различія въ фундаментѣ зависитъ прежде всего различіе въ нашихъ программахъ. *Наша партія, стоя на точкѣ зрѣнія пролетаріата, указываетъ въ своей программѣ ясный и опредѣленный путь къ соціализму*: пролетаріатъ разовьетъ свою классовую борьбу съ буржуазіей, смететъ всѣ препятствія для нея и въ первую голову самодержавіе и другіе пережитки крѣпостныхъ временъ, внесетъ эту классовую борьбу во всѣ области общественной жизни, привлечетъ къ ней всѣхъ, кто можетъ стать на его точку зрѣ-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать *уравнительнаго передѣла* земли, о которомъ мечтаютъ крестьяне, съ тѣмъ, что до извѣстной степени совершилось во время великой французской революціи 1789 г. Тамъ монастырскія и часть дворянскихъ земель были конфискованы. Но онѣ не были уравнительно раздѣлены. Онѣ были распроданы, попали главнымъ образомъ въ руки буржуазіи, и это дало только лишній толчокъ къ развитію капиталистическаго хозяйства во Франціи.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА *ФРАНЦУЗСКИХЪ УГЛЕКОПОВЪ.*

I.

Что хлѣбъ для человѣческаго питанія, то каменный уголь для фабрично-заводской промышленности. Безъ угля нѣтъ теплоты, которая приводитъ въ движеніе машины, куетъ желѣзо и сталь, плавитъ стекло, двигаетъ прядильный и ткацкій станокъ, мчитъ по рельсамъ желѣзнодорожный поѣздъ. Трудъ углекопа наиболѣе необходимъ для всей крупной промышленности, и онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе тягостенъ. Глубокія подземныя шахты, куда не проникаетъ лучъ солнца, спертый воздухъ, смѣшанный съ вредными газами, опасность быть заживо погребеннымъ отъ взрыва этихъ газовъ, напряженная работа при неестественномъ положеніи тѣла—такова истинно каторжная обстановка труда въ копяхъ. А ея послѣдствія—преждевременная старость и преждевременная могила для всѣхъ углекоповъ, изуродованіе и смерть отъ несчастныхъ случаевъ для многихъ.

Чѣмъ хуже рабочимъ, тѣмъ лучше хозяевамъ. Это общее правило всюду и всегда. Насколько тяжелъ трудъ углекопа, настолько легка и обильна нажива углепромышленника. Владѣльцы копей во всѣхъ странахъ получаютъ самую высокую прибыль по сравненію съ другими капиталистами. Это объясняется очень просто. Во всѣхъ прочихъ отросляхъ промышленности можно по произволу заводить новыя предпріятія. И это дѣлается всякій разъ, когда какое-нибудь производство начинаетъ приносить особенно высокую прибыль. Не то въ угольной промышленности. Залежи угля въ капиталистическихъ странахъ всѣ или почти всѣ уже открыты и разрабатываются, ихъ владѣльцамъ нечего бояться новыхъ соперниковъ, и они пользуются своей привилегіей. Углепромышленники — первые „господа жизни" въ капиталистическомъ обществѣ, неограниченные царьки, самодержцы эксплуатаціи.

И норовъ у нихъ царскій, повадки самодержавныя. Всякими способами стараются они угнетать рабочихъ, связать ихъ по рукамъ и ногамъ, наглухо заковать цѣпь, которая и безъ того прикрѣпляетъ къ шахтѣ углекопа, неспособнаго ни къ какому другому труду. Для этого пускаются въ ходъ и грубые запреты, и лицемѣрныя уступки, тайная хозяйская полиція—шпіонство и постройка „дешевыхъ" жилищъ, которыя сдаются рабочимъ въ наемъ съ изрядной выгодой для хозяина, постоянная угроза разсчетомъ и грошовая благотворительность за счетъ рабочей платы. Но всѣ ихъ старанія напрасны.

Правда, еще донынѣ встрѣчаются въ разныхъ странахъ Западной Европы темные уголки для неограниченнаго господства угольныхъ царьковъ надъ рабочими. Но широкая масса углекоповъ успѣла уже стряхнуть съ себя старую покорность и забитость. Въ рядѣ крупныхъ стачекъ она испробовала свою силу, сознала первостепенную важность своего труда. Возникли сильные *союзы* для борьбы съ хозяевами, эти союзы сплотились въ отдѣльныхъ странахъ въ общіе національные союзы, и вотъ ужъ больше десяти лѣтъ, какъ существуетъ международный союзъ углекоповъ, объединяющій національные союзы Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи и Австріи. Углекопы ведутъ не только экономическую борьбу, они также участвуютъ въ общей политической борьбѣ рабочаго класса противъ всего существующаго строя. Все болѣе и болѣе густыми рядами примыкаютъ они къ соціалистической партіи своей страны (за исключеніемъ Англіи, гдѣ соціалистическая партія, благодаря особенностямъ англійской жизни, еще очень слаба и гдѣ углекопы посылаютъ собственныхъ депутатовъ въ парламентъ наряду съ другими рабочими союзами, но исключительно для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ, для улучшенія своего положенія путемъ законодательства).

Своей неутомимой борьбой углекопы всѣхъ странъ отвоевали болѣе или менѣе значительныя улучшенія: повышеніе платы, сокращеніе рабочаго времени, вознагражденіе за увѣчья и несчастные случаи вообще, пенсіи на старость и прежде всего — орудіе всѣхъ улучшеній—свободную и сильную организацію, передъ которой угольные царьки должны гнуть гордую шею и съ которой должны считаться буржуазные парламенты. Такъ, углекопы ближе всѣхъ другихъ рабочихъ къ завоеванію закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, послѣ того какъ они непосредственной борьбой съ хозяевами уже добились значительнаго сокращенія рабочаго времени. Въ частности во Франціи рабочее время углекоповъ среднимъ счетомъ колеблется между 8 и 9 часами; а подъ давленіемъ угрозы общей забастовкой палата депутатовъ въ февралѣ 1902 г. приняла проектъ закона, устанавливающій восьмичасовой рабочій день послѣ переходнаго времени въ $4^1/_2$ года, въ теченіе котораго рабочій день будетъ постепенно сокращаться до 9, $8^1/_2$ и 8 часовъ.

нія, а затѣмъ, когда онъ будетъ достаточно организованъ, онъ совершитъ соціальную революцію, т. е. вырветъ у буржуазіи государственную машину, которая служитъ ей орудіемъ господства, и приступитъ къ соціалистическому переустройству общественной жизни.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ тоже говоритъ о соціальной революціи, но, желая стать одновременно на точку зрѣнія разныхъ слоевъ трудового народа со сталкивающимися соціальными интересами, она не можетъ указать яснаго пути къ соціализму. Она тщетно пытается примирить и согласовать мелкобуржуазную программу народниковъ 80-хъ гг., соотвѣтствующую соціальнымъ стремленіямъ среднихъ слоевъ крестьянъ и интеллигенціи съ соціалдемократической программой пролетаріата и анархически-бунтарской программой старой партіи „Земля и Воля", соотвѣтствующей стремленіямъ разореннаго крестьянства. Въ результатѣ этого смѣшенія получается не соціалистическая программа, а соціалистическій туманъ. Распространеніе этого соціалистическаго тумана въ той средѣ, на которую распространяется и должно распространиться вліяніе соціалдемократіи, особенно вредно въ настоящее тревожное время, когда многіе стараются перетянуть пролетаріатъ на свою сторону, когда многіе изъ своихъ политическихъ расчетовъ сознательно стремятся затемнить классовыя задачи пролетаріата.

Отъ различія въ фундаментѣ зависитъ также и различіе въ тактикѣ нашихъ партій. *Наша партія, стоя на точкѣ зрѣнія пролетаріата, считаетъ пролетарскую соціальную революцію своей конечной цѣлью, которой она руководится во всей своей дѣятельности, а политическую свободу средствомъ къ этой цѣли.* Партія соціалистовъ-революціонеровъ хочетъ выражать общіе интересы разныхъ слоевъ трудового народа. Но эти слои народа въ настоящее время имѣютъ только *одинъ прочный общій интересъ*—борьбу съ самодержавіемъ за демократическую свободу. Поэтому *партія соціалистовъ-революціонеровъ неизбѣжно должна была признать завоеваніе политической свободы своей основной задачей; всѣ же пріемы ея борьбы и въ томъ числѣ ея смутныя и сбивчивыя соціальныя требованія фактически приноровлены только къ этой задачѣ, а не къ будущей соціальной революціи.* Неудивительно поэтому, что, вовлекая народъ въ борьбу съ самодержавіемъ, она сплошь и рядомъ прибѣгаетъ къ такимъ революціоннымъ пріемамъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ нашей конечной цѣлью и затемняютъ соціалистическое сознаніе пролетаріата и его друзей. Чтобы наглядно это показать, мы охарактеризуемъ ея революціонную дѣятельность въ средѣ рабочихъ и крестьянъ.

Мы, соціалдемократы, идемъ въ пролетаріатъ съ опредѣленной цѣлью — подготовить пролетарскую соціальную революцію. Для этого мы его организуемъ въ классовую партію и стремимся придать классовый характеръ его экономической и политической борьбѣ.

Ставя себѣ такую задачу, соціалдемократія всегда старалась руководить борьбой рабочихъ съ хозяевами. Соц.-револ. пренебрежительно окрестили экономическую борьбу „стачкизмомъ". Ставя себѣ такую задачу, соціалдемократія борется противъ всего того, что ослабляетъ классовую солидарность и сознаніе пролетаріата, понижаетъ его классовую самодѣятельность. Соц.-рев. идутъ къ рабочимъ съ пропагандой террора, а мы въ прошломъ № уже говорили, какъ терроръ вредитъ классовой борьбѣ пролетаріата.

Такъ же различны наши отношенія къ крестьянамъ-собственникамъ, живущимъ своимъ трудомъ. Мы, соціалдемократы, призывая ихъ на борьбу за демократическую свободу, въ своей агитаціи руководимся неизмѣнно интересами пролетаріата, интересами будущей пролетарской соціальной революціи. Во имя этихъ интересовъ мы въ настоящее время въ деревнѣ прежде всего боремся противъ всѣхъ проявленій сословно-крѣпостного строя, такъ какъ они составляютъ главное препятствіе для экономическаго и культурнаго развитія страны и для классовой борьбы пролетаріата. Мы говоримъ крестьянамъ: мы будемъ требовать, чтобы вамъ были отданы тѣ земли, чтобы были отмѣнены тѣ стѣсняющіе васъ законы, чтобы съ васъ было снято то податное бремя, которые ставятъ васъ въ по-

Если сравнить положеніе западно-европейскихъ углекоповъ даже съ положеніемъ русскихъ рабочихъ вообще, не говоря уже о положеніи русскихъ шахтеровъ, то можно сказать, что углекопы на Западѣ пользуются прямо завидной долей. И однако, ихъ борьба не прекращается, ихъ недовольство своимъ положеніемъ и всѣмъ существующимъ строемъ все усиливается. Благонамѣренному обывателю, живущему своими узкими интересами, это кажется непонятнымъ, а капиталисты всѣхъ странъ вторятъ крикамъ углепромышленниковъ противъ „ненасытности" рабочихъ. А между тѣмъ ларчикъ открывается просто. Борющійся рабочій чувствуетъ и думаетъ по иному, чѣмъ мирный обыватель, или покорный, забитый труженикъ изъ наемныхъ же рабочихъ. Да, борющійся рабочій „ненасытенъ" — въ этомъ его честь, его достоинство, залогъ его полной побѣды надъ буржуазіей! Ему чужда *„проклятая нетребовательность"* раба, противъ которой гремѣлъ 40 лѣтъ тому назадъ Фердинандъ Лассаль, вождь германскаго пролетаріата. Рабья душа утѣшается тѣмъ, что есть еще болѣе несчастные. Живя впроголодь, рабъ говоритъ себѣ: „есть умирающіе съ голоду" — и онъ доволенъ своей судьбой. Когда раба бьютъ палкой, онъ радуется, что его кости остались цѣлы. Когда ему плюютъ въ лицо, онъ спокойно утирается, довольный тѣмъ, что его не избили... Рабочій-борецъ не знаетъ этихъ рабьихъ чувствъ. Борьбой онъ добивается одного улучшенія за другимъ, и всѣ его потребности, матеріальныя и духовныя, растутъ вмѣстѣ съ успѣхами борьбы. Онъ оцѣниваетъ свое положеніе не по сравненію съ прошлымъ, когда ему было хуже, а по сравненію съ положеніемъ капиталистовъ, которые чѣмъ дальше, тѣмъ все больше богатѣютъ и отдѣляются отъ рабочаго класса все болѣе широкою и глубокою пропастью. Онъ измѣряетъ свое положеніе не мѣркой бѣдственной жизни отсталыхъ рабочихъ, а тѣмъ разстояніемъ, которое его отдѣляетъ отъ капиталиста. Это разстояніе все болѣе увеличивается, несмотря на отвоеванныя улучшенія рабочей жизни, а вмѣстѣ съ нимъ увеличивается требовательность борца, разгорается его ненависть къ существующему строю.

Борющійся рабочій смотритъ не назадъ, а впередъ. Ему свѣтитъ впереди соціалистическая цѣль, полное освобожденіе рабочаго класса отъ эксплуатаціи и господства буржуазіи. Вынуждаемыя у буржуазіи уступки онъ считаетъ возвращеніемъ ничтожной части долга, накопившагося за эксплуататорами пролетаріата, великаго и все растущаго долга, который будетъ уплаченъ только съ уничтоженіемъ всякой эксплуатаціи. Каждый новый шагъ борьбы, каждая частичная побѣда приближаетъ его къ конечной соціалистической цѣли, и отъ этого опять-таки растетъ въ немъ жажда борьбы, ярче вспыхиваетъ нетерпѣливое желаніе низвергнуть весь существующій строй. Такъ, путникъ ускоряетъ свои шаги, когда по дорогѣ начинаютъ мелькать знакомые виды, возвѣщающіе близость давно желанной цѣли.

II.

Французскіе углекопы, можно сказать, не переставали волноваться за послѣдніе два года. Наиболѣе рѣшительные изъ нихъ все рвались къ всеобщей стачкѣ, а въ отдѣльныхъ районахъ вспыхивали мѣстныя стачки, или же рабочій союзъ вынуждалъ уступки подъ угрозой стачки.

Дѣло въ томъ, что угольная промышленность переживала золотое время. Цѣны на уголь почти удвоились, прибыль углепромышленниковъ достигла прямо баснословныхъ размѣровъ. Рабочіе хотѣли воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ. И они не только потребовали повышенія платы у хозяевъ, но и предъявили свои старыя требованія законодательныхъ реформъ къ парламенту и правительству. Вотъ эти требованія: 1) законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ; 2) улучшеніе закона о пенсіяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы всякому углекопу, достигшему пятидесятилѣтняго возраста (теперь пенсія дается только съ 55 лѣтъ) и проработавшему 30 лѣтъ, выдавалась пенсія въ размѣрѣ двухъ франковъ (80 копѣекъ) въ день; 3) установленіе минимума заработной платы, меньше которой запрещено было бы платить, путемъ мѣстныхъ комиссій съ участіемъ представителей рабочаго союза; 4) улучшеніе закона объ отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи; 5) улучшеніе закона о выборныхъ рабочихъ делегатахъ, наблюдающихъ за безопасностью копей.

Однако, до всеобщей стачки дѣло не дошло, такъ какъ хозяева и правительство съ парламентомъ пошли на уступки изъ страха передъ стачкой и передъ сильной организаціей углекоповъ, которая насчитываетъ 60 тысячъ членовъ, больше трети общаго числа углекоповъ Франціи (170 тысячъ человѣкъ). Хозяева повысили заработную плату, а палата депутатовъ, въ февралѣ 1902 г., приняла законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, и рабочіе могли разсчитывать, что этотъ законъ будетъ принятъ также сенатомъ.

лукрѣпостную зависимость отъ помѣщиковъ и отъ государства. Мы этого *должны* требовать, потому что это поможетъ освобожденію вашей личности, поможетъ развитію классовой борьбы въ деревнѣ, поможетъ будущему торжеству соціализма *). Таковы наши требованія. Но намъ говорятъ, что этого мало: чтобы помочь хронически голодающему крестьянскому населенію, въ настоящее время необходимо кромѣ всего прочаго облегчить и расширить его доступъ къ землѣ**). Мы съ этимъ согласны; но этого теперь желаютъ въ большей или меньшей степени также и буржуазные классы общества: промышленная буржуазія — потому что крестьянское разореніе чрезвычайно обогнало капиталистическое развитіе страны, подорвало внутренній рынокъ и серьезно угрожаетъ промышленности; помѣстное дворянство — потому что оно живетъ подъ всегдашнимъ страхомъ крестьянскихъ бунтовъ. Признавая неотложность земельныхъ реформъ, мы, соціалдемократы, смотримъ на нихъ совершенно иначе, чѣмъ тѣ, которые стоятъ на мелкобуржуазной точкѣ зрѣнія крестьянъ. Для нихъ эти реформы являются средствомъ для развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства насчетъ крупнаго капиталистическаго; для насъ же это культурныя мѣры борьбы противъ крестьянскаго обнищанія, которыя нисколько не задержатъ капиталистическаго развитія Россіи. Но именно потому, что это для насъ мѣры культурныя, не имѣющія прямого опредѣленнаго отношенія къ классовой борьбѣ пролетаріата, мы не включаемъ ихъ въ свою программу, ибо *наша программа есть программа классовой борьбы пролетаріата*. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы равнодушны къ культурнымъ интересамъ народа. Напротивъ того, мы знаемъ, что, борясь за осуществленіе своей революціонной программы, мы тѣмъ самымъ сдѣлаемъ возможнымъ культурное развитіе Россіи; борясь противъ самодержавія за демократическую свободу, мы тѣмъ самымъ откроемъ возможность представителямъ крестьянъ въ будущемъ парламентѣ провести земельныя реформы, и они ихъ проведутъ, ибо эти реформы не противорѣчатъ интересамъ буржуазнаго общества.

Но широкіе слои крестьянъ хотятъ большаго — уравнительнаго раздѣла помѣщичьей земли. Это несомнѣнно требованіе революціонное. Тѣмъ не менѣе мы этого требованія не вносимъ въ свою программу, потому что общій раздѣлъ земли на мелкіе участки идетъ въ разрѣзъ съ нашей конечной соціалистической цѣлью, и потому что конфискація крупнаго землевладѣнія совершенно неосуществима въ буржуазномъ обществѣ. Если бы даже крестьяне во время революціи захватили и запахали тѣ или другія помѣщичьи земли *во имя принципа равенства*, то все же буржуазное государство послѣ революціи не признало бы этого захвата, ибо это значило бы подорвать основу буржуазнаго общества — уваженіе къ частной собственности. Итакъ, повторяемъ, мы вносимъ въ свою программу-минимумъ (программу ближайшихъ требованій) лишь тѣ требованія въ пользу крестьянъ, которыя осуществимы въ современномъ обществѣ, которыя соотвѣтствуютъ классовымъ интересамъ пролетаріата и способны приблизить насъ къ пролетарской соціальной революціи. Эти *опредѣленныя* требованія мы обязываемся отстаивать въ моментъ наступающей политической революціи, зная, что нужно ковать желѣзо, пока горячо.

Соціалисты-революціонеры не заботятся о томъ, чтобы согласовать свое *неопредѣленное* требованіе „черезъ волю къ землѣ“ съ интересами пролетаріата и пролетарской соціальной революціи. Они, съ одной стороны, становятся на мелкобуржуазную точку зрѣнія среднихъ слоевъ крестьянъ. Они говорятъ о „*прирѣзкѣ* земли“; они говорятъ: „Къ требованію — политическая свобода... мы присоединяемъ требованіе широкой *земельной реформы*“; они разъясняютъ крестьянамъ, что послѣ паденія самодержавія по ихъ требованію „государство завершитъ процессъ притеканія земли отъ капитала къ труду, который и теперь мѣстами происходитъ, *и на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ это было въ 61 г.*“. Словомъ, они требуютъ на первую очередь возможности большаго укрѣпленія мелкаго крестьянскаго хозяйства, посредствомъ *реформы*, которая не посягаетъ еще на „право собственности“ землевладѣльцевъ. Это съ одной стороны. Но съ другой стороны, подъ напоромъ разразившагося стихійнаго крестьянскаго движенія они становятся на другую точку зрѣнія, на анархическую точку зрѣнія „чернаго передѣла“. Они говорятъ: „Необходимо поставить требованіе національзаціи земли въ смыслѣ перехода ея въ уравнительное пользованіе трудового земледѣльческаго населенія. Менѣе радикальныя требованія въ настоящее время способны лишь оттолкнуть крестьянство“. Отъ этихъ сбивчивыхъ земельныхъ требованій они хотятъ перекинуть мостъ къ соціализму посредствомъ укрѣпленія въ будущемъ свободномъ буржуазномъ государствѣ общиннаго землевладѣнія, посредствомъ развитія крестьянскихъ артелей, союзовъ и т. д. И это опять-таки мѣры, которыя способны не приблизить насъ къ соціальной революціи, а затемнить представленіе о ней, особенно при отсутствіи развитой классовой борьбы, внѣ связи съ сильной пролетарской соціалистической партіей.

Вы видите, что соціалисты-революціонеры въ своихъ земельныхъ требованіяхъ не руководятся нашей конечной цѣлью — пролетарской соціальной революціей. Выставляя эти требованія, они *на первомъ планѣ* руководятся желаніемъ вовлечь крестьянъ въ борьбу съ самодержавіемъ. Они говорятъ: „Мы должны звать крестьянъ землей къ волѣ“; „и въ печатныхъ и въ устныхъ обращеніяхъ къ крестьянамъ мы должны особенно подчеркивать политическій элементъ, экономическимъ же пользоваться главнымъ образомъ, какъ двигателемъ, какъ аргументомъ“. И мы, соціалдемократы, желаемъ вовлечь крестьянъ въ борьбу съ нашимъ общимъ злѣйшимъ врагомъ — съ самодержавіемъ. Но мы никогда не прибѣгнемъ для этого къ такимъ пріемамъ, которые способны извратить у пролетаріата представленіе объ истинномъ пути къ соціализму. Мы знаемъ, что въ Россіи, какъ и во всѣхъ европейскихъ странахъ, послѣ паденія самодержавія не ослабится классовая борьба, что она, напротивъ того, тогда только и сможетъ развиться въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому мы не станемъ писать въ своихъ партійныхъ воззваніяхъ къ крестьянамъ: „Отдѣльные помѣщики и богатѣи — это все только малые медвѣжата, *ихъ можно бы всѣхъ перебрать голыми руками*, да сначала нужно одолѣть большого медвѣдя — царя и его правительство... Нужно... покончить съ медвѣдемъ, а тамъ уже хозяйничай въ его берлогѣ, какъ умѣешь и знаешь“. Такъ писать — значитъ разбудить мысль съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же ее усыпить. Мы знаемъ, что изголодавшееся крестьянство, вѣрящее въ близость общаго раздѣла земли, легко рѣшается и съ полнымъ сознаніемъ своего права приступаетъ къ „аграрному террору“. Но мы знаемъ также, что съ точки зрѣнія соціалистической этотъ способъ борьбы неразуменъ и нецѣлесообразенъ, а потому мы не станемъ писать въ своихъ партійныхъ воззваніяхъ къ крестьянамъ: „Не подѣйствуетъ и это (стачки и бойкотъ) — дѣлать нечего, пеняй на себя... Можно уговориться... всячески вредить его хозяйству. Тутъ могутъ послужить и потравы, и порубки, и пожары „отъ неизвѣстной причины“, и всякіе другіе способы. И теперь бываетъ въ иныхъ деревняхъ, что отъ „неизвѣстной причины“ мостикъ черезъ оврагъ или ручей провалится какъ разъ въ то время, когда проѣзжаетъ нелюбимый земскій начальникъ или становой; *и всякіе другіе случаи бываютъ, особенно въ темныя ночи, да по глухимъ дорогамъ...*“

* * *

Ускорять паденіе самодержавія — вотъ основная задача соц.-революціонеровъ. И мы, соціалдемократы, считаемъ это нашей главнѣйшей задачей въ настоящее время. Но мы *прежде всего соціалисты*, и потому для насъ чрезвычайно важно, на какихъ условіяхъ и какимъ способомъ будетъ ликвидировано самодержавіе. Для насъ чрезвычайно важно, чтобы самодержавіе было ликвидировано на условіяхъ наиболѣе вы-

*) Мы выставляемъ здѣсь не всѣ наши требованія, а лишь наиболѣе характерныя.

**) Мы вносимъ въ свою программу требованіе отдачи крестьянамъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые, находясь въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, служатъ имъ не въ интересахъ сельскаго хозяйства, а для установленія кабальной зависимости отъ нихъ крестьянъ. Въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о другомъ — о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія или землепользованія.

Такъ дѣло обстояло къ лѣту настоящаго года. Казалось, что одной угрозы всеобщей стачкой будетъ достаточно для достиженія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ требованій. Но угольные царьки рѣшили иначе. Едва стали замѣчаться первые признаки заминки въ промышленности, особенно въ металлургическомъ дѣлѣ, едва только заколебались непомѣрно высокія цѣны на уголь, — какъ наиболѣе крупные углепромышленники объявили пониженіе платы. Это значило бросить дерзкій вызовъ рабочимъ. Мы, угольные царьки, дескать, не боимся теперь всеобщей стачки: спросъ на уголь уменьшается, запасы угля у насъ огромные, за годы промышленнаго расцвѣта мы успѣли загрести десятки милліоновъ рублей лишняго барыша — теперь можемъ безъ риска отнять у рабочихъ тѣ десятки рублей добавочной платы, которые мы имъ удѣлили изъ своихъ милліонныхъ барышей. Пусть они начинаютъ стачку — мы покажемъ имъ свою силу, собьемъ съ нихъ спѣсь! Такъ думали углепромышленники, говорили же они другое. Они жаловались на „плохія дѣла“, которыя, молъ, никакъ не позволяютъ ихъ доброму отеческому сердцу давать рабочимъ прежнюю плату.

Тѣмъ временемъ, въ концѣ сентября, собрался съѣздъ союза углекоповъ. На брошенный хозяевами вызовъ онъ отвѣтилъ единогласнымъ рѣшеніемъ въ пользу всеобщей стачки и далъ полномочіе союзному комитету объявить стачку безъ всякаго замедленія, если хозяева откажутся уступить и если правительство не обяжется удовлетворить главныя законодательныя требованія углекоповъ. Правительство дало комитету удовлетворительный отвѣтъ по вопросу о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и о пенсіяхъ, обѣщая въ то же время ускорить обсужденіе въ парламентѣ другихъ требованій. Оно высказалось только противъ законодательнаго установленія минимума заработной платы. Хозяева же отказались вступить въ переговоры съ союзомъ. Отказались отъ этого даже владѣльцы копей сѣвернаго района, хотя тамъ вспыхнула стачка изъ-за пониженія платы съ 1-го октября, еще до общаго рѣшенія союзнаго комитета. Долѣе нельзя было медлить. Теперь широкая масса рабочихъ рвалась въ бой и частью уже начала стачку по собственному почину. 8-го октября комитетъ объявилъ всеобщую стачку углекоповъ всей Франціи.

Послѣ сказаннаго ясно, что стачка была направлена исключительно противъ хозяевъ, такъ какъ заявленія правительства въ пользу главныхъ реформъ удовлетворили рабочихъ. Тѣмъ не менѣе стачка немедленно же привела къ благопріятному политическому результату: комиссія сената, которая до сихъ поръ, по своему обыкновенію, оставляла принятый палатой депутатовъ законопроектъ о 8-часовомъ днѣ подъ спудомъ, приступила къ его обсужденію и приняла его почти безъ всякихъ измѣненій. Такъ что окончательное введеніе восьмичасового рабочаго дня не подлежитъ уже сомнѣнію. Точно также стачка ускоритъ и обезпечитъ успѣхъ другихъ законодательныхъ требованій углекоповъ.

Два года висѣла она, какъ дамокловъ мечъ, надъ головой парламента и правительства. Теперь угроза перешла въ дѣйствительность. Союзъ углекоповъ показалъ, что онъ грозитъ не въ пустую, что онъ можетъ поднять на ноги всю армію подземнаго пролетаріата. Отнынѣ къ его требованіямъ господствующіе классы будутъ прислушиваться со всѣмъ трепетомъ, который на нихъ нагнала небывалая еще во Франціи массовая стачка.

III.

Во Франціи это первая всеобщая стачка рабочихъ цѣлой отрасли промышленности и самая крупная по числу своихъ участниковъ. За нѣсколько дней движеніе охватило 150.000 рабочихъ. Въ сторонѣ отъ него осталось только ничтожное меньшинство, въ томъ числѣ углекопы Монсо-лэ-Минъ, которые въ прошломъ году выступили изъ общаго союза, недовольные тѣмъ, что ихъ мѣстная стачка не была поддержана всеобщей забастовкой. За то къ стачкѣ присоединились и рабочіе тѣхъ районовъ, гдѣ плата не была понижена. Они поступили такъ изъ чувства солидарности для того, чтобы помочь товарищамъ и чтобы выполнить рѣшеніе союзнаго съѣзда.

Стачка длится вотъ уже четыре недѣли, и боевой духъ не покинулъ борцовъ. Только въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ и захолустныхъ копяхъ возобновилась работа, тамъ, гдѣ организованныхъ рабочихъ мало. Вся же масса борцовъ въ главныхъ районахъ стоитъ сплошной стѣной за свои требованія. Около полумилліона людей, считая женъ и дѣтей стачечниковъ, живутъ уже четыре недѣли безъ работы. Плата, полученная стачечниками передъ забастовкой, давно уже съѣдена. Ихъ поддерживаетъ отчасти союзная касса, отчасти пожертвованія французскихъ и иностранныхъ рабочихъ, отчасти же они забираютъ съѣстные припасы въ долгъ.

Угольные царьки жестоко просчитались. Они надѣялись, что рабочіе не выдержатъ больше одной или двухъ недѣль. Теперь, когда стачка затянулась, владѣльцы копей несутъ двойные убытки: они теряютъ и отъ самой стачки, и на будущее время отъ конкуренціи иностраннаго угля. Уголь будетъ ввозиться изъ заграницы въ большемъ противъ прежняго количествѣ еще нѣкоторое время послѣ прекращенія стачки, такъ какъ иностранные углепромышленники потребовали отъ своихъ французскихъ покупателей заключенія договоровъ о покупкѣ угля на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Хозяева ошиблись и въ другихъ своихъ расчетахъ. Извѣстно, какой страхъ нагоняютъ на всю буржуазію и на правительство одни слова „всеобщая стачка“. А когда буржуазія боится, правительство спѣшитъ успокоить ее, выводя изъ казармъ ея тѣлохранителей солдатъ и полицейскихъ, наводняя „опасныя“ мѣстности войсками. Углепромышленники сильно надѣялись на военную силу для устрашенія стачечниковъ и для подавленія стачки путемъ столкновеній между рабочими и войсками, путемъ кровопролитія. Эти звѣрскія надежды не оправдались. Правда, министерство, по печальному примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ, превратило районы стачки въ военный лагерь. Но это не устрашило рабочихъ и не лишило ихъ также хладнокровія въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили столкновенія съ солдатами. Отряды стачечниковъ неутомимо и безстрашно обходили копи, наблюдая за тѣмъ, чтобы слабодушные и измѣнники (а такіе всегда найдутся среди 150.000 человѣкъ) не начинали работать. Иногда стачечники окружали грозной толпой кучку измѣнниковъ, возвращавшуюся изъ шахты домой подъ охраной тройной стѣны пѣхоты, конницы и жандармовъ. Вы видите, измѣнники рабочему дѣлу удостоивались такихъ же военно-полицейскихъ „почестей“, какъ русскій царь во время своего путешествія по Франціи. Чувствовали же они себя подъ тройной охраной еще хуже, чѣмъ запуганный россійскій самодержецъ. Преслѣдуемые стачечниками, они испытывали и страхъ, и стыдъ за свое позорное поведеніе. Это отбивало охоту у слабодушныхъ вернуться въ шахту, несмотря на всѣ военныя мѣры для защиты такъ называемой „свободы труда“ т. е. свободы измѣнниковъ работать во время стачки.

Военная обстановка, которую всякое буржуазное правительство создаетъ вокругъ массовой забастовки, непрерывно подвергаетъ стачечниковъ смертельной опасности. Кровавая стычка можетъ произойти каждую минуту. И если такой стычки между углекопами и войсками не было, то это, можно сказать, счастливая случайность. А вотъ въ мѣстечкѣ Террнуаръ (около Сентъ-Этьена), по случаю мелкаго столкновенія, не имѣвшаго прямого отношенія къ стачкѣ, жандармъ однимъ выстрѣломъ убилъ одного углекопа и тяжело ранилъ другого — просто потому, что время военное и жандармы издавно привыкли видѣть въ стачечникѣ врага и чуть-ли не преступника. Правительственное сообщеніе приписало это убійство... „недоразумѣнію“. Жестокое, хотя и невольное издѣвательство надъ пролетаріатомъ и жестокое осужденіе буржуазнаго строя, гдѣ возможны такія „недоразумѣнія“!

IV.

Всеобщая стачка углекоповъ отличается отъ всякой другой всеобщей стачки тѣмъ, что она грозитъ невольной остановкой работъ въ другихъ отрасляхъ промышленности за недостаткомъ угля. Поэтому она можетъ оказать особенно сильное давленіе на буржуазный міръ, но, конечно, сила давленія будетъ неодинакова въ разныхъ странахъ. Чѣмъ больше угля добывается и потребляется въ странѣ, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать закрытіе угольныхъ копей. Что касается Франціи, то она по добычѣ угля занимаетъ въ Европѣ четвертое мѣсто послѣ Англіи, Германіи и Австро-Венгріи. Притомъ Франція не можетъ покрыть свое потребленіе собственнымъ углемъ, она ввозитъ третью часть нужнаго ей угля изъ-заграницы. Отсюда ясно, почему всеобщая угольная стачка во Франціи оказывала сравнительно слабое давленіе на промышленность. Стоитъ только усилить ввозъ изъ-заграницы, къ тому же изъ сосѣднихъ странъ — Англіи, Бельгіи и Германіи, — и недостатокъ угля станетъ неособенно чувствительнымъ.

Тутъ наталкиваешься на первостепенную важность международной организаціи углекоповъ, которая способна была бы помѣшать подвозу угля изъ-заграницы въ страну, гдѣ происходитъ стачка.

Союзный комитетъ французскихъ углекоповъ при самомъ объявленіи стачки обратился съ особымъ воззваніемъ къ углекопамъ всѣхъ странъ, предлагая имъ поддержать французскихъ товарищей тѣми средствами, какія они найдутъ наиболѣе удобными. Союзы германскихъ и бельгійскихъ углекоповъ немедленно рѣшили отказаться отъ сверхурочныхъ работъ, бельгійцы кромѣ того сами стали угрожать стачкой, требуя повышенія платы, а мѣстами уже начали-было стачку. Но общій бельгійскій союзъ по разнымъ причинамъ рѣшилъ повременить съ объявленіемъ стачки. Англичане послали французскимъ товарищамъ 10 тысячъ руб., нѣмцы — 2 ½ тысячъ рублей, международный комитетъ угле-

годныхъ для пролетаріата и чтобы самая борьба съ самодержавіемъ послужила школой для соціалистическаго воспитанія пролетаріата. У соц.-революціонеровъ средство затираетъ цѣль. Они говорятъ: „Революціонизированіе массъ — вотъ наше постоянное и основное дѣло...; это тотъ необходимый общій фонъ, на которомъ уже дальше текущая жизнь *съ ея мѣняющимися запросами* вырисовываетъ *тѣ или иные узоры*". Намъ такая безпечность насчетъ „тѣхъ или иныхъ узоровъ", которые жизнь будетъ рисовать на почвѣ вызваннаго нами революціоннаго движенія, совершенно непонятна.

Ускорить паденіе самодержавія! Но этого для насъ мало. Этого добиваются и либералы, объ этомъ хлопочутъ теперь даже предводители дворянства. Мы прежде всего соціалисты. Поэтому мы должны добиваться, чтобы въ моментъ наступающей политической революціи было сдѣлано все возможное для того, чтобы очистить путь къ будущей соціальной революціи. Мы должны помнить, что такія благопріятныя условія, какія бываютъ во время революціи, не часто повторяются; мы должны помнить, что противъ самодержавія многіе будутъ бороться, но спеціальныхъ интересовъ пролетаріата и соціализма при этомъ никто не будетъ имѣть въ виду, кромѣ насъ. Вотъ почему мы, соціалдемократы, для предстоящей революціи выставляемъ свою „классовую программу", строго согласованную съ нашей конечной цѣлью — съ соціальной революціей. *Мы добиваемся, чтобы наступающая политическая революція уничтожила всѣ препятствія для развитія классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей.* Соц.-революціонеры такой классовой программы для революціи не выставляютъ, потому что ихъ партія не классовая, потому что они опасаются, какъ бы разъединеніе враговъ самодержавія не затянуло его низверженія. Они говорятъ: „Партія должна не замыкаться въ свои особенныя спеціальныя партійныя задачи, отличающія ее отъ другихъ партій. Напротивъ, ея программа-минимумъ должна быть достаточно широка, чтобы охватить и наиболѣе смѣло выражать *всѣ наличныя прогрессивно-оппозиціонныя теченія*".

Надѣемся, что теперь выяснилось, что̀ насъ раздѣляетъ съ партіей соц.-революціонеровъ. *Мы боремся съ ней потому, что она привлекаетъ къ себѣ пролетаріатъ, не являясь истинной выразительницей его интересовъ.*

Мы боремся съ ней потому, что она своей сбивчивой и туманной соціалистической пропагандой и своими бунтарскими и террористическими пріемами борьбы затемняетъ классовое сознаніе пролетаріата.

Мы боремся съ ней потому, что она, призывая пролетаріатъ на революцію, не въ состояніи выставить опредѣленной классовой программы требованій отъ революціи.

Мы боремся съ ней потому, что, дѣйствуя въ той же средѣ, что и соціалдемократическая партія, тоже подъ соціалистическимъ знаменемъ, она разрушаетъ то, что мы строимъ.

Пусть та часть соц.-революціонеровъ, которая ставитъ себѣ конечной цѣлью соціальную революцію, откажется отъ давно отжившихъ бунтарско-анархическихъ взглядовъ, пусть она рѣшительно станетъ на точку зрѣнія пролетаріата и научнаго соціализма и примкнетъ къ соціалдемократіи. Пусть остальные откажутся отъ агитаціи среди пролетаріата и отъ пропаганды соціализма, пусть они рѣшительно станутъ на точку зрѣнія среднихъ слоевъ крестьянъ и интеллигенціи, на точку зрѣнія буржуазной демократіи. Пусть они организуютъ революціонную партію крестьянскую, или народную, демократическую: тогда мы съ ней заключимъ союзъ для борьбы съ общимъ врагомъ — съ самодержавіемъ. Теперь же мы обязаны бороться противъ той дезорганизаціи, которую соціалисты-революціонеры вносятъ въ наше движеніе.

Событія въ Ростовѣ-на-Дону.

Намъ пишутъ отъ 12 ноября:

Письмо первое:

У насъ теперь творится нѣчто необыкновенное. Уже 8 дней какъ забастовали рабочіе мастерскихъ Владикавказской жел. дор. въ количествѣ 4 слишкомъ тысячъ человѣкъ; къ нимъ изъ сочувствія постепенно присоединилось большинство рабочихъ мѣстныхъ заводовъ. И вотъ уже восьмой день, какъ происходитъ нѣчто небывалое, безпримѣрное въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. На Темерникѣ собираются ежедневно 15 — 20 тыс. человѣкъ (рабочіе, ихъ семьи, есть и интеллигенты), и на открытомъ воздухѣ произносятся рѣчи, разъясняющія рабочимъ смыслъ современнаго рабочаго движенія и связь его съ современнымъ политическимъ положеніемъ Россіи. Картина поразительная! Выдѣлился молодой рабочій-интеллигентъ, (бывшій въ учебномъ заведеніи, но не окончившій), нѣкто Б. Особенно грандіозное собраніе было въ воскресенье, когда туда стеклись не только всѣ ростовскіе рабочіе, но и масса интеллигенціи. Представьте себѣ балку на Темерникѣ (мѣстность выбрана, какъ наиболѣе неудобная для свободнаго дѣйствія войска и полиціи); вся балка внизу и оба склона горы запружены толпой. На возвышеніи, на горѣ стоитъ Б. и сильнымъ голосомъ, слышнымъ даже для тѣхъ, которые стоятъ на крайнихъ пунктахъ, замѣчательно толково, живо и просто излагаетъ смыслъ движенія. Дисциплина и порядокъ поразительные. Стоитъ ему сдѣлать движеніе рукой, какъ знакъ желанія говорить, и двадцатитысячная толпа стихаетъ мгновенно. На горѣ, гдѣ онъ говоритъ, стоитъ столикъ, на которомъ онъ пишетъ бюллетени; и вотъ, когда начинается шумъ, онъ встаетъ и обращается къ толпѣ: „Господа, не шумите, вы мѣшаете мнѣ заниматься!" — Сразу воцаряется тишина. Словомъ, это нѣчто необыкновенное! Формальные митинги! Я увѣренъ, что, когда появится описаніе въ нелегальной печати, многое сочтутъ за преувеличеніе, а между тѣмъ то огромное впечатлѣніе, которое эти собранія производятъ на все населеніе, на всѣ слои общества, не поддается описанію. Б. — настоящій герой. Онъ и еще два другихъ вожака замѣчательно ловко скрываются все время отъ полиціи, хотя послѣдняя много бы дала, чтобы ихъ изловить. Обыкновенно, какъ только сходка кончается, ихъ прячутъ въ толпѣ, и также незамѣтно они приходятъ на сходку.

Это событіе заполонило собою рѣшительно все. Куда ни придешь, съ кѣмъ ни встрѣтишься, въ публичныхъ мѣстахъ, въ частныхъ домахъ — только объ этомъ и говорятъ. Особенно поразительно то, что все это происходитъ на глазахъ полиціи и войска. Сходка идетъ въ полномъ порядкѣ, рѣчи произносятся совершенно свободно на политическія темы, а вдали на горѣ гарцуютъ на лошадяхъ казаки; полиція и жандармы въ почтительномъ отдаленіи все это выслушиваютъ. Вообще власти растерялись и не знаютъ, что имъ дѣлать. Сюда пріѣхалъ атаманъ, постепенно стягивается масса войскъ, но рабочіе своей выдержкой и спокойнымъ поведеніемъ не даютъ имъ возможности прибѣгнуть къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Да и нерѣшительность ихъ понятна

20.000 человѣкъ не шуточная величина. Ждутъ, что и атаманъ, и вся мѣстная администрація получатъ нагоняй за то, что допустили движеніе разростись до такихъ грандіозныхъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ, это мнѣніе общее, что ничего подобнаго по стройности, осмысленности, замѣчательной выдержкѣ и дисциплинированности рабочей массы у насъ въ Россіи еще не было. Сочувствіе общества громадное, что̀ выражается въ обильномъ притокѣ денежныхъ пожертвованій. Дѣвушки ходятъ по домамъ и собираютъ въ пользу стачечниковъ. Вчера выступили двѣ дѣвушки, державшія рѣчи къ толпѣ. Особенно блестящую рѣчь произнесла одна, учившаяся въ мѣстной гимназіи. Но вчерашняя сходка кончилась печальнымъ инцидентомъ. Когда многотысячная толпа расходилась, произошло столкновеніе съ казаками, начатое собственно мальчишками. Казаки вдругъ дали залпъ, и шесть человѣкъ убитыми и человѣкъ десять ранеными осталось на мѣстѣ. Сегодня по улицамъ цѣлый день двигаются все новыя и новыя подкрѣпленія: приведены казаки изъ Екатеринодара, *пластуны**), такъ что городъ весь наводненъ казацкими папахами. Несмотря на это, только-что принесли извѣстіе, что на Темерникѣ собрались сегодня въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ въ предыдущіе дни. Говорятъ, что Б. арестованъ, но вмѣсто него выступили другіе. Чѣмъ все это кончится, трудно знать. Время тяжелое, холода, расходы увеличиваются, а разсчитывать надолго на обильныя пожертвованія трудно. Я забылъ упомянуть о требованіяхъ рабочихъ: уменьшеніе рабочаго дня до 9 час., увеличеніе расцѣнокъ (недавно уменьшенныхъ, что послужило ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ), безплатная школа для дѣтей рабочихъ, раціональная постановка медицинской помощи и удаленіе нѣсколькихъ инженеровъ и мастеровъ.

Письмо второе.

8-й день всѣхъ насъ треплетъ нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходятъ собранія на Темерникѣ.

Вчера было шесть конныхъ аттакъ на толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками — масса раненыхъ. Однако толпа держалась стойко. Всѣ аттаки были встрѣчены градомъ камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пѣхотинцы, и данъ былъ залпъ безъ всякихъ предупрежденій. 7 чел. остались на мѣстѣ убитые, 12 сильно ранены и отвезены въ больницу **). Убитыхъ толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа вновь собралась. Полиція не препятствовала, толь-

*) По словамъ одного изъ корреспондентовъ, кубанскіе казаки вытребованы потому, что начальство опасалось, что при второмъ столкновеніи донскіе откажутся стрѣлять.

**) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ двое изъ раненыхъ уже умерли.

коповъ — 10 тысячъ рублей. Однако этихъ проявленій международной солидарности оказалось недостаточно для того, чтобы помѣшать усиленному ввозу заграничнаго угля. Другое средство для той же цѣли — это отказъ портовыхъ рабочихъ выгружать уголь, подвозимый морскимъ путемъ. Но организація французскихъ портовыхъ рабочихъ еще очень молода. Только въ Дюнкирхенѣ забастовали-было рабочіе, занятые выгрузкой угля, но хозяева въ отвѣтъ на это прекратили всякую выгрузку товаровъ. Всѣ портовые рабочіе оказались безъ работы, и движеніе приняло тамъ характеръ бурныхъ безпорядковъ и погромовъ, благодаря массѣ безсознательныхъ рабочихъ. Нагрянули войска и „возстановили порядокъ". Сами рабочіе союзы Дюнкирхена протестовали противъ погромщиковъ и, съ согласія союзнаго комитета углекоповъ, прекратили стачку выгрузчиковъ угля.

Такимъ образомъ, недостатокъ угля лишь слабо отразился на французской промышленности, только въ отдѣльныхъ мѣстахъ закрылись металлургическіе и стекляные заводы. Сила давленія всеобщей забастовки съ этой стороны пока оказалась небольшой.

Ко всему этому надо добавить, что владѣльцы копей, давно ожидавшіе стачки, заготовили огромные запасы угля, а въ складахъ желѣзнодорожныхъ компаній было къ началу стачки угля на три мѣсяца.

Если бы рабочіе опирались исключительно на экономическую силу своей организаціи, имъ пришлось бы бастовать долгіе мѣсяцы для того, чтобы заставить углепромышленниковъ вступить въ переговоры. Достигли же они этого всего черезъ пару недѣль благодаря тому, что они располагаютъ также политической силой — силой соціалистической партіи, которая своей политической организаціей, своей печатью и своими депутатами въ парламентѣ значительно увеличила силу давленія стачки на буржуазный міръ, перенеся эту силу въ самое сердце государственной жизни.

Черезъ двѣ недѣли послѣ начала стачки соціалисты внесли запросъ (интерпеляцію) правительству о стачкѣ. Обсужденіе этой интерпеляціи заняло два засѣданія. Борьба между углекопами и углепромышленниками превратилась въ стѣнахъ законодательнаго собранія въ борьбу между представителями рабочаго класса и представителями буржуазіи. Соціалисты доказали на основаніи неопровержимыхъ цифръ, что пониженіе платы ровно ничѣмъ не оправдывается. Они доказали, что повышеніе платы за годы расцвѣта угольной промышленности — просто капля въ морѣ по сравненію съ баснословнымъ ростомъ хозяйской прибыли. Такъ, за 1899 и 1900 годы плата всѣхъ углекоповъ Франціи была повышена только на 17 милліоновъ франковъ (около 7 милліоновъ руб.), тогда какъ чистая прибыль хозяевъ увеличилась на 245 милліоновъ франковъ (около 100 милліоновъ руб.)!.. Далѣе, соціалисты порицали правительство за посылку войскъ въ угольные районы и требовали ихъ немедленнаго удаленія, разоблачали классовый характеръ государства, подвергающаго рабочихъ даже опасности пасть отъ жандармской пули, какъ это было въ Терриуарѣ. Опираясь на силу стачечниковъ, небольшое соціалистическое меньшинство палаты заставило мелкобуржуазное большинство и отчасти даже нѣкоторыхъ прямо буржуазныхъ депутатовъ принять рѣшеніе въ пользу углекоповъ. Палата обязалась, согласно прежнимъ обѣщаніямъ правительства, удовлетворить главныя законодательныя требованія углекоповъ и поручила правительству уладить стачку путемъ третейскаго суда.

Исходъ третейскаго суда обманулъ ожиданія рабочихъ. Прежде всего комитетъ союза углекоповъ оказался не въ силахъ сосредоточить переговоры въ своихъ рукахъ, то есть, вести переговоры отъ имени всѣхъ стачечниковъ съ общимъ комитетомъ углепромышленниковъ. Помѣшали этому не только углепромышленники, но и мѣстные комитеты отдѣльныхъ районныхъ организацій углекоповъ въ департаментахъ Па-де-Калэ и Сѣвера. Эти организаціи по своему духу до извѣстной степени напоминаютъ старые англійскіе трэдъ-юніоны: классовое сознаніе у нихъ слишкомъ легко отступаетъ на задній планъ передъ узкими мѣстными и профессіональными интересами. Онѣ сразу рѣшили вести переговоры самостоятельно со своими угольными компаніями, не обращая вниманія на требованія общаго комитета. Между тѣмъ въ этихъ двухъ смежныхъ департаментахъ работаетъ половина всего числа французскихъ углекоповъ, тогда какъ другая половина разбросана сравнительно небольшими кучками въ разныхъ концахъ страны. Ясно, что рѣшеніе сѣверныхъ углекоповъ должно было разстроить единство всеобщей стачки, превратить ее въ рядъ одновременныхъ, но разрозненныхъ мѣстныхъ стачекъ.

Этого мало. Сѣверныя организаціи, находящіяся подъ руководствомъ умѣренныхъ соціалистовъ, сторонниковъ министерства *), въ выборѣ третейскихъ судей слѣпо довѣрились министру общественныхъ работъ, вмѣсто того, чтобы самимъ выбрать своихъ представителей. Министръ назначилъ въ члены суда горныхъ инженеровъ, и эти чиновники вынесли невыгодное для рабочихъ рѣшеніе. Они признали пониженіе платы на 10 процентовъ правильнымъ въ виду паденія цѣнъ на уголь, не обращая вниманія на баснословные барыши хозяевъ за послѣдніе годы.

Прежде рабочіе двухъ сѣверныхъ департаментовъ получали среднимъ счетомъ около двухъ рублей въ день; съ пониженіемъ платы они теряютъ около 20 копѣекъ въ день, или около 60 руб. въ годъ. Съ другой стороны, угольныя компаніи обязались передъ третейскимъ судомъ повысить свои взносы въ пенсіонную кассу рабочихъ — самое большее — на 3 процента съ заработной платы, такъ чтобы пенсія достигала отъ 220 до 240 руб. въ годъ. Другими словами, хозяева отнимаютъ у всѣхъ рабочихъ по 20 копѣекъ, а возвращаютъ имъ меньше 6 коп. въ пользу рабочихъ, доживших до 55 лѣтъ.

Но и теперь еще не все было потеряно. Рабочіе могли отвергнуть невыгодное рѣшеніе третейскаго суда. И дѣйствительно, съѣздъ представителей рабочихъ союзовъ Па-де-Калэ и Сѣвера рѣшилъ-было продолжать стачку. Но тутъ вмѣшалось правительство и его сторонники — умѣренные соціалисты, жоресисты. Правительство приняло необычайно строгія мѣры противъ стачечниковъ, стараясь силой вернуть ихъ на работу, силой принудить ихъ подчиниться третейскому суду. Въ то же время умѣренные соціалисты съ Жоресомъ во главѣ дружески совѣтовали стачечникамъ покориться во имя хваленаго „принципа" уваженія къ третейскому суду. Въ результатѣ ряды стачечниковъ были разстроены, болѣе податливые и малодушные самовольно стали возвращаться въ шахты, за ними послѣдовали и массы другихъ рабочихъ, и черезъ пять дней послѣ перваго съѣзда собрался второй съѣздъ, которому ничего не оставалось, какъ объявить прекращеніе стачки.

Такимъ образомъ, углекопы другихъ районовъ были предоставлены собственнымъ силамъ. Всюду наступилъ упадокъ духа, началась безнадежная борьба вразсыпную. О полномъ успѣхѣ нигдѣ уже не могло быть рѣчи. Во всѣхъ остальныхъ бассейнахъ, за исключеніемъ пары отдѣльныхъ копей, удалось послѣ долгихъ переговоровъ и третейскаго разбирательства отвоевать только довольно ничтожную часть пониженной платы, да добиться нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ уступокъ.

Въ началѣ декабря вернулись на работу послѣдніе стачечники, углекопы Кармо.

Итоги стачки таковы. Она обезпечила крупный успѣхъ въ области рабочаго законодательства — близкое введеніе восьмичасового рабочаго дня для углекоповъ и удовлетвореніе другихъ законодательныхъ требованій стачечниковъ. Подъ давленіемъ стачки палата депутатовъ избрала комиссію для изслѣдованія на мѣстѣ положенія углекоповъ (съ участіемъ соціалистовъ). Но борьба рабочихъ противъ пониженія платы не дала почти никакихъ плодовъ.

Итакъ, небывалое еще во Франціи по размѣрамъ стачечное движеніе окончилось на половину неудачей. Но борьба пролетаріата никогда не пропадаетъ даромъ, какъ не пропадаетъ безслѣдно трата силы въ природѣ. Не только успѣхи, но и неудачи идутъ на пользу его освободительнаго движенія, если онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ причинахъ неудачи. Успѣшные результаты стачки въ области законодательства были достигнуты совмѣстнымъ напоромъ на буржуазное общество профессіональныхъ и политическихъ организацій пролетаріата на мѣстѣ стачки, въ печати и на парламентской трибунѣ. Неудачный исходъ борьбы противъ пониженія платы зависѣлъ отъ тактики сдѣлокъ, компромиссовъ пролетаріата съ капиталистами и буржуазнымъ государствомъ. Вина за это падаетъ прежде всего на умѣренныхъ соціалистовъ, которые и въ этомъ случаѣ злоупотребили своимъ вліяніемъ на рабочихъ, стараясь во что бы то ни стало прекратить стачку въ угоду министерству. Неудача не будетъ куплена дорогой цѣной, если рабочіе, убѣдившись въ негодности примирительной тактики жоресистовъ, усилятъ ряды недавно окончательно объединившейся революціонной партіи антиминистерскихъ соціалистовъ — Соціалистической Партіи Франціи.

*) Во Франціи двѣ крупныя соціалистическія партіи: одна — революціонная, Соціалистическая Партія Франціи (гедисты и бланкисты), стоитъ на точкѣ зрѣнія непримиримой классовой борьбы пролетаріата и соціальной революціи. Другая — умѣренная, Французская Соціалистическая Партія (жоресисты), стоитъ на точкѣ зрѣнія постепеннаго превращенія современнаго общества въ соціалистическое путемъ сдѣлокъ пролетаріата съ буржуазіей и буржуазнымъ правительствомъ, путемъ соціальныхъ реформъ. Эта партія раньше стояла за участіе „соціалиста" Мильерана въ радикальномъ буржуазномъ министерствѣ Вальдека-Руссо. Сейчасъ она поддерживаетъ радикальное буржуазное министерство Комба.

ко устроила кордонъ вокругъ рѣки Темерника, желая воспрепятствовать толпѣ, если она двинется въ городъ. Обысковъ еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодѣтаго гимназиста. По улицамъ разъѣзжаютъ и расхаживаютъ цѣлыми отрядами казаки. Пріѣхалъ атаманъ, кто-то изъ министерства путей сообщенія и много другихъ.

Письмо третье (16 ноября).

Въ субботу 2 ноября рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ бросили работу. Передъ вечеромъ 10 организованныхъ рабочихъ вбѣжали въ кочегарную и дали тревожный гудокъ. Онъ всполошилъ всѣхъ рабочихъ, а въ это время тѣ же 10 чел. стали разбрасывать „афишки" и бѣгать по всѣмъ цехамъ (сборному, кузнечному и др.) съ предложеніемъ бросить работу. Афишки, въ которыхъ были выставлены требованія, были приняты почти всѣми, но тѣ изъ рабочихъ, которые не хотѣли бросать работы (незначительное меньшинство), должны были оставить ее вслѣдствіе того, что имъ грозили кулаками (былъ даже такой ханжа, котораго рабочіе поколотили).

Короче, черезъ 15 мин. 3000 чел. рѣшили забастовать, рѣшили не идти на работу до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены всѣ требованія, выраженныя въ 28 пунктахъ. (Слѣдуетъ перечень требованій).

На другой день (воскр.) рабочіе собрались на дворѣ мастерскихъ, чтобы обсудить свои дѣла. Одинъ рабочій выступилъ съ рѣчью. Онъ говорилъ о борьбѣ съ капиталомъ рабочихъ въ Западной Европѣ и о томъ, что эта борьба есть единственный исходъ, который поведетъ къ улучшенію быта рабочаго класса. Затѣмъ выступилъ одинъ интеллигентъ. Онъ говорилъ о томъ, что экономическая борьба сводится къ политической, о тѣсной зависимости и дружбѣ капитала съ правительствомъ; послѣднее онъ называлъ „человѣкомъ", представителей капитала — „дубиной". Онъ говорилъ, что „человѣкъ", имѣя въ рукахъ „дубину", что есть силы, бьетъ ею по спинѣ рабочаго, а потому въ своей борьбѣ рабочіе не должны бить по дубинѣ, а прямо въ грудь *).

На другой день весь Ростовъ уже зналъ, что во дворѣ мастерскихъ творится чудо, что тамъ говорятъ открыто и не боятся. Поэтому вы не удивитесь, что на слѣдующій день народу привалило тысячи 2. Поджидаемъ „афишекъ". Оповѣстили рабочихъ остальныхъ фабрикъ и заводовъ, такъ что почти нигдѣ не работаютъ, — идутъ на сходку, выставляютъ свои требованія хозяевамъ. Много курьезовъ. Напримѣръ, въ одной мелкой мастерской (4 раб.) бросили работу. Хозяинъ приходитъ и ..никого... на другой день тоже. Тогда и только тогда онъ понялъ, въ чемъ дѣло.. На фабрикѣ Асмолова половина работницъ бросили работу, вцѣпились въ волосы другой половинѣ, которыя не хотѣли къ нимъ присоединиться. Если бы не постороннее вмѣшательство, не обошлось бы безъ жертвъ.

Народъ охотно идетъ на стачку. Напр., одна баба спѣшитъ куда-то, другая спрашиваетъ: „Ты куда это?" — На бунтъ, отвѣчаетъ та. Въ устахъ простонародья это „бунтъ", но только мирный. Я вамъ не могу передать *все воспитательное значеніе стачки для ростовскихъ и окрестныхъ обывателей*. Только и говорятъ, что о ней. У тысячи людей авторитетъ „власти" поколебленъ. Всѣ твердятъ о несправедливости правительства. Свобода слова полнѣйшая. 2 дня тому назадъ говорило 3-ое дѣвицъ (инт.), сегодня одна работница... Ея простая, своеобразная и сильная рѣчь имѣла громадный успѣхъ.

Какъ только до „ушей царевыхъ" дошло, что толпа народа безпрепятственно собирается,—подполковникъ обратился къ рабочимъ съ рѣчью. Они встрѣтили ее крикомъ и свистомъ; онъ ихъ перекричалъ и заявилъ, что хочетъ быть посредникомъ между дорогою и рабочими. Его-де уполномочилъ на это законъ. Онъ явился къ рабочимъ съ самыми благонамѣренными цѣлями и проситъ ихъ взяться за работу, не то онъ приметъ... мѣры... Какъ видите, цѣли совсѣмъ хорошія! Но рабочіе не боялись „мѣръ" и продолжали собираться. Руководители обличали передъ массой насиліе и произволъ самодержавнаго правительства. Была еще попытка со стороны „посредника" усмирить рабочихъ „краснымъ словечкомъ", но она такъ и осталась попыткой.

На 5-ый день были на сходкѣ казаки и вся жандармерія и полиція; но „мѣры" боялись принимать. Какъ только казаки спустились къ рабочимъ съ горы для устрашенія — руководитель стачки скомандовалъ: „сѣсть". Всѣ рабочіе и публика сѣли, и руководитель обратился къ казакамъ съ рѣчью, гдѣ говорилъ, что они не должны слушаться приказаній, что они не имѣютъ права убивать женъ, дѣтей и мужей, всѣхъ тѣхъ, которые здѣсь собрались для обсужденія своихъ дѣлъ. Но на этихъ башибузуковъ это не подѣйствовало. Они большей частью калмыки. Руководитель сказалъ, что рабочіе разойдутся только тогда, когда войска будутъ уведены. Казаки отошли прочь, и рабочіе разошлись лишь для того, чтобы снова собраться. Это было въ субботу. Въ воскресенье было на сходкѣ 20.000. Пріѣхалъ атаманъ. Онъ приказалъ сказать (черезъ пристава), что сегодня разрѣшаетъ сходку (будто у него спрашивали позволенія). Далѣе онъ призвалъ депутатовъ, но потомъ заявилъ, что онъ ихъ совсѣмъ не звалъ, и сталъ кричать, выпрямившись во весь ростъ: „Знаете, кто я?... Я атаманъ! Отъ меня все зависитъ!" На сходкахъ въ пользу стачечниковъ устраиваютъ сборы. На послѣдной собрали 342 руб. 85 к., на предыдущихъ 85 и 100 руб. (въ запасѣ 1000 руб.)

На слѣдующій день была бойня. Пишущій эти строки шелъ на сходку въ оврагъ. Онъ былъ изумленъ той нерѣшительностью, съ какой шла публика. Я взобрался на гору, и во мнѣ зародилось подозрѣніе. На горѣ съ одной стороны стояли казаки (пѣхота) и не пускали, съ другой же стороны не было стражи, и жандармы приглашали насъ туда. У многихъ явилось подозрѣніе, что здѣсь устроена засада. Вдругъ послышался страшный, душу пронизающій крикъ сотни человѣкъ... Всѣ стоявшіе на горѣ, всѣ эти „нерѣшительные", повинуясь этому людскому стону, зовущему на помощь, ринулись туда съ неистовыми криками. Бѣжать пришлось недалеко. Я съ цѣлой кучкой людей очутился посреди улицы. Съ двухъ сторонъ казаки стегали нагайкой. Пришлось спасаться... Какая мучительная, острая, невыносимая боль овладѣла нами, когда мы почувствовали свое безсиліе передъ этими свирѣпыми башибузуками.

Озлобленные этой неожиданностью, рабочіе, вооруженные дубинами и разнымъ домашнимъ орудіемъ, сплотились въ одну стройную массу и шикали казакамъ, которые выстроились полукругомъ и побѣдоносно взирали на толпу... Дѣло въ томъ, что въ оврагѣ уже собралось 100-150 чел. Ожидая остальныхъ, они разговаривали. Казаки, стерегшие ихъ, предложили имъ разойтись. Рабочіе не соглашались. Тогда казачій офицеръ скомандовалъ аттаку. Рабочіе сѣли, думая, что лежачаго и беззащитнаго не станутъ бить. Но казаки поскакали по ихъ тѣламъ. Тогда-то и началась битва. На полѣ сраженія осталось много сломанныхъ пикъ и сабель... Рабочіе бѣжали въ Темерникъ, гонимые казаками, и въ это-то время подоспѣли и мы.

Когда рабочіе вооружились, и собралась мало по малу большая толпа, появился тотъ самый ораторъ, что говорилъ на прежнихъ сходкахъ (рабочій), и сходка пошла своимъ чередомъ. Рабочіе разбились по цехамъ; имъ выдавали пособіе. Все это на виду у казаковъ (въ 50-ти шагахъ). Рѣшили на слѣдующій день (понедѣльникъ) опять собраться въ 11 ч. дня на той же улицѣ... Стали расходиться... оставалась еще лишь часть рабочихъ, какъ вдругъ раздался залпъ, который уложилъ 6 ч. убитыхъ и 10 раненыхъ. Со стороны войска тоже ранено 12 человѣкъ, и одинъ околоточный (по другимъ свѣдѣніямъ — казачій офицеръ) убитъ.

На слѣдующій день выступили съ рѣчью дѣвушки и приглашали работницъ примкнуть къ стачкѣ (одну изъ нихъ взяли).. Взяли и лучшаго руководителя (говорятъ, что онъ самъ отдался въ руки полиціи, такъ какъ былъ въ обморочномъ состояніи)*). Собирается толпа, читаютъ афишки „Донского Комитета". Атаманъ стягиваетъ войско: 400 донск. казаковъ, около этого кубанск. казаковъ, 4 пушки и масса пѣхоты. Было собраніе фабрикантовъ и жандармовъ подъ предсѣдательствомъ атамана.

Капиталисты хотѣли уступить (дорога каждый день теряетъ 50.000), но атаманъ не соглашался. Онъ говорилъ, что нагайками заставитъ работать. По городу развѣшаны „временныя правила", воспрещающія сходки и грозящія 500 руб. штрафу за ихъ нарушеніе. Рабочимъ они грозятъ высылкой на родину въ томъ случаѣ, если тѣ не примутся за работу.

На столбахъ развѣшано „Душеспасительное слово русскимъ рабочимъ генерала Богдановича", рабочіе рвутъ его. Въ объявленіяхъ сказано „не собираться кучками", а около нихъ же собираются десятки людей. Всѣ монопольки закрыты. Въ тюрьмѣ очистили 60 камеръ.

Письмо четвертое.

Въ четвергъ 7 ноября на Темерникѣ собралось болѣе 7000 чел. Ораторы сообщили, что пріѣхалъ атаманъ войска донского и что посланы имъ телеграммныя сообщенія министрамъ. Двѣ сотни казаковъ размѣстились на окраинѣ толпы. Ихъ начальникъ вступилъ въ переговоры съ ораторомъ. Онъ заявилъ, что признаетъ, что живется рабочимъ тяжело. Естественно, что они хотятъ лучшаго. Онъ видитъ, что они ведутъ себя прилично, но скопища запрещены, и потому онъ предлагаетъ разойтись; иначе разгонитъ толпу казаками. Ораторъ спросилъ рѣшенія толпы. „Если вы останетесь, то можетъ пролиться кровь, будутъ жертвы, можетъ быть, среди дѣтей, женъ, стариковъ; если разойдетесь, то опять будете молча страдать по одиночкѣ". Толпа отвѣтила: „Пусть наша кровь прольется, пусть насъ топчатъ — не расходиться!" Ораторъ передалъ это, стоя среди толпы, эсаулу — сотня повернула назадъ, чтобы разскакаться саженъ за 20 — въ это время ораторъ, ободривъ толпу немногими словами, скомандовалъ: „Всѣ сядьте"! — Толпа сѣла на землю, какъ одинъ человѣкъ... Ораторъ возвышался надъ нею. Казаки, доскакавъ до сидѣвшихъ, остановились. Эсаулъ опять вступилъ въ переговоры, спрашивая, какъ же ему быть. Онъ долженъ исполнить предписаніе разсѣять толпу. Ораторъ посовѣтовалъ ему увести своихъ казаковъ, и тогда онъ отпуститъ своихъ товарищей. Казаки удалились. Тогда, выбравъ депутатовъ къ атаману и назначивъ время новой сходки, толпа разошлась. Одну изъ рѣчей ораторъ окончилъ возгласомъ: „Да здравствуетъ политическая свобода!" Толпа подхватила его замѣтно не единодушно и даже замѣтно меньшинствомъ. Тогда ораторъ выразилъ сожалѣніе и удивленіе. Ему казалось, что онъ все время былъ лишь голосомъ толпы, жилъ съ ней однородно и единодушно, а теперь его не поддержали. Онъ приписываетъ это недоразумѣнію. Товарищи вѣрно не поняли его словъ. И, объяснивъ популярно, что такое политическая свобода и каково ея практич. значеніе, онъ вновь закончилъ восклицаніемъ: „да здравствуетъ политич. свобода"! Толпа *почти единодушно* повторила этотъ крикъ, и въ слѣдующіе дни ораторы часто кончали этимъ призывомъ.

Въ пятницу на сходкѣ ораторы сообщили о пріемѣ депутатовъ атаманомъ. На его вопросъ: „Вы зачѣмъ пришли?" выборные отвѣтили: — „Вы насъ хотѣли видѣть..." „Вы пришли просить о чемъ-нибудь?" — „Нѣтъ, намъ къ вамъ порученія нѣтъ. Намъ передали, что вы просили стачечниковъ прислать къ вамъ выборныхъ." — „Да, вы тамъ бунтуете, ваши требованія не могутъ быть исполнены. Но передайте вашимъ товарищамъ, что, если они выдадутъ ораторовъ, то я постараюсь уладить дѣло. Я разрѣшаю вамъ собраться въ субботу и воскресенье, чтобы покончить съ вашими дѣлами; если же вы соберетесь и въ понедѣльникъ, не вернувшись къ работамъ, то мы сумѣемъ васъ вернуть къ порядку: я не остановлюсь ни передъ чѣмъ — буду стрѣлять!"

Когда ораторы передали толпѣ, что атаманъ позволяетъ собраться въ субботу и воскресенье и объяснили, что это не милость, а побѣда толпы, которая собиралась и безъ разрѣшенія,— толпа приняла эту свою побѣду горячо; многіе обнимались; всѣ кричали: да здравствуетъ 8 час. раб. день, раб. движ., полит. свобода! Передавъ о предложеніи атамана выдать руководителей, ораторъ сказалъ: „Если вы, товарищи, устали, если вы не хотите продолжать стачку, если дальше не будете стоять дружно, то скажите: мы живемъ вашимъ желаніемъ, вашимъ дѣломъ. Если вы хотите, мы пойдемъ и сами отдадимъ себя въ руки полиціи!" Толпа не дала ему продолжать: — „Не хотимъ, не хотимъ!"

Въ воскресенье 10-го картина собранія была потрясающая. Еще издали я видѣлъ, что по пригорью темерникской балки точно усыпано муравьями, подхожу и вижу: народъ буквально валитъ. Я видѣлъ стариковъ на костыляхъ, я видѣлъ стариковъ и слабыхъ, которымъ помогали идти, я видѣлъ, какъ на крутомъ мѣстѣ слабые карабкались на четверенькахъ. Мнѣ казалось, что я во снѣ. Толпа на мѣстѣ достигала 30 тысячъ. Казаки размѣстились вольно (кое-кто сидѣлъ), шутили. Эсаулы стояли, большинство опустивъ головы. Ораторы замедлили, и толпа волновалась, боясь, что они уже арестованы. Когда они явились, ихъ встрѣтили радостными привѣтствіями. Ораторы передали привѣтъ и пожеланіе успѣха отъ воронежскихъ рабочихъ и объяснили, что это потому ростовцамъ шлютъ привѣты, что, хотя они выставили мѣстныя требованія, но дѣло это обще-русское, и они являются одними изъ застрѣльщиковъ и т. д. Передали о томъ, что получены телеграммы отъ министра путей сообщенія: „не уступать ничего, всячески подавить движеніе", и отъ военнаго, Куропаткина: „не уступать, принять всѣ мѣры къ водворенію порядка, если нужно, стрѣлять"...

Еще въ воскресенье всѣмъ было извѣстно, что полиція обѣщала 10 тысячъ тому, кто выдастъ типографію, и по тысячѣ за каждаго оратора. Комитетъ выпускаетъ ежедневно 1500 экз. листковъ, толпа съ жадностью ихъ хватаетъ. Между толпой и комитетомъ установилось полное довѣріе. Рабочіе признали Донск Ком. Р. С. Д. Раб. Партіи своимъ. Настроеніе у всѣхъ, несмотря на усталость, бодрое.

Сообщаемъ дополнительныя свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ:

Въ стачкѣ принимаютъ участіе рабочіе Владикавказскихъ мастерскихъ, фабрикъ Асмолова, Кушнарева, заводовъ Токарева, Пастухова: работаетъ только заводъ Аксай и одна фабрика. На сходкѣ 11 ноября рабочіе получили приглашеніе стать за станки. Но 20 тысячъ крикнуло, что они не хотятъ удовлетворенія требованій, если это связано съ выдачей ораторовъ, а это послѣднее условіе было поставлено атаманомъ. Два раза въ день появляются прокламаціи Донского Комитета Соціалдем. Партіи, подготовившаго эту стачку.

Вотъ одна изъ нихъ, полученная нами.

Товарищи! Мы собрались здѣсь, у мастерскихъ, не какъ придавленные и загнанные рабы хозяевъ, а какъ боевая дружина передовыхъ рабочихъ. Мы выставили свои требованія. Мы потребовали, чтобы — рабочій день былъ уменьшенъ до девяти часовъ, чтобы съ нами вѣжливо обращались; мы потребовали, чтобы намъ больше платили; теперь мы, кромѣ того, требуемъ, чтобы докторъ Поповъ былъ удаленъ и на его мѣсто пригласили женщину врача, чтобы рабочихъ, проболѣвшихъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, не увольняли и чтобы браковки литья за раковины оплачивались; мы просто и открыто заявляемъ, что не хотимъ работать въ мастерскихъ на прежнихъ условіяхъ. Мы держали себя спокойно, мы ни одного камня не тронули, ни одной щепки не сломали у заборовъ; мы не совершили никакого преступленія, не украли, не ограбили, не убили... Зачѣмъ же на наше собраніе явилась полиція? Почему у проходной стояла кучка жандармовъ? Что имъ было нужно? Кого пришли они защищать? Насъ ли, угнетенныхъ и порабощенныхъ, или ихъ — нашихъ угнетателей и поработителей? Зачѣмъ шныряютъ шпіоны среди насъ, а не среди нашихъ враговъ, капиталистовъ?

Дѣло ясно: жандармы и шпіоны вышли противъ насъ, они — наши враги. Они вышли противъ насъ по приказу тѣхъ, которые прячутся за ихъ спиной, т. е. полиціймейстеровъ, губернаторовъ и министровъ. За ними стоитъ нашъ врагъ — самодержавіе.

Вмѣсто одного врага — капиталистовъ, предъ нами теперь два врага — капиталисты и самодержавіе. Мы начали борьбу противъ одного врага и не трогали самодержавія. Но оно само нагло замѣшивается въ нашу борьбу. Что жъ? мы сумѣемъ отвѣтить и ему, когда будетъ необходимо. Наши требованія пока не удовлетворены. Будемъ же продолжать стачку, пока не добьемся своего. Но будемъ помнить, что и противъ самодержавія мы также поведемъ борьбу. Такъ будемъ же готовы, товарищи, къ этой жестокой борьбѣ! Да здравствуетъ наша стачка!

Прочь всѣхъ тирановъ съ ихъ рублями,
Прочь этотъ старый, подлый свѣтъ!
Иную жизнь начнемъ мы сами,
Строй новый внесть даемъ обѣтъ!

Донской Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Стачка ростовскихъ рабочихъ быстро отразилась на югѣ Россіи и на Кавказѣ. 13-го забастовали тихорѣцкія мастерскія. 15-го тамъ разыгралась кровавая трагедія. Убито около 30 человѣкъ, раненые съ обѣихъ сторонъ. Арестовано 102 человѣка. Войска вели себя крайне разнузданно, производился прямой грабежъ рабочихъ квартиръ, за что предано суду 30 человѣкъ. Въ Тихорѣцкой, какъ и въ Ростовѣ, большое участіе принимали женщины. 16 началась общая стачка въ Новороссійскѣ: забастовали цементныя мастерскія, ж. дор. мастерскія и элеваторъ. По слухамъ, движеніе перекинулось въ Батумъ, Тифлисъ и Одессу. Ожидаютъ, что прекратится движеніе по всей кавказской желѣзнодорожной линіи. Интересно отмѣтить сочувственное отношеніе къ стачкѣ самыхъ буржуазныхъ слоевъ Ростова, благодаря чему повсюду, даже въ клубѣ, собираются довольно солидныя суммы въ пользу стачечниковъ.

Заимствуемъ еще нѣкоторыя подробности изъ № 82 бюллет. „Рев. Россіи".

Я отправился на Темерникъ... Толпа прижата къ окраинѣ города и главнымъ образомъ стоитъ въ полѣ... Войскъ въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ нѣтъ. Опредѣлить количество народа я затрудняюсь. Говорятъ, что его много тысячъ... Авангардъ главной толпы собрался вокругъ трупа пожилого рабочаго, убитаго вчера. На покойномъ бѣлый фартукъ и синяя рубаха. Народъ окружаетъ его плотной массой со всѣхъ сторонъ; пробиться къ нему трудно.. Всѣ возбуждены, заинтересованы, по возможности уступаютъ другъ другу дорогу. Около самаго трупа молодой рабочій говоритъ безъ умолку. Онъ не взываетъ къ бунту, но не стѣсняется въ выраженіяхъ и мимоходомъ, отвѣчая на задаваемые ему вопросы, говоритъ о капиталистахъ, что они пьютъ кровь людей и что покойный былъ вовсе не причастенъ къ стачкѣ. Онъ рабочій съ Набережной и просто шелъ мимо. Этотъ ораторъ — родной сынъ убитаго. Онъ все стоитъ надъ трупомъ отца, и изъ его словъ оказывается, что стачечники не приказали отдавать тѣло начальству для похоронъ... Отсюда мы направились къ главной толпѣ, стоявшей очень компактно, вслѣдствіе чего подвигаться впередъ было весьма трудно... Всѣ внимательно слушали оратора, который старался говорить громко, но народу было такъ много, что слова почти не долетали до заднихъ рядовъ. Ораторъ говорилъ о солидарности, о томъ, что начальству легко переломить прутикъ, но нельзя справиться съ цѣлымъ вѣникомъ. Онъ напоминалъ, что на 4-й день стачки всѣ требованія рабочихъ, кромѣ 9-тичасового рабочаго дня и отмѣны штрафовъ, едва не были уважены, но начальство спохватилось, что нельзя создавать заразительный примѣръ, и запретило жел. дор. дѣлать уступки. Далѣе ораторъ говорилъ, чтобы рабочіе не приходили въ толпу праздными зрителями, а чтобы они, работая на фабрикахъ, дѣлились средствами съ нуждающимися стачечниками или предъявляли хозяевамъ свои требованія и отказывались отъ работы. „Вчера, сказалъ онъ, я получилъ нѣсколько рублей отъ рабочихъ завода Дутиковыхъ. Это доказываетъ, что заводскіе рабочіе понимаютъ нашу стачку и не считаютъ ее блажью. Вчера Кушнаревъ оскорбилъ своихъ работницъ такими бранными словами, которыхъ я не могу повторить. Онъ пригрозилъ выгнать ихъ всѣхъ со службы, но вы понимаете

*) Если уже употреблять это сравненіе, то соціалдемократъ сказалъ бы скорѣе наоборотъ: правительство есть „дубина" въ рукахъ „человѣка" — капитала. И рабочій классъ стремится вырвать эту „дубину" изъ рукъ „человѣка". Для Запада это вполнѣ вѣрно. Въ Россіи дѣло осложняется тѣмъ, что наше самодержавіе, какъ пережитокъ крѣпостныхъ порядковъ, само часто стоитъ въ противорѣчіи къ господину капиталу, имѣетъ и отстаиваетъ свои собственные интересы, задерживающіе все общественное развитіе страны и препятствующіе классовой борьбѣ пролетаріата противъ буржуазнаго строя. *Ред.*

*) Другой корреспондентъ сообщаетъ, что подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ побоища ораторъ послѣ горячей рѣчи на извозчикѣ бросился въ жандармское управленіе, разразился тамъ проклятіями и требовалъ прекращенія бойни. Его, конечно, арестовали и сейчасъ же переправили изъ Ростова въ тюрьму станицы Каменской.

эту ложь: хозяева, капиталисты, буржуазія не могутъ удалить насъ всѣхъ, потому что не мы живемъ ими, а они живутъ нами.“ Говоря о казакахъ, о войскахъ, о пролятой крови онъ обходился безъ пафоса, держалъ себя спокойно и только по временамъ возвышалъ голосъ. Всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ...

Письмомъ отъ 25 ноября коротко сообщаютъ, что рабочіе, по совѣту руководителей стачки, принялись за работу, послѣ того какъ ихъ требованія на половину были удовлетворены: повышена заработная плата, удалены нѣкоторые изъ мастеровъ. Подробности еще неизвѣстны. Изслѣдовать на мѣстѣ дѣло о стачкѣ Плеве послалъ своего новаго товарища, виленскаго палача Валя.

Въ память іюньскихъ дней 48 г. въ Парижѣ.

[Изъ „Впередъ“]

Нѣту работы... семья голодаетъ...
Двое малютокъ припали къ отцу,
Рвутъ на немъ платье, ѣсть просятъ, рыдаютъ...
Мать на нихъ молча глядитъ и страдаетъ...
„Полноте, дѣти, — отецъ утѣшаетъ
Наши страданья приходятъ къ концу:
Хлѣба намъ или свинцу
Завтра республика дать обѣщаетъ“.

* * *

Сдвинуты брови, и скрещены руки
На молодецкой широкой груди.
Люди по улицамъ идутъ, и звуки
Пѣсни ихъ грозной исполнены муки:
„Завтра раздастся здѣсь громъ боевой:
Знайте же, братья: васъ ждетъ впереди
Хлѣбъ на столѣ или пуля въ груди
Послѣ борьбы роковой!“

* * *

Знамя надъ грудою камней взвивается...
Строитъ народъ баррикаду...
Завтра онъ здѣсь умирать собирается.
Здѣсь для свободы алтарь воздвигается:
Здѣсь новой жизни заря загорается.
Людямъ грядущимъ въ урокъ!
Будетъ героямъ награда
Пуля иль хлѣба кусокъ!..

* * *

Тѣни ночныя спустились надъ зданьями...
Полонъ рѣшимости мрачный народъ:
Завтра онъ кончитъ съ своими страданьями!
Полный надеждами и ожиданьями,
Жаждою полный борьбы,
Цѣлую ночь онъ очей не сомкнетъ.
Завтра онъ хлѣбъ или пулю возьметъ
Съ бою у грозной судьбы!..

Три политическихъ процесса.

Въ ноябрѣ въ судебныхъ палатахъ при участіи сословныхъ представителей разбирались три дѣла о майскихъ демонстраціяхъ въ Саратовѣ, Н.-Новгородѣ и Сормовѣ.

Полицейская расправа надъ демонстрантами на улицахъ, истязанія въ казематахъ, административная ссылка въ Сибирь — все это правительство признало недостаточнымъ для борьбы съ нами. Ему понадобилась судебная процедура для усиленія наказаній; отнынѣ демонстрантамъ будутъ угрожать арестантскія роты, ссылка на поселеніе, каторга. Правительство долго избѣгало судовъ, не желая оглашать проявленій политической жизни Россіи. Но оно основательно разсудило, что революціоннаго движенія, вынесеннаго на улицу, не скроешь и не замолчишь. Такъ лучше же развязать себѣ руки и вступить съ нами въ открытую борьбу.

Въ добрый часъ! Мы охотно принимаемъ вызовъ. Мы тоже стремимся „подпольную“ борьбу во всѣхъ ея видахъ превратить въ открытую.

Мы знаемъ, что политическій судъ въ Россіи есть насмѣшка надъ правосудіемъ: судебное слѣдствіе ведется жандармами; свидѣтеля — подставныя лица, шпіоны; судьи — чиновники и трусливые, пристрастные „сословные представители“; судебный приговоръ — комедія: онъ подводитъ лишь подъ статью закона заранѣе изготовленное рѣшеніе министра.

Мы знаемъ это. Но мы идемъ на царскій судъ не для того, чтобы оправдаться передъ нимъ, не для того, чтобы искать защиты съ его правосудія. Мы идемъ на судъ, чтобы открыто и публично бросить въ лицо судьямъ все наше презрѣніе къ самодержавному правительству. Попавъ на скамью подсудимыхъ, мы не перестаемъ быть революціонерами; мы переносимъ лишь революціоную борьбу съ улицы въ залу суда, мы превращаемъ судъ надъ нами въ политическую демонстрацію противъ правительства.

Извѣстная пропагандистка, Софья Бардина, судившаяся въ 77-омъ году, закончила свою рѣчь на судѣ словами: „Я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его... Преслѣдуйте насъ, за вами матерьяльная сила, господа; но за нами сила нравственная, *сила идеи*, а идеи на штыки не улавливаются!...“ Вотъ та сила, которую мы, революціонеры, попавши на скамью подсудимыхъ, противоставляемъ правительству. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ ней, правительство, сѣющее страхъ, пожнетъ презрѣніе. Въ тотъ самый день, когда С. Бардина произнесла свои знаменитыя слова, обнаружилось, какое обаяніе имѣетъ нравственная сила идеи, и какъ передъ ней пасуютъ устрашающія мѣры правительства. Послѣ рѣчей Софьи Бардиной, Петра Алексѣева, Здановича и Агапова, совершился фактъ, настолько же неожиданный для судей, какъ и для подсудимыхъ. Крестьянинъ Ковалевъ, который былъ главнымъ свидѣтелемъ обвиненія, который оговорилъ и выдалъ половину подсудимыхъ, обратился къ судьямъ съ рѣчью: „Они (соціалисты) меня въ свое „общество“ не принимали, и хорошо дѣлали, что не принимали. Я не былъ пропагандистомъ, теперь здѣсь на судѣ я сдѣлался пропагандистомъ, и теперь, если вы меня взяли, то держите крѣпко, не выпускайте, потому что, если выпустите, — я буду знать, что дѣлать!..“

Правительство, вступивши съ нами въ открытое состязаніе на судѣ, затѣяло опасную для себя игру: на одной сторонѣ жестокая, подлая, продажная, всѣми ненавидимая власть, на другой сторонѣ — борцы за свободу, представители угнетаемаго народа. Нетрудно предвидѣть, какая изъ этихъ двухъ сторонъ должна одержать нравственную побѣду на судѣ, нетрудно предвидѣть, какая сторона привлечетъ къ себѣ любовь и симпатію всѣхъ тѣхъ сотенъ тысячъ людей, которые съ тревогой слѣдятъ за перипетіями и за исходомъ процессовъ.

Правительство это предвидѣло. Оно боялось, какъ бы народъ не вмѣшался непосредственно въ ту борьбу, которая должна была начаться въ залѣ суда между революціонерами и имъ; оно опасалось, какъ бы народъ не устроилъ политическихъ демонстрацій передъ зданіями судовъ, какъ нѣкогда во время суда надъ Вѣрой Засуличъ въ Петербургѣ и надъ Ковальскимъ въ Одессѣ. Чтобы предупредить такія уличныя демонстраціи, оно предприняло въ Н. Новгородѣ и въ Саратовѣ чрезвычайныя полицейскія мѣры.

„Подсудимыхъ *ночью* доставляли въ судъ въ вагонахъ электрической дороги. Они въ судѣ и ночевали. Не только въ залу, но и въ помѣщеніе суда публику не пускали. По улицамъ, прилегающимъ къ зданію суда, ѣздили конные полицейскіе, ходили городовые и шпіоны.“ Такъ пишутъ изъ Нижняго.

Изъ Саратова пишутъ: „Трудно передать то состояніе, которое переживается, если не тысячами, то сотнями семей. И въ гостиныхъ, и въ лавочкахъ, и въ кабакахъ только и говорятъ о судѣ: кого судятъ, за что судятъ, какъ будутъ судить. Шпіоны шныряютъ по городу и пригороднымъ слободкамъ; они назойливо лѣзутъ во дворъ, суютъ свой носъ въ окна и ставни... Жандармовъ и полицію ругаютъ вслухъ на улицахъ. Наканунѣ суда въ ночь съ 1-го на 2-ое ноября грянули массовые обыски и аресты“.

На этотъ разъ правительству удалось предупредить политическія демонстраціи на улицахъ, передъ зданіями судовъ. Но оно не въ силахъ было уничтожить громаднаго впечатлѣнія, производимаго самимъ фактомъ судовъ; оно не въ силахъ было предотвратить политической демонстраціи въ самихъ залахъ суда. Горячія обличительныя рѣчи подсудимыхъ, несмотря на закрытыя засѣданія, облетятъ всю Россію, зажгутъ въ тысячахъ сердецъ ненависть къ самодержавію и сочувствіе освободительной революціонной борьбѣ.

Въ Саратовѣ судъ тянулся 4 дня, послѣдній день съ полудня до 5 часовъ утра. Подъ перекрестнымъ огнемъ вопросовъ защиты, свидѣтели обвиненія — шпіоны и жандармы страшно путались въ своихъ заученныхъ показаніяхъ. Выяснилось, что вступившая въ драку съ демонстрантами „публика“, о которой говоритъ обвинительный актъ, состояла изъ переодѣтыхъ слугъ царской полиціи; выяснилось, что обычные пріемы жандармскаго слѣдствія настолько негодны, что даже прокуроръ отказался пользоваться его результатами, какъ матеріаломъ для своего обвиненія.

Первый началъ свою защитительную рѣчь Фофановъ. Когда онъ дошелъ до критики существующаго строя и сталъ развивать ученіе соціализма, его блестящая рѣчь была прервана предсѣдателемъ. Затѣмъ выступилъ 18-лѣтній юноша, рабочій Воеводинъ. Его рѣчь произвела на всѣхъ, даже на судъ громадное впечатлѣніе. Онъ яркими и сильными штрихами обрисовалъ безправное положеніе русскаго рабочаго. Онъ говорилъ о тяжелой жизни рабочихъ съ одной стороны и о грабителяхъ-капиталистахъ съ другой. Онъ изложилъ свою личную исторію, разсказалъ, какъ онъ съ 14 лѣтъ подвергался высылкамъ и арестамъ. Онъ закончилъ свою рѣчь, сильно волнуясь, громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ: „Все зло, всѣ несправедливости, какія творятся въ Россіи, возможны только при самодержавномъ правительствѣ... Я шелъ сознательно, чтобы протестовать противъ гнусныхъ порядковъ, въ которыхъ приходится жить русскому рабочему... Рабочему человѣку въ Россіи нельзя не протестовать, нельзя не бороться!“. Защитникъ Волькенштейнъ въ страстной рѣчи между прочимъ сказалъ, что „только одна рѣшетка отдѣляетъ его отъ обвиняемыхъ: вся душа, сердце и умъ его на ихъ сторонѣ“. Архангельская заявила о своемъ глубокомъ презрѣніи къ продажному суду и судьямъ — прихвостнямъ правительства. Ошанина сказала: „Я съ наслажденіемъ шла на демонстрацію. Я обрадовалась случаю открыто заявить, наконецъ, передъ лицомъ народа, какъ мнѣ ненавистенъ правительственный произволъ и насиліе надъ личностью.“ Она говорила напряженнымъ голосомъ, который повышался съ каждой фразой: „У насъ население голодаетъ... у насъ разстрѣливаютъ рабочихъ“... Она закончила громкимъ крикомъ и упала въ обморокъ. Вся зала въ страшномъ волненіи вскочила съ своихъ мѣстъ. Рабочій Ефимовъ въ крайнемъ возбужденіи закричалъ: „Я васъ презираю... Мнѣ безразличенъ вашъ приговоръ... Ссылайте, куда хотите, дѣлайте, что хотите... Мнѣ все равно...“ Предсѣдатель прервалъ засѣданіе и направился къ выходной двери. Ошанина крикнула ему въ догонку: „Царскій лакей!“

Такъ въ Саратовѣ подсудимые революціонеры судили правительство. То же происходило и въ Нижнемъ.

Здѣсь разбирались два дѣла о нижегородской и о сормовской демонстраціяхъ. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ защитительныхъ рѣчей сормовскихъ рабочихъ.

Рабочія Заломовъ говорилъ: „Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни...

„...Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но... личное несчастье, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу...

„...Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса. Что, пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свободой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно. Что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“

Рабочій Алексѣй Быковъ началъ свою рѣчь съ такого же заявленія. „*Я не признаю себя виновнымъ, но вышелъ* на Большую дорогу, гдѣ была демонстрація, *сознательно* присоединился къ ней и заявилъ свои требованія...“ Рѣчь свою онъ закончилъ такъ: „Когда я проработалъ одинъ мѣсяцъ и нашелъ прокламацію, въ которой было извѣстно про первое мая, то я не могъ дождаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошелъ на Большую дорогу, гдѣ увидѣлъ партію демонстрантовъ и три знамени, на которыхъ было написано: „Долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!“. Я присоединился къ этой группѣ сознательно и кричалъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“

Рабочій Самылинъ закончилъ свою рѣчь словами: „Когда я узналъ за нѣсколько дней до перваго мая, что въ Сормовѣ будетъ демонстрація, я вышелъ на Большую дорогу и сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ протестовать противъ насилія надъ личностью.“

Такъ же началъ и кончилъ свою рѣчь столяръ Михайловъ: „Я пришелъ на демонстрацію сознательно, потому что хотѣлъ вмѣстѣ съ другими показать, что я недоволенъ нашими порядками и хочу ихъ измѣненія...“

„...Испытавъ самъ много горя, я остался недоволенъ насиліемъ правительства и ждалъ случая, чтобы высказать свой протестъ... Когда окружила полиція, выкинулъ красное знамя и крикнулъ: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!“.

Признаніемъ своей правоты начинались всѣ защитительныя рѣчи рабочихъ, и возгласомъ „Долой самодержавіе!“ онѣ кончались.

Суды надъ сормовскими, саратовскими и нижегородскими демонстрантами закончены. Демонстранты подверглясь наказанію: иные попали въ тюрьму, иные пошли въ Сибирь на поселеніе.

Правительство хотѣло кого-то запугать, кого-то устрашить. Оно добилось только одного: въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи судей, увѣшанныхъ орденами и огражденныхъ штыками, безоружные подсудимые, интеллигенты и рабочіе, выражая чувства всего борющагося народа, громко заявили презрѣніе и ненависть къ самодержавію и готовность къ непримиримой борьбѣ съ нимъ.

Рѣчь сормовскаго рабочаго Заломова на судѣ.

Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, но виновнымъ себя не признаю, потому что считалъ себя вправѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни. Я съ ранняго дѣтства чувствовалъ непосильную тяжесть, взваленную на трудящійся классъ. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившаго всѣ свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существованіе. Впослѣдствіи я самъ сталъ рабочимъ, самъ сталъ затрачивать свои силы и здо-

ровье, содѣйствуя этимъ накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ людей. Я видѣлъ, что и членамъ моего семейства, если бы я пожелалъ имѣть таковое, грозитъ та же участь, что и мнѣ. Отсутствіе всякаго свѣта и пониманія дѣйствительности, осуждающее рабочихъ на вѣчное рабство, невозможность для рабочихъ не только жить, но и мечтать о культурной жизни,—весь этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не видѣлъ выхода, приводилъ меня въ отчаяніе. Бевсмысленность подобной жизни заставляла меня страстно-мечтать о самоубійствѣ, какъ объ единственно возможномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Но знакомство съ исторіей другихъ народовъ, трудящіеся классы которыхъ, благодаря неустанной борьбѣ, выбились изъ положенія, одинаковаго съ нашимъ, привело меня къ мысли, что такая борьба возможна и у насъ. Возможность хотя бы въ отдаленномъ будущемъ поднять экономическій и нравственный уровень трудящейся темной массы дала мнѣ богатый запасъ жизненныхъ силъ. Я видѣлъ, что тяжела будетъ борьба для рабочихъ, трудно бороться съ безпросвѣтнымъ мракомъ невѣжества, въ которомъ насильственно держатъ рабочихъ и крестьянъ, что много, много будетъ жертвъ съ нашей стороны. Но какой человѣкъ, у котораго не вставленъ въ грудь камень вмѣсто сердца, котораго не удовлетворяетъ чисто животная жизнь, за дѣло своего народа не отдастъ свободы жизни и личнаго счастья? Изъ личнаго опыта, вынесеннаго за 10 лѣтъ жизни по заводамъ, я пришелъ къ заключенію, что рабочій единичными усиліями не въ состояніи добиться нормальныхъ условій жизни, эксплуатація принуждаетъ довольствоваться положеніемъ вьючнаго животнаго. Многіе думаютъ, что, благодаря задѣльнымъ работамъ, рабочіе имѣютъ возможность при стараніи заработать больше. Дѣйствительно, рабочій можетъ усиленно работать, но это ведетъ лишь къ преждевременному истощенію силъ, потому что невозможно до безконечности усиливать напряженность труда, а удержать на извѣстной высотѣ заработокъ возможно только при этомъ условіи, такъ какъ большій заработокъ, вызванный усиленнымъ трудомъ, ведетъ къ сбавкѣ расцѣнковъ, сбавлять же расцѣнки никогда не устанутъ. Дѣло сводится къ тому, что рабочіе, благодаря задѣльной платѣ и сбавкамъ расцѣнковъ, лишаются послѣдняго отдыха, будучи принуждены работать по ночамъ и по праздникамъ, сверхъ обычной денной работы, не имѣя въ то же время возможности при самомъ непосильномъ трудѣ заработать средства, необходимыя хотя бы для сносной жизни. Точно также не можетъ рабочій единичными усиліями поднять уровень расцѣнковъ и заработка до высоты, необходимой для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей. А потребности эти все увеличиваются, такъ какъ просвѣщеніе, хотя и медленно, но все же проникаетъ въ народныя массы. Рабочіе всѣми силами стараются дать своимъ дѣтямъ образованіе. Народныя библіотеки могутъ доказать, насколько сильна жажда знаній среди рабочихъ. Во многихъ библіотекахъ, несмотря на то, что большинство полезныхъ книгъ запрещено, число подписчиковъ превышаетъ число книгъ. Рабочихъ не удовлетворяютъ грязныя, засаленныя тряпки, замѣняющія имъ одежду. Насколько сильно у рабочихъ желаніе прилично одѣваться, видно изъ того, что многіе отказываютъ себѣ даже въ пищѣ ради приличнаго платья. Разумѣется, не ради своего удовольствія рабочіе ютятся и въ каморкахъ, не удовлетворяющихъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены. Понимаютъ также рабочіе, что питательная пища и болѣе продолжительный отдыхъ лучше возстановляютъ затраченныя на тяжелый трудъ силы. Вообще рабочіе нуждаются въ культурныхъ условіяхъ жизни, и не видѣть этого могутъ только люди, нарочно закрывающіе глаза. Несоотвѣтствіе условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ, съ запросами, предъявляемыми къ жизни, заставляетъ ихъ сильно страдать и искать выхода изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, благодаря несовершенству существующаго порядка. На гуманность предпринимателей разсчитывать нельзя, такъ какъ они, признавая сами себя людьми, на рабочаго смотрятъ, не какъ на человѣка, а какъ на орудіе, необходимое для личнаго обогащенія, и чѣмъ короче срокъ, въ который можно выжать всѣ соки изъ рабочаго, тѣмъ для нихъ выгоднѣе. Для болѣе успѣшной эксплуатаціи труда рабочихъ предприниматели соединяются въ акціонерныя общества. Для того, чтобы удержать на желательной высотѣ цѣны на продукты, производимые трудомъ рабочихъ, но принадлежащіе предпринимателямъ, образуются союзы и синдикаты. Напр., союзы сахарозаводчиковъ и нефтепромышленниковъ. Для этой цѣли предприниматели добиваются запретительныхъ пошлинъ на ввозимые въ Россію болѣе доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдѣльный рабочій, защищаясь отъ эксплуатаціи, не можетъ оказать предпринимателямъ большаго сопротивленія, чѣмъ кусокъ свинца давленію гидравлическаго пресса. Отдѣльный рабочій не можетъ не соглашаться на условія труда, предлагаемыя предпринимателемъ, такъ какъ безъ работы онъ существовать не можетъ. И даже соединенными силами, при отсутствіи благопріятныхъ условій, рабочіе не могутъ противостоять предпринимателю, которому отъ временной пріостановки производства не грозитъ голодъ, какъ рабочимъ. Рабочіе не могутъ добиться участія въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ ихъ труда, не соединившись всѣ вмѣстѣ въ одинъ братскій союзъ. Но этого единственнаго выхода они лишены, такъ какъ законъ, разрѣшая предпринимателямъ эксплуатировать рабочихъ, запрещаетъ послѣднимъ защищаться отъ эксплуатаціи, преслѣдуя союзы и стачки. Чтобы добиться болѣе культурныхъ условій жизни, рабочимъ необходимо имѣть право устраивать стачки противъ предпринимателей, имѣть право организовать союзы, имѣть право свободно печатать и говорить на сходкахъ о своихъ нуждахъ и, наконецъ, черезъ своихъ выборныхъ принимать участіе въ законодательствѣ, такъ какъ всякая побѣда рабочихъ надъ предпринимателями можетъ быть прочной лишь послѣ ея узаконенія. Въ силу всѣхъ изложенныхъ причинъ, считая рабочихъ вправѣ добиваться за свой трудъ лучшихъ условій жизни, я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ. Узнавъ о предполагаемой демонстраціи, я рѣшилъ принять въ ней участіе и сдѣлалъ знамена съ надписями „Да здравствуетъ соціалдемократія!“ на одномъ, „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“ на другомъ и „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ на третьемъ. Знамена, съ которыми я пошелъ на демонстрацію, оказались очень кстати, такъ какъ у демонстрантовъ таковыхъ не имѣлось, и они выражали свой протестъ лишь криками: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, принесешь хоть микроскопическую пользу своимъ братьямъ, даетъ полнѣйшее удовлетвореніе за всѣ страданія, которыя пришлось и придется перенести. Личное несчастіе, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочимъ до сихъ поръ не удалось добиться чего-нибудь существеннаго, начальство и общество сквозь пальцы смотрятъ на злоупотребленія и на явное нарушеніе законовъ со стороны предпринимателей. Слѣдоват., требуется что нибудь изъ ряду вонъ выходящее, чтобы обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе рабочихъ и на игнорированіе ихъ интересовъ правительствомъ. Рабочіе, создавая богатства и защищая своей грудью общество отъ внѣшнихъ враговъ, всѣ силы отдаютъ государству, но имъ не дано никакихъ правъ, такъ что всякій, обладающій капиталомъ и нечистой совѣстью, можетъ обратить человѣка, не имѣющаго возможности жить безъ работы, въ рабство. Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса. Что пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свободой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно. Что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ. Что самодержавіе является врагомъ русскаго народа. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: Долой самодержавіе и да здравствуетъ политическая свобода!

Правда о сормовской демонстраціи.

Процессъ о первомайской демонстраціи сормовскихъ рабочихъ закончился. Изъ 13 обвиняемыхъ *) шестеро приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Сормовская демонстрація была политическая демонстрація. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и революціонныя рѣчи рабочихъ на судѣ, и красныя знамена съ революціонными надписями, и красные платки, появлявшіеся то тамъ, то тутъ на палкахъ во время демонстраціи, и революціонныя пѣсни, и возгласы „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“, которые за все время демонстраціи раздавались въ разныхъ отрядахъ многотысячной толпы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и поводъ, вызвавшій рабочихъ на улицу, — празднованіе 1-го мая, наконецъ, показанія свидѣтелей, что рабочіе въ день демонстраціи „не требовали повышенія платы и не жаловались на заводскіе порядки“.

Въ Сормовѣ нѣсколько тысячъ рабочихъ заявили открыто свой протестъ противъ политическаго строя Россіи. Ни скрыть, ни опровергнуть этого факта правительство не имѣло никакой возможности. За то обвинительная власть всячески старалась доказать, что участіе рабочей массы въ демонстраціи было совершенно безсознательное. Обвинительный актъ изображаетъ дѣло въ такомъ видѣ: на улицахъ гуляла пьяная по праздничному дѣлу толпа рабочихъ; кучка агитаторовъ, втершись въ эту толпу, увлекла ее на противозаконныя дѣйствія, и толпа пошла за ними, не вѣдая, что творитъ. „Часу въ третьемъ... стали появляться отдѣльныя группы рабочихъ, среди которыхъ слышалась игра на гармоніяхъ, *брань и пѣніе фабричныхъ пѣсенъ*... Въ другой группѣ выдѣлялся Матвѣичевъ, который, *находясь въ нетрезвомъ состояніи, бранился и кричалъ*... Отдѣльныя группы соединялись между собой, толпа стала увеличиваться, и настроеніе ея дѣлалось все болѣе возбужденнымъ“ и т. д. Такъ разсказываетъ обвинительный актъ.

Зачѣмъ понадобилась правительству эта клеветническая выдумка — неизвѣстно. Ею оно никого не обманетъ, и прежде всего не обманетъ себя. Оно хорошо знаетъ, что сормовцы въ массѣ отнюдь не являются такими невинными въ политическомъ отношеніи, какъ ихъ хочетъ представить обвинительный актъ.

*) Четырнадцатый, Полозовъ — судя по обвинительному акту, предатель — на судѣ не присутствовалъ. Обвинительный актъ напечатанъ въ 10 № „Освобожденія“ и — съ пропусками — въ 27 № „Искры“.

Соціалистическая пропаганда въ Сормовѣ ведется уже больше 10 лѣтъ и за послѣдній годъ приняла особенно широкіе размѣры. О результатахъ пропаганды можно судить хотя бы потому, что такая далеко нелегкая газета, какъ „Искра“, находитъ въ Сормовѣ многихъ читателей: она расходится тамъ не въ одной сотнѣ экземпляровъ. Въ частности, по отношенію къ маевкѣ, данныя самого обвинительнаго акта показываютъ, что она вовсе не была неожиданнымъ для большинства рабочихъ экспромтомъ, что ей предшествовала продолжительная и систематическая подготовка. Вотъ что намъ объ этомъ разсказываютъ.

Готовиться къ демонстраціи начали въ Сормовѣ задолго до 1 мая, причемъ дѣятельное участіе въ этомъ принимала сормовская рабочая организація. Около масляной недѣли состоялись два собранія изъ представителей отъ рабочихъ кружковъ и отъ Нижегородскаго Комитета Партіи. На этихъ собраніяхъ былъ подробно выработанъ планъ самой демонстраціи примѣнительно къ сормовскимъ условіямъ. Сормово, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя большой заводской поселокъ (въ 5 верстахъ отъ Нижняго), вся жизнь котораго сосредоточена въ громадномъ судо- и паровозостроительномъ заводѣ, насчитывающемъ до 10 тысячъ рабочихъ. Все рабочее населеніе поселка связано съ этимъ заводомъ. Понятно, что исходнымъ пунктомъ демонстраціи удобнѣе всего было избрать именно заводъ. Въ виду этого демонстрація была назначена не на воскресенье, какъ принято въ другихъ мѣстахъ, а на будничный день, на 1 мая. Рѣшено было *начать демонстрацію забастовкой работъ* послѣ обѣда. Такимъ способомъ разсчитывали привлечь большее число участниковъ, чѣмъ если бы собирать народъ въ праздникъ по одиночкѣ спеціально для демонстраціи. Планъ, дѣйствительно, очень цѣлесообразный при извѣстныхъ условіяхъ — напр., тамъ, гдѣ все мѣстное рабочее населеніе скапливается въ одномъ или нѣсколькихъ заведеніяхъ, недалеко другъ отъ друга. Демонстрація, по рѣшенію собранія, должна была носить мирный характеръ, такъ какъ для сопротивленія войскамъ рабочіе не были еще достаточно подготовлены. Она должна была окончиться во всякомъ случаѣ до прибытія вызванныхъ изъ Нижняго войскъ. Демонстраціи рѣшено было придать чисто политическій характеръ безъ всякаго отношенія къ мѣстнымъ заводскимъ интересамъ. Соотвѣтственно этому рѣшено было сдѣлать надписи на знаменахъ. По поводу надписей было на собраніи много споровъ. Говорили, что надпись „долой самодержавіе“ слишкомъ обща: что она должна заключать указаніе на то, каковы будутъ для рабочаго класса послѣдствія отъ низверженія самодержавія. Рѣшено было дополнить надпись на знамени словами: „да здравствуетъ политическая свобода“, а значеніе этихъ словъ разъяснить предварительно въ особыхъ прокламаціяхъ на эту тему.

Чтобы привлечь къ участію въ демонстраціи возможно больше рабочихъ, чтобы сдѣлать ихъ участіе въ ней болѣе осмысленнымъ, было обращено большое вниманіе на широкое распространеніе среди рабочихъ мысли о необходимости демонстраціи и на выясненіе ея значенія. При этомъ представители рабочихъ кружковъ указывали, что недовольства среди рабочихъ сейчасъ благодаря заминкѣ въ дѣлахъ хоть отбавляй, но яснаго соціалистическаго и политическаго сознанія у нихъ мало. И если не хотятъ, чтобы демонстрація носила стихійный характеръ, то нужно позаботиться предварительно о распространеніи среди рабочихъ правильныхъ взглядовъ на соціализмъ и политическую борьбу. Соотвѣтственно съ этими указаніями общими силами была намѣчена серія листковъ, которые, постепенно нисходя отъ общихъ понятій къ данному случаю, должны были бы заранѣе выяснить истинный смыслъ предполагающейся демонстраціи. Первымъ намѣченъ былъ листокъ объ общихъ условіяхъ капиталистическаго строя и о необходимости соціалдемократическаго движенія. Затѣмъ то же самое въ примѣненіи къ Россіи съ выводомъ о необходимости борьбы съ самодержавіемъ. Далѣе листокъ на тему, что такое политическая свобода и зачѣмъ она нужна рабочему классу; затѣмъ о средствахъ политической борьбы вообще и о демонстраціяхъ въ частности и, наконецъ, о праздникѣ 1 мая и о значеніи первомайскихъ демонстрацій въ Россіи.

Впослѣдствіи издана была только часть намѣченныхъ собраніемъ листковъ. Но и тѣ произвели большое впечатлѣніе и вызвали много толковъ, особенно очень удачно составленный листокъ о томъ, что такое политическая свобода.

Было много основаній ждать, что демонстрація пройдетъ очень удачно. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ ея руководители рѣшили отложить ее на нѣкоторое время. Тѣмъ не менѣе *помимо ихъ воли* демонстрація перваго мая всетаки состоялась. Устроители ея нѣсколько поздно взяли на себя руководство ею и не совсѣмъ справились съ нею. Этимъ объясняются нѣкоторыя буйныя выходки, сопровождавшія демонстрацію, напр., безпорядки около заводской конторы. Этимъ же объясняется то, что, несмотря на продолжительность демонстраціи и на долгое отсутствіе войска, время не было вполнѣ использовано: не было, напр., соотвѣтствующихъ случаю рѣчей и т. д.

Тѣмъ не менѣе первый опытъ сормовской демонстраціи приходится признать въ общемъ удавшимся. Она внесла сильное оживленіе въ среду сормовскихъ рабочихъ, вызвала толки далеко за предѣлами Сормова. Но и помимо этого сормовская демонстрація представляетъ громадный общественный интересъ. Сормовская демонстрація есть дѣло только рабочихъ: она задумана и подготовлена по иниціативѣ и при дѣятельномъ участіи мѣстной рабочей организаціи; она состояла исключительно изъ рабочихъ. Она состояла изъ рабочихъ только одного завода. И несмотря на это, несмотря на то, что поводовъ недовольства заводскими порядками имѣется масса, никакихъ частныхъ мѣстныхъ требованій во время демонстраціи заявлено не было. Демонстрація все время носила общій политическій характеръ.

КЪ ПЯТИЛѢТІЮ БУНДА.

Осенью нынѣшняго года исполнилось пять лѣтъ со времени основанія Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи, Бунда. Пять лѣтъ—немного времени для организаціи, работающей въ свободной странѣ, но очень много при деспотическихъ условіяхъ царской Россіи.

Въ исторіи прежняго русскаго революціоннаго движенія еще не было организаціи, которая, переживъ первое пятилѣтіе, не обнаружила бы признаковъ упадка. Обычно проходило два-три года, и организація близилась къ гибели: ее ослабляли внѣшніе удары правительства и расшатывали внутреннія несогласія, исчезала вѣра въ старые пути и средства, а то и въ старую цѣль. Надо было революціонному движенію связать свою судьбу съ исторически растущимъ общественнымъ классомъ — пролетаріатомъ; надо было встать ему подъ знамя соціалдемократіи, чтобы правительство оказалось безсильно его задавить.

Революціонное движеніе Зап. Края встало подъ это знамя, и Бундъ на своемъ примѣрѣ блестяще доказалъ жизненность соціалдемократіи. Онъ празднуетъ свое первое пятилѣтіе полный силъ и бодрой вѣры въ ту идею, за которую онъ борется съ перваго дня своего существованія.

И въ общей исторіи русскаго соц.-дем. движенія Бундъ занимаетъ особое, выдающееся мѣсто. Если взять всю Россію, то соціалдемократы насчитываютъ уже десятокъ лѣтъ дѣятельности, а отдѣльныя *мѣстныя* соц.-дем. организаціи непрерывно дѣйствуютъ уже больше пяти лѣтъ. Но Бундъ—организація не мѣстная: онъ охватываетъ сѣть комитетовъ и группъ въ районѣ, который равняется западно-европейскому государству средней величины. И отдѣльныя мѣстныя организаціи еврейскихъ рабочихъ прочно спаяны въ общій союзъ на манеръ крѣпко организованныхъ соціалдемократическихъ партій Запада, тогда какъ между отдѣльными русскими соц.-дем. организаціями еще не существуетъ такой крѣпкой общепартійной связи.

Бундъ устраиваетъ въ самой Россіи правильные съѣзды изъ представителей мѣстныхъ организацій. Такихъ съѣздовъ было уже четыре. Съѣздъ руководитъ всей дѣятельностью Бунда, рѣшаетъ всѣ возникающіе вопросы, и его рѣшенія обязательны для всѣхъ организованныхъ еврейскихъ рабочихъ. Онъ же выбираетъ центральный комитетъ Бунда, выполняющій всѣ общесоюзныя дѣла, согласно рѣшеніямъ съѣздовъ, и отвѣтственный передъ съѣздомъ. Словомъ, Бундъ организованъ на демократическихъ началахъ.

Демократизмъ организаціи Бунда находится въ тѣсной зависимости отъ *массовой* основы его дѣятельности. Сліяніе соціализма съ массовымъ движеніемъ рабочихъ, это необходимое условіе соц.-дем. движенія, въ Бундѣ стало незыблемымъ фактомъ. Было бы неправильно говорить только о *вліяніи* Бунда на еврейскую рабочую массу: онъ съ нею связанъ такими крѣпкими узами, что онъ и есть борющійся за свободу и соціализмъ еврейскій пролетаріатъ. Всѣ сознательные еврейскіе рабочіе непосредственно входятъ въ Бундъ, и число ихъ быстро растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ сила ихъ собственной классовой организаціи—Бунда.

Другая цѣнная особенность Бунда, вытекающая изъ его массовой основы и изъ демократизма его организаціи, — это его *нерушимое единство*. Внутреннія разногласія всегда улаживались и рѣшались въ рамкахъ общей организаціи; они не вели къ расколамъ, а служили скорѣе толчками для ея дальнѣйшаго развитія. Ни внѣшняго разрыва, ни перерыва во

внутреннемъ развитіи! Бундъ всегда сохранялъ отзывчивость къ новымъ запросамъ борьбы, оставаясь вѣрнымъ руководящимъ принципамъ соціалдемократіи. Онъ никогда не зналъ скачковъ отъ одной крайности къ другой, такъ какъ развивался внутренне и росъ количественно въ тѣсномъ единеніи съ сознательной массой еврейскаго пролетаріата. И за пять лѣтъ ему удалось революціонизировать эту массу, довести ее до очень высокой ступени соціалистическаго классоваго сознанія и воспитать въ ней способность и готовность къ открытой, самоотверженной революціонной борьбѣ.

Великъ и драгоцѣненъ героизмъ отдѣльнаго борца! Но безконечно болѣе великъ и исторически важенъ *героизмъ безымянной массы* — и тотъ ея героизмъ, который проявляется въ борьбѣ изо дня въ день, въ повседневномъ рискѣ тюрьмой и ссылкой, голодомъ и лишеніями, и тотъ ея героизмъ, который двигаетъ ею въ политической демонстраціи, лицомъ къ лицу съ дикой казацкой ордой, подъ свистомъ нагайки и ударами шашекъ, и тотъ ея героизмъ, который въ красные дни революціи вспыхнетъ неугасимымъ пламенемъ и уничтожитъ до тла крѣпость деспотизма... И вотъ этотъ-то массовой героизмъ во всѣхъ его видахъ, лучшій залогъ побѣды, проникаетъ еврейскій пролетаріатъ, благодаря дѣятельности Бунда.

Не такъ давно еврей въ Россіи безъ различія классовъ считался презрѣннымъ существомъ, трусливымъ эксплуататоромъ, способнымъ только къ гешефтмахерству и проч. Царское правительство усердно поддерживало вѣковую племенную ненависть противъ евреевъ и не разъ для собственной пользы отводило народный гнѣвъ въ русло антиеврейскихъ погромовъ, разорявшихъ почти исключительно еврейскую бѣдноту. Теперь нѣтъ въ Россіи сознательнаго рабочаго, который не зналъ бы, что евреи наряду съ значительнымъ числомъ революціонеровъ-интеллигентовъ выдѣляли въ лицѣ своего пролетаріата цѣлый революціонный классъ, борющійся за соціализмъ и свободу въ переднихъ рядахъ россійской соціалдемократіи. Соціалдемократическая дѣятельность Бунда выпрямила согбеннаго многовѣковымъ гнетомъ „парію среди паріевъ“, какъ назвалъ еврейскій пролетаріатъ Карлъ Каутскій, выпрямила и возродила еврейскихъ рабочихъ къ революціонной борьбѣ. Сознательные русскіе рабочіе научились поэтому цѣнить въ еврейскихъ рабочихъ товарищей и братьевъ по общему дѣлу—и племенная травля, губительная для освободительной борьбы пролетаріата, не найдетъ отклика въ средѣ борющагося русскаго пролетаріата. Однимъ препятствіемъ на пути нашей партіи стало меньше.

За это, какъ за всѣ другіе плоды дѣятельности Бунда, русская соціалдемократія должна быть ему глубоко признательна.

Горячо привѣтствуемъ братнюю организацію еврейскаго пролетаріата съ ея пятилѣтней годовщиной и пожелаемъ ей и впредь непрерывныхъ успѣховъ на общую пользу нашей соціалдемократической партіи!

Тайный съѣздъ земцевъ въ Москвѣ *).

Крестьянское разореніе въ полукрестьянской Россіи не могло не стать серьезнымъ препятствіемъ для экономическаго развитія страны, не могло не отразиться на всѣхъ областяхъ народной жизни. Обнищаніе деревни суживаетъ внутренній рынокъ для сбыта фабричныхъ товаровъ и этимъ заставляетъ даже фабрикантовъ, несмотря на всѣ заботы о нихъ правительства, задуматься надъ современнымъ положеніемъ вещей, зароняетъ подчасъ даже въ ихъ головы вольнодумныя мысли. Обнищаніе деревни ускорило, обострило и затянуло торгово-промышленный кризисъ, а это немало содѣйствовало подъему революціонности въ рабочемъ классѣ. Непрерывныя голодовки привели къ бурнымъ взрывамъ стихійнаго недовольства въ крестьянской средѣ; крестьянскіе бунты держатъ въ страхѣ помѣстное дворянство и служатъ для него лишнимъ побужденіемъ добиваться „прочнаго и законнаго порядка“, о которомъ оно обычно лишь втайнѣ мечтаетъ. Истощеніе платежныхъ силъ деревни въ корнѣ подрываетъ всю податную систему, основанную на косвенныхъ налогахъ, и ведетъ страну къ государственному банкротству; новые заграничные займы все труднѣе удаются Витте, несмотря на частыя поѣздки всероссійскаго самодержца къ Ротшильдамъ на поклонъ...

*) Оцѣнкѣ московскаго земскаго съѣзда мы намѣрены были предпослать общую статью объ отношеніи русской соціалдемократіи къ настоящему либеральному движенію. Но недостатокъ мѣста заставилъ насъ отложить ее до слѣд. №. *Ред.*

Какъ зловѣщій призракъ, стоитъ крестьянское разореніе передъ самодержавіемъ, предвѣщая и ускоряя его гибель. Ни секретные циркуляры, ни безпощадныя расправы не въ силахъ отвратить отъ него надвигающейся грозы. Правительство изъ чувства самосохраненія вынуждено, наконецъ, принять хоть какія-нибудь мѣры, которыя бы задержали процессъ деревенскаго разоренія.

Съ этой цѣлью въ февралѣ по проекту и подъ предсѣдательствомъ Витте учреждено было въ Петербургѣ „Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“ съ многословной и безсодержательной программой. Для подготовительныхъ работъ и для опроса свѣдущихъ людей нѣсколько позже были открыты уѣздные и губернскіе комитеты, преимущественно изъ мѣстныхъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и предводителей дворянства.

Но таково ужъ положеніе вещей, что даже мѣропріятія, направленныя на укрѣпленіе самодержавія, обращаются противъ него же.

Правительство, ведя систематическую борьбу съ земскимъ самоуправленіемъ, *сознательно* устранило земства отъ участія въ работахъ Особаго Совѣщанія. Но оно сознаетъ свое полное безсиліе самому справиться съ трудной задачей, не пользуясь опытомъ и знаніями земствъ. Поэтому оно призвало къ содѣйствію членовъ земскихъ управъ, но не какъ представителей земства, а какъ служащихъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Это было новое нападеніе на земское самоуправленіе, и передовые земцы рѣшили отвѣтить на него отпоромъ.

Для выработки плана и программы дѣйствій въ маѣ и іюнѣ состоялось въ Москвѣ два тайныхъ земскихъ съѣзда. На первомъ присутствовало 43 человѣка, на второмъ до 50.

Свѣдѣнія о съѣздахъ, попавшія въ печать, неполны и односторонни. И либеральная, и соціалистическая печать отмѣтила только одну сторону дѣла—оппозиціонный, противоправительственный духъ, „страстныя, порой даже блестящія“ рѣчи земцевъ противъ царизма. Но пролетаріату недостаточно знать, что земцы, представители помѣстнаго дворянства, теперь настроены противъ самодержавія. Ему не менѣе важно знать, какія цѣли они при этомъ преслѣдуютъ и какими средствами они думаютъ дѣйствовать.

Передъ нами лежитъ „Краткое изложеніе бесѣдъ майскаго съѣзда“, можетъ быть, даже его офиціальный протоколъ. Написанъ этотъ документъ сухимъ дѣловымъ языкомъ. Опытная рука осторожнаго канцеляриста заботливо стерла съ рѣчей земцевъ всѣ яркія краски, вытравила изъ нихъ всю ихъ страстность. И тѣмъ не менѣе отъ этого безжизненнаго документа вѣетъ жизнью. Съ каждой строки его глядитъ на насъ либералъ-землевладѣлецъ, стремящійся не только къ экономическому господству, но и къ политической и культурной опекѣ надъ окрестнымъ населеніемъ, готовый порою помочь въ бѣдѣ сосѣду-крестьянину, но съ крайней враждебностью встрѣчающій малѣйшіе проблески политической самодѣятельности крестьянъ, рабочихъ и разночинцевъ. Въ каждомъ словѣ рѣчей на съѣздѣ сказывалась двойственность позиціи земцевъ-помѣщиковъ, сказывалась ихъ вражда *не только къ самодержавію, но и къ самостоятельному освободительному движенію трудящихся слоевъ населенія.* Документъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться.

На первую очередь на съѣздѣ былъ поставленъ и вызвалъ горячій обмѣнъ мыслей вопросъ о томъ, принимать или нѣтъ участіе въ комитетахъ. И тутъ уже сказалось, что земцы не хотятъ *рѣшительно* порвать съ тѣмъ правительствомъ, противъ котораго мы ведемъ непримиримую борьбу. Всѣ ораторы были согласны въ томъ, что правительство, отстраняя земство отъ комитетовъ, „ставитъ ребромъ вопросъ, быть или не быть земству, производитъ опытъ обойтись безъ земства въ разрѣшеніи земскихъ вопросовъ“. Но дальше мнѣнія раздѣлились. Только очень немногіе стояли за то, что необходимо ради протеста парализовать всю затѣю правительства, совершенно отстранившись отъ комитетовъ и предоставивъ ихъ чиновникамъ, которые сами безусловно неспособны справиться съ задачей. Но большинство было другого мнѣнія. Они указывали, что земскимъ управамъ неловко не участвовать въ комитетахъ, разъ на это имѣется высочайшая воля. Они говорили, что, если дѣла въ комитетахъ вслѣдствіе отстраненія земцевъ пойдутъ плохо, то эту неудачу поставятъ въ вину самому же земству. Они совѣтовали воспользоваться комитетами, какъ средствомъ „довести, (говоря ихъ обычнымъ языкомъ), голосъ страны до подножія трона“, предлагали разные способы превратить дѣло комитетовъ въ дѣло земствъ.

Было рѣшено, чтобы въ работѣ комитетовъ приняли участіе не только члены управъ, но и гласные; чтобы они постарались проникнуть туда въ возможно большемъ числѣ черезъ предводителей дворянства, получившихъ разрѣшеніе приглашать въ комитеты лицъ по своему усмотрѣнію. Но и члены управъ, и гласные должны заявить, что они принимаютъ участіе въ комитетахъ, лишь повинуясь волѣ монарха, и притомъ „за свой страхъ и рискъ, а не по уполномочію земскихъ собраній“. Затѣмъ о своихъ дѣйствіяхъ въ комитетахъ они должны внести подробные доклады въ земскія собранія, чтобы дать имъ законную возможность высказаться по тѣмъ же вопросамъ. Смыслъ всей этой сложной механики таковъ: мы не будемъ открыто протестовать

противъ правительства; мы не хотимъ съ нимъ окончательно ссориться, ибо оно намъ, можетъ быть, еще на что-нибудь пригодится. Но вопреки волѣ правительства мы привлечемъ земство къ работамъ Особаго Совѣщанія и на законной почвѣ предъявимъ черезъ него правительству свои требованія.

Чтобы придать своимъ дѣйствіямъ больше внушительности, земцы рѣшили дѣйствовать по однородной программѣ, „такъ какъ только одновременныя и единодушныя заявленія многихъ земствъ могутъ имѣть вѣсъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ“.

Порѣшивъ на этомъ, земцы приступили къ обсужденію программы. Проектъ ея, составленный въ очень умѣренномъ тонѣ, члены съѣзда нашли всетаки рѣзкимъ и усердно занялись его смягченіемъ. Вотъ 2-3 примѣра. Въ проектѣ было сказано: „мнѣніе о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ можетъ быть представлено *только* земскими учрежденіями, которые являются единственными представителями всего населенія“. Съѣздъ рѣшительное *только* замѣнилъ растяжимымъ *лучше всего.* Въ проектѣ земства были названы органами *государственнаго управленія.* Съѣздъ рѣшилъ назвать ихъ скромнѣе органами *самоуправленія.* Затѣмъ изъ проекта было выкинуто указаніе на то, что на дѣятельности комитетовъ вредно отразится участіе въ нихъ земскихъ начальниковъ. „Едва ли тактично возбуждать рознь между мѣстными людьми... Не слѣдуетъ указывать на то, что въ уѣздныхъ комитетахъ преобладающимъ элементомъ будутъ земскіе начальники, и что поэтому отвѣты комитетовъ будутъ выражать мнѣніе мѣстной администраціи, а не мѣстнаго населенія“.

Переходимъ теперь къ самой программѣ. Она опредѣленно заявляетъ, что частными мѣрами нельзя помочь сельскому хозяйству, пока не будутъ устранены „общія условія“, которыя тормозятъ его развитіе. Исходя изъ этого, программа намѣчаетъ рядъ требованій, направленныхъ противъ тѣхъ „общихъ условій“, современной русской жизни, противъ которыхъ теперь возстаетъ всякій мало-мальски культурный человѣкъ. Таковы требованія объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, объ общедоступности народнаго образованія, о свободѣ печати и т. д. Но при этомъ программа тщательно избѣгаетъ затрагивать тѣ „общія условія“, въ сохраненіи которыхъ заинтересовано помѣстное дворянство, и пренія на съѣздѣ доказываютъ, что это не случайность, ибо эти пренія насквозь пропитаны классовымъ духомъ, землевладѣльческими вожделѣніями.

Для реформы земства съѣздъ предлагаетъ: уничтожить выборы въ земство по сословіямъ, приблизить его къ населенію, расширить и упрочить его права. Все это хорошо и нужно, но этого крайне мало. Народу, демократіи нужно равное, прямое, всеобщее избирательное право, нужно полное уничтоженіе ценза. Вопросъ о цензѣ для народа основной вопросъ въ земской реформѣ. Какъ же смотритъ на это съѣздъ? „Программа должна быть свободна отъ всякихъ частностей, деталей, а *вопросъ о цензѣ является именно деталью,* хотя и важной“. И *большинствомъ 37 голосовъ* противъ 4 рѣшено вопроса о цензѣ въ программѣ не затрагивать. Господствующее въ земствѣ помѣстное дворянство вопросъ объ уничтоженіи этого господства естественно должно называть „деталью“.

Для крестьянъ важны не только вопросы объ уравненіи въ правахъ и о народныхъ школахъ. Для нихъ не менѣе важенъ *земельный вопросъ.* Онъ былъ поднятъ на съѣздѣ нѣкоторыми изъ членовъ, которые хотѣли было на немъ подробнѣе остановиться. Но большинство нашло вопросъ неумѣстнымъ и замолчало его: *въ программу не вошло ни одного требованія на этотъ счетъ.* Опять-таки понятно почему. Всякая сколько-нибудь серьезная постановка этого вопроса прежде всего коснулась бы кабальной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, чувствительно затронула бы шитамные интересы землевладѣльцевъ, изъ представителей которыхъ состоялъ съѣздъ.

Далѣе рѣзкой и ѣдкой критикѣ подверглась вся нынѣшняя экономическая и податная политика правительства. На нее земцы свалили *всю* вину въ крестьянскомъ разореніи, ни слова не говоря о той роли, которую играли въ этомъ дѣлѣ землевладѣльцы. Земцы готовы помочь разоренному крестьянству, но только за чужой счетъ. Они предлагаютъ „переложить часть податного бремени съ крестьянскаго сословія на болѣе зажиточные слои общества, *особенно же на промышленный классъ*“. Крестьянское разореніе служитъ для нихъ предлогомъ обрушиться на всю политику Витте, выгодную для промышленнаго капитала и невыгодную для крупнаго землевладѣнія. Они объявляютъ войну противъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ; они возстаютъ противъ чрезмѣрныхъ расходовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и т. д. Въ основаніи этой во многомъ справедливой критики лежитъ по существу вражда землевладѣльцевъ противъ промышленнаго капитала. Они не прочь бы были и вообще стѣснить развитіе промышленности, которая *„создаетъ пролетаріатъ, оторванный отъ земли и могущій явиться благопріятной средой для воспріятія революціонныхъ идей“.* Здѣсь въ сжатой формѣ вылились и злоба помѣщиковъ на то, что фабрика, привлекая крестьянъ въ города и отрывая ихъ отъ земли, оказываетъ сильное вліяніе на вздорожаніе рабочихъ рукъ въ деревнѣ, и страхъ передъ сознательнымъ соціалистическимъ движеніемъ пролетаріата.

Такова программа, которая легла въ основу дѣятельности большинства комитетовъ. А гдѣ же главное политическое требованіе земцевъ—ограниченіе самодержавной власти, созывъ парламента? На этотъ счетъ они въ ней ничего опредѣленнаго не говорятъ, ограничиваясь лишь туманными и расплывчатыми намеками, вродѣ того, что необходимо „пригласить представителей губернскаго земства для участія въ работахъ Особаго Совѣщанія, включить ихъ въ составъ учрежденнаго при министерствѣ земледѣлія сельскохозяйственнаго совѣта (вмѣсто парламента?), такъ какъ при этомъ условіи правительство будетъ всегда и своевременно освѣдомлено о мѣстныхъ нуждахъ населенія“. Вотъ и все.

Земцы объявляютъ себя „единственными представителями всей страны“. Они расчитываютъ быть посредниками между самодержавнымъ правительствомъ и революціонными слоями народа. Пусть читатель самъ рѣшитъ, можемъ ли мы признать ихъ своими представителями, можемъ ли допустить ихъ посредничество?

Письмо изъ Воронежа.

Учрежденіе сельскохозяйственныхъ комитетовъ взбудоражило у насъ все общество и дало поводъ мѣстнымъ либераламъ высказать свои завѣтныя желанія. Исторія комитетовъ такова.

Засѣданія уѣзднаго комитета начались въ концѣ августа подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства Алисова. Губернаторъ выразилъ мнѣніе, что гласность засѣданій излишня, но Алисовъ объявилъ ихъ публичными и пригласилъ въ составъ комитета всѣхъ гласныхъ уѣзднаго земства, въ томъ числѣ 6 гласныхъ-крестьянъ. Это было *протестомъ* противъ нежеланія правительства передать разбираемые вопросы на обсужденіе земства. Всего присутствовало 50 членовъ комитета и человѣкъ 50 публики.

На первомъ же засѣданіи комитета выступилъ съ рѣчью гласный Бунаковъ — старый помѣщикъ, извѣстный либеральный педагогъ. Онъ находилъ, что странно говорить объ улучшеніи быта лицъ, которыхъ повсюду порятъ и бьютъ, которыхъ разоряетъ весь укладъ современнаго строя жизни. Пока весь строй не будетъ измѣненъ, до тѣхъ поръ объ отдѣльныхъ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ такъ же странно говорить, какъ о ремонтѣ отхожихъ мѣстъ въ домѣ, который готовъ рухнуть. Надо вернуться къ реформамъ 60-хъ годовъ, недодѣланнымъ, искаженнымъ; надо дать свободу слова, печати, собраній, надо созвать выборныхъ отъ всего народа вершить народныя судьбы.

Затѣмъ прочелъ свою записку докторъ Мартыновъ, богатый домовладѣлецъ, земскій гласный, бывшій политическій ссыльный. „Настоящее собраніе, говорилъ онъ, обязано первымъ дѣломъ опредѣленно заявить, что для рѣшенія вопросовъ такой огромной важности, какъ поднятіе сельскаго хозяйства, долженъ быть немедленно созванъ парламентъ. Настоящее собраніе при своемъ случайномъ составѣ не вправѣ разсматривать такіе важные вопросы, и потому, сдѣлавъ заявленіе о необходимости созыва парламента, оно должно прекратить свои засѣданія“.

Такая рѣзкая постановка вопроса пришлась не по душѣ собранію. Предложеніе Мартынова было отвергнуто, и рѣшено было продолжить засѣданія и представить въ губернскій комитетъ обстоятельный докладъ. Выработка его была поручена комиссіи подъ руководствомъ статистика Щербины. Въ комиссію Щербина пригласилъ человѣкъ 30. Тутъ были и солидные штатскіе генералы, и его сослуживцы — статистики. Два-три человѣка изъ послѣднихъ заявили о томъ, что комиссія составлена односторонне: въ городѣ есть и другія лица (изъ числа поднадзорныхъ), мнѣніе которыхъ тоже интересно выслушать. Щербина не рѣшился прямо отказать въ этомъ, но, боясь взять на себя отвѣтственность за приглашеніе къ себѣ на собраніе такихъ опасныхъ людей, предварительно обратился за разрѣшеніемъ къ губернатору. Тотъ изъявилъ на это свое полное согласіе. „Стыдно русской интеллигенціи! — говорилъ либеральный помпадуръ. Надо высказаться! Не ждать же намъ 1 марта.“ Такимъ образомъ въ выработкѣ доклада приняло участіе до 50 человѣкъ самой разношерстной публики: умѣренно-либеральный предводитель дворянства Алисовъ засѣдалъ рядомъ съ неблагонадежнымъ интеллигентомъ-радикаломъ съ соціалистической окраской.

Составленный въ этой комиссіи докладъ былъ принятъ единогласно уѣзднымъ комитетомъ и внесенъ имъ въ губернскій. Докладъ написанъ въ яро-либеральномъ духѣ. Причину разоренія крестьянства онъ видитъ въ самодержавномъ строѣ, который препятствуетъ развитію въ обществѣ культуры и самодѣятельности. Но сквозь эту критику самодержавія рѣзко проглядываетъ стремленіе помѣстнаго дворянства стать культурнымъ опекуномъ народа и отстоять свои политическіе и экономическіе интересы.

Основное требованіе доклада состоитъ въ созывѣ *всероссійскаго земства,* попросту говоря — парламента. Парламентъ долженъ состоять изъ выборныхъ отъ губернскихъ земствъ, а это значитъ вотъ что. Сначала населеніе выберетъ въ волостныя земскія собранія (вновь проектируемая мелкая земская единица) своихъ представителей *„въ строгой зависимости отъ принадлежащаго имъ имущественнаго ценза съ одной стороны и образователь-*

наго ценза съ другой". Эти волостныя собранія произведутъ выборы въ уѣздное земство; уѣздное земство въ свою очередь пошлетъ представителей въ губернское, а губернское — во всероссійское земство, которое будетъ править страной. При такомъ *четверномъ процѣживаніи* во „всероссійское земство" попадутъ конечно, представители только богатыхъ классовъ, преимущественно крупныхъ землевладѣльцевъ. Либерализмъ не мѣшаетъ земцамъ стремиться прибрать правительственную власть къ своимъ рукамъ и *устранить неимущіе классы населенія отъ участія въ управленіи страной.*

Такую же яркую классовую окраску носятъ и остальные пункты доклада, напр., вопросъ о землѣ. Докладъ отмѣчаетъ, что „это не только самый острый, но и грозный въ сельскохозяйственной жизни вопросъ. Уже теперь аграрныя движенія земледѣльческой массы дѣлаютъ *невозможнымъ жизнь въ деревнѣ и веденіе хозяйства рядомъ съ малоземельнымъ крестьяниномъ*... Явная и скрытая вражда его ко всѣмъ тѣмъ, кого онъ считаетъ виновникомъ своего малоземелья, потравы, поджоги и пр., и пр., — все это не временные признаки, а зловѣщіе симптомы аграрныхъ неурядицъ, отравляющихъ спокойствіе и мѣшающихъ регулярности сельскохозяйственнаго производства... Убѣдить крестьянина, что земли болѣе нѣтъ для него и что ему не дадутъ ея, нельзя... прежнія опасенія (помѣщиковъ) объ отвлеченіи переселеніемъ рабочихъ рукъ и выгодныхъ арендаторовъ всюду замѣняются *желаніемъ избавиться отъ неспокойныхъ элементовъ путемъ выселенія ихъ*". Для рѣшенія земельнаго вопроса предлагается національзація земли. Подъ этимъ словомъ докладъ понимаетъ „обращеніе казенныхъ земель въ „общегосударственный фондъ" и пополненіе этого фонда покупкой частныхъ земель" *). А на эти земли предлагается переселять „не средне-зажиточныхъ и состоятельныхъ крестьянъ, какъ это практикуется нынѣ, а безземельныхъ и малоземельныхъ, представляющихъ собой самый опасный элементъ для спокойствія страны". И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ... **)

10 октября начались закрытыя, безъ присутствія публики, засѣданія губернскаго комитета въ домѣ губернатора. Къ участію въ нихъ приглашено было до 120 челов.: изъ нихъ 80 чел. земскихъ начальниковъ, уѣздные предводители дворянства, кое-кто изъ членовъ уѣздныхъ комитетовъ и представители казенныхъ учрежденій, значитъ, почти все чиновники.

Губернаторъ, стыдившій раньше „интеллигенцію" и самъ предлагавшій ей высказаться, теперь, увидавъ, что политическія пожеланія земцевъ зашли далеко, струсилъ. Онъ рѣшилъ, что губернскому комитету нужно „разжижить" слишкомъ „красные" доклады уѣздныхъ комитетовъ и свести всю дѣятельность ихъ къ разработкѣ мелкихъ техническихъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ онъ сразу и повелъ дѣло. Онъ установилъ такой порядокъ засѣданія — начать съ чтенія уѣздныхъ докладовъ, а затѣмъ изъ нихъ извлечь отвѣты на частные вопросы главнаго петербургскаго „Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства" и свести все къ мелкимъ техническимъ улучшеніямъ. Попавшіе къ губернатору изъ уѣздныхъ комитетовъ либералы заволновались: это значитъ, что всѣ дѣйствительныя желанія „земскихъ людей" останутся подъ сукномъ у губернатора. Тѣмъ не менѣе комитетъ покорно приступилъ къ чтенію воронежскаго уѣзднаго доклада — обсужденій никакихъ. Затѣмъ заслушанъ новохоперскій докладъ, составленный въ томъ же духѣ, какъ воронежскій, — обсужденій опять никакихъ.

Второе собраніе комитета, однако, приняло неожиданный для губернатора оборотъ.

Вмѣсто того, чтобы читать молча доклады, члены комитета провели все время въ разговорахъ на общія темы. Даже среди земскихъ начальниковъ нашлись люди, заступившіеся за „общія мѣры". Рѣшено было избрать комиссію и отвѣтить на запросы совѣщанія, не обходя молчаніемъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Тѣмъ временемъ министерство внутр. дѣлъ, узнавъ о ходѣ работъ въ воронежскихъ комитетахъ, спохватилось и рѣшило энергично вмѣшаться въ дѣло.

26 октября, вечеромъ, по приказанію Плеве, арестованъ и увезенъ въ Петербургъ докторъ Мартыновъ (50-ти лѣтъ). Послѣ обыска обязанъ подпиской немедля явиться туда же Бунаковъ (60-ти лѣтъ).***) Алисовъ вызванъ къ Плеве въ Ялту, гдѣ теперь царь и весь дворъ, и выслушалъ тамъ царскій выговоръ. Губернаторъ Слѣпцовъ, вызванный туда же, получилъ такой нагоняй, что подалъ въ отставку. Вице-губернаторъ Хвостовъ получилъ телеграмму отъ мин. вн. дѣлъ, чтобы члены воронежской комиссіи, составлявшей докладъ, не отлучались изъ города 2 и 3 ноября, такъ какъ въ Воронежъ пріѣдетъ тов. мин. Зиновьевъ.

2 ноября городъ имѣлъ возбужденный видъ: на улицахъ масса полиціи, вызванные изъ уѣздовъ предводители дворянства разъѣзжаютъ по городу въ шикарныхъ выѣздахъ, въ шитыхъ золотомъ треуголкахъ, словомъ — дворянская демонстрація.

Зиновьевъ остановился въ гостиницѣ и назначилъ пріемъ въ домѣ губернатора. Туда были вызваны по повѣсткамъ члены комиссіи, предводитель дворянства, предсѣдатель и члены управы. Ихъ размѣстили по разнымъ комнатамъ.

Зиновьевъ вышелъ прежде всего къ членамъ комиссіи.

— Вы, вѣроятно, знаете, господа, что я пріѣхалъ разслѣдовать дѣло о докладѣ. Я, конечно, знаю, что не всѣ вы принимали въ немъ равное участіе: одни подписали его не думая, другіе подъ чужимъ вліяніемъ, и только нѣкоторые — его выразители. Вашъ докладъ обратилъ на себя довольно большое... нѣтъ, извините — чрезвычайно большое вниманіе министерства. Характеръ его — фельетонный! Подпольно-фельетонный! Есть такіе фельетоны — какъ Амфитеатрова. Истинно вѣрноподданный не подписалъ бы такого доклада! Завтра я буду бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ васъ. Быть можетъ, выяснится что-нибудь еще болѣе удивительное въ положеніи дѣлъ вашей губерніи.

Присутствовавшіе молча, какъ виноватые школьники, выслушали эту надменно-грубую рѣчь. Съ членами управы Зиновьевъ держался еще нахальнѣе и опять не встрѣтилъ должнаго отпора.

На другой день для бесѣды съ глазу на глазъ было вызвано къ Зиновьеву 8 членовъ комиссія изъ наиболѣе видныхъ по общественному положенію. Вотъ почти буквальный разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Зиновьевъ, прося садиться: — Кто Вы такой? — Членъ управы Перелешинъ. — Вы знаете доктора Мартынова? — Онъ мой родственникъ. — А, онъ Вашъ родственникъ! Вы знали о томъ, что онъ готовитъ записку? — Зналъ. — И Вы находили, что ее можно подать? — Отчего же нѣтъ? Онъ въ ней высказывалъ свое мнѣніе. — Но, вѣдь, тамъ говорится, какъ и въ вашемъ докладѣ, объ ограниченіи самодержавія! — Я этого не нахожу: тамъ говорится о желательности призыва выборныхъ для обсужденія положенія дѣлъ, слѣдовательно, все предоставляется самодержцу. — Гдѣ вы учились? — Въ Катковскомъ лицеѣ. — А! А потомъ были въ университетѣ? — Былъ. — Кончили его? — Нѣтъ. — Почему? — Былъ сосланъ въ Сибирь. — А!! Какимъ же образомъ вы попали въ управу? — Какъ только я вернулся изъ ссылки, былъ выбранъ въ гласные, а теперь въ члены управы. — А! Теперь понимаю!

Зиновьевъ, пожимая руку Вашкевичу: — Кто Вы такой? — Управляющій контрольной палатой. — Какъ же Вы, въ такомъ положеніи, такой же старикъ, какъ я, подписали такой докладъ? — Вотъ именно потому, что я такой же старикъ, какъ Вы, я счелъ себя въ правѣ и своимъ долгомъ подписать его. — И что же, Вы совершенно согласны съ нимъ? — Нѣтъ, не во всемъ. Но разъ я подписалъ, то въ общемъ съ нимъ согласенъ. — И Вы думаете, что его можно напечатать въ газетахъ? А вѣдь онъ уже облетѣлъ всю Россію! — Отчего же его не напечатать? — Но, вѣдь, онъ противъ самодержавія! — Я этого не нахожу.

Слѣдующему: — Вы кто такой? — Завѣдующій санитарнымъ бюро губ. земства, д-ръ Тезяковъ. — Чѣмъ занимается это бюро? — Организаціей врачебной помощи и борьбой съ эпидеміями. — У васъ были эпидеміи въ этомъ году? — Да. Отъ недоѣданія переболѣло цынгой 4 тысячи. — Это вовсе немного на губернію. — Но это только на три уѣзда! — Въ докладѣ говорится о вымираніи населенія, на какомъ же основаніи? — Дѣтей умираетъ 87%, и общая смертность много выше нормальной. — Во всякомъ случаѣ Вамъ слѣдовало ограничиться спеціальными вопросами. Я знакомъ съ Вашими солидными трудами, но зачѣмъ было браться за общегосударственные вопросы! *)

На этомъ пока обрывается исторія нашихъ комитетовъ.

*) Конечно, по хорошей цѣнѣ, выгодной для задолжавшихся помѣщиковъ.

**) Мы опускаемъ дальнѣйшій разборъ предложеній доклада, такъ какъ они представляютъ лишь примѣненіе къ частному случаю общихъ положеній изложенной выше московской программы. *Ред.*

***) Сообщаютъ, что Мартыновъ высланъ на 3 года въ Архангельскую губ., Бунаковъ на такой же срокъ въ Новгородскую.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Чума въ Петербургѣ.

Зубатовъ назначенъ подручнымъ Плеве для того, чтобы свою московскую систему развращенія рабочихъ распространить на всю Россію. Патріотическая газета „Свѣтъ" съ радостью оповѣстила публику объ его первыхъ шагахъ на этомъ поприщѣ въ Петербургѣ.

11 заводскихъ рабочихъ на Выборгской сторонѣ, по словамъ Свѣта, рѣшили, что возможно *безъ борьбы*, путемъ легальныхъ обществъ взаимопомощи, *очень серьезно улучшить* жизненныя условія рабочей среды. Задумавъ это доброе дѣло, они отправились за благословеніемъ *къ градоначальнику и въ департаментъ полиціи* и встрѣтили, разумѣется, „самое *внимательное и сочувственное* отношеніе". 10 ноября (какъ разъ въ день ростовскаго кровопролитія), они созвали первое, а 17 ноября второе собраніе рабочихъ „для всесторонняго обсужденія рабочаго вопроса въ русскомъ духѣ" — (въ духѣ царскаго кнута и полицейскаго застѣнка). Затѣмъ 21 ноября эта же кучка полицейскихъ соціалистовъ представлялась Плеве, который благодарилъ ихъ за усердіе и „обѣщалъ *поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ направленіи*". (Еще бы!)

*) По поводу этихъ бесѣдъ Плеве сказалъ губернскому предводителю дворянства: „Зиновьевъ превысилъ свои полномочія, рѣзко разговаривая съ уѣздными предводителями дворянства. Что касается другихъ, можете передать всѣмъ, что въ Архангельской и Тобольской губ. мѣста очень много".

Петербургскіе сознательные рабочіе сумѣютъ въ зародышѣ задавить очагъ заразы. Предохранительнымъ средствомъ противъ распространенія чумы является карантинъ. Такимъ же испробованнымъ уже средствомъ противъ заразы полицейскаго соціализма служитъ *бойкотъ*, прекращеніе всякихъ сношеній съ лицами, имѣющими къ нему отношеніе. Это средство съ успѣхомъ примѣняетъ Бундъ въ борьбѣ противъ Независимой Рабочей Партіи, родственной по духу Зубатовщинѣ. Такъ, его Минскій Комитетъ рекомендуетъ *всѣмъ порядочнымъ людямъ* не участвовать въ собраніяхъ независимцевъ, хотя бы изъ простого любопытства, не давать и не брать у нихъ литературы, прекратить съ ними всякія личныя сношенія. Для членовъ соціалдемократической организаціи эти требованія *безусловно обязательны*, и нарушившій ихъ немедленно исключается изъ партіи.

Мы не знаемъ, являются ли провозвѣстниками полицейскаго соціализма въ Петербургѣ зубатовскіе сыщики или люди искренніе, дѣйствующіе на руку полиціи только по недомыслію. *Это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично:* они вносятъ развратъ въ рабочее движеніе, играютъ въ руку правительству, и потому независимо отъ своихъ побужденій не заслуживаютъ съ нашей стороны ни малѣйшаго снисхожденія.

Екатеринославъ. Зубатовъ насаждаетъ полицейскій соціализмъ при помощи сыщиковъ. Витте пользуется для той же цѣли фабричными инспекторами. По его предписанію здѣшній инспекторъ Аксеновъ ревностно принялся за пропаганду легальныхъ рабочихъ кассъ. Плодомъ его стараній является учрежденіе Общества взаимопомощи тружениковъ печатнаго дѣла. По этому поводу екатеринославскіе организованные рабочіе выпустили листокъ ко всѣмъ типографскимъ рабочимъ. Въ немъ подробно разъясняется смыслъ возникающаго общества и выражается увѣренность, что товарищи-типографщики „не поддадутся на хитрую царскую удочку, *не вступятъ въ общество*, которое, не улучшая положенія рабочихъ, лишь отвлекаетъ ихъ отъ единственнаго и дѣйствительно вѣрнаго средства: объединенія для борьбы за политическую свободу".

Обращеніе къ новобранцамъ. Въ октябрѣ, во время рекрутскаго набора, многими революціонными организаціями были выпущены прокламаціи къ новобранцамъ. Въ нихъ разъясняется, что армія служитъ интересамъ господствующихъ классовъ и царскаго правительства противъ крестьянъ и рабочихъ, указывается, что значитъ врагъ внѣшній и врагъ внутренній. Всѣ прокламаціи кончаются призывомъ *не повиноваться приказаніямъ начальства*, когда оно заставляетъ солдатъ идти „противъ внутренняго врага". „Граждане, говорится въ листкѣ Южнаго Революціоннаго Союза Соціалдемократовъ, время теперь такое, что можетъ настать часъ, когда въ вашихъ казармахъ забьютъ тревогу, призовутъ къ оружію и поведутъ васъ избивать вашихъ братьевъ. Если вы любите народъ свой, если вамъ больно слышать стоны угнетенныхъ и забитыхъ, если не хотите быть палачами русскаго народа, не повинуйтесь вашимъ жестокимъ начальникамъ". „Товарищи крестьяне и рабочіе! — пишетъ Одесскій Комитетъ Соц.-Дем. Партіи. Поднимется ли у васъ рука, чтобы выстрѣлить въ безоружную толпу людей, братьевъ вашихъ, виноватыхъ только тѣмъ, что они борются за свободу и счастье народное! Помните, что ихъ дѣло — ваше дѣло, и не позволяйте царскимъ слугамъ превращать васъ въ палачей своихъ братьевъ-борцовъ. Отказывайтесь стрѣлять, учите тому же и другихъ, идите сами въ ряды борцовъ за народную волю, и всѣмъ вмѣстѣ легко будетъ разорвать сковавшія васъ цѣпи!" Еврейскій раб. союзъ (Бундъ) заканчиваетъ свою распространенную во многихъ тысячахъ экземпляровъ прокламацію такимъ призывомъ: „Въ послѣдніе годы все усиливается борьба рабочихъ съ правительствомъ, все чаще вызываются войска противъ рабочихъ; солдаты-рабочіе въ мундирахъ стрѣляютъ въ своихъ братьевъ рабочихъ. Вы, рекруты, идущіе теперь служить царю, не забывайте о тѣхъ, съ которыми вы теперь разстаетесь. Вы разсѣетесь по царскимъ казармамъ, по всей Россіи. Разнесите же повсюду наши идеи, наши мысли, мысли о свободѣ. Растолкуйте своимъ товарищамъ, какъ они должны себя вести, когда ихъ посылаютъ противъ рабочихъ, крестьянъ и прочихъ „бунтовщиковъ". *Одинъ* солдатъ ничего не въ силахъ сдѣлать, но *многіе* уже въ состояніи принести большую пользу освободительной борьбѣ. *Пусть же жизнь въ казармахъ будетъ лишь продолженіемъ вашей теперешней борьбы.* Пусть казарма для васъ будетъ школой, гдѣ бы вы научились владѣть оружіемъ, чтобы умѣло направить его противъ нашихъ властителей. Пусть царизмъ встрѣтитъ въ васъ не новыхъ защитниковъ, но новыхъ могильщиковъ! И когда народъ въ открытомъ возстаніи выступитъ противъ самодержавія, пусть армія соединится тогда съ борцами за свободу, какъ это не разъ уже случалось въ другихъ странахъ, гдѣ рабочіе въ мундирахъ направляли свои мечи и ружья не противъ народа, а противъ его угнетателей. *Да здравствуетъ солидарность между арміей и борющимся за свободу народомъ*".

О впечатлѣніи, которое производятъ прокламаціи къ новобранцамъ, можно судить по слѣдующему сообщенію нашего корреспондента.

Изъ Подольской губерніи. Въ севастопольскій пѣхотный полкъ, квартирующій въ подольской губерніи, слѣдовала партія новобранцевъ изъ кіевской губерніи. Какой-то молодой человѣкъ, прилично одѣтый, попросилъ у вожатаго партіи позволенія сѣсть въ вагонъ, чтобы проѣхать станцію. Черезъ нѣсколько станцій по вагонамъ оказалась масса разбросанныхъ прокламацій; молодого же человѣка и слѣдъ простылъ. Въ прокламаціяхъ разъяснялся смыслъ стачекъ и крестьянскихъ волненій и рекомендовалось „нѣсколько измѣнить" образъ дѣйствія во время различныхъ усмиреній: стрѣлять не въ голодныхъ мужиковъ, а въ офицеровъ. Полковое начальство, узнавъ о случившемся, приняло мѣры, т. е. принялось искать вѣтра въ полѣ. Всѣ солдатскіе сундуки подверглись осмотру самихъ гг. офицеровъ, назначено слѣдствіе. Но прокламацій и слѣдъ исчезъ. Только одинъ неграмотный новобранецъ въ простотѣ душевной „далъ прочитать" прокламацію своему унтеру. Онъ отдѣлался счастливо, но другой, сказавшій, что видалъ и читалъ ихъ, посаженъ до особаго распоряженія, т. е. до суда, подъ арестъ. Новобранцы подѣлились прочитаннымъ со старшими товарищами по службѣ. Какъ разсказываютъ солдаты, среди нихъ только и разговору теперь, что про „тайныя бумаги". О поведеніи во время усмиреній господствуетъ то убѣжденіе, что не стрѣлять нельзя, но никто не мѣшаетъ пускать пулю въ бѣлый свѣтъ.

Изъ студенческаго движенія. Результатомъ поѣздки Святополка-Мирскаго въ Сибирь къ сосланнымъ студентамъ, которые чуть не поголовно отказались говорить съ царскимъ посланникомъ, явилось высочайшее повелѣніе *о возвращеніи ихъ изъ ссылки*. 17 человѣкъ совершенно освобождены и отъ ссылки, и отъ надзора. 41 человѣкъ оставлены подъ надзоромъ до 1 іюля 1903 г., но министру дано право немедленно перевести ихъ въ Европейскую Россію, „по полученіи соотвѣтствующихъ заявленій на этотъ счетъ отъ ихъ родителей или родственниковъ и подлежащихъ свѣдѣній" отъ мѣстной полиціи. Наконецъ, 59 чел., давшихъ наиболѣе рѣзкій отпоръ Святополку-Мирскому, оставлены въ Сибири до 1 іюля 1903 года и подъ надзоромъ до 1 марта 1904 г.

Новой „милостью" правительство еще разъ попыталось подкупить студентовъ, и опять неудачно! Нѣкоторые изъ попавшихъ въ первыя двѣ группы отказались воспользоваться своими привилегіями, если онѣ не будутъ одновременно распространены на всѣхъ ихъ товарищей по ссылкѣ. А объ общемъ настроеніи сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и курсистокъ можно судить по ихъ „Открытому письму къ товарищамъ". Это письмо, подписанное *всѣми, за исключеніемъ немногихъ*, и составленное въ радикальномъ духѣ, кончается призывомъ не сходить „съ широкаго пути открытой политической борьбы", на который студенческое движеніе вступило прошлой весной. „Дѣло, начатое нами, не должно быть оставлено. Нужно оказать на правительство все давленіе, какое только возможно". Письмо вышло въ свѣтъ въ октябрѣ, значитъ, уже послѣ поѣздки Святополка-Мирскаго и высочайшей „милости".

Рабочій классъ, очевидно, можетъ расчитывать на поддержку студенчества въ своей борьбѣ за политическую свободу!

Черниговъ. Въ половинѣ сентября во время ярмарки среди съѣхавшихся крестьянъ было распространено большое количество нелегальной, спеціально крестьянской литературы; распространеніе было сдѣлано настолько ловко, что никакихъ обысковъ и арестовъ по этому поводу не было. Между тѣмъ развезенная по деревнямъ литература начала вызывать среди крестьянъ глухое броженіе. Земскіе начальники энергично принялись „спасать отечество". Извѣстный глупостью зем. нач. Подольскій ѣздилъ по деревнямъ, „своими словами" излагалъ содержаніе брошюръ и убѣждалъ имъ не вѣрить. Въ результатѣ его пропаганды начались разговоры, что „царь щось хоче зробить, та паня не дають". Въ другихъ мѣстахъ земскіе начальники занимались провокаціей, подсылая для разговоровъ съ крестьянами своихъ агентовъ. Когда крестьяне въ разговорахъ начинали „вольнодумствовать," агентъ ловко задавалъ вопросъ: „Откуда это ты ума набрался, откуда ты это знаешь?" — „Изъ книжки, такой-то читалъ". И къ такому-то отправлялись требовать книжку. Такимъ путемъ въ одномъ изъ подгородныхъ селъ были открыты нелегальныя книги у сотскаго и десятскаго, которые при ихъ отобраніи оказывали сопротивленіе.

Шостка (*Черниговской губ.*). Казнокрадство на нашемъ казенномъ пороховомъ заводѣ практикуется въ необычайныхъ даже для Россіи размѣрахъ. Всѣ объ этомъ знаютъ и всѣ молчатъ. Такъ продолжалось бы и еще долгіе годы, не случись пропажи платиновыхъ чашъ стоимостью въ 60 тыс. руб. Начались розыски. Чашъ конечно не нашли, но нашли за то любопытный документъ — памятную книжку купца Галя, поставлявшаго на заводъ уголь, сѣру и другіе матеріалы. Акуратный комерсантъ записывалъ въ

книжку всѣ взятки, которыя онъ раздавалъ заводскому начальству за 1894—1900 г. Суммы—не маленькія. Такъ, предсѣдатель хозяйств. комитета полковникъ Пашкевичъ получалъ до 6000 р. въ годъ; около этого же получали его помощники Кольнико, Андреевъ, Карташевъ. Цѣлый рядъ служащихъ состоялъ у Гиля на мѣсячномъ окладѣ. Скандалъ крупный, но артиллерійское вѣдомство старается замять его; дѣло ограничилось пока увольненіемъ Пашкевича.

Взятки съ подрядчиковъ—не единственный доходъ нашихъ чиновниковъ. Другой доходной статьей являются рабочіе. О поборахъ и штрафахъ съ нихъ и говоритъ нечего. Заводское начальство систематически сокращаетъ штатъ рабочихъ. Одному приходится работать за троихъ. А жалованье за отсутствующихъ начальство кладетъ въ свои бездонные карманы. Переутомленіе рабочихъ вызываетъ несчастные случаи. Такъ, въ январѣ, вслѣдствіе недосмотра усталаго рабочаго, произошелъ пожаръ въ мастерской пресса съ человѣческими жертвами: одинъ сгорѣлъ заживо, двое обгорѣли. Вознагражденія пострадавшимъ не полагается: отпускаемыя на это суммы идутъ все въ тѣ же карманы начальства.

Долго терпѣли шостенскіе рабочіе, но теперь ихъ терпѣнію приходитъ конецъ. Недавно еще оторванный отъ міра заводъ соединили желѣзной дорогой съ культурными центрами. Начался болѣе живой обмѣнъ рабочихъ. На заводъ проникли соціалистическія идеи. Образовалась мѣстная заводская организація. Стали выходить прокламаціи. Въ нихъ указывается не только на заводскія безобразія, но и на необходимость бороться противъ самодержавія. Одна прокламація предостерегаетъ рабочихъ отъ бунтарской формы борьбы. Вызвана она покушеніемъ на жизнь нелюбимаго мастера Криворученко. Явилась и самодѣльная литература: стихи, карикатуры.

Эти событія обратили на Шостку вниманіе кого слѣдуетъ. Передъ Пасхой было вызвано на заводъ 8 ротъ солдатъ. Вѣроятно, ждали маевки. Молодая организація, однако, не нашла возможнымъ открыто праздновать въ этомъ году первое мая.

Дѣятельность организаціи не ограничивается стѣнами завода. прокламаціи ея проникаютъ и въ сосѣднія деревни. Были случаи, что онѣ читались публично на сходахъ и даже вывѣшивались въ волостныхъ правленіяхъ. Всюду, и въ рабочей, и въ крестьянской средѣ онѣ производили хорошее и сильное впечатлѣніе. Не менѣе сильное впечатлѣніе производятъ онѣ и на заводское начальство, которое немного поприжало хвостъ.

Казни. Правительство чувствуетъ, какъ изъ-подъ его ногъ ускользаетъ почва. Оно не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы укрѣпить расшатанный авторитетъ власти.

Исключительные суды съ закрытыми дверями, безъ присяжныхъ, съ жестокими приговорами на основаніи особо варварскихъ законовъ военнаго времени—вотъ средства, которыя правительство примѣняетъ не только по отношенію къ политическимъ, но и къ уголовнымъ, разъ только оно видитъ съ ихъ стороны хоть косвенное покушеніе на святость и неприкосновенность своей власти. Столбцы газетъ за послѣднее время пестрятъ извѣстіями о смертныхъ приговорахъ и смертныхъ казняхъ. Въ Ростовѣ на Дону повѣшено трое мастеровыхъ, изъ нихъ двое невинныхъ, за убійство городового. Въ Севастополѣ *публично, на площади* была совершена казнь надъ двумя солдатами деньщиками, убившими офицера. Въ Красноярскѣ казнены черезъ повѣшеніе 4 молодыхъ арестанта за убійство двухъ пикетчиковъ. Вотъ описаніе этой ужасной казни.

„Объ ожидающей преступниковъ участи имъ было объявлено наканунѣ, часовъ въ 11 вечера. Эту тяжелую вѣсть передали осужденнымъ священникъ и раввинъ, пришедшіе для послѣдняго утѣшенія несчастныхъ преступниковъ. Всю эту ночь преступники провели съ священникомъ (Короховъ съ раввиномъ) въ бесѣдахъ на темы священнаго писанія. Состояніе духа было въ высокой степени напряженное. Временами осужденные какъ бы забывались. Масловъ разспрашивалъ даже о подробностяхъ казни: долго ли онъ провиситъ въ петлѣ, скоро ли наступитъ смерть, кто будетъ присутствовать и проч. Подъ утро, послѣ исповѣди, напряженные нервы не выдержали: Масловъ и Епифановъ рыдали, какъ дѣти, одинъ Вышкворка былъ попрежнему печаленъ и молчаливъ. Эти горькія и неутѣшныя рыданія были такъ раздирающи, такъ мучительны, что священникъ не выдержалъ и оставилъ на нѣкоторое время преступниковъ однихъ.

Къ утру осужденные какъ бы овладѣли собой и приготовились къ неизбѣжной смерти. Нѣкоторые говорили: Достаточно пожили на этомъ свѣтѣ. Ну, что-жъ! Худая трава изъ поля вовъ. Но всетаки тяжело разставаться съ жизнью.

Утромъ явилась стража, осужденныхъ повели къ эшафоту. Епифановъ достигъ крайняго напряженія; онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, повторялъ торопливо: „простите, простите“ и даже самъ полѣзъ на эшафотъ. Ему, видимо, было страшно тяжело, и онъ желалъ поскорѣе освободиться отъ душевныхъ страданій. Одѣтые въ саваны, преступники въ послѣдній разъ распростились съ товарищами, расцѣловались; потомъ ихъ лица были закрыты капюшонами, и ихъ стали вводить на эшафотъ. Всѣхъ ихъ поставили рядомъ, на четыре скамеечки, потомъ палачъ надѣлъ каждому петлю. Священникъ сталъ читать молитву, забили барабаны, солдаты взяли на караулъ. Палачъ вышибъ клинъ изъ доски, на которой были поставлены скамеечки, послѣднія упали, и несчастные преступники повисли въ воздухѣ.“

Тайный циркуляръ св. синода. По указу его имп. велич. св. прав. синодъ *имѣли сужденіе* о мѣрахъ къ предупрежденію смутъ, производимыхъ злоумышленниками въ простомъ народѣ. *Приказали:* Принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дорогого нашего отечества злонамѣренные люди, противники законной власти, возмущаютъ народъ и нарушаютъ мирное теченіе гражданской жизни, св. синодъ признаетъ *необходимымъ* поручить епархіальнымъ преосвященнымъ приглашать священниковъ всѣхъ приходовъ, въ коихъ по свѣдѣніямъ есть опасность возникновенія смутъ, — къ принятію всѣхъ зависящихъ отъ нихъ пастырскихъ мѣръ къ предупрежденію оныхъ и *разъяснять паствѣ на основаніи слова Божія всю лживость увѣреній злоумышленниковъ*, склоняющихъ къ неповиновенію властямъ, отъ царя установленнымъ и покушенію на чужое добро. Для сей цѣли преосвященные должны поручить *священникамъ, извѣстнымъ своимъ благоразуміемъ, какъ можно чаще говорить на эту тему слово.* Подписали Антоній. Владиміръ, Θеогностъ, Гермогенъ. Побѣдоносцевъ, Саблеръ, секретарь Мироносицкій. (Бюлл. Рев.Рос. № 81).

Фома Качуръ, рабочій-революціонеръ, стрѣлявшій въ истязателя харьковскихъ крестьянъ, губернатора Оболенскаго, приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Казнь замѣнена ему безсрочной каторгой.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Отголоски.

— **Коронованный агитаторъ** противъ соціалдемократіи — таковымъ былъ издавна германскій императоръ Вильгельмъ II. Въ послѣднія недѣли онъ выступаетъ въ этой роли съ особенной безцеремонностью. Поводомъ къ новымъ ругательствамъ послужила ему смерть его „дорогого друга“ Круппа, пушечнаго короля и перваго нѣмецкаго богача. Круппъ, видите-ли, умеръ отъ апоплексическаго удара какъ разъ послѣ того, какъ Vorwärts („Впередъ“), главная газета германской соц.-демократіи, разоблачила, что этотъ столпъ престолъ-отечества предавался противоестественному разврату. И вотъ Вильгельмъ воспылалъ великимъ гнѣвомъ. Онъ взялъ подъ свою „августѣйшую“ защиту умершаго царя капитала, присутствовалъ своей высочайшей особой на похоронахъ и затѣмъ произнесъ передъ согнанными „представителями“ порабощенныхъ крупповскихъ рабочихъ сердитую и лживую рѣчь противъ соц.-дем. газеты и всей соц.-дем. партіи. Онъ напрямикъ объявилъ соціалдемократовъ „убійцами“ Круппа и взывалъ къ рабочимъ этого „благодѣтеля“ разорвать всякія сношенія съ такой и сякой партіей.

Ту же рѣчь, уснащенную новыми ругательствами, онъ повторилъ въ другихъ мѣстахъ. А въ Бреславлѣ передъ рабочей „депутаціей“, которую фабриканты и надсмотрщики согнали изъ-подъ палки, подъ угрозой разсчета, Вильгельмъ сказалъ зубатовскую рѣчь—конечно, на нѣмецкій ладъ. Нашъ россійскій оберъ-шпіонъ Зубатовъ пытается умаслить безсознательныхъ рабочихъ обѣщаніями насчетъ грошевыхъ вспомогательныхъ кассъ, фразами о сочувствіи жандармеріи экономической борьбѣ рабочихъ съ хозяевами, устройствомъ полицейско-ученыхъ бесѣдъ и т. д.—и все это для того, чтобы отвратить рабочихъ отъ политической борьбы съ ихъ смертельнымъ врагомъ, царскимъ самодержавіемъ. Вильгельмъ II знаетъ, что нѣмецкіе рабочіе, хотя бы и самые отсталые, на такую грубую удочку не пойдутъ. У нихъ вѣдь есть избирательное право, они могутъ выбирать своихъ депутатовъ въ рейхстагъ. Надо, значитъ, ту же зубатовскую рѣчь да иначе молвить. „Посылайте къ намъ въ рейхстагъ простого, безхитростнаго человѣка изъ мастерской“, сказалъ Вильгельмъ, „только не соціалдемократа!..“ Пользуйтесь своими политическими правами, но такъ, чтобы отъ этого не пострадали интересы капитала и престола, — вотъ что совѣтуетъ коронованный другъ Круппа нѣмецкимъ рабочимъ. Съ „простымъ, безхитростнымъ“ мастеровымъ, увѣрялъ онъ далѣе, мы охотно будемъ работать совмѣстно на общее благо народа... Еще бы! Простака очень вѣдь легко оболванить. Такого „рабочаго депутата“ можно легко убѣдить, что „народное благо“ требуетъ увеличенія войска и флота, повышенія таможенныхъ пошлинъ въ пользу помѣщиковъ и фабрикантовъ и т. д.

Примѣръ на лицо. Въ Англіи буржуазныя партіи на свои деньги выставляютъ на выборахъ рабочихъ кандитатовъ не соціалдемократовъ, которые затѣмъ въ парламентѣ *сплошь и рядомъ* голосуютъ „совмѣстно“ съ буржуазными депутатами противъ интересовъ рабочаго класса. Но въ Англіи соціалдемократія, партія рабочаго класса, пока еще не пустила корней въ широкую массу, и именно поэтому мечтанія Вильгельма II-го тамъ до поры до времени являются фактомъ. Не то въ Германіи, гдѣ за 40 лѣтъ своей борьбы соціалдемократія кровно срослась съ рабочей массой, гдѣ „простые, безхитростные“ рабочіе, дорогіе сердцу Зубатова и Вильгельма II-го, встрѣчаются только въ отдѣльныхъ темныхъ углахъ, какъ въ царствѣ заводчика Круппа. Нѣмецкіе рабочіе знаютъ, что соціалдемократія—это ихъ собственная боевая организація, ихъ щитъ и оружіе противъ класса помѣщиковъ и фабрикантовъ съ императоромъ во главѣ.

И они уже достойно отвѣтили коронованному агитатору господствующихъ классовъ, отвѣтили перомъ соц.-дем. писателей, устами соц.-дем. ораторовъ на многочисленныхъ рабочихъ собраніяхъ и энергичными рѣшеніями этихъ собраній — оставаться вѣрными знамени соц.-дем. партіи и не слѣдовать совѣтамъ императора. А на ярыя ругательства Вильгельма по адресу Vorwärts'а рабочіе отвѣтили между прочимъ усиленной подпиской на эту газету. Со времени императорскихъ рѣчей число подписчиковъ увеличилось на пять тысячъ, и въ розничной продажи въ одномъ Берлинѣ продавалось въ иные дни до 23 тысячъ экземпляровъ Vorwärts'а, небывало высокая цифра.

Безсмысленность императорскихъ мечтаній очевидна даже для буржуазныхъ газетъ: онѣ жалуются, что „ядъ“ соціалдемократіи проникъ уже слишкомъ глубоко въ германскихъ рабочихъ, для того чтобы Вильгельмъ могъ ихъ „излечить“.

Вильгельмъ II царствуетъ и, стало быть, ораторствуетъ уже 14 лѣтъ. Не разъ уже его рѣчи давали сигналъ къ ожесточенной травлѣ буржуазныхъ партій противъ соціалдемократіи. И что же? За это время наша партія усилилась втрое: на выборахъ 1887 г. она получила 763.000 голосовъ, а на выборахъ 1898 г. — $2^1/_4$ милліона голосовъ. Предстоящіе выборы 1903 г. покажутъ новый ростъ ея сторонниковъ.

Германскіе муниципальные (городскіе) выборы, происходившіе за послѣднія недѣли, уже заставляютъ буржуазныя партіи и ихъ Вильгельма предвкушать горечь будущихъ выборовъ въ рейхстагъ. Несмотря на то, что при выборахъ въ городскія думы нѣтъ ни всеобщаго, ни равнаго избирательнаго права, соц.-демократы добились небывалыхъ еще успѣховъ. Увеличились ихъ голоса и число ихъ гласныхъ. Въ Мюльгаузенѣ мы впервые получили большинство въ городской думѣ. Въ Лейпцигѣ изъ общаго числа поданныхъ избирателями „третьяго разряда“ 14000 голосовъ соц.-дем. кандидаты получили 8546 голосовъ, и выбраны были во всѣхъ четырехъ округахъ только соц.-демократы. Въ Криммичау (Саксонія) наша партія получила всѣ шесть мѣстъ даже въ первомъ разрядѣ избирателей. Въ Трибергѣ (Баденъ) изъ 10 гласныхъ 9 соц.-демократовъ. Въ Штеттинѣ наша партія получила четыре новыхъ мѣста, и всего тамъ теперь 13 соц.-дем. гласныхъ, причемъ мы выиграли 1783 голоса, тогда какъ противники потеряли 847 голосовъ. Въ Нюренбергѣ соц.-демократы боролись впервые противъ *всѣхъ соединенныхъ* буржуазныхъ партій, и число ихъ голосовъ, несмотря на это, увеличилось съ 3500 на 4000.

За недостаткомъ мѣста не можемъ перечислить всѣхъ избирательныхъ успѣховъ на городскихъ выборахъ. Прибавимъ только, что эти успѣхи объясняются въ особенности теперешней борьбой соц.-демократіи въ рейхстагѣ противъ новаго таможеннаго тарифа, непомѣрно повышающаго пошлины на хлѣбъ, мясо и другіе предметы первой необходимости. Въ этой борьбѣ соціалдемократія сплотила вокругъ себя новые слои мелкаго и даже средняго мѣщанства, которое видитъ, что только партія пролетаріата отстаиваетъ интересы всѣхъ нуждающихся. О самой борьбѣ противъ тарифа напишемъ подробно въ слѣдующемъ номерѣ.

— **Полицейское покушеніе** было совершено на бельгійскаго короля Леопольда. При его проѣздѣ итальянецъ Рубино выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ воздухъ. Полиція объявила, разумѣется, Рубино „анархистомъ“ и стала искать его сообщниковъ. Только искала она не тамъ, гдѣ нужно, — она не искала въ полицейскихъ участкахъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, и было скомпановано смѣхотворное покушеніе. Рубино, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, служилъ въ тайной полиціи въ должности шпіона провокатора. Въ Лондонѣ анархисты незадолго до покушенія разоблачили Рубино, и въ анархистскихъ газетахъ печатались предостереженія противъ него.

Зачѣмъ же полиціи понадобились выстрѣлы Рубино? Очень просто — прежде всего для популярности Леопольда. Сей король сильно-таки нуждается въ „народной любви“. Изъ всѣхъ королей и императоровъ онъ пользуется наименьшей любовью даже со стороны имущихъ классовъ. Вильгельма II-го помѣщики и фабриканты прямо обожаютъ, хотя иногда находятъ, что онъ черезчуръ говорливъ и своенравенъ. Австрійскаго Франца-Іосифа дворяне и буржуа уважаютъ за его болѣе или менѣе почтенную старость. Даже новый англійскій король, доживщій до 60 лѣтъ наслѣдникомъ и все это время прожигавшій жизнь за игорнымъ столомъ, — и тотъ удостоился любви за... тяжелую болѣзнь, которая чуть-было не разстроила навсегда его коронацію. А вотъ Леопольдъ все былъ посмѣшищемъ бельгійцевъ. Его называли Клеопольдомъ, по имени любезной ему парижской танцовщицы Клео, ради которой онъ забросилъ свою старую жену. Даже господствующіе въ Бельгіи клерикалы, партія поповъ, не долюбливали короля, хотя онъ имъ ничѣмъ не мѣшалъ, какъ и вообще король въ Бельгіи пятая спица въ колесницѣ на манеръ безвластнаго англійскаго короля. Ну, не любятъ—это еще куда ни шло; лишь бы любила Клео и другія танцовщицы! Но вотъ бѣда: насмѣшки недавно перешли въ прямое негодованіе на короля, за то, что онъ не соблюлъ приличія и не навѣстилъ своей умирающей жены; за то, что Леопольдъ, блюститель королевскихъ семейныхъ нравовъ, не допустилъ дочь къ участію на похоронахъ матери... она, видите ли, осмѣлилась выйти замужъ за „простого“ графа.

Выстрѣлы Рубино въ воздухъ должны были изгладить всѣ эти скверныя впечатлѣнія. Помилуйте! королевская особа „чудесно“ спаслась отъ смертельной опасности! Полетѣли изъ всѣхъ столицъ, отъ императоровъ, королей и президентовъ сочувственныя телеграммы, растроганныя поздравленія. Не отстала и бельгійская палата депутатовъ. Клерикалы вмѣстѣ съ буржуазными либералами рѣшили поднести королю сочувственный вѣрноподданный адресъ. Только соціалистическіе депутаты отказались участвовать въ этой комедіи. Они заявили, что никакихъ покушеній на жизнь не одобряютъ, но, какъ республиканцы, противники королевской власти, не могутъ подносить адреса королю: не обращаются же депутаты съ адресами къ частному обывателю, хотя бы тотъ подвергся дѣйствительной опасности.

Нѣтъ сомнѣнія, что международный полицейскій союзъ разсчитывалъ выстрѣлами Рубино убить еще одного зайца — добиться новыхъ международно-полицейскихъ мѣръ, особенно по части взаимной выдачи политическихъ преступниковъ. Но это не удалось. Буржуазные газетчики, по обыкновенію, подняли было лицемѣрные вопли противъ „гидры анархіи“, но разоблаченіе провокаторской роли Рубино живо заткнуло имъ ротъ.

— **Партія поповъ**, находящаяся у власти въ Бельгіи, вздумала издать законъ для охраненія чистоты нравовъ. Когда католическіе попы и ихъ сторонники говорятъ о чистотѣ нравовъ, то это похоже на проповѣдь волка противъ мясной пищи. Но, какъ извѣстно, безъ обмана не можетъ обойтись даже самодержавное правительство Россіи, про котораго никакой законъ не писанъ. Тѣмъ болѣе нуженъ обманъ клерикальному правительству свободной страны. Въ Бельгіи существуетъ очень широкая свобода печати и собраній. Клерикалы никакъ не могутъ прямикомъ урѣзать эту свободу. Они подбираются къ своей цѣли бочкомъ, надѣвъ на себя маску святыхъ постниковъ. На первый разъ, для пробы, они предлагаютъ тюремное наказаніе отъ 8 дней до года и денежный штрафъ отъ 10 до 200 рублей за публичное произнесеніе рѣчей и возгласовъ, за публичное чтеніе и пѣніе, которыя „нарушаютъ добрые нравы“. Ловко! Клерикальные судьи уже позаботятся о томъ, чтобы подвести подъ наказаніе многое такое, что не по вкусу поповскимъ затемнителямъ народа, подъ предлогомъ, что это „нарушаетъ добрые нравы“.

Уже три недѣли соціалисты упорно борются противъ поповской ловушки. При обсужденіи закона въ парламентѣ соціалистическіе депутаты сорвали съ врага маску нравственности. Между прочимъ они спросили, можно ли будетъ при новомъ законѣ безнаказанно читать въ публичномъ мѣстѣ сочиненіе... *католическаго святого* Альфонса Лигуорійскаго. Въ этомъ сочиненіи излагаются очень снисходительные взгляды церкви на прелюбодѣяніе, совершаемое отцомъ исповѣдникомъ во время самой исповѣди или по случаю исповѣди!.. Соц.-дем. депутатъ Демблонъ захотѣлъ прочитать эти противонравственныя страницы „священной“ книги. Клерикальный предсѣдатель объявилъ-было, что въ публичномъ засѣданіи палаты читать ихъ нельзя. Но наши товарищи отказались сдѣлать это въ закрытомъ засѣданіи, настояли на публичномъ чтеніи — и вся страна узнала, какова „чистота нравовъ“ церкви и ея поборниковъ

Года два тому назадъ нѣмецкіе соц.-демократы послѣ упорной борьбы съ успѣхомъ отбили въ рейхстагѣ подобную лицемѣрную попытку поповской партіи. Въ Бельгіи это врядъ ли удастся, потому что тамъ поповская партія сама имѣетъ большинство въ парламентѣ. Но во всякомъ случаѣ самое обсужденіе закона уже нанесло клерикаламъ жестокій нравственный ударъ.

— **Муниципальные выборы въ Англіи** не могли доставить соц. демократамъ большихъ успѣховъ. Тамъ наша партія еще очень слаба, да и не существуетъ тамъ еще *объединенной* соц. дем. партіи. Все же послѣдніе выборы въ городскія думы означаютъ шагъ впередъ. Соціалистическая „Независимая рабочая партія“ получила 43,248 голосовъ и 27 гласныхъ, на 15 больше, чѣмъ прежде. „Соціалдемократическая Федерація“ — 12,608 голосовъ и 9 гласныхъ. Кандидаты рабочихъ союзовъ получили 46,592 голоса, и выбрано было изъ нихъ 30 гласныхъ, на 18 больше, чѣмъ прежде. Общее число голосовъ соціалистическихъ организацій и рабочихъ союзовъ достигаетъ 102.448.

— **Голландская соціалдемократія** одержала блестящую побѣду на дополнительныхъ выборахъ въ парламентъ. Въ началѣ декабря въ Амстердамѣ выбранъ ея даровитый вождь Трулстра, который получилъ 3397 голосовъ противъ 2595 голосовъ соединенныхъ буржуазныхъ партій, голосовавшихъ за либерала. Эта побѣда тѣмъ болѣе отрадна, что въ Голландіи не всѣ рабочіе имѣютъ избирательное право. Съ избраніемъ Трулстра наша молодая голландская партія имѣетъ въ парламентѣ 8 депутатовъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

На югѣ образовался „Соціалдемократическій Союзъ Горнорабочихъ", который заявилъ о своей солидарности съ Манифестомъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи 1898 г. и о своемъ присоединеніи къ партіи.

Въ 26 № „Искры" напечатано слѣдующее заявленіе С.-Петербургскаго Комитета.

КО ВСѢМЪ РОССІЙСКИМЪ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦІЯМЪ.

Товарищи! Неудержимо развивающееся революціонное движеніе ставитъ передъ нами каждый день все болѣе сложныя задачи, и отъ того, насколько намъ удастся выполнить ихъ, зависитъ въ значительной степени успѣхъ той освободительной борьбы, въ которой соціалдемократіи принадлежитъ передовая и самая отвѣтственная роль.

На С.-П.-Б. Комитетѣ тяжелѣе всего отзывались традиціи того направленія, которому присвоено было въ литературѣ названіе экономизма. И опытъ многихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ томъ, что мы сами себѣ связывали руки недостаточно широкой постановкой задачъ политической агитаціи и революціонной борьбы, тяжеловѣсными формами организаціи, неприспособленными къ русскимъ условіямъ. Сдѣлавъ все возможное, чтобы въ этихъ недостаточно широкихъ и недостаточно подвижныхъ рамкахъ работать надъ организаціей пролетаріата, С.-П.-Б. Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры „Что дѣлать", ликвидацію періода кустарничества, періода мѣстной раздробленности, организаціоннаго хаоса и программной разноголосицы.

Закончить эту ликвидацію тѣмъ болѣе необходимо, что всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ неминуемо пошло бы на пользу другимъ революціоннымъ или оппозиціоннымъ теченіямъ, дало бы имъ возможность усилиться за счетъ соціалдемократіи и тѣмъ самымъ сыграло бы въ руку интересамъ буржуазной демократіи. А между тѣмъ ни одно революціонное направленіе въ Россіи не обладаетъ и въ отдаленной степени такой революціонной теоріей и такими элементами массовой организаціи, какими обладаетъ соціалдемократія, которая упорной 10-ти-лѣтней борьбой пробила первую брешь въ твердынѣ политической и общественной реакціи и которая самыми тѣсными узами связана съ наиболѣе революціоннымъ и непобѣдимымъ классомъ.

Приступая къ осуществленію намѣченныхъ выше задачъ, С.-П.-Б. Комитетъ заявляетъ о своей солидарности съ теоретическими воззрѣніями, тактическими взглядами и организаціонными идеями „Зари" и „Искры", которыя онъ признаетъ руководящими органами русской соціалдемократіи. Пусть придутъ на помощь намъ всѣ партійныя организаціи, пусть тѣснѣе сплотятся онѣ на общепартійной работѣ подъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи. Мы не можемъ пассивно ждать одного только формальнаго возстановленія всероссійской партійной организаціи, мы должны немедленно активно взяться со всѣхъ сторонъ за ея созиданіе, чтобы оказаться на высотѣ своей задачи: руководить рѣшительнымъ натискомъ массъ на русское самодержавіе.

С.-П.-Б. Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи

Союзъ Борьбы за Освоб. Раб. Класса.

С.-Петербургъ, іюль 1902 г.

Комитетъ Петербургской Рабочей Организаціи проситъ опубликовать **слѣдующіе документы.**

I.

С.-П.-Б. Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

Комитетъ Рабочей Организаціи протестуетъ противъ всякихъ постановленій, сдѣланныхъ безъ его вѣдома, — въ томъ числѣ противъ постановленія о признаніи „Искры" и „Зари" руководящими органами, о чемъ объявлено въ прокламаціи отъ имени С.-П.-Б. Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса „Ко всѣмъ россійскимъ соціалдемократическимъ организаціямъ", помѣченной іюлемъ мѣсяцемъ 1902 года. Мы въ настоящее время ни одинъ изъ существующихъ органовъ не можетъ признать выражающимъ наше направленіе и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ.

Комитетъ Рабочей Организаціи.

С.-П.-Б., сентябрь 1902 г.

II.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

„Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ".

Уставъ Интернаціонала.

Признавая, что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха рабочей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса, мы находимъ, что отнынѣ Рабочая Организація во главѣ со своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы, — и съ настоящаго момента мы всѣми силами будемъ стремиться провести въ жизнь этотъ нашъ взглядъ.

Отлагая подробное изложеніе нашей программы до выхода слѣдующаго номера газеты, мы ограничимся пока слѣдующимъ.

По основнымъ своимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соціалдемократы: мы стремимся подготовить рабочій классъ къ *соціальной революціи*. Ближайшей цѣлью мы считаемъ завоеваніе *политической свободы* съ тѣмъ, чтобы рабочій классъ воспользовался всѣми плодами своей побѣды и добился возможно большихъ правъ въ будущей конституціонной Россіи. Мы требуемъ *всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго избирательнаго права* и стремимся теперь же пробудить въ рабочемъ классѣ ясное сознаніе тѣхъ его правъ, которыя должны быть осуществлены законодательнымъ путемъ непосредственно за введеніемъ конституціи.

Всѣхъ, кто считаетъ правильной такую постановку дѣла, мы просимъ оказать намъ посильныя содѣйствіе и помощь, особенно цѣнныя теперь, когда приходится исправлять недостатки прошлаго. Всякія заявленія, рукописи, книги, деньги и проч. просимъ направлять непосредственно для Рабочей Организаціи и требовать отчета за подписью ея Комитета.

Комитетъ Рабочей Организаціи.

Петербургъ, октябрь 1902 г.

Отъ редакціи. Петербургскій расколъ есть явленіе не случайное. Въ той или иной формѣ, въ той или иной степени разногласія, подобныя петербургскому, наблюдаются и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Выяснить и устранить причины, порождающія эти прискорбныя явленія, особенно важно теперь, когда насущнымъ и назрѣвшимъ вопросомъ является фактическое объединеніе всѣхъ соціалдемократическихъ организацій въ единую партію. Но разобрать этотъ сложный вопросъ въ предѣлахъ газетной статьи рѣшительно невозможно, и мы займемся имъ подробно въ 13 № „Рабочаго Дѣла".

Послѣднія извѣстія изъ Ростова

отъ 26 ноября.

Въ Тихорѣцкой станицѣ совершено было варварское избіеніе. Казаки мстили толпѣ за майскій разгромъ, и станица прямо отдана была на ихъ произволъ. На сходкѣ было 1500 чел. Казаки врѣзались безъ предупрежденія. Толпа легла, ее топтали и хлестали нагайками, били саблями, стрѣляли. Въ результатѣ площадь вся окровавлена. 30 человѣкъ убитыхъ. Казаки врывались въ жилища, грабили, насиловали и убили одну женщину. Рабочіе возмущены, но подавлены. Прямо такое положеніе, какъ еслибы прошли турецкіе башибузуки. Въ Новороссійскѣ стачка еще продолжается. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Ростовѣ.

Въ субботу 24 положеніе дѣлъ въ Ростовѣ было таково. Городъ объявленъ на военномъ положеніи, раздѣленъ шпалерами войскъ на части и ими отрѣзанъ отъ пригородовъ. Желѣзнодорожное начальство заявило, что удовлетворитъ всѣ 28 пунктовъ первоначальныхъ требованій за исключеніемъ 3-хъ: 1) не введетъ 9 час. дня, 2) не уплатитъ за время стачки, 3) не измѣнитъ системы штрафовъ. Часть рабочихъ подъ условіемъ, что 28 въ четвергъ требованія будутъ выполнены, стало работать, но вяло: они готовы все бросить при первомъ призывѣ. Тысячныхъ толпъ нѣтъ, но собираются по нѣсколько сотъ на возвышенностяхъ, гдѣ казакамъ неудобно дѣйствовать. Всѣ хотятъ быть принятыми въ организаціи и готовы вносить не по 2 коп. въ кассу, какъ предлагалось ораторами, а по 3 коп. съ рубля. Негодованіе противъ капиталистовъ отступило передъ злобой на министровъ и правительство; особенно достается Плеве. Политическое сознаніе несомнѣнно сильно выросло. Настроеніе почти праздничное и побѣдное; возбужденіе такъ велико, что жертвы нечувствительны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили для напечатанія слѣдующій адресъ:

„Лозаннскіе студентки и студенты на собраніи 6 декабря въ числѣ 60 чел. постановили послать свое горячее сочувствіе и пожеланія успѣха ростовскому и всему россійскому пролетаріату, борющемуся за великую идею своего освобожденія".

Собранные тамъ же въ пользу ростовскихъ стачечниковъ 95 фр. 80 сант. отправлены по назначенію.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

ИЗЪ ПАРТІИ

На югѣ образовался „Соціалдемократическій Союзъ Горнорабочихъ“, который заявилъ о своей солидарности съ Манифестомъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи 1898 г. и о своемъ присоединеніи къ партіи.

Въ 26 № „Искры“ напечатано слѣдующее заявленіе С.-Петербургскаго Комитета.

КО ВСѢМЪ РОССІЙСКИМЪ СОЦ. ДЕМ. ОРГАНИЗАЦІЯМЪ

Товарищи! Неудержимо развивающееся революціонное движеніе ставитъ передъ нами каждый день все болѣе сложныя задачи, и отъ того, насколько намъ удается выполнить ихъ, зависитъ въ значительной степени успѣхъ той освободительной борьбы, въ которой соціалдемократіи принадлежитъ передовая и самая отвѣтственная роль.

На С.-П.-Б. Комитетѣ тяжелѣе всего отзывались традиціи того направленія, которому присвоено было въ литературѣ названіе экономизма. И опытъ многихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ томъ, что мы сами себѣ связывали руки недостаточно широкой постановкой задачъ политической агитаціи и революціонной борьбы и желѣвесными формами организаціи, неприспособленными къ русскимъ условіямъ. Сдѣлавъ все возможное, чтобы въ этихъ недостаточно широкихъ и недостаточно подвижныхъ рамкахъ работать надъ организаціей пролетаріата, С.-П.-Б. Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры „Что дѣлать“, ликвидацію періода кустарничества, періода мѣстной раздробленности, организаціоннаго хаоса и программной разноголосицы.

Закончить эту ликвидацію тѣмъ болѣе необходимо, что всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ неминуемо пошло бы на пользу другимъ революціоннымъ или оппозиціоннымъ теченіямъ, дало бы имъ возможность усилиться за счетъ соціалдемократіи и тѣмъ самымъ сыграло бы въ руку интересамъ буржуазной демократіи. А между тѣмъ ни одно революціонное направленіе въ Россіи не обладаетъ и въ отдаленной степени такой революціонной теоріей и такими элементами массовой организаціи, какими обладаетъ соціалдемократія, которая упорной 10-ти-лѣтней борьбой пробила первую брешь въ твердынѣ политической и общественной реакціи и которая самыми тѣсными узами связана съ наиболѣе революціоннымъ и непобѣдимымъ классомъ.

Приступая къ осуществленію намѣченныхъ выше задачъ, С.-П.-Б. Комитетъ заявляетъ о своей солидарности съ теоретическими воззрѣніями, тактическими взглядами и организаціонными идеями „Зари“ и „Искры“, которыя онъ признаетъ руководящими органами русской соціалдемократіи. Пусть придутъ на помощь намъ всѣ партійныя организаціи, пусть тѣснѣе сплотятся онѣ на общепартійной работѣ подъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи. Мы не можемъ пассивно ждать одного только формальнаго возстановленія всероссійской партійной организаціи, мы должны немедленно активно взяться со всѣхъ сторонъ за ея созиданіе, чтобы оказаться на высотѣ своей задачи руководить рѣшительнымъ натискомъ массъ на русское самодержавіе.

С.-П.-Б. Комитетъ Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи

Союзъ Борьбы за Освоб. Раб. Класса.

С.-Петербургъ, іюль 1902 г.

Комитетъ Петербургской Рабочей Организаціи проситъ опубликовать слѣдующіе документы.

I.

С.-П.-Б. Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

Комитетъ Рабочей Организаціи протестуетъ противъ всякихъ постановленій, сдѣланныхъ безъ его вѣдома, въ томъ числѣ противъ постановленія о признаніи „Искры“ и „Зари“ руководящими органами, о чемъ объявлено въ прокламаціи отъ имени С.-П.-Б. Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса „Ко всѣмъ россійскимъ соціалдемократическимъ организаціямъ“, помѣченной іюлемъ мѣсяцемъ 1902 года. Мы въ настоящее время ни одинъ изъ существующихъ органовъ не можетъ признать выражающимъ наше направленіе и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ.

Комитетъ Рабочей Организаціи.

С.-П.-Б., сентябрь 1902 г.

II

Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

„Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“.

Уставъ Интернаціонала.

Признавая, что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха рабочей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса, мы находимъ, что отнынѣ Рабочая Организація во главѣ со своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы, и съ настоящаго момента мы всѣми силами будемъ стремиться провести въ жизнь этотъ нашъ взглядъ.

Отлагая подробное изложеніе нашей программы до выхода слѣдующаго номера газеты, мы ограничимся пока слѣдующимъ.

По основнымъ своимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соціалдемократы, мы стремимся подготовить рабочій классъ къ *соціальной революціи*. Ближайшей цѣлью мы считаемъ завоеваніе *политической свободы* съ тѣмъ, чтобы рабочій классъ воспользовался всѣми плодами своей побѣды и добился возможно большихъ правъ въ будущей конституціонной Россіи. Мы требуемъ *[illegible]* и стремимся теперь же пробудить въ рабочемъ классѣ ясное сознаніе [illegible] правъ, которыя должны быть осуществлены законодательнымъ путемъ непосредственно за введеніемъ конституціи.

Всѣхъ, кто считаетъ правильной такую постановку дѣла, мы просимъ оказать намъ посильное содѣйствіе и помощь, особенно нужныя теперь, когда приходится исправлять недостатки [illegible] воззванія, рукописи, книги, деньги и проч. [illegible] направлять непосредственно для Рабочей Организаціи и [illegible] Комитетъ.

Комитетъ Рабочей Организаціи.

Петербургъ, октябрь 1902 г.

[illegible] Петербургскій расколъ есть явленіе не случайное. Въ той или иной формѣ, въ той или иной степени разногласія подобныя петербургскому наблюдаются и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Выяснить и устранить причины, порождающія эти прискорбныя явленія, особенно важно теперь, когда насущнымъ и назрѣвшимъ вопросомъ является фактическое объединеніе всѣхъ соціалдемократическихъ организацій въ единую партію. Но разобрать этотъ сложный вопросъ въ предѣлахъ газетной статьи рѣшительно невозможно, и мы займемся имъ подробно въ 13 № „Рабочаго Дѣла“.

Послѣднія извѣстія изъ Ростова

отъ 29 ноября.

Въ Тихорѣцкой станицѣ совершено было варварское избіеніе. Казаки мстили толпѣ за майскій разгромъ, и станица прямо отдана была на ихъ произволъ. На [illegible] было 1500 чел. Казаки врѣзались безъ предупрежденія. Толпа легла, ее топтали и хлестали нагайками, били саблями, стрѣляли. Въ результатѣ площадь вся окровавлена. 30 человѣкъ убитыхъ. Казаки врывались въ жилища, грабили, [illegible] и убили одну женщину. Рабочіе возмущены, но подавлены. Прямо такое положеніе, какъ если бы прошли турецкіе башибузуки. Въ Новороссійскѣ стачка еще продолжается.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Ростовѣ.

Въ субботу 24 положеніе дѣлъ въ Ростовѣ было таково. Городъ объявленъ на военномъ положеніи, раздѣленъ шпалерами войскъ на части и ими отрѣзанъ отъ пригородовъ. Желѣзнодорожное начальство заявило, что удовлетворитъ всѣ 28 пунктовъ первоначальныхъ требованій за исключеніемъ: 1) не введетъ 9 час. дня, 2) не уплатитъ за время стачки, 3) не измѣнитъ системы штрафовъ. Часть рабочихъ подъ условіемъ, что 28 въ четвергъ требованія будутъ выполнены, стало работать, но вяло [illegible] готовы все бросить при первомъ призывѣ. Тысячныхъ толпъ нѣтъ, но собираются по нѣсколько сотъ на возвышенностяхъ, гдѣ казакамъ неудобно дѣйствовать. Всѣ хотятъ быть принятыми въ организаціи и готовы вносить не по 2 коп. въ кассу, какъ предлагалось ораторами, а по 3 коп. съ рубля. Негодованіе противъ капиталистовъ отступило передъ злобой на министровъ и правительство; особенно достается Плеве. Политическое сознаніе несомнѣнно сильно выросло. Настроеніе почти праздничное и побѣдное; возбужденіе такъ велико, что жертвы нечувствительны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Мы получили для напечатанія слѣдующій адресъ.

„Лозаннскіе студентки и студенты на собраніи 6 декабря въ числѣ 60 чел. постановили послать свое горячее сочувствіе и пожеланія успѣха ростовскому и всему россійскому пролетаріату, борющемуся за великую идею своего освобожденія“.

Собранные тамъ же въ пользу ростовскихъ стачечниковъ 95 фр. 80 сант. отправлены по назначенію.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ИЗДАНІЕ

СОЮЗА РУССКИХЪ СОЦІАЛДЕМОКРАТОВЪ.

№ 2. ДЕКАБРЬ 1902 г. № 2.

Соціалдемократическая партія и партія соціалистовъ-революціонеровъ.

Наша партія зоветъ пролетаріатъ на борьбу за свободу и за соціализмъ. Но въ Россіи есть еще одна партія, которая тоже зоветъ пролетаріатъ на борьбу за свободу и за соціализмъ, партія соціалистовъ-революціонеровъ *). Обѣ партіи ставятъ себѣ *повидимому* одинаковыя задачи, но *въ дѣйствительности* мы, соціалдемократы, ведемъ борьбу противъ теоретическихъ взглядовъ и тактическихъ пріемовъ соціалистовъ-революціонеровъ и, какъ читатель увидитъ, ведемъ борьбу не безъ основанія.

Соціалдемократическая партія есть партія рабочаго класса (городского и сельскаго пролетаріата). Пролетаріатъ — единственный классъ, находящійся въ непримиримой враждѣ со всѣмъ современнымъ соціальнымъ строемъ, и наша партія руководитъ его освободительной борьбой противъ этого строя. Въ нашу партію входятъ не только рабочіе, но и интеллигенты, и крестьяне, и люди разныхъ общественныхъ положеній. Но въ нее входятъ лишь тѣ интеллигенты, которые научились смотрѣть на общественную жизнь съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, которые поняли смыслъ его освободительной борьбы и посвятили ей свою жизнь; лишь тѣ крестьяне, которые стали на точку зрѣнія пролетаріата и освободились отъ взглядовъ, надеждъ и стремленій, собственныхъ массѣ крестьянъ — собственниковъ. Вы видите, что *наша партія есть рабочая партія*.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, въ отличіе отъ насъ, считаетъ себя партіей не одного пролетаріата, а *всего трудового народа*, не живущаго насчетъ эксплуатаціи. Она считаетъ себя въ одинаковой мѣрѣ партіей трудовой интеллигенціи — умственныхъ работниковъ, пролетаріата — наемныхъ рабочихъ и крестьянства, обрабатывающаго землю собственнымъ трудомъ.

И мы, соціалдемократы, обращаемся ко всѣмъ слоямъ трудового народа. Но мы оказываемъ имъ поддержку, мы вступаемъ съ ними въ союзъ лишь *пока* и *поскольку* они содѣйствуютъ нашей освободительной борьбѣ за соціализмъ. Мы не сливаемся съ ними въ одну партію, твердо зная, что *одинъ* лишь пролетаріатъ пойдетъ до конца въ великой освободительной борьбѣ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ, напротивъ того, не дѣлаетъ различія между разными слоями „трудового народа“ и считаетъ себя выразительницей интересовъ всѣхъ этихъ слоевъ. На первый взглядъ кажется, что партія соціалистовъ-революціонеровъ имѣетъ подъ собой болѣе широкій, а потому и болѣе прочный фундаментъ. Но это только на первый взглядъ. Чтобы быть настоящей партіей разныхъ общественныхъ слоевъ, т. е. вѣрной представительницей ихъ интересовъ, нужно, чтобы эти интересы совпадали. И несомнѣнно, что въ настоящее время, пока ведется борьба съ самодержавіемъ, *политическіе* интересы пролетаріата совпадаютъ въ общемъ съ политическими интересами интеллигенціи и крестьянъ. Но основные *соціальные* интересы пролетаріата отличны отъ *соціальныхъ* интересовъ большинства трудового крестьянства и трудовой интеллигенціи, и это особенно ярко обнаружится, какъ только закончится борьба съ нашимъ общимъ врагомъ — съ самодержавіемъ, какъ только народъ заживетъ на своей волѣ.

Мы, соціалдемократы, призываемъ интеллигенцію на борьбу съ самодержавіемъ и поддерживаемъ ее, когда она сама ведетъ эту борьбу, но мы не обманываемъ себя несбыточными надеждами. Мы знаемъ, что, какъ только исчезнетъ политическій гнетъ, объединяющій теперь всю трудовую интеллигенцію, — сейчасъ же обнаружится, что только небольшая ея часть готова связать свою судьбу съ бурной и тревожной жизнью революціоннаго пролетаріата. Гораздо бо́льшая часть трудовой интеллигенціи уйдетъ въ „станъ ликующихъ“, на услуженіе буржуазіи. Главная же ея масса успокоится на мѣщанскомъ счастьѣ, погрузится въ свои маленькіе личные интересы, будетъ заниматься мелкими культурными и благотворительными дѣлами, будетъ хлопотать о мелкихъ соціальныхъ реформахъ и т. д. Эти различныя тяготѣнія интеллигенціи и теперь уже обозначаются достаточно явственно. Въ свободной же Россіи они гораздо рѣзче выступятъ наружу. Поэтому крайне неосновательно думать, что можно спаять всю массу трудовой интеллигенціи въ одну партію съ пролетаріатомъ.

Такъ же трудно спаять въ одну партію все трудовое крестьянство съ пролетаріатомъ. Наша рабочая партія зоветъ все трудовое крестьянство на борьбу за демократическую свободу, и она увѣрена, что на этотъ зовъ крестьянство откликнется. Но изъ этого она не заключаетъ, что все трудовое крестьянство солидарно съ пролетаріатомъ въ его соціальныхъ интересахъ. Трудовое крестьянство — это, во 1-хъ, крестьяне, живущіе преимущественно наемнымъ трудомъ, батрачествомъ, отхожими промыслами, это, во 2-хъ, громадный слой малоземельныхъ крестьянъ, живущихъ въ крайней нуждѣ, но все еще цѣпляющихся за землю, это, въ 3-хъ, „хозяйственные мужики“, обезпеченные инвентаремъ и надѣломъ, но не прибѣгающіе къ помощи наемнаго труда. Съ *первыми* пролетаріатъ, конечно, вполнѣ солидаренъ, потому что они тѣ же пролетаріи, только гораздо менѣе сознательные и менѣе развитые, чѣмъ городскіе рабочіе.

Со *вторыми* пролетаріатъ только *отчасти* солидаренъ, поскольку они являются кандидатами въ пролетаріи и поскольку они борются противъ хищничества и безправія, противъ всякихъ крѣпостныхъ путъ, которыми ихъ связали правительство и помѣщики. Въ этой борьбѣ пролетаріатъ долженъ быть солидаренъ съ крестьянствомъ, ибо крѣпостныя путы препят-

*) Соціалисты-революціонеры сорганизовались въ партію недавно. Они имѣютъ свой научный журналъ — „Вѣстникъ Русской Революціи“, свой центральный органъ — газету „Революціонная Россія“, газету для крестьянъ и рабочихъ — „Народное Дѣло“. Въ ихъ партію входятъ „Боевая Организація“ и „Крестьянскій Союзъ“; къ нимъ примыкаетъ „Аграрно-Соціалистическая Лига“. Партія соціалистовъ-революціонеровъ и примыкающія къ ней организаціи распространяютъ въ большомъ количествѣ прокламаціи, листки и брошюры среди крестьянъ рабочихъ и интеллигенціи.

ствуютъ развитію экономической культуры, препятствуютъ развитію классовой борьбы въ деревнѣ, препятствуютъ превращенію полукабальнаго, нищаго крестьянина съ его отсталыми взглядами въ пролетарія, тяготѣющаго къ соціализму. Но дальше ихъ солидарность не идетъ. Если сравнить сознательныя стремленія революціоннаго пролетаріата съ наивными мечтами этого наиболѣе революціоннаго слоя крестьянъ, то окажется, что они находятся въ полнѣйшемъ противорѣчіи. Разоренное крестьянство мечтаетъ объ уничтоженіи частной собственности на землю путемъ уравнительнаго подушнаго передѣла всей земли. Сознательный пролетаріатъ хочетъ уничтожить частную собственность на землю путемъ передачи ея въ пользованіе соціалистически организованнаго общества. Разоренное крестьянство питаетъ несбыточную мечту, что частная собственность на землю будетъ уничтожена въ самомъ близкомъ будущемъ. Сознательный пролетаріатъ знаетъ, что она можетъ быть уничтожена еще нескоро, только послѣ общей соціальной революціи. Пролетарская соціальная революція возможна только въ такой странѣ, гдѣ капитализмъ положилъ основаніе будущаго общественнаго производства, гдѣ крупная индустрія получила значительный перевѣсъ надъ сельскимъ хозяйствомъ, гдѣ армія промышленнаго пролетаріата значительно выросла насчетъ притока деревенскаго населенія въ города, *гдѣ городъ преобладаетъ надъ деревней.* Если бы осуществилась несбыточная мечта разоренныхъ крестьянъ, если бы произошелъ „черный передѣлъ“, вся общественная жизнь пошла бы вспять. Россія, ставшая въ значительной степени промышленной страной, превратилась бы надолго въ деревенскую Русь *). При господствѣ современнаго денежнаго, товарнаго хозяйства это, конечно, не остановило бы пролетаризаціи крестьянъ, но это бы ее затянуло.

Различіе между современнымъ соціализмомъ пролетаріата и деревенскимъ коммунизмомъ нашихъ разоренныхъ крестьянъ отражаетъ на себѣ то, что К. Марксъ назвалъ „величайшимъ, быть можетъ, противорѣчіемъ въ исторіи“ — противорѣчіе между городомъ и деревней!...

Что касается *третьяго* разряда крестьянъ — „хозяйственныхъ мужиковъ“, то не только ихъ міровоззрѣніе, а и главные ихъ экономическіе интересы находятся въ полномъ противорѣчіи съ интересами пролетаріата. Хозяйственные мужики принадлежатъ къ классу мелкой буржуазіи. Пролетарій ведетъ борьбу противъ капитала. Хозяйственный мужикъ самъ тянется къ капиталу, стремится прикупить земли, прианять работниковъ, пріобрѣсти торговое заведеніе, словомъ, стать мелкимъ эксплуататоромъ. Пролетарій имѣетъ интересы потребителя, хозяйственный мужикъ имѣетъ интересы продавца и т. д.

* * *

Читатель видитъ, насколько различны соціальные интересы разныхъ слоевъ „трудового народа“. Отсюда слѣдуетъ, *что фундаментъ, на которомъ соціалисты-революціонеры хотятъ построить свою партію — трудовой народъ, хотя и шире фундамента нашей партіи — рабочій классъ, но за то и гораздо болѣе зыбкій, настолько зыбкій, что на немъ никакой прочной партіи, а тѣмъ болѣе соціалистической партіи, построить невозможно.*

Отъ различія въ фундаментѣ зависитъ прежде всего различіе въ нашихъ программахъ. *Наша партія, стоя на точкѣ зрѣнія пролетаріата, указываетъ въ своей программѣ ясный и опредѣленный путь къ соціализму*: пролетаріатъ разовьетъ свою классовую борьбу съ буржуазіей, смететъ всѣ препятствія для нея и въ первую голову самодержавіе и другіе пережитки крѣпостныхъ временъ, внесетъ эту классовую борьбу во всѣ области общественной жизни, привлечетъ къ ней всѣхъ, кто можетъ стать на его точку зрѣнія, а затѣмъ, когда онъ будетъ достаточно организованъ, онъ совершитъ соціальную революцію, т. е. вырветъ у буржуазіи государственную машину, которая служитъ ей орудіемъ господства, и приступитъ къ соціалистическому переустройству общественной жизни.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ тоже говоритъ о соціальной революціи, но, желая стать одновременно на точку зрѣнія разныхъ слоевъ трудового народа со сталкивающимися соціальными интересами, она не можетъ указать яснаго пути къ соціализму. Она тщетно пытается примирить и согласовать мелкобуржуазную программу народниковъ 80-хъ гг., соотвѣтствующую соціальнымъ стремленіямъ среднихъ слоевъ крестьянъ и интеллигенціи, съ соціалдемократической программой пролетаріата и анархически-бунтарской программой старой партіи „Земля и Воля“, соотвѣтствующей стремленіямъ разореннаго крестьянства. Въ результатѣ этого смѣшенія получается не соціалистическая программа, а соціалистическій туманъ. Распространеніе этого соціалистическаго тумана въ той средѣ, на которую распространяется и должно распространиться вліяніе соціалдемократіи, особенно вредно въ настоящее тревожное время, когда многіе стараются перетянуть пролетаріатъ на свою сторону, когда многіе изъ своихъ политическихъ расчетовъ сознательно стремятся затемнить классовыя задачи пролетаріата.

Отъ различія въ фундаментѣ зависитъ также и различіе въ тактикѣ нашихъ партій. *Наша партія, стоя на точкѣ зрѣнія пролетаріата, считаетъ пролетарскую соціальную революцію своей конечной цѣлью, которой она руководится во всей своей дѣятельности, а политическую свободу средствомъ къ этой цѣли.* Партія соціалистовъ-революціонеровъ хочетъ выражать общіе интересы разныхъ слоевъ трудового народа. Но эти слои народа въ настоящее время имѣютъ только *одинъ прочный общій интересъ* — борьбу съ самодержавіемъ за демократическую свободу. Поэтому *партія соціалистовъ-революціонеровъ неизбѣжно должна была признать завоеваніе политической свободы своей основной задачей; всѣ же пріемы ея борьбы и въ томъ числѣ ея смутныя и сбивчивыя соціальныя требованія фактически приноровлены только къ этой задачѣ, а не къ будущей соціальной революціи.* Неудивительно поэтому, что, вовлекая народъ въ борьбу съ самодержавіемъ, она сплошь и рядомъ прибѣгаетъ къ такимъ революціоннымъ пріемамъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ нашей конечной цѣлью и затемняютъ соціалистическое сознаніе пролетаріата и его друзей. Чтобы наглядно это показать, мы охарактеризуемъ ея революціонную дѣятельность въ средѣ рабочихъ и крестьянъ.

Мы, соціалдемократы, идемъ въ пролетаріатъ съ опредѣленной цѣлью — подготовить пролетарскую соціальную революцію. Для этого мы его организуемъ въ классовую партію и стремимся придать классовый характеръ его экономической и политической борьбѣ.

Ставя себѣ такую задачу, соціалдемократія всегда старалась руководить борьбой рабочихъ съ хозяевами. Соц.-револ. пренебрежительно окрестили экономическую борьбу „стачкизмомъ“. Ставя себѣ такую задачу, соціалдемократія борется противъ всего того, что ослабляетъ классовую солидарность и сознаніе пролетаріата, понижаетъ его классовую самодѣятельность. Соц.-рев. идутъ къ рабочимъ съ пропагандой террора, а мы въ прошломъ № уже говорили, какъ терроръ вредитъ классовой борьбѣ пролетаріата.

Такъ же различны наши отношенія къ крестьянамъ-собственникамъ, живущимъ своимъ трудомъ. Мы, соціалдемократы, призывая ихъ на борьбу за демократическую свободу, въ своей агитаціи руководимся неизмѣнно интересами пролетаріата, интересами будущей пролетарской соціальной революціи. Во имя этихъ интересовъ мы въ настоящее время въ деревнѣ прежде всего боремся противъ всѣхъ проявленій сословно-крѣпостного строя, такъ какъ онѣ составляютъ главное препятствіе для экономическаго и культурнаго развитія страны и для классовой борьбы пролетаріата. Мы говоримъ крестьянамъ: мы будемъ требовать, чтобы вамъ были отданы тѣ земли, чтобы были отмѣнены тѣ стѣсняющіе васъ законы, чтобы съ васъ было снято то податное бремя, которые ставятъ васъ въ по-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать *уравнительнаго передѣла* земли, о которомъ мечтаютъ крестьяне, съ тѣмъ, что до извѣстной степени совершилось во время великой французской революціи 1789 г. Тамъ монастырскія и часть дворянскихъ земель были конфискованы. Но онѣ не были уравнительно раздѣлены. Онѣ были распроданы, попали главнымъ образомъ въ руки буржуазіи, и это дало только лишній толчокъ къ развитію капиталистическаго хозяйства во Франціи.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА
ФРАНЦУЗСКИХЪ УГЛЕКОПОВЪ.

I.

Что хлѣбъ для человѣческаго питанія, то каменный уголь для фабрично-заводской промышленности. Безъ угля нѣтъ теплоты, которая приводитъ въ движеніе машины, куетъ желѣзо и сталь, плавитъ стекло, двигаетъ прядильный и ткацкій станокъ, мчитъ по рельсамъ желѣзнодорожный поѣздъ. Трудъ углекопа наиболѣе необходимъ для всей крупной промышленности, и онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе тягостенъ. Глубокія подземныя шахты, куда не проникаетъ лучъ солнца, спертый воздухъ, смѣшанный съ вредными газами, опасность быть заживо погребеннымъ отъ взрыва этихъ газовъ, напряженная работа при неестественномъ положеніи тѣла—такова истинно каторжная обстановка труда въ копяхъ. А ея послѣдствія—преждевременная старость и преждевременная могила для всѣхъ углекоповъ, изуродованіе и смерть отъ несчастныхъ случаевъ для многихъ.

Чѣмъ хуже рабочимъ, тѣмъ лучше хозяевамъ. Это общее правило всюду и всегда. Насколько тяжелъ трудъ углекопа, настолько легка и обильна нажива углепромышленника. Владѣльцы копей во всѣхъ странахъ получаютъ самую высокую прибыль по сравненію съ другими капиталистами. Это объясняется очень просто. Во всѣхъ прочихъ отрасляхъ промышленности можно по произволу заводить новыя предпріятія. И это дѣлается всякій разъ, когда какое-нибудь производство начинаетъ приносить особенно высокую прибыль. Не то въ угольной промышленности. Залежи угля въ капиталистическихъ странахъ всѣ или почти всѣ уже открыты и разрабатываются, ихъ владѣльцамъ нечего бояться новыхъ соперниковъ, и они пользуются своей привилегіей. Углепромышленники — первые „господа жизни“ въ капиталистическомъ обществѣ, неограниченные царьки, самодержцы эксплуатаціи.

И норовъ у нихъ царскій, повадки самодержавныя. Всякими способами стараются они угнетать рабочихъ, связать ихъ по рукамъ и ногамъ, наглухо заковать цѣпь, которая и безъ того прикрѣпляетъ къ шахтѣ углекопа, неспособнаго ни къ какому другому труду. Для этого пускаются въ ходъ и грубые запреты, и лицемѣрныя уступки, тайная хозяйская полиція—шпіонство и постройка „дешевыхъ“ жилищъ, которыя сдаются рабочимъ въ наемъ съ изрядной выгодой для хозяина, постоянная угроза разсчетомъ и грошовая благотворительность за счетъ рабочей платы. Но всѣ ихъ старанія напрасны.

Правда, еще донынѣ встрѣчаются въ разныхъ странахъ Западной Европы темные уголки для неограниченнаго господства угольныхъ царьковъ надъ рабочими. Но широкая масса углекоповъ успѣла уже стряхнуть съ себя старую покорность и забитость. Въ рядѣ крупныхъ стачекъ она испробовала свою силу, сознала первостепенную важность своего труда. Возникли сильные *союзы* для борьбы съ хозяевами, эти союзы сплотились въ отдѣльныхъ странахъ въ общіе національные союзы, и вотъ ужъ больше десяти лѣтъ, какъ существуетъ международный союзъ углекоповъ, объединяющій національные союзы Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи и Австріи. Углекопы ведутъ не только экономическую борьбу, они также участвуютъ въ общей политической борьбѣ рабочаго класса противъ всего существующаго строя. Все болѣе и болѣе густыми рядами примыкаютъ они къ соціалистической партіи своей страны (за исключеніемъ Англіи, гдѣ соціалистическая партія, благодаря особенностямъ англійской жизни, еще очень слаба и гдѣ углекопы посылаютъ собственныхъ депутатовъ въ парламентъ наряду съ другими рабочими союзами, но исключительно для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ, для улучшенія своего положенія путемъ законодательства).

Своей неутомимой борьбой углекопы всѣхъ странъ отвоевали болѣе или менѣе значительныя улучшенія: повышеніе платы, сокращеніе рабочаго времени, вознагражденіе за увѣчья и несчастные случаи вообще, пенсіи на старость и прежде всего — орудіе всѣхъ улучшеній—свободную и сильную организацію, передъ которой угольные царьки должны гнуть гордую шею и съ которой должны считаться буржуазные парламенты. Такъ, углекопы ближе всѣхъ другихъ рабочихъ къ завоеванію закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, послѣ того какъ они непосредственной борьбой съ хозяевами уже добились значительнаго сокращенія рабочаго времени. Въ частности во Франціи рабочее время углекоповъ среднимъ счетомъ колеблется между 8 и 9 часами; а подъ давленіемъ угрозы общей забастовкой палата депутатовъ въ февралѣ 1902 г. приняла проектъ закона, устанавливающій восьмичасовой рабочій день послѣ переходнаго времени въ $4\frac{1}{2}$ года, въ теченіе котораго рабочій день будетъ постепенно сокращаться до 9, $8\frac{1}{2}$ и 8 часовъ.

Если сравнить положеніе западно-европейскихъ углекоповъ даже съ положеніемъ русскихъ рабочихъ вообще, не говоря уже о положеніи русскихъ шахтеровъ, то можно сказать, что углекопы на Западѣ пользуются прямо завидной долей. И однако, ихъ борьба не прекращается, ихъ недовольство своимъ положеніемъ и всѣмъ существующимъ строемъ все усиливается. Благонамѣренному обывателю, живущему своими узкими интересами, это кажется непонятнымъ, а капиталисты всѣхъ странъ вторятъ крикамъ углепромышленниковъ противъ „ненасытности“ рабочихъ. А между тѣмъ ларчикъ открывается просто. Борющійся рабочій чувствуетъ и думаетъ по иному, чѣмъ мирный обыватель, или покорный, забитый труженикъ изъ наемныхъ же рабочихъ. Да, борющійся рабочій „ненасытенъ“ — въ этомъ его честь, его достоинство, залогъ его полной побѣды надъ буржуазіей! Ему чужда „*проклятая нетребовательность*“ раба, противъ которой гремѣлъ 40 лѣтъ тому назадъ Фердинандъ Лассаль, вождь германскаго пролетаріата. Рабья душа утѣшается тѣмъ, что есть еще болѣе несчастные. Живя впроголодь, рабъ говоритъ себѣ: „есть умирающіе съ голоду“ — и онъ доволенъ своей судьбой. Когда раба бьютъ палкой, онъ радуется, что его кости остались цѣлы. Когда ему плюютъ въ лицо, онъ спокойно утирается, довольный тѣмъ, что его не избили... Рабочій-борецъ не знаетъ этихъ рабьихъ чувствъ. Борьбой онъ добивается одного улучшенія за другимъ, и всѣ его потребности, матеріальныя и духовныя, растутъ вмѣстѣ съ успѣхами борьбы. Онъ оцѣниваетъ свое положеніе не по сравненію съ прошлымъ, когда ему было хуже, а по сравненію съ положеніемъ капиталистовъ, которые чѣмъ дальше, тѣмъ все больше богатѣютъ и отдѣляются отъ рабочаго класса все болѣе широкою и глубокою пропастью. Онъ измѣряетъ свое положеніе не мѣркой бѣдственной жизни отсталыхъ рабочихъ, а тѣмъ разстояніемъ, которое его отдѣляетъ отъ капиталиста. Это разстояніе все болѣе увеличивается, несмотря на отвоеванныя улучшенія рабочей жизни, а вмѣстѣ съ нимъ увеличивается требовательность борца, разгорается его ненависть къ существующему строю.

Борющійся рабочій смотритъ не назадъ, а впередъ. Ему свѣтитъ впереди соціалистическая цѣль, полное освобожденіе рабочаго класса отъ эксплуатаціи и господства буржуазіи. Вынуждаемыя у буржуазіи уступки онъ считаетъ возвращеніемъ ничтожной части долга, накопившагося за эксплуататорами пролетаріата, великаго и все растущаго долга, который будетъ уплаченъ только съ уничтоженіемъ всякой эксплуатаціи. Каждый новый шагъ борьбы, каждая частичная побѣда приближаетъ его къ конечной соціалистической цѣли, и отъ этого опять-таки растетъ въ немъ жажда борьбы, ярче вспыхиваетъ нетерпѣливое желаніе низвергнуть весь существующій строй. Такъ, путникъ ускоряетъ свои шаги, когда по дорогѣ начинаютъ мелькать знакомые виды, возвѣщающіе близость давно желанной цѣли.

II.

Французскіе углекопы, можно сказать, не переставали волноваться за послѣдніе два года. Наиболѣе рѣшительные изъ нихъ все рвались къ всеобщей стачкѣ, а въ отдѣльныхъ районахъ вспыхивали мѣстныя стачки, или же рабочій союзъ вынуждалъ уступки подъ угрозой стачки.

Дѣло въ томъ, что угольная промышленность переживала золотое время. Цѣны на уголь почти удвоились, прибыль углепромышленниковъ достигла прямо баснословныхъ размѣровъ. Рабочіе хотѣли воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ. И они не только потребовали повышенія платы у хозяевъ, но и предъявили свои старыя требованія законодательныхъ реформъ къ парламенту и правительству. Вотъ эти требованія: 1) законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ; 2) улучшеніе закона о пенсіяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы всякому углекопу, достигшему пятидесятилѣтняго возраста (теперь пенсія дается только съ 55 лѣтъ) и проработавшему 30 лѣтъ, выдавалась пенсія въ размѣрѣ двухъ франковъ (80 копѣекъ) въ день; 3) установленіе минимума заработной платы, меньше которой запрещено было бы платить, путемъ мѣстныхъ комиссій съ участіемъ представителей рабочаго союза; 4) улучшеніе закона объ отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи; 5) улучшеніе закона о выборныхъ рабочихъ делегатахъ, наблюдающихъ за безопасностью копей.

Однако, до всеобщей стачки дѣло не дошло, такъ какъ хозяева и правительство съ парламентомъ пошли на уступки изъ страха передъ стачкой и передъ сильной организаціей углекоповъ, которая насчитываетъ 60 тысячъ членовъ, больше трети общаго числа углекоповъ Франціи (170 тысячъ человѣкъ). Хозяева повысили заработную плату, а палата депутатовъ, въ февралѣ 1902 г., приняла законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, и рабочіе могли разсчитывать, что этотъ законъ будетъ принятъ также сенатомъ.

лукрѣпостную зависимость отъ помѣщиковъ и отъ государства. Мы этого *должны* требовать, потому что это поможетъ освобожденію вашей личности, поможетъ развитію классовой борьбы въ деревнѣ, поможетъ будущему торжеству соціализма *). Таковы наши требованія. Но намъ говорятъ, что этого мало: чтобы помочь хронически голодающему крестьянскому населенію, въ настоящее время необходимо кромѣ всего прочаго облегчить и расширить его доступъ къ землѣ**). Мы съ этимъ согласны; но этого теперь желаютъ въ большей или меньшей степени также и буржуазные классы общества: промышленная буржуазія — потому что крестьянское разореніе чрезвычайно обогнало капиталистическое развитіе страны, подорвало внутренній рынокъ и серьезно угрожаетъ промышленности; помѣстное дворянство — потому что оно живетъ подъ всегдашнимъ страхомъ крестьянскихъ бунтовъ. Признавая неотложность земельныхъ реформъ, мы, соціалдемократы, смотримъ на нихъ совершенно иначе, чѣмъ тѣ, которые стоятъ на мелкобуржуазной точкѣ зрѣнія крестьянъ Для нихъ эти реформы являются средствомъ для развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства насчетъ крупнаго капиталистическаго; для насъ же это культурныя мѣры борьбы противъ крестьянскаго обнищанія, которыя нисколько не задержатъ капиталистическаго развитія Россіи. Но именно потому, что это для насъ мѣры культурныя, не имѣющія прямого опредѣленнаго отношенія къ классовой борьбѣ пролетаріата, мы не включаемъ ихъ въ свою программу, ибо *наша программа есть программа классовой борьбы пролетаріата*. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы равнодушны къ культурнымъ интересамъ народа. Напротивъ того, мы знаемъ, что, борясь за осуществленіе своей революціонной программы, мы тѣмъ самымъ сдѣлаемъ возможнымъ культурное развитіе Россіи; борясь противъ самодержавія за демократическую свободу, мы тѣмъ самымъ откроемъ возможность представителямъ крестьянъ въ будущемъ парламентѣ провести земельныя реформы, и они ихъ проведутъ, ибо эти реформы не противорѣчатъ интересамъ буржуазнаго общества.

Но широкіе слои крестьянъ хотятъ большаго — уравнительнаго раздѣла помѣщичьей земли. Это несомнѣнно требованіе революціонное. Тѣмъ не менѣе мы этого требованія не вносимъ въ свою программу, потому что общій раздѣлъ земли на мелкіе участки идетъ въ разрѣзъ съ нашей конечной соціалистической цѣлью, и потому что конфискація крупнаго землевладѣнія совершенно неосуществима въ буржуазномъ обществѣ. Если бы даже крестьяне во время революціи захватили и запахали тѣ или другія помѣщичьи земли *во имя принципа равенства*, то все же буржуазное государство послѣ революціи не признало бы этого захвата, ибо это значило бы подорвать основу буржуазнаго общества — уваженіе къ частной собственности. Итакъ, повторяемъ, мы вносимъ въ свою программу-минимумъ (программу ближайшихъ требованій) лишь тѣ требованія въ пользу крестьянъ, которыя осуществимы въ современномъ обществѣ, которыя соотвѣтствуютъ классовымъ интересамъ пролетаріата и способны приблизить насъ къ пролетарской соціальной революціи. Эти *опредѣленныя* требованія мы обязываемся отстаивать въ моментъ наступающей политической революціи, зная, что нужно ковать желѣзо, пока горячо.

Соціалисты-революціонеры не заботятся о томъ, чтобы согласовать свое *неопредѣленное* требованіе „черезъ волю къ землѣ" съ интересами пролетаріата и пролетарской соціальной революціи. Они, съ одной стороны, становятся на мелкобуржуазную точку зрѣнія среднихъ слоевъ крестьянъ. Они говорятъ о „*прирѣзкѣ* земли"; они говорятъ: „Къ требованію — политическая свобода. . мы присоединяемъ требованіе широкой *земельной реформы*"; они разъясняютъ крестьянамъ, что послѣ паденія самодержавія по ихъ требованію „государство завершитъ процессъ притеканія земли отъ капитала къ труду, который и теперь мѣстами происходитъ, *и на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ это было въ 61 г.*". Словомъ, они требуютъ на первую очередь возможности большаго укрѣпленія мелкаго крестьянскаго хозяйства, посредствомъ *реформы*, которая не посягаетъ еще на „право собственности" землевладѣльцевъ. Это съ одной стороны. Но съ другой стороны, подъ напоромъ разразившагося стихійнаго крестьянскаго движенія они становятся на другую точку зрѣнія, на анархическую точку зрѣнія „черняго передѣла". Они говорятъ: „Необходимо поставить требованіе національзаціи земли въ смыслѣ перехода ея въ уравнительное пользованіе трудового земледѣльческаго населенія. Менѣе радикальныя требованія въ настоящее время способны лишь оттолкнуть крестьянство". Отъ этихъ сбивчивыхъ земельныхъ требованій они хотятъ перекинуть мостъ къ соціализму посредствомъ укрѣпленія въ будущемъ свободномъ буржуазномъ государствѣ общиннаго землевладѣнія, посредствомъ развитія крестьянскихъ артелей, союзовъ и т. д. И это опять-таки мѣры, которыя способны не приблизить насъ къ соціальной революціи, а затемнить представленіе о ней, особенно при отсутствіи развитой классовой борьбы, внѣ связи съ сильной пролетарской соціалистической партіей.

Вы видите, что соціалисты-революціонеры въ своихъ земельныхъ требованіяхъ не руководятся нашей конечной цѣлью — пролетарской соціальной революціей. Выставляя эти требованія, они *на первомъ планѣ* руководятся желаніемъ вовлечь крестьянъ въ борьбу съ самодержавіемъ. Они говорятъ: „Мы должны звать крестьянъ землей къ волѣ"; „и въ печатныхъ и въ устныхъ обращеніяхъ къ крестьянамъ мы должны особенно подчеркивать политическій элементъ, экономическимъ же пользоваться главнымъ образомъ, какъ двигателемъ, какъ аргументомъ." И мы, соціалдемократы, желаемъ вовлечь крестьянъ въ борьбу съ нашимъ общимъ злѣйшимъ врагомъ — съ самодержавіемъ. Но мы никогда не прибѣгнемъ для этого къ такимъ пріемамъ, которые способны извратить у пролетаріата представленіе объ истинномъ пути къ соціализму. Мы знаемъ, что въ Россіи, какъ и во всѣхъ европейскихъ странахъ, послѣ паденія самодержавія не ослабится классовая борьба, что она, напротивъ того, тогда только и сможетъ развиться въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому мы не станемъ писать въ своихъ партійныхъ воззваніяхъ къ крестьянамъ: „Отдѣльные помѣщики и богатѣи — это все только малые медвѣжата, *ихъ можно бы всѣхъ перебрать голыми руками*, да сначала нужно одолѣть большого медвѣдя — царя и его правительство... Нужно... покончить съ медвѣдемъ, а тамъ уже хозяйничай въ его берлогѣ, какъ умѣешь и знаешь". Такъ писать — значитъ разбудить мысль съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же ее усыпить. Мы знаемъ, что изголодавшееся крестьянство, вѣрящее въ близость общаго раздѣла земли, легко рѣшается и съ полнымъ сознаніемъ своего права приступаетъ къ „аграрному террору". Но мы знаемъ также, что съ точки зрѣнія соціалистической этотъ способъ борьбы неразуменъ и нецѣлесообразенъ, а потому мы не станемъ писать въ своихъ партійныхъ воззваніяхъ къ крестьянамъ: „Не подѣйствуетъ и это (стачки и бойкотъ) — дѣлать нечего, пеняй на себя... Можно уговориться... всячески вредить его хозяйству. Тутъ могутъ послужить и потравы, и порубки, и пожары „отъ неизвѣстной причины", и всякіе другіе способы И теперь бываетъ въ иныхъ деревняхъ, что отъ „неизвѣстной причины" мостикъ черезъ оврагъ или ручей провалится какъ разъ въ то время, когда проѣзжаетъ нелюбимый земскій начальникъ или становой; *и всякіе другіе случаи бываютъ, особенно въ темныя ночи, да по глухимъ дорогамъ...*"

* * *

Ускорить паденіе самодержавія — вотъ основная задача соц.-революціонеровъ. И мы, соціалдемократы, считаемъ это нашей главнѣйшей задачей въ настоящее время. Но мы *прежде всего соціалисты*, и потому для насъ чрезвычайно важно, на какихъ условіяхъ и какимъ способомъ будетъ ликвидировано самодержавіе. Для насъ чрезвычайно важно, чтобы самодержавіе было ликвидировано на условіяхъ наиболѣе вы-

*) Мы выставляемъ здѣсь не всѣ наши требованія, а лишь наиболѣе характерныя.

**) Мы вносимъ въ свою программу требованіе отдачи крестьянамъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые, находясь въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, служатъ имъ не въ интересахъ сельскаго хозяйства, а для установленія кабальной зависимости отъ нихъ крестьянъ. Въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о другомъ — о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія или землепользованія.

Такъ дѣло обстояло къ лѣту настоящаго года. Казалось, что одной угрозы всеобщей стачкой будетъ достаточно для достиженія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ требованій. Но угольные царьки рѣшили иначе. Едва стали замѣчаться первые признаки заминки въ промышленности, особенно въ металлургическомъ дѣлѣ, едва только заколебались непомѣрно высокія цѣны на уголь,—какъ наиболѣе крупные углепромышленники объявили пониженіе платы. Это значило бросить дерзкій вызовъ рабочимъ. Мы, угольные царьки, дескать, не боимся теперь всеобщей стачки: спросъ на уголь уменьшается, запасы угля у насъ огромные, за годы промышленнаго расцвѣта мы успѣли загрести десятки милліоновъ рублей лишняго барыша—теперь можемъ безъ риска отнять у рабочихъ тѣ десятки рублей добавочной платы, которые мы имъ удѣлили изъ своихъ милліонныхъ барышей. Пусть они начинаютъ стачку —мы покажемъ имъ свою силу, собьемъ съ нихъ спѣсь! Такъ думали углепромышленники, говорили же они другое. Они жаловались на „плохія дѣла", которыя, молъ, никакъ не позволяютъ ихъ доброму отеческому сердцу давать рабочимъ прежнюю плату.

Тѣмъ временемъ, въ концѣ сентября, собрался съѣздъ союза углекоповъ. На брошенный хозяевами вызовъ онъ отвѣтилъ единогласнымъ рѣшеніемъ въ пользу всеобщей стачки и далъ полномочіе союзному комитету объявить стачку безъ всякаго замедленія, если хозяева откажутся уступить и если правительство не обяжется удовлетворить главныя законодательныя требованія углекоповъ. Правительство дало комитету удовлетворительный отвѣтъ по вопросу о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и о пенсіяхъ, обѣщая въ то же время ускорить обсужденіе въ парламентѣ другихъ требованій. Оно высказалось только противъ законодательнаго установленія минимума заработной платы. Хозяева же отказались вступить въ переговоры съ союзомъ. Отказались отъ этого даже владѣльцы копей сѣвернаго района, хотя тамъ вспыхнула стачка изъ-за пониженія платы съ 1-го октября, еще до общаго рѣшенія союзнаго комитета. Долѣе нельзя было медлить. Теперь широкая масса рабочихъ рвалась въ бой и частью уже начала стачку по собственному почину. 8-го октября комитетъ объявилъ всеобщую стачку углекоповъ всей Франціи.

Послѣ сказаннаго ясно, что стачка была направлена исключительно противъ хозяевъ, такъ какъ заявленія правительства въ пользу главныхъ реформъ удовлетворили рабочихъ. Тѣмъ не менѣе стачка немедленно же привела къ благопріятному политическому результату: комиссія сената, которая до сихъ поръ, по своему обыкновенію, оставляла принятый палатой депутатовъ законопроектъ о 8-часовомъ днѣ подъ спудомъ, приступила къ его обсужденію и приняла его почти безъ всякихъ измѣненій. Такъ что окончательное введеніе восьмичасового рабочаго дня не подлежитъ уже сомнѣнію. Точно также стачка ускоритъ и обезпечитъ успѣхъ другихъ законодательныхъ требованій углекоповъ.

Два года висѣла она, какъ дамокловъ мечъ, надъ головой парламента и правительства. Теперь угроза перешла въ дѣйствительность. Союзъ углекоповъ показалъ, что онъ грозитъ не въ пустую, что онъ можетъ поднять на ноги всю армію подземнаго пролетаріата. Отнынѣ къ его требованіямъ господствующіе классы будутъ прислушиваться со всѣмъ трепетомъ, который на нихъ нагнала небывалая еще во Франціи массовая стачка.

III.

Во Франціи это первая всеобщая стачка рабочихъ цѣлой отрасли промышленности и самая крупная по числу своихъ участниковъ. За нѣсколько дней движеніе охватило 150.000 рабочихъ. Въ сторонѣ отъ него осталось только ничтожное меньшинство, въ томъ числѣ углекопы Монсо-лэ-Минъ, которые въ прошломъ году выступили изъ общаго союза, недовольные тѣмъ, что ихъ мѣстная стачка не была поддержана всеобщей забастовкой. За то къ стачкѣ присоединились и рабочіе тѣхъ районовъ, гдѣ плата не была понижена. Они поступили такъ изъ чувства солидарности для того, чтобы помочь товарищамъ и чтобы выполнить рѣшеніе союзнаго съѣзда.

Стачка длится вотъ уже четыре недѣли, и боевой духъ не покинулъ борцовъ. Только въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ и захолустныхъ копяхъ возобновилась работа, тамъ, гдѣ организованныхъ рабочихъ мало. Вся же масса борцовъ въ главныхъ районахъ стоитъ сплошной стѣной за свои требованія. Около полумилліона людей, считая женъ и дѣтей стачечниковъ, живутъ уже четыре недѣли безъ работы. Плата, полученная стачечниками передъ забастовкой, давно уже съѣдена. Ихъ поддерживаетъ отчасти союзная касса, отчасти пожертвованія французскихъ и иностранныхъ рабочихъ, отчасти же они забираютъ съѣстные припасы въ долгъ.

Угольные царьки жестоко просчитались. Они надѣялись, что рабочіе не выдержатъ больше одной или двухъ недѣль. Теперь, когда стачка затянулась, владѣльцы копей несутъ двойные убытки: они теряютъ и отъ самой стачки, и на будущее время отъ конкуренціи иностраннаго угля. Уголь будетъ ввозиться изъ заграницы въ большемъ противъ прежняго количествѣ еще нѣкоторое время послѣ прекращенія стачки, такъ какъ иностранные углепромышленники потребовали отъ своихъ французскихъ покупателей заключенія договоровъ о покупкѣ угля на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Хозяева ошиблись и въ другихъ своихъ расчетахъ. Извѣстно, какой страхъ нагоняютъ на всю буржуазію и на правительство одни слова „всеобщая стачка". А когда буржуазія боится, правительство спѣшитъ успокоить ее, выводя изъ казармъ ея тѣлохранителей, солдатъ и полицейскихъ, наводняя „опасныя" мѣстности войсками. Углепромышленники сильно надѣялись на военную силу для устрашенія стачечниковъ и для подавленія стачки путемъ столкновеній между рабочими и войсками, путемъ кровопролитія. Эти звѣрскія надежды не оправдались. Правда, министерство, по печальному примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ, превратило районы стачки въ военный лагерь. Но это не устрашило рабочихъ и не лишило ихъ также хладнокровія въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили столкновенія съ солдатами. Отряды стачечниковъ неутомимо и безстрашно обходили копи, наблюдая за тѣмъ, чтобы слабодушные и измѣнники (а такіе всегда найдутся среди 150.000 человѣкъ) не начинали работать. Иногда стачечники окружали грозной толпой кучку измѣнниковъ, возвращавшуюся изъ шахты домой подъ охраной тройной стѣны пѣхоты, конницы и жандармовъ. Вы видите, измѣнники рабочему дѣлу удостоивались такихъ же военно-полицейскихъ „почестей", какъ русскій царь во время своего путешествія по Франціи. Чувствовали же они себя подъ тройной охраной еще хуже, чѣмъ запуганный россійскій самодержецъ. Преслѣдуемые стачечниками, они испытывали и страхъ, и стыдъ за свое позорное поведеніе. Это отбивало охоту у слабодушныхъ вернуться въ шахту, несмотря на всѣ военныя мѣры для защиты такъ называемой „свободы труда", т. е. свободы измѣнниковъ работать во время стачки.

Военная обстановка, которую всякое буржуазное правительство создаетъ вокругъ массовой забастовки, непрерывно подвергаетъ стачечниковъ смертельной опасности. Кровавая стычка можетъ произойти каждую минуту. И если такой стычки между углекопами и войсками не было, то это, можно сказать, счастливая случайность. А вотъ въ мѣстечкѣ Террнуаръ (около Сентъ-Этьена), по случаю мелкаго столкновенія, не имѣвшаго прямого отношенія къ стачкѣ, жандармъ однимъ выстрѣломъ убилъ одного углекопа и тяжело ранилъ другого — просто потому, что время военное и жандармы издавно привыкли видѣть въ стачечникѣ врага и чуть-ли не преступника. Правительственное сообщеніе приписало это убійство... „недоразумѣнію". Жестокое, хотя и невольное издѣвательство надъ пролетаріатомъ и жестокое осужденіе буржуазнаго строя, гдѣ возможны такія „недоразумѣнія"!

IV.

Всеобщая стачка углекоповъ отличается отъ всякой другой всеобщей стачки тѣмъ, что она грозитъ невольной остановкой работъ въ другихъ отрасляхъ промышленности за недостаткомъ угля. Поэтому она можетъ оказать особенно сильное давленіе на буржуазный міръ, но, конечно, сила давленія будетъ неодинакова въ разныхъ странахъ. Чѣмъ больше угля добывается и потребляется въ странѣ, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать закрытіе угольныхъ копей. Что касается Франціи, то она по добычѣ угля занимаетъ въ Европѣ четвертое мѣсто послѣ Англіи, Германіи и Австро-Венгріи. Притомъ Франція не можетъ покрыть свое потребленіе собственнымъ углемъ, она ввозитъ третью часть нужнаго ей угля изъ-заграницы. Отсюда ясно, почему всеобщая угольная стачка во Франціи оказывала сравнительно слабое давленіе на промышленность. Стоитъ только усилить ввозъ изъ-заграницы, къ тому же изъ сосѣднихъ странъ—Англіи, Бельгіи и Германіи, и недостатокъ угля станетъ неособенно чувствительнымъ.

Тутъ наталкиваешься на первостепенную важность международной организаціи углекоповъ, которая способна была бы помѣшать подвозу угля изъ-заграницы въ страну, гдѣ происходитъ стачка.

Союзный комитетъ французскихъ углекоповъ при самомъ объявленіи стачки обратился съ особымъ воззваніемъ къ углекопамъ всѣхъ странъ, предлагая имъ поддержать французскихъ товарищей тѣми средствами, какія они найдутъ наиболѣе удобными. Союзы германскихъ и бельгійскихъ углекоповъ немедленно рѣшили отказаться отъ сверхурочныхъ работъ, бельгійцы кромѣ того сами стали угрожать стачкой, требуя повышенія платы, а мѣстами уже начали-было стачку. Но общій бельгійскій союзъ по разнымъ причинамъ рѣшилъ повременить съ объявленіемъ стачки. Англичане послали французскимъ товарищамъ 10 тысячъ руб., нѣмцы — 2 1/2 тысячъ рублей, международный комитетъ угле-

лукрѣпостную зависимость отъ помѣщиковъ и отъ государства. Мы этого *должны* требовать, потому что это поможетъ освобожденію вашей личности, поможетъ развитію классовой борьбы въ деревнѣ, поможетъ будущему торжеству соціализма *). Таковы наши требованія. Но намъ говорятъ, что этого мало: чтобы помочь хронически голодающему крестьянскому населенію, въ настоящее время необходимо кромѣ всего прочаго облегчить и расширить его доступъ къ землѣ**). Мы съ этимъ согласны; но этого теперь желаютъ въ большей или меньшей степени также и буржуазные классы общества: промышленная буржуазія — потому что крестьянское разореніе чрезвычайно обогнало капиталистическое развитіе страны, подорвало внутренній рынокъ и серьезно угрожаетъ промышленности; помѣстное дворянство — потому что оно живетъ подъ всегдашнимъ страхомъ крестьянскихъ бунтовъ. Признавая неотложность земельныхъ реформъ, мы, соціалдемократы, смотримъ на нихъ совершенно иначе, чѣмъ тѣ, которые стоятъ на мелкобуржуазной точкѣ зрѣнія крестьянъ. Для нихъ эти реформы являются средствомъ для развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства насчетъ крупнаго капиталистическаго; для насъ же это культурныя мѣры борьбы противъ крестьянскаго обнищанія, которыя нисколько не задержатъ капиталистическаго развитія Россіи. Но именно потому, что это для насъ мѣры культурныя, не имѣющія прямого опредѣленнаго отношенія къ классовой борьбѣ пролетаріата, мы не включаемъ ихъ въ свою программу, ибо *наша программа есть программа классовой борьбы пролетаріата*. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы равнодушны къ культурнымъ интересамъ народа. Напротивъ того, мы знаемъ, что, борясь за осуществленіе своей революціонной программы, мы тѣмъ самымъ сдѣлаемъ возможнымъ культурное развитіе Россіи; борясь противъ самодержавія за демократическую свободу, мы тѣмъ самымъ откроемъ возможность представителямъ крестьянъ въ будущемъ парламентѣ провести земельныя реформы, и они ихъ проведутъ, ибо эти реформы не противорѣчатъ интересамъ буржуазнаго общества.

*) Мы выставляемъ здѣсь не всѣ наши требованія, а лишь наиболѣе характерныя.

**) Мы вносимъ въ свою программу требованіе отдачи крестьянамъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые, находясь въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, служатъ имъ не въ интересахъ сельскаго хозяйства, а для установленія кабальной зависимости отъ нихъ крестьянъ. Въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о другомъ — о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія или землепользованія.

Но широкіе слои крестьянъ хотятъ большаго — уравнительнаго раздѣла помѣщичьей земли. Это несомнѣнно требованіе революціонное. Тѣмъ не менѣе мы этого требованія не вносимъ въ свою программу, потому что общій раздѣлъ земли на мелкіе участки идетъ въ разрѣзъ съ нашей конечной соціалистической цѣлью, и потому что конфискація крупнаго землевладѣнія совершенно неосуществима въ буржуазномъ обществѣ. Если бы даже крестьяне во время революціи захватили и запахали тѣ или другія помѣщичьи земли *во имя принципа равенства*, то все же буржуазное государство послѣ революціи не признало бы этого захвата, ибо это значило бы подорвать основу буржуазнаго общества — уваженіе къ частной собственности. Итакъ, повторяемъ, мы вносимъ въ свою программу-минимумъ (программу ближайшихъ требованій) лишь тѣ требованія въ пользу крестьянъ, которыя осуществимы въ современномъ обществѣ, которыя соотвѣтствуютъ классовымъ интересамъ пролетаріата и способны приблизить насъ къ пролетарской соціальной революціи. Эти *опредѣленныя* требованія мы обязываемся отстаивать въ моментъ наступающей политической революціи, зная, что нужно ковать желѣзо, пока горячо.

Соціалисты-революціонеры не заботятся о томъ, чтобы согласовать свое *неопредѣленное* требованіе „черезъ волю къ землѣ“ съ интересами пролетаріата и пролетарской соціальной революціи. Они, съ одной стороны, становятся на мелкобуржуазную точку зрѣнія среднихъ слоевъ крестьянъ. Они говорятъ о „*прирѣзкѣ* земли“; они говорятъ: „Къ требованію — политическая свобода... мы присоединяемъ требованіе широкой *земельной реформы*“; они разъясняютъ крестьянамъ, что послѣ паденія самодержавія по ихъ требованію „государство завершитъ процессъ притеканія земли отъ капитала къ труду, который и теперь мѣстами происходитъ, *и на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ это было въ 61 г.*“. Словомъ, они требуютъ на первую очередь возможности большаго укрѣпленія мелкаго крестьянскаго хозяйства, посредствомъ *реформы*, которая не посягаетъ еще на „право собственности“ землевладѣльцевъ. Это съ одной стороны. Но съ другой стороны, подъ напоромъ разразившагося стихійнаго крестьянскаго движенія они становятся на другую точку зрѣнія, на анархическую точку зрѣнія „черняго передѣла“. Они говорятъ: „Необходимо поставить требованіе національзаціи земли въ смыслѣ перехода ея въ уравнительное пользованіе трудового земледѣльческаго населенія. Менѣе радикальныя требованія въ настоящее время способны лишь оттолкнуть крестьянство“. Отъ этихъ сбивчивыхъ земельныхъ требованій они хотятъ перекинуть мостъ къ соціализму посредствомъ укрѣпленія въ будущемъ свободномъ буржуазномъ государствѣ общиннаго землевладѣнія, посредствомъ развитія крестьянскихъ артелей, союзовъ и т. д. И это опять-таки мѣры, которыя способны не приблизить насъ къ соціальной революціи, а затемнить представленіе о ней, особенно при отсутствіи развитой классовой борьбы, внѣ связи съ сильной пролетарской соціалистической партіей.

Вы видите, что соціалисты-революціонеры въ своихъ земельныхъ требованіяхъ не руководятся нашей конечной цѣлью — пролетарской соціальной революціей. Выставляя эти требованія, они *на первомъ планѣ* руководятся желаніемъ вовлечь крестьянъ въ борьбу съ самодержавіемъ. Они говорятъ: „Мы должны звать крестьянъ землей къ волѣ“; „и въ печатныхъ и въ устныхъ обращеніяхъ къ крестьянамъ мы должны особенно подчеркивать политическій элементъ, экономическимъ же пользоваться главнымъ образомъ, какъ двигателемъ, какъ аргументомъ“. И мы, соціалдемократы, желаемъ вовлечь крестьянъ въ борьбу съ нашимъ общимъ злѣйшимъ врагомъ — съ самодержавіемъ. Но мы никогда не прибѣгнемъ для этого къ такимъ пріемамъ, которые способны извратить у пролетаріата представленіе объ истинномъ пути къ соціализму. Мы знаемъ, что въ Россіи, какъ и во всѣхъ европейскихъ странахъ, послѣ паденія самодержавія не ослабится классовая борьба, что она, напротивъ того, тогда только и сможетъ развиться въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому мы не станемъ писать въ своихъ партійныхъ воззваніяхъ къ крестьянамъ: „Отдѣльные помѣщики и богатѣи — это все только малые медвѣжата, *ихъ можно бы всѣхъ перебрать голыми руками*, да сначала нужно одолѣть большого медвѣдя — царя и его правительство... Нужно... покончить съ медвѣдемъ, а тамъ уже хозяйничай въ его берлогѣ, какъ умѣешь и знаешь“. Такъ писать — значитъ разбудить мысль съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же ее усыпить. Мы знаемъ, что изголодавшееся крестьянство, вѣрящее въ близость общаго раздѣла земли, легко рѣшается и съ полнымъ сознаніемъ своего права приступаетъ къ „аграрному террору“. Но мы знаемъ также, что съ точки зрѣнія соціалистической этотъ способъ борьбы неразуменъ и нецѣлесообразенъ, а потому мы не станемъ писать въ своихъ партійныхъ воззваніяхъ къ крестьянамъ: „Не подѣйствуетъ и это (стачки и бойкотъ) — дѣлать нечего, пеняй на себя... Можно уговориться... всячески вредить его хозяйству. Тутъ могутъ послужить и потравы, и порубки, и пожары „отъ неизвѣстной причины“, и всякіе другіе способы. И теперь бываетъ въ иныхъ деревняхъ, что отъ „неизвѣстной причины“ мостикъ черезъ оврагъ или ручей провалится какъ разъ въ то время, когда проѣзжаетъ нелюбимый земскій начальникъ или становой; *и всякіе другіе случаи бываютъ, особенно въ темныя ночи, да по глухимъ дорогамъ...*“

* * *

Ускорить паденіе самодержавія — вотъ основная задача соц.-революціонеровъ. И мы, соціалдемократы, считаемъ это нашей главнѣйшей задачей въ настоящее время. Но мы *прежде всего соціалисты*, и потому для насъ чрезвычайно важно, на какихъ условіяхъ и какимъ способомъ будетъ ликвидировано самодержавіе. Для насъ чрезвычайно важно, чтобы самодержавіе было ликвидировано на условіяхъ наиболѣе вы-

---

Такъ дѣло обстояло къ лѣту настоящаго года. Казалось, что одной угрозы всеобщей стачкой будетъ достаточно для достиженія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ требованій. Но угольные царьки рѣшили иначе. Едва стали замѣчаться первые признаки заминки въ промышленности, особенно въ металлургическомъ дѣлѣ, едва только заколебались непомѣрно высокія цѣны на уголь,—какъ наиболѣе крупные углепромышленники объявили пониженіе платы. Это значило бросить дерзкій вызовъ рабочимъ. Мы, угольные царьки, дескать, не боимся теперь всеобщей стачки: спросъ на уголь уменьшается, запасы угля у насъ огромные, за годы промышленнаго расцвѣта мы успѣли загрести десятки милліоновъ рублей лишняго барыша—теперь можемъ безъ риска отнять у рабочихъ тѣ десятки рублей добавочной платы, которые мы имъ удѣлили изъ своихъ милліонныхъ барышей. Пусть они начинаютъ стачку —мы покажемъ имъ свою силу, собьемъ съ нихъ спѣсь! Такъ думали углепромышленники, говорили же они другое. Они жаловались на „плохія дѣла“, которыя, молъ, никакъ не позволяютъ ихъ доброму отеческому сердцу давать рабочимъ прежнюю плату.

Тѣмъ временемъ, въ концѣ сентября, собрался съѣздъ союза углекоповъ. На брошенный хозяевами вызовъ онъ отвѣтилъ единогласнымъ рѣшеніемъ въ пользу всеобщей стачки и далъ полномочіе союзному комитету объявить стачку безъ всякаго замедленія, если хозяева откажутся уступить и если правительство не обяжется удовлетворить главныя законодательныя требованія углекоповъ. Правительство дало комитету удовлетворительный отвѣтъ по вопросу о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и о пенсіяхъ, обѣщая въ то же время ускорить обсужденіе въ парламентѣ другихъ требованій. Оно высказалось только противъ законодательнаго установленія минимума заработной платы. Хозяева же отказались вступить въ переговоры съ союзомъ. Отказались отъ этого даже владѣльцы копей сѣвернаго района, хотя тамъ вспыхнула стачка изъ-за пониженія платы съ 1-го октября, еще до общаго рѣшенія союзнаго комитета. Долѣе нельзя было медлить. Теперь широкая масса рабочихъ рвалась въ бой и частью уже начала стачку по собственному почину. 8-го октября комитетъ объявилъ всеобщую стачку углекоповъ всей Франціи.

Послѣ сказаннаго ясно, что стачка была направлена исключительно противъ хозяевъ, такъ какъ заявленія правительства въ пользу главныхъ реформъ удовлетворили рабочихъ. Тѣмъ не менѣе стачка немедленно же привела къ благопріятному политическому результату: комиссія сената, которая до сихъ поръ, по своему обыкновенію, оставляла принятый палатой депутатовъ законопроектъ о 8-часовомъ днѣ подъ спудомъ, приступила къ его обсужденію и приняла его почти безъ всякихъ измѣненій. Такъ что окончательное введеніе восьмичасового рабочаго дня не подлежитъ уже сомнѣнію. Точно также стачка ускоритъ и обезпечитъ успѣхъ другихъ законодательныхъ требованій углекоповъ.

Два года висѣла она, какъ дамокловъ мечъ, надъ головой парламента и правительства. Теперь угроза перешла въ дѣйствительность. Союзъ углекоповъ показалъ, что онъ грозитъ не въ пустую, что онъ можетъ поднять на ноги всю армію подземнаго пролетаріата. Отнынѣ къ его требованіямъ господствующіе классы будутъ прислушиваться со всѣмъ трепетомъ, который на нихъ нагнала небывалая еще во Франціи массовая стачка.

III.

Во Франціи это первая всеобщая стачка рабочихъ цѣлой отрасли промышленности и самая крупная по числу своихъ участниковъ. За нѣсколько дней движеніе охватило 150.000 рабочихъ. Въ сторонѣ отъ него осталось только ничтожное меньшинство, въ томъ числѣ углекопы Монсо-лэ-Минъ, которые въ прошломъ году выступили изъ общаго союза, недовольные тѣмъ, что ихъ мѣстная стачка не была поддержана всеобщей забастовкой. За то къ стачкѣ присоединились и рабочіе тѣхъ районовъ, гдѣ плата не была понижена. Они поступили такъ изъ чувства солидарности для того, чтобы помочь товарищамъ и чтобы выполнить рѣшеніе союзнаго съѣзда.

Стачка длится вотъ уже четыре недѣли, и боевой духъ не покинулъ борцовъ. Только въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ и захолустныхъ копяхъ возобновилась работа, тамъ, гдѣ организованныхъ рабочихъ мало. Вся же масса борцовъ въ главныхъ районахъ стоитъ сплошной стѣной за свои требованія. Около полумилліона людей, считая женъ и дѣтей стачечниковъ, живутъ уже четыре недѣли безъ работы. Плата, полученная стачечниками передъ забастовкой, давно уже съѣдена. Ихъ поддерживаетъ отчасти союзная касса, отчасти пожертвованія французскихъ и иностранныхъ рабочихъ, отчасти же они забираютъ съѣстные припасы въ долгъ.

Угольные царьки жестоко просчитались. Они надѣялись, что рабочіе не выдержатъ больше одной или двухъ недѣль. Теперь, когда стачка затянулась, владѣльцы копей несутъ двойные убытки: они теряютъ и отъ самой стачки, и на будущее время отъ конкуренціи иностраннаго угля. Уголь будетъ ввозиться изъ-заграницы въ большемъ противъ прежняго количествѣ еще нѣкоторое время послѣ прекращенія стачки, такъ какъ иностранные углепромышленники потребовали отъ своихъ французскихъ покупателей заключенія договоровъ о покупкѣ угля на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Хозяева ошиблись и въ другихъ своихъ разсчетахъ. Извѣстно, какой страхъ нагоняютъ на всю буржуазію и на правительство одни слова „всеобщая стачка“. А когда буржуазія боится, правительство спѣшитъ успокоить ее, выводя изъ казармъ ея тѣлохранителей, солдатъ и полицейскихъ, наводняя „опасныя“ мѣстности войсками. Углепромышленники сильно надѣялись на военную силу для устрашенія стачечниковъ и для подавленія стачки путемъ столкновеній между рабочими и войсками, путемъ кровопролитія. Эти звѣрскія надежды не оправдались. Правда, министерство, по печальному примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ, превратило районы стачки въ военный лагерь. Но это не устрашило рабочихъ и не лишило ихъ также хладнокровія въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили столкновенія съ солдатами. Отряды стачечниковъ неутомимо и безстрашно обходили копи, наблюдая за тѣмъ, чтобы слабодушные и измѣнники (а такіе всегда найдутся среди 150.000 человѣкъ) не начинали работать. Иногда стачечники окружали грозной толпой кучку измѣнниковъ, возвращавшуюся изъ шахты домой подъ охраной тройной стѣны пѣхоты, конницы и жандармовъ. Вы видите, измѣнники рабочему дѣлу удостоивались такихъ же военно-полицейскихъ „почестей“, какъ русскій царь во время своего путешествія по Франціи. Чувствовали же они себя подъ тройной охраной еще хуже, чѣмъ запуганный россійскій самодержецъ. Преслѣдуемые стачечниками, они испытывали и страхъ, и стыдъ за свое позорное поведеніе. Это отбивало охоту у слабодушныхъ вернуться въ шахту, несмотря на всѣ военныя мѣры для защиты такъ называемой „свободы труда“ т. е. свободы измѣнниковъ работать во время стачки.

Военная обстановка, которую всякое буржуазное правительство создаетъ вокругъ массовой забастовки, непрерывно подвергаетъ стачечниковъ смертельной опасности. Кровавая стычка можетъ произойти каждую минуту. И если такой стычки между углекопами и войсками не было, то это, можно сказать, счастливая случайность. А вотъ въ мѣстечкѣ Террнуаръ (около Сентъ-Этьена), по случаю мелкаго столкновенія, не имѣвшаго прямого отношенія къ стачкѣ, жандармъ однимъ выстрѣломъ убилъ одного углекопа и тяжело ранилъ другого — просто потому, что время военное и жандармы издавно привыкли видѣть въ стачечникѣ врага и чуть-ли не преступника. Правительственное сообщеніе приписало это убійство... „недоразумѣнію“. Жестокое, хотя и невольное издѣвательство надъ пролетаріатомъ и жестокое осужденіе буржуазнаго строя, гдѣ возможны такія „недоразумѣнія“!

IV.

Всеобщая стачка углекоповъ отличается отъ всякой другой всеобщей стачки тѣмъ, что она грозитъ невольной остановкой работъ въ другихъ отрасляхъ промышленности за недостаткомъ угля. Поэтому она можетъ оказать особенно сильное давленіе на буржуазный міръ, но, конечно, сила давленія будетъ неодинакова въ разныхъ странахъ. Чѣмъ больше угля добывается и потребляется въ странѣ, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать закрытіе угольныхъ копей. Что касается Франціи, то она по добычѣ угля занимаетъ въ Европѣ четвертое мѣсто послѣ Англіи, Германіи и Австро-Венгріи. Притомъ Франція не можетъ покрыть свое потребленіе собственнымъ углемъ, она ввозитъ третью часть нужнаго ей угля изъ-заграницы. Отсюда ясно, почему всеобщая угольная стачка во Франціи оказывала сравнительно слабое давленіе на промышленность. Стоитъ только усилить ввозъ изъ-заграницы, къ тому же изъ сосѣднихъ странъ—Англіи, Бельгіи и Германіи,—и недостатокъ угля станетъ неособенно чувствительнымъ.

Тутъ наталкиваешься на первостепенную важность международной организаціи углекоповъ, которая способна была бы помѣшать подвозу угля изъ-заграницы въ страну, гдѣ происходитъ стачка.

Союзный комитетъ французскихъ углекоповъ при самомъ объявленіи стачки обратился съ особымъ воззваніемъ къ углекопамъ всѣхъ странъ, предлагая имъ поддержать французскихъ товарищей тѣми средствами, какія они найдутъ наиболѣе удобными. Союзы германскихъ и бельгійскихъ углекоповъ немедленно рѣшили отказаться отъ сверхурочныхъ работъ, бельгійцы кромѣ того сами стали угрожать стачкой, требуя повышенія платы, а мѣстами уже начали-было стачку. Но общій бельгійскій союзъ по разнымъ причинамъ рѣшилъ повременить съ объявленіемъ стачки. Англичане послали французскимъ товарищамъ 10 тысячъ руб., нѣмцы — 2 $^{1}/_{2}$ тысячъ рублей, международный комитетъ угле-

годныхъ для пролетаріата и чтобы самая борьба съ самодержавіемъ послужила школой для соціалистическаго воспитанія пролетаріата. У соц.-революціонеровъ средство затираетъ цѣль. Они говорятъ: „Революціонизированіе массъ — вотъ наше постоянное и основное дѣло...; это тотъ необходимый общій фонъ, на которомъ уже дальше текущая жизнь *съ ея мѣняющимися запросами* вырисовываетъ *тѣ или иные узоры*". Намъ такая безпечность насчетъ „тѣхъ или иныхъ узоровъ", которые жизнь будетъ рисовать на почвѣ вызваннаго нами революціоннаго движенія, совершенно непонятна.

Ускорить паденіе самодержавія! Но этого для насъ мало. Этого добиваются и либералы, объ этомъ хлопочутъ теперь даже предводители дворянства. Мы прежде всего соціалисты. Поэтому мы должны добиваться, чтобы въ моментъ наступающей политической революціи было сдѣлано все возможное для того, чтобы очистить путь къ будущей соціальной революціи. Мы должны помнить, что такія благопріятныя условія, какія бываютъ во время революціи, не часто повторяются; мы должны помнить, что противъ самодержавія многіе будутъ бороться, но спеціальныхъ интересовъ пролетаріата и соціализма при этомъ никто не будетъ имѣть въ виду, кромѣ насъ. Вотъ почему мы, соціалдемократы, для предстоящей революціи выставляемъ свою „классовую программу", строго согласованную съ нашей конечной цѣлью — съ соціальной революціей. *Мы добиваемся, чтобы наступающая политическая революція уничтожила всѣ препятствія для развитія классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей.* Соц.-революціонеры такой классовой программы для революціи не выставляютъ, потому что ихъ партія не классовая, потому что они опасаются, какъ бы разъединеніе враговъ самодержавія не затянуло его низверженія. Они говорятъ: „Партія должна не замыкаться въ свои особенныя спеціальныя партійныя задачи, отличающія ее отъ другихъ партій. Напротивъ, ея программа-минимумъ должна быть достаточно широка, чтобы охватить и наиболѣе смѣло выражать *всѣ наличныя прогрессивно-оппозиціонныя теченія*".

Надѣемся, что теперь выяснилось, что́ насъ раздѣляетъ съ партіей соц.-революціонеровъ. *Мы боремся съ ней потому, что она привлекаетъ къ себѣ пролетаріатъ, не являясь истинной выразительницей его интересовъ.*

Мы боремся съ ней потому, что она своей сбивчивой и туманной соціалистической пропагандой и своими бунтарскими и террористическими пріемами борьбы затемняетъ классовое сознаніе пролетаріата.

Мы боремся съ ней потому, что она, призывая пролетаріатъ на революцію, не въ состояніи выставить опредѣленной классовой программы требованій отъ революціи.

Мы боремся съ ней потому, что, дѣйствуя въ той же средѣ, что и соціалдемократическая партія, тоже подъ соціалистическимъ знаменемъ, она разрушаетъ то, что мы строимъ.

Пусть та часть соц.-революціонеровъ, которая ставитъ себѣ конечной цѣлью соціальную революцію, откажется отъ давно отжившихъ бунтарско-анархическихъ взглядовъ, пусть она рѣшительно станетъ на точку зрѣнія пролетаріата и научнаго соціализма и примкнетъ къ соціалдемократіи. Пусть остальные откажутся отъ агитаціи среди пролетаріата и отъ пропаганды соціализма, пусть они рѣшительно станутъ на точку зрѣнія среднихъ слоевъ крестьянъ и интеллигенціи, на точку зрѣнія буржуазной демократіи. Пусть они организуютъ революціонную партію крестьянскую, или народную, демократическую; тогда мы съ ней заключимъ союзъ для борьбы съ общимъ врагомъ — съ самодержавіемъ. Теперь же мы обязаны бороться противъ той дезорганизаціи, которую соціалисты-революціонеры вносятъ въ наше движеніе.

Событія въ Ростовѣ-на-Дону.

Намъ пишутъ отъ 12 ноября:

Письмо первое:

У насъ теперь творится нѣчто необыкновенное. Уже 8 дней какъ забастовали рабочіе мастерскихъ Владикавказской жел. дор.

коповъ — 10 тысячъ рублей. Однако этихъ проявленій международной солидарности оказалось недостаточно для того, чтобы помѣшать усиленному ввозу заграничнаго угля. Другое средство для той же цѣли — это отказъ портовыхъ рабочихъ выгружать уголь, подвозимый морскимъ путемъ. Но организація французскихъ портовыхъ рабочихъ еще очень молода. Только въ Дюнкирхенѣ забастовали-было рабочіе, занятые выгрузкой угля, но хозяева въ отвѣтъ на это прекратили всякую выгрузку товаровъ. Всѣ портовые рабочіе оказались безъ работы, и движеніе приняло тамъ характеръ бурныхъ безпорядковъ и погромовъ, благодаря массѣ безсознательныхъ рабочихъ. Нагрянули войска и „возстановили порядокъ". Сами рабочіе союзы Дюнкирхена протестовали противъ погромщиковъ и, съ согласія союзнаго комитета углекоповъ, прекратили стачку выгрузчиковъ угля.

Такимъ образомъ, недостатокъ угля лишь слабо отразился на французской промышленности, только въ отдѣльныхъ мѣстахъ закрылись металлургическіе и стекляные заводы. Сила давленія всеобщей забастовки съ этой стороны пока оказалась небольшой.

Ко всему этому надо добавить, что владѣльцы копей, давно ожидавшіе стачки, заготовили огромные запасы угля, а въ складахъ желѣзнодорожныхъ компаній было къ началу стачки угля на три мѣсяца.

Если бы рабочіе опирались исключительно на экономическую силу своей организаціи, имъ пришлось бы бастовать долгіе мѣсяцы для того, чтобы заставить углепромышленниковъ вступить въ переговоры. Достигли же они этого всего черезъ пару недѣль благодаря тому, что они располагаютъ также политической силой — силой соціалистической партіи, которая своей политической организаціей, своей печатью и своими депутатами въ парламентѣ значительно увеличила силу давленія стачки на буржуазный міръ, перенеся эту силу въ самое сердце государственной жизни.

Черезъ двѣ недѣли послѣ начала стачки соціалисты внесли запросъ (интерпеляцію) правительству о стачкѣ. Обсужденіе этой интерпеляціи заняло два засѣданія. Борьба между углекопами и углепромышленниками превратилась въ стѣнахъ законодательнаго собранія въ борьбу между представителями рабочаго класса и представителями буржуазіи. Соціалисты доказали на основаніи неопровержимыхъ цифръ, что пониженіе платы ровно ничѣмъ не оправдывается. Они доказали, что повышеніе платы за годы расцвѣта угольной промышленности — просто капля въ морѣ по сравненію съ баснословнымъ ростомъ хозяйской прибыли. Такъ, за 1899 и 1900 годы плата всѣхъ углекоповъ Франціи была повышена только на 17 милліоновъ франковъ (около 7 милліоновъ руб.), тогда какъ чистая прибыль хозяевъ увеличилась на 245 милліоновъ франковъ (около 100 милліоновъ руб.)!.. Далѣе, соціалисты порицали правительство за посылку войскъ въ угольные районы и требовали ихъ немедленнаго удаленія, разоблачали классовый характеръ государства, подвергающаго рабочихъ даже опасности пасть отъ жандармской пули, какъ это было въ Терруарѣ. Опираясь на силу стачечниковъ, небольшое соціалистическое меньшинство палаты заставило мелкобуржуазное большинство и отчасти даже нѣкоторыхъ прямо буржуазныхъ депутатовъ принять рѣшеніе въ пользу углекоповъ. Палата обязалась, согласно прежнимъ обѣщаніямъ правительства, удовлетворить главныя законодательныя требованія углекоповъ и поручила правительству уладить стачку путемъ третейскаго суда.

Исходъ третейскаго суда обманулъ ожиданія рабочихъ. Прежде всего комитетъ союза углекоповъ оказался не въ силахъ сосредоточить переговоры въ своихъ рукахъ, то есть, вести переговоры отъ имени всѣхъ стачечниковъ съ общимъ комитетомъ углепромышленниковъ. Помѣшали этому не только углепромышленники, но и мѣстные комитеты отдѣльныхъ районныхъ организацій углекоповъ въ департаментахъ Па-де-Калэ и Сѣвера. Эти организаціи по своему духу до извѣстной степени напоминаютъ старые англійскіе трэдъ-юніоны: классовое сознаніе у нихъ слишкомъ легко отступаетъ на задній планъ передъ узкими мѣстными и профессіональными интересами. Онѣ сразу рѣшили вести переговоры самостоятельно со своими угольными компаніями, не обращая вниманія на требованія общаго комитета. Между тѣмъ въ этихъ двухъ смежныхъ департаментахъ работаетъ половина всего числа французскихъ углекоповъ, тогда какъ другая половина разбросана сравнительно небольшими кучками въ разныхъ концахъ страны. Ясно, что рѣшеніе сѣверныхъ углекоповъ должно было разстроить единство всеобщей стачки, превратить ее въ рядъ одновременныхъ, но разрозненныхъ мѣстныхъ стачекъ.

Этого мало. Сѣверныя организаціи, находящіяся подъ руководствомъ умѣренныхъ соціалистовъ, сторонниковъ министерства *), въ выборѣ третейскихъ судей слѣпо довѣрились министру

---

*) Во Франціи двѣ крупныя соціалистическія партіи: одна — революціонная, Соціалистическая Партія Франціи (гедисты и бланкисты),

въ количествѣ 4 слишкомъ тысячъ человѣкъ; къ нимъ изъ сочувствія постепенно присоединилось большинство рабочихъ мѣстныхъ заводовъ. И вотъ уже восьмой день, какъ происходитъ нѣчто небывалое, безпримѣрное въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. На Темерникѣ собираются ежедневно 15 — 20 тыс. человѣкъ (рабочіе, ихъ семьи, есть и интеллигенты), и на открытомъ воздухѣ произносятся рѣчи, разъясняющія рабочимъ смыслъ современнаго рабочаго движенія и связь его съ современнымъ политическимъ положеніемъ Россіи. Картина поразительная! Выдѣлился молодой рабочій-интеллигентъ, (бывшій въ учебномъ заведеніи, но не окончившій), нѣкто Б. Особенно грандіозное собраніе было въ воскресенье, когда туда стеклись не только всѣ ростовскіе рабочіе, но и масса интеллигенціи. Представьте себѣ балку на Темерникѣ (мѣстность выбрана, какъ наиболѣе неудобная для свободнаго дѣйствія войска и полиціи); вся балка внизу и оба склона горы запружены толпой. На возвышеніи, на горѣ стоитъ Б. и сильнымъ голосомъ, слышнымъ даже для тѣхъ, которые стоятъ на крайнихъ пунктахъ, замѣчательно толково, живо и просто излагаетъ смыслъ движенія. Дисциплина и порядокъ поразительные. Стоитъ ему сдѣлать движеніе рукой, какъ знакъ желанія говорить, и двадцатитысячная толпа стихаетъ мгновенно. На горѣ, гдѣ онъ говоритъ, стоитъ столикъ, на которомъ онъ пишетъ бюллетени; и вотъ, когда начинается шумъ, онъ встаетъ и обращается къ толпѣ: „Господа, не шумите, вы мѣшаете мнѣ заниматься!" — Сразу воцаряется тишина. Словомъ, это нѣчто необыкновенное! Формальные митинги! Я увѣренъ, что, когда появится описаніе въ нелегальной печати, многое сочтутъ за преувеличеніе, а между тѣмъ то огромное впечатлѣніе, которое эти собранія производятъ на все населеніе, на всѣ слои общества, не поддается описанію. Б. — настоящій герой. Онъ и еще два другихъ вожака замѣчательно ловко скрываются все время отъ полиціи, хотя послѣдняя много бы дала, чтобы ихъ изловить. Обыкновенно, какъ только сходка кончается, ихъ прячутъ въ толпѣ, и также незамѣтно они приходятъ на сходку.

Это событіе заполонило собою рѣшительно все. Куда ни придешь, съ кѣмъ ни встрѣтишься, въ публичныхъ мѣстахъ, въ частныхъ домахъ — только объ этомъ и говорятъ. Особенно поразительно то, что все это происходитъ на глазахъ полиціи и войска. Сходка идетъ въ полномъ порядкѣ, рѣчи произносятся совершенно свободно на политическія темы, а вдали на горѣ гарцуютъ на лошадяхъ казаки; полиція и жандармы въ почтительномъ отдаленіи все это выслушиваютъ. Вообще власти растерялись и не знаютъ, что имъ дѣлать. Сюда пріѣхалъ атаманъ, постепенно стягивается масса войскъ, но рабочіе своей выдержкой и спокойнымъ поведеніемъ не даютъ имъ возможности прибѣгнуть къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Да и нерѣшительность ихъ понятна 20.000 человѣкъ не шуточная величина. Ждутъ, что и атаманъ, и вся мѣстная администрація получатъ нагоняй за то, что допустили движеніе разростись до такихъ грандіозныхъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ, это мнѣніе общее, что ничего подобнаго по стройности, осмысленности, замѣчательной выдержкѣ и дисциплинированности рабочей массы у насъ въ Россіи еще не было. Сочувствіе общества громадное, что выражается въ обильномъ притокѣ денежныхъ пожертвованій. Дѣвушки ходятъ по домамъ и собираютъ въ пользу стачечниковъ. Вчера выступили двѣ дѣвушки, державшія рѣчи къ толпѣ. Особенно блестящую рѣчь произнесла одна, учившаяся въ мѣстной гимназіи. Но вчерашняя сходка кончилась печальнымъ инцидентомъ. Когда многотысячная толпа расходилась, произошло столкновеніе съ казаками, начатое собственно мальчишками. Казаки вдругъ дали залпъ, и шесть человѣкъ убитыми и человѣкъ десять ранеными осталось на мѣстѣ. Сегодня по улицамъ цѣлый день двигаются все новыя и новыя подкрѣпленія: приведены казаки изъ Екатеринодара, *пластуны* *), такъ что городъ весь наводненъ казацкими папахами. Несмотря на это, только-что принесли извѣстіе, что на Темерникѣ собрались сегодня въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ въ предыдущіе дни. Говорятъ, что Б. арестованъ, но вмѣсто него выступили другіе. Чѣмъ все это кончится, трудно знать. Время тяжелое, холода, расходы увеличиваются, а разсчитывать надолго на обильныя пожертвованія трудно. Я забылъ упомянуть о требованіяхъ рабочихъ: уменьшеніе рабочаго дня до 9 час., увеличеніе расцѣнокъ (недавно уменьшенныхъ, что послужило ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ), безплатная школа для дѣтей рабочихъ, раціональная постановка медицинской помощи и удаленіе нѣсколькихъ инженеровъ и мастеровъ.

Письмо второе.

8-й день всѣхъ насъ треплетъ нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходятъ собранія на Темерникѣ.

Вчера было шесть конныхъ аттакъ на толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками — масса раненыхъ. Однако толпа держалась стойко. Всѣ аттаки были встрѣчены градомъ камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пѣхотинцы, и данъ былъ залпъ безъ всякихъ предупрежденій. 7 чел. остались на мѣстѣ убитые, 12 сильно ранены и отвезены въ больницу **). Убитыхъ толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа вновь собралась. Полиція не препятствовала, толь-

---

*) По словамъ одного изъ корреспондентовъ, кубанскіе казаки вытребованы потому, что начальство опасалось, что при второмъ столкновеніи донскіе откажутся стрѣлять.

**) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ двое изъ раненыхъ уже умерли.

общественныхъ работъ, вмѣсто того, чтобы самимъ выбрать своихъ представителей. Министръ назначилъ въ члены суда горныхъ инженеровъ, и эти чиновники вынесли невыгодное для рабочихъ рѣшеніе. Они признали пониженіе платы на 10 процентовъ правильнымъ въ виду паденія цѣнъ на уголь, не обращая вниманія на баснословные барыши хозяевъ за послѣдніе годы.

Прежде рабочіе двухъ сѣверныхъ департаментовъ получали среднимъ счетомъ около двухъ рублей въ день; съ пониженіемъ платы они теряютъ около 20 копѣекъ въ день, или около 60 руб. въ годъ. Съ другой стороны, угольныя компаніи обязались передъ третейскимъ судомъ повысить свои взносы въ пенсіонную кассу рабочихъ — самое большее — на 3 процента съ заработной платы, такъ чтобы пенсія достигала отъ 220 до 240 руб. въ годъ. Другими словами, хозяева отнимаютъ у всѣхъ рабочихъ по 20 копѣекъ, а возвращаютъ имъ меньше 6 коп. въ пользу рабочихъ, доживших до 55 лѣтъ.

Но и теперь еще не все было потеряно. Рабочіе могли отвергнуть невыгодное рѣшеніе третейскаго суда. И дѣйствительно, съѣздъ представителей рабочихъ союзовъ Па-де-Калэ и Сѣвера рѣшилъ-было продолжать стачку. Но тутъ вмѣшалось правительство и его сторонники — умѣренные соціалисты, жоресисты. Правительство приняло необычайно строгія мѣры противъ стачечниковъ, стараясь силой вернуть ихъ на работу, силой принудить ихъ подчиниться третейскому суду. Въ то же время умѣренные соціалисты съ Жоресомъ во главѣ дружески совѣтовали стачечникамъ покориться во имя хваленаго „принципа" уваженія къ третейскому суду. Въ результатѣ ряды стачечниковъ были разстроены, болѣе податливые и малодушные самовольно стали возвращаться въ шахты, за ними послѣдовали и массы другихъ рабочихъ, и черезъ пять дней послѣ перваго съѣзда собрался второй съѣздъ, которому ничего не оставалось, какъ объявить прекращеніе стачки.

Такимъ образомъ, углекопы другихъ районовъ были предоставлены собственнымъ силамъ. Всюду наступилъ упадокъ духа, началась безнадежная борьба вразсыпную. О полномъ успѣхѣ нигдѣ уже не могло быть рѣчи. Во всѣхъ остальныхъ бассейнахъ, за исключеніемъ пары отдѣльныхъ копей, удалось послѣ долгихъ переговоровъ и третейскаго разбирательства отвоевать только довольно ничтожную часть пониженной платы, да добиться нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ уступокъ.

Въ началѣ декабря вернулись на работу послѣдніе стачечники, углекопы Кармо.

Итоги стачки таковы. Она обезпечила крупный успѣхъ въ области рабочаго законодательства — близкое введеніе восьмичасового рабочаго дня для углекоповъ и удовлетвореніе другихъ законодательныхъ требованій стачечниковъ. Подъ давленіемъ стачки палата депутатовъ избрала комиссію для изслѣдованія на мѣстѣ положенія углекоповъ (съ участіемъ соціалистовъ). Но борьба рабочихъ противъ пониженія платы не дала почти никакихъ плодовъ.

Итакъ, небывалое еще во Франціи по размѣрамъ стачечное движеніе окончилось на половину неудачей. Но борьба пролетаріата никогда не пропадаетъ даромъ, какъ не пропадаетъ безслѣдно трата силы въ природѣ. Не только успѣхи, но и неудачи идутъ на пользу его освободительнаго движенія, если онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ причинахъ неудачи. Успѣшные результаты стачки въ области законодательства были достигнуты совмѣстнымъ напоромъ на буржуазное общество профессіональныхъ и политическихъ организацій пролетаріата на мѣстѣ стачки, въ печати и на парламентской трибунѣ. Неудачный исходъ борьбы противъ пониженія платы зависѣлъ отъ тактики сдѣлокъ, компромиссовъ пролетаріата съ капиталистами и буржуазнымъ государствомъ. Вина за это падаетъ прежде всего на умѣренныхъ соціалистовъ, которые и въ этомъ случаѣ злоупотребили своимъ вліяніемъ на рабочихъ, стараясь во что бы то ни стало прекратить стачку въ угоду министерству. Неудача не будетъ куплена дорогой цѣной, если рабочіе, убѣдившись въ негодности примирительной тактики жоресистовъ, усилятъ ряды недавно окончательно объединившейся революціонной партіи антиминистерскихъ соціалистовъ — Соціалистической Партіи Франціи.

стоитъ на точкѣ зрѣнія непримиримой классовой борьбы пролетаріата и соціальной революціи. Другая — умѣренная, Французская Соціалистическая Партія (жоресисты), стоитъ на точкѣ зрѣнія постепеннаго превращенія современнаго общества въ соціалистическое путемъ сдѣлокъ пролетаріата съ буржуазіей и буржуазнымъ правительствомъ, путемъ соціальныхъ реформъ. Эта партія раньше стояла за участіе „соціалиста" Мильерана въ радикальномъ буржуазномъ министерствѣ Вальдека-Руссо. Сейчасъ она поддерживаетъ радикальное буржуазное министерство Комба.

ко устроила кордонъ вокругъ рѣки Темерника, желая воспрепятствовать толпѣ, если она двинется въ городъ. Обысковъ еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодѣтаго гимназиста. По улицамъ разъѣзжаютъ и расхаживаютъ цѣлыми отрядами казаки. Пріѣхалъ атаманъ, кто-то изъ министерства путей сообщенія и много другихъ.

Письмо третье (16 ноября).

Въ субботу 2 ноября рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ бросили работу. Передъ вечеромъ 10 организованныхъ рабочихъ вбѣжали въ кочегарную и дали тревожный гудокъ. Онъ всполошилъ всѣхъ рабочихъ, а въ это время тѣ же 10 чел. стали разбрасывать „афишки" и бѣгать по всѣмъ цехамъ (сборному, кузнечному и др.) съ предложеніемъ бросить работу. Афишки, въ которыхъ были выставлены требованія, были приняты почти всѣми, но тѣ изъ рабочихъ, которые не хотѣли бросать работы (незначительное меньшинство), должны были оставить ее вслѣдствіе того, что имъ грозили кулаками (былъ даже такой ханжа, котораго рабочіе поколотили).

Короче, черезъ 15 мин. 3000 чел. рѣшили забастовать, рѣшили не идти на работу до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены всѣ требованія, выраженныя въ 28 пунктахъ. (Слѣдуетъ перечень требованій).

На другой день (воскр.) рабочіе собрались на дворѣ мастерскихъ, чтобы обсудить свои дѣла. Одинъ рабочій выступилъ съ рѣчью. Онъ говорилъ о борьбѣ съ капиталомъ рабочихъ въ Западной Европѣ и о томъ, что эта борьба есть единственный исходъ, который поведетъ къ улучшенію быта рабочаго класса. Затѣмъ выступилъ одинъ интеллигентъ. Онъ говорилъ о томъ, что экономическая борьба сводится къ политической, о тѣсной зависимости и дружбѣ капитала съ правительствомъ; послѣднее онъ называлъ „человѣкомъ", представителей капитала—„дубиной". Онъ говорилъ, что „человѣкъ", имѣя въ рукахъ „дубину", что есть силы, бьетъ ею по спинѣ рабочаго, а потому въ своей борьбѣ рабочіе не должны бить по дубинѣ, а прямо въ грудь *).

На другой день весь Ростовъ уже зналъ, что во дворѣ мастерскихъ творится чудо, что тамъ говорятъ открыто и не боятся. Поэтому вы не удивитесь, что на слѣдующій день народу привалило тысячи 2. Поджидаемъ „афишекъ". Оповѣстили рабочихъ остальныхъ фабрикъ и заводовъ, такъ что почти нигдѣ не работаютъ, — идутъ на сходку, выставляютъ свои требованія хозяевамъ. Много курьезовъ. Напримѣръ, въ одной мелкой мастерской (4 раб.) бросили работу. Хозяинъ приходитъ и ...никого... на другой день тоже. Тогда и только тогда онъ понялъ, въ чемъ дѣло... На фабрикѣ Асмолова половина работницъ бросили работу, вцѣпились въ волосы другой половинѣ, которыя не хотѣли къ нимъ присоединиться. Если бы не постороннее вмѣшательство, не обошлось бы безъ жертвъ.

Народъ охотно идетъ на стачку. Напр., одна баба спѣшитъ куда-то, другая спрашиваетъ: „Ты куда это?"—На бунтъ, отвѣчаетъ та. Въ устахъ простонародья это „бунтъ", но только мирный. Я вамъ не могу передать *все воспитательное значеніе стачки для ростовскихъ и окрестныхъ обывателей*. Только и говорятъ, что о ней. У тысячи людей авторитетъ „власти" поколебленъ. Всѣ твердятъ о несправедливости правительства. Свобода слова полнѣйшая. 2 дня тому назадъ говорило 3-ое дѣвицъ (инт.), сегодня одна работница... Ея простая, своеобразная и сильная рѣчь имѣла громадный успѣхъ.

Какъ только до „ушей царевыхъ" дошло, что толпа народа безпрепятственно собирается,—подполковникъ обратился къ рабочимъ съ рѣчью. Они встрѣтили ее крикомъ и свистомъ; онъ ихъ перекричалъ и заявилъ, что хочетъ быть посредникомъ между дорогою и рабочими. Его-де уполномочилъ на это законъ. Онъ явился къ рабочимъ съ самыми благонамѣренными цѣлями и проситъ ихъ взяться за работу, не то онъ приметъ... мѣры... Какъ видите, цѣли совсѣмъ хорошія! Но рабочіе не боялись „мѣръ" и продолжали собираться. Руководители обличали передъ массой насиліе и произволъ самодержавнаго правительства. Была еще попытка со стороны „посредника" усмирить рабочихъ „краснымъ словечкомъ", но она такъ и осталась попыткой.

На 5-ый день были на сходкѣ казаки и вся жандармерія и полиція; но „мѣры" боялись принимать. Какъ только казаки спустились къ рабочимъ съ горы для устращенія — руководитель стачки скомандовалъ: „сѣсть". Всѣ рабочіе и публика сѣли, и руководитель обратился къ казакамъ съ рѣчью, гдѣ говорилъ, что они не должны слушаться приказаній, что они не имѣютъ права убивать женъ, дѣтей и мужей, всѣхъ тѣхъ, которые здѣсь собрались для обсужденія своихъ дѣлъ. Но на этихъ башибузуковъ это не подѣйствовало. Они большей частью калмыки. Руководитель

*) Если уже употреблять это сравненіе, то соціалдемократъ сказалъ бы скорѣе наоборотъ: правительство есть „дубина" въ рукахъ „человѣка"- - капитала. И рабочій классъ стремится вырвать эту „дубину" изъ рукъ „человѣка". Для Запада это вполнѣ вѣрно. Въ Россіи дѣло осложняется тѣмъ, что наше самодержавіе, какъ пережитокъ крѣпостныхъ порядковъ, само часто стоитъ въ противорѣчіи къ господину капиталу, имѣетъ и отстаиваетъ свои собственные интересы, задерживающіе все общественное развитіе страны и препятствующіе классовой борьбѣ пролетаріата противъ буржуазнаго строя. *Ред.*

сказалъ, что рабочіе разойдутся только тогда, когда войска будутъ уведены. Казаки отошли прочь, и рабочіе разошлись лишь для того, чтобы снова собраться. Это было въ субботу. Въ воскресенье было на сходкѣ 20.000. Пріѣхалъ атаманъ. Онъ приказалъ сказать (черезъ пристава), что сегодня разрѣшаетъ сходку (будто у него спрашивали позволенія). Далѣе онъ призвалъ депутатовъ, но потомъ заявилъ, что онъ ихъ совсѣмъ не звалъ, и сталъ кричать, выпрямившись во весь ростъ: „Знаете, кто я?... Я атаманъ! Отъ меня все зависитъ!" На сходкахъ въ пользу стачечниковъ устраиваютъ сборы. На послѣдней собрали 342 руб. 85 к., на предыдущихъ 85 и 100 руб. (въ запасѣ 1000 руб.)

На слѣдующій день была бойня. Пишущій эти строки шелъ на сходку въ оврагъ. Онъ былъ изумленъ той нерѣшительностью, съ какой шла публика. Я взобрался на гору, и во мнѣ зародилось подозрѣніе. На горѣ съ одной стороны стояли казаки (пѣхота) и не пускали, съ другой же стороны не было стражи, и жандармы приглашали насъ туда. У многихъ явилось подозрѣніе, что здѣсь устроена засада. Вдругъ послышался страшный, душу пронизающій крикъ сотни человѣкъ... Всѣ стоявшіе на горѣ, всѣ эти „нерѣшительные", повинуясь этому людскому стону, зовущему на помощь, ринулись туда съ неистовыми криками. Бѣжать пришлось недалеко. Я съ цѣлой кучкой людей очутился посреди улицы. Съ двухъ сторонъ казаки стегали нагайкой. Пришлось спасаться... Какая мучительная, острая, невыносимая боль овладѣла нами, когда мы почувствовали свое безсиліе передъ этими свирѣпыми башибузуками.

Озлобленные этой неожиданностью, рабочіе, вооруженные дубинами и разнымъ домашнимъ орудіемъ, сплотились въ одну стройную массу и шикали казакамъ, которые выстроились полукругомъ и побѣдоносно взирали на толпу... Дѣло въ томъ, что въ оврагѣ уже собралось 100-150 чел. Ожидая остальныхъ, они разговаривали. Казаки, стерегшіе ихъ, предложили имъ разойтись. Рабочіе не соглашались. Тогда казачій офицеръ скомандовалъ аттаку. Рабочіе сѣли, думая, что лежачаго и беззащитнаго не станутъ бить. Но казаки поскакали по ихъ тѣламъ. Тогда-то и началась битва. На полѣ сраженія осталось много сломанныхъ пикъ и сабель... Рабочіе бѣжали въ Темерникъ, гонимые казаками, и въ это-то время подоспѣли и мы.

Когда рабочіе вооружились, и собралась мало по малу большая толпа, появился тотъ самый ораторъ, что говорилъ на прежнихъ сходкахъ (рабочій), и сходка пошла своимъ чередомъ. Рабочіе разбились по цехамъ; имъ выдавали пособіе. Все это на виду у казаковъ (въ 50-ти шагахъ). Рѣшили на слѣдующій день (понедѣльникъ) опять собраться въ 11 ч. дня на той же улицѣ... Стали расходиться... оставалась еще лишь часть рабочихъ, какъ вдругъ раздался залпъ, который уложилъ 6 ч. убитыхъ и 10 раненыхъ. Со стороны войска тоже ранено 12 человѣкъ, и одинъ околоточный (по другимъ свѣдѣніямъ — казачій офицеръ) убитъ.

На слѣдующій день выступили съ рѣчью дѣвушки и приглашали работницъ примкнуть къ стачкѣ (одну изъ нихъ взяли)... Взяли и лучшаго руководителя (говорятъ, что онъ самъ отдался въ руки полиціи, такъ какъ былъ въ обморочномъ состояніи)*). Собирается толпа, читаютъ афишки „Донского Комитета". Атаманъ стягиваетъ войско: 400 донск. казаковъ, около этого кубанск. казаковъ, 4 пушки и масса пѣхоты. Было собраніе фабрикантовъ и жандармовъ подъ предсѣдательствомъ атамана.

Капиталисты хотѣли уступить (дорога каждый день теряетъ 50.000), но атаманъ не соглашался. Онъ говорилъ, что нагайками заставитъ работать. По городу развѣшаны „временныя правила", воспрещающія сходки и грозящія 500 руб. штрафу за ихъ нарушеніе. Рабочимъ они грозятъ высылкой на родину въ томъ случаѣ, если тѣ не примутся за работу.

На столбахъ развѣшано „Душеспасительное слово русскимъ рабочимъ генерала Богдановича", рабочіе рвутъ его. Въ объявленіяхъ сказано „не собираться кучками", а около нихъ же собираются десятки людей. Всѣ монопольки закрыты. Въ тюрьмѣ очистили 60 камеръ.

Письмо четвертое.

Въ четвергъ 7 ноября на Темерникѣ собралось болѣе 7000 чел. Ораторы сообщили, что пріѣхалъ атаманъ войска донского и что посланы имъ телеграммныя сообщенія министрамъ. Двѣ сотни казаковъ размѣстились на окраинѣ толпы. Ихъ начальникъ вступилъ въ переговоры съ ораторомъ. Онъ заявилъ, что признаетъ, что живется рабочимъ тяжело. Естественно, что они хотятъ лучшаго. Онъ видитъ, что они ведутъ себя прилично, но сходища запрещены, и потому онъ предлагаетъ разойтись; иначе разгонитъ толпу казаками. Ораторъ спросилъ рѣшенія толпы. „Если вы останетесь, то можетъ пролиться кровь, будутъ жертвы, можетъ быть, среди дѣтей, женъ, стариковъ; если разойдетесь, то опять будете молча страдать по одиночкѣ". Толпа отвѣтила: „Пусть наша кровь прольется, пусть насъ топчатъ — не расходиться!" Ораторъ передалъ это, стоя среди толпы, эсаулу—

*) Другой корреспондентъ сообщаетъ, что подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ побоища ораторъ послѣ горячей рѣчи на извозчикѣ бросился въ жандармское управленіе, разразился тамъ проклятіями и требовалъ прекращенія бойни. Его, конечно, арестовали и сейчасъ же переправили изъ Ростова въ тюрьму станицы Каменской.

сотня повернула назадъ, чтобы разскакаться саженъ за 20 — въ это время ораторъ, ободривъ толпу немногими словами, скомандовалъ: „Всѣ сядьте"! — Толпа сѣла на землю, какъ одинъ человѣкъ... Ораторъ возвышался надъ нею. Казаки, доскакавъ до сидѣвшихъ, остановились. Эсаулъ опять вступилъ въ переговоры, спрашивая, какъ же ему быть. Онъ долженъ исполнить предписаніе разсѣять толпу. Ораторъ посовѣтовалъ ему увести своихъ казаковъ, и тогда онъ отпуститъ своихъ товарищей. Казаки удалились. Тогда, выбравъ депутатовъ къ атаману и назначивъ время новой сходки, толпа разошлась. Одну изъ рѣчей ораторъ окончилъ возгласомъ: „Да здравствуетъ политическая свобода!" Толпа подхватила его замѣтно не единодушно и даже замѣтно меньшинствомъ. Тогда ораторъ выразилъ сожалѣніе и удивленіе. Ему казалось, что онъ все время былъ лишь голосомъ толпы, жилъ съ ней однородно и единодушно, а теперь его не поддержали. Онъ приписываетъ это недоразумѣнію. Товарищи вѣрно не поняли его словъ. И, объяснивъ популярно, что такое политическая свобода и каково ея практич. значеніе, онъ вновь закончилъ восклицаніемъ: „да здравствуетъ политич. свобода"! Толпа *почти единодушно* повторила этотъ крикъ, и въ слѣдующіе дни ораторы часто кончали этимъ призывомъ.

Въ пятницу на сходкѣ ораторы сообщили о пріемѣ депутатовъ атаманомъ. На его вопросъ: „Вы зачѣмъ пришли?" выборные отвѣтили: — „Вы насъ хотѣли видѣть..." „Вы пришли просить о чемъ-нибудь?"—„Нѣтъ, намъ къ вамъ порученія нѣтъ. Намъ передали, что вы просили стачечниковъ прислать къ вамъ выборныхъ."—„Да, вы тамъ бунтуете, ваши требованія не могутъ быть исполнены. Но передайте вашимъ товарищамъ, что, если они выдадутъ ораторовъ, то я постараюсь уладить дѣло. Я разрѣшаю вамъ собраться въ субботу и воскресенье, чтобы покончить съ вашими дѣлами; если же вы соберетесь и въ понедѣльникъ, не вернувшись къ работамъ, то мы сумѣемъ васъ вернуть къ порядку: я не остановлюсь ни передъ чѣмъ буду стрѣлять!"

Когда ораторы передали толпѣ, что атаманъ позволяетъ собраться въ субботу и воскресенье и объяснили, что это не милость, а побѣда толпы, которая собиралась и безъ разрѣшенія,— толпа приняла эту свою побѣду горячо: многіе обнимались; всѣ кричали: да здравствуетъ 8 час. раб. день, раб. движ., полит. свобода! Передавъ о предложеніи атамана выдать руководителей, ораторъ сказалъ: „Если вы, товарищи, устали, если вы не хотите продолжать стачку, если дальше не будете стоять дружно, то скажите: мы живемъ вашимъ желаніемъ, вашимъ дѣломъ. Если вы хотите, мы пойдемъ и сами отдадимъ себя въ руки полиціи!" Толпа не дала ему продолжать: „Не хотимъ, не хотимъ!"

Въ воскресенье 10-го картина собранія была потрясающая. Еще издали я видѣлъ, что по пригорью темерницкой балки точно усыпано муравьями, подхожу и вижу: народъ буквально валитъ. Я видѣлъ стариковъ на костыляхъ, я видѣлъ стариковъ и слабыхъ, которымъ помогали идти, я видѣлъ, какъ на крутомъ мѣстѣ слабые карабкались на четверенькахъ. Мнѣ казалось, что я во снѣ. Толпа на мѣстѣ достигала 30 тысячъ. Казаки размѣстились вольно (кое-кто сидѣлъ), шутили. Эсаулы стояли, большинство опустивъ головы. Ораторы замедлили, и толпа волновалась, боясь, что они уже арестованы. Когда они явились, ихъ встрѣтили радостными привѣтствіями. Ораторы передали привѣтъ и пожеланіе успѣха отъ воронежскихъ рабочихъ и объяснили, что это потому ростовцамъ шлютъ привѣты, что, хотя они выставили мѣстныя требованія, но дѣло это обще-русское, и они являются одними изъ застрѣльщиковъ и т. д. Передали о томъ, что получены телеграммы отъ министра путей сообщенія: „не уступать ничего, всячески подавить движеніе", и отъ военнаго, Куропаткина: „не уступать, принять всѣ мѣры къ водворенію порядка, если нужно, стрѣлять"...

Еще въ воскресенье всѣмъ было извѣстно, что полиція обѣщала 10 тысячъ тому, кто выдастъ типографію, и по тысячѣ за каждаго оратора. Комитетъ выпускаетъ ежедневно 1500 экз. листковъ, толпа съ жадностью ихъ хватаетъ. Между толпой и комитетомъ установилось полное довѣріе. Рабочіе признали Донск. Ком. Р. С. Д. Раб. Партіи своимъ. Настроеніе у всѣхъ, несмотря на усталость, бодрое.

Сообщаемъ дополнительныя свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ:

Въ стачкѣ принимаютъ участіе рабочіе Владикавказскихъ мастерскихъ, фабрикъ Асмолова, Кушнарева, заводовъ Токарева, Пастухова; работаетъ только заводъ Аксай и одна фабрика. На сходкѣ 11 ноября рабочіе получили приглашеніе стать за станки. Но 20 тысячъ крикнуло, что они не хотятъ удовлетворенія требованій, если это связано съ выдачей ораторовъ, а это послѣднее условіе было поставлено атаманомъ. Два раза въ день появляются прокламаціи Донского Комитета Соціалдем. Партіи, подготовившаго эту стачку.

Вотъ одна изъ нихъ, полученная нами.

Товарищи! Мы собрались здѣсь, у мастерскихъ, не какъ придавленные и загнанные рабы хозяевъ, а какъ боевая дружина передовыхъ рабочихъ. Мы выставили свои требованія. Мы потребовали, чтобы — рабочій день былъ уменьшенъ до девяти часовъ, чтобы съ нами вѣжливо обращались; мы потребовали, чтобы намъ больше платили; теперь мы, кромѣ того, требуемъ, чтобы докторъ Поповъ былъ удаленъ и на его мѣсто пригласили женщину врача, чтобы рабочихъ, проболѣвшихъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, не увольняли и чтобы браковки литья за раковины оплачивались; мы просто и открыто заявляемъ, что не хотимъ работать въ мастерскихъ на прежнихъ условіяхъ. Мы держали себя спокойно, мы ни одного камня не тронули, ни одной щепки не сломали у заборовъ; мы не совершили никакого преступленія, не украли, не ограбили, не убили... Зачѣмъ же на наше собраніе явилась полиція? Почему у проходной стояла кучка жандармовъ? Что имъ было нужно? Кого пришли они защищать? Насъ ли, угнетенныхъ и порабощенныхъ, или ихъ—нашихъ угнетателей и поработителей? Зачѣмъ шныряютъ шпіоны среди насъ, а не среди нашихъ враговъ, капиталистовъ?

Дѣло ясно: жандармы и шпіоны вышли противъ насъ, они— наши враги. Они вышли противъ насъ по приказу тѣхъ, которые прячутся за ихъ спиной, т. е. полиціймейстеровъ, губернаторовъ и министровъ. За ними стоитъ нашъ врагъ—самодержавіе.

Вмѣсто одного врага—капиталистовъ, предъ нами теперь два врага—капиталисты и самодержавіе. Мы начали борьбу противъ одного врага и не трогали самодержавія. Но оно само нагло замѣшивается въ нашу борьбу. Что жъ? мы сумѣемъ отвѣтить и ему, когда будетъ необходимо. Наши требованія пока не удовлетворены. Будемъ же продолжать стачку, пока не добьемся своего. Но будемъ помнить, что и противъ самодержавія мы также поведемъ борьбу. Такъ будемъ же готовы, товарищи, къ этой жестокой борьбѣ! Да здравствуетъ наша стачка!

Прочь всѣхъ тирановъ съ ихъ рублями,
Прочь этотъ старый, подлый свѣтъ!
Иную жизнь начнемъ мы сами,
Строй новый внесть даемъ обѣтъ!

Донской Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Стачка ростовскихъ рабочихъ быстро отразилась на югѣ Россіи и на Кавказѣ. 13-го забастовали тихорѣцкія мастерскія. 15-го тамъ разыгралась кровавая трагедія. Убито около 30 человѣкъ, раненые съ обѣихъ сторонъ. Арестовано 102 человѣка. Войска вели себя крайне разнузданно, производился прямой грабежъ рабочихъ квартиръ, за что предано суду 30 человѣкъ. Въ Тихорѣцкой, какъ и въ Ростовѣ, большое участіе принимали женщины. 16 началась общая стачка въ Новороссійскѣ: забастовали цементныя мастерскія, ж.-дор. мастерскія и элеваторъ. По слухамъ, движеніе перекинулось въ Батумъ, Тифлисъ и Одессу. Ожидаютъ, что прекратится движеніе по всей кавказской желѣзнодорожной линіи. Интересно отмѣтить сочувственное отношеніе къ стачкѣ самыхъ буржуазныхъ слоевъ Ростова, благодаря чему повсюду, даже въ клубѣ, собираются довольно солидныя суммы въ пользу стачечниковъ.

Заимствуемъ еще нѣкоторыя подробности изъ № 82 бюллет. „Рев. Россіи".

Я отправился на Темерникъ... Толпа прижата къ окраинѣ города и главнымъ образомъ стоитъ въ полѣ... Войскъ въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ нѣтъ. Опредѣлить количество народа я затрудняюсь. Говорятъ, что его много тысячъ... Авангардъ главной толпы собрался вокругъ трупа пожилого рабочаго, убитаго вчера. На покойномъ бѣлый фартукъ и синяя рубаха. Народъ окружаетъ его плотной массой со всѣхъ сторонъ; пробиться къ нему трудно... Всѣ возбуждены, заинтересованы, по возможности уступаютъ другъ другу дорогу. Около самаго трупа молодой рабочій говоритъ безъ умолку. Онъ не взываетъ къ бунту, но не стѣсняется въ выраженіяхъ и мимоходомъ, отвѣчая на задаваемые ему вопросы, говоритъ о капиталистахъ, что они пьютъ кровь людей и что покойный былъ вовсе не причастенъ къ стачкѣ. Онъ рабочій съ Набережной и просто шелъ мимо. Этотъ ораторъ — родной сынъ убитаго. Онъ все стоитъ надъ трупомъ отца, и изъ его словъ оказывается, что стачечники не приказали отдавать тѣло начальству для похоронъ... Отсюда мы направились къ главной толпѣ, стоявшей очень компактно, вслѣдствіе чего подвигаться впередъ было весьма трудно... Всѣ внимательно слушали оратора, который старался говорить громко, но народу было такъ много, что слова почти не долетали до заднихъ рядовъ. Ораторъ говорилъ о солидарности, о томъ, что начальству легко переломить прутикъ, но нельзя справиться съ цѣлымъ вѣникомъ. Онъ напоминалъ, что на 4-й день стачки всѣ требованія рабочихъ, кромѣ 9-тичасового рабочаго дня и отмѣны штрафовъ, едва не были уважены, но начальство спохватилось, что нельзя создавать заразительный примѣръ, и запретило жел. дор. дѣлать уступки. Далѣе ораторъ говорилъ, чтобы рабочіе не приходили въ толпу праздными зрителями, а чтобы они, работая на фабрикахъ, дѣлились средствами съ нуждающимися стачечниками или предъявляли хозяевамъ свои требованія и отказывались отъ работы. „Вчера, сказалъ онъ, я получилъ нѣсколько рублей отъ рабочихъ завода Дутиковыхъ. Это доказываетъ, что заводскіе рабочіе понимаютъ нашу стачку и не считаютъ ее блажью. Вчера Кушнаревъ оскорбилъ своихъ работницъ такими бранными словами, которыхъ я не могу повторить. Онъ пригрозилъ выгнать ихъ всѣхъ со службы, но вы понимаете

эту ложь: хозяева, капиталисты, буржуазія не могутъ удалить насъ всѣхъ, потому что не мы живемъ ими, а они живутъ нами." Говоря о казакахъ, о войскахъ, о пролитой крови онъ обходился безъ пафоса, держалъ себя спокойно и только по временамъ возвышалъ голосъ. Всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ...

Письмомъ отъ 25 ноября коротко сообщаютъ, что рабочіе, по совѣту руководителей стачки, принялись за работу, послѣ того какъ ихъ требованія на половину были удовлетворены: повышена заработная плата, удалены нѣкоторые изъ мастеровъ. Подробности еще неизвѣстны. Изслѣдовать на мѣстѣ дѣло о стачкѣ Плеве послалъ своего новаго товарища, виленскаго палача Валя.

Въ память іюньскихъ дней 48 г. въ Парижѣ.

[Изъ „Впередъ"]

Нѣту работы... семья голодаетъ...
Двое малютокъ припали къ отцу,
Рвутъ на немъ платье, ѣсть просятъ, рыдаютъ...
Мать на нихъ молча глядитъ и страдаетъ...
„Полноте, дѣти, — отецъ утѣшаетъ
Наши страданья приходятъ къ концу:
Хлѣба намъ или свинцу
Завтра республика дать обѣщаетъ".

* * *

Сдвинуты брови, и скрещены руки
На молодецкой широкой груди.
Люди по улицамъ идутъ, и звуки
Пѣсни ихъ грозной исполнены муки:
„Завтра раздастся здѣсь громъ боевой;
Знайте же, братья: васъ ждетъ впереди
Хлѣбъ на столѣ или пуля въ груди
Послѣ борьбы роковой!"

* * *

Знамя надъ грудою камней взвивается...
Строитъ народъ баррикаду...
Завтра онъ здѣсь умирать собирается.
Здѣсь для свободы алтарь воздвигается;
Здѣсь новой жизни заря загорается,
Людямъ грядущимъ въ урокъ!
Будетъ героямъ награда
Пуля иль хлѣба кусокъ!..

* * *

Тѣни ночныя спустились надъ зданьями...
Полонъ рѣшимости мрачный народъ:
Завтра онъ кончитъ съ своими страданьями!
Полный надеждами и ожиданьями,
Жаждою полный борьбы,
Цѣлую ночь онъ очей не сомкнетъ.
Завтра онъ хлѣбъ или пулю возьметъ
Съ бою у грозной судьбы!..

Три политическихъ процесса.

Въ ноябрѣ въ судебныхъ палатахъ при участіи сословныхъ представителей разбирались три дѣла о майскихъ демонстраціяхъ въ Саратовѣ, Н.-Новгородѣ и Сормовѣ.

Полицейская расправа надъ демонстрантами на улицахъ, истязанія въ казематахъ, административная ссылка въ Сибирь — все это правительство признало недостаточнымъ для борьбы съ нами. Ему понадобилась судебная процедура для усиленія наказаній; отнынѣ демонстрантамъ будутъ угрожать арестантскія роты, ссылка на поселеніе, каторга. Правительство долго избѣгало судовъ, не желая оглашать проявленій политической жизни Россіи. Но оно основательно разсудило, что революціоннаго движенія, вынесеннаго на улицу, не скроешь и не замолчишь. Такъ лучше же развязать себѣ руки и вступить съ нами въ открытую борьбу.

Въ добрый часъ! Мы охотно принимаемъ вызовъ. Мы тоже стремимся „подпольную" борьбу во всѣхъ ея видахъ превратить въ открытую.

Мы знаемъ, что политическій судъ въ Россіи есть насмѣшка надъ правосудіемъ: судебное слѣдствіе ведется жандармами; свидѣтели — подставныя лица, шпіоны; судьи — чиновники и трусливые, пристрастные „сословные представители"; судебный приговоръ — комедія: онъ подводитъ лишь подъ статью закона заранѣе изготовленное рѣшеніе министра.

Мы знаемъ это. Но мы идемъ на царскій судъ не для того, чтобы оправдаться передъ нимъ, не для того, чтобы искать защиты въ его правосудіи. Мы идемъ на судъ, чтобы открыто и публично бросить въ лицо судьямъ все наше презрѣніе къ самодержавному правительству. Попавъ на скамью подсудимыхъ, мы не перестаемъ быть революціонерами; мы переносимъ лишь революціоную борьбу съ улицы въ залу суда, мы превращаемъ судъ надъ нами въ политическую демонстрацію противъ правительства.

Извѣстная пропагандистка, Софья Бардина, судившаяся въ 77-омъ году, закончила свою рѣчь на судѣ словами: „Я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его... Преслѣдуйте насъ, за вами матерьяльная сила, господа; но за нами сила нравственная, *сила идеи*, а идеи на штыки не улавливаются!..." Вотъ та сила, которую мы, революціонеры, попавши на скамью подсудимыхъ, противоставляемъ правительству. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ ней, правительство, сѣющее страхъ, пожнетъ презрѣніе. Въ тотъ самый день, когда С. Бардина произнесла свои знаменитыя слова, обнаружилось, какое обаяніе имѣетъ нравственная сила идеи, и какъ передъ ней пасуютъ устрашающія мѣры правительства. Послѣ рѣчей Софьи Бардиной, Петра Алексѣева, Здановича и Агапова, совершился фактъ, настолько же неожиданный для судей, какъ и для подсудимыхъ. Крестьянинъ Ковалевъ, который былъ главнымъ свидѣтелемъ обвиненія, который оговорилъ и выдалъ половину подсудимыхъ, обратился къ судьямъ съ рѣчью: „Они (соціалисты) меня въ свое „общество" не принимали, и хорошо дѣлали, что не принимали. Я не былъ пропагандистомъ, теперь здѣсь на судѣ я сдѣлался пропагандистомъ, и теперь, если вы меня взяли, то держите крѣпко, не выпускайте, потому что, если выпустите, — я буду знать, что дѣлать!.."

Правительство, вступивши съ нами въ открытое состязаніе на судѣ, затѣяло опасную для себя игру; на одной сторонѣ жестокая, подлая, продажная, всѣми ненавидимая власть, на другой сторонѣ — борцы за свободу, представители угнетаемаго народа. Нетрудно предвидѣть, какая изъ этихъ двухъ сторонъ должна одержать нравственную побѣду на судѣ, нетрудно предвидѣть, какая сторона привлечетъ къ себѣ любовь и симпатію всѣхъ тѣхъ сотенъ тысячъ людей, которые съ тревогой слѣдятъ за перепетіями и за исходомъ процессовъ.

Правительство это предвидѣло. Оно боялось, какъ бы народъ не вмѣшался непосредственно въ ту борьбу, которая должна была начаться въ залѣ суда между революціонерами и имъ; оно опасалось, какъ бы народъ не устроилъ политическихъ демонстрацій передъ зданіями судовъ, какъ нѣкогда во время суда надъ Вѣрой Засуличъ въ Петербургѣ и надъ Ковальскимъ въ Одессѣ. Чтобы предупредить такія уличныя демонстраціи, оно предприняло въ Н. Новогородѣ и въ Саратовѣ чрезвычайныя полицейскія мѣры.

„Подсудимыхъ *ночью* доставили въ судъ въ вагонахъ электрической дороги. Они въ судѣ и ночевали. Не только въ залу, но и въ помѣщеніе суда публику не пускали. По улицамъ, прилегающимъ къ зданію суда, ѣздили конные полицейскіе, ходили городовые и шпіоны." Такъ пишутъ изъ Нижняго.

Изъ Саратова пишутъ: „Трудно передать то состояніе, которое переживается, если не тысячами, то сотнями семей. И въ гостиныхъ, и въ лавочкахъ, и въ кабакахъ только и говорятъ о судѣ: кого судятъ, за что судятъ, какъ будутъ судить. Шпіоны шныряютъ по городу и пригороднымъ слободкамъ; они назойливо лѣзутъ во дворъ, суютъ свой носъ въ окна и ставни... Жандармовъ и полицію ругаютъ вслухъ на улицахъ. Наканунѣ суда въ ночь съ 1-го на 2-ое ноября грянули массовые обыски и аресты".

На этотъ разъ правительству удалось предупредить политическія демонстраціи на улицахъ, передъ зданіями судовъ. Но оно не въ силахъ было уничтожить громаднаго впечатлѣнія, производимаго самимъ фактомъ судовъ; оно не въ силахъ было предотвратить политической демонстраціи въ самихъ залахъ суда. Горячія обличительныя рѣчи подсудимыхъ, несмотря на закрытыя засѣданія, облетятъ всю Россію, зажгутъ въ тысячахъ сердецъ ненависть къ самодержавію и сочувствіео свободительной революціонной борьбѣ.

Въ Саратовѣ судъ тянулся 4 дня, послѣдній день съ полудня до 5 часовъ утра. Подъ перекрестнымъ огнемъ вопросовъ защиты, свидѣтели обвиненія — шпіоны и жандармы страшно путались въ своихъ заученныхъ показаніяхъ. Выяснилось, что вступившая въ драку съ демонстрантами „публика", о которой говоритъ обвинительный актъ, состояла изъ переодѣтыхъ слугъ царской полиціи; выяснилось, что обычные пріемы жандармскаго слѣдствія настолько негодны, что даже прокуроръ отказался пользоваться его результатами, какъ матеріаломъ для своего обвиненія.

Первый началъ свою защитительную рѣчь Фофановъ. Когда онъ дошелъ до критики существующаго строя и сталъ развивать ученіе соціализма, его блестящая рѣчь была прервана предсѣдателемъ. Затѣмъ выступилъ 18-лѣтній юноша, рабочій Воеводинъ. Его рѣчь произвела на всѣхъ, даже на судъ громадное впечатлѣніе. Онъ яркими и сильными штрихами обрисовалъ безправное положеніе русскаго рабочаго. Онъ говорилъ о тяжелой жизни рабочихъ съ одной стороны и о грабителяхъ-капиталистахъ съ другой. Онъ изложилъ свою личную исторію, разсказалъ, какъ онъ съ 14 лѣтъ подвергался высылкамъ и арестамъ. Онъ закончилъ свою рѣчь, сильно волнуясь, громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ: „Все зло, всѣ несправедливости, какія творятся въ Россіи, возможны только при самодержавномъ правительствѣ... Я шелъ сознательно, чтобы протестовать противъ гнусныхъ порядковъ, въ которыхъ приходится жить русскому рабочему... Рабочему человѣку въ Россіи нельзя не протестовать, нельзя не бороться!". Защитникъ Волькенштейнъ въ страстной рѣчи между прочимъ сказалъ, что „только одна рѣшетка отдѣляетъ его отъ обвиняемыхъ: вся душа, сердце и умъ его на ихъ сторонѣ". Архангельская заявила о своемъ глубокомъ презрѣніи къ продажному суду и судьямъ — прихвостнямъ правительства. Ошанина сказала: „Я съ наслажденіемъ шла на демонстрацію. Я обрадовалась случаю открыто заявить, наконецъ, передъ лицомъ народа, какъ мнѣ ненавистенъ правительственный произволъ и насиліе надъ личностью." Она говорила напряженнымъ голосомъ, который повышался съ каждой фразой: „У насъ населеніе голодаетъ... у насъ разстрѣливаютъ рабочихъ"... Она закончила громкимъ крикомъ и упала въ обморокъ. Вся зала въ страшномъ волненіи вскочила съ своихъ мѣстъ. Рабочій Ефимовъ въ крайнемъ возбужденіи закричалъ: „Я васъ презираю... Мнѣ безразличенъ вашъ приговоръ... Ссылайте, куда хотите, дѣлайте, что хотите... Мнѣ все равно..." Предсѣдатель прервалъ засѣданіе и направился къ выходной двери. Ошанина крикнула ему въ догонку: „Царскій лакей!"

Такъ въ Саратовѣ подсудимые революціонеры судили правительство. То же происходило и въ Нижнемъ.

Здѣсь разбирались два дѣла о нижегородской и о сормовской демонстраціяхъ. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ защитительныхъ рѣчей сормовскихъ рабочихъ.

Рабочія Заломовъ говорилъ: „Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни...

„...Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но... личное несчастье, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу...

„...Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса. Что, пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свободой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно. Что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!"

Рабочій Алексѣй Быковъ началъ свою рѣчь съ такого же заявленія. „*Я не признаю себя виновнымъ, но вышелъ* на Большую дорогу, гдѣ была демонстрація, *сознательно* присоединился къ ней и заявилъ свои требованія..." Рѣчь свою онъ закончилъ такъ: „Когда я проработалъ одинъ мѣсяцъ и нашелъ прокламацію, въ которой было извѣстно про первое мая, то я не могъ дождаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошелъ на Большую дорогу, гдѣ увидѣлъ партію демонстрантовъ и три знамени, на которыхъ было написано: „Долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!". Я присоединился къ этой группѣ сознательно и кричалъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!"

Рабочій Самылинъ закончилъ свою рѣчь словами: „Когда я узналъ за нѣсколько дней до перваго мая, что въ Сормовѣ будетъ демонстрація, я вышелъ на Большую дорогу и сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ протестовать противъ насилія надъ личностью."

Такъ же началъ и кончилъ свою рѣчь столяръ Михайловъ: „Я пришелъ на демонстрацію сознательно, потому что хотѣлъ вмѣстѣ съ другими показать, что я недоволенъ нашими порядками и хочу ихъ измѣненія..."

„...Испытавъ самъ много горя, я остался недоволенъ насиліемъ правительства и ждалъ случая, чтобы высказать свой протестъ... Когда окружила полиція, выкинулъ красное знамя и крикнулъ: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!".

Признаніемъ своей правоты начинались всѣ защитительныя рѣчи рабочихъ, и возгласомъ „Долой самодержавіе!" онѣ кончались.

Суды надъ сормовскими, саратовскими и нижегородскими демонстрантами закончены. Демонстранты подверглись наказанію: иные попали въ тюрьму, иные пошли въ Сибирь на поселеніе.

Правительство хотѣло кого-то запугать, кого-то устрашить. Оно добилось только одного: въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи судей, увѣшанныхъ орденами и огражденныхъ штыками, безоружные подсудимые, интеллигенты и рабочіе, выражая чувства всего борющагося народа, громко заявили презрѣніе и ненависть къ самодержавію и готовность къ непримиримой борьбѣ съ нимъ.

Рѣчь сормовскаго рабочаго Заломова на судѣ.

Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, но виновнымъ себя не признаю, потому что считалъ себя вправѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни. Я съ ранняго дѣтства чувствовалъ непосильную тяжесть, взваленную на трудящійся классъ. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившаго всѣ свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существованіе. Впослѣдствіи я самъ сталъ рабочимъ, самъ сталъ затрачивать свои силы и здо-

ровье, содѣйствуя этимъ накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ людей. Я видѣлъ, что и членамъ моего семейства, если бы я пожелалъ имѣть таковое, грозитъ та же участь, что и мнѣ. Отсутствіе всякаго свѣта и понаманія дѣйствительности, осуждающее рабочихъ на вѣчное рабство, невозможность для рабочихъ не только жить, но и мечтать о культурной жизни,—весь этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не видѣлъ выхода, приводилъ меня въ отчаяніе. Безсмысленность подобной жизни заставляла меня страстно-мечтать о самоубійствѣ, какъ объ единственно возможномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Но знакомство съ исторіей другихъ народовъ, трудящіеся классы которыхъ, благодаря неустанной борьбѣ, выбились изъ положенія, одинаковаго съ нашимъ, привело меня къ мысли, что такая борьба возможна и у насъ. Возможность хотя бы въ отдаленномъ будущемъ поднять экономическій и нравственный уровень трудящейся темной массы дала мнѣ богатый запасъ жизненныхъ силъ. Я видѣлъ, что тяжела будетъ борьба для рабочихъ, трудно бороться съ безпросвѣтнымъ мракомъ невѣжества, въ которомъ насильственно держатъ рабочихъ и крестьянъ, что много, много будетъ жертвъ съ нашей стороны. Но какой человѣкъ, у котораго не вставленъ въ грудь камень вмѣсто сердца, котораго не удовлетворяетъ чисто животная жизнь, за дѣло своего народа не отдастъ свободы, жизни и личнаго счастья? Изъ личнаго опыта, вынесеннаго за 10 лѣтъ жизни по заводамъ, я пришелъ къ заключенію, что рабочій единичными усиліями не въ состояніи добиться нормальныхъ условій жизни, эксплуатація принуждаетъ довольствоваться положеніемъ вьючнаго животнаго. Многіе думаютъ, что, благодаря задѣльнымъ работамъ, рабочіе имѣютъ возможность при стараніи заработать больше. Дѣйствительно, рабочій можетъ усиленно работать, но это ведетъ лишь къ преждевременному истощенію силъ, потому что невозможно до безконечности усиливать напряженность труда, а удержать на извѣстной высотѣ заработокъ возможно только при этомъ условіи, такъ какъ большій заработокъ, вызванный усиленнымъ трудомъ, ведетъ къ сбавкѣ расцѣнковъ, сбавлять же расцѣнки никогда не устанутъ. Дѣло сводится къ тому, что рабочіе, благодаря задѣльной платѣ и сбавкамъ расцѣнковъ, лишаются послѣдняго отдыха, будучи принуждены работать по ночамъ и по праздникамъ, сверхъ обычной денной работы, не имѣя въ то же время возможности при самомъ непосильномъ трудѣ заработать средства, необходимыя хотя бы для сносной жизни. Точно также не можетъ рабочій единичными усиліями поднять уровень расцѣнковъ и заработка до высоты, необходимой для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей. А потребности эти все увеличиваются, такъ какъ просвѣщеніе, хотя и медленно, но все же проникаетъ въ народныя массы. Рабочіе всѣми силами стараются дать своимъ дѣтямъ образованіе. Народныя библіотеки могутъ доказать, насколько сильна жажда знаній среди рабочихъ. Во многихъ библіотекахъ, несмотря на то, что большинство полезныхъ книгъ запрещено, число подписчиковъ превышаетъ число книгъ. Рабочихъ не удовлетворяютъ грязныя, засаленныя тряпки, замѣняющія имъ одежду. Насколько сильно у рабочихъ желаніе прилично одѣваться, видно изъ того, что многіе отказываютъ себѣ даже въ пищѣ ради приличнаго платья. Разумѣется, не ради своего удовольствія рабочіе ютятся и въ каморкахъ, не удовлетворяющихъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены. Понимаютъ также рабочіе, что питательная пища и болѣе продолжительный отдыхъ лучше возстановляютъ затраченныя на тяжелый трудъ силы. Вообще рабочіе нуждаются въ культурныхъ условіяхъ жизни, и не видѣть этого могутъ только люди, нарочно закрывающіе глаза. Несоотвѣтствіе условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ, съ запросами, предъявляемыми къ жизни, заставляетъ ихъ сильно страдать и искать выхода изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, благодаря несовершенству существующаго порядка. На гуманность предпринимателей разсчитывать нельзя, такъ какъ они, признавая сами себя людьми, на рабочаго смотрятъ, не какъ на человѣка, а какъ на орудіе, необходимое для личнаго обогащенія, и чѣмъ короче срокъ, въ который можно выжать всѣ соки изъ рабочаго, тѣмъ для нихъ выгоднѣе. Для болѣе успѣшной эксплуатаціи труда рабочихъ предприниматели соединяются въ акціонерныя общества. Для того, чтобы удержать на желательной высотѣ цѣны на продукты, производимые трудомъ рабочихъ, но принадлежащіе предпринимателямъ, образуются союзы и синдикаты. Напр., союзы сахарозаводчиковъ и нефтепромышленниковъ. Для этой цѣли предприниматели добиваются запретительныхъ пошлинъ на ввозимые въ Россію болѣе доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдѣльный рабочій, защищаясь отъ эксплуатаціи, не можетъ оказать предпринимателямъ большаго сопротивленія, чѣмъ кусокъ свинца давленію гидравлическаго пресса. Отдѣльный рабочій не можетъ не соглашаться на условія труда, предлагаемыя предпринимателемъ, такъ какъ безъ работы онъ существовать не можетъ. И даже соединенными силами, при отсутствіи благопріятныхъ условій, рабочіе не могутъ противостоять предпринимателю, которому отъ временной пріостановки производства не грозитъ голодъ, какъ рабочимъ. Рабочіе не могутъ добиться участія въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ ихъ труда, не соединившись всѣ вмѣстѣ въ одинъ братскій союзъ. Но этого единственнаго выхода они лишены, такъ какъ законъ, разрѣшая предпринимателямъ эксплуатировать рабочихъ, запрещаетъ послѣднимъ защищаться отъ эксплуатаціи, преслѣдуя союзы и стачки. Чтобы добиться болѣе культурныхъ условій жизни, рабочимъ необходимо имѣть право устраивать стачки противъ предпринимателей, имѣть право организовать союзы, имѣть право свободно печатать и говорить на сходкахъ о своихъ нуждахъ и, наконецъ, черезъ своихъ выборныхъ принимать участіе въ законодательствѣ, такъ какъ всякая побѣда рабочихъ надъ предпринимателями можетъ быть прочной лишь послѣ ея узаконенія. Въ силу всѣхъ изложенныхъ причинъ, считая рабочихъ вправѣ добиваться за свой трудъ лучшихъ условій жизни, я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ. Узнавъ о предполагаемой демонстраціи, я рѣшилъ принять въ ней участіе и сдѣлалъ знамена съ надписями „Да здравствуетъ соціалдемократія!" на одномъ, „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!" на другомъ и „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!" на третьемъ. Знамена, съ которыми я пошелъ на демонстрацію, оказались очень кстати, такъ какъ у демонстрантовъ таковыхъ не имѣлось, и они выражали свой протестъ лишь криками: „Долой самодержавіе!", „Да здравствуетъ политическая свобода!" и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, принесешь хоть микроскопическую пользу своимъ братьямъ, даетъ полнѣйшее удовлетвореніе за всѣ страданія, которыя пришлось и придется перенести. Личное несчастіе, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочимъ до сихъ поръ не удалось добиться чего-нибудь существеннаго, начальство и общество сквозь пальцы смотрятъ на злоупотребленія и на явное нарушеніе законовъ со стороны предпринимателей. Слѣдоват., требуется что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, чтобы обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе рабочихъ и на игнорированіе ихъ интересовъ правительствомъ. Рабочіе, создавая богатства и защищая своей грудью общество отъ внѣшнихъ враговъ, всѣ силы отдаютъ государству, но имъ не дано никакихъ правъ, такъ что всякій, обладающій капиталомъ и покладистой совѣстью, можетъ обратить человѣка, не имѣющаго возможности жить безъ работы, въ рабство. Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса. Что пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свободой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно. Что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ. Что самодержавіе является врагомъ русскаго народа. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: Долой самодержавіе и да здравствуетъ политическая свобода!

Правда о сормовской демонстраціи.

Процессъ о первомайской демонстраціи сормовскихъ рабочихъ закончился. Изъ 13 обвиняемыхъ *) шестеро приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Сормовская демонстрація была политическая демонстрація. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и революціонныя рѣчи рабочихъ на судѣ, и красныя знамена съ революціонными надписями, и красные платки, появлявшіеся то тамъ, то тутъ на палкахъ во время демонстраціи; и революціонныя пѣсни, и возгласы „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!", которые за все время демонстраціи раздавались въ разныхъ отрядахъ многотысячной толпы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и поводъ, вызвавшій рабочихъ на улицу, — празднованіе 1-го мая, наконецъ, показанія свидѣтелей, что рабочіе въ день демонстраціи „не требовали повышенія платы и не жаловались на заводскіе порядки".

Въ Сормовѣ нѣсколько тысячъ рабочихъ заявили открыто свой протестъ противъ политическаго строя Россіи. Ни скрыть, ни опровергнуть этого факта правительство не имѣло никакой возможности. За то обвинительная власть всячески старалась доказать, что участіе рабочей массы въ демонстраціи было совершенно безсознательное. Обвинительный актъ изображаетъ дѣло въ такомъ видѣ: на улицахъ гуляла пьяная по праздничному дѣлу толпа рабочихъ; кучка агитаторовъ, втершись въ эту толпу, увлекла ее на противозаконныя дѣйствія, и толпа пошла за ними, не вѣдая, что творитъ. „Часу въ третьемъ... стали появляться отдѣльныя группы рабочихъ, среди которыхъ слышалась игра на гармоніяхъ, *брань и пѣніе фабричныхъ пѣсенъ*... Въ другой группѣ выдѣлялся Матвѣичевъ, который, *находясь въ нетрезвомъ состояніи, бранился и кричалъ*... Отдѣльныя группы соединялись между собой, толпа стала увеличиваться, и настроеніе ея дѣлалось все болѣе возбужденнымъ" и т. д. Такъ разсказываетъ обвинительный актъ.

Зачѣмъ понадобилась правительству эта клеветническая выдумка — неизвѣстно. Ею оно никого не обманетъ, и прежде всего не обманетъ себя. Оно хорошо знаетъ, что сормовцы въ массѣ отнюдь не являются такими невинными въ политическомъ отношеніи, какъ ихъ хочетъ представить обвинительный актъ.

*) Четырнадцатый, Полозовъ — судя по обвинительному акту, предатель — на судѣ не присутствовалъ. Обвинительный актъ напечатанъ въ 10 № „Освобожденія" и — съ пропусками — въ 27 № „Искры".

Соціалистическая пропаганда въ Сормовѣ ведется уже больше 10 лѣтъ и за послѣдній годъ приняла особенно широкіе размѣры. О результатахъ пропаганды можно судить хотя бы потому, что такая далеко нелегкая газета, какъ „Искра", находитъ въ Сормовѣ многихъ читателей: она расходится тамъ не въ одной сотнѣ экземпляровъ. Въ частности, по отношенію къ маевкѣ, данныя самого обвинительнаго акта показываютъ, что она вовсе не была неожиданнымъ для большинства рабочихъ экспромтомъ, что ей предшествовала продолжительная и систематическая подготовка. Вотъ что намъ объ этомъ разсказываютъ.

Готовиться къ демонстраціи начали въ Сормовѣ задолго до 1 мая, причемъ дѣятельное участіе въ этомъ принимала сормовская рабочая организація. Около масляной недѣли состоялись два собранія изъ представителей отъ рабочихъ кружковъ и отъ Нижегородскаго Комитета Партіи. На этихъ собраніяхъ былъ подробно выработанъ планъ самой демонстраціи примѣнительно къ сормовскимъ условіямъ. Сормово, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя большой заводской поселокъ (въ 5 верстахъ отъ Нижняго), вся жизнь котораго сосредоточена въ громадномъ судо- и паровозостроительномъ заводѣ, насчитывающемъ до 10 тысячъ рабочихъ. Все рабочее населеніе поселка связано съ этимъ заводомъ. Понятно, что исходнымъ пунктомъ демонстраціи удобнѣе всего было избрать именно заводъ. Въ виду этого демонстрація была назначена не на воскресенье, какъ принято въ другихъ мѣстахъ, а на будничный день, на 1 мая. Рѣшено было *начать демонстрацію забастовкой работъ* послѣ обѣда. Такимъ способомъ разсчитывали привлечь большее число участниковъ, чѣмъ если бы собирать народъ въ праздникъ по одиночкѣ спеціально для демонстраціи. Планъ, дѣйствительно, очень цѣлесообразный при извѣстныхъ условіяхъ — напр., тамъ, гдѣ все мѣстное рабочее населеніе скапливается въ одномъ или нѣсколькихъ заведеніяхъ, недалеко другъ отъ друга. Демонстрація, по рѣшенію собранія, должна была носить мирный характеръ, такъ какъ для сопротивленія войскамъ рабочіе не были еще достаточно подготовлены. Она должна была окончиться во всякомъ случаѣ до прибытія вызванныхъ изъ Нижняго войскъ. Демонстраціи рѣшено было придать чисто политическій характеръ безъ всякаго отношенія къ мѣстнымъ заводскимъ интересамъ. Соотвѣтственно этому рѣшено было сдѣлать надписи на знаменахъ. По поводу надписей было на собраніи много споровъ. Говорили, что надпись „долой самодержавіе" слишкомъ обща: что она должна заключать указаніе на то, каковы будутъ для рабочаго класса послѣдствія отъ низверженія самодержавія. Рѣшено было дополнить надпись на знамени словами: „да здравствуетъ политическая свобода", а значеніе этихъ словъ разъяснить предварительно въ особыхъ прокламаціяхъ на эту тему.

Чтобы привлечь къ участію въ демонстраціи возможно больше рабочихъ, чтобы сдѣлать ихъ участіе въ ней болѣе осмысленнымъ, было обращено большое вниманіе на широкое распространеніе среди рабочихъ мысли о необходимости демонстраціи и на выясненіе ея значенія. При этомъ представители рабочихъ кружковъ указывали, что недовольства среди рабочихъ сейчасъ благодаря заминкѣ въ дѣлахъ хоть отбавляй, но яснаго соціалистическаго и политическаго сознанія у нихъ мало. И если не хотятъ, чтобы демонстрація носила стихійный характеръ, то нужно позаботиться предварительно о распространеніи среди рабочихъ правильныхъ взглядовъ на соціализмъ и политическую борьбу. Соотвѣтственно съ этими указаніями общими силами была намѣчена серія листковъ, которые, постепенно нисходя отъ общихъ понятій къ данному случаю, должны были бы заранѣе выяснить истинный смыслъ предполагающейся демонстраціи. Первымъ намѣченъ былъ листокъ объ общихъ условіяхъ капиталистическаго строя и о необходимости соціалдемократическаго движенія. Затѣмъ то же самое въ примѣненіи къ Россіи съ выводомъ о необходимости борьбы съ самодержавіемъ. Далѣе листокъ на тему, что такое политическая свобода и зачѣмъ она нужна рабочему классу; затѣмъ о средствахъ политической борьбы вообще и о демонстраціяхъ въ частности и, наконецъ, о праздникѣ 1 мая и о значеніи первомайскихъ демонстрацій въ Россіи.

Впослѣдствіи издана была только часть намѣченныхъ собраніемъ листковъ. Но и тѣ произвели большое впечатлѣніе и вызвали много толковъ, особенно очень удачно составленый листокъ о томъ, что такое политическая свобода.

Было много основаній ждать, что демонстрація пройдетъ очень удачно. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ ея руководители рѣшили отложить ее на нѣкоторое время. Тѣмъ не менѣе *помимо ихъ воли* демонстрація перваго мая всетаки состоялась. Устроители ея нѣсколько поздно взяли на себя руководство ею и не совсѣмъ справились съ нею. Этимъ объясняются нѣкоторыя буйныя выходки, сопровождавшія демонстрацію, напр., безпорядки около заводской конторы. Этимъ же объясняется то, что, несмотря на продолжительность демонстраціи и на долгое отсутствіе войска, время не было вполнѣ использовано: не было, напр., соотвѣтствующихъ случаю рѣчей и т. д.

Тѣмъ не менѣе первый опытъ сормовской демонстраціи приходится признать въ общемъ удавшимся. Она внесла сильное оживленіе въ среду сормовскихъ рабочихъ, вызвала толки далеко за предѣлами Сормова. Но и помимо этого сормовская демонстрація представляетъ громадный общественный интересъ. Сормовская демонстрація есть дѣло только рабочихъ: она задумана и подготовлена по иниціативѣ и при дѣятельномъ участіи мѣстной рабочей организаціи; она состояла исключительно изъ рабочихъ. Она состояла изъ рабочихъ только одного завода. И несмотря на это, несмотря на то, что поводовъ недовольства заводскими порядками имѣется масса, никакихъ частныхъ мѣстныхъ требованій во время демонстраціи заявлено не было. Демонстрація все время носила общій политическій характеръ.

КЪ ПЯТИЛѢТІЮ БУНДА.

Осенью нынѣшняго года исполнилось пять лѣтъ со времени основанія Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи, Бунда. Пять лѣтъ—немного времени для организаціи, работающей въ свободной странѣ, но очень много при деспотическихъ условіяхъ царской Россіи.

Въ исторіи прежняго русскаго революціоннаго движенія еще не было организаціи, которая, переживъ первое пятилѣтіе, не обнаружила бы признаковъ упадка. Обычно проходило два-три года, и организація близилась къ гибели: ее ослабляли внѣшніе удары правительства и расшатывали внутреннія несогласія, исчезала вѣра въ старые пути и средства, а то и въ старую цѣль. Надо было революціонному движенію связать свою судьбу съ исторически растущимъ общественнымъ классомъ — пролетаріатомъ, надо было встать ему подъ знамя соціалдемократіи, чтобы правительство оказалось безсильно его задавить.

Революціонное движеніе Зап. Края встало подъ это знамя, и Бундъ на своемъ примѣрѣ блестяще доказалъ жизненность соціалдемократіи. Онъ празднуетъ свое первое пятилѣтіе полный силъ и бодрой вѣры въ ту идею, за которую онъ борется съ перваго дня своего существованія.

И въ общей исторіи русскаго соц.-дем. движенія Бундъ занимаетъ особое, выдающееся мѣсто. Если взять всю Россію, то соціалдемократы насчитываютъ уже десятокъ лѣтъ дѣятельности, а отдѣльныя *мѣстныя* соц.-дем. организаціи непрерывно дѣйствуютъ уже больше пяти лѣтъ. Но Бундъ—организація не мѣстная: онъ охватываетъ сѣть комитетовъ и группъ въ районѣ, который равняется западно-европейскому государству средней величины. И отдѣльныя мѣстныя организаціи еврейскихъ рабочихъ прочно спаяны въ общій союзъ на манеръ крѣпко организованныхъ соціалдемократическихъ партій Запада, тогда какъ между отдѣльными русскими соц.-дем. организаціями еще не существуетъ такой крѣпкой общепартійной связи.

Бундъ устраиваетъ въ самой Россіи правильные съѣзды изъ представителей мѣстныхъ организацій. Такихъ съѣздовъ было уже четыре. Съѣздъ руководитъ всей дѣятельностью Бунда, рѣшаетъ всѣ возникающіе вопросы, и его рѣшенія обязательны для всѣхъ организованныхъ еврейскихъ рабочихъ. Онъ же выбираетъ центральный комитетъ Бунда, выполняющій всѣ общесоюзныя дѣла, согласно рѣшеніямъ съѣздовъ, и отвѣтственный передъ съѣздомъ. Словомъ, Бундъ организованъ на демократическихъ началахъ.

Демократизмъ организаціи Бунда находится въ тѣсной зависимости отъ *массовой* основы его дѣятельности. Сліяніе соціализма съ массовымъ движеніемъ рабочихъ, это необходимое условіе соц.-дем. движенія, въ Бундѣ стало незыблемымъ фактомъ. Было бы неправильно говорить только о *вліяніи* Бунда на еврейскую рабочую массу: онъ съ нею связанъ такими крѣпкими узами, что онъ и есть борющійся за свободу и соціализмъ еврейскій пролетаріатъ. Всѣ сознательные еврейскіе рабочіе непосредственно входятъ въ Бундъ, и число ихъ быстро растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ сила ихъ собственной классовой организаціи—Бунда.

Другая цѣнная особенность Бунда, вытекающая изъ его массовой основы и изъ демократизма его организаціи, — это его *нерушимое единство*. Внутреннія разногласія всегда улаживались и рѣшались въ рамкахъ общей организаціи; они не вели къ расколамъ, а служили скорѣе толчками для ея дальнѣйшаго развитія. Ни внѣшняго разрыва, ни перерыва во

внутреннемъ развитіи! Бундъ всегда сохранялъ отзывчивость къ новымъ запросамъ борьбы, оставаясь вѣрнымъ руководящимъ принципамъ социалдемократіи. Онъ никогда не зналъ скачковъ отъ одной крайности къ другой, такъ какъ развивался внутренне и росъ количественно въ тѣсномъ единеніи съ сознательной массой еврейскаго пролетаріата. И за пять лѣтъ ему удалось революціонизировать эту массу, довести ее до очень высокой ступени соціалистическаго классоваго сознанія и воспитать въ ней способность и готовность къ открытой, самоотверженной революціонной борьбѣ.

Великъ и драгоцѣненъ героизмъ отдѣльнаго борца! Но безконечно болѣе великъ и исторически важенъ *героизмъ безымянной массы* — и тотъ ея героизмъ, который проявляется въ борьбѣ изо дня въ день, въ повседневномъ рискѣ тюрьмой и ссылкой, голодомъ и лишеніями, и тотъ ея героизмъ, который двигаетъ ею въ политической демонстраціи, лицомъ къ лицу съ дикой казацкой ордой, подъ свистомъ нагайки и ударами шашекъ, и тотъ ея героизмъ, который въ красные дни революціи вспыхнетъ неугасимымъ пламенемъ и уничтожитъ до тла крѣпость деспотизма... И вотъ этотъ-то массовой героизмъ во всѣхъ его видахъ, лучшій залогъ побѣды, проникаетъ еврейскій пролетаріатъ, благодаря дѣятельности Бунда.

Не такъ давно евреи въ Россіи безъ различія классовъ считался презрѣннымъ существомъ, трусливымъ эксплуататоромъ, способнымъ только къ гешефтмахерству и проч. Царское правительство усердно поддерживало вѣковую племенную ненависть противъ евреевъ и не разъ для собственной пользы отводило народный гнѣвъ въ русло антиеврейскихъ погромовъ, разорявшихъ почти исключительно еврейскую бѣдноту. Теперь нѣтъ въ Россіи сознательнаго рабочаго, который не зналъ бы, что евреи наряду съ значительнымъ числомъ революціонеровъ-интеллигентовъ выдѣлили въ лицѣ своего пролетаріата цѣлый революціонный классъ, борющійся за соціализмъ и свободу въ переднихъ рядахъ россійской соціалдемократіи. Соціалдемократическая дѣятельность Бунда выпрямила согбеннаго многовѣковымъ гнетомъ „парію среди паріевъ“, какъ назвалъ еврейскій пролетаріатъ Карлъ Каутскій, выпрямила и возродила еврейскихъ рабочихъ къ революціонной борьбѣ. Сознательные русскіе рабочіе научились поэтому цѣнить въ еврейскихъ рабочихъ товарищей и братьевъ по общему дѣлу — и племенная травля, губительная для освободительной борьбы пролетаріата, не найдетъ отклика въ средѣ борющагося русскаго пролетаріата. Однимъ препятствіемъ на пути нашей партіи стало меньше.

За это, какъ за всѣ другіе плоды дѣятельности Бунда, русская соціалдемократія должна быть ему глубоко признательна.

Горячо привѣтствуемъ братнюю организацію еврейскаго пролетаріата съ ея пятилѣтней годовщиной и пожелаемъ ей и впредь непрерывныхъ успѣховъ на общую пользу нашей соціалдемократической партіи!

Тайный съѣздъ земцевъ въ Москвѣ *).

Крестьянское разореніе въ полукрестьянской Россіи не могло не стать серьезнымъ препятствіемъ для экономическаго развитія страны, не могло не отразиться на всѣхъ областяхъ народной жизни. Обнищаніе деревни суживаетъ внутренній рынокъ для сбыта фабричныхъ товаровъ и этимъ заставляетъ даже фабрикантовъ, несмотря на всѣ заботы о нихъ правительства, задуматься надъ современнымъ положеніемъ вещей, зароняетъ подчасъ даже въ ихъ головы вольнодумныя мысли. Обнищаніе деревни ускорило, обострило и затянуло торгово-промышленный кризисъ, а это немало содѣйствовало подъему революціонности въ рабочемъ классѣ. Непрерывныя голодовки привели къ бурнымъ взрывамъ стихійнаго недовольства въ крестьянской средѣ; крестьянскіе бунты держатъ въ страхѣ помѣстное дворянство и служатъ для него лишнимъ побужденіемъ добиваться „прочнаго и законнаго порядка“, о которомъ оно обычно лишь втайнѣ мечтаетъ. Истощеніе платежныхъ силъ деревни въ корнѣ подрываетъ всю податную систему, основанную на косвенныхъ налогахъ, и ведетъ страну къ государственному банкротству; новые заграничные займы все труднѣе удаются Витте, несмотря на частыя поѣздки всероссійскаго самодержца къ Ротшильдамъ на поклонъ ...

*) Оцѣнкѣ московскаго земскаго съѣзда мы намѣрены были предпослать общую статью объ отношеніи русской соціалдемократіи къ настоящему либеральному движенію. Но недостатокъ мѣста заставилъ насъ отложить ее до слѣд. №. *Ред.*

Какъ зловѣщій призракъ, стоитъ крестьянское разореніе передъ самодержавіемъ, предвѣщая и ускоряя его гибель. Ни секретные циркуляры, ни безпощадныя расправы не въ силахъ отвратить отъ него надвигающейся грозы. Правительство изъ чувства самосохраненія вынуждено, наконецъ, принять хоть какія-нибудь мѣры, которыя бы задержали процессъ деревенскаго разоренія.

Съ этой цѣлью въ февралѣ по проекту и подъ предсѣдательствомъ Витте учреждено было въ Петербургѣ „Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“ съ многословной и безсодержательной программой. Для подготовительныхъ работъ и для опроса свѣдущихъ людей нѣсколько позже были открыты уѣздные и губернскіе комитеты, преимущественно изъ мѣстныхъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и предводителей дворянства.

Но таково ужъ положеніе вещей, что даже мѣропріятія, направленныя на укрѣпленіе самодержавія, обращаются противъ него же.

Правительство, ведя систематическую борьбу съ земскимъ самоуправленіемъ, *сознательно* устранило земства отъ участія въ работахъ Особаго Совѣщанія. Но оно сознаетъ свое полное безсиліе самому справиться съ трудной задачей, не пользуясь опытомъ и знаніями земствъ. Поэтому оно призвало къ содѣйствію членовъ земскихъ управъ, но не какъ представителей земства, а какъ служащихъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Это было новое нападеніе на земское самоуправленіе, и передовые земцы рѣшили отвѣтить на него отпоромъ.

Для выработки плана и программы дѣйствій въ маѣ и іюнѣ состоялось въ Москвѣ два тайныхъ земскихъ съѣзда. На первомъ присутствовало 43 человѣка, на второмъ до 50.

Свѣдѣнія о съѣздахъ, попавшія въ печать, неполны и односторонни. И либеральная, и соціалистическая печать отмѣтила только одну сторону дѣлу — оппозиціонный, противоправительственный духъ, „страстныя, порой даже блестящія“ рѣчи земцевъ противъ царизма. Но пролетаріату недостаточно знать, что земцы, представители помѣстнаго дворянства, теперь настроены противъ самодержавія. Ему не менѣе важно знать, какія цѣли они при этомъ преслѣдуютъ и какими средствами они думаютъ дѣйствовать.

Передъ нами лежитъ „Краткое изложеніе бесѣдъ майскаго съѣзда“, можетъ быть, даже его офиціальный протоколъ. Написанъ этотъ документъ сухимъ дѣловымъ языкомъ. Опытная рука осторожнаго канцеляриста заботливо стерла съ рѣчей земцевъ всѣ яркія краски, вытравила изъ нихъ всю ихъ страстность. И тѣмъ не менѣе отъ этого безжизненнаго документа вѣетъ жизнью. Съ каждой строки его глядитъ на насъ либералъ-землевладѣлецъ, стремящійся не только къ экономическому господству, но и къ политической и культурной опекѣ надъ окрестнымъ населеніемъ, готовый порою помочь въ бѣдѣ сосѣду-крестьянину, но съ крайней враждебностью встрѣчающій малѣйшіе проблески политической самодѣятельности крестьянъ, рабочихъ и разночинцевъ. Въ каждомъ словѣ рѣчей на съѣздѣ сказывалась двойственность позиціи земцевъ-помѣщиковъ, сказывалась ихъ вражда *не только къ самодержавію, но и къ самостоятельному освободительному движенію трудящихся слоевъ населенія*. Документъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться.

На первую очередь на съѣздѣ былъ поставленъ и вызвалъ горячій обмѣнъ мыслей вопросъ о томъ, принимать или нѣтъ участіе въ комитетахъ. И тутъ уже сказалось, что земцы не хотятъ *рѣшительно* порвать съ тѣмъ правительствомъ, противъ котораго мы ведемъ непримиримую борьбу. Всѣ ораторы были согласны въ томъ, что правительство, отстраняя земство отъ комитетовъ, „ставитъ ребромъ вопросъ, быть или не быть земству, производитъ опытъ обойтись безъ земства въ разрѣшеніи земскихъ вопросовъ“. Но дальше мнѣнія раздѣлились. Только очень немногіе стояли за то, что необходимо ради протеста парализовать всю затѣю правительства, совершенно отстранившись отъ комитетовъ и предоставивъ ихъ чиновникамъ, которые сами безусловно неспособны справиться съ задачей. Но большинство было другого мнѣнія. Они указывали, что земскимъ управамъ неловко не участвовать въ комитетахъ, разъ на это имѣется высочайшая воля. Они говорили, что, если дѣла въ комитетахъ вслѣдствіе отстраненія земцевъ пойдутъ плохо, то эту неудачу поставятъ въ вину самому же земству. Они совѣтовали воспользоваться комитетами, какъ средствомъ „довести, (говоря ихъ обычнымъ языкомъ), голосъ страны до подножія трона“, предлагали разные способы превратить дѣло комитетовъ въ дѣло земствъ.

Было рѣшено, чтобы въ работѣ комитетовъ приняли участіе не только члены управъ, но и гласные; чтобы они постарались проникнуть туда въ возможно большемъ числѣ черезъ предводителей дворянства, получившихъ разрѣшеніе приглашать въ комитеты лицъ по своему усмотрѣнію. Но и члены управъ, и гласные должны заявить, что они принимаютъ участіе въ комитетахъ, лишь повинуясь волѣ монарха, и притомъ „за свой страхъ и рискъ, а не по уполномочію земскихъ собраній“. Затѣмъ о своихъ дѣйствіяхъ въ комитетахъ они должны внести подробные доклады въ земскія собранія, чтобы дать имъ законную возможность высказаться по тѣмъ же вопросамъ. Смыслъ всей этой сложной механики таковъ: мы не будемъ открыто протестовать

противъ правительства; мы не хотимъ съ нимъ окончательно ссориться, ибо оно намъ, можетъ быть, еще на что-нибудь пригодится. Но вопреки волѣ правительства мы привлечемъ земство къ работамъ Особаго Совѣщанія и на законной почвѣ предъявимъ черезъ него правительству свои требованія.

Чтобы придать своимъ дѣйствіямъ больше внушительности, земцы рѣшили дѣйствовать по однородной программѣ, „такъ какъ только одновременныя и единодушныя заявленія многихъ земствъ могутъ имѣть вѣсъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ“.

Порѣшивъ на этомъ, земцы приступили къ обсужденію программы. Проектъ ея, составленный въ очень умѣренномъ тонѣ, члены съѣзда нашли всетаки рѣзкимъ и усердно занялись его смягченіемъ. Вотъ 2-3 примѣра. Въ проектѣ было сказано: „мнѣніе о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ можетъ быть представлено *только* земскими учрежденіями, которые являются единственными представителями всего населенія“. Съѣздъ рѣшительное *только* замѣнилъ растяжимымъ *лучше всего*. Въ проектѣ земства были названы органами *государственнаго управленія*. Съѣздъ рѣшилъ назвать ихъ скромнѣе органами *самоуправленія*. Затѣмъ изъ проекта было выкинуто указаніе на то, что на дѣятельности комитетовъ вредно отразится участіе въ нихъ земскихъ начальниковъ. „Едва ли тактично возбуждать рознь между мѣстными людьми... Не слѣдуетъ указывать на то, что въ уѣздныхъ комитетахъ преобладающимъ элементомъ будутъ земскіе начальники, и что поэтому отвѣты комитетовъ будутъ выражать мнѣніе мѣстной администраціи, а не мѣстнаго населенія“.

Переходимъ теперь къ самой программѣ. Она опредѣленно заявляетъ, что частными мѣрами нельзя помочь сельскому хозяйству, пока не будутъ устранены „общія условія“, которыя тормозятъ его развитіе. Исходя изъ этого, программа намѣчаетъ рядъ требованій, направленныхъ противъ тѣхъ „общихъ условій“, современной русской жизни, противъ которыхъ теперь возстаетъ всякій мало-мальски культурный человѣкъ. Таковы требованія объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, объ общедоступности народнаго образованія, о свободѣ печати и т. д. Но при этомъ программа тщательно избѣгаетъ затрагивать тѣ „общія условія“, въ сохраненіи которыхъ заинтересовано помѣстное дворянство, и пренія на съѣздѣ доказываютъ, что это не случайность, ибо эти пренія насквозь пропитаны классовымъ духомъ, землевладѣльческими вожделѣніями.

Для реформы земства съѣздъ предлагаетъ: уничтожить выборы въ земство по сословіямъ, приблизить его къ населенію, расширить и упрочить его права. Все это хорошо и нужно, но этого крайне мало. Народу, демократіи нужно равное, прямое, всеобщее избирательное право, нужно полное уничтоженіе ценза. Вопросъ о цензѣ для народа основной вопросъ въ земской реформѣ. Какъ же смотритъ на это съѣздъ? „Программа должна быть свободна отъ всякихъ частностей, деталей, *а вопросъ о цензѣ является именно деталью*, хотя и важной“. И *большинствомъ 37 голосовъ* противъ 4 рѣшено вопроса о цензѣ въ программѣ не затрагивать. Господствующее въ земствѣ помѣстное дворянство вопросъ объ уничтоженіи этого господства естественно должно называть „деталью“.

Для крестьянъ важны не только вопросы объ уравненіи въ правахъ и о народныхъ школахъ. Для нихъ не менѣе важенъ *земельный вопросъ*. Онъ былъ поднятъ на съѣздѣ нѣкоторыми изъ членовъ, которые хотѣли было на немъ подробнѣе остановиться. Но большинство нашло вопросъ неумѣстнымъ и замолчало его: *въ программу не вошло ни одного требованія на этотъ счетъ*. Опять-таки понятно почему. Всякая сколько-нибудь серьезная постановка этого вопроса прежде всего коснулась бы кабальной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, чувствительно затронула бы интимные интересы землевладѣльцевъ, изъ представителей которыхъ состоялъ съѣздъ.

Далѣе рѣзкой и ѣдкой критикѣ подверглась вся нынѣшняя экономическая и податная политика правительства. На нее земцы свалили *всю* вину въ крестьянскомъ разореніи, ни слова не говоря о той роли, которую играли въ этомъ дѣлѣ землевладѣльцы. Земцы готовы помочь разоренному крестьянству, но только за чужой счетъ. Они предлагаютъ „переложить часть податного бремени съ крестьянскаго сословія на болѣе зажиточные слои общества, *особенно же на промышленный классъ*“. Крестьянское разореніе служитъ для нихъ предлогомъ обрушиться на всю политику Витте, выгодную для промышленнаго капитала и невыгодную для крупнаго землевладѣнія. Они объявляютъ войну противъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ; они возстаютъ противъ чрезмѣрныхъ расходовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и т. д. Въ основаніи этой во многомъ справедливой критики лежитъ по существу вражда землевладѣльцевъ противъ промышленнаго капитала. Они не прочь бы были и вообще стѣснить развитіе промышленности, которая *„создаетъ пролетаріатъ, оторванный отъ земли и могущій явиться благопріятной средой для воспріятія революціонныхъ идей“*. Здѣсь въ сжатой формѣ вылились и злоба помѣщиковъ на то, что фабрика, привлекая крестьянъ въ города и отрывая ихъ отъ земли, оказываетъ сильное вліяніе на вздорожаніе рабочихъ рукъ въ деревнѣ, и страхъ передъ сознательнымъ соціалистическимъ движеніемъ пролетаріата.

Такова программа, которая легла въ основу дѣятельности большинства комитетовъ. А гдѣ же главное политическое требованіе земцевъ — ограниченіе самодержавной власти, созывъ парламента? На этотъ счетъ они въ ней ничего опредѣленнаго не говорятъ, ограничиваясь лишь туманными и расплывчатыми намеками, вродѣ того, что необходимо „пригласить представителей губернскаго земства для участія въ работахъ Особаго Совѣщанія, включить ихъ въ составъ учрежденнаго при министерствѣ земледѣлія сельскохозяйственнаго совѣта (вмѣсто парламента?), такъ какъ при этомъ условіи правительство будетъ всегда и своевременно освѣдомлено о мѣстныхъ нуждахъ населенія“. Вотъ и все.

Земцы объявляютъ себя „единственными представителями всей страны“. Они расчитываютъ быть посредниками между самодержавнымъ правительствомъ и революціонными слоями народа. Пусть читатель самъ рѣшитъ, можемъ ли мы признать ихъ своими представителями, можемъ ли допустить ихъ посредничество?

Письмо изъ Воронежа.

Учрежденіе сельскохозяйственныхъ комитетовъ взбудоражило у насъ все общество и дало поводъ мѣстнымъ либераламъ высказать свои завѣтныя желанія. Исторія комитетовъ такова.

Засѣданія уѣзднаго комитета начались въ концѣ августа подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства Алисова. Губернаторъ выразилъ мнѣніе, что гласность засѣданій излишня, но Алисовъ объявилъ ихъ публичными и пригласилъ въ составъ комитета всѣхъ гласныхъ уѣзднаго земства, въ томъ числѣ 6 гласныхъ-крестьянъ. Это было *протестомъ* противъ нежеланія правительства передать разбираемые вопросы на обсужденіе земства. Всего присутствовало 50 членовъ комитета и человѣкъ 50 публики.

На первомъ же засѣданіи комитета выступилъ съ рѣчью гласный Бунаковъ — старый помѣщикъ, извѣстный либеральный педагогъ. Онъ находилъ, что странно говорить объ улучшеніи быта лицъ, которыхъ повсюду порятъ и бьютъ, которыхъ разоряетъ весь укладъ современнаго строя жизни. Пока весь строй не будетъ измѣненъ, до тѣхъ поръ объ отдѣльныхъ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ такъ же странно говорить, какъ о ремонтѣ отхожихъ мѣстъ въ домѣ, который готовъ рухнуть. Надо вернуться къ реформамъ 60-хъ годовъ, недодѣланнымъ, искаженнымъ; надо дать свободу слова, печати, собраній, надо созвать выборныхъ отъ всего народа вершить народныя судьбы.

Затѣмъ прочелъ свою записку докторъ Мартыновъ, богатый домовладѣлецъ, земскій гласный, бывшій политическій ссыльный. „Настоящее собраніе, говорилъ онъ, обязано первымъ дѣломъ опредѣленно заявить, что для рѣшенія вопросовъ такой огромной важности, какъ поднятіе сельскаго хозяйства, долженъ быть немедленно созванъ парламентъ. Настоящее собраніе при своемъ случайномъ составѣ не вправѣ разсматривать такіе важные вопросы, и потому, сдѣлавъ заявленіе о необходимости созыва парламента, оно должно прекратить свои засѣданія“.

Такая рѣзкая постановка вопроса пришлась не по душѣ собранію. Предложеніе Мартынова было отвергнуто, и рѣшено было продолжить засѣданія и представить въ губернскій комитетъ обстоятельный докладъ. Выработка его была поручена комиссіи подъ руководствомъ статистика Щербины. Въ комиссію Щербина пригласилъ человѣкъ 30. Тутъ были и солидные штатскіе генералы, и его сослуживцы — статистики. Два-три человѣка изъ послѣднихъ заявили о томъ, что комиссія составлена односторонне: въ городѣ есть и другія лица (изъ числа поднадзорныхъ), мнѣніе которыхъ тоже интересно выслушать. Щербина не рѣшился прямо отказать въ этомъ, но, боясь взять на себя отвѣтственность за приглашеніе къ себѣ на собраніе такихъ опасныхъ людей, предварительно обратился за разрѣшеніемъ къ губернатору. Тотъ изъявилъ на это свое полное согласіе. „Стыдно русской интеллигенціи! — говорилъ либеральный помпадуръ. Надо высказаться! Не ждать же намъ 1 марта.“ Такимъ образомъ въ выработкѣ доклада приняло участіе до 50 человѣкъ самой разношерстной публики: умѣренно-либеральный предводитель дворянства Алисовъ засѣдалъ рядомъ съ неблагонадежнымъ интеллигентомъ-радикаломъ съ соціалистической окраской.

Составленный въ этой комиссіи докладъ былъ принятъ единогласно уѣзднымъ комитетомъ и внесенъ имъ въ губернскій. Докладъ написанъ въ яро-либеральномъ духѣ. Причину разоренія крестьянства онъ видитъ въ самодержавномъ строѣ, который препятствуетъ развитію въ обществѣ культуры и самодѣятельности. Но сквозь эту критику самодержавія рѣзко проглядываетъ стремленіе помѣстнаго дворянства стать культурнымъ опекуномъ народа и отстоять свои политическіе и экономическіе интересы.

Основное требованіе доклада состоитъ въ созывѣ *всероссійскаго земства*, попросту говоря — парламента. Парламентъ долженъ состоять изъ выборныхъ отъ губернскихъ земствъ, а это значитъ вотъ что. Сначала населеніе выберетъ въ волостныя земскія собранія (вновь проектируемая мелкая земская единица) своихъ представителей *„въ строгой зависимости отъ принадлежащаго имъ имущественнаго ценза съ одной стороны и образователь-*

наго цензи съ другой". Эти волостныя собранія произведутъ выборы въ уѣздное земство; уѣздное земство въ свою очередь пошлетъ представителей въ губернское, а губернское — во всероссійское земство, которое будетъ править страной. При такомъ *четверномъ процѣживаніи* во „всероссійское земство" попадутъ конечно, представители только богатыхъ классовъ, преимущественно крупныхъ землевладѣльцевъ. Либерализмъ не мѣшаетъ земцамъ стремиться прибрать правительственную власть къ своимъ рукамъ и *устранить неимущіе классы населенія отъ участія въ управленіи страной.*

Такую же яркую классовую окраску носятъ и остальные пункты доклада, напр., вопросъ о землѣ. Докладъ отмѣчаетъ, что „это не только самый острый, но и грозный въ сельскохозяйственной жизни вопросъ. Уже теперь аграрныя движенія земледѣльческой массы дѣлаютъ *невозможнымъ жизнь въ деревнѣ и веденіе хозяйства рядомъ съ малоземельнымъ крестьяниномъ*... Явная и скрытая вражда его ко всѣмъ тѣмъ, кого онъ считаетъ виновникомъ своего малоземелья, потравы, поджоги и пр., и пр., — все это не временные признаки, а зловѣщіе симптомы аграрныхъ неурядицъ, отравляющихъ спокойствіе и мѣшающихъ регулярности сельскохозяйственнаго производства... Убѣдить крестьянина, что земли болѣе нѣтъ для него и что ему не дадутъ ея, нельзя... прежнія опасенія (помѣщиковъ) объ отвлеченіи переселеніемъ рабочихъ рукъ и выгодныхъ арендаторовъ всюду замѣняются *желаніемъ избавиться отъ неспокойныхъ элементовъ путемъ выселенія ихъ*". Для рѣшенія земельнаго вопроса предлагается національзація земли. Подъ этимъ словомъ докладъ понимаетъ „обращеніе казенныхъ земель въ „общегосударственный фондъ" и пополненіе этого фонда покупкой частныхъ земель" *). А на эти земли предлагается переселять „не средне-зажиточныхъ и состоятельныхъ крестьянъ, какъ это практикуется нынѣ, а безземельныхъ и малоземельныхъ, представляющихъ собой самый опасный элементъ для спокойствія страны". И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ... **)

10 октября начались закрытыя, безъ присутствія публики, засѣданія губернскаго комитета въ домѣ губернатора. Къ участію въ нихъ приглашено было до 120 челов.: изъ нихъ 80 чел. земскихъ начальниковъ, уѣздные предводители дворянства, кое-кто изъ членовъ уѣздныхъ комитетовъ и представители казенныхъ учрежденій, значитъ, почти все чиновники.

Губернаторъ, стыдившій раньше „интеллигенцію" и самъ предлагавшій ей высказаться, теперь, увидавъ, что политическія пожеланія земцевъ зашли далеко, струсилъ. Онъ рѣшилъ, что губернскому комитету нужно „разжижить" слишкомъ „красные" доклады уѣздныхъ комитетовъ и свести всю дѣятельность ихъ къ разработкѣ мелкихъ техническихъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ онъ сразу и повелъ дѣло. Онъ установилъ такой порядокъ засѣданія — начать съ чтенія уѣздныхъ докладовъ, а затѣмъ изъ нихъ извлечь отвѣты на частные вопросы главнаго петербургскаго „Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства" и свести все къ мелкимъ техническимъ улучшеніямъ. Попавшіе къ губернатору изъ уѣздныхъ комитетовъ либералы заволновались: это значитъ, что всѣ дѣйствительныя желанія „земскихъ людей" останутся подъ сукномъ у губернатора. Тѣмъ не менѣе комитетъ покорно приступилъ къ чтенію воронежскаго уѣзднаго доклада — обсужденій никакихъ. Затѣмъ заслушанъ новохоперскій докладъ, составленный въ томъ же духѣ, какъ воронежскій, — обсужденій опять никакихъ.

Второе собраніе комитета, однако, приняло неожиданный для губернатора оборотъ.

Вмѣсто того, чтобы читать молча доклады, члены комитета провели все время въ разговорахъ на общія темы. Даже среди земскихъ начальниковъ нашлись люди, заступившіеся за „общія мѣры". Рѣшено было избрать коммиссію и отвѣтить на запросы совѣщанія, не обходя молчаніемъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Тѣмъ временемъ министерство внутр. дѣлъ, узнавъ о ходѣ работъ въ воронежскихъ комитетахъ, спохватилось и рѣшило энергично вмѣшаться въ дѣло.

26 октября, вечеромъ, по приказанію Плеве, арестованъ и увезенъ въ Петербургъ докторъ Мартыновъ (50-ти лѣтъ). Послѣ обыска обязанъ подпиской немедля явиться туда же Бунаковъ (60-ти лѣтъ).***) Алисовъ вызванъ къ Плеве въ Ялту, гдѣ теперь царь и весь дворъ, и выслушалъ тамъ царскій выговоръ. Губернаторъ Слѣпцовъ, вызванный туда же, получилъ такой нагоняй, что подалъ въ отставку. Вице-губернаторъ Хвостовъ получилъ телеграмму отъ мин. вн. дѣлъ, чтобы члены воронежской коммиссіи, составлявшей докладъ, не отлучались изъ города 2 и 3 ноября, такъ какъ въ Воронежъ пріѣдетъ тов. мин. Зиновьевъ.

2 ноября городъ имѣлъ возбужденный видъ: на улицахъ масса полиціи, вызванные изъ уѣздовъ предводители дворянства разъѣзжаютъ по городу въ шикарныхъ выѣздахъ, въ шитыхъ золотомъ треуголкахъ, словомъ — дворянская демонстрація.

Зиновьевъ остановился въ гостиницѣ и назначилъ пріемъ въ домѣ губернатора. Туда были вызваны по повѣсткамъ члены коммиссіи, предводитель дворянства, предсѣдатель и члены управы. Ихъ размѣстили по разнымъ комнатамъ.

Зиновьевъ вышелъ прежде всего къ членамъ коммиссіи.

— Вы, вѣроятно, знаете, господа, что я пріѣхалъ разслѣдовать дѣло о докладѣ. Я, конечно, знаю, что не всѣ вы принимали въ немъ равное участіе: одни подписали его не думая, другіе подъ чужимъ вліяніемъ, и только нѣкоторые — его выразители. Вашъ докладъ обратилъ на себя довольно большое... нѣтъ, извините — чрезвычайно большое вниманіе министерства. Характеръ его — фельетонный! Подпольно-фельетонный! Есть такіе фельетоны — какъ Амфитеатрова. Истинно вѣрноподданный не подписалъ бы такого доклада! Завтра я буду бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ васъ. Быть можетъ, выяснится что-нибудь еще болѣе удивительное въ положеніи дѣлъ вашей губерніи.

Присутствовавшіе молча, какъ виноватые школьники, выслушали эту надменно-грубую рѣчь. Съ членами управы Зиновьевъ держался еще нахальнѣе и опять не встрѣтилъ должнаго отпора.

На другой день для бесѣды съ глазу на глазъ было вызвано къ Зиновьеву 8 членовъ коммиссіи изъ наиболѣе видныхъ по общественному положенію. Вотъ почти буквальный разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Зиновьевъ, прося садиться: — Кто Вы такой? — Членъ управы Перелешинъ. — Вы знаете доктора Мартынова? — Онъ мой родственникъ. — А, онъ Вашъ родственникъ! Вы знали о томъ, что онъ готовитъ записку? — Зналъ. — И Вы находили, что ее можно подать? — Отчего же нѣтъ? Онъ въ ней высказывалъ свое мнѣніе. — Но, вѣдь, тамъ говорится, какъ и въ вашемъ докладѣ, объ ограниченіи самодержавія! — Я этого не нахожу; тамъ говорится о желательности призыва выборныхъ для обсужденія положенія дѣлъ, слѣдовательно, все предоставляется самодержцу. — Гдѣ вы учились? — Въ Катковскомъ лицеѣ. — А! А потомъ были въ университетѣ? — Былъ. — Кончили его? — Нѣтъ. — Почему? — Былъ сосланъ въ Сибирь. — А!! Какимъ же образомъ вы попали въ управу? — Какъ только я вернулся изъ ссылки, былъ выбранъ въ гласные, а теперь въ члены управы. — А! Теперь понимаю!

Зиновьевъ, пожимая руку Вашкевичу: — Кто Вы такой? — Управляющій контрольной палатой. — Какъ же Вы, въ такомъ положеніи, такой же старикъ, какъ я, подписали такой докладъ? — Вотъ именно потому, что я такой же старикъ, какъ Вы, я счелъ себя въ правѣ и своимъ долгомъ подписать его. — И что же, Вы совершенно согласны съ нимъ? — Нѣтъ, не во всемъ. Но разъ я подписалъ, то въ общемъ съ нимъ согласенъ. — И Вы думаете, что его можно напечатать въ газетахъ? А вѣдь онъ уже облетѣлъ всю Россію! — Отчего же его не напечатать? — Но, вѣдь, онъ противъ самодержавія! — Я этого не нахожу.

Слѣдующему: — Вы кто такой? — Завѣдующій санитарнымъ бюро губ. земства, д-ръ Тезяковъ. — Чѣмъ занимается это бюро? — Организаціей врачебной помощи и борьбой съ эпидеміями. — У васъ были эпидеміи въ этомъ году? — Да. Отъ недоѣданія переболѣло цынгой 4 тысячи. — Это вовсе немного на губернію. — Но это только на три уѣзда! — Въ докладѣ говорится о вымираніи населенія, на какомъ же основаніи? — Дѣтей умираетъ 87%, и общая смертность много выше нормальной. — Во всякомъ случаѣ Вамъ слѣдовало ограничиться спеціальными вопросами. Я знакомъ съ Вашими солидными трудами, но зачѣмъ было браться за общегосударственные вопросы! *)

На этомъ пока обрывается исторія нашихъ комитетовъ.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Чума въ Петербургѣ.

Зубатовъ назначенъ подручнымъ Плеве для того, чтобы свою московскую систему развращенія рабочихъ распространить на всю Россію. Патріотическая газета „Свѣтъ" съ радостью оповѣстила публику объ его первыхъ шагахъ на этомъ поприщѣ въ Петербургѣ.

11 заводскихъ рабочихъ на Выборгской сторонѣ, по словамъ Свѣта, рѣшили, что возможно *безъ борьбы*, путемъ легальныхъ обществъ взаимопощи, *очень серьезно улучшить* жизненныя условія рабочей среды. Задумавъ это доброе дѣло, они отправились за благословеніемъ *къ градоначальнику и въ департаментъ полиціи* и встрѣтили, разумѣется, „самое *внимательное и сочувственное* отношеніе". 10 ноября (какъ разъ въ день ростовскаго кровопролитія), они созвали первое, а 17 ноября второе собраніе рабочихъ „для всесторонняго обсужденія рабочаго вопроса въ русскомъ духѣ" — (въ духѣ царскаго кнута и полицейскаго застѣнка). Затѣмъ

*) Конечно, по хорошей цѣнѣ, выгодной для задолжавшихся помѣщиковъ.

**) Мы опускаемъ дальнѣйшій разборъ предложеній доклада, такъ какъ они представляютъ лишь примѣненіе къ частному случаю общихъ положеній изложенной выше московской программы. *Ред.*

***) Сообщаютъ, что Мартыновъ высланъ на 3 года въ Архангельскую губ., Бунаковъ на такой же срокъ въ Новгородскую.

*) По поводу этихъ бесѣдъ Плеве сказалъ губернскому предводителю дворянства: „Зиновьевъ превысилъ свои полномочія, рѣзко разговаривая съ уѣздными предводителями дворянства. Что касается другихъ, можете передать всѣмъ, что въ Архангельской и Тобольской губ. мѣста очень много".

21 ноября эта же кучка полицейскихъ соціалистовъ представлялась Плеве, который благодарилъ ихъ за усердіе и, обѣщалъ *поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ направленіи*". (Еще бы!)

Петербургскіе сознательные рабочіе сумѣютъ въ зародышѣ задавить очагъ заразы. Предохранительнымъ средствомъ противъ распространенія чумы является карантинъ. Такимъ же испробованнымъ уже средствомъ противъ заразы полицейскаго соціализма служитъ *бойкотъ*, прекращеніе всякихъ сношеній съ лицами, имѣющими къ нему отношеніе. Это средство съ успѣхомъ примѣняетъ Бундъ въ борьбѣ противъ Независимой Рабочей Партіи, родственной по духу Зубатовщинѣ. Такъ, его Минскій Комитетъ рекомендуетъ *всѣмъ порядочнымъ людямъ* не участвовать въ собраніяхъ независимцевъ, хотя бы изъ простого любопытства, не давать и не брать у нихъ литературы, прекратить съ ними всякія личныя сношенія. Для членовъ соціалдемократической организаціи эти требованія *безусловно обязательны*, и нарушившій ихъ немедленно исключается изъ партіи.

Мы не знаемъ, являются ли провозвѣстниками полицейскаго соціализма въ Петербургѣ зубатовскіе сыщики или люди искренніе, дѣйствующіе на руку полиціи только по недомыслію. *Это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично.* они вносятъ развратъ въ рабочее движеніе, играютъ въ руку правительству, и потому независимо отъ своихъ побужденій не заслуживаютъ съ нашей стороны ни малѣйшаго снисхожденія.

Екатеринославъ. Зубатовъ насаждаетъ полицейскій соціализмъ при помощи сыщиковъ. Витте пользуется для той же цѣли фабричными инспекторами. По его предписанію здѣшній инспекторъ Аксеновъ ревностно принялся за пропаганду легальныхъ рабочихъ кассъ. Плодомъ его стараній является учрежденіе Общества взаимопомощи тружениковъ печатнаго дѣла. По этому поводу екатеринославскіе организованные рабочіе выпустили листокъ ко всѣмъ типографскимъ рабочимъ. Въ немъ подробно разъясняется смыслъ возникающаго общества и выражается увѣренность, что товарищи-типографщики „не поддадутся на хитрую царскую удочку, *не вступятъ въ общество*, которое, не улучшая положенія рабочихъ, лишь отвлекаетъ ихъ отъ единственнаго и дѣйствительно вѣрнаго средства: объединенія для борьбы за политическую свободу".

Обращеніе къ новобранцамъ. Въ октябрѣ, во время рекрутскаго набора, многими революціонными организаціями были выпущены прокламаціи къ новобранцамъ. Въ нихъ разъясняется, что армія служитъ интересамъ господствующихъ классовъ и царскаго правительства противъ крестьянъ и рабочихъ, указывается, что значитъ врагъ внѣшній и врагъ внутренній. Всѣ прокламаціи кончаются призывомъ *не повиноваться приказаніямъ начальства*, когда оно заставляетъ солдатъ идти „противъ внутренняго врага". „Граждане, говорится въ листкѣ Южнаго Революціоннаго Союза Соціалдемократовъ, время теперь такое, что можетъ настать часъ, когда въ вашихъ казармахъ забьютъ тревогу, призовутъ къ оружію и поведутъ васъ избивать вашихъ братьевъ. Если вы любите народъ свой, если вамъ больно слышать стоны угнетенныхъ и забитыхъ, если не хотите быть палачами русскаго народа, не повинуйтесь вашимъ жестокимъ начальникамъ". „Товарищи крестьяне и рабочіе! — пишетъ Одесскій Комитетъ Соц.-Дем. Партіи. Поднимется ли у васъ рука, чтобы выстрѣлить въ безоружную толпу людей, братьевъ вашихъ, виноватыхъ только тѣмъ, что они борются за свободу и счастье народное! Помните, что ихъ дѣло — ваше дѣло, и не позволяйте царскимъ слугамъ превращать васъ въ палачей своихъ братьевъ-борцовъ. Отказывайтесь стрѣлять, учите тому же и другихъ, идите сами въ ряды борцовъ за народную волю, и всѣмъ вмѣстѣ легко будетъ разорвать сковавшія васъ цѣпи!" Еврейскій раб. союзъ (Бундъ) заканчиваетъ свою распространенную во многихъ тысячахъ экземпляровъ прокламацію такимъ призывомъ: „Въ послѣдніе годы все усиливается борьба рабочихъ съ правительствомъ, все чаще вызываются войска противъ рабочихъ; солдаты-рабочіе въ мундирахъ стрѣляютъ въ своихъ братьевъ рабочихъ. Вы, рекруты, идущіе теперь служить царю, не забывайте о тѣхъ, съ которыми вы теперь разстаетесь. Вы разсѣетесь по царскимъ казармамъ, по всей Россіи. Разнесите же повсюду наши идеи, наши мысли, мысли о свободѣ. Растолкуйте своимъ товарищамъ, какъ они должны себя вести, когда ихъ посылаютъ противъ рабочихъ, крестьянъ и прочихъ „бунтовщиковъ". *Одинъ* солдатъ ничего не въ силахъ сдѣлать, но *многіе* уже въ состояніи принести большую пользу освободительной борьбѣ. *Пусть же жизнь въ казармахъ будетъ лишь продолженіемъ вашей теперешней борьбы.* Пусть казарма для васъ будетъ школой, гдѣ бы вы научились владѣть оружіемъ, чтобы умѣло направить его противъ нашихъ властителей. Пусть царизмъ встрѣтитъ въ васъ не новыхъ защитниковъ, но новыхъ могильщиковъ! И когда народъ въ открытомъ возстаніи выступитъ противъ самодержавія, пусть армія соединится тогда съ борцами за свободу, какъ это не разъ уже случалось въ другихъ странахъ, гдѣ рабочіе въ мундирахъ направляли свои мечи и ружья не противъ народа, а противъ его угнетателей. *Да здравствуетъ солидарность между арміей и борющимся за свободу народомъ*".

О впечатлѣніи, которое производятъ прокламаціи къ новобранцамъ, можно судить по слѣдующему сообщенію нашего корреспондента.

Изъ Подольской губерніи. Въ севастопольскій пѣхотный полкъ, квартирующій въ подольской губерніи, слѣдовала партія новобранцевъ изъ кіевской губерніи. Какой-то молодой человѣкъ, прилично одѣтый, попросилъ у вожатаго партіи позволенія сѣсть въ вагонъ, чтобы проѣхать станцію. Черезъ нѣсколько станцій по вагонамъ оказалась масса разбросанныхъ прокламацій; молодого же человѣка и слѣдъ простылъ. Въ прокламаціяхъ разъяснялся смыслъ стачекъ и крестьянскихъ волненій и рекомендовалось „нѣсколько измѣнить" образъ дѣйствія во время различныхъ усмиреній: стрѣлять не въ голодныхъ мужиковъ, а въ офицеровъ. Полковое начальство, узнавъ о случившемся, приняло мѣры, т. е. пришлось искать вѣтра въ полѣ. Всѣ солдатскіе сундуки подверглись осмотру самихъ гг. офицеровъ, назначено слѣдствіе. Но прокламацій и слѣдъ исчезъ. Только одинъ неграмотный новобранецъ въ простотѣ душевной „далъ прочитать" прокламацію своему унтеру. Онъ отдѣлался счастливо, но другой, сказавшій, что видалъ и читалъ ихъ, посаженъ до особаго распоряженія, т. е. до суда, подъ арестъ. Новобранцы подѣлились прочитаннымъ со старшими товарищами по службѣ. Какъ разсказываютъ солдаты, среди нихъ только и разговору теперь, что про „тайныя бумаги". О поведеніи во время усмиреній господствуетъ то убѣжденіе, что не стрѣлять нельзя, но никто не мѣшаетъ пускать пулю въ бѣлый свѣтъ.

Изъ студенческаго движенія. Результатомъ поѣздки Святополка-Мирскаго въ Сибирь къ сосланнымъ студентамъ, которые чуть не поголовно отказались говорить съ царскимъ посланникомъ, явилось высочайшее повелѣніе *о возвращеніи ихъ изъ ссылки*. 17 человѣкъ совершенно освобождены и отъ ссылки, и отъ надзора. 41 человѣкъ оставлены подъ надзоромъ до 1 іюля 1903 г., но министру дано право немедленно перевести ихъ въ Европейскую Россію, „по полученіи соотвѣтствующихъ заявленій на этотъ счетъ отъ ихъ родителей или родственниковъ и подлежащихъ свѣдѣній" отъ мѣстной полиціи. Наконецъ, 59 чел., давшихъ наиболѣе рѣзкій отпоръ Святополку-Мирскому, оставлены въ Сибири до 1 іюля 1903 года и подъ надзоромъ до 1 марта 1904 г.

Новой „милостью" правительство еще разъ попыталось подкупить студентовъ, и опять неудачно! Нѣкоторые изъ попавшихъ въ первыя двѣ группы отказались воспользоваться своими привилегіями, если онѣ не будутъ одновременно распространены на всѣхъ ихъ товарищей по ссылкѣ. А объ общемъ настроеніи сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и курсистокъ можно судить по ихъ „Открытому письму къ товарищамъ". Это письмо, подписанное *всѣми, за исключеніемъ немногихъ*, и составленное въ радикальномъ духѣ, кончается призывомъ не сходить „съ широкаго пути открытой политической борьбы", на который студенческое движеніе вступило прошлой весной. „Дѣло, начатое нами, не должно быть оставлено. Нужно оказать на правительство все давленіе, какое только возможно". Письмо вышло въ свѣтъ въ октябрѣ, значитъ, уже послѣ поѣздки Святополка-Мирскаго и высочайшей „милости".

Рабочій классъ, очевидно, можетъ расчитывать на поддержку студенчества въ своей борьбѣ за политическую свободу!

Черниговъ. Въ половинѣ сентября во время ярмарки среди съѣхавшихся крестьянъ было распространено большое количество нелегальной, спеціально крестьянской литературы; распространеніе было сдѣлано настолько ловко, что никакихъ обысковъ и арестовъ по этому поводу не было. Между тѣмъ развезенная по деревнямъ литература начала вызывать среди крестьянъ глухое броженіе. Земскіе начальники энергично принялись „спасать отечество". Извѣстный глупостью зем. нач. Подольскій ѣздилъ по деревнямъ, „своими словами" излагалъ содержаніе брошюръ и убѣждалъ имъ не вѣрить. Въ результатѣ его пропаганды начались разговоры, что „царь щось хоче зробить, та пани не дають". Въ другихъ мѣстахъ земскіе начальники занимались провокаціей, подсылая для разговоровъ съ крестьянами своихъ агентовъ. Когда крестьяне въ разговорахъ начинали „вольнодумствовать," агентъ ловко задавалъ вопросъ: „Откуда это ты ума набрался, откуда ты это знаешь?" — „Изъ книжки, такой-то читалъ". И къ такому-то отправлялись требовать книжку. Такимъ путемъ въ одномъ изъ подгородныхъ селъ были открыты нелегальныя книги у сотскаго и десятскаго, которые при ихъ отобраніи оказывали сопротивленіе.

Шостка (*Черниговской губ.*). Казнокрадство на нашемъ казенномъ пороховомъ заводѣ практикуется въ необычайныхъ даже для Россіи размѣрахъ. Всѣ объ этомъ знаютъ и всѣ молчатъ. Такъ продолжалось бы и еще долгіе годы, не случись пропажи платиновыхъ чашъ стоимостью въ 60 тыс. руб. Начались розыски. Чашъ конечно не нашли, но нашли за то любопытный документъ — памятную книжку купца Гиля, поставлявшаго на заводъ уголь, сѣру и другіе матеріалы. Акуратный комерсантъ записывалъ въ

книжку всѣ взятки, которыя онъ раздавалъ заводскому начальству за 1894—1900 г. Суммы— не маленькія. Такъ, предсѣдатель хозяйств. комитета полковникъ Пашкевичъ получалъ до 6000 р. въ годъ; около этого же получали его помощники Кольнико, Андреевъ, Карташевъ. Цѣлый рядъ служащихъ состоялъ у Гиля на мѣсячномъ окладѣ. Скандалъ крупный, но артиллерійское вѣдомство старается замять его; дѣло ограничилось пока увольненіемъ Пашкевича.

Взятки съ подрядчиковъ—не единственный доходъ нашихъ чиновниковъ. Другой доходной статьей являются рабочіе. О поборахъ и штрафахъ съ нихъ и говорить нечего. Заводское начальство систематически сокращаетъ штатъ рабочихъ. Одному приходится работать за троихъ. А жалованье за отсутствующихъ начальство кладетъ въ свои бездонные карманы. Переутомленіе рабочихъ вызываетъ несчастные случаи. Такъ, въ январѣ, вслѣдствіе недосмотра усталаго рабочаго, произошелъ пожаръ въ мастерской пресса съ человѣческими жертвами: одинъ сгорѣлъ заживо, двое обгорѣли. Вознагражденія пострадавшимъ не полагается: отпускаемыя на это суммы идутъ все въ тѣ же карманы начальства.

Долго терпѣли шостенскіе рабочіе, но теперь ихъ терпѣнію приходитъ конецъ. Недавно еще оторванный отъ міра заводъ соединили желѣзной дорогой съ культурными центрами. Начался болѣе живой обмѣнъ рабочихъ. На заводъ проникли соціалистическія идеи. Образовалась мѣстная заводская организація. Стали выходить прокламаціи. Въ нихъ указывается не только на заводскія безобразія, но и на необходимость бороться противъ самодержавія. Одна прокламація предостерегаетъ рабочихъ отъ бунтарской формы борьбы. Вызвана она покушеніемъ на жизнь нелюбимаго мастера Криворученко. Явилась и самодѣльная литература: стихи, карикатуры.

Эти событія обратили на Шостку вниманіе кого слѣдуетъ. Передъ Пасхой было вызвано на заводъ 8 ротъ солдатъ. Вѣроятно, ждали маевки. Молодая организація, однако, не нашла возможнымъ открыто праздновать въ этомъ году первое мая.

Дѣятельность организаціи не ограничивается стѣнами завода. прокламаціи ея проникаютъ и въ сосѣднія деревни. Были случаи, что онѣ читались публично на сходахъ и даже вывѣшивались въ волостныхъ правленіяхъ. Всюду, и въ рабочей, и въ крестьянской средѣ онѣ производили хорошее и сильное впечатлѣніе. Не менѣе сильное впечатлѣніе производятъ онѣ и на заводское начальство, которое немного поприжало хвостъ.

Казни. Правительство чувствуетъ, какъ изъ-подъ его ногъ ускользаетъ почва. Оно не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы укрѣпить расшатанный авторитетъ власти.

Исключительные суды съ закрытыми дверями, безъ присяжныхъ, съ жестокими приговорами на основаніи особо варварскихъ законовъ военнаго времени—вотъ средства, которыя правительство примѣняетъ не только по отношенію къ политическимъ, но и къ уголовнымъ, разъ только оно видитъ съ ихъ стороны хоть косвенное покушеніе на святость и неприкосновенность своей власти. Столбцы газетъ за послѣднее время пестрятъ извѣстіями о смертныхъ приговорахъ и смертныхъ казняхъ. Въ Ростовѣ на Дону повѣшено трое мастеровыхъ, изъ нихъ двое невинныхъ, за убійство городового. Въ Севастополѣ *публично, на площади* была совершена казнь надъ двумя солдатами деньщиками, убившими офицера. Въ Красноярскѣ казнены черезъ повѣшеніе 4 молодыхъ арестанта за убійство двухъ пикетчиковъ. Вотъ описаніе этой ужасной казни.

„Объ ожидающей преступниковъ участи имъ было объявлено наканунѣ, часовъ въ 11 вечера. Эту тяжелую вѣсть передали осужденнымъ священникъ и раввинъ, пришедшіе для послѣдняго утѣшенія несчастныхъ преступниковъ. Всю эту ночь преступники провели съ священникомъ (Короховъ съ раввиномъ) въ бесѣдахъ на темы священнаго писанія. Состояніе духа было въ высокой степени напряженное. Временами осужденные какъ бы забывались. Масловъ разспрашивалъ даже о подробностяхъ казни: долго ли онъ провиситъ въ петлѣ, скоро ли наступитъ смерть, кто будетъ присутствовать и проч. Подъ утро, послѣ исповѣди, напряженные нервы не выдержали: Масловъ и Епифановъ рыдали, какъ дѣти, одинъ Вышкворка былъ попрежнему печаленъ и молчаливъ. Эти горькія и неутѣшныя рыданія были такъ раздирающи, такъ мучительны, что священникъ не выдержалъ и оставилъ на нѣкоторое время преступниковъ однихъ.

Къ утру осужденные какъ бы овладѣли собой и приготовились къ неизбѣжной смерти. Нѣкоторые говорили: Достаточно пожили на этомъ свѣтѣ. Ну, что-жъ! Худая трава изъ поля вонъ. Но всетаки тяжело разставаться съ жизнью.

Утромъ явилась стража, осужденныхъ повели къ эшафоту. Епифановъ достигъ крайняго напряженія; онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, повторялъ торопливо: „простите, простите“ и даже самъ полѣзъ на эшафотъ. Ему, видимо, было страшно тяжело, и онъ желалъ поскорѣе освободиться отъ душевныхъ страданій. Одѣтые въ саваны, преступники въ послѣдній разъ распростались съ товарищами, расцѣловались; потомъ ихъ лица были закрыты капюшонами, и ихъ стали вводить на эшафотъ. Всѣхъ ихъ поставили рядомъ, на четыре скамеечки, потомъ палачъ надѣлъ каждому петлю. Священникъ сталъ читать молитву, забили барабаны, солдаты взяли на караулъ. Палачъ вышибъ клинъ изъ доски, на которой были поставлены скамеечки, послѣднія упали, и несчастные преступники повисли въ воздухѣ.“

Тайный циркуляръ св. синода. По указу его имп. велич. св. прав. синодъ *имѣли сужденіе* о мѣрахъ къ предупрежденію смутъ, производимыхъ злоумышленниками въ простомъ народѣ. *Приказали:* Принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дорогого нашего отечества злонамѣренные люди, противники законной власти, возмущаютъ народъ и нарушаютъ мирное теченіе гражданской жизни, св. синодъ признаетъ *необходимымъ* поручить епархіальнымъ преосвященнымъ приглашать священниковъ всѣхъ приходовъ, въ коихъ по свѣдѣніямъ есть опасность возникновенія смутъ, — къ принятію всѣхъ зависящихъ отъ нихъ пастырскихъ мѣръ къ предупрежденію оныхъ и *разъяснять паствѣ на основаніи слова Божія всю лживость увѣреній злоумышленниковъ*, склоняющихъ къ неповиновенію властямъ, отъ царя установленнымъ и покушенію на чужое добро. Для сей цѣли преосвященные должны поручить *священникамъ, извѣстнымъ своимъ благоразуміемъ, какъ можно чаще говорить на эту тему слово.* Подписали Антоній, Владиміръ, Θеогностъ, Гермогенъ, Побѣдоносцевъ, Саблеръ, секретарь Мироносицкій. (Бюлл. Рев. Рос. № 81).

Фома Качуръ, рабочій-революціонеръ, стрѣлявшій въ истязателя харьковскихъ крестьянъ, губернатора Оболенскаго, приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Казнь замѣнена ему безсрочной каторгой.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Отголоски.

— **Коронованный агитаторъ** противъ соціалдемократіи—таковымъ былъ издавна германскій императоръ Вильгельмъ II. Въ послѣднія недѣли онъ выступаетъ въ этой роли съ особенной безцеремонностью. Поводомъ къ новымъ ругательствамъ послужила ему смерть его „дорогого друга“ Круппа, пушечнаго короля и перваго нѣмецкаго богача. Круппъ, видите-ли, умеръ отъ апоплексическаго удара какъ разъ послѣ того, какъ Vorwärts („Впередъ“), главная газета германской соц.-демократіи, разоблачила, что этотъ столпъ престолъ-отечества предавался противоестественному разврату. И вотъ Вильгельмъ воспылалъ великимъ гнѣвомъ. Онъ взялъ подъ свою „августѣйшую“ защиту умершаго царя капитала, присутствовалъ своей высочайшей особой на похоронахъ и затѣмъ произнесъ передъ согнанными „представителями“ порабощенныхъ крупповскихъ рабочихъ сердитую и лживую рѣчь противъ соц.-дем. газеты и всей соц.-дем. партіи. Онъ напрямикъ объявилъ соціалдемократовъ „убійцами“ Круппа и взывалъ къ рабочимъ этого „благодѣтеля“ разорвать всякія сношенія съ такой и сякой партіей.

Ту же рѣчь, уснащенную новыми ругательствами, онъ повторилъ въ другихъ мѣстахъ. А въ Бреславлѣ передъ рабочей „депутаціей“, которую фабриканты и надсмотрщики согнали изъ-подъ палки, подъ угрозой разсчета, Вильгельмъ сказалъ зубатовскую рѣчь—конечно, на нѣмецкій ладъ. Нашъ россійскій оберъ-шпіонъ Зубатовъ пытается умаслить безсознательныхъ рабочихъ обѣщаніями насчетъ грошевыхъ вспомогательныхъ кассъ, фразами о сочувствіи жандармеріи экономической борьбѣ рабочихъ съ хозяевами, устройствомъ полицейско-ученыхъ бесѣдъ и т. д.—и все это для того, чтобы отвратить рабочихъ отъ политической борьбы съ ихъ смертельнымъ врагомъ, царскимъ самодержавіемъ. Вильгельмъ II знаетъ, что нѣмецкіе рабочіе, хотя бы и самые отсталые, на такую грубую удочку не пойдутъ. У нихъ вѣдь есть избирательное право, они могутъ выбирать своихъ депутатовъ въ рейхстагъ. Надо, значитъ, ту же зубатовскую рѣчь да иначе молвить. „Посылайте къ намъ въ рейхстагъ простого, безхитростнаго человѣка изъ мастерской“, сказалъ Вильгельмъ, „только не соціалдемократа!..“ Пользуйтесь своими политическими правами, но такъ, чтобы отъ этого не пострадали интересы капитала и престола,— вотъ что совѣтуетъ коронованный другъ Круппа нѣмецкимъ рабочимъ. Съ „простымъ, безхитростнымъ“ мастеровымъ, увѣрялъ онъ далѣе, мы охотно будемъ работать совмѣстно на общее благо народа... Еще бы! Простака очень вѣдь легко оболванить. Такого „рабочаго депутата“ можно легко убѣдить, что „народное благо“ требуетъ увеличенія войска и флота, повышенія таможенныхъ пошлинъ въ пользу помѣщиковъ и фабрикантовъ и т. д.

Примѣръ на лицо. Въ Англіи буржуазныя партіи на свои деньги выставляютъ на выборахъ рабочихъ кандидатовъ не соціалдемократовъ, которые затѣмъ въ парламентѣ *сплошь и рядомъ* голосуютъ „совмѣстно“ съ буржуазными депутатами противъ интересовъ рабочаго класса. Но въ Англіи соціалдемократія, партія рабочаго класса, пока еще не пустила корней въ широкую массу, и именно поэтому мечтанія Вильгельма II-го тамъ до поры до времени являются фактомъ. Не то въ Германіи, гдѣ за 40 лѣтъ своей борьбы соціалдемократія кровно срослась съ рабочей массой, гдѣ „простые, безхитростные“ рабочіе, дорогіе сердцу Зубатова и Вильгельма II-го, встрѣчаются только въ отдѣльныхъ темныхъ углахъ, какъ въ царствѣ заводчика Круппа. Нѣ-

мецкіе рабочіе знаютъ, что соціалдемократія—это ихъ собственная боевая организація, ихъ щитъ и оружіе противъ класса помѣщиковъ и фабрикантовъ съ императоромъ во главѣ.

И они уже достойно отвѣтили коронованному агитатору господствующихъ классовъ, отвѣтили перомъ соц.-дем. писателей, устами соц.-дем. ораторовъ на многочисленныхъ рабочихъ собраніяхъ и энергичными рѣшеніями этихъ собраній — оставаться вѣрными знамени соц.-дем. партіи и не слѣдовать совѣтамъ императора. А на ярыя ругательства Вильгельма по адресу Vorwärts'а рабочіе отвѣтили между прочимъ усиленной подпиской на эту газету. Со времени императорскихъ рѣчей число подписчиковъ увеличилось на пять тысячъ, и въ розничной продажи въ одномъ Берлинѣ продавалось въ иные дни до 23 тысячъ экземпляровъ Vorwärts'а, небывало высокая цифра.

Безсмысленность императорскихъ мечтаній очевидна даже для буржуазныхъ газетъ: онѣ жалуются, что „ядъ“ соціалдемократіи проникъ уже слишкомъ глубоко въ германскихъ рабочихъ, для того чтобы Вильгельмъ могъ ихъ „излечить“.

Вильгельмъ II царствуетъ и, стало быть, ораторствуетъ уже 14 лѣтъ. Не разъ уже его рѣчи давали сигналъ къ ожесточенной травлѣ буржуазныхъ партій противъ соціалдемократіи. И что же? За это время наша партія усилилась втрое: на выборахъ 1887 г. она получила 763.000 голосовъ, а на выборахъ 1898 г. — $2\frac{1}{4}$ милліона голосовъ. Предстоящіе выборы 1903 г. покажутъ новый ростъ ея сторонниковъ.

Германскіе муниципальные (городскіе) выборы, происходившіе за послѣднія недѣли, уже заставляютъ буржуазныя партіи и ихъ Вильгельма предвкушать горечь будущихъ выборовъ въ рейхстагъ. Несмотря на то, что при выборахъ въ городскія думы нѣтъ ни всеобщаго, ни равнаго избирательнаго права, соц.-демократы добились небывалыхъ еще успѣховъ. Увеличились ихъ голоса и число ихъ гласныхъ. Въ Мюльгаузенѣ мы впервые получили большинство въ городской думѣ. Въ Лейпцигѣ изъ общаго числа поданныхъ избирателями „третьяго разряда“ 14000 голосовъ соц.-дем. кандидаты получили 8546 голосовъ, и выбраны были во всѣхъ четырехъ округахъ только соц.-демократы. Въ Криммичау (Саксонія) наша партія получила всѣ шесть мѣстъ даже въ первомъ разрядѣ избирателей. Въ Трибергѣ (Баденъ) изъ 10 гласныхъ 9 соц.-демократовъ. Въ Штеттинѣ наша партія получила четыре новыхъ мѣста, и всего тамъ теперь 13 соц.-дем. гласныхъ, причемъ мы выиграли 1783 голоса, тогда какъ противники потеряли 847 голосовъ. Въ Нюренбергѣ соц.-демократы боролись впервые противъ *всѣхъ соединенныхъ* буржуазныхъ партій, и число ихъ голосовъ, несмотря на это, увеличилось съ 3500 на 4000.

За недостаткомъ мѣста не можемъ перечислить всѣхъ избирательныхъ успѣховъ на городскихъ выборахъ. Прибавимъ только, что эти успѣхи объясняются въ особенности теперешней борьбой соц.-демократіи въ рейхстагѣ противъ новаго таможеннаго тарифа, непомѣрно повышающаго пошлины на хлѣбъ, мясо и другіе предметы первой необходимости. Въ этой борьбѣ соціалдемократія сплотила вокругъ себя новые слои мелкаго и даже средняго мѣщанства, которое видитъ, что только партія пролетаріата отстаиваетъ интересы всѣхъ нуждающихся. О самой борьбѣ противъ тарифа напишемъ подробно въ слѣдующемъ номерѣ.

— **Полицейское покушеніе** было совершено на бельгійскаго короля Леопольда. При его проѣздѣ итальянецъ Рубино выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ воздухъ. Полиція объявила, разумѣется, Рубино „анархистомъ“ и стала искать его сообщниковъ. Только искала она не тамъ, гдѣ нужно, — она не искала въ полицейскихъ участкахъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, и было скомпановано смѣхотворное покушеніе. Рубино, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, служилъ въ тайной полиціи въ должности шпіона провокатора. Въ Лондонѣ анархисты незадолго до покушенія разоблачили Рубино, и въ анархистскихъ газетахъ печатались предостереженія противъ него.

Зачѣмъ же полиціи понадобились выстрѣлы Рубино? Очень просто — прежде всего для популярности Леопольда. Сей король сильно-таки нуждается въ „народной любви“. Изъ всѣхъ королей и императоровъ онъ пользуется наименьшей любовью даже со стороны имущихъ классовъ. Вильгельма II-го помѣщики и фабриканты прямо обожаютъ, хотя иногда находятъ, что онъ черезчуръ говорливъ и своенравенъ. Австрійскаго Франца-Іосифа дворяне и буржуа уважаютъ за его болѣе или менѣе почтенную старость. Даже новый англійскій король, дожившій до 60 лѣтъ наслѣдникомъ и все это время прожигавшій жизнь за игорнымъ столомъ, — и тотъ удостоился любви за... тяжелую болѣзнь, которая чуть-было не разстроила навсегда его коронацію. А вотъ Леопольдъ все былъ посмѣшищемъ бельгійцевъ. Его называли Клеопольдомъ, по имени любезной ему парижской танцовщицы Клео, ради которой онъ забросилъ свою старую жену. Даже господствующіе въ Бельгіи клерикалы, партія поповъ, не долюбливали короля, хотя онъ имъ ничѣмъ не мѣшалъ, какъ и вообще король въ Бельгіи пятая спица въ колесницѣ на манеръ безвластнаго англійскаго короля. Ну, не любятъ—это еще куда ни шло; лишь бы любила Клео и другія танцовщицы! Но вотъ бѣда: насмѣшки недавно перешли въ прямое негодованіе на короля, за то, что онъ не соблюлъ приличія и не навѣстилъ своей умирающей жены; за то, что Леопольдъ, блюститель королевскихъ семейныхъ нравовъ, не допустилъ дочь къ участію на похоронахъ матери... она, видите ли, осмѣлилась выйти замужъ за „простого“ графа.

Выстрѣлы Рубино въ воздухъ должны были изгладить всѣ эти скверныя впечатлѣнія. Помилуйте! королевская особа „чудесно“ спаслась отъ смертельной опасности! Полетѣли изъ всѣхъ столицъ, отъ императоровъ, королей и президентовъ сочувственныя телеграммы, растроганныя поздравленія. Не отстала и бельгійская палата депутатовъ. Клерикалы вмѣстѣ съ буржуазными либералами рѣшили поднести королю сочувственный вѣрноподданный адресъ. Только соціалистическіе депутаты отказались участвовать въ этой комедіи. Они заявили, что никакихъ покушеній на жизнь не одобряютъ, но, какъ республиканцы, противники королевской власти, не могутъ подносить адреса королю: не обращаются же депутаты съ адресами къ частному обывателю, хотя бы тотъ подвергся дѣйствительной опасности.

Нѣтъ сомнѣнія, что международный полицейскій союзъ разсчитывалъ выстрѣлами Рубино убить еще одного зайца — добиться новыхъ международно-полицейскихъ мѣръ, особенно по части взаимной выдачи политическихъ преступниковъ. Но это не удалось. Буржуазные газетчики, по обыкновенію, подняли было лицемѣрные вопли противъ „гидры анархіи“, но разоблаченіе провокаторской роли Рубино живо заткнуло имъ ротъ.

— **Партія поповъ**, находящаяся у власти въ Бельгіи, вздумала издать законъ для охраненія чистоты нравовъ. Когда католическіе попы и ихъ сторонники говорятъ о чистотѣ нравовъ, то это похоже на проповѣдь волка противъ мясной пищи. Но, какъ извѣстно, безъ обмана не можетъ обойтись даже самодержавное правительство Россіи, про котораго никакой законъ не писанъ. Тѣмъ болѣе нуженъ обманъ клерикальному правительству свободной страны. Въ Бельгіи существуетъ очень широкая свобода печати и собраній. Клерикалы никакъ не могутъ прямикомъ урѣзать эту свободу. Они подбираются къ своей цѣли бочкомъ, надѣвъ на себя маску святыхъ постниковъ. На первый разъ, для пробы, они предлагаютъ тюремное наказаніе отъ 8 дней до года и денежный штрафъ отъ 10 до 200 рублей за публичное произнесеніе рѣчей и возгласовъ, за публичное чтеніе и пѣніе, который „нарушаютъ добрые нравы“. Ловко! Клерикальные судьи уже позаботятся о томъ, чтобы подвести подъ наказаніе многое такое, что не по вкусу поповскимъ затемнителямъ народа, подъ предлогомъ, что это „нарушаетъ добрые нравы“.

Уже три недѣли соціалисты упорно борются противъ поповской ловушки. При обсужденіи закона въ парламентѣ соціалистическіе депутаты сорвали съ врага маску нравственности. Между прочимъ они спросили, можно ли будетъ при новомъ законѣ безнаказанно читать въ публичномъ мѣстѣ сочиненіе... *католическаго святого* Альфонса Лигуорійскаго. Въ этомъ сочиненіи излагаются очень снисходительные взгляды церкви на прелюбодѣяніе, совершаемое отцомъ исповѣдникомъ во время самой исповѣди или по случаю исповѣди!.. Соц.-дем. депутатъ Демблонъ захотѣлъ прочитать эти противонравственныя страницы „священной“ книги. Клерикальный предсѣдатель объявилъ-было, что въ публичномъ засѣданіи палаты читать ихъ нельзя. Но наши товарищи отказались сдѣлать это въ закрытомъ засѣданіи, настояли на публичномъ чтеніи — и вся страна узнала, какова „чистота нравовъ“ церкви и ея поборниковъ

Года два тому назадъ нѣмецкіе соц.-демократы послѣ упорной борьбы съ успѣхомъ отбили въ рейхстагѣ подобную лицемѣрную попытку поповской партіи. Въ Бельгіи это врядъ ли удастся, потому что тамъ поповская партія сама имѣетъ большинство въ парламентѣ. Но во всякомъ случаѣ самое обсужденіе закона уже нанесло клерикаламъ жестокій нравственный ударъ.

— **Муниципальные выборы въ Англіи** не могли доставить соц. демократамъ большихъ успѣховъ. Тамъ наша партія еще очень слаба, да и не существуетъ тамъ еще *объединенной* соц. дем. партіи. Все же послѣдніе выборы въ городскія думы означаютъ шагъ впередъ. Соціалистическая „Независимая рабочая партія“ получила 43,248 голосовъ и 27 гласныхъ, на 15 больше, чѣмъ прежде. „Соціалдемократическая Федерація“ — 12,608 голосовъ и 9 гласныхъ. Кандидаты рабочихъ союзовъ получили 46,592 голоса, и выбрано было изъ нихъ 30 гласныхъ, на 18 больше, чѣмъ прежде. Общее число голосовъ соціалистическихъ организацій и рабочихъ союзовъ достигаетъ 102.448.

— **Голландская соціалдемократія** одержала блестящую побѣду на дополнительныхъ выборахъ въ парламентъ. Въ началѣ декабря въ Амстердамѣ выбранъ ея даровитый вождь Трулстра, который получилъ 3397 голосовъ противъ 2595 голосовъ соединенныхъ буржуазныхъ партій, голосовавшихъ за либерала. Эта побѣда тѣмъ болѣе отрадна, что въ Голландіи не всѣ рабочіе имѣютъ избирательное право. Съ избраніемъ Трулстра наша молодая голландская партія имѣетъ въ парламентѣ 8 депутатовъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

На югѣ образовался „Соціалдемократическій Союзъ Горнорабочихъ“, который заявилъ о своей солидарности съ Манифестомъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи 1898 г. и о своемъ присоединеніи къ партіи.

Въ 26 № „Искры“ напечатано слѣдующее заявленіе С.-Петербургскаго Комитета.

КО ВСѢМЪ РОССІЙСКИМЪ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦІЯМЪ.

Товарищи! Неудержимо развивающееся революціонное движеніе ставитъ передъ нами каждый день все болѣе сложныя задачи, и отъ того, насколько намъ удастся выполнить ихъ, зависитъ въ значительной степени успѣхъ той освободительной борьбы, въ которой соціалдемократіи принадлежитъ передовая и самая отвѣтственная роль.

На С.-П.-Б. Комитетѣ тяжелѣе всего отзывались традиціи того направленія, которому присвоено было въ литературѣ названіе экономизма. И опытъ многихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ томъ, что мы сами себѣ связывали руки недостаточно широкой постановкой задачъ политической агитаціи и революціонной борьбы, тяжеловѣсными формами организаціи, неприспособленными къ русскимъ условіямъ. Сдѣлавъ все возможное, чтобы въ этихъ недостаточно широкихъ и недостаточно подвижныхъ рамкахъ работать надъ организаціей пролетаріата, С.-П.-Б. Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры „Что дѣлать“, ликвидацію періода кустарничества, періода мѣстной раздробленности, организаціоннаго хаоса и программной разноголосицы.

Закончить эту ликвидацію тѣмъ болѣе необходимо, что всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ неминуемо пошло бы на пользу другимъ революціоннымъ или оппозиціоннымъ теченіямъ, дало бы имъ возможность усилиться за счетъ соціалдемократіи и тѣмъ самымъ сыграло бы въ руку интересамъ буржуазной демократіи. А между тѣмъ ни одно революціонное направленіе въ Россіи не обладаетъ и въ отдаленной степени такой революціонной теоріей и такими элементами массовой организаціи, какими обладаетъ соціалдемократія, которая упорной 10-ти-лѣтней борьбой пробила первую брешь въ твердынѣ политической и общественной реакціи и которая самыми тѣсными узами связана съ наиболѣе революціоннымъ и непобѣдимымъ классомъ.

Приступая къ осуществленію намѣченныхъ выше задачъ, С.-П.-Б. Комитетъ заявляетъ о своей солидарности съ теоретическими воззрѣніями, тактическими взглядами и организаціонными идеями „Зари“ и „Искры“, которыя онъ признаетъ руководящими органами русской соціалдемократіи. Пусть придутъ на помощь намъ всѣ партійныя организаціи, пусть тѣснѣе сплотятся онѣ на общепартійной работѣ подъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи. Мы не можемъ пассивно ждать одного только формальнаго возстановленія всероссійской партійной организаціи, мы должны немедленно активно взяться со всѣхъ сторонъ за ея созиданіе, чтобы оказаться на высотѣ своей задачи: руководить рѣшительнымъ натискомъ массъ на русское самодержавіе.

С.-П.-Б. Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи — Союзъ Борьбы за Освоб. Раб. Класса.

С.-Петербургъ, іюль 1902 г.

Комитетъ Петербургской Рабочей Организаціи проситъ опубликовать слѣдующіе документы.

I.

С.-П.-Б. Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

Комитетъ Рабочей Организаціи протестуетъ противъ всякихъ постановленій, сдѣланныхъ безъ его вѣдома, — въ томъ числѣ противъ постановленія о признаніи „Искры“ и „Зари“ руководящими органами, о чемъ объявлено въ прокламаціи отъ имени С.-П.-Б. Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса „Ко всѣмъ россійскимъ соціалдемократическимъ организаціямъ“, помѣченной іюлемъ мѣсяцемъ 1902 года. Мы въ настоящее время ни одинъ изъ существующихъ органовъ не можетъ признать выражающимъ наше направленіе и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ.

Комитетъ Рабочей Организаціи.

С.-П.-Б., сентябрь 1902 г.

II.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

„Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“.
Уставъ Интернаціонала.

Признавая, что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха рабочей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса, мы находимъ, что отнынѣ Рабочая Организація во главѣ со своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы, — и съ настоящаго момента мы всѣми силами будемъ стремиться провести въ жизнь этотъ нашъ взглядъ.

Отлагая подробное изложеніе нашей программы до выхода слѣдующаго номера газеты, мы ограничимся пока слѣдующимъ.

По основнымъ своимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соціалдемократы; мы стремимся подготовить рабочій классъ къ *соціальной революціи*. Ближайшей цѣлью мы считаемъ завоеваніе *политической свободы* съ тѣмъ, чтобы рабочій классъ воспользовался всѣми плодами своей побѣды и добился возможно большихъ правъ въ будущей конституціонной Россіи. Мы требуемъ *всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго избирательнаго права* и стремимся теперь же пробудить въ рабочемъ классѣ ясное сознаніе тѣхъ его правъ, которыя должны быть осуществлены законодательнымъ путемъ непосредственно за введеніемъ конституціи.

Всѣхъ, кто считаетъ правильной такую постановку дѣла, мы просимъ оказать намъ посильныя содѣйствіе и помощь, особенно цѣнныя теперь, когда приходится исправлять недостатки прошлаго. Всякія заявленія, рукописи, книги, деньги и проч. просимъ направлять непосредственно для Рабочей Организаціи и требовать отчета за подписью ея Комитета.

Комитетъ Рабочей Организаціи.

Петербургъ, октябрь 1902 г.

Отъ редакціи. Петербургскій расколъ есть явленіе не случайное. Въ той или иной формѣ, въ той или иной степени разногласія, подобныя петербургскому, наблюдаются и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Выяснить и устранить причины, порождающія эти прискорбныя явленія, особенно важно теперь, когда насущнымъ и назрѣвшимъ вопросомъ является фактическое объединеніе всѣхъ соціалдемократическихъ организацій въ единую партію. Но разобрать этотъ сложный вопросъ въ предѣлахъ газетной статьи рѣшительно невозможно, и мы займемся имъ подробно въ 13 № „Рабочаго Дѣла“.

Послѣднія извѣстія изъ Ростова

отъ 26 ноября.

Въ Тихорѣцкой станицѣ совершено было варварское избіеніе. Казаки мстили толпѣ за майскій разгромъ, и станица прямо отдана была на ихъ произволъ. На сходкѣ было 1500 чел. Казаки врѣзались безъ предупрежденія. Толпа легла, ее топтали и хлестали нагайками, били саблями, стрѣляли. Въ результатѣ площадь вся окровавлена. 30 человѣкъ убитыхъ. Казаки врывались въ жилища, грабили, насиловали и убили одну женщину. Рабочіе возмущены, но подавлены. Прямо такое положеніе, какъ еслибы прошли турецкіе башибузуки. Въ Новороссійскѣ стачка еще продолжается.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Ростовѣ.

Въ субботу 24 положеніе дѣлъ въ Ростовѣ было таково. Городъ объявленъ на военномъ положеніи, раздѣленъ шпалерами войскъ на части и ими отрѣзанъ отъ пригородовъ. Желѣзнодорожное начальство заявило, что удовлетворитъ всѣ 28 пунктовъ первоначальныхъ требованій за исключеніемъ 3-хъ: 1) не введетъ 9 час. дня, 2) не уплатитъ за время стачки, 3) не измѣнитъ системы штрафовъ. Часть рабочихъ подъ условіемъ, что 28 въ четвергъ требованія будутъ выполнены, стало работать, но вяло: они готовы все бросить при первомъ призывѣ. Тысячныхъ толпъ нѣтъ, но собираются по нѣсколько сотъ на возвышенностяхъ, гдѣ казакамъ неудобно дѣйствовать. Всѣ хотятъ быть принятыми въ организаціи и готовы вносить не по 2 коп. въ кассу, какъ предлагалось ораторами, а по 3 коп. съ рубля. Негодованіе противъ капиталистовъ отступило передъ злобой на министровъ и правительство; особенно достается Плеве. Политическое сознаніе, несомнѣнно, сильно выросло. Настроеніе почти праздничное и побѣдное; возбужденіе такъ велико, что жертвы нечувствительны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили для напечатанія слѣдующій адресъ:

„Лозаннскіе студентки и студенты на собраніи 6 декабря въ числѣ 60 чел. постановили послать свое горячее сочувствіе и пожеланія успѣха ростовскому и всему россійскому пролетаріату, борющемуся за великую идею своего освобожденія“.

Собранные тамъ же въ пользу ростовскихъ стачечниковъ 95 фр. 80 сант. отправлены по назначенію.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ

Изъ № 2-го КРАСНАГО ЗНАМЕНИ.

Событія въ Ростовѣ-на-Дону.

Намъ пишутъ отъ 12 ноября:

ПИСЬМО ПЕРВОЕ:

У насъ теперь творится нѣчто необыкновенное. Уже 8 дней, какъ забастовали рабочіе мастерскихъ Владикавказской жел. дор. въ количествѣ 4 слишкомъ тысячъ человѣкъ; къ нимъ изъ сочувствія постепенно присоединились большинство рабочихъ мѣстныхъ заводовъ. И вотъ уже восьмой день, какъ происходитъ нѣчто небывалое, безпримѣрное въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. На Темерникѣ собираются ежедневно 15 — 20 тыс. человѣкъ (рабочіе, ихъ семьи, есть и интеллигенты), и на открытомъ воздухѣ произносятся рѣчи, разъясняющія рабочимъ смыслъ современнаго рабочаго движенія и связь его съ современнымъ политическимъ положеніемъ Россіи. Выдѣлился молодой рабочій-интеллигентъ, (бывшій въ учебномъ заведеніи, но не окончившій), нѣкто Б. Картина поразительная! Особенно грандіозное собраніе было въ воскресенье, когда туда стеклись не только всѣ ростовскіе рабочіе, но и масса интеллигенціи. Представьте себѣ балку на Темерникѣ (мѣстность выбрана, какъ наиболѣе неудобная для свободнаго дѣйствія войска и полиціи); вся балка внизу и оба склона горы запружены толпой. На возвышеніи, на горѣ стоитъ Б. и сильнымъ голосомъ, слышнымъ аже для тѣхъ, которые стоятъ на крайнихъ пунктахъ, замѣчательно толково, живо и просто излагаетъ смыслъ движенія. Дисциплина и порядокъ поразительные. Стоитъ ему сдѣлать движеніе рукой, какъ знакъ желанія говорить, и двадцатитысячная толпа стихаетъ мгновенно. На горѣ, гдѣ онъ говоритъ, стоитъ столикъ, на которомъ онъ пишетъ бюллетени; и вотъ, когда начинается шумъ, онъ встаетъ и обращается къ толпѣ: „Господа, не шумите, вы мѣшаете мнѣ заниматься!“ — Сразу воцаряется тишина. Словомъ, это нѣчто необыкновенное! Формальные митинги! Я увѣренъ, что, когда появится описаніе въ нелегальной печати, многое сочтутъ за преувеличеніе, а между тѣмъ то огромное впечатлѣніе, которое эти собранія производятъ на все населеніе, на всѣ слои общества, не поддается описанію. Б. — настоящій герой. Онъ и еще два другихъ вожака замѣчательно ловко скрываются все время отъ полиціи, хотя послѣдняя много бы дала, чтобы ихъ изловить. Обыкновенно, какъ только сходка кончается, ихъ прячутъ въ толпѣ, и также незамѣтно они приходятъ на сходку.

Это событіе заполонило собою рѣшительно все. Куда ни придешь, съ кѣмъ ни встрѣтишься, въ публичныхъ мѣстахъ, въ частныхъ домахъ — только объ этомъ и говорятъ. Особенно поразительно то, что все это происходитъ на глазахъ полиціи и войска. Сходка идетъ въ полномъ порядкѣ, рѣчи произносятся совершенно свободно на политическія темы, а вдали на горѣ гарцуютъ на лошадяхъ казаки, полиція и жандармы въ почтительномъ отдаленіи все это выслушиваютъ. Вообще власти растерялись и не знаютъ, что имъ дѣлать. Сюда пріѣхалъ атаманъ, постепенно стягивается масса войскъ, но рабочіе своей выдержкой и спокойнымъ поведеніемъ не даютъ имъ возможности прибѣгнуть къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Да и нерѣшительность ихъ понятна: 20.000 человѣкъ не шуточная величина. Ждутъ, что и атаманъ, вся мѣстная администрація получатъ нагоняй за то, что допустили движеніе разростись до такихъ грандіозныхъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ, это мнѣніе общее, что ничего подобнаго по стройности, осмысленности, замѣчательной выдержкѣ и дисциплинированности рабочей массы у насъ въ Россіи еще не было. Сочувствіе общества громадное, что выражается въ обильномъ притокѣ денежныхъ пожертвованій. Дѣвушки ходятъ по домамъ и собираютъ въ пользу стачечниковъ. Вчера выступили двѣ дѣвушки, державшія рѣчи къ толпѣ. Особенно блестящую рѣчь произнесла одна, учившаяся въ мѣстной гимназіи. Но вчерашняя сходка кончилась печальнымъ инцидентомъ. Когда многотысячная толпа расходилась, произошло столкновеніе съ казаками, начатое собственно мальчишками. Казаки вдругъ дали залпъ, и шесть человѣкъ убитыми и человѣкъ десять ранеными осталось на мѣстѣ. Сегодня по улицамъ цѣлый день двигаются все новыя и новыя подкрѣпленія: приведены казаки изъ Екатеринодара, *пластуны*, такъ что городъ весь наводненъ казацкими папахами. Несмотря на это, только-что принесли извѣстіе, что на Темерникѣ собрались сегодня въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ въ предыдущіе дни. Говорятъ, что Б. арестованъ, но вмѣсто него выступили другіе. Чѣмъ все это кончится, трудно знать. Время тяжелое, холода, расходы увеличиваются, а разсчитывать надолго на обильныя пожертвованія трудно. Я забылъ упомянуть о требованіяхъ рабочихъ: уменьшеніе рабочаго дня до 9 час., увеличеніе расцѣнокъ (недавно уменьшенныхъ, что послужило ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ), безплатная школа для дѣтей рабочихъ, раціональная постановка медицинской помощи и удаленіе нѣсколькихъ инженеровъ и мастеровъ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

8-й день всѣхъ насъ треплетъ нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходятъ собранія на Темерникѣ.

Вчера было шесть конныхъ аттакъ на толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками — масса раненыхъ. Однако толпа держалась стойко. Всѣ аттаки были встрѣчены градомъ камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пѣхотинцы, и данъ былъ залпъ безъ всякихъ предупрежденій. 7 человѣкъ остались на мѣстѣ убитые, 12 сильно ранены и отвезены въ больницу. Убитыхъ толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа вновь собралась. Полиція не препятствовала, только устроила кордонъ вокругъ рѣки Темерника, желая воспрепятствовать толпѣ, если она двинется въ городъ. Обысковъ еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодѣтаго гимназиста. По улицамъ разъѣзжаютъ и расхаживаютъ цѣлыми отрядами казаки. Пріѣхалъ атаманъ, кто-то изъ министерства путей сообщенія и много другихъ.

Сообщаемъ дополнительныя свѣдѣнія изъ третьяго источника:

Въ стачкѣ принимаютъ участіе рабочіе Владикавказскихъ мастерскихъ, фабрикъ Асмолова, Кушнарева, заводовъ Токарева, Пастухова; работаетъ только заводъ Аксай и одна фабрика. Бросили работу на Тихорѣцкой, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ *) по всей Кавказской вѣткѣ, кончая Новороссійскомъ. На сходкѣ 11 ноября рабочіе получили приглашеніе стать за станки. Но 20 тысячъ крикнуло, что они не хотятъ удовлетворенія требованій, если это связано съ выдачей ораторовъ, а это послѣднее условіе было поставлено атаманомъ. Два раза въ день появляются прокламаціи Донского Комитета Соціалдем. Партіи, подготовившаго эту стачку.

Вотъ одна изъ нихъ, полученная нами.

Товарищи! Мы собрались здѣсь, у мастерскихъ, не какъ придавленные и загнанные рабы хозяевъ, а какъ боевая дружина передовыхъ рабочихъ. Мы выставили свои требованія. Мы потребовали, чтобы — рабочій день былъ уменьшенъ до девяти часовъ, чтобы съ нами вѣжливо обращались, мы потребовали, что бы намъ, больше платили; теперь мы кромѣ того, требуемъ что бы докторъ Поповъ былъ удаленъ и на его мѣсто пригласили женщину врача, что бы рабочихъ, проболѣвшихъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, не увольняли и что бы браковки литья за раковины оплачивались; мы просто и открыто заявляемъ, что не хотимъ работать въ мастеркихъ на прежнихъ условіяхъ. Мы держали себя спокойно, мы ни одного камня не тронули, ни одной щепки не сломали у заборовъ; мы не совершили никакого преступленія, не украли, не ограбили, не убили... Зачѣмъ же на наше собраніе явилась полиція? Почему у проходной стояла кучка жандармовъ? Что имъ было нужно? Кого пришли они защищать? Насъ ли, угнетенныхъ и порабощенныхъ, или ихъ — нашихъ угнетателей и поработителей? Зачѣмъ шныряютъ шпіоны среди насъ, а не среди нашихъ враговъ, капиталистовъ?

Дѣло ясно: жандармы и шпіоны вышли противъ насъ, они — наши враги. Они вышли противъ насъ по приказу тѣхъ, которые прячутся за ихъ спиной, т. е. полиціймейстеровъ, губернаторовъ и министровъ. За ними стоитъ нашъ врагъ — самодержавіе.

Вмѣсто одного врага — капиталистовъ, предъ нами теперь два врага — капиталисты и самодержавіе, мы начали борьбу противъ одного врага, и не трогали самодержавія. Но оно само нагло замѣшивается въ нашу борьбу. Что жъ? мы сумѣемъ отвѣтить и имъ, когда будетъ необходимо. Наши требованія пока не удовлетворены. Будемъ же продолжать стачку, пока не добьемся своего. Но будемъ помнить что и противъ самодержавія мы также поведемъ борьбу. Такъ будемъ же готовы, товарищи, къ этой жестокой борьбѣ! Да здравствуетъ наша стачка!

Прочь всѣхъ тирановъ съ ихъ рублями,
Прочь этотъ старый, подлый свѣтъ!
Иную жизнь начнемъ мы сами,
Строй новый внесть даемъ обѣтъ!

Донской Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

*) По сообщенію „Прав. Вѣстн.“ и здѣсь произошло столкновеніе рабочихъ съ войсками. Ранено 12 казаковъ и 1 офицеръ. Со стороны рабочихъ двое убитыхъ, семь тяжело и двѣнадцать легко раненыхъ.

Типографія Союза Русскихъ Соціальдемократовъ. Genève, route de la Cluse, 7.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ИЗДАНІЕ
СОЮЗА РУССКИХЪ СОЦІАЛДЕМОКРАТОВЪ.

№ 3. *ЯНВАРЬ* [1903] *1902 г.* № 3.

СОЮЗНИКИ ЛИ НАМЪ ЛИБЕРАЛЫ?

„Теперешнее положеніе дѣлъ не ими (земцами) создано: оно создано молодежью, лишенною возможности учиться; создано рабочими, начавшими понимать связь экономическихъ невзгодъ съ общимъ безправіемъ; создано крестьянами, доведенными до хроническихъ голодовокъ и открытаго возстанія; оно создано безпорядками, демонстраціями, террористическими актами. *Земцы выступили позднѣе всѣхъ и до сихъ поръ заявили о себѣ слабѣе всѣхъ...* Но пусть же они умѣло, съ достоинствомъ и сознаніемъ громадной отвѣтственности, лежащей на нихъ, выполнятъ свою историческую миссію, естественную свою обязанность передъ родиной. Не молодежь, не крестьяне, не рабочіе будутъ, конечно, вести переговоры съ правительствомъ и примутъ власть отъ него, а они представители земства."

Такъ пишетъ либералъ въ нелегальную газету „Освобожденіе".

Итакъ, намъ открыто говорятъ: вы, господа, выносите и вынесете на себѣ всю тяжесть революціонной борьбы, а мы будемъ распоряжаться на очищенномъ вами полѣ сраженія.

Мы, соціалдемократы, ставимъ своей очередной задачей борьбу за демократію *), либералы самоувѣренно заявляютъ, что это пустыя мечты, что „конечно" они одни, а не народъ, примутъ власть у царскаго правительства.

Страстная ненависть къ самодержавію, охватывающая самые разнообразные слои русскаго населенія, часто стираетъ въ нашемъ сознаніи различіе ихъ ближайшихъ политическихъ интересовъ. Изъ того, что либералъ ненавидитъ самодержавіе, заключаютъ часто, что онъ можетъ и долженъ ставить себѣ въ настоящій моментъ *тѣ же* политическія задачи, которыя ставитъ себѣ демократія вообще и пролетаріатъ въ особенности. Умѣренность и недемократичность либераловъ приписываютъ главнымъ образомъ ихъ непослѣдовательности и нерѣшительности, но забываютъ объ ихъ классовыхъ расчетахъ; забываютъ, что во многихъ случаяхъ они просто не заинтересованы въ болѣе рѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Не понимая этого, односторонне оцѣниваютъ значеніе либеральнаго движенія для освободительной борьбы въ Россіи.

Обращаютъ вниманіе на *выгоды*, проистекающія отъ роста либеральной оппозиціи самодержавному правительству; но забываютъ объ *опасностяхъ*, проистекающихъ отъ роста либеральной партіи на счетъ демократіи.

Либералы неизмѣнно увѣряютъ всѣхъ *и въ томъ числѣ самихъ себя*, что они имѣютъ въ виду интересы всего народа, что ихъ партія не классовая и т. д. Но всякая партія, опирающаяся на *господствующіе* классы, заинтересована въ томъ, чтобы скрыть свой классовый характеръ. За то наша партія, партія пролетаріата заинтересована, въ раскрытіи его, и по отношенію къ современнымъ русскимъ либераламъ задача эта не представляетъ особенной трудности.

Наиболѣе организованной и вліятельной частью формирующейся у насъ либеральной партіи является „земская общественная группа", которая представляетъ интересы помѣстнаго дворянства (средняго и мелкаго). Вокругъ нея группируется буржуазная интеллигенція, лица свободныхъ и интеллигентныхъ профессій съ прочнымъ общественнымъ положеніемъ. Это ядро партіи. Границы ея гораздо шире, но еще невполнѣ опредѣлились. Съ одной стороны, къ либеральной партіи *еще не примкнули* значительные слои торговой и промышленной буржуазіи, *политическіе* интересы которыхъ теперь всюду *въ общемъ* совпадаютъ съ политическими интересами помѣстнаго дворянства. Съ другой стороны, *отъ нея еще не откололись* значительные слои демократической интеллигенціи, которые въ настоящее смутное время не нашли себѣ еще надежнаго пристанища. Часть ихъ всегда находилась подъ сильнымъ вліяніемъ либераловъ. Часть же то и дѣло перебѣгаетъ отъ соціалдемократовъ къ соціалистамъ-революціонерамъ и „освобожденцамъ". Не задумываясь серьезно надъ тѣмъ, *въ какой* революціи они заинтересованы, они тянутъ въ каждый данный моментъ къ той партіи, которая, по ихъ мнѣнію, болѣе другихъ содѣйствуетъ *приближенію* развязки.

Какъ мы видимъ, *либеральная партія, въ основѣ своей, есть партія наиболѣе политически сознательныхъ слоевъ имущихъ классовъ.*

Въ Зап. Европѣ было время, когда политическій расчетъ толкалъ имущіе классы (именно буржуазію) на борьбу съ абсолютной монархіей за демократическую свободу. По мѣрѣ того, какъ соціалистическое движеніе пролетаріата стало принимать все болѣе угрожающіе размѣры для имущихъ классовъ, политическій расчетъ заставилъ ихъ перемѣнить фронтъ: они торопятся какъ-нибудь поладить съ наполовину обузданнымъ старымъ врагомъ, чтобы общими силами обороняться отъ болѣе опаснаго новаго врага — пролетаріата.

Русская либеральная партія, не успѣвши еще окончательно сложиться, *сразу* очутилась между двухъ огней: съ одной стороны, чисто азіатское, всеподавляющее самодержавное правительство, съ другой, — быстро ростущія революціонныя силы народа. Естественно, что „двѣ души живутъ въ ея груди".

Она испытываетъ страхъ передъ демократіей въ такой же мѣрѣ, какъ ненависть къ самодержавной бюрократіи.

Извѣстный либералъ графъ Гейденъ, получившій „высочайшій выговоръ" за участіе въ тайномъ земскомъ совѣщаніи въ Москвѣ, пишетъ министру внутр. дѣлъ: „Казалось бы, что собраніе, пополняющееся исключительно представителями недвижимой собственности... гораздо болѣе, чѣмъ *бездомные люди*, заинтересовано въ незыблемости... строгаго порядка,— что такое собраніе есть *лучшій оплотъ противъ всякихъ*

---

*) Слово демократія употребляется въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ извѣстнаго государственнаго устройства или въ смыслѣ извѣстныхъ общественныхъ классовъ. Въ первомъ смыслѣ демократія означаетъ народоправство, т. е. государственный порядокъ, при которомъ политическая власть по закону, формально, принадлежитъ *всему* народу, въ отличіе отъ государственнаго порядка, при которомъ политическая власть формально, по закону, принадлежитъ одному монарху или распредѣляется между монархомъ и господствующими классами. Во второмъ смыслѣ демократія означаетъ трудящіеся классы въ отличіе отъ господствующихъ,—пролетаріатъ, крестьянство, мелкихъ собственниковъ, „разночинную" интеллигенцію въ отличіе отъ буржуазіи и дворянства.

разрушительныхъ идей... Безсиліе административной власти предупредить взрывъ—ярко обнаружилось... При такихъ обстоятельствахъ представители имущаго класса должны выступить на почвѣ закона и справедливости на защиту порядка... Не имѣемъ же мы возможности, представители земельной собственности... быть только свидѣтелями того, какъ правительственная власть станетъ лицомъ къ лицу съ крайними элементами, стремящимися къ соціальному перевороту самыми опасными мѣрами" и т. д., и т. д.

Либеральный суджанскій предводитель дворянства Евреиновъ, который тоже получилъ „высочайшій" выговоръ за участіе въ тайномъ совѣщаніи, которому Плеве грозилъ отставкой, пишетъ министру Витте: „Съ одной стороны запуганное и запугиваемое общество.. съ другой разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы, и между ними мечущееся министерство вн. дѣлъ, безплодно ведущее борьбу съ этой лернейской гидрой. Зловредной кучки мы, мирные *земледѣльцы* (!), боимся не менѣе министерства вн. дѣлъ..." Такъ говорятъ вожаки либеральной партіи, и это не единичные голоса — это общій голосъ всѣхъ либераловъ.

„Группа земскихъ дѣятелей" пишетъ въ то же „Освобожденіе": „Получается поразительное по своему стремительному росту рабочее движеніе!... Революціонная пропаганда въ данномъ случаѣ только и могла принести плоды на почвѣ народнаго обнищанія, *невѣжества, непониманія элементарныхъ основъ гражданскаго права*... общая почва классовыхъ и эгоистическихъ (!) интересовъ подымается подобно угрожающему вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя жестокія опустошенія."

Можно было бы привести еще много иллюстрацій, но достаточно и этого.

Ненависть къ царскому самодержавію и страхъ передъ демократіей опредѣляютъ политическую программу нашей либеральной буржуазіи и образъ ея дѣйствій.

Политическую ея программу мы находимъ въ 1-мъ номерѣ ея нелегальнаго органа—„Освобожденіе". Она требуетъ: 1) безсословнаго, ежегодно созываемаго парламента съ правомъ высшаго контроля, законодательства и утвержденія бюджета, 2) личной свободы, гарантируемой независимымъ судомъ, 3) равенства всѣхъ передъ закономъ, 4) свободы печати, 5) свободы собраній и союзовъ, 6) права петицій.

Всѣ эти требованія, конечно, и мы выставляемъ предстоящей политической революціи. Но помимо нихъ наша партія, и въ этомъ съ ней должна быть солидарна вся демократія, предъявляетъ еще *два общихъ политическихъ требованія, которыя одни лишь обезпечиваютъ демократіи свободной страны возможность защищаться и бороться противъ господствующихъ классовъ*. Эти требованія: 1) всеобщее, прямое и тайное избирательное право въ государственномъ и мѣстномъ управленіи, 2) *полное подчиненіе правительство парламенту*.*)

Оба указанныя общія политическія требованія другъ друга дополняютъ. Въ Бельгіи существуетъ *парламентскій* порядокъ (полное подчиненіе правительства парламенту), но нѣтъ равнаго избирательнаго права; въ Германіи есть общее избирательное право, но за то порядокъ тамъ мнимо-парламентскій (власть раздѣлена между парламентомъ и монархомъ). И что же? Въ бельгійскомъ парламентѣ, въ которомъ царитъ реакціонная партія, рѣчь теперь идетъ объ ограниченіи свободы слова, объ уничтоженіи общей воинской повинности и образованіи наемной арміи, послушной буржуазіи, объ исключительныхъ мѣрахъ, которыя помогли бы раздавить пролетаріатъ, борющійся за свои политическія права. Въ Германіи правительство въ угоду господствующимъ классамъ въ теченіе 12 лѣтъ лишало соціалистовъ крайне важныхъ политическихъ правъ, которыми пользовались другіе граждане. Теперь оно намѣревается уничтожить общее избирательное право. Указанныя два требованія — суть главныя требованія демократіи всего міра, и изъ отношенія къ нимъ всегда можно безошибочно заключить, есть ли данная партія демократическая или нѣтъ.

*) Этимъ отличаются истинно парламентскія государства отъ мнимо парламентскихъ. Въ послѣднихъ министерство не выбирается изъ партіи имѣющей большинство голосовъ въ парламентѣ: оно назначается монархомъ и не отвѣтственно передъ парламентомъ. Въ этихъ странахъ единственное оружіе парламента противъ монарха заключается въ непринятіи правительственныхъ законопроектовъ и въ неутвержденіи государственныхъ расходовъ (бюджета). Въ этихъ странахъ монархъ имѣетъ достаточно власти, чтобы въ своихъ интересахъ или въ угоду тому или другому господствующему классу ограничить свободу гражданъ, сломить сопротивленіе парламента или даже нарушить конституцію. Очевидно, что въ нихъ самодержавіе монарха не *уничтожено*, а лишь *ограничено* властью парламента, а потому такія государства нельзя приз[illegible] демократическими, хотя бы тамъ народъ пользовался общ[illegible] тельнымъ правомъ. Въ истинной демократіи политическая [illegible] надлежитъ всему народу.

Въ программѣ нашихъ либераловъ этихъ двухъ *общедемократическихъ* требованій нѣтъ.

Составители программы знаютъ, что эти вопросы—объ избирательномъ правѣ, о раздѣленіи власти между парламентомъ и монархомъ, объ отвѣтственности министровъ, о правѣ законодательнаго почина (иниціативѣ) — „имѣютъ принципіальное значеніе", что „именно на этомъ пунктѣ должно обнаружиться наибольшее количество разногласій". Но они считаютъ благоразумнымъ обойти вопросы, которые для демократіи являются наиболѣе жгучими, изъ-за которыхъ демократія многихъ странъ донынѣ ведетъ борьбу съ господствующими классами. Они поступаютъ такъ подъ предлогомъ, что говорить объ этомъ теперь значило бы „дѣлить шкуру неубитаго медвѣдя". Эти вопросы, дескать, рѣшитъ въ свое время „учредительное собраніе", т. е. то временное верховное учрежденіе, которое будетъ заниматься составленіемъ русской конституціи. Кто же будетъ засѣдать въ учредительномъ собраніи? По проекту программы либераловъ, участвовать въ немъ будутъ тѣ, которые „выступили позднѣе всѣхъ и заявили о себѣ слабѣе всѣхъ", т. е. они сами: „въ учредительномъ собраніи должны участвовать представители отъ земствъ и городскихъ думъ; полезно было бы допустить также представительство и отъ русскихъ университетовъ"....и только!

„Такой путь, говорятъ они, вѣрнѣе и лучше" (для кого?).

О томъ, какова была бы конституція, составленная одними представителями теперешняго буржуазнаго мѣстнаго самоуправленія, можно судить по программѣ либераловъ и еще лучше по ихъ практикѣ.

Въ своей программѣ либералы опускаютъ главнѣйшія демократическія требованія, въ своей практикѣ они открыто возстаютъ противъ нихъ.*)

Изъ всѣхъ тайныхъ земскихъ совѣщаній, изъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, засѣдавшихъ въ этомъ году, даже изъ числа наиболѣе либеральныхъ, надѣлавшихъ шуму своими политическими рѣчами, не нашлось ни одного, который бы высказался за уничтоженіе имущественнаго избирательнаго ценза для гласныхъ; всякія такого рода предложенія проваливались громаднымъ большинствомъ голосовъ. Таково отношеніе земцевъ къ одному основному демократическому требованію. Таково же ихъ отношеніе ко второму демократическому требованію—къ *полному* уничтоженію царскаго самодержавія. Всѣ либералы хотятъ теперь конституціи, ограниченія самодержавія, но никто изъ нихъ не говоритъ и не говорилъ никогда о полномъ уничтоженіи власти монарха. Напротивъ, обычный девизъ либераловъ гласитъ, что „для спасенія монархіи нужно ея ограниченіе". Этотъ девизъ нельзя приписывать только трусости либераловъ, ихъ опасенію открыто высказать то, что они думаютъ про себя. Что онъ диктуется трусостью, мы согласны. Но, какъ мы уже сказали, въ этомъ девизѣ одинаково сказывается трусость либерала по отношенію къ монарху, какъ и трусость по отношенію къ революціоннымъ слоямъ народа. Этотъ девизъ есть *полное выраженіе* либеральныхъ стремленій.

Въ прокламаціи, выпущенной „старыми земцами" за подписью „Группа Освобожденія", говорится съ сокрушеніемъ сердца: „Глухое броженіе темныхъ массъ грозитъ каждую минуту перейти въ открытое возстаніе, которое можетъ *вмѣстѣ*

*) Для ознакомленія съ „либералами на практикѣ" см. въ № 2 „Кр. Знам." статьи „Тайный съѣздъ земцевъ въ Москвѣ" и „Письмо изъ Воронежа."

Стихотворенія Л. П. Радина.

Авторъ печатаемыхъ стихотвореній — покойный товарищъ Леонидъ Петровичъ Радинъ — одинъ изъ дѣятелей соц.-демократич. движенія 1896-97 годовъ. Стихотворенія написаны имъ во время полуторагодового предварительнаго заключенія въ московской Таганкѣ по дѣлу Рабочаго Союза въ Москвѣ. Одно изъ стихотвореній Радина, написанное тогда же, — „Дружно, товарищи, въ ногу!"..., съ его могучимъ мотивомъ, написаннымъ самимъ же Леонидомъ Петровичемъ, — быстро облетѣло всю Россію и является теперь одной изъ самыхъ любимыхъ боевыхъ пѣсенъ революціоннаго пролетаріата.

„Побѣды ужъ недолго ждать" — писалъ тогда Радинъ. Но, увы!... Самому ему не пришлось дожить не только до побѣды, но хотя бы даже увидѣть то, что видимъ мы теперь, когда сбывается его предсказаніе, когда мы, дѣйствительно, уже близки къ побѣдѣ. Для него эти пѣсни были „лебединой пѣснью": черезъ два года послѣ того, какъ онъ въ Бутырской тюрьмѣ впервые спѣлъ ихъ товарищамъ, онъ умеръ отъ чахотки, начавшейся еще въ Таганкѣ и развившейся въ гниломъ Яранскѣ, куда онъ былъ сосланъ.

I.

Снова я слышу родную „лучину".
Сколько въ ней горя, страданья и слезъ!
Видно, свою вѣковую кручину
Пахарь въ нее перенесъ.

Сидя за прялкой въ осеннюю вьюгу,
Пѣла, быть можетъ, крестьянка въ тиши
И повѣряла той пѣснѣ, какъ другу,
Жгучую скорбь наболѣвшей души.

Полно! Довольно про горе ты пѣла...
Прочь этотъ грустный унылый напѣвъ!
Надо, чтобъ пѣсня отвагой гремѣла,
Въ сердцѣ будила спасительный гнѣвъ!

Зрѣетъ въ народѣ могучая сила.
Край нашъ стоитъ на широкомъ пути.
То, что страдалица мать выносила,
Сынъ богатырь не захочетъ снести.

Мысли живой не задушитъ въ немъ голодъ,
Силъ молодыхъ не надломитъ борьба,
Смѣло возьметъ онъ тяжелый свой молотъ
И разобьетъ имъ оковы раба.

II.

Смѣлѣй, друзья, идемъ впередъ,
Будя въ сердцахъ живое пламя!
И наше дѣло не умретъ,
Не сломятъ бури наше знамя!

Побѣды ужъ недолго ждать!
Проснулась мысль въ средѣ рабочихъ,
И зрѣетъ молодая рать
Въ нѣмой тиши зловѣщей ночи.

Она созрѣетъ... и тогда,
Стряхнувъ, какъ сонъ, свои оковы,
Подъ краснымъ знаменемъ труда
Проснется Русь для жизни новой.

Экономическая и политическая борьба и задачи соціалдемократіи.

[Переводъ съ еврейскаго].

Отъ редакціи. Въ 1902 г. не было обычнаго ежегоднаго съѣзда Бунда. Вмѣсто него Центральный Комитетъ созвалъ конференцію, частное совѣщаніе изъ членовъ мѣстныхъ комитетовъ и другихъ организацій по своему выбору. Постановленія этого совѣщанія необязательны; самое широкое ихъ обсужденіе (дискуссія) происходитъ теперь въ печати, собраніяхъ и кружк[illegible] Бунда.

На совѣщаніи въ связи съ вопросомъ объ измѣненіяхъ въ организаціи Бунда былъ поставленъ на очередь жгучій для международной соціалдемократіи вопросъ о *взаимныхъ отношеніяхъ между соціалдемократіей и профессіональными союзами*. Надо замѣтить, что въ Западномъ Краѣ среди еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ профессіональныя организаціи въ видѣ стачечныхъ кассъ получили широкое распространеніе: въ 1900 г. онѣ охватывали въ нѣкоторыхъ городахъ 20—40% мѣстныхъ евреевъ-рабочихъ, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ число организованныхъ рабочихъ доходило до 60% (щетинщики). Эти профессіональныя стачечныя кассы до послѣдняго времени лежали въ основѣ организаціи Бунда и имѣли рѣшающее вліяніе на его практическую работу. Въ настоящее время вмѣстѣ съ расширеніемъ дѣятельности еврейской соціалдемократіи такая зависимость комитетовъ отъ профессіональныхъ кассъ оказалась стѣснительной, задерживающей развитіе дѣятельности и суживающей ея размахъ. Поэтому на совѣщаніи признано было нужнымъ измѣнить существующія отношенія такъ, чтобы комитеты и другія руководящія организаціи были вполнѣ самостоятельны и независимы отъ профессіональныхъ кассъ (это только одна сторона предполагаемой реформы въ организаціи Бунда).

Постановленіе совѣщанія подробно разъясняется въ передовой статьѣ 28 № центральнаго органа Бунда „Голосъ Рабочихъ". Тамъ, между прочимъ, говорится: „Соціалдемократическія организаціи должны быть отдѣлены отъ профессіональныхъ организацій; въ послѣднихъ мы должны имѣть своихъ представителей; но мы не должны обратиться въ представителей профессіональныхъ организацій".

Это постановленіе уже вызвало живой обмѣнъ мыслей: редакція „Гол. Раб." получила нѣсколько писемъ по этому вопросу. Разборомъ одного изъ нихъ, принадлежащаго перу „рабочаго-агитатора", и занимается печатаемая нами статья („Гол. Раб." № 30, Изъ писемъ въ редакцію).

Статья эта представляетъ интересъ и для русскихъ товарищей. Тѣмъ недостаткомъ, противъ котораго такъ горячо ополчается авторъ,—пренебреженіемъ къ экономической борьбѣ и поверхностнымъ пониманіемъ задачъ борьбы политической — этимъ страдаетъ теперь въ сильной степени и русское движеніе. Такія взгляды начинаютъ проникать и въ русскую рабочую среду. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., слѣдующее мѣсто изъ с.-п.-б. письма въ 25 № „Искры", почти буквально совпадающее съ первой цитатой изъ письма рабочаго-агитатора въ статьѣ: „Нерѣдко раздаются голоса рабочихъ на собраніяхъ, что экономическая борьба намъ ничего не дала... Въ рабочихъ кружкахъ рѣдко слышны разговоры о заработной платѣ, о прибавочной стоимости —врагъ русскаго народа приковалъ все вниманіе пролетарія". И т. д.

Мы въ общемъ согласны съ основными взглядами автора помѣщаемой ниже статьи. Мы расходимся съ нимъ только въ частностяхъ и наши разногласія отмѣчаемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Мы опускаемъ начало статьи; оно не представляетъ интереса для русскихъ читателей, незнакомыхъ съ передовицей 28 № „Гол. Раб.".

„Экономическая борьба, пишетъ нашъ товарищъ, уже не можетъ такъ интересовать рабочую массу, какъ 6-7 лѣтъ тому назадъ. Въ массѣ уже развито сознаніе противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ и необходимости экономической борьбы. Рабочая масса не нуждается уже въ научныхъ книжкахъ о рабочемъ днѣ, заработной платѣ, прибавочной цѣнности и т. д...."

Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ и должно ли такъ быть? Совершенно вѣрно, что въ массѣ ослабѣлъ интересъ къ экономической борьбѣ. Но отчего это произошло? Должны ли мы радоваться такому явленію и поддерживать его, или же мы должны съ нимъ бороться? Въ письмѣ нашего товарища мы не находимъ отвѣта на эти вопросы. Но изъ его практическихъ предложеній мы видимъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этого явленія, и поэтому онъ не предлагаетъ никакихъ средствъ для борьбы съ нимъ. Наоборотъ, указывая на тотъ фактъ, что масса въ настоящее время относится равнодушно къ экономической борьбѣ, онъ предлагаетъ приложить всѣ силы къ одной лишь политической организаціи, т. е. „*приспособиться*" къ теперешнему настроенію массъ, приспособиться къ тому, что масса чувствуетъ и чего она желаетъ въ настоящій моментъ. Если нашъ корреспондентъ думаетъ, что онъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ нашей передовицей, то мы должны замѣтить, что онъ невѣрно понялъ ее, вычиталъ изъ нея мысли прямо противоположныя высказаннымъ тамъ. Объяснимся.

съ абсолютной монархіей смести и самый принципъ монархіи, вмѣстѣ съ злоупотребленіями частной собственности смести и самый принципъ частной собственности."

Таковы политическія стремленія либераловъ. Каковъ же планъ дѣйствія либеральной партіи? Либералы „на практикѣ" еще несомнѣнно не сказали послѣдняго слова. Пока они еще въ значительной степени живутъ безсмысленными надеждами на „перемѣну курса" въ правительственныхъ сферахъ, стараются извлечь выгоду для себя изъ ссоръ между министрами, между Витте и Плеве; протестуютъ противъ произвола министровъ во имя самовластія царя; „изящно" обходятъ реакціонные министерскіе циркуляры, не покидая „законной" почвы и не нарушая формально воли монарха. Въ этой трусливой тактикѣ либераловъ, которая особенно ярко сказалась въ недавней земской кампаніи, какъ правильно выражается „Освобожденіе", есть „еще много недосказаннаго и много недодуманнаго." Но нетрудно предвидѣть, до чего они додумаются и до чего они договорятся, когда ихъ партія лучше сорганизуется и когда мы своей революціонной борьбой настолько расшатаемъ самодержавіе, что имъ не опасно будетъ открыто заявить всѣ свои затаенныя политическія требованія. *Въ этотъ критическій моментъ они предложатъ царскому правительству сдѣлать народу тѣ политическія уступки, въ которыхъ заинтересована также буржуазія, и взамѣнъ этого они окажутъ царскому правительству поддержку въ борьбѣ противъ того, въ чемъ заинтересована одна лишь демократія.*

Вотъ тотъ маневръ, который скрывается за словами ихъ программы: „земскіе люди обязаны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, *чтобы использовать всѣ преимущества своего фактическаго положенія*."

Когда мы, социалдемократы, указываемъ на эту двусмысленную тактику либераловъ, намъ обыкновенно возражаютъ: пусть такъ, но развѣ конституція, которой хотятъ либералы, не лучше неизмѣримо современнаго самодержавнаго произвола? Добьемся сначала хоть этой конституціи, а тамъ ужъ вашей партіи пролетаріата легче будетъ бороться за большее. Тѣ, которые такъ разсуждаютъ, не понимаютъ или, вѣрнѣе, неспособны понять великаго значенія настоящаго революціоннаго момента для русской демократіи вообще и для русскаго пролетаріата въ особенности.

Пролетаріатъ ведетъ давно упорную революціонную борьбу; вслѣдъ за нимъ въ борьбу втянулись и продолжаютъ втягиваться и другіе демократическіе слои населенія. Самодержавное правительство опирается почти исключительно на свои штыки, потому что всѣ отъ него постепенно отворачиваются. И вотъ въ такое-то время *либеральная буржуазія выступаетъ, по ея словамъ, съ цѣлью „посредничества", въ дѣйствительности же съ цѣлью заключить сдѣлку съ правительствомъ.* Либералы не скрываютъ, что они готовы оказать правительству помощь не только совѣтомъ, но *и дѣломъ* въ его борьбѣ съ революціонной гидрой, если оно сдѣлаетъ политическія уступки въ мѣру потребности буржуазіи. Такая поддержка со стороны либеральной буржуазіи могла бы вывести правительство изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ либеральная буржуазія—сила: *еслибы она рѣшительно отвернулась отъ самодержавія, оно бы неминуемо погибло; когда же она вступитъ съ самодержавіемъ въ половинчатую сдѣлку, государственный порядокъ въ громадной степени упрочится*, и тогда, тогда мы очутимся въ такомъ же положеніи, какъ западно-европейскіе народы послѣ неудачныхъ революцій 40-хъ гг. Главнѣйшія наши демократическія требованія останутся неудовлетворенными, а примѣръ Западной Европы насъ учитъ, что добиться осуществленія этихъ демократическихъ требованій отъ буржуазнаго правительства становится все труднѣе и труднѣе, не прибѣгая къ новой революціи: быстрый ростъ силы и сознательности пролетаріата окончательно вытравилъ всякій демократическій духъ изъ буржуазіи.

Одинъ изъ вождей германской социалдемократіи, Каутскій, писалъ въ 1893 г.: „Нынче буржуазія прозрѣла... Вѣрно одно: въ Германіи и въ Австріи, да и въ большинствѣ европейскихъ

странъ... необходимыя демократическія учрежденія не будутъ введены, пока пролетаріатъ не завоюетъ власти". Судя по послѣднимъ событіямъ въ Бельгіи и въ Германіи, эти слова какъ будто пророческія.

Итакъ, мы должны твердо помнить: *если либеральной буржуазіи удастся на почвѣ взаимныхъ уступокъ упрочить „престижъ" русской монархіи, то главныя требованія демократіи останутся неудовлетворенными, а для удовлетворенія этихъ требованій намъ придется ждать новаго политическаго кризиса, придется готовить вторую, можетъ быть, болѣе трудную революцію.*

Вотъ та серьезная опасность, которая угрожаетъ русской демократіи вообще и русскому пролетаріату въ особенности. Чтобы по возможности предотвратить эту опасность, нужно прежде всего ясно и отчетливо ее сознавать и будить это сознаніе въ другихъ.

Социалдемократическая партія, какъ передовой отрядъ въ борьбѣ за демократическую свободу, должна разъяснять демократіи разницу между ея политическими интересами и интересами либеральной буржуазіи; должна выяснить ей разницу между той демократической революціей, которая нужна ей, и тѣмъ конституціоннымъ оплотомъ противъ революціи, который хочетъ создать либеральная буржуазія.

Социалдемократія должна избѣгать такихъ пріемовъ и рѣчей, которые возбуждаютъ у демократіи неосновательныя надежды на либераловъ, которые увеличиваютъ обаяніе либераловъ въ глазахъ демократіи, которые усыпляютъ бдительность демократіи по отношенію къ буржуазіи, которые заражаютъ революціонное движеніе демократіи буржуазно-либеральнымъ ядомъ.

Социалдемократія должна оторвать отъ либеральной партіи тѣ многочисленные демократическіе элементы, которые примкнули и продолжаютъ примыкать къ ней, и повести ихъ за собою.

Либеральная партія, призванная къ жизни нашей революціонной борьбой, уже называетъ себя теперь „партіей политическаго освобожденія Россіи". Социалдемократія должна доказать всему народу, что только она, партія пролетаріата, способна стать во главѣ его освободительной борьбы.

Юбилейная рѣчь Плеве.

Наша статья была уже набрана, когда въ газетахъ появилось оффиціальное извѣстіе, что и самодержавное правительство не прочь войти въ сдѣлку съ земской партіей. Объ этомъ заявилъ самъ Плеве на юбилейномъ торжествѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

100 лѣтъ занималось это жандармское министерство „охраненіемъ общественнаго спокойствія": топило въ крови всѣ попытки борьбы трудящихся классовъ, душило всякую свободную мысль, всякое правдивое слово. И результаты этой неустанной дѣятельности? Необычайно быстрый ростъ рабочаго движенія, упроченіе социалдемократіи въ рабочей средѣ; организація демократическихъ и либеральныхъ элементовъ; непрерывные студенческіе безпорядки и повсемѣстные крестьянскіе бунты; первые раскаты надвигающагося общенароднаго возстанія... И въ этой бурной обстановкѣ совершенно растерянное, всѣми покинутое правительство. Оно стоитъ на краю пропасти; почва подъ ногами колеблется...

Чѣмъ спасти себя отъ неминуемой гибели? Плеве отвѣчаетъ на это: необходимо „усовершенствовать способы управленія". „Державной волей... предначертаны пути къ этому усовершенствованію." Ихъ нѣсколько, но всѣ они должны вести въ Римъ...

Путь первый. Необходимо „усилить распорядительную власть на мѣстахъ"—увеличить штаты жандармовъ и завести охранки; необходимо „упростить порядокъ ея дѣйствій"—окончательно развязать руки губернаторамъ и предложить имъ за образецъ „упрощенный порядокъ дѣйствій" Валей и Оболенскихъ. Все это для того, чтобы „интересы и удобства населенія получили вящее огражденіе", а то теперь даже и либеральные полтавскіе помѣщики, и вожаки земской партіи Гейденъ, Евреиновъ и К-о — всѣ въ одинъ голосъ жалуются на бездѣйствіе власти...

Путь второй. Предполагается устроить при министерствѣ „совѣщанія изъ лицъ мѣстнаго управленія" и вмѣстѣ съ ними „обсудить мѣры къ болѣе правильному сочетанію дѣятельности административной и общественной". Итакъ, приструнивъ сначала высочайшими выговорами слишкомъ зарвавшихся земцевъ, пра-

---

Ошибки нашей прежней работы заключались не только въ томъ, что мы отдавали слишкомъ много силъ экономической борьбѣ и слишкомъ мало политической. Нѣтъ, у насъ никогда не было того, что теперь извѣстно подъ именемъ „экономизма", т. е. равнодушія къ политическимъ вопросамъ. *) Наша ошибка состояла въ совершенно другомъ: въ томъ, что мы вообще слишкомъ поверхностно вели нашу работу, въ томъ, что мы недостаточно широко понимали и вели какъ *экономическую*, такъ и *политическую* борьбу, и въ первой это проявилось гораздо больше, чѣмъ въ послѣдней. И причина этой поверхностности именно и заключалась въ томъ, что теперь опять предлагаетъ сдѣлать нашъ корресподентъ, т. е. въ *приспособленіи* къ элементарному настроенію массы, **) въ приспособленіи къ тому, что масса чувствуетъ и чего она требуетъ въ тотъ или другой моментъ. Здѣсь не мѣсто подробно разбирать всѣ причины нашихъ прежнихъ прегрѣшеній. Мы укажемъ лишь здѣсь на двѣ важнѣйшія.

Одна изъ этихъ причинъ чисто психологическаго свойства. Передъ глазами социалдемократіи былъ примѣръ ея предшественниковъ, которые пали въ тяжелой борьбѣ противъ царизма вслѣдствіе того, что по нѣкоторымъ причинамъ они не могли заинтересовать въ осуществленіи своихъ идеаловъ широкіе слои рабочаго класса. Они должны были поэтому поставить себѣ важную цѣль—приложить всѣ силы къ тому, чтобы прежде всего вызвать широкое массовое рабочее движеніе. Работа ихъ дала хорошіе результаты—широкіе слои рабочей массы пробудились и выступили подъ руководствомъ социалдемократіи на борьбу за лучшую жизнь. Но это пробужденіе массы было такъ дорого, воспоминаніе о прежнихъ напрасныхъ жертвахъ было такъ ужасно, боязнь быть опять непонятымъ массой и потерять ее была такъ велика, что послѣ первыхъ большихъ проваловъ новое поколѣніе нашихъ дѣятелей (1898—1900 гг.) начало въ своей агитаціи отодвигать въ сторону отдаленныя требованія нашей программы и агитировать лишь за требованія, которыя близки и доступны массѣ въ настоящій моментъ. Вслѣдствіе этого большинство нашихъ агитаторовъ изъ сознательныхъ социалдемократическихъ руководителей рабочаго движенія превратилось лишь въ техническихъ организаторовъ повседневной борьбы за мелкія (хотя и очень важныя) улучшенія. Результаты очень скоро дали себя знать. Могучая волна революціоннаго движенія въ Россіи, совершенно неожиданно для насъ поднявшаяся, застала насъ,—мы должны въ этомъ сознаться,—совершенно неподготовленными къ такому важному моменту. Итакъ, наша первая ошибка состояла въ томъ, что мы слишкомъ отдавались борьбѣ за мелкія и ближайшія требованія массы и забывали при этомъ широкія задачи пролетарскаго социалдемократическаго движенія.

Вторая причина нашихъ ошибокъ заключалась въ недостаткѣ сознательныхъ социалдемократическихъ агитаторовъ. Массовое движеніе еврейскаго пролетаріата росло такъ быстро, что наши организаціи не имѣли возможности подготовлять достаточное количество сознательныхъ агитаторовъ, хотя онѣ постоянно къ этому стремились. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, повседневная борьба поглощала всѣ силы и все время организацій, и не оставалось ни времени, ни силъ для выработки отдѣльныхъ личностей—руководителей борьбы. Къ этому мы должны еще прибавить, что жандармы часто вырывали изъ нашихъ рядовъ лучшихъ товарищей. Все это привело къ тому, что повседневной борьбой руководили очень часто совершенно неопытные и мало развитые товарищи. Эти товарищи не въ состояніи были освѣтить повседневную борьбу съ широкой социалдемократической точки зрѣнія, и свою агитацію они вели уже слишкомъ „просто". Наши мѣстныя организаціи должны въ настоящее время употребить всѣ усилія для избѣжанія этихъ двухъ недостатковъ, потому что лишь тогда мы въ состояніи будемъ крѣпко держать революціонное знамя социалдемократіи, лишь тогда будемъ мы въ состояніи избѣжать вредныхъ уклоненій съ нашего прямого пути. Однимъ изъ самыхъ вредныхъ отклоненій является то обстоятельство, что въ нашихъ организаціяхъ ослабѣлъ интересъ къ экономической борьбѣ.

„Стачками, пишетъ дальше нашъ корреспондентъ, руководятъ теперь сами рабочіе безъ всякой помощи развитыхъ рабочихъ—они уже достаточно самостоятельны для веденія экономической борьбы..." И далѣе: „экономическая борьба такъ глубоко вкоренинилась въ сердцахъ рабочихъ, что они себѣ и представить не могутъ, какъ возможно не бороться за лучшія условія жизни. Экономическая борьба стала уже такимъ зауряднымъ явленіемъ, что не считаютъ даже нужнымъ агитировать въ массахъ на экономической почвѣ"... Но развѣ экономическое положеніе нашей рабочей массы уже настолько хорошо, спросимъ мы нашего товарища, что на экономической почвѣ невозможно вызвать недовольства существующимъ капиталистическимъ строемъ? Ужасный кризисъ, продолжающійся уже 2-3 г., очень ясно говоритъ противъ этого. ...Но, можетъ быть, вся масса уже такъ развита, что она сама понимаетъ, насколько негоденъ существующій капиталистическій строй и что необходима замѣна его социалистическимъ. Мы увѣрены, что этого не скажетъ даже нашъ корреспондентъ, хотя онъ вообще склоненъ преувеличивать успѣхи нашего движенія!... Такъ въ чемъ же дѣло? Почему вдругъ стала исчезать у насъ подъ ногами та самая почва, на которой мы такъ долго и съ такимъ успѣхомъ вели нашу агитацію? Мы попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Повторяемъ еще разъ: мы вполнѣ согласны съ нашимъ товарищемъ, что у еврейскихъ рабочихъ ослабѣлъ интересъ... но не къ экономической борьбѣ, а — къ элементарнымъ, слишкомъ простымъ формамъ этой борьбы, ставшимъ у рабочихъ зауряднымъ явленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый еврейскій рабочій, даже совершенно неразвитой, понимаетъ теперь, что короткій рабочій день лучше длиннаго, что высокая заработная плата лучше низкой, — и что въ этихъ вопросахъ его интересы противоположны интересамъ хозяевъ. Но развѣ къ такой „борьбѣ за копейку" сводится истинная экономическая борьба? Развѣ пониманіе такихъ простыхъ вещей есть въ самомъ дѣлѣ истинное классовое самосознаніе? Вѣдь противъ такой „борьбы" ничего не имѣетъ самъ господинъ Зубатовъ! Вѣдь за такое „классовое самосознаніе" ухватятся обѣими руками господа „независимцы" *). Развѣ въ самомъ дѣлѣ достаточно для нашихъ рабочихъ такой борьбы и такого сознанія? Очевидно, нашъ корреспондентъ думаетъ, что этого вполнѣ достаточно, ибо онъ въ восторгѣ отъ того, что наша масса „сама ведетъ" экономическую борьбу, и онъ считаетъ лишнимъ вмѣшательство нашихъ сознательныхъ агитаторовъ въ эту борьбу!... Изъ того факта, что до сихъ поръ экономическая борьба носила у насъ такой узкій, поверхностный характеръ, нашъ товарищъ дѣлаетъ заключеніе, что другого, болѣе глубокого характера эта борьба вовсе не можетъ имѣть,—и онъ предлагаетъ намъ предоставить экономическую борьбу ея естественному теченію и взять на себя только руководство политической борьбой. Къ этому, думаетъ онъ, наши социалдемократы стремились съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности.

„Десять лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ, когда въ Россіи началось рабочее движеніе, оно прежде всего выразилось въ экономической борьбѣ. Руководители же—социалдемократы всегда имѣли въ виду политическую борьбу. Но было очень трудно сразу развивать массу политически, такъ какъ она прежде должна была пройти школу экономической борьбы. Благодаря этому, теперь ей легче понимать политическія задачи." Смотря на экономическую борьбу,—лишь какъ на средство вовлечь массы въ *политическую* борьбу, мы этимъ самымъ недооцѣниваемъ, умаляемъ значеніе экономической борьбы. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что до послѣдняго времени во многихъ мѣстахъ понимали именно такъ поверхностно экономическую борьбу. Только этимъ можно объяснить тотъ успѣхъ, которымъ нѣкоторое время пользовались въ Минскѣ независимцы.

Въ чемъ же должна состоять и какъ должна вестись экономическая борьба?

Она должна быть сознательной борьбой—не только противъ отдѣльныхъ проявленій существующаго строя, но противъ всего основанія этого строя: она должна быть борьбой противъ классового господства буржуазіи, противъ анархіи капиталистическаго строя съ его кризисами и безработицей, борьбой во имя социалистическаго строя. Только обладая такимъ широкимъ сознаніемъ, наша рабочая масса не поддастся обману всякаго рода легализаторовъ, и всѣ наши мѣстныя организаціи теперь сознаютъ, что необходимо вносить глубокое социалдемократическое сознаніе въ широкія массы.

Все наше предыдущее движеніе имѣло большое историческое значеніе: оно намъ создало много друзей въ еврейскомъ рабочемъ классѣ; значительная часть еврейскаго пролетаріата внимательно прислушивается къ каждому нашему слову; и намъ надо двигать впередъ нашу работу. Вмѣсто того, чтобы разсказывать нашей

---

*) Авторъ, очевидно, хочетъ сказать, что въ евр. раб. движеніи никогда не было узкаго профессіонализма (Nur-Gewerkschaftlerei). *Ред.*

**) Указанные пробѣлы движенія въ прошломъ и въ настоящемъ зависятъ не отъ приспособленія къ рабочей массѣ, а отъ вліянія на социалдемократію *общихъ* условій русской общественной жизни: „такъ называемый экономизмъ" въ прошломъ объясняется промышленнымъ подъемомъ средины 90-хъ гг. и общимъ политическимъ затишьемъ; въ З. Краѣ именно изъ среды рабочихъ вышла „оппозиція" противъ исключительнаго увлеченія стачками, которая требовала расширенія социалистической и политической пропаганды.

„Чистая политика" послѣдняго времени объясняется вліяніемъ на *неокрѣпшую* социалдемократію подъема политическаго настроенія въ разныхъ классахъ: отчасти соц.-демократы поддались вліянію обще-демократическаго движенія, а отчасти элементы этого движенія потянули въ социалдемократію. Въ послѣднее время эти элементы видимо уходятъ въ партію соц.-революціонеровъ. *Ред.*

*) Независимая Евр. Раб. Партія стремится создать рабочее движеніе, лишенное всякой политической окраски. За это она пользуется расположеніемъ и покровительствомъ жандармовъ. *Ред.*

вительство теперь въ интересахъ собственнаго спасенія готово удѣлить имъ частичку своей неограниченной власти. Какъ велика будетъ эта частичка? Все будетъ зависѣть отъ поведенія земской партіи, продешевитъ она или нѣтъ при запродажѣ своей оппозиціи царизму. Предстоящій торгъ явится серьезнымъ испытаніемъ политической зрѣлости земцевъ. Плохая надежда, что они съ честью выйдутъ изъ этого испытанія. Слишкомъ великъ страхъ земцевъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата и разростающимся крестьянскимъ движеніемъ. А страхъ — плохой совѣтчикъ тамъ, гдѣ требуется холодный политическій расчетъ.

Путь третій. Необходимо заручиться расположеніемъ въ крестьянской средѣ и ради этого заняться „упорядоченіемъ крестьянскаго дѣла со всѣми привходящими сюда сложными вопросами сельскаго быта“. Но „было бы легкомысленнымъ самомнѣніемъ полагать, что съ этими вопросами министерство можетъ справиться своими силами“. Нѣтъ,—для содѣйствія себѣ оно намѣрено привлечь „дѣятелей, опытомъ жизни ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ“. Очевидно, для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ въ деревнѣ понадобилось внести зубатовщину въ крестьянскую среду, и Плеве ищетъ себѣ въ этомъ дѣлѣ сотрудниковъ. Гг. земцы! откликнитесь ли вы на призывъ министра?!

Политическая жизнь Россіи усложняется съ каждымъ днемъ. Рѣшать политическія задачи старозавѣтными домостроевскими способами стало немыслимо даже для нашего пережившаго самого себя правительства. На сцену выступаютъ болѣе утонченные пріемы дѣйствій — политическій подкупъ и политическая сдѣлка.

Задача нашей партіи — разстроить хитроумный планъ Плеве. Мы должны во что бы то ни стало воспрепятствовать сдѣлкѣ правительства съ земской партіей. Мы должны съ большей энергіей двинуться въ деревню, разоблачая передъ крестьянами подоплеку правительственной крестьянской политики.

Знаменіе времени.

Ростовская стачка — самое крупное политическое событіе послѣдняго десятилѣтія. Но этотъ фактъ потому-то и имѣетъ крупное значеніе, что онъ не случайный, не неожиданный: въ Ростовѣ лишь болѣе ярко вспыхнулъ огонь, который тлѣетъ теперь повсюду въ пролетарской Россіи. Достаточно сравнить ростовскую стачку съ рабочими демонстраціями въ Сормовѣ, Баку, Тифлисѣ, съ обуховской обороной, съ харьковской маевкой 1900 г., достаточно вдуматься въ рѣчи сормовскихъ и саратовскихъ рабочихъ на судѣ, чтобы убѣдиться, что всѣ эти факты, какимъ бы они мѣстнымъ поводомъ ни были вызваны, порождены общими условіями нашего рабочаго движенія и свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ его.

„Рабочему человѣку въ Россіи нельзя не протестовать, нельзя не бороться!“ „Условія жизни рабочихъ настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало *бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути*, хотя бы эта борьба была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни...“ Такъ говорили Воеводинъ, Заломовъ и другіе, привлекавшіеся къ суду въ Нижнемъ и Саратовѣ, и такъ думаютъ теперь многія тысячи рабочихъ, которые страстно желаютъ принять осмысленное, активное участіе въ политической жизни Россіи. Въ этихъ событіяхъ и въ этихъ рѣчахъ особенно цѣнна для насъ одна черта: рабочіе протестуютъ теперь противъ политическаго гнета не просто, какъ отдѣльныя развитыя личности; такихъ рабочихъ было немало въ русскомъ пролетаріатѣ и во время прошлаго революціоннаго движенія 70 и 80-хъ гг.; нѣтъ, они протестуютъ, какъ члены рабочаго класса, во имя интересовъ рабочаго класса. Съ каждымъ днемъ растетъ классовое сознаніе и революціонная активность русскаго пролетаріата. Сегодня онъ въ Ростовѣ дошелъ до точки кипѣнія. Еще нѣсколько градусовъ, и закипѣть можетъ вся пролетарская Россія... Ростовская стачка *не исключительное* событіе, это — „знаменіе времени“...

Когда русская соціалдемократія дѣлала первые свои теоретическіе, а затѣмъ практическіе шаги, когда она впервые прокладывала себѣ путь среди обломковъ старыхъ народническихъ ученій и народовольческихъ организацій, она все свое вниманіе и всѣ свои надежды сосредоточила на пролетаріатѣ. Люди, не освободившіеся отъ старыхъ предразсудковъ, въ этомъ усматривали крайнюю „узость“. Исторія доказала, что въ этой „узости“ была сила.

13 лѣтъ тому назадъ первые русскіе соціалдемократы писали въ заграничной газетѣ „Соціалистъ“: „Чтобы сломить де-

---

рабочей массѣ только старыя сказки о „копейкѣ“, мы должны ей говорить теперь о всѣхъ сторонахъ жизни рабочаго при современномъ строѣ, подготовляя изъ нашихъ товарищей — рабочихъ сознательныхъ борцовъ за политическую и соціальную революцію. Мы должны вмѣшиваться во всѣ, даже повседневныя проявленія борьбы между трудомъ и капиталомъ для того, чтобы на ихъ почвѣ вести соціалистическую агитацію. Мы всегда должны бороться со всякими „цеховыми“ и другими узкими тенденціями въ нашемъ движеніи, которыя теперь понижаютъ его характеръ. Мѣстнымъ или временнымъ интересамъ того или другого слоя рабочаго класса мы должны постоянно противоставлять глубокіе интересы всего пролетаріата. Мы должны не только вмѣшиваться въ ту борьбу, которую ведутъ рабочіе сами, но часто и самимъ *вызывать* экономическую борьбу; мы должны призывать къ всеобщимъ стачкамъ, которыя должны обнаружить классовой характеръ нашей борьбы; мы должны призывать къ массовой борьбѣ, въ которой должны быть выставляемы широкія экономическія требованія, удовлетворяющія интересамъ не только одного цеха или ремесла, но болѣе широкихъ слоевъ рабочаго класса. Словомъ, мы должны призывать пролетаріатъ, на почвѣ его современнаго экономическаго порабощенія на экономическую борьбу, которая должна носить *классовой*, а не только узко-профессіональный характеръ.

И нашъ корреспондентъ можетъ быть увѣренъ, что *такая* агитація на „экономической почвѣ“ *никогда* не „устарѣетъ“; она всегда будетъ интересовать широкія рабочія массы. Только глубокая и широкая программа и всесторонняя агитація въ состояніи вызвать широкое движеніе. Итакъ, не *отказываться отъ руководства экономической борьбой* имѣемъ мы въ виду, когда призываемъ наши организаціи стать совершенно независимыми отъ профессіональной борьбы, а какъ разъ наоборотъ: освободившись отъ односторонности и узости профессіональной борьбы, онѣ въ состояніи будутъ тѣмъ съ большей энергіей взяться за руководство какъ экономической, такъ и политической борьбой, но не съ узкой профессіональной, а съ широкой соціалдемократической точки зрѣнія.

Мы разобрали, такимъ образомъ, мнѣнія нашего корреспондента объ „экономической борьбѣ“. Наше движеніе, въ которомъ экономическая борьба до сихъ поръ занимала столько мѣста, онъ находитъ недостаточно революціоннымъ, и онъ совершенно правъ, желая его болѣе революціонизировать. Но какъ этого достичь?

„При современныхъ условіяхъ, говоритъ нашъ корреспондентъ, намъ необходимо и мы должны *революціонизировать* наше движеніе, чтобъ оно носило политическій характеръ.“

Политическая агитація — вотъ, слѣдовательно, единственное средство противъ всѣхъ золъ. Но что понимаетъ нашъ товарищъ подъ „политической агитаціей“?

„Подъ словомъ „политическая агитація“ я разумѣю, что нужно дать понять массѣ положеніе рабочаго класса въ Россіи и положеніе рабочаго класса въ другихъ странахъ; знакомить широкую массу рабочихъ со всякимъ политическимъ явленіемъ, происходящимъ у насъ и въ другихъ странахъ, напр., съ крестьянскими бунтами, студенческими безпорядками, военными бунтами и т. п. Отъ агитатора зависитъ, насколько онъ способенъ въ популярной формѣ вести политическую агитацію въ рабочей массѣ“.

Прекрасно! Было бы очень хорошо, если бы наша масса понимала все то, что предлагаетъ объяснять ей нашъ товарищъ. Но развѣ всего этого достаточно? Какая же въ такомъ случаѣ была бы разница между нашей политической агитаціей и агитаціей другихъ буржуазно-радикальныхъ партій? Куда дѣвался важный пунктъ нашей программы — о необходимости для пролетаріата захватить въ свои руки политическую власть и использовать ее для соціальной революціи? Куда дѣвалось наше пролетарское требованіе, — чтобы Россія превратилась въ федеративную республику? Обо всемъ этомъ нашъ товарищъ не говоритъ ни слова!....Конечно, „письмо“ вѣдь не программа, въ „письмѣ“ вѣдь можно кое-что забыть! Но характерно, что нашъ товарищъ забылъ не „мелочь“, но именно всѣ наши важнѣйшія пролетарскія, чисто соціалистическія требованія. Во всемъ своемъ письмѣ нашъ товарищъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ, когда и какимъ образомъ будемъ мы агитировать за наши соціалистическія требованія. Это характерно, какъ доказательство того, что корреспондентъ вмѣстѣ съ другими нашими товарищами, отказываясь отъ переоцѣнки професіональной борьбы, готовъ хватить съ другой стороны черезъ край въ сторону чистой политики. Такого рода „хватаніе“ черезъ край, забвеніе нашей величайшей соціалистической конечной цѣли есть одно изъ самыхъ вредныхъ явленій нашего движенія, и мы постоянно должны всѣми силами бороться противъ этого. Если, отдаваясь исключительно „экономизму“ мы можемъ прійти въ объятья господина Зубатова и его присныхъ, — то съ другой стороны, отдаваясь исключительно политикѣ и забывая пролетарскія соціалистическія требованія, — мы можемъ стать игрушкой въ рукахъ буржуазныхъ партій и всякихъ политическихъ шарлатановъ.

спотизмъ окончательно, нужна реальная сила... Наиболѣе способнымъ на эту роль является пролетаріатъ... Заинтересовавъ рабочихъ въ политической борьбѣ, сдѣлавъ эту борьбу *ихъ* борьбой, за *ихъ* освобожденіе, соціалисты почувствуютъ подъ собой твердую почву... Всякая стачка, всякій бунтъ, всякое столкновеніе съ фабрикантомъ ведутъ рабочихъ къ столкновенію съ правительствомъ. Всѣ эти явленія могутъ перейти подъ вліяніемъ агитаціи соціалистовъ-рабочихъ въ политическія манифестаціи, въ требованіе политической свободы... Мы разъ навсегда должны запомнить, что *степень демократичности конституціи находится въ прямой зависимости отъ степени заинтересованности въ борьбѣ за нее рабочаго населенія*.“ То, что наши товарищи писали въ 89 г., теперь уже наполовину сбылось; намѣченный соціалдемократіей путь къ низверженію самодержавія наполовину пройденъ. Десять лѣтъ зрѣло въ русскихъ рабочихъ кварталахъ и мастерскихъ великое дѣло слiянія *массоваго* рабочаго движенія съ *научнымъ* соціализмомъ. Борьба съ хозяевами за экономическія улучшенія, благодаря упорной работѣ соціалдемократовъ, углублялась, осмысливалась и превращалась въ борьбу рабочаго класса за его полное освобожденіе. Въ этомъ движеніи широкіе круги рабочихъ почувствовали тяжесть цѣпей, которыми они скованы еще крѣпче, чѣмъ весь русскій народъ; они въ борьбѣ изъ обывателей превращались въ *гражданъ* и все съ большимъ довѣріемъ и интересомъ прислушивались къ политическимъ рѣчамъ соціалдемократовъ. Въ началѣ и въ серединѣ 90-хъ гг. пролетарское ученіе Маркса было единственное идейное теченіе, привлекавшее къ себѣ вниманіе всего жизнеспособнаго въ русской интеллигенціи, а пролетаріатъ былъ единственный классъ въ Россіи, который съ бодрой вѣрой глядѣлъ на будущее. Благодаря тому, что все живое окунулось тогда въ пролетарскія идеи и въ пролетарскую среду, русскій пролетаріатъ скоро выбрался на широкую дорогу общеполитической жизни, и сама политическая жизнь Россіи оживилась: тяжелые шаги пролетаріата разбудили окружающее сонное царство и поставили самодержавное правительство лицомъ къ лицу съ народнымъ революціоннымъ движеніемъ.

Но именно тогда, когда „реальная сила“, о которой мечтали первые русскіе соціалдемократы, блестяще оправдала надежды, вниманіе и интересъ къ ней стали *относительно* ослабѣвать. Подъ косвеннымъ вліяніемъ политическаго роста рабочаго класса началось движеніе среди студентовъ, въ либеральныхъ сферахъ, среди крестьянъ. Быстро чередовались другъ за другомъ политическія событія: студенческіе безпорядки, террористическіе выстрѣлы, либеральные протесты, крестьянскіе бунты... Всѣ эти факты волновали умы рабочихъ, возбуждали у нихъ тысячи вопросовъ. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, чтобы освѣтить всѣ эти явленія съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, чтобы выяснить пролетаріату, какую классовую позицію онъ долженъ занять по отношенію къ нимъ, нужно было удесятерить соціалдемократическую дѣятельность въ пролетарской средѣ. При такомъ условіи голосъ пролетаріата покрылъ бы собой голоса всѣхъ недовольныхъ элементовъ населенія и революціонная волна поднялась бы на небывалую высоту; только при такомъ условіи соціалдемократія сохранила бы за собой главенство въ общественной жизни, какое она имѣла почти на всемъ протяженіи 90-хъ годовъ. Но сила стихіи оказалась сильнѣе силы логики.

Быстро стала складываться партія соціалистовъ-революціонеровъ. Революціонная учащаяся молодежь, которая раньше исключительно тянулась къ соціалдемократіи, а отчасти и рабочіе потянулись къ соц.-революціонерамъ. И среди самихъ соціалдемократовъ раздался кличъ: „идите во всѣ классы“, содѣйствуйте „*обще*національной задачѣ освобожденія Россіи!“ и т. д. Соціалдемократы, звавшіе своихъ товарищей идти во всѣ классы, вмѣсто того, чтобы усиленно звать ихъ въ пролетаріатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ безъ устали твердили имъ, чтобъ они не смѣшивали своихъ соціалдемократическихъ взглядовъ со взглядами другихъ классовъ и партій. Но къ этому требованію многіе остались глухи: теперь не время, говорили они, спорить о взглядахъ на отдаленное будущее; если, по вашему мнѣнію, въ настоящемъ наша задача *обще*національная“, если мы въ настоящемъ должны идти во *всѣ* классы, чтобы толкать ихъ на борьбу съ самодержавіемъ, то намъ нечего съ ними ссориться...

Такъ пролетарскіе идеи и интересы стали незамѣтно смѣшиваться въ сознаніи многихъ революціонеровъ съ идеями и интересами другихъ оппозиціонныхъ классовъ, а самъ пролетаріатъ, какъ активный общественный классъ, куда-то оттирался на задній планъ.

Къ счастью, вредный миражъ, затемнявшій классовое самосознаніе пролетаріата и ослаблявшій его политическую роль, сталъ разсѣиваться. Въ послѣднее время все явственнѣе обнаруживается, что у насъ не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ нѣтъ *одинаковой обще*національной задачи. По мѣрѣ того, какъ растетъ растерянность самодержавнаго правительства, все болѣе рѣзко обозначаются двѣ крупныя общественныя силы, которыя съ совершенно различными расчетами и видами подходятъ къ революціи и которыя однѣ могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ моментъ революціи: либеральная буржуазія и революціонный пролетаріатъ. Что касается интеллигенціи въ массѣ, крестьянства и другихъ демократическихъ слоевъ населенія, то становится очевидно, что ихъ движеніе можетъ ускорить развязку, но что сами по себѣ они не могутъ опредѣлить, какой характеръ будетъ имѣть развязка. Если пролетаріатъ совершитъ революцію, то крестьянское возстаніе и протесты интеллигенціи въ громадной мѣрѣ увеличатъ ея размахъ. Если же пролетаріатъ не совершитъ революціи, то крестьянскіе бунты, пугающіе въ одинаковой мѣрѣ правительство и буржуазію, лишь ускорятъ сдѣлку между ними, а „интеллигентское“ движеніе лишь въ большей или меньшей степени смягчитъ ея недостатки.

Въ виду того, что классовый характеръ современнаго политическаго движенія все рѣзче выступаетъ наружу, мы можемъ надѣяться, что наша партія займетъ ту твердую классовую позицію, которой она никогда не должна покидать. Чѣмъ болѣе приближается моментъ генеральнаго сраженія съ царскимъ деспотизмомъ, тѣмъ болѣе мы должны сосредоточивать свои силы въ пролетаріатѣ и стягивать къ этому ядру революціонныя силы демократіи. Мы должны звать пролетаріатъ на политическую борьбу во имя того, въ чемъ онъ одинъ заинтересованъ, и въ чемъ онъ больше всего заинтересованъ, т. е. во имя его экономическаго освобожденія, во имя соціализма. Мы должны подчеркивать въ своей политической агитаціи не то, что связываетъ пролетаріатъ съ другими классами, а то, что отдѣляетъ его отъ нихъ, какъ самый передовой, какъ единственный классъ, заинтересованный въ полной демократической свободѣ; мы должны будить его революціонную энергію не тѣмъ, что буржуазія тоже отчасти заинтересована въ борьбѣ съ самодержавіемъ, а тѣмъ, что время тревожное, что безъ его рѣшительнаго участія буржуазія продастъ дѣло свободы. Поскольку въ демократическихъ слояхъ возникаютъ *истинно революціонныя* движенія, мы, конечно, должны *ихъ* поддерживать, но, какъ общее правило, мы должны звать демократію поддерживать *наше* революціонное дѣло, а „могущихъ вмѣстить“ мы должны звать прямо въ ряды нашей партіи, потому что только партія пролетаріата пойдетъ до конца въ борьбѣ за политическую свободу. При такой опредѣленной тактикѣ мы будемъ не только *защищать* и представительствовать интересы пролетаріата, мы будемъ ясно *выражать* то, что онъ раньше или позже смутно начинаетъ чувствовать. Такимъ образомъ онъ насъ пойметъ и пойдетъ за нами.

Только развивая политическую самодѣятельность пролетаріата мы можемъ надѣяться раздуть въ пожаръ огонь, тлѣющій въ пролетарской Россіи. И мы можемъ быть увѣрены, что, когда поднимется пролетаріатъ, за нимъ пойдутъ и другіе революціонные слои народа.

Пусть знаменательныя ростовскія событія оживятъ въ памяти всѣхъ то, что говорили наши товарищи еще въ 89-мъ году.

„Мы разъ навсегда должны запомнить, что *степень демократичности конституціи находится въ прямой зависимости отъ степени заинтересованности* (и сознательнаго участія) *въ борьбѣ за нее рабочаго населенія*".

Еще о ростовскихъ событіяхъ.

I. Письмо изъ Ростова.

Въ субботу 2 ноября бросили работу рабочіе котельнаго цеха владикавказскихъ мастерскихъ. Поводомъ къ этому послужило то, что расплата съ ними производилась неправильно. Немедленно къ нимъ явился начальникъ мастерскихъ Дзевонскій и успокоилъ ихъ обѣщаніемъ удовлетворить ихъ требованіе. Въ общемъ котельщики не работали часа два. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же предлагали пойти въ другіе цеха и пригласить всѣхъ рабочихъ примкнуть къ стачкѣ. Но это предложеніе не встрѣтило сочувствія, — кажется, въ силу какой-то странной амбиціи: „мы сами бросили работу, такъ пускай и тѣ сами бросаютъ", — говорило большинство котельщиковъ.

Этимъ случаемъ рѣшилъ воспользоваться Донской Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи для того, чтобы призвать къ стачкѣ всѣхъ рабочихъ мастерскихъ. На успѣхъ такого призыва позволяло надѣяться благопріятное для стачки настроеніе рабочихъ. Уже съ мѣсяцъ среди нихъ шли толки объ ея необходимости. Дѣло въ томъ, что съ мая управленіе дороги постепенно, но значительно понизило расцѣнки. Это, а также грубое обращеніе мастеровъ возбуждали среди рабочихъ сильное недовольство. Оно усилилось послѣ появленія 3 октября прокламаціи Комитета, которая произвела хорошее впечатлѣніе и вызвала оживленные разговоры о стачкѣ.

Въ воскресенье Комитетъ созвалъ сходку человѣкъ въ 40 изъ представителей разныхъ цеховъ. На ней были выработаны тѣ 9 требованій, которыя вошли въ выпущенную на слѣдующій день прокламацію, призывавшую къ стачкѣ. Главныя изъ нихъ — 9-часовой раб. день, работа подъ праздникъ до 2 часовъ, повышеніе зараб. платы на 20 % и расцѣнковъ такъ, чтобы они составляли не менѣе 50% жалованья, отмѣна штрафовъ за неявку на работу, вѣжливое обращеніе мастеровъ и удаленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, школа для дѣтей рабочихъ и т. д.

Въ понедѣльникъ утромъ въ мастерскихъ были распространены эти прокламаціи. Около 10 часовъ нѣсколько организованныхъ рабочихъ ворвались въ кочегарку и, отбросивъ послѣ нѣкоторой борьбы кочегара и мастера (инженера), дали тревожный гудокъ. Въ то же время другіе бросились по цехамъ съ крикомъ: „Стачка! Бросайте работу!"

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ рабочіе (около 3800) бросили работу и собрались на обширномъ дворѣ мастерскихъ. Скоро явились туда и жандармы (желѣзнодорожные). Начальникъ мастерскихъ не пришелъ, отговариваясь болѣзнью. Вмѣсто него въ качествѣ посредника выступилъ жандармскій полковникъ. Но его не стали слушать и забросали прокламаціями. „Долой посредниковъ! Не надо посредниковъ!" кричала сходка. Полковнику пришлось удалиться подъ свистъ и насмѣшки рабочихъ. Та же участь постигла и другихъ лицъ изъ администраціи. „Зачѣмъ вы здѣсь? Чего вамъ надо? Мы васъ не звали!"—кричали рабочіе жандармамъ и полицмейстеру.

Отъ Комитета выступилъ ораторъ и разъяснилъ слушателямъ значеніе выставленныхъ въ прокламаціи требованій. Списокъ ихъ былъ тутъ же дополненъ. Изъ новыхъ требованій можно отмѣтить требованіе полной безотвѣтственности стачечниковъ и ихъ депутатовъ. Общее число пунктовъ дошло до 28.

Въ число требованій попало, между прочимъ, два—о переходѣ сверлильщиковъ и электрическаго цеха съ поденной платы на сдѣльную. Эти требованія кореннымъ образомъ противорѣчатъ одному изъ требованій соціалдемократіи, и самъ Комитетъ еще наканунѣ стачки предполагалъ начать въ мастерскихъ самую широкую пропаганду противъ сдѣльныхъ работъ, осложненныхъ здѣсь еще хищнической системой процентовъ. Включеніе въ прокламацію упомянутыхъ двухъ требованій объясняется стеченіемъ несчастныхъ случайностей, говорить о которыхъ въ силу конспиративныхъ соображеній неудобно.

5 ноября во дворѣ мастерскихъ собралась новая сходка, которая привлекла много постороннихъ лицъ. Сходки продолжались и въ слѣдующіе дни, и число слушателей увеличивалось съ каждымъ днемъ. Съ среды ораторы, дѣйствовавшіе по указаніямъ комитета, перешли къ политическихъ рѣчамъ. Содержаніе ихъ было очень разнообразно, особенно если принять во вниманіе, что сходки продолжались 12 дней и длились по нѣскольку часовъ ежедневно.

Въ началѣ политическія рѣчи были встрѣчены холодно и равнодушно. Точнѣе говоря, пока рѣчь шла о политической свободѣ, о демократической конституціи, о жандармахъ, полиціи и правительствѣ, оратора слушали съ интересомъ, соглашались съ нимъ и поддерживали его. Но едва дѣло доходило до самодержавія, до царской власти, настроеніе мѣнялось, и крикъ: „долой самодержавіе!" подхватывался 3-4 сотнями изъ 10-15 тысячъ. Впрочемъ, такое отношеніе къ самодержавію, помимо слабаго развитія политическаго сознанія, объясняется еще тѣмъ, что многочисленные шпіоны и переодѣтые городовые шныряли въ толпѣ и фабриковали общественное мнѣніе.

Но уже къ концу первой недѣли отношеніе къ политическимъ рѣчамъ измѣнилось. Оно приняло болѣе опредѣленный, сознательный характеръ. Слушатели явственно раздѣлились на нѣсколько группъ. Многіе изъ нихъ стали слушать эти рѣчи съ большей охотой и бо́льшимъ сочувствіемъ; другіе, наоборотъ, гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказывались противъ нихъ. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, только часть была принципіально противъ политическихъ рѣчей; другіе же высказывались противъ нихъ лишь изъ опасенія, что онѣ повредятъ стачкѣ.

Въ виду такого положеніе вещей въ воскресенье, 10-го, на громадной сходкѣ передъ 25—30 тысячной толпой былъ произнесенъ рядъ рѣчей на тему: „почему мы произносимъ политическія рѣчи?" Удачныя рѣчи имѣли большой успѣхъ и окончательно разсѣяли недовѣріе къ политической пропагандѣ и противоправительственной агитаціи.

Между тѣмъ совершенно растерявшееся начальство не знало, что предпринять. Опасаясь отпора со стороны толпы и не имѣя подъ руками достаточно войска, оно не трогало сходокъ. Единственная предпринятая администраціей мѣра—воспрещеніе сходокъ во дворѣ мастерскихъ—имѣла неожиданные для нея результаты: сходки были перенесены за городъ, на Темерницкую балку, и сдѣлались болѣе крупными и многолюдными.

Вѣсть о стачкѣ и сходкахъ въ первые же дни разнеслась по всему городу и всколыхнула застоявшееся болото ростовской жизни, лишь слегка затронутой общерусскими революціонными событіями и мелкими проявленіями мѣстной революціонной работы. Особенно заволновались рабочіе и ремесленники. Всѣхъ охватила какая-то эпидемія стачекъ. Первыми поднялись переплетчики, булочники, портные. За ними забастовала писчебумажная фабрика Панченко (600 чел.); часть требованій была немедленно удовлетворена. Плугостроительный заводъ „Аксай" (300 ч.) выставилъ рядъ требованій; акціонеры завода охотно бы ихъ удовлетворили, если бы не запрещеніе на это фабричной инспекціи. Два дня стоялъ чугуннолитейный заводъ Дутикова (120 ч.). Забастовки газовщиковъ (40 чел.). и трамвайщиковъ (120 чел.) были предупреждены немедленнымъ удовлетвореніемъ ихъ требованій. Забастовали-было рабочіе гвоздильнаго завода Панина (200 чел.), но „продали стачку" за 15 руб. на брата, чѣмъ вызвали со стороны остальныхъ рабочихъ градъ насмѣшекъ. Табачная фабрика Асмолова (3000 ч.) стояла два-три дня; нѣкоторыя мелкія требованія были удовлетворены; точно также и на фабрикѣ Токарева, послѣ трехдневной остановки. Были стачки на мыловаренномъ заводѣ Месерова (50 ч.), плугостроительномъ Григорьева, на заводѣ Мартена (изъ 120 бастовало 40), на табачной фабрикѣ Кушнарева (2000 ч.; 1 день; съ начала стачки въ каждой мастерской столо по 2 городовыхъ) и т. д. Такимъ образомъ стачка захватила почти всѣ фабрики и заводы въ Ростовѣ и сосѣдней Нахичевани. Но отсутствіе организованныхъ рабочихъ на многихъ заводахъ и вообще слабость рабочей организаціи и недостаточность собственныхъ силъ Комитета непозволили ему оформить и организовать всѣ эти отдѣльныя стачки. Формулировка для нихъ требованій, выпускъ прокламацій, постановка на всѣ заводы опытныхъ и умѣлыхъ руководителей — все это требовало такой огромной работы, на которую не хватало ни наличныхъ силъ, ни техническихъ средствъ. Типографія Комитета все время была занята печатаніемъ прокламацій къ желѣзнодорожнымъ стачечникамъ; члены его направили всѣ силы на лучшую организацію сходокъ и поддержку стачки въ мастерскихъ. Кромѣ того, 12 и 13 числа часть силъ была обращена на тихорѣцкія мастерскія по просьбѣ явившейся оттуда въ Ростовъ на сходку депутаціи.

Событія обнаружили важную и характерную черту: слабое развитіе политическаго и въ особенности революціонно-соціалистическаго сознанія и наряду съ этимъ стихійную революціонную активность массъ. Такъ, въ то же время, когда слышалось недовольство политическими рѣчами, особенно направленными противъ самодержавія, та же самая масса, которая выражала это недовольство, фактически вела борьбу съ самодержавнымъ строемъ, сама этого не сознавая. Въ жандармовъ и полицію бросали камнями; приказы атамана встрѣчались ядовитыми насмѣшками; телеграмма министра путей сообщенія, воспрещавшая какія бы то ни было уступки, вызвала общее негодованіе и возбудила ненависть къ правительству, которую масса не стѣснялась открыто и рѣзко выражать.

Между тѣмъ администрація понемногу оправилась: въ Ростовъ были стянуты войска, на столбахъ появились „обязательныя постановленія". Городъ очутился на военномъ положеніи. По улицамъ съ пѣснями разъѣзжали сотни казаковъ въ полномъ вооруженіи. На вокзалѣ цѣлые дни высаживались изъ вагоновъ войска, а по дорогѣ съ вокзала въ городъ тянулись цѣлые обозы съ фуражемъ, патронами. Привезено было даже двѣ пушки. И тѣмъ

не менѣе администрація не приступала къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Тѣмъ временемъ стачка начала уже оказывать вліяніе на городскую жизнь. Торговля совершенно прекратилась, купцы, разумѣется, не могли быть этимъ довольны и ругали—кто стачечниковъ, а кто втихомолку администрацію, кто соціалистовъ, а кто—самодержавіе, а иные и тѣхъ и другихъ сразу.

Въ понедѣльникъ 11-го администрація рѣшилась, наконецъ, ограничить свободу слова и собраній. Сотня казаковъ спозаранку расположилась въ балкѣ, гдѣ въ 11 часовъ было назначена сходка. Часамъ къ 10 тамъ собралось достаточно народу, главнымъ образомъ женщинъ. Казаки рѣшили, что пора дѣйствовать, и, по приказу офицера, въ карьеръ бросились на толпу. „Садись!" раздалась команда въ толпѣ. Всѣ сѣли... Летѣвшіе во весь опоръ съ пиками на перевѣсъ казаки остановились передъ сидѣвшими. Вторая аттака была рѣшительнѣе: казаки пустили въ ходъ пики и нагайки и стали топтать первые ряды сидѣвшихъ лошадьми. Толпа живо вскочила, и завязалась битва: градъ камней полетѣлъ въ казаковъ. Нѣсколькихъ стащили съ лошадей. Женщины хватались за пики, вырывали ихъ, выхватывали изъ рукъ нагайки. Послѣ недолгой борьбы казаки отступили. Еще нѣсколько разъ пытались они повторить аттаку, но толпа всякій разъ отбивала ихъ камнями, палками и досками изъ заборовъ и съ крышъ. Казаки сочли за лучшее удалиться.

Сходка тянулась до трехъ часовъ. И вотъ, когда толпа расходилась, произошло то, чего меньше всего можно было ждать въ этотъ день. Недалеко отъ мѣста сходки собралась небольшая толпа, человѣкъ въ 500 — женщины, дѣти, любопытные. Ничего они не думали предпринимать, а такъ, просто, стояли и, несмотря на требованія казачьяго офицера, не расходились. Мальчишки издѣвались надъ казаками, кувыркались, ходили на рукахъ передъ офицеромъ. Не стерпѣло его казачье сердце, и онъ скомандовалъ въ аттаку. Одинъ мигъ — и мальчишки уже очутились за заборами и на крышахъ и оттуда встрѣтили славныхъ донцовъ такой тучей камней, что имъ пришлось отступить. Шесть разъ повторялась аттака и съ тѣми же результатами. Конные казаки удалились; вмѣсто нихъ явилось полсотни пѣшихъ и безъ всякаго предупрежденія произвели залпъ въ расходившуюся толпу. 6 или 7 человѣкъ было убито, десятка два ранено. Это гнусное звѣрство вызвало въ городѣ страшное возмущеніе: говорили о необходимости устроить демонстрацію пройтись съ трупами убитыхъ по улицамъ города...

Администрація сама струсила послѣдствій своего звѣрскаго поступка и приняла мѣры для успокоенія умовъ: расклеила на утро спѣшно отпечатанное „Душевное слово" генерала-отъ-самодержавія Богдановича и рядомъ съ нимъ объявленіе о воспрещеніи *рабочимъ* подъ угрозой строгаго наказанія устраивать собранія. Но помѣшать сходкѣ она побоялась. Настроеніе на сходкѣ во вторникъ было крайне возбужденное. Рабочіе явились вооруженные, готовые во что бы то ни стало идти демонстративно въ городъ. Но отъ мысли о демонстраціи пришлось отказаться.

Надо замѣтить, что Затемерницкая часть, гдѣ происходили сходки, отдѣляется отъ расположеннаго на горѣ города глубокой долиной, по которой протекаетъ рѣчка Темерникъ. Долина занята вокзаломъ, станціонными постройками, желѣзнодорожными путями. Пробраться отсюда въ городъ можно только двумя путями; оба они пролегаютъ черезъ шлагбаумы, тянутся затѣмъ узкими переулками между станціонными постройками и, наконецъ, около рѣчки заканчиваются неширокими мостами. На этихъ мостахъ во вторникъ предусмотрительно были расположены усиленные казацкіе наряды, а по всему берегу во дворахъ фабрикъ и мельницъ была спрятана не одна сотня казаковъ. Это еще не все. На горѣ, по которой идетъ подъемъ на главную улицу, были расположены три цѣпи казаковъ. Стратегическое положеніе войскъ было очень выгодное. Попытка демонстрантовъ проникнуть въ городъ стоила бы имъ сотенъ жизней и кончилась бы, по всей вѣроятности, неудачей...

Съ другой стороны были основанія предполагать возможность бунта и погромовъ. Крупный скандалъ съ полиціей, устроенный въ городѣ новобранцами, колоссальная драка за Нахичеванью на салганахъ *), масса оставшихся безъ работы вслѣдствіе неожиданнаго прекращенія навигаціи береговыхъ рабочихъ, общая возбужденная атмосфера, повышенная еще вчерашнимъ кровопролитіемъ, — все это внушало серьезныя опасенія, какъ бы широкое народное политическое движеніе не выродилось въ стихійную разрушительную бурю народнаго бунта.

Въ виду этого Комитетъ выпустилъ въ этотъ день прокламацію, въ которой, снимая съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти событія и возлагая ее цѣликомъ на правительство, убѣждалъ всѣхъ гражданъ Ростова не производить погрема.

Въ среду на смѣну атамана по высочайшему приказу явился въ Ростовъ Плеве, двоюродный братъ министра-вѣшателя, и сейчасъ же принялъ рѣшительныя мѣры противъ сходокъ. Городъ былъ оцѣпленъ со стороны Темерника, и проникнуть за рѣку и даже на вокзалъ не было возможности. Движеніе трамваевъ по вокзальной линіи были пріостановлено. На самомъ Темерникѣ всюду были разставлены патрули. И тѣмъ не менѣе сходки продолжались еще два дня, но съ каждымъ днемъ становились малочисленнѣе. Рѣшено было ихъ прекратить. По вечерамъ, впрочемъ, еще долго происходили въ разныхъ мѣстахъ небольшія собранія по нѣскольку сотъ человѣкъ. При этомъ не разъ происходили стычки съ казаками. Послѣ одной изъ нихъ, въ которой казаки дважды были отбиты камнями, появилось распоряженіе полицмейстера, чтобы домовладѣльцы убрали со своихъ дворовъ камни, иначе они будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

Такъ закончился періодъ сходокъ, продолжавшійся 12 дней Необходимо отмѣтить, что всѣ сходки, даже самыя крупныя, проходили въ изумительномъ порядкѣ. Толпа проявила замѣчательную дисциплинированность. Во время сходокъ царила мертвая тишина, несмотря на то, что въ воскресенье, 10-го, народу было до 30 тыс. человѣкъ. Единственно, что моментами нарушало порядокъ, это — распространеніе прокламацій, появлявшихся ежедневно около полудня. Сначала ихъ просто бросали въ толпу, но это вело обычно къ свалкѣ: на листки набрасывались, какъ голодные на хлѣбъ. Такъ же неудаченъ оказался и другой способъ распространенія—ихъ раздача: одного распространителя стиснули въ толпѣ до обморока, на другомъ разорвали пальто. Такъ какъ количество прокламацій было недостаточно (1500-2500 на 10-15 тыс.), то каждая читалась вслухъ на сходкѣ. Тамъ же производился сборъ денегъ на стачечниковъ. Всего собрано было на сходкахъ около 800 р.; общій же сборъ достигалъ до 2300 р.; изъ нихъ наиболѣе нуждающимся было роздано 1700 руб. Вообще среди стачечниковъ не только острой, но и вообще нужды не было, и они могли бы продержаться еще недѣли 2—3. Объясняется это сравнительной зажиточностью желѣзнодорожныхъ рабочихъ и тѣмъ, что стачка началась сейчасъ же послѣ получки.

Обычный порядокъ сходокъ былъ таковъ: начиналась она съ обсужденія текущихъ дѣлъ, сообщались послѣднія извѣстія о ходѣ стачки, о правительственныхъ распоряженіяхъ. Затѣмъ начинались рѣчи. Онѣ были очень разнообразны и часто прямого отношенія къ стачкѣ не имѣли. Это была широкая массовая пропаганда политическихъ идей. Вотъ, для примѣра, нѣсколько темъ, на которыя произносились рѣчи: о весеннихъ крестьянскихъ бунтахъ, о голодовкахъ, что значитъ долой самодержавіе, о задачахъ женскаго раб. движенія въ Россіи и т. д.

Замѣчу еще, что кромѣ рабочихъ самыми усердными посѣтителями сходокъ были гимназисты, реалисты и гимназистки старшихъ классовъ. Учебныя заведенія всѣ эти дни пустовали, педагоги неистовствовали и ревностно принялись за шпіонство. Все было напрасно...

Между тѣмъ дорога несла крупные убытки; она вынуждена была прекратить сначала пріемъ срочныхъ, а на 4 дня и всякихъ вообще грузовъ. Правленіе дороги удовлетворило бы всѣ требованія стачечниковъ, до 9-часового дня включительно, если бы не правительство: оно запретило дорогѣ уступки стачечникамъ и взялось силой заставить ихъ приняться за работу.

16-го появилось объявленіе полицмейстера, требовавшее немедленнаго прекращенія стачки: крайній срокъ былъ назначенъ на вторникъ, 19-го. Ослушникамъ объявленіе грозило всякими карами.

Въ понедѣльникъ явилось на работу изъ 3800 только 60 чел.; среди нихъ было человѣкъ 40 городовыхъ и жандармовъ, которые напялили на себя пальто и фуражки и съ виду сошли бы, пожалуй, за рабочихъ, если бы изъ-подъ пальто не торчали предательскія шашки, которыя они забыли снять второпяхъ. Во вторникъ явилось столько же, въ среду не больше. Объявленіе не подѣйствовало, и полиція приняла другія мѣры.

Начались высылки и аресты. Выслано до 300 человѣкъ, арестовано 25. Съ другой стороны, въ пятницу съ Закаспійской военной жел. дор. для замѣщенія стачечниковъ прибылъ желѣзнодорожный батальонъ, т. е. тѣ же желѣзнодорожные рабочіе, но въ солдатскихъ шинеляхъ.

Появленіе этихъ казенныхъ штрейкбрехеровъ оказало свое дѣйствіе: въ субботу, 23-го, стало на работу около 1500 рабочихъ. Тогда явился на сцену начальникъ мастерскихъ Дзевонскій и обѣщалъ рабочимъ удовлетворить часть ихъ требованій. Въ воскресенье въ помѣщеніи мастерскихъ состоялся благодарственный молебенъ. Въ понедѣльникъ, послѣ трехнедѣльной стачки, возобновили работу всѣ рабочіе на условіи, что управленіе дороги дастъ имъ окончательный отвѣтъ не позже субботы. Конечно, рабочіе послѣ такого громаднаго движенія не могли сразу успокоиться и цѣлую недѣлю не столько работали, сколько собирались въ кучки и обсуждали послѣднія событія.

Въ субботу рабочимъ было объявлено, что окончательный отвѣтъ будетъ имъ данъ только тогда, когда они совершенно успокоятся. Такое наглое издѣвательство возмутило рабочихъ. Но силъ для дальнѣйшей борьбы уже не было: попытка начать вновь стачку окончилась неудачей.

Вотъ въ общихъ чертахъ описаніе ростовскаго движенія. Оцѣнить все его значеніе въ настоящее время еще невозможно, но ближайшее будущее покажетъ его неизмѣримо громадное вліяніе на ростъ политическаго и революціонно-соціалистическаго сознанія ростовскихъ— да однихъ ли только ростовскихъ — рабочихъ. Если въ прошломъ году на первомайскую демонстрацію въ

*) Скотобойни и салотопенные заводы, гдѣ осенью рѣжутся милліоны овецъ. Тамъ работаютъ тысячи рабочихъ, въ массѣ совершенно некультурныхъ.

Ростовѣ явилось до 500 рабочихъ, то въ этомъ году вполнѣ возможно ждать, что въ празднованіи перваго мая примутъ самое живое участіе всѣ ростовскіе рабочіе.

---

2. Ростовскія прокламаціи.

„На листки набрасывались, точно голодные на хлѣбъ,“ сообщаетъ авторъ ростовскаго письма. И это неудивительно. Яркій образный языкъ, живое революціонное чувство, простое и толковое разъясненіе смысла всего, что происходитъ, умѣнье улавливать въ каждый моментъ настроеніе рабочей массы и вести ее къ намѣченной цѣли—вотъ отличительныя свойства появлявшихся прокламацій Донского Комитета. Тѣсная нравственная связь съ рабочей массой и строгая выдержанность въ планѣ дѣйствія сдѣлали Донской Комитетъ, по общему признанію свидѣтелей, истиннымъ хозяиномъ во время стачки, и прокламаціи его лучше всего это иллюстрируютъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ помѣстить эти прокламаціи цѣликомъ. Мы приведемъ изъ нихъ только наиболѣе характерныя мѣста.

Первый листокъ къ рабочимъ владикавказскихъ мастерскихъ появился за мѣсяцъ до стачки, 3-го октября, по поводу грубаго обращенія мастеровъ съ рабочими.

,,Долгіе годы, говорится въ немъ, изо дня въ день, какъ каторжники, цѣпями прикованные къ тачкѣ, мы стоимъ у своихъ станковъ! Глухо гудятъ колеса, грохочутъ и стонутъ машины, звенятъ молотки, визжитъ напильникъ, жалобно жужжатъ приводные ремни, переплетаясь между собою... Солнце иной разъ заглянетъ сквозь тусклыя стекла въ мрачныя мастерскія,—и чистый свѣтъ его слабѣетъ отъ дыма и пыли... И зрѣетъ въ этихъ сѣрыхъ, закоптѣлыхъ стѣнахъ среди грохота машинъ и лязга желѣза, среди этого кипящаго ада,—черная дума... Тяжелымъ камнемъ ложится она на сердце, сжимаетъ его злобою и тоской... Но среди этой сѣрой, безпросвѣтной жизни, товарищи, среди вѣчнаго каторжнаго труда, какъ звѣздочка, мерцаетъ передъ нами надежда, что истина и правда восторжествуютъ, что настанетъ день, когда мы вздохнемъ свободною грудью и громко воскликнемъ: „Да здравствуетъ свобода!“ Рабы труда—мы станемъ свободны! Но эта свобода не придетъ къ намъ сама, не спустится съ небесъ! Въ жестокомъ бою должны мы завоевать ее... Въ каждомъ рабочемъ должно жить сознаніе, что онъ въ рядахъ великой арміи рабочихъ, что онъ членъ рабочаго класса, и каждый, видя гнусныя издѣвательства и наглыя оскорбленія, наносимыя его товарищу-рабочему, долженъ встать на его защиту. Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ! Часъ послѣдней борьбы еще не пробилъ, но и теперь, каждый день, каждый часъ мы должны вести борьбу противъ нашихъ угнетателей и оскорбителей! Товарищи! Мы не должны долѣе сносить издѣвательства и насилія нашихъ мастеровъ! Мы—рабы труда, но не холопы и лакеи нашихъ мастеровъ! Не позорно ли, чтобы мы молчали, когда мастеръ Чернявскій билъ рабочаго за то, что тотъ во время работы ѣлъ хлѣбъ? Не позорно ли что никто, ни одинъ рабочій изъ 400 человѣкъ, не всталъ на защиту своего товарища? Не забудьте, товарищи, что, оскорбляя одного рабочаго, они оскорбляютъ насъ всѣхъ! Мы боремся не противъ мастеровъ! Наши враги выше! Но каждый часъ, каждую минуту должны мы быть готовы выступить въ защиту своей поруганной чести, своего человѣческаго достоинства! Товарищи, помните. что намъ предстоитъ великая борьба за наше освобожденіе! Помните, что для этой борьбы нужны мужественные люди, умѣющіе смѣло и стойко защищать свои права, свою честь, свое достоинство. Холопы и лакеи ненужны намъ! Пусть холопы холопствуютъ, мы же будемъ вести постоянную борьбу, каждый день, каждый часъ будемъ стоять за наши права.“

Листокъ этотъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе. Послѣ него въ мастерскихъ начались оживленные толки о необходимости стачки. Со дня ея начала прокламаціи появляются ежедневно. Первая изъ нихъ отъ 4-го ноября, формулируетъ требованія рабочихъ и призываетъ ихъ къ борьбѣ: „Товарищи! Довольно терпѣть, начинайте борьбу. Пока мы молчимъ, мы сами куемъ себѣ цѣпи, мы сами усиливаемъ свое рабство, мы укорачиваемъ свою трудовую жизнь. Кто желаетъ жить почеловѣчески, кто цѣнитъ свой трудъ, кто созналъ свое рабское состояніе, — тотъ долженъ начать сегодня борьбу. Кого ругательства мастеровъ не превратили въ лакея, у кого отъ тяжелой работы не помутился умъ, кто не желаетъ быть безсловеснымъ животнымъ, — тотъ пусть объявляетъ сегодня стачку!“

6 ноября Комитетъ обратился ко всѣмъ гражданамъ съ приглашеніемъ поддержать стачечниковъ. „Первый снѣгъ, говорится въ этомъ обращеніи, и вмѣстѣ съ нимъ первый отдаленный раскатъ надвигающейся революціи. Рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ бросили работу и выставили свои требованія. Въ нихъ нѣтъ ничего политическаго и революціоннаго, но самый фактъ такой крупной стачки своимъ могучимъ напоромъ рветъ старыя заржавленныя средневѣковыя цѣпи самодержавія. И не дождемся мы, быть можетъ, будущаго „перваго снѣга“, какъ тѣ же рабочіе стройной тысячной толпой пройдутъ подъ красными знаменами соціалдемократіи съ громкимъ крикомъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“, — пройдутъ по улицамъ Ростова, которыя еще никогда не слышали вольныхъ криковъ свободы. Они — и только они — въ силахъ разрушить смрадное зданіе проклятаго самодержавія, они — и только они — въ силахъ дать свободу задушенной, голодной Руси.

Придите же къ нимъ на помощь въ ихъ первыхъ трудныхъ шагахъ борьбы! Придите вы, втайнѣ ненавидящіе запятнанное кровью гнуснѣйшихъ преступленій самодержавіе, придите вы, втайнѣ болѣющіе за вымирающій отъ голода народъ; придите вы, втайнѣ робко мечтающіе о свободѣ. Придите на помощь, чѣмъ можете. Окажите борющимся хоть матеріальную поддержку! Проснитесь же, граждане!“

Въ листкѣ отъ 9-го числа Комитетъ сообщаетъ стачечникамъ объ успѣхахъ движенія. „Товарищи! Радуйтесь! Борьба наша растетъ, движеніе разгорается, и со всѣхъ сторонъ вспыхиваетъ пожаръ возстанія. На многихъ фабрикахъ и заводахъ уже бросили работу, на другихъ не нынче-завтра бросятъ. Отовсюду къ стачечникамъ на помощь спѣшатъ толпы рабочихъ, со всѣхъ сторонъ слышны крики негодованія противъ грабителей-капиталистовъ и ихъ защитника-правительства. И несмотря на такое торжество нашего праваго дѣла, среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ нашлись измѣнники. Нашлось полсотни холоповъ, которые тайкомъ, точно воры, ночью пошли работать въ мастерскія, пошли выслуживаться передъ нашими грабителями, пошли лизать обагренныя нашей кровью руки тирановъ. Товарищи! Кто пойдетъ на работу безъ согласія всѣхъ стачечниковъ, кто не дождется конца борьбы и броситъ товарищей, —того мы будемъ считать подлецомъ и измѣнникомъ. Мы—не дѣти, и когда начали борьбу, то мы знали, мы должны были знать, что это не игрушка и не забава, что мы должны всѣ дружно дѣйствовать и не отказываться ни отъ одного изъ нашихъ требованій, не отступать ни на одинъ шагъ. И вотъ теперь находятся нищіе духомъ, которые испугались борьбы, которые въ рѣшительную минуту оказались лакеями. Товарищи! Вспомните, что во время кризиса насъ выбрасываютъ сотнями и тысячами на улицу, и мы по нѣсколько мѣсяцевъ сидимъ безъ работы и безъ хлѣба. Такъ неужели же теперь, когда намъ приходится постоять за себя, за свои священныя права. за свою совѣсть и человѣческую жизнь,— неужели теперь мы не будемъ держаться двухъ-трехъ недѣль? Товарищи! мы должны держаться до конца! Помните, что если мы сдадимся, то мы покажемъ свое безсиліе нашимъ врагамъ. Надъ нами будутъ торжествововать разные гады, находящіеся на службѣ у акціонеровъ, надъ нами будутъ издѣваться и глумиться мастера, хуже прежняго.“

,,Въ настоящую минуту, говорится въ прокламаціи, вышедшей на слѣдующій день, наша цѣль—это стачка. Мы должны, мы обязаны ее выиграть во что бы то ни стало. Три года тому назадъ въ Тифлисѣ во время стачки желѣзнодорожные рабочіе подъ конецъ выходили съ семьями и ложились на рельсы дороги, останавливая такимъ путемъ движеніе поѣздовъ. По примѣру тифлисскихъ товарищей, мы рѣшимся лечь на рельсы, но не пойдемъ работать на прежнихъ условіяхъ. Пусть насъ давятъ паровозы, пусть нашей кровью омоется насыпь, мы согласимся умереть въ борьбѣ, но не пойдемъ въ прежнюю неволю. Товарищи! Въ настоящее время наша цѣль — выиграть стачку; мы только этого требуемъ, мы только этого добиваемся. Но посмотрите, товарищи, чему учитъ насъ наша стачка. Наши враги—капиталисты спрятались за спину своего защитника — правительства... Товарищи! Зачѣмъ къ намъ прислали казаковъ, за что хотѣли колотить насъ? Мы ведемъ себя мирно—мы не разбили ни одного стекла, не оторвали ни одной щепки, не сказали никому ни одного грубого слова, мы стремимся только облегчить свое положеніе, и за это противъ насъ посылаютъ вооруженныя войска. Жандармскій полковникъ говорилъ намъ, что по закону мы не имѣемъ права устраивать стачекъ и сходокъ. Товарищи! Вы слышали это. Такъ боритесь же противъ тѣхъ законовъ, которые запрещаютъ намъ облегчать участь, которые запрещаютъ намъ, честнымъ труженикамъ, мирно говорить на сходкѣ о своихъ дѣлахъ и разрѣшаютъ капиталистамъ устраивать засѣданія, собранія, съѣзды и т. д. Боритесь противъ этихъ законовъ, товарищи! Говорите всѣмъ, убѣждайте каждаго: до тѣхъ поръ народъ будетъ страдать, пока онъ не добьется политической свободы, пока выборные отъ народа не будутъ участвовать въ управленіи страной и въ изданіи законовъ.“

12 ноября, на слѣдующее утро послѣ кровопролитія, Комитетъ обратился къ „гражданамъ города Ростова“ съ слѣдующей прокламаціей: „Граждане! Да что же это творится у насъ! Въ какой странѣ мы живемъ, какимъ законамъ подчиняемся? У насъ —турецкія звѣрства, у насъ стрѣляютъ изъ ружей въ мирныхъ жителей, у насъ войска безъ предупрежденія дали залпъ въ безоружную толпу, у насъ разстрѣливаютъ безъ суда своихъ же гражданъ! Нашъ долгъ идти и заступиться за нихъ, намъ нужно идти и остановить кровопролитіе. Если удовлетворятъ требованія рабочихъ, то въ городѣ наступитъ полное спокойствіе. Ни одна щепка не упадетъ, если правительственныя войска не вмѣшаются въ борьбу рабочихъ съ хозяевами. Донской Комитетъ руководилъ мирной стачкой. И если сегодня произойдетъ бунтъ, если возмущенный и возставшій народъ станетъ громить городъ, то отвѣтственность за это преступленіе падетъ на этихъ трехъ министровъ—убійцъ и на палача—атамана. Донской Комитетъ съ своей стороны обращается ко всѣмъ гражданамъ, приказываетъ и умоляетъ ихъ не производить разгромовъ и не дѣлать бунта. Пусть месть народа обратится на тѣхъ, которые издавали приказъ избивать нашихъ братьевъ! Идите, граждане, на защиту нашихъ братьевъ и требуйте удаленія войскъ изъ города!“

„Побѣда близка!—писалъ Комитетъ 13-го числа, убѣждая стачечниковъ продолжать борьбу. Каждый день, каждое событіе, каждая новая сходка поднимаетъ въ насъ духъ, радуетъ насъ, поддерживаетъ бодрость въ нашей неравной борьбѣ. Мы бросили работу одни—и къ намъ на помощь пришли сотни и тысячи рабочихъ другихъ фабрикъ и заводовъ, намъ сочувствуетъ все городское населеніе, на наши сходки являются тысячи людей всякаго званія и состоянія. Всѣ они привѣтствуютъ нашу борьбу и вѣрятъ въ нашу скорую побѣду. Бросить теперь стачку, когда побѣда близка, когда управленіе дороги готово сдѣлать уступки! Да вѣдь враги наши засмѣютъ насъ, все населеніе станетъ насъ называть дураками, насъ мастера будутъ топтать въ грязь, увидѣвъ, что мы не можемъ стоять до конца за свои интересы, за свои права. Вѣдь ужъ лучше было не начинать стачки совсѣмъ, чѣмъ теперь бросить ее, не добившись своихъ требованій. Товарищи! Во время этой борьбы были разстрѣлены 6 человѣкъ. Неужели вы примиритесь съ тѣмъ, что кровь ихъ пролита напрасно? Одинъ изъ ораторовъ арестованъ жандармами, и теперь они замучаютъ его въ темницѣ. Неужели вы согласитесь, чтобъ и его молодая жизнь погибла даромъ? Потерпите же, товарищи, всѣ вмѣстѣ еще немного“.

14 ноября Комитетъ приглашалъ рабочихъ тихорѣцкихъ и другихъ мастерскихъ поддержать стачкой стачку своихъ ростовскихъ товарищей. Въ листкѣ отъ 16 ноября положеніе дѣлъ изображается въ такомъ видѣ. „Вы видите, товарищи, какъ дѣйствуетъ правительство, когда рабочіе начинаютъ борьбу съ капиталистами, когда они хотятъ улучшить свое положеніе. Вы видите, что правительство стремится держать рабочихъ въ нищетѣ и голодѣ, въ рабствѣ и покорности. Вы видите, что правительство гнететъ рабочихъ и не даетъ имъ возможности завоевать у капиталистовъ хоть часть своихъ правъ. Теперь ясно, товарищи! Правительство — нашъ врагъ, нашъ главный и первый врагъ. Учитесь же ненавидѣть этого врага, учитесь бороться съ нимъ. Товарищи! Наглыми, безстыдными дѣйствіями правительства возмущены всѣ граждане. Казаки оторваны отъ хозяйства, ихъ плохо кормятъ и цѣлые дни заставляютъ проводить на морозѣ въ боевомъ порядкѣ; торговля пріостановилась, и торговцы недовольны, такъ какъ терпятъ убытки. Не только мы всѣ хотятъ, чтобы стачка скорѣе кончилась, всѣ требуютъ, чтобы войска удалили изъ города и удовлетворили наши требованія. Управленіе дороги готово пойти на уступки, —еще нѣсколько дней и стачка будетъ выиграна. И мы были бы собственными врагами, если бы теперь, когда побѣда такъ близка, не довели дѣла до конца и пошли на работу. Товарищи! на насъ устремлены взоры всего Ростова. Наши товарищи —рабочіе съ вѣрой и надеждой смотрятъ на насъ. Мы мужественно держимся двѣ недѣли, мы терпѣли лишенія и невзгоды. Неужели же наше мужество, наши двухнедѣльные труды пропадутъ даромъ изъ-за нѣсколькихъ дней?“

Наконецъ, 19 ноября, послѣ полнаго прекращенія сходокъ, Комитетъ писалъ: „Товарищи! бѣснуются тираны. Воютъ и злобствуютъ грабители, скрипятъ зубами отъ безсилія дармоѣды,— и все напрасно. Всетаки наши враги ничего съ нами подѣлать не могутъ, ничѣмъ они не могутъ заставить рабочихъ идти въ прежнюю кабалу, попрежнему подвергаться обсчетамъ и оскорбленіямъ, ругательствамъ и штрафамъ. Капиталисты и правительство уже потеряли голову, они совсѣмъ не знаютъ, они не могутъ придумать никакихъ мѣръ, чтобы сломить непреклонную волю рабочихъ. Цѣлымъ рядомъ вопіющихъ звѣрствъ заставили рабочихъ прекратить свои ежедневныя сходки. Правительство думало, что рабочіе —это стадо барановъ, и только въ стадѣ они могутъ дружно держаться; но и тутъ оно ошиблось. Сходокъ не даютъ устраивать, и всетаки рабочіе не идутъ на работу и не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока не одолѣютъ враговъ своихъ. Своими дѣйствіями, своими звѣрствами, своимъ безстыдствомъ—правительство только открыло глаза рабочимъ, и они знаютъ теперь уже, кто главный врагъ рабочаго люда и съ кѣмъ нужно вести неустанную борьбу. Рабочіе на дѣлѣ увидѣли и убѣдились, что имъ нужно добиваться политической свободы, свободы стачекъ, свободы сходокъ и собраній, свободы слова и печати. Товарищи! Вчера въ мастерскихъ дали гудокъ, и широко раскрыли ворота, ожидая что рабочіе гурьбой побѣгутъ тянуть лямку, не дожидаясь больше уступокъ. Стачка прекратится только тогда, когда рабочимъ уступятъ. Товарищи! Наши враги изнемогаютъ уже. Въ Тихорѣцкой, Кавказской и Армавирѣ рабочіе послѣдовали нашему примѣру и бросили также работу. Дорога ужъ сдѣлала распоряженіе—не принимать срочныхъ грузовъ. Еще немного и дорога уступитъ, иначе движеніе прекратится. Побѣда наша близка, совсѣмъ близка. Товарищи! Мы уже много разъ повторяли: держитесь до конца, держитесь до тѣхъ поръ, пока не уступятъ. Исходъ стачки зависитъ отъ насъ, и только отъ насъ, отъ нашего единенія, отъ нашей сплоченности. И теперь мы повторяемъ снова: напрагайте всѣ усилія, собирайте всѣ свои силы и не уступайте. Мы побѣдимъ, мы придемъ въ мастерскія съ гордо поднятой головой. Еще нѣсколько дней,—враги наши сдадутся и мы будемъ трубить побѣду.“

Приводимъ въ заключеніе выдержку изъ послѣдней, вышедшей уже послѣ конца стачки, прокламаціи, въ которой Донской Комитетъ даетъ общую оцѣнку ростовскимъ событіямъ.

Прокламація обращена къ гражданамъ всей Россіи. „Тяжела и самоотверженна борьба рабочихъ, многими жертвами и пораженіями сопровождается она, но каждый день приближаетъ насъ къ побѣдѣ, все больше и больше появляется фактовъ, свидѣтельствующихъ о силѣ революціонной энергіи, скрывающейся въ нѣдрахъ ихъ массы. Кто могъ предвидѣть, что въ 1900 году харьковскіе рабочіе впервые поднимутъ красное знамя политической демонстраціи? Кто за недѣлю до стачки могъ предсказать, что рабочіе почти всѣхъ ростовскихъ фабрикъ обнаружатъ чисто европейскую дисциплину, съ сочувствіемъ будутъ слушать политическія рѣчи и на вопросъ, поставленный собранію: „нужна ли политическая свобода?“ — единодушно отвѣтятъ: „да, нужна!“ Вихрь событій, пронесшійся въ теченіе нѣсколькихъ дней по юго-востоку Россіи, показалъ пробужденіе рабочаго класса, силу развившейся въ немъ классовой солидарности и политическаго сознанія. Достаточно было возникнуть стачкѣ на ростовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, чтобы забастовали рабочіе еще нѣсколькихъ крупныхъ фабрикъ; стоило проникнуть прокламаціямъ въ Тихорѣцкую и Новороссійскъ, какъ тамъ всѣ рабочіе бросили работу. Движеніе сразу приняло ярко политическій характеръ; тысячи рабочихъ, до того слабо затронутые пропагандой, воочію убѣждались въ истинномъ значеніи самодержавнаго строя и до боли осязательно почувствовали насущность политической свободы. Такой характеръ ростовской стачки, охватившей нѣсколько тысячъ рабочихъ, не долженъ пройти безслѣдно, теперь, въ минуту крайней реакціи, общественной растерянности и предсмертныхъ судорогъ самодержавія. Въ то время, какъ университетская молодежь колеблется и готова примириться съ объѣдками жалкой „автономіи“, а либералы, польщенные учрежденіемъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, изобрѣтаютъ подпорки для гнилого зданія самодержавія и униженно выслушиваютъ издѣвательства лейбъ-жандарма Плеве, — одинъ только пролетаріатъ высоко держитъ знамя борьбы и среди всеобщаго мрака не угашаетъ свѣточа свободы. Эта позорная трусость командующихъ классовъ въ настоящую минуту особенно рельефно оттѣняетъ революціонную и соціально-прогрессивную роль пролетаріата. Политическая тенденція ростовскихъ событій даетъ лишній поводъ подчеркнуть первенствующее значеніе пролетаріата въ освободительномъ движеніи, и потому должна повсюду вызвать сочувствіе и поддержку, чтобы этимъ подкрѣпить ихъ значеніе и показать солидарность всего рабочаго класса Россіи; звѣрская расправа со стачечниками, трупы убитыхъ борцовъ и страданія сотни раненыхъ взываютъ къ протесту и открытому негодованію. Стыдно сказать — насилія противъ рабочихъ проходили до сихъ поръ для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Маріи Вѣтровой, избіеніе московскихъ студентовъ дворниками, побоище на Казанской площади въ Петербургѣ—приводили къ протесту и даже демонстраціямъ, въ то время, какъ смертоносные выстрѣлы въ рабочихъ „молодцовъ-фанагорійцевъ“, кубанскихъ и донскихъ зулусовъ замирали съ послѣднимъ вздохомъ жертвъ... Пора положить конецъ столь постыдному равнодушію! Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрѣлъ въ рабочихъ, каждая пущенная въ ходъ нагайка всколыхнетъ революціонную волну, которая съ увеличенной силой прокатится по всей Руси, какъ грозное напоминаніе о смерти дряхлому самодержавію, какъ заря грядущей молодой Россіи... Ростовская стачка, какъ частное дѣло ростовскихъ рабочихъ, закончена; требованія рабочихъ, по всей вѣроятности, будутъ удовлетворены, а политическое значеніе происшедшихъ волненій не замедлитъ сказаться въ будущемъ. Но этого, конечно, мало. Для великаго дѣла политическаго освобожденія страны ростовская стачка только тогда сыграетъ свою роль, когда она встрѣтитъ сочувствіе среди всѣхъ протестующихъ элементовъ, когда въ той или иной формѣ ее поддержатъ революціонныя организаціи русскаго пролетаріата. Пусть же пожаръ, вспыхнувшій на Дону, разгорится грознымъ пламенемъ, пусть въ отвѣтъ на ружейные залпы могучимъ эхомъ прогремятъ демонстраціи, пусть стоны жертвъ покроетъ громъ протеста, пусть повсюду такъ же единодушно, какъ въ Ростовѣ, вынесутъ смертный приговоръ самодержавію, гнетущему страну. Долой самодержавіе! Да здравствуетъ грядущая революція!“

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Ростовъ-на-Дону. Вотъ какъ описываетъ въ Раб. Словѣ рабочій—очевидецъ большую сходку 10-го ноября. „Погода 10-го ноября, воскресенье, была прекрасная, и общая сходка представляла грандіозное зрѣлище. Несмотря на порядочное разстояніе, на сходку пришло до 15000 рабочихъ и работницъ и до 10000 посторонней публики, сочувствующей и любопытной до всякихъ зрѣлищъ. Многіе пріѣхали изъ города на извозчикахъ. Настроеніе было приподнятое. У всѣхъ были праздничныя, веселыя лица, всѣ чувствовали себя легко и свободно, словно съ каждаго изъ нихъ сняли десятипудовую тяжесть. Вся балка на всемъ своемъ громадномъ пространствѣ была покрыта волнующимся моремъ са-

мыхъ разнообразныхъ головъ. Рядомъ стояли дама въ богатомъ нарядѣ и работница въ простенькомъ платьѣ и о чемъ-то горячо толковали; съ литераторомъ въ золотыхъ очкахъ стоялъ блузникъ рабочій и толково излагалъ ему о тяжелыхъ порядкахъ своей заводской жизни. Въ толпѣ сновали торговки съ фруктами, сбитенщики, разносчики, продавцы газетъ и пр. Все смѣшалось и перепуталось. И надъ всѣмъ стоялъ несмолкаемый гулъ оживленія и общей радости. Вокругъ толпы, на свободномъ пространствѣ, громаднымъ кольцомъ расположились ожидающіе извозчики, а невдалекѣ, на холмѣ, словно передъ непріятелемъ, безмолвствовала сотня казаковъ и рота солдатъ. Начались рѣчи. Сначала говорили представители рабочихъ организацій на ростовскихъ фабрикахъ и заводахъ. Они описывали тяжелые порядки, при которыхъ приходится жить и работать русскому рабочему, и указывали, какіе размѣры приняла забастовка на каждомъ заводѣ. Потомъ говорили агитаторы. Они указывали на необходимость единодушія и совѣтовали, какъ надо держаться. Нѣкоторыя горячія головы предлагали даже обрѣзать телефонные и телеграфные провода и задерживать поѣзда, чтобы прекратить сообщеніе Ростова съ другими городами, помѣшать доставкѣ войска и этимъ добиться удовлетворенія своихъ требованій. Говорили дальше представители 7.000 босяковъ. Они тоже указали на свое плохое житье, на недовольство русскими порядками и ждутъ только приказаній отъ рабочихъ, чтобы поучить богатѣевъ и ихъ полицію. Назначили слѣдующую сходку на завтра, и потомъ рабочіе съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ волнами направились въ городъ, домой. Я живу въ Ростовѣ 15 лѣтъ и никогда не забуду этого дня и думаю, что его будутъ помнить всѣ товарищи, бывшіе на этой сходкѣ; я слышалъ, какъ изъ тысячъ грудей вырывался могучій революціонный гимнъ, и думалъ, что всѣ мы возвращаемся съ народнаго праздника. Мнѣ казалось, что прежнее царство гнета и насилія уже похоронено и что мы, бодрые и сильные, вступаемъ въ новое царство добра и правды.

Тихорѣцкая. 13 ноября сюда пріѣхали делегаты отъ ростовскихъ стачечниковъ съ прокламаціями и предложеніемъ примкнуть къ стачкѣ. Тихорѣцкіе рабочіе заявили, что сейчасъ они забастовать не могутъ. Ростовскіе делегаты не выяснили, въ чемъ дѣло, и, обезкураженные первой неудачей, не поѣхали, какъ предполагали, въ Новороссійскъ, а вернулись въ Ростовъ. Между тѣмъ дѣло объяснилось просто. 14 была здѣсь получка, и рабочіе ждали ея, чтобы начать стачку съ деньгами въ карманѣ. 15-го началась забастовка. Требованія тѣ же, что и въ Ростовѣ.

16-го масса рабочихъ двинулась къ вокзалу, рѣшивъ съ первымъ поѣздомъ отправиться въ Ростовъ на сходку. Но казаки ихъ предупредили и загородили имъ дорогу на вокзалъ плотной стѣной. Тогда рабочіе двинулись вдоль по полотну, расчитывая вскочить на ходу. Но начальникъ станціи по соглашенію съ жандармами распорядился сразу пустить поѣздъ на всѣхъ парахъ, и рабочимъ не удалось привести въ исполненіе свой планъ.

Не попавъ въ Ростовъ, стачечники на слѣдующій день устроили сходку у себя. Она закончилась тѣмъ звѣрскимъ побоищемъ, о которомъ уже сообщалось во 2-мъ № „Красн. Знам."

Новороссійскъ. Заимствуемъ подробности о здѣшней стачкѣ изъ 13-го № Рев. Россіи.

„Въ виду стачки сюда было вызвано двѣ сотни казаковъ изъ Екатеринодара и рота солдатъ изъ Ставрополя; по Мефодіевскому (рабочій поселокъ) разъѣзжаютъ патрули. Неоднократно со стачечниками говорилъ вице-губернаторъ Березниковъ... На вопросъ Березникова: „чего вы хотите?" одинъ изъ рабочихъ ему очень мѣтко отвѣтилъ: „Развѣ вы не знаете, чего мы хотимъ? Мы уже неоднократно заявляли другимъ, что намъ нужно, и вамъ это хорошо извѣстно, а потому и повторять нечего!" Другой рабочій съ цементнаго завода сказалъ: „Посмотрите на нашихъ женъ и дѣтей, и вы увидите, чего намъ нужно. Мы всѣ въ теченіе цѣлаго года глотаемъ цементную и известковую пыль и мремъ отъ нея, получая съ бочки только по 3 коп., а вы спрашиваете, чего мы хотимъ? Чего вы хотите?—спрашиваю я васъ. Достаточно мундиры вашихъ окружающихъ обрызганы нашей кровью; если хотите еще, такъ нате, берите, пейте ее." При этомъ онъ распахнулъ куртку и открылъ грудь. Рабочіе закричали „ура" и спрятали его въ толпу отъ начавшихъ-было наступать казаковъ. Вообще надо отмѣтить громадное воодушевленіе не только самихъ рабочихъ, но и женъ, матерей и сестеръ, которыя на вопросъ, чего имъ нужно, отвѣчали: „Того же, что и нашимъ мужьямъ и братьямъ." До сихъ поръ еще никто не былъ арестованъ, и никакихъ насилій не было употреблено. Въ среду были расклеены заявленія за подписью Березникова съ убѣжденіемъ начать работу въ субботу 23-го ноября; въ противномъ случаѣ начнутся высылки по этапу на родину. Толпа сорвала и выпачкала грязью эти заявленія. Кромѣ того, въ городѣ расклеены извѣщенія не ѣздить на вокзальную сторону безъ особенной надобности, чтобы не мѣшать дѣйствіямъ полиціи. Рабочіе рѣшили не идти на работу въ субботу, а держаться дальше. Желѣзная дорога терпитъ громадные убытки. По всей линіи прекращенъ пріемъ грузовъ. Мѣстный желѣзнодорожный паркъ полонъ груженыхъ хлѣбомъ вагоновъ (1200 вагоновъ), и грузить некому. Элеваторъ не работаетъ. До 12 иностранныхъ пароходовъ стоятъ въ бездѣйствіи, ожидая конца стачки. Пароходы Русскаго Общества пар. и торг. и Россійскаго Общества приходятъ и уходятъ дальше, не разгрузившись и не принявъ грузовъ. На всѣхъ заводахъ и на всѣхъ пристаняхъ полная тишина и никакихъ работъ. Ходятъ слухи, что и здѣсь будетъ пущено въ ходъ оружіе."

Гомель. Всѣ здѣшніе рабочіе выразили сочувствіе ростовскимъ рабочимъ и протестъ противъ правительственнаго разбоя въ Ростовѣ—однодневной общей забастовкой. По тому же поводу были распространены прокламаціи. Городъ въ этотъ день находился въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Власти готовились къ демонстраціи: улицы были заняты полиціей и войскомъ; съ вечера было почти прекращено уличное движеніе. („Посл. Изв." Бунда, № 104).

Наступательный союзъ противъ соціалистовъ заключенъ рабочими-зубатовцами съ „видными представителями спб. высшаго общества". Это историческое событіе произошло 10 декабря въ засѣданіи и помѣщеніи отнынѣ знаменитаго „Русскаго Общества". Зала была полна „сановными, мундирными лицами", великосвѣтскими дамами, представителями печати изъ цеха разбойниковъ пера. И среди нихъ ввидѣ отдѣльной группы присутствовало 6 рабочихъ въ блузахъ въ качествѣ докладчиковъ и *почетныхъ гостей.*

Засѣданіе открылось докладомъ спб. зубатовца Соколова о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ рабочихъ. Затѣмъ произнесъ рѣчь выписанный спеціально изъ Москвы зубатовецъ и несомнѣнный шпіонъ Слѣповъ. Онъ просилъ „почтенное собраніе" обратить милостивое вниманіе на „образованіе рабочихъ, находящееся далеко не въ удовлетворительномъ видѣ, чѣмъ съ успѣхомъ пользуются злонамѣренныя личности для проведенія соціалистической пропаганды." „Несомнѣнно, ораторствовалъ онъ дальше, что поддержка въ матеріальныхъ нуждахъ рабочихъ составила бы лучшее опроверженіе злонамѣренной пропаганды въ ихъ средѣ. Эти фальшивые доброжелатели рабочихъ говорятъ обыкновенно, что жизнь улучшить они могутъ только посредствомъ бунтовъ, возмущеній, сопротивленія власти. Къ несчастью нашему, такое подстрекательство имѣетъ иногда успѣхъ, какъ всѣ знаютъ. Мирное улучшеніе быта рабочихъ лучше всего опровергаетъ агитаторовъ." Слѣповъ ссылался на примѣръ Москвы. Здѣсь, „несмотря на сильнѣйшую безработицу, соціалистическая пропаганда потеряла за послѣднее время всякій успѣхъ именно потому, что рабочіе начинаютъ уже организовываться въ общества взаимопомощи и потребителей и потому что сочувственное вниманіе власти обращено на нужды рабочихъ, давъ возможность устроить для нихъ общеобразовательныя чтенія." И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ перепечатать всей рѣчи, которую самъ Слѣповъ опубликовалъ въ „Моск. Вѣд." (15 декабря.)

„Почтенное собраніе" высказалось въ томъ смыслѣ, что надо задуматься надъ вопросомъ о рабочихъ и „дать рабочимъ возможность и способы выбиться изъ-подъ вліянія соціалистическаго ученія." Что за атмосфера была въ залѣ, можно судить по слѣдующему факту, сообщенному княземъ Мещерскимъ въ „Гражданинѣ" (№ 97). Всѣ рѣчи были до того пропитаны шпіонски-провокаторскимъ духомъ, что не выдержалъ даже нововременецъ Сигма и захотѣлъ нѣсколько освѣжить собраніе разговоромъ о фабричной инспекціи. Увы! попытка его встрѣтила энергичный отпоръ со стороны Слѣпова и К-о.

Будемъ ждать дальнѣйшихъ сообщеній о дѣятельности этого противосоціалистическаго союза. А пока небезынтересно будетъ отмѣтить трезвое сужденіе кн. Мещерскаго объ этомъ засѣданіи. „Зачѣмъ, разсуждаетъ князь, выводить рабочихъ искусственно изъ ихъ среды?... Пока моднымъ вопросомъ является цыганская пѣвица Вяльцева, это безобидно. Но когда въ моду входитъ вопросъ о десяткахъ тысячъ рабочихъ, нужно быть весьма осторожнымъ и осмотрительнымъ... Надо помнить (слушайте, г. Зубатовъ!), что въ этомъ вопросѣ есть огонь, а съ огнемъ (это прямо ужъ по вашему адресу!) изъ опасенія обжечься шутить не слѣдуетъ."

Какъ держать себя на допросахъ. Отказъ давать показанія жандармамъ—вотъ правило, обязательное теперь для каждаго революціонера. Такое поведеніе вызывалось раньше главнымъ образомъ соображеніями пользы—боязнью своими показаніями повредить дѣлу, невольно запутать товарищей. (См. напр., брошюру Бахарева). Но теперь въ виду общаго обостренія революціонной борьбы возможно и должно иначе обставить дѣло: отказы отъ показаній все чаще принимаютъ форму протеста противъ инквизіонныхъ пріемовъ жандармскаго дознанія. Очень многіе изъ лицъ, привлеченныхъ по дѣлу Сѣвернаго Рабочаго Союза, принципіально отказались не только отъ дачи показаній, но даже отъ поѣздокъ на допросъ въ жандармское управленіе. Такъ же держало себя и большинство изъ привлекавшихся по дѣлу о саратовской и нижегородской демонстраціяхъ. Нѣкоторыя организаціи заранѣе обязываютъ своихъ членовъ не только къ отказу отъ показаній, но и къ мотивировкѣ своего поступка принципіальнымъ нежеланіемъ имѣть дѣло съ жандармами.

Итакъ, не только отказъ отъ показаній изъ практическихъ соображеній, но полный отказъ имѣть дѣло съ жандармами, непризнаніе жандармскаго дознанія и требованіе гласнаго суда по политическимъ дѣламъ для гласнаго протеста противъ деспотизма — вотъ тотъ девизъ, который долженъ завоевать себѣ возможно больше сторонниковъ въ революціонной средѣ и получить самое широкое примѣненіе на практикѣ.

Изъ студенческаго движенія. Гора не пошла къ Магомету; тогда Магометъ пошелъ къ горѣ. Высланные въ Сибирь студенты дважды съ презрѣніемъ отвергли заигрыванія царскаго правительства: они отказались вступить въ сдѣлку съ жандармомъ Свят. Мирскимъ; часть ихъ отказалась воспользоваться разрѣшеніемъ вернуться въ Европ. Россію, пока оно не будетъ дано всѣмъ ихъ товарищамъ по дѣлу и ссылкѣ. И правительство спѣшитъ пойти навстрѣчу этому требованію студентовъ. 6-го декабря получаетъ разрѣшеніе вернуться изъ Сибири послѣдняя группа (58 чел.), оставленная-было тамъ до марта 1903 г. „Пока имъ жить въ городахъ съ высшими учебными заведеніями, сказано въ царской телеграммѣ, не слѣдуетъ, но всетаки нужно позаботиться, чтобы возвращенные молодые люди оказались по возможности на попеченіи своихъ семей, въ обстановкѣ, пріучающей къ порядку".

Разбросанные по разнымъ городамъ по возвращеніи изъ ссылки, студенты не станутъ, конечно, сидѣть сложа руки: блестящая побѣда ихъ надъ правительствомъ только окрылитъ ихъ, прибавитъ энергіи для дальнѣйшей борьбы. Но куда направить имъ свои силы? Для насъ на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: они должны идти въ ряды революціоннаго пролетаріата, борющагося подъ знаменемъ соціалдемократіи. Къ этому ихъ долженъ побуждать даже здравый политическій смыслъ: только пролетаріатъ до конца будетъ бороться за широкую демократическую свободу, къ завоеванію которой всегда стремилась передовая часть студенчества.

Мы со своей стороны должны начать самую широкую пропаганду своихъ идей въ средѣ учащейся молодежи. Еще недавно соціалдемократическое направленіе было преобладающимъ среди студентовъ. Еще нѣтъ года, какъ всероссійскій студенческій съѣздъ призналъ необходимымъ самую тѣсную связь студенческихъ организацій съ комитетами нашей партіи. Теперь замѣтно сильное теченіе въ обратную отъ соц.-демократіи сторону. Организація одесскихъ студентовъ заявляетъ по поводу постановленія съѣзда: „Въ призывѣ къ соединенію съ одной лишь соц.-дем. партіей мы видимъ существенно важную ошибку послѣдняго студенческаго съѣзда. Поставляя изъ своей среды отдѣльныхъ членовъ какъ для соц.-дем., такъ и для партіи соц.-революц., студенчество въ цѣломъ сходится съ обѣими партіями на почвѣ борьбы за политическую свободу". Такое же заявленіе сдѣлано и организаціей кіевскихъ студентовъ.

Въ смыслѣ вліянія на студенчество соціалдемократія имѣетъ теперь серьезныхъ соперниковъ въ лицѣ соц.-революціонеровъ и даже Освобожденія (не говоря уже о томъ, что ей приходится считаться съ распространеннымъ взглядомъ учащейся молодежи на себя, какъ на особую партію, составляющую авангардъ въ политической борьбѣ). И мы должны съ честью выйти изъ испытанія, пріобрѣтя себѣ въ студенчествѣ возможно большее число единомышленниковъ и соратниковъ.

Каково вообще теперь настроеніе учащейся молодежи? „Въ массѣ студентовъ-середняковъ особеннаго подъема настроенія нѣтъ; если эта масса не говоритъ о новыхъ забастовкахъ, такъ просто потому, что устала: если не обсуждаетъ вопросовъ академической жизни, то потому что эти вопросы ей уже надоѣли." „Вкусъ къ чисто студенческимъ безпорядкамъ, поглощающимъ массу силъ и энергіи, какъ будто теряется—сознательное организованное студенчество ищетъ формъ чисто политической борьбы". (Корр. изъ Кіева въ 14 № Рев. Росс.). „Теперь унизительно, заявляетъ кіевскій союзный совѣтъ, заниматься критикой министерскихъ циркуляровъ".

Очевидно, интересъ къ чисто университетскимъ вопросамъ исчезъ совсѣмъ. Вопросы политич. борьбы вполнѣ овладѣли умами студентовъ. Тѣмъ лучше! Тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ нашей пропаганды!

Движеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ маѣ на югѣ Россіи образовалась южнорусская группа учащихся среднихъ школъ. Въ августѣ по ея почину состоялся съѣздъ представителей учащихся изъ нѣсколькихъ южныхъ городовъ. На немъ была выработана программа дѣятельности. Центральный пунктъ ея состоитъ въ содѣйствіи изученію соціальнаго вопроса; для этого группа предполагаетъ устройство кружковъ самообразованія, изданіе собственнаго органа, распространеніе въ широкой массѣ учащихся какъ собственной, такъ и общерусской соціалдемократической литературы.

Духовныя семинаріи являются послѣдніе два года одними изъ самыхъ „безпокойныхъ" заведеній. Семинарскіе „бунты" вспыхиваютъ безпрерывно то въ одномъ, то въ другомъ городѣ. Недавно опять были крупные „безпорядки" въ одесской семинаріи. „Усмирять" семинаристовъ явился отрядъ казаковъ съ самимъ градоначальникомъ Шуваловымъ во главѣ. До сраженія однако не дошло. Семинарія закрыта.

Одесса. Газета мѣстнаго Комитета Соц.-Дем. Раб. Партіи „Рабочее Слово" выходитъ за послѣднее время регулярно разъ въ мѣсяцъ: 15 октября появился 2-ой №, 15 ноября—3-ій, 14 декабря—4-й. Газета составляется живо и разносторонне. Помѣщаются статьи на общія темы,—напр., правительство и крестьяне, памяти декабристовъ. Во 2 и 3 №№ помѣщена большая статья противъ пріѣхавшихъ въ Одессу съ проповѣдью зубатовскаго „соціализма" независимцевъ. Статья убѣждаетъ рабочихъ не посѣщать устраиваемыхъ независимыми собраній, не выступать съ возраженіями противъ нихъ, не вступать съ ними ни въ какія сношенія. „Если бы независимые старались провести свою экономическую программу безъ помощи жандармеріи, мы вступали бы съ ними въ споры, какъ съ заблуждающимися, но честными противниками. Но съ перваго же момента своего появленія на свѣтъ независимые дѣйствуютъ иначе. Чтобы провести въ жизнь свои взгляды, эти „новые друзья" рабочихъ соединились съ жандармеріей.... Вотъ почему у насъ не можетъ быть къ независимымъ такого отношенія, какъ къ другимъ идейнымъ противникамъ. Люди, прибѣгающіе къ союзу съ жандармами, могутъ вызывать въ насъ лишь ненависть и отвращеніе." Кромѣ статей, въ газетѣ помѣщенъ рядъ корреспонденцій съ одесскихъ фабрикъ и заводовъ, а также изъ другихъ городовъ южнаго района.

Въ Одессѣ все прочнѣе укореняется распространенный въ Западномъ Краѣ обычай устройства соціалистическихъ празднествъ и собраній. Такъ, въ сентябрѣ состоялось собраніе въ годовщину рожденія Лассаля (150 чел.); произнесены были рѣчи о значеніи общественной дѣятельности, о роли интеллигенціи въ рабочемъ движеніи и т. д. Въ день Интернаціонала состоялось собраніе въ 250 человѣкъ. Рядъ собраній былъ созванъ въ октябрѣ; были произнесены рѣчи объ отношеніи къ соц.-революціонерамъ и террору, о партійномъ объединеніи, о независимыхъ, о тяжеломъ положеніи рабочихъ въ отдѣльныхъ ремеслахъ и т. д. Собранія вызываютъ большое оживленіе среди рабочихъ и создаютъ приподнятое настроеніе.

Кромѣ Комитета въ Одессѣ работаетъ другая соц.-демократическая организація—Рабочая Воля. Она имѣетъ, какъ намъ сообщаютъ, довольно обширныя связи среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Дѣятельность ея внѣшнимъ образомъ проявляется въ выпускѣ прокламацій, напр., о независимыхъ, о чумѣ. Много силъ затрачиваетъ Раб. Воля на организаціонную работу.

Кишиневъ. Два года назадъ идеи соціализма впервые стали проникать въ среду кишиневскихъ рабочихъ. Сознательныхъ рабочихъ было тогда очень мало, недовѣріе къ нимъ со стороны рабочей массы было очень велико, полицейскія преслѣдованія крайне затрудняли ихъ работу. Несмотря на это, имъ удалось добиться значительныхъ успѣховъ—пріобрѣсти симпатіи широкихъ слоевъ кишиневскихъ рабочихъ, разбудить ихъ на борьбу съ хозяевами, внушить имъ ненависть къ царскому правительству. Движеніе за эти два года сильно выросло; задачи его осложнились. Все это побудило недавно мѣстныхъ соціалдемократовъ въ интересахъ дѣла убѣдить комитетъ, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ всю конспиративную и руководящую дѣятельность мѣстной соц.-дем. организаціи. „Учрежденіе Комитета, говорится въ выпущенномъ по этому поводу въ декабрѣ листкѣ, „вызвано разросшимся и у насъ движеніемъ; сама жизнь заставила насъ основать такое учрежденіе. И это тѣмъ болѣе необходимо, что въ послѣднее время событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ... Основывая Комитетъ, мы тѣмъ скорѣе, тѣмъ своевременнѣе будемъ откликаться на всѣ случаи протеста противъ звѣрской политики царскихъ палачей. Но не забывайте, товарищи, что дѣятельность Комитета будетъ плодотворна только при общей дружной поддержкѣ всѣхъ васъ".—Кромѣ этой прокламаціи, новый Комитетъ, выступившій пока лишь, какъ Комитетъ мѣстной организаціи, а не какъ КомитетъПартіи, выпустилъ еще другую—о ростовскихъ событіяхъ. Обѣ прокламаціи исполнены типографскимъ способомъ.

На-дняхъ у насъ хоронили мальчика рабочаго, задавленнаго машиной. Провожали рабочіе. Похоронная процессія встрѣтилась съ другой, въ которой участвовали буржуа. Послѣдніе стали осыпать рабочихъ насмѣшками. Тогда рабочіе выстроились въ ряды и въ числѣ болѣе 100 чел. прошли мимо озадаченныхъ обывателей съ криками: „Долой самодержавіе"! На кладбищѣ были произнесены рѣчи.

Николаевъ. Въ 20-хъ числахъ ноября послѣ 5-лѣтняго перерыва вышелъ 4-ый № мѣстной рабочей газеты „Наше Дѣло". О задачахъ газеты издающій ее Николаевскій Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи говоритъ такъ: „Мы будемъ внимательно слѣдить за всѣми темными сторонами и случаями изъ жизни рабочаго люда. Всякое притѣсненіе и угнетеніе трудящагося люда, будь то фабричный рабочій, ремесленникъ, сельскій рабочій или разоренный крестьянинъ, приказчикъ или поденный рабочій въ порту,—получитъ у насъ мѣсто и будетъ надлежащимъ образомъ освѣщено. Мы постараемся по мѣрѣ силъ и возможности выяснять причины всѣхъ темныхъ явленій изъ жизни рабочаго люда и указывать средства для уничтоженія зла." Затѣмъ Комитетъ приглашаетъ рабочихъ къ живому сотрудничеству въ газетѣ. Номеръ составленъ интересно. Передовица, посвященная вопросу о безработицѣ, заканчивается такимъ призывомъ: „Широ-

кимъ моремъ заливаетъ теперь страну голодъ и безысходная нужда, но пусть такимъ же широкимъ моремъ зальетъ умы всѣхъ рабочихъ сознаніе, что имъ нужна война съ самодержавіемъ за народное самоуправленіе, за право свободно объединяться для борьбы съ капитализмомъ". За передовицей слѣдуетъ богатая фактами хроника мѣстной рабочей жизни.

Изъ другихъ событій въ Николаевѣ за послѣднее время можно упомянуть о распространеніи прокламацій къ новобранцамъ (1000 экз.) и къ казакамъ (500 шт.). Вообще нужно сказать, что рабочее движеніе въ Николаевѣ сравнительно мало развито, и здѣсь предстоитъ еще очень много работы.

Самара. Въ Самарѣ съ 1896 г. не велось систематической соц.-демокр. работы. Правда, иногда устраивались кружки, велись занятія. Но это носило совершенно случайный характеръ. Въ 99 г. дѣло стало-было налаживаться, но неудавшаяся попытка отпраздновать маевку опять надолго все задержала. Что касается воздѣйствія на широкія рабочія массы, то этого здѣсь и въ заводѣ не было. А между тѣмъ работы въ Самарѣ вовсе не мало. Конечно, это городъ торговый, а не промышленный: крупныхъ фабрикъ и заводовъ, кромѣ мельницъ, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и жигулевскаго пивного завода, здѣсь не имѣется. Но за то во всѣхъ здѣшнихъ заведеніяхъ условія труда крайне плохія, даже по сравненію съ сосѣдними городами, и матеріалу для агитаціи на экономической почвѣ представляютъ немало. Это вопервыхъ. Вовторыхъ, если Самара не изобилуетъ фабрично-заводскимъ пролетаріатомъ, то въ ней, особенно лѣтомъ, скопляется громадное количество чернорабочихъ—грузчиковъ, работающихъ на пристаняхъ. Затѣмъ Самара является центромъ скопленія и наемки сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, въ Самарѣ много интеллигентныхъ силъ: этотъ городъ не ограничивается для житья отбывшимъ ссылку, и здѣсь ихъ всегда собирается непочатый уголъ.

Теперь самарцы намѣрены серьезно приняться за соц.-демокр. работу. За самое послѣднее время здѣсь образовался Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи, обратившійся уже къ самарскимъ рабочимъ и работницамъ съ нѣсколькими прокламаціями. Въ одной изъ нихъ онъ излагаетъ свои задачи. „Комитетъ, говорится тамъ, это организованный отрядъ рабочей арміи. Онъ состоитъ изъ сознательныхъ рабочихъ и людей, посвятившихъ свою жизнь дѣлу свободы и счастья рабочихъ, дѣлу лучшаго будущаго всего народа." „Въ своей практической ежедневной работѣ, говорится дальше, Комитетъ опирается на мѣстныя назрѣвшія нужды рабочихъ массъ. Направляя и развивая самосознаніе самарскихъ рабочихъ, указывая имъ на ихъ непосредственныхъ враговъ, Комитетъ будетъ постоянно связывать ихъ борьбу съ борьбой всего рабочаго класса Россіи... будетъ указывать связь этихъ (мѣстныхъ) насильниковъ съ насильниками и эксплуататорами всей страны." Комитетъ не думаетъ ограничивать своей дѣятельности исключительно рабочей средой: онъ предполагаетъ „внести свой вольный призывъ" и въ тяготѣющія къ Самарѣ крестьянскія массы; онъ предполагаетъ „бичевать позорное равнодушіе" мѣстнаго сочувствующаго общества къ бѣдствіямъ народа и „подталкивать къ болѣе дѣятельному проявленію гражданской энергіи."

Воронежъ. Здѣсь только что образовался Комитетъ Соц.-Дем. Партіи. Въ послѣднихъ числахъ ноября онъ выпустилъ три прокламаціи (печатныя)—одну объ общихъ задачахъ Соц.-Дем. Партіи, другую—о либеральномъ движеніи вообще и о дѣятельности мѣстныхъ либераловъ Бунакова и Мартынова въ частности, третью—о ростовскихъ событіяхъ. Прокламація были встрѣчены рабочими съ радостью и читались на расхватъ. Комитетъ отъ имени рабочихъ послалъ сочувственное привѣтствіе ростовскимъ стачечникамъ. Вообще ростовскія событія вызвали здѣсь въ рабочей средѣ очень оживленные толки; нѣкоторые рабочіе отсюда, а также изъ Екатеринослава, ѣздили въ Ростовъ спеціально затѣмъ, чтобы посмотрѣть самимъ, что тамъ творится, — побывать на сходкахъ, послушать ораторовъ.

Если въ рабочей средѣ у насъ за послѣднее время наблюдается особенное оживленіе, то въ либеральномъ обществѣ теперь наступило затишье. Мартыновъ, какъ извѣстно, не выдержалъ и двухъ недѣль заключенія и послалъ изъ тюрьмы на имя Витте покаянное письмо. Но это не подѣйствовало: онъ былъ отправленъ на 3 года въ Арханг. губ. Тамъ его встрѣтили съ распростертыми объятіями. Бунаковъ вмѣсто Новгородской губ. поселенъ въ своемъ имѣніи безъ права выѣзда оттуда; причина такой перемѣны — та, что правительство прослышало о готовящейся въ честь его въ Новгородѣ встрѣчѣ и рѣшило предупредить ее.

О послѣдней вспышкѣ здѣшняго либеральнаго движенія другой корреспондентъ сообщаетъ слѣдующее.

Засѣданія губернскаго земскаго собранія не могли состояться въ теченіе нѣсколькихъ дней: не являлось достаточнаго числа гласныхъ. Публика недоумѣвала, въ чемъ дѣло, почему у гласныхъ пропалъ интересъ къ земскимъ дѣламъ. Ларчикъ открывался просто: это либеральные земцы хотѣли протестовать противъ непрошеннаго вмѣшательства правительства въ дѣла здѣшнихъ комитетовъ. Такъ они объясняли свое отсутствіе, но только „своимъ" и подъ глубочайшимъ секретомъ. Заявить же о своемъ протестѣ публично не хватило гражданскаго мужества. „Секретная" забастовка скоро прекратилась, и либеральные земцы покорно принялись посѣщать собраніе.

Кіевъ. Въ декабрѣ забастовало 110 портныхъ на Подолѣ, работающіе на магазины готоваго платья. Держались около мѣсяца, требовали 12-тичасового рабочаго дня (отъ 8 до 8; раньше было 18—19 ч.) и увеличенія платы на 25%. Стачечниковъ поддерживали всѣ рабочія кассы (столяровъ, типографщиковъ, касса союза портныхъ), а также собрано было до 100 руб. Одновременно съ ними была стачка 70 дамскихъ портныхъ, продолжавшаяся недѣлю. Обѣ стачки кончились побѣдой рабочихъ.

Во время недавней общей стачки наборщиковъ въ Житомирѣ сюда пріѣхали хозяева типографій вербовать штрейкбрехеровъ. Они ошиблись въ расчетѣ—хорошіе профессіональные наборщики отказались ѣхать. Удалось уговорить только такихъ, которые лапти плетутъ, а не набираютъ.

5-го ноября, полугодовщину смерти Балмашева, студенты въ университетѣ чествовали прекращеніемъ занятій. Вечеромъ въ драматическомъ театрѣ была сдѣлана попытка устроить манифестацію по тому же поводу, но неудачно. Человѣкъ 5 на галереѣ было арестовано, но черезъ нѣсколько дней выпущено.

Кіевскій Комитетъ приступилъ къ изданію Летучаго Листка.

Красноярскъ. 1 ноября рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ послѣ свистка бросили работу. Забастовка была вызвана отмѣной выдачи рабочимъ безплатныхъ билетовъ. Когда объ этомъ стало извѣстно, рабочіе сначала пошли къ жандармскому офицеру. Тотъ сталъ ихъ умасливать: „Желѣзнодорожная администрація не права; я вамъ все устрою; только ведите себя спокойно." Рабочіе рѣшили ждать, но скоро поняли, что ихъ только по губамъ помазали, и забастовали, сначала котельный, а потомъ и другіе цеха. Рабочіе депо не хотѣли присоединиться къ стачкѣ; ихъ силой выгнали изъ мастерскихъ. Тогда завѣдующій мастерскими инж. Клачковскій вывѣсилъ объявленіе о закрытіи мастерскихъ „впредь до особаго распоряженія". Этимъ онъ хотѣлъ пустить пыль въ глаза: намъ, дескать, наплевать на то, что вы бросили работу; вы же сами придете просить объ открытіи мастерскихъ. Клачковскій ошибся въ расчетѣ: ни одинъ изъ рабочихъ къ нему не явился. Тогда 6-го по его просьбѣ губернаторъ выпустилъ такое объявленіе: „Закрытыя ввиду появившейся въ Красноярскѣ крамолы мастерскія открываются вновь. 7-го рабочіе обязаны вновь приняться за работу. Ослушники получатъ расчетъ, а кто не будетъ пускать работать другихъ, тотъ или будетъ засаженъ въ тюрьму, или высланъ въ отдаленнѣйшія губерніи". Съ своей стороны администрація увѣрила рабочихъ, что министерство соглашается исполнить ихъ требованіе: отмѣнить распоряженіе о билетахъ. Стачка была прекращена, но 9-го чуть-было не началась снова: этому помѣшали казаки и полиція. 9-го же полученъ былъ отвѣтъ отъ министра: удовлетворить всѣ требованія. Администрація объявила объ этомъ рабочимъ только 12-го числа. *)

Красноярскій Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи выпустилъ двѣ прокламаціи съ призывомъ къ стачкѣ и 15 во время самой стачки.

Средствъ для поддержки стачечниковъ не было. „Общество" отнеслось къ стачкѣ совершенно равнодушно и за это было заклеймено въ особыхъ прокламаціяхъ, которыя 14-го были расклеены по улицамъ и разбросаны въ театрѣ. Полиція спохватилась поздно и ограничилась тѣмъ, что переписала всѣхъ бывшихъ въ театрѣ гимназистовъ и гимназистокъ. Но ей на подмогу явился сыщикъ-доброволецъ Леонтьевъ; онъ показалъ, что листки распространяли фельдшерица Натансонъ, ученикъ жел. дор. училища Соколинскій и двѣ гимназистки. Началось дознаніе, пошли допросы. Натансонъ привлечена къ отвѣтственности.

Азовъ. Въ октябрѣ въ порту началась усиленная работа вслѣдствіе обычнаго осенью скопленія грузовъ. Такъ какъ опытныхъ рабочихъ рукъ не хватало, то подрядчики до послѣдней степени увеличили трудъ наличныхъ грузчиковъ. Обыкновенно разгрузка или нагрузка сдается цѣлой артели съ обязательствомъ исполнить подрядъ въ опредѣленный срокъ. Теперь сроки стали назначаться непосильно короткими; плата же за работу стояла чрезмѣрно низкая.

Среди портовыхъ рабочихъ имѣются спропагандированныя лица; черезъ нихъ въ это время проникли въ портъ ростовскія прокламаціи по поводу повѣшенія трехъ мѣщанъ за убійство городового. Грузчики, и раньше почитывавшіе нелегальщину, встрѣтили прокламаціи очень сочувственно. Тогда азовскіе товарищи выпустили прокламаціи къ портовымъ рабочимъ и одновременно къ крестьянамъ окрестныхъ деревень (на тему о крестьянскихъ волненіяхъ въ Харьк. и Полт. губ., а также подъ Екатеринодаромъ). Кромѣ того, по городу были расклеены и разосланы по домамъ прокламаціи „къ гражданамъ" общаго политическаго содержанія (800 экз.)

Прокламаціи создали въ порту возбужденную, благопріятную для стачки атмосферу. 50 „бунтарей" (отъ слова „бунтъ"—складъ

*) Стачка по тому же поводу была въ Омскѣ и готовилась въ Нижнеудинскѣ.

мѣшковъ) бросили работу и потребовали увеличенія или поденной платы, или же числа рабочихъ въ артели. Они убѣждали товарищей примкнуть къ стачкѣ. Но они сейчасъ же получили расчетъ. Въ Азовѣ скопилась теперь масса безработныхъ, и подрядчикъ предпочелъ замѣстить ими непокорныхъ рабочихъ, мирясь съ отсутствіемъ у нихъ навыка для портовой работы. Дальнѣйшую очистку порта отъ зловредныхъ элементовъ взяла на себя жандармерія. Начались обыски и аресты. Арестовано, между прочимъ, 3 интеллигента и отвезены въ ростовскую тюрьму.

Батумъ. Рабочіе Ротшильда, которые весной прошлаго года такъ блестяще вели стачку, снова забастовали. 9 дек. они заявили директору слѣдующія требованія: 1) каждому рабочему должна даваться на рождество награда въ размѣрѣ его ежемѣсячнаго заработка; 2) всѣ штрафныя деньги, которыя фирма Ротшильда взыскала за все время своего существованія съ рабочихъ (отъ 500 до 700 тыс. руб.) раздать рабочимъ. Дирекція, разумѣется, не согласилась на эти требованія и заявила 21-го дек. расчетъ всѣмъ рабочимъ. Теперь всѣ заведенія Ротшильда наполнены солдатами, такъ какъ дирекція боится поджоговъ и т. д. Послѣ новаго года будутъ наняты новые рабочіе и, какъ дирекція заявила, никто изъ прежнихъ не получитъ работы. Къ сожалѣнію, нѣкоторые трусливые рабочіе начинаютъ выдавать главарей, чтобы такимъ образомъ выслужиться передъ дирекціей и жандармеріей. Но такихъ „молодцовъ" немного; въ скоромъ времени устроятъ имъ „овацію".

Баку. Какое хорошее вліяніе оказываютъ на мѣстныхъ рабочихъ пришлые изъ болѣе культурныхъ губерній, болѣе требовательные и менѣе склонные безпрекословно подчиняться хозяйскому гнету,—показываетъ слѣдующій случай.

На ткацкой фабрикѣ Тадѣева большинство рабочихъ туземцы — грузины, татары и даже персіяне. Условія работы и жизни самыя отвратительныя. При фабрикѣ устроены казармы для семейныхъ рабочихъ, но за недостаткомъ жилыхъ помѣщеній вблизи фабрики въ этихъ казармахъ живутъ также и холостые. На комнату приходится 16—18 человѣкъ. Плата сдѣльная, по 1 коп. за аршинъ. Пользуясь некультурностью рабочихъ-туземцевъ, фабричная администрація систематически ихъ обсчитывала и обмѣривала. Но вотъ на фабрикѣ появилось человѣкъ 30 рабочихъ изъ Шуи, Владим. губ. Сейчасъ же начались недоразумѣнія между ними и управляющимъ фабрикой. Рабочіе протестовали противъ отсутствія воды на фабрикѣ, противъ грязной негигіенической обстановки; наконецъ, поднялся ропотъ по поводу обсчитыванія при расчетѣ. Рабочіе забастовали, требуя полной оплаты за сработанное. Уладить неудовольствіе домашними средствами управляющему не удалось. Рабочіе настояли на вызовѣ фабричнаго инспектора. Перемѣрили при немъ куски, и оказалось, что въ каждомъ кускѣ не оплачивалось по крайней мѣрѣ 6 арш. Хозяинъ принужденъ былъ уступить рабочимъ, но, чтобы на будущее время избѣжать подобныхъ исторій, онъ рѣшилъ распрощаться съ владимирцами. Онъ заплатилъ имъ за двѣ недѣли впередъ, выдалъ еще на дорогу въ Шую и на прощанье пожелалъ имъ не возвращаться обратно. И вотъ, всколыхнувъ на время тадѣевское болото, владимирцы отправились домой. А на фабрикѣ все вошло въ прежнюю колею. Только надолго ли? Примѣръ владимирцевъ не прошелъ безслѣдно для ихъ товарищей—туземцевъ.

Пропаганда нѣмецкихъ хозяевъ среди русскихъ рабочихъ. Осенью въ Гамбургѣ была большая стачка строительныхъ рабочихъ. Хозяевами были разосланы гонцы во всѣ концы на поиски рабочихъ рукъ для замѣны стачечниковъ. Нѣкоторые изъ вербовщиковъ отправились въ Россію. Тамъ имъ удалось найти охотниковъ ѣхать въ Гамбургъ. Нѣмецкіе хозяева, узнавъ о пріѣздѣ русскихъ рабочихъ, потирали руки, расчитывая всласть поналситься на ихъ счетъ. Они прежде всего позаботились совершенно отдѣлить ихъ отъ вреднаго вліянія нѣмецкихъ товарищей. Затѣмъ обманомъ заставили подписать новыя условія найма, стали донимать непомѣрными штрафами и беззаконными вычетами. Не вытерпѣли русскіе рабочіе и подали жалобу на хозяевъ русскому консулу. „Передъ отъѣздомъ сюда мы справлялись, не стачка ли здѣсь. Насъ увѣрили, что стачки нѣтъ... Теперь намъ здѣшніе рабочіе не даютъ проходу, и мы за это на нихъ не можемъ претендовать, не вправѣ требовать иного къ себѣ отношенія. Мы видимъ, въ какое положеніе мы, явившись сюда, поставили нашихъ товарищей, борющихся за лучшія условія найма. И мы ни одного бы дня здѣсь не пробыли, если бы получили возможность выбраться отсюда." Нѣсколько разъ обращались русскіе рабочіе къ консулу за содѣйствіемъ, но, конечно, безъ всякаго результата. Кто-то надоумилъ ихъ обратиться въ промысловый судъ*) съ жалобой на хозяевъ за нарушеніе контракта. И судъ не только расторгъ договоръ найма, но и обязалъ хозяевъ выдать рабочимъ деньги на обратный путь. Вернувшись домой, штрейкбрехеры по неволѣ и другу, и недругу не посовѣтуютъ ѣздить впередъ срывать стачки.

За тюремной стѣной. Не такъ давно еще многіе революціонеры смотрѣли на тюрьму, какъ на мѣсто отдыха. Теперь не то. Теперь борьба съ воли переходитъ и въ угрюмыя тюремныя стѣны. Голодовки и всякіе другіе протесты противъ тюремныхъ порядковъ не прекращаются. Конечно, и тюремщики не остаются въ долгу и отвѣчаютъ на это новыми преслѣдованіями, иногда прямо звѣрствами. Борьба одесскихъ политическихъ заключенныхъ и ужасная расправа съ ними еще жива у всѣхъ въ памяти. Свѣдѣній о подобныхъ фактахъ можно сколько угодно найти на страницахъ нелегальной печати. Вотъ два новыхъ факта изъ той же области

Изъ Москвы пишутъ: „Недавно въ нашу тюрьму перевели изъ Смоленска 13 чел., 3 инт. и 10 раб. за безпорядки въ смоленской тюрьмѣ, происшедшіе 1-го сентября. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ одинъ изъ переведенныхъ: „Во время прогулки надзиратель сказалъ политическому дерзость. Когда мы замѣтили, что онъ не имѣетъ права говорить дерзости, надзиратель отвѣтилъ, что не только воленъ говорить намъ дерзости, но что, если даже пробьетъ голову одному изъ насъ, то и въ такомъ случаѣ будетъ правъ. Мы потребовали начальника, но послѣдній не счелъ нужнымъ явиться. Тогда кто-то подалъ мысль начать пѣть; остальные уцѣпились за это предложеніе и запѣли: „Вставай, подымайся..." Начальникъ, зная, каковы были передъ тѣмъ наши взаимныя съ нимъ отношенія, перетрусилъ и, вызвавъ конвой, не входя въ разбирательство нашего заявленія, подъ защитой полсотни конвоировъ изрекъ намъ приговоръ: мы подлежали заключенію въ карцеръ на трое сутокъ, лишенію горячей пищи на то же время и лишенію прогулки и свиданій въ теченіе трехъ недѣль. Это хоть кого бы взбѣсило. Мы рѣшили вызвать губернатора. Такъ какъ начальникъ тюрьмы не хотѣлъ сдѣлать этого добровольно, то мы стали продолжать скандалъ. Къ намъ присоединились 6 человѣкъ политическихъ подслѣдственныхъ; мы 3 дня пѣли, кричали „караулъ" и т. под. На третій день явился помпадуръ и, отобравъ отъ насъ заявленіе, уѣхалъ, оставивъ насъ въ самомъ хорошемъ настроеніи, а 4-го, смотримъ, вызываютъ насъ по одиночкѣ въ контору, объявляютъ о переводѣ въ Москву и обратно въ камеры не пускаютъ. Сначала мы хотѣли запротестовать, но слишкомъ ужъ много было конвоировъ, да, по совѣсти говоря, и рады были переводу, такъ какъ самыя мрачныя ожиданія не могли быть хуже смоленской дѣйствительности. Здѣсь обращались съ нами до нельзя возмутительно. Рабочихъ прямо били на допросахъ въ жандармскомъ управленіи."

Примѣръ политическихъ заразительно дѣйствуетъ на уголовныхъ и увлекаетъ ихъ на поддержку протестовъ политическихъ. Политическіе въ свою очередь пробуютъ организовать протесты уголовныхъ и руководить ими, какъ это имѣло мѣсто въ митавской тюрьмѣ. Вотъ что намъ сообщаетъ объ этомъ латышскій „Соціалдемократъ" (№ 9. Борьба въ темномъ царствѣ.)

О порядкахъ въ митавской тюрьмѣ и ея начальникѣ Гаазе можно судить по тому, что онъ въ прошломъ году довелъ до самоубійства 18-лѣтняго гимназиста Крейера. Переведенные сюда изъ Либавы латыши Ролау съ товарищами рѣшили бороться съ Гаазе и объявили голодовку. Побѣда оказалась на ихъ сторонѣ: Гаазе уступилъ. Этотъ фактъ произвелъ впечатлѣніе на уголовныхъ: они стали внимательно слѣдить за дѣйствіями политическихъ. Послѣдніе, продолжая борьбу съ Гаазе, со своей стороны рѣшили привлечь къ ней и уголовныхъ и обратились къ нимъ съ предложеніемъ устроить общую стачку. Была составлена совмѣстно „внутренняя конституція" изъ 8 требованій. Главныя изъ нихъ—прогулка два раза въ день, улучшеніе пищи на казенный счетъ, свиданія безъ рѣшетокъ, устройство лѣтомъ судебныхъ засѣданій для сокращенія времени подслѣдственнаго заключенія и т. д. Въ случаѣ отказа рѣшено было бунтовать — разбивать казенную мебель. 4-го іюля „конституція" была предъявлена тюремному начальству. Поднялся ужасный переполохъ; пошли допросы, дознаніе. Къ несчастью въ это время увезли въ Сибирь душу всего движенія, Ролау. Съ его отъѣздомъ движеніе прекратилось. Попытка Ролау заслуживаетъ серьезнаго вниманія и подражанія.

Полтава. На дняхъ вышелъ приговоръ студенту Бауміштейну—5 лѣтъ Вост. Сибири. Онъ, встрѣтившись по дорогѣ изъ Карловки въ Полтаву съ поѣздомъ солдатъ, отправленныхъ на усмиреніе крестьянскаго бунта, сказалъ имъ нѣсколько словъ, совѣтуя не стрѣлять въ крестьянъ. До сихъ поръ онъ сидитъ, и его не выпустятъ, а прямо изъ тюрьмы увезутъ въ Сибирь.

Вологда. Губернаторъ Муравьевъ запретилъ ссыльнымъ провожать товарищей на вокзалѣ и на пристаняхъ, и не то, что скопомъ, но и въ одиночку. Нѣсколько товарищей отказались подчиниться этому незаконному распоряженію и за это были разосланы по уѣздамъ. Одна изъ нихъ, назначенная въ Сольвычегодскъ, отравилась. Ее удалось спасти, и министерство разрѣшило ей уѣхать на родину.

Провалы. Крупные аресты были за послѣдніе два мѣсяца въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Казани и Екатеринославѣ. Въ Москвѣ забрали до 60 человѣкъ. Въ Харьковѣ брали въ нѣсколько пріемовъ.

*) Промысловый судъ состоитъ изъ выборныхъ представителей отъ хозяевъ и рабочихъ для разбора дѣлъ, касающихся условій труда и найма. Требованіе устройства подобныхъ судовъ должно войти въ россійск. соц.-демокр. программу.

Изъ Чернигова намъ пишутъ: „3 декабря здѣсь взята тайная типографія. При ней арестовано двое мужчинъ и одна женщина. На обыскѣ присутствовала чуть не вся черниговская полиція съ губернаторомъ, полицмейстеромъ и жандармскимъ полковникомъ во главѣ. По городу ходили слухи объ арестѣ фальшивыхъ монетчиковъ, но правда скоро обнаружилась.“

Въ декабрѣ взяты еще тайныя типографіи въ Екатеринославѣ и Житомірѣ.

Съ шахтъ и заводовъ южнаго горно-заводскаго района *).

ЮЗОВКА. *Успенскій каменно-угольный рудникъ.* 14 декабря 1902 года на рудникѣ разразилась страшная катастрофа, стоившая жизни 68 шахтерамъ. Въ ночь съ 13-го на 14-е въ шахтѣ № 12 произошелъ пожаръ, — загорѣлись подшипники у лебедки, находившейся въ 30 саж. отъ ствола. Замѣтили пожаръ, когда ужъ загорѣлись подпорки. Пока достали воды, вся проходка была объята пламенемъ, и доступъ для шахтеровъ къ стволу № 12 былъ прегражденъ. Поднялась суматоха: стали сбѣгаться жены, дѣти шахтеровъ, погребенныхъ въ шахтахъ. Явилось и начальство. Надежды не было никакой. Ни одинъ изъ шахтеровъ не могъ спастись, такъ какъ шахта № 12 *не имѣла самостоятельнаго запаснаго выхода, такъ назыв. „шурфа“*, вопреки горнымъ правиламъ, которыя требуютъ устройства „шурфовъ“ на случай пожара, наводненія или взрыва. Правда, № 12 соединяется на разстояніи 300 саж. съ шахтою № 10, но это не предохраняетъ въ случаѣ несчастья тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ, напр., на коренной продольной на востокѣ. Такъ и было въ данномъ случаѣ: заживо погребенные шахтеры не могли бѣжать къ шахтѣ № 10, такъ какъ на пути ихъ бушевало пламя возлѣ ствола № 12. Надо замѣтить, что подобная *экономія* имѣетъ мѣсто на многихъ рудникахъ и не первый разъ служитъ причиной гибели массы шахтеровъ. Часовъ въ 9 утра инженеръ и штейгера рѣшили закупорить оба ствола (№ 12 и № 10), чтобы прекратить доступъ воздуха и потушить пожаръ. При этомъ происходили душу раздирающія сцены: женщины силой не давали забивать шахты, на колѣняхъ умоляли пощадить ихъ мужей. Говорятъ, что инженеръ, отдавшій это распоряженіе, заявилъ: „*Намъ необходимо прежде всего спасти уголь въ шахтѣ, рабочіе все равно уже не выскочатъ; если они задохнутся, ихъ можно еще привести въ чувство, если же это не удастся,—на ихъ мѣсто найдутся другіе*“. Въ 4 ч. дня стволы почему-то опять открыли. Такимъ образомъ, шахта въ теченіе 9 часовъ была закупорена, и многіе изъ шахтеровъ, которые могли бы продержаться долго подъ землею,—задохлись моментально. Только 13 чел. удалось привести въ чувство (ихъ извлекли на третьи сутки). Погибло *68 человѣкъ*, спасено, кромѣ 13 приведенныхъ въ чувство, 45. Пріѣхалъ вице-губернаторъ и обратился къ семьямъ погибшихъ съ рѣчью: „Молитесь не только за вашихъ покойниковъ—братьевъ и отцовъ, молитесь также и за покойника Успенскаго, отца вашего хозяина; онъ вашъ благодѣтель, такъ какъ застраховалъ шахтеровъ; вамъ выдадутъ крупное пособіе“. Но слова губернатора не оправдались: страховое общество отказывается платить деньги, такъ какъ Успенскій нарушилъ полисное условіе, не устроивъ въ шахтѣ „шурфа“. Картины нужды и отчаянія ужасны: въ каждомъ домикѣ шахтера вдовы, вопли отчаянія, плачъ. Ѣсть многимъ нечего. Трупы похоронены, шахты заколочены — что же будетъ съ семьями погибшихъ?

Прохоровскіе рудники. Работаетъ на рудникахъ больше двухъ тысячъ человѣкъ. Постоянныхъ рабочихъ мало. Вслѣдствіе низкой платы и каторжныхъ условій рабочіе постоянно перекочевываютъ на другіе рудники. Кризисъ сначала слабо отразился на числѣ рабочихъ, но въ послѣднее время ихъ увольняютъ массами. Сильно повысилась интенсивность труда: уроки забойщикамъ увеличились въ полтора раза. Въ тоже время заработная плата упалана 20—30%. Всѣ шахтеры дѣлятся на поденныхъ — конторскихъ и на артельныхъ, работающихъ сдѣльно отъ подрядчиковъ. Конторскихъ человѣкъ 500, остальные артельные: это забойщики, саночники, вагонщики. Подрядная система работъ заслоняетъ отъ шахтеровъ его истинныхъ эксплуататоровъ, съ другой стороны, дробя рабочихъ на мелкія группы, мѣшаетъ ихъ совмѣстной борьбѣ съ капиталистами. Подрядчики же, такъ называемые „артельщики“, сильно эксплуатируютъ рабочихъ, наживая въ мѣсяцъ 100—200 руб. Рабочіе въ среднемъ зарабатываютъ 20—35 р., при этомъ масса всевозможныхъ вычетовъ, непомѣрные штрафы, обсчитываніе на числѣ „упряжекъ“. Нѣтъ мѣсяца, чтобы у шахтера не пропала упряжка. А чтобы онѣ не пропадали, приходится давать взятки десятскимъ. Они вынуждаютъ у шахтеровъ взятки и другими способами: переводятъ рабочихъ на болѣе тяжелую работу, придираются къ рабочимъ, отказываютъ въ заработкѣ, пока не добьются своего. Большинство штрафовъ — за невыходъ на работу — въ размѣрѣ 1 руб. Куда идутъ штрафы, никому неизвѣстно, ежемѣсячныхъ отчетовъ о движеніи штрафного капитала ни на одномъ рудникѣ не вывѣшивается. Рабочій день 12 час. (безъ обѣда), спускъ въ шахту занимаетъ еще 1/2—1 ч. Въ мѣсяцъ свободныхъ сутокъ у шахтеровъ только двое; въ праздники работа въ шахтахъ начинается съ вечера. Въ шахтахъ нѣтъ самыхъ примитивныхъ приспособленій; постоянные несчастные случаи, главнымъ образомъ вслѣдствіе обваловъ. За 1902 г. число несчастныхъ случаевъ—1277. Условія работы въ шахтахъ невозможныя: сквозняки, сырость, отсутствіе вентиляціи; въ старыхъ шахтахъ много воды: въ одной изъ шахтъ приходится работать при 30° жары.

Рудничное начальство обращается съ рабочими крайне грубо, самая отборная ругань слышится то и дѣло. Холостыя квартиры — „балаганы“ и семейныя — „каютки“ поражаютъ тѣснотой и отсутствіемъ воздуха, неуютностью, грязью. Глейщики и глейщицы ночуютъ въ неразделенномъ перегородками балаганѣ, валяясь всѣ вмѣстѣ на грязныхъ нарахъ. За послѣднее время полиція то и дѣло совершаетъ ночные обходы и набѣги на „балаганы“. Читаютъ рабочіе преимущественно лубочную литературу. Библіотека на сосѣднихъ рудникахъ закрыта по распоряженію начальства. Послѣдній разъ крупные безпорядки на Прохоровскихъ рудникахъ были въ октябрѣ 1900 г. изъ-за заработной платы. По рукамъ ходили прокламаціи, но въ небольшомъ числѣ. Казаки тогда произвели страшное избіеніе шахтеровъ.

Марковскій рудникъ. При открытіи церкви мѣстный священникъ сказалъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ служащихъ и рабочихъ не обижать своего хозяина ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже въ мысляхъ, а оказывать ему безпрекословное послушаніе. На случай, если бы рабочіе не послѣдовали добрымъ совѣтамъ священника, на рудникѣ содержится казацкая сотня.

Горловка. Въ ноябрѣ найдены мертвыми въ степи 2 шахтера, шедшихъ изъ Харцызска въ поискахъ работы. Умерли отъ истощенія.

Чулковскій рудникъ Рутченковскаго Гор-го О-ва. (800 рабоч.) Благодаря директору-распорядителю Авдакову (предсѣдатель съѣзда южныхъ горнопромышленниковъ), кризисъ вовсе не отразился на дѣлахъ рудника: наоборотъ, здѣсь всегда недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, такъ какъ рабочіе никогда долго не работаютъ на рудникѣ вслѣдствіе безчеловѣчной эксплуатаціи: попадаютъ сюда шахтеры въ случаѣ крайней нужды. Шахтеры и здѣсь дѣлятся на артельныхъ (3/4) и конторскихъ. Подрядчики страшно наживаются. Плата вслѣдствіе кризиса понизилась на 20—30%. Шахтеровъ обсчитываютъ при расчетѣ упряжекъ, обираютъ посредствомъ вычетовъ за квартиру, баню, воду, страховку. Квартиры отвратительныя, питьевая вода скверная, горько-соленая. Баня — какая-то клоака грязи и вони. Штрафовъ масса. Особенно сильно штрафуютъ и грубо обращаются съ шахтерами инженеръ Ильинъ, штейгеръ Ожигъ, конторщики Рыбальченко и Станиславскій. Не лучше ихъ и врачъ. По праздникамъ существуетъ обычай „загонять“ рабочихъ на ночную работу: полиція обходитъ квартиры шахтеровъ и съ угрозами понуждаетъ рабочихъ идти въ шахту. Въ январѣ на рудникѣ было сильное броженіе. Многіе получили разсчетъ и были для памяти записаны въ штрафной журналъ, чтобы ихъ впредь не принимать на рудники компаніи. Въ сентябрѣ была стачка глейщиковъ (80 ч.) На отборкѣ глея работаютъ преимущественно подростки (11—15 л.) и молодыя дѣвушки, послѣднія, впрочемъ, неохотно, такъ какъ работа ужасная: копаться въ кучахъ угля, отбирая куски породы. Къ вечеру работница превращается въ негритянку. Зарабатываютъ въ мѣсяцъ 8—10 р. и то съ трудомъ. Поводомъ къ стачкѣ послужила сбавка платы за ящикъ съ 20 до 17 к. (до кризиса плата была 30—40 к.). Глейщики забастовали, требуя старой платы. Полицейскіе ходили по квартирамъ и съ грубой руганью гнали ихъ на работу; черезъ недѣлю нужда заставила глейщиковъ согласиться на пониженную расцѣнку. Среди рабочихъ до 1/2 грамотныхъ, читаютъ лубочную литературу.

Енакіево, Екатеринославской г. Александро-Нарвинскій рудникъ (болѣе 500 чел.). Получка на нашемъ рудникѣ производится не болѣе 4 разъ въ годъ. Рабочему съ трудомъ удается получить 1/4 деньгами; на остальную сумму выдаются талоны въ кладовую. Въ кладовой ничего кромѣ желѣза и дегтя нѣтъ. Рабочему приходится брать этотъ товаръ и продавать его лавочникамъ за 1/2 цѣны. А то продаютъ прямо талоны за 1/2 цѣны. Контора иногда сама принимаетъ талоны со скидкой 8%. Нѣкоторые рабочіе по 3 года не получаютъ правильно заработка.

Отъ редакціи.

Нами получена для опубликованія слѣдующая резолюція:

„Присутствующіе на собраніи въ г. Женевѣ 16 января 1903 г. выражаютъ самое полное и самое искреннее сочувствіе свое ростовскимъ рабочимъ, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрѣлости русскаго пролетаріата. Они считаютъ своей нравственной обязанностью всѣми своими силами служить дѣлу политическаго и эконом[ическаго] освобожденія этого пролетаріата, которое является въ [то] же время дѣломъ освобожденія всего трудящагося населенія Россіи. Они выражаютъ свое презрѣніе и свою ненависть къ царскому правительству, которое держится лишь посредствомъ грубаго насилія и вопіющаго нарушенія всѣхъ правъ человѣка и гражданина“. Такая же резолюція была принята въ Бернѣ.

За недостаткомъ мѣста отчетъ о конфер. Междун. Соц. Комит. печатается прилож., а иностранный отдѣлъ отложенъ до слѣд. №.

*) Матеріалъ доставленъ Соц.-демокр. Союзомъ Горнорабочихъ.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

Изъ Чернигова намъ пишутъ: „3 декабря здѣсь взята **тайная типографія. При ней** арестовано двое **мужчинъ** и одна **женщина. На обыскѣ** присутствовала чуть не вся черниговская **полиція съ губернаторомъ**, полицмейстеромъ и жандармскимъ полковникомъ **во главѣ**. По городу ходили слухи объ арестѣ фальшивыхъ монетчиковъ, но правда скоро обнаружилась."

Въ декабрѣ взяты еще тайныя типографіи въ Екатеринославѣ и Житомірѣ.

Съ шахтъ и заводовъ южнаго горно-заводскаго района *)

ЮЗОВКА. *Успенскій каменно-угольный рудникъ.* 14 декабря 1902 года на рудникѣ разразилась страшная катастрофа, стоившая жизни 68 шахтерамъ. Въ ночь съ 13-го на 14-е въ шахтѣ № 12 произошелъ пожаръ, — загорѣлись подшивники у насосной, находившейся въ 30 саж. отъ ствола. Замѣтили пожаръ, когда ужъ загорѣлись подпорки. Пока достали воды, вся проходка была объята пламенемъ, и доступъ для шахтеровъ къ стволу № 12 былъ прегражденъ. Поднялась суматоха; стали сбѣгаться жены, дѣти шахтеровъ, погребенныхъ въ шахтахъ. Явилось и начальство. Надежды не было никакой. Ни одинъ изъ шахтеровъ не могъ спастись, такъ какъ шахта № 12 *не имѣетъ самостоятельнаго запаснаго выхода, т. е. такъ наз. „шурфа"*, вопреки горнымъ правиламъ, которыя требуютъ устройства „шурфовъ" на случай пожара, наводненія или взрыва. Правда, № 12 соединяется на разстояніи 300 саж. съ шахтою № 10, но это не предохраняетъ въ случаѣ несчастья тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ, напр., на коренной продольной на востокѣ. Такъ и было въ данномъ случаѣ: заживо погребенные шахтеры не могли бѣжать къ шахтѣ № 10, такъ какъ на пути ихъ бушевало пламя возлѣ ствола № 12. Надо замѣтить, что подобная *безпечность* имѣетъ мѣсто на многихъ рудникахъ и не первый разъ служитъ причиной гибели массы шахтеровъ. Часовъ въ 9 утра инженеръ и штейгеръ рѣшили закупорить оба ствола (№ 12 и № 10), чтобы прекратить доступъ воздуха и потушить пожаръ. При этомъ произошли душу раздирающія сцены: женщины силой не давали забивать шахты, на колѣняхъ умоляли пощадить ихъ мужей. Говорятъ, что инженеръ, отдавшій это распоряженіе, заявилъ: *„Намъ необходимо прежде всего спасти шахту, рабочіе все равно уже не выскочатъ; если они задохнутся, ихъ можно еще привести въ чувство, если же это не удастся, — то имъ всегда найдутся другіе"*. Въ 4 ч. дня стволы почему-то опять открыли. Такимъ образомъ, шахта въ теченіе 9 часовъ была закупорена и многіе изъ шахтеровъ, которые могли бы продержаться долго подъ землею, задохлись моментально. Только 13 чел. удалось привести въ чувство; ихъ извлекли на третьи сутки. Погибло *68 человѣкъ*, спасено, кромѣ 13 приведенныхъ въ чувство, 15. Пріѣхалъ вице-губернаторъ и обратился къ семьямъ погибшихъ съ рѣчью: „Молитесь не только за вашихъ покойниковъ — братьевъ и отцовъ, молитесь также и за покойника Успенскаго, отца вашего хозяина; онъ вашъ благодѣтель, такъ какъ застраховалъ шахтеровъ; вамъ выдадутъ крупное пособіе". Но слова губернатора не оправдались: страховое общество отказывается платить деньги, такъ какъ Успенскій нарушилъ полисное условіе, не устроивъ въ шахтѣ „шурфа". Картины нужды и отчаянія ужасны: въ каждомъ домикѣ шахтера стоны, вопли отчаянія, плачъ. Ѣсть многимъ нечего. Трупы похоронены, шахты заколочены — что же будетъ съ семьями погибшихъ?

Прохоровскіе рудники. Работаетъ на рудникахъ больше двухъ тысячъ человѣкъ. Постоянныхъ рабочихъ мало. Вслѣдствіе низкой платы и каторжныхъ условій рабочіе постоянно перекочевываютъ на другіе рудники. Кризисъ сначала слабо отразился на числѣ рабочихъ, но въ послѣднее время ихъ увольняютъ массами. Сильно повысилась интенсивность труда: уроки забойщикамъ увеличились въ полтора раза. Въ тоже время заработная плата упала на 20—30%. Всѣ шахтеры дѣлятся на поденныхъ — конторскихъ и на артельныхъ, работающихъ сдѣльно отъ подрядчиковъ. Конторскихъ человѣкъ 500, остальные артельные: это забойщики, саночники, вагонщики. Подрядная система работъ заслоняетъ отъ шахтеровъ его истинныхъ эксплуататоровъ, съ другой стороны, дробя рабочихъ на мелкія группы, мѣшаетъ ихъ совмѣстной борьбѣ съ капиталистами. Подрядчики же, такъ называемые „артельщики", сильно эксплуатируютъ рабочихъ, наживая въ мѣсяцъ 100—200 руб. Рабочіе въ среднемъ зарабатываютъ 20—35 р., при этомъ масса всевозможныхъ вычетовъ, непомѣрные штрафы, обсчитываніе на числѣ „упряжекъ". Нѣтъ мѣсяца, чтобы у шахтера не пропала упряжка. А чтобы онѣ не пропадали, приходится давать взятки десятскимъ. Они вынуждаютъ у шахтеровъ взятки и другими способами: переводятъ рабочихъ на болѣе тяжелую работу, придираются къ рабочимъ, отказываютъ въ заработкѣ, пока не добьются своего. Большинство штрафовъ — за невыходъ на работу — въ размѣрѣ 1 руб. Куда идутъ штрафы, никому неизвѣстно, ежемѣсячныхъ отчетовъ о движеніи штрафного капитала ни на одномъ рудникѣ не вывѣшивается. Рабочій день 12 час. (безъ обѣда), спускъ въ шахту занимаетъ еще 1/2—1 ч. Въ мѣсяцъ свободныхъ сутокъ у шахтеровъ только двое; въ праздники работа въ шахтахъ начинается съ вечера. Въ шахтахъ нѣтъ самыхъ примитивныхъ приспособленій: постоянные несчастные случаи, главнымъ образомъ вслѣдствіе обваловъ. За 1902 г. число несчастныхъ случаевъ — 1277. Условія работы въ шахтахъ невозможныя: сквозняки, сырость, отсутствіе вентиляціи; въ старыхъ шахтахъ много воды, въ одной изъ шахтъ приходится работать при 30° жары.

Рудничное начальство обращается съ рабочими крайне грубо, самая отборная ругань слышится то и дѣло. Холостыя квартиры „балаганы" и семейныя — „клѣтки" поражаютъ тѣснотой и отсутствіемъ воздуха, нечистотой, грязью. Глейщики и глейщицы ночуютъ въ нераздѣленномъ перегородками балаганѣ, валяясь всѣ вмѣстѣ на грязныхъ нарахъ. За послѣднее время полиція то и дѣло совершаетъ ночные обходы и набѣги на „балаганы". Читаютъ рабочіе преимущественно лубочную литературу. Библіотека на сосѣднихъ рудникахъ закрыта по распоряженію начальства. Послѣдній разъ крупные безпорядки на Прохоровскихъ рудникахъ были въ октябрѣ 1900 г. изъ-за заработной платы. По рукамъ ходили прокламаціи, но въ небольшомъ числѣ. Казаки тогда произвели страшное избіеніе шахтеровъ.

[illegible] рудникъ. При открытіи церкви мѣстный священникъ сказалъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ служащихъ и рабочихъ не обижать своего хозяина ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже въ мысляхъ, и оказывать ему безпрекословное послушаніе. На случай, если бы рабочіе не послѣдовали добрымъ совѣтамъ священника, на рудникѣ содержится казацкая сотня.

[illegible]. Въ ноябрѣ найдены мертвыми въ степи 2 шахтера, шедшихъ изъ Харцызска въ поискахъ работы. Умерли отъ истощенія.

Селезневскій рудникъ Рутченковскаго Горн. Общ. (800 рабоч.) Благодаря директору-распорядителю Авдакову, предсѣдателю съѣзда южныхъ горнопромышленниковъ, кризисъ вовсе не отразился на дѣлахъ рудника; наоборотъ, здѣсь всегда недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, такъ какъ рабочіе никогда долго не работаютъ на рудникѣ вслѣдствіе безчеловѣчной эксплуатаціи; попадаютъ сюда шахтеры въ случаѣ крайней нужды. Шахтеры и здѣсь дѣлятся на артельныхъ и конторскихъ. Подрядчики страшно наживаются. Плата вслѣдствіе кризиса понизилась на 20—30%. Шахтеровъ обсчитываютъ при расчетѣ упряжекъ, обираютъ посредствомъ вычетовъ за квартиру, баню, воду, страховку. Квартиры отвратительныя, питьевая вода скверная, горько-соленая. Баня — какая-то клоака грязи и вони. Штрафовъ масса. Особенно сильно штрафуютъ и грубо обращаются съ шахтерами инженеръ Ильинъ, штейгеръ Ожиговъ, конторщики Рыбальченко и Станишевскій. Не лучше ихъ и врачъ. По праздникамъ существуетъ обычай „загонять" рабочихъ на ночную работу; полиція обходитъ квартиры шахтеровъ и съ угрозами понуждаетъ рабочихъ идти въ шахту. Въ январѣ на рудникѣ было сильное броженіе. Многіе получили расчетъ и были для памяти записаны въ штрафной журналъ, чтобы ихъ впредь не принимать на рудники компаніи. Въ сентябрѣ была стачка глейщиковъ (80 ч.). На отборкѣ глея работаютъ преимущественно подростки (11—15 л.) и молодыя дѣвушки, послѣднія, впрочемъ, неохотно, такъ какъ работа ужасная — копаться въ кучахъ угля, отбирая куски породы. Къ вечеру работница превращается въ негритянку. Зарабатываютъ въ мѣсяцъ 8—10 р. и то съ трудомъ. Поводомъ къ стачкѣ послужила сбавка платы за ящикъ съ 20 до 17 к. (до кризиса плата была 30—40 к.). Глейщики забастовали, требуя старой платы. Полицейскіе ходили по квартирамъ и съ грубой руганью гнали ихъ на работу; черезъ недѣлю нужда заставила глейщиковъ согласиться на пониженную расцѣнку. Среди рабочихъ до 1/3 грамотныхъ, читаютъ лубочную литературу.

Еленовка, Екатеринославской г. Александро-[illegible] рудникъ (болѣе 400 чел.). Получка на нашемъ рудникѣ производится не болѣе 4 разъ въ годъ. Рабочему съ трудомъ удается получить 1/4 деньгами; на остальную сумму выдаются талоны въ кладовую. Въ кладовой ничего кромѣ желѣза и дегтя нѣтъ. Рабочему приходится брать этотъ товаръ и продавать его лавочникамъ за 1/2 цѣны. А то продаютъ прямо талоны за 1/2 цѣны. Контора иногда сама принимаетъ талоны со скидкой 8%. Нѣкоторые рабочіе по 3 года не получаютъ правильно заработка.

*) Матеріалъ доставленъ Соц.-демокр. Союзомъ Горнорабочихъ.

Отъ редакціи.

Нами получена для опубликованія слѣдующая резолюція:

„Присутствующіе на собраніи въ г. Женевѣ 16 января 1903 г. выражаютъ самое полное и самое искреннее сочувствіе свое ростовскимъ рабочимъ, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрѣлости русскаго пролетаріата. Они считаютъ своей нравственной обязанностью всѣми своими силами служить дѣлу политическаго и экономическаго освобожденія этого пролетаріата, которое является въ то же время дѣломъ освобожденія всего трудящагося населенія Россіи. Они выражаютъ свое презрѣніе и свою ненависть къ царскому правительству, которое держится лишь посредствомъ грубаго насилія и вопіющаго нарушенія всѣхъ правъ человѣка и гражданина". Такая же резолюція была принята въ Бернѣ.

За недостаткомъ мѣста отчетъ о конфер. Междун. Соц. Комит. печатается прилож., а иностранный отдѣлъ отложенъ до слѣд. №.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ИЗДАНІЕ

СОЮЗА РУССКИХЪ СОЦІАЛДЕМОКРАТОВЪ.

№ 3. *ЯНВАРЬ 1903 г.* № 3.

СОЮЗНИКИ ЛИ НАМЪ ЛИБЕРАЛЫ?

„Теперешнее положеніе дѣлъ не ими (земцами) создано; оно создано молодежью, лишенною возможности учиться; создано рабочими, начавшими понимать связь экономическихъ невзгодъ съ общимъ безправіемъ; создано крестьянами, доведенными до хроническихъ голодовокъ и открытаго возстанія; оно создано безпорядками, демонстраціями, террористическими актами. *Земцы выступили позднѣе всѣхъ и до сихъ поръ заявили о себѣ слабѣе всѣхъ...* Но пусть же они умѣло, съ достоинствомъ и сознаніемъ громадной отвѣтственности, лежащей на нихъ, выполнятъ свою историческую миссію, естественную свою обязанность передъ родиной. Не молодежь, не крестьяне, не рабочіе будутъ, конечно, вести переговоры съ правительствомъ и примутъ власть отъ него, а они — представители земства."

Такъ пишетъ либералъ въ нелегальную газету „Освобожденіе".

Итакъ, намъ открыто говорятъ: вы, господа, выносите и вынесете на себѣ всю тяжесть революціонной борьбы, а мы будемъ распоряжаться на очищенномъ вами полѣ сраженія.

Мы, соціалдемократы, ставимъ своей очередной задачей— борьбу за демократію *), либералы самоувѣренно заявляютъ, что это пустыя мечты, что „конечно" они одни, а не народъ, примутъ власть у царскаго правительства.

Страстная ненависть къ самодержавію, охватывающая самые разнообразные слои русскаго населенія, часто стираетъ въ нашемъ сознаніи различіе ихъ ближайшихъ политическихъ интересовъ. Изъ того, что либералъ ненавидитъ самодержавіе, заключаютъ часто, что онъ можетъ и долженъ ставить себѣ въ настоящій моментъ *тѣ же* политическія задачи, которыя ставитъ себѣ демократія вообще и пролетаріатъ въ особенности. Умѣренность и недемократичность либераловъ приписываютъ главнымъ образомъ ихъ непослѣдовательности и нерѣшительности, но забываютъ объ ихъ классовыхъ расчетахъ; забываютъ, что во многихъ случаяхъ они просто не заинтересованы въ болѣе рѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Не понимая этого, односторонне оцѣниваютъ значеніе либеральнаго движенія для освободительной борьбы въ Россіи.

Обращаютъ вниманіе на *выгоды*, проистекающія отъ роста либеральной оппозиціи самодержавному правительству; но забываютъ объ *опасностяхъ*, проистекающихъ отъ роста либеральной партіи на счетъ демократіи.

Либералы неизмѣнно увѣряютъ всѣхъ *и въ томъ числѣ самихъ себя*, что они имѣютъ въ виду интересы всего народа, что ихъ партія не классовая и т. д. Но всякая партія, опирающаяся на *господствующіе* классы, заинтересована въ томъ, чтобы скрыть свой классовый характеръ. За то наша партія, партія пролетаріата заинтересована въ раскрытіи его, и по отношенію къ современнымъ русскимъ либераламъ задача эта не представляетъ особенной трудности.

Наиболѣе организованной и вліятельной частью формирующейся у насъ либеральной партіи является „земская общественная группа", которая представляетъ интересы помѣстнаго дворянства (средняго и мелкаго). Вокругъ нея группируется буржуазная интеллигенція, лица свободныхъ и интеллигентныхъ профессій съ прочнымъ общественнымъ положеніемъ. Это ядро партіи. Границы ея гораздо шире, но еще невполнѣ опредѣлились. Съ одной стороны, къ либеральной партіи *еще не примкнули* значительные слои торговой и промышленной буржуазіи, *политическіе* интересы которыхъ теперь всюду *въ общемъ* совпадаютъ съ политическими интересами помѣстнаго дворянства. Съ другой стороны, *отъ нея еще не откололись* значительные слои демократической интеллигенціи, которые въ настоящее смутное время не нашли себѣ еще надежнаго пристанища. Часть ихъ всегда находилась подъ сильнымъ вліяніемъ либераловъ. Часть же то и дѣло перебѣгаетъ отъ соціалдемократовъ къ соціалистамъ-революціонерамъ и „освобожденцамъ". Не задумываясь серьезно надъ тѣмъ, *въ какой* революціи они заинтересованы, они тянутъ въ каждый данный моментъ къ той партіи, которая, по ихъ мнѣнію, болѣе другихъ содѣйствуетъ *приближенію* развязки.

Какъ мы видимъ, *либеральная партія, въ основѣ своей, есть партія наиболѣе политически сознательныхъ слоевъ имущихъ классовъ.*

Въ Зап. Европѣ было время, когда политическій расчетъ толкалъ имущіе классы (именно буржуазію) на борьбу съ абсолютной монархіей за демократическую свободу. По мѣрѣ того, какъ соціалистическое движеніе пролетаріата стало принимать все болѣе угрожающіе размѣры для имущихъ классовъ, политическій расчетъ заставилъ ихъ перемѣнить фронтъ: они торопятся какъ-нибудь поладить съ наполовину обузданнымъ старымъ врагомъ, чтобы общими силами обороняться отъ болѣе опаснаго новаго врага — пролетаріата.

Русская либеральная партія, не успѣвши еще окончательно сложиться, *сразу* очутилась между двухъ огней: съ одной стороны, чисто азіатское, всеподавляющее самодержавное правительство, съ другой, — быстро ростущія революціонныя силы народа. Естественно, что „двѣ души живутъ въ ея груди".

Она испытываетъ страхъ передъ демократіей въ такой же мѣрѣ, какъ ненависть къ самодержавной бюрократіи.

Извѣстный либералъ графъ Гейденъ, получившій „высочайшій выговоръ" за участіе въ тайномъ земскомъ совѣщаніи въ Москвѣ, пишетъ министру внутр. дѣлъ: „Казалось бы, что собраніе, пополняющееся исключительно представителями недвижимой собственности... гораздо болѣе, чѣмъ *бездомные люди*, заинтересовано въ незыблемости... строгаго порядка,— что такое собраніе есть *лучшій оплотъ противъ всякихъ*

*) Слово демократія употребляется въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ извѣстнаго государственнаго устройства или въ смыслѣ извѣстныхъ общественныхъ классовъ. Въ первомъ смыслѣ демократія означаетъ народоправство, т. е. государственный порядокъ, при которомъ политическая власть по закону, формально, принадлежитъ *всему* народу, въ отличіе отъ государственнаго порядка, при которомъ политическая власть формально, по закону, принадлежитъ одному монарху или распредѣляется между монархомъ и господствующими классами. Во второмъ смыслѣ демократія означаетъ трудящіеся классы въ отличіе отъ господствующихъ,—пролетаріатъ, крестьянство, мелкихъ собственниковъ, „разночинную" интеллигенцію въ отличіе отъ буржуазіи и дворянства.

разрушительныхъ идей... Безсиліе административной власти предупредить взрывъ—ярко обнаружилось... При такихъ обстоятельствахъ представители имущаго класса должны выступить на почвѣ закона и справедливости на защиту порядка... Не имѣемъ же мы возможности, представители земельной собственности... быть только свидѣтелями того, какъ правительственная власть станетъ лицомъ къ лицу съ крайними элементами, стремящимися къ соціальному перевороту самыми опасными мѣрами" и т. д., и т. д.

Либеральный суджанскій предводитель дворянства Евреиновъ, который тоже получилъ „высочайшій" выговоръ за участіе въ тайномъ совѣщаніи, которому Плеве грозилъ отставкой, пишетъ министру Витте: „Съ одной стороны запуганное и запугиваемое общество... съ другой разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы, и между ними мечущееся министерство вн. дѣлъ, безплодно ведущее борьбу съ этой лернейской гидрой. Зловредной кучки мы, мирные *земледѣльцы* (!), боимся не менѣе министерства вн. дѣлъ..." Такъ говорятъ вожаки либеральной партіи, и это не единичные голоса — это общій голосъ всѣхъ либераловъ.

„Группа земскихъ дѣятелей" пишетъ въ то же „Освобожденіе": „Получается поразительное по своему стремительному росту рабочее движеніе!... Революціонная пропаганда въ данномъ случаѣ только и могла принести плоды на почвѣ народнаго обнищанія, *невѣжества, непониманія элементарныхъ основъ гражданскаго права...* общая почва классовыхъ и эгоистическихъ (!) интересовъ подымается подобно угрожающему вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя жестокія опустошенія."

Можно было бы привести еще много иллюстрацій, но достаточно и этого.

Ненависть къ царскому самодержавію и страхъ передъ демократіей опредѣляютъ политическую программу нашей либеральной буржуазіи и образъ ея дѣйствій.

Политическую ея программу мы находимъ въ 1-мъ номерѣ ея нелегальнаго органа—„Освобожденіе". Она требуетъ: 1) безсословнаго, ежегодно созываемаго парламента съ правомъ высшаго контроля, законодательства и утвержденія бюджета, 2) личной свободы, гарантируемой независимымъ судомъ, 3) равенства всѣхъ передъ закономъ, 4) свободы печати, 5) свободы собраній и союзовъ, 6) права петицій.

Всѣ эти требованія, конечно, и мы выставляемъ предстоящей политической революціи. Но помимо нихъ наша партія, и въ этомъ съ ней должна быть солидарна вся демократія, предъявляетъ еще *два общихъ политическихъ требованія, которыя одни лишь обезпечиваютъ демократіи свободной страны возможность защищаться и бороться противъ господствующихъ классовъ.* Эти требованія: 1) всеобщее, прямое и тайное избирательное право въ государственномъ и мѣстномъ управленіи, 2) *полное подчиненіе правительство парламенту.**)

Оба указанныя общія политическія требованія другъ друга дополняютъ. Въ Бельгіи существуетъ *парламентскій* порядокъ (полное подчиненіе правительства парламенту), но нѣтъ равнаго избирательнаго права; въ Германіи есть общее избирательное право, но за то порядокъ тамъ мнимо-парламентскій (власть раздѣлена между парламентомъ и монархомъ). И что же? Въ бельгійскомъ парламентѣ, въ которомъ царитъ реакціонная партія, рѣчь теперь идетъ объ ограниченіи свободы слова, объ уничтоженіи общей воинской повинности и образованіи наемной арміи, послушной буржуазіи, объ исключительныхъ мѣрахъ, которыя помогли бы раздавить пролетаріатъ, борющійся за свои политическія права. Въ Германіи правительство въ угоду господствующимъ классамъ въ теченіе 12 лѣтъ лишало соціалистовъ крайне важныхъ политическихъ правъ, которыми пользовались другіе граждане. Теперь оно намѣревается уничтожить общее избирательное право. Указанныя два требованія — суть главныя требованія демократіи всего міра, и изъ отношенія къ нимъ всегда можно безошибочно заключить, есть ли данная партія демократическая или нѣтъ.

Въ программѣ нашихъ либераловъ этихъ двухъ *общедемократическихъ* требованій нѣтъ.

Составители программы знаютъ, что эти вопросы — объ избирательномъ правѣ, о раздѣленіи власти между парламентомъ и монархомъ, объ отвѣтственности министровъ, о правѣ законодательнаго почина (иниціативѣ) — „имѣютъ принципіальное значеніе", что „именно на этомъ пунктѣ должно обнаружиться наибольшее количество разногласій". Но они считаютъ благоразумнымъ обойти вопросы, которые для демократіи являются наиболѣе жгучими, изъ-за которыхъ демократія многихъ странъ донынѣ ведетъ борьбу съ господствующими классами. Они поступаютъ такъ подъ предлогомъ, что говорить объ этомъ теперь значило бы „дѣлить шкуру неубитаго медвѣдя". Эти вопросы, дескать, рѣшитъ въ свое время „учредительное собраніе", т. е. то временное верховное учрежденіе, которое будетъ заниматься составленіемъ русской конституціи. Кто же будетъ засѣдать въ учредительномъ собраніи? По проекту программы либераловъ, участвовать въ немъ будутъ тѣ, которые „выступили позднѣе всѣхъ и заявили о себѣ слабѣе всѣхъ", т. е. они сами: „въ учредительномъ собраніи должны участвовать представители отъ земствъ и городскихъ думъ; полезно было бы допустить также представительство и отъ русскихъ университетовъ"... и только!

„Такой путь, говорятъ они, вѣрнѣе и лучше" (для кого?).

О томъ, какова была бы конституція, составленная одними представителями теперешняго буржуазнаго мѣстнаго самоуправленія, можно судить по программѣ либераловъ и еще лучше по ихъ практикѣ.

*Въ своей программѣ либералы опускаютъ главнѣйшія демократическія требованія, въ своей практикѣ они открыто возстаютъ противъ нихъ.**)

Изъ всѣхъ тайныхъ земскихъ совѣщаній, изъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, засѣдавшихъ въ этомъ году, даже изъ числа наиболѣе либеральныхъ, надѣлавшихъ шуму своими политическими рѣчами, не нашлось ни одного, который бы высказался за уничтоженіе имущественнаго избирательнаго ценза для гласныхъ; всякія такого рода предложенія проваливались громаднымъ большинствомъ голосовъ. Таково отношеніе земцевъ къ одному основному демократическому требованію. Таково же ихъ отношеніе ко второму демократическому требованію—къ *полному* уничтоженію царскаго самодержавія. Всѣ либералы хотятъ теперь конституціи, ограниченія самодержавія, но никто изъ нихъ не говоритъ и не говорилъ никогда о полномъ уничтоженіи власти монарха. Напротивъ, обычный девизъ либераловъ гласитъ, что „для спасенія монархіи нужно ея ограниченіе". Этотъ девизъ нельзя приписывать только трусости либераловъ, ихъ опасенію открыто высказать то, что они думаютъ про себя. Что онъ диктуется трусостью, мы согласны. Но, какъ мы уже сказали, въ этомъ девизѣ одинаково сказывается трусость либерала по отношенію къ монарху, какъ и трусость по отношенію къ революціоннымъ слоямъ народа. Этотъ девизъ есть *полное выраженіе* либеральныхъ стремленій.

Въ прокламаціи, выпущенной „старыми земцами" за подписью „Группа Освобожденія", говорится съ сокрушеніемъ сердца: „Глухое броженіе темныхъ массъ грозитъ каждую минуту перейти въ открытое возстаніе, которое можетъ *вмѣстѣ*

*) Этимъ отличаются истинно парламентскія государства отъ мнимо парламентскихъ. Въ послѣднихъ министерство не выбирается изъ партіи, имѣющей большинство голосовъ въ парламентѣ: оно назначается монархомъ и не отвѣтственно передъ парламентомъ. Въ этихъ странахъ единственное оружіе парламента противъ монарха заключается въ непринятіи правительственныхъ законопроектовъ и въ неутвержденіи государственныхъ расходовъ (бюджета). Въ этихъ странахъ монархъ имѣетъ достаточно власти, чтобы въ своихъ интересахъ или въ угоду тому или другому господствующему классу ограничить свободу гражданъ, сломить сопротивленіе парламента или даже нарушить конституцію. Очевидно, что въ нихъ самодержавіе монарха не *уничтожено*, а лишь *ограничено* властью парламента, а потому такія государства нельзя признать демократическими, хотя бы тамъ народъ пользовался общимъ избирательнымъ правомъ. Въ истинной демократіи политическая власть принадлежитъ всему народу.

*) Для ознакомленія съ „либералами на практикѣ" см. въ № 2 „Кр. Знам." статьи „Тайный съѣздъ земцевъ въ Москвѣ" и „Письмо изъ Воронежа."

Стихотворенія Л. П. Радина.

Авторъ печатаемыхъ стихотвореній — покойный товарищъ Леонидъ Петровичъ Радинъ — одинъ изъ дѣятелей соц.-демократич. движенія 1896-97 годовъ. Стихотворенія написаны имъ во время полуторагодового предварительнаго заключенія въ московской Таганкѣ по дѣлу Рабочаго Союза въ Москвѣ. Одно изъ стихотвореній Радина, написанное тогда же, — „Дружно, товарищи, въ ногу!"..., съ его могучимъ мотивомъ, написаннымъ самимъ же Леонидомъ Петровичемъ, — быстро облетѣло всю Россію и является теперь одной изъ самыхъ любимыхъ боевыхъ пѣсенъ революціоннаго пролетаріата.

„Побѣды ужъ недолго ждать" — писалъ тогда Радинъ. Но, увы!... Самому ему не пришлось дожить не только до побѣды, но хотя бы даже увидѣть то, что видимъ мы теперь, когда сбывается его предсказаніе, когда мы, дѣйствительно, уже близки къ побѣдѣ. Для него эти пѣсни были „лебединой пѣснью": черезъ два года послѣ того, какъ онъ въ Бутырской тюрьмѣ впервые спѣлъ ихъ товарищамъ, онъ умеръ отъ чахотки, начавшейся еще въ Таганкѣ и развившейся въ гниломъ Яранскѣ, куда онъ былъ сосланъ.

I.

Снова я слышу родную „лучину".
Сколько въ ней горя, страданья и слезъ!
Видно, свою вѣковую кручину
Пахарь въ нее перенесъ.

Сидя за прялкой въ осеннюю вьюгу,
Пѣла, быть можетъ, крестьянка въ тиши
И поврѣряла той пѣснѣ, какъ другу,
Жгучую скорбь наболѣвшей души.

Полно! Довольно про горе ты пѣла...
Прочь этотъ грустный унылый напѣвъ!
Надо, чтобъ пѣсня отвагой гремѣла,
Въ сердцѣ будила спасительный гнѣвъ!

Зрѣютъ въ народѣ могучія силы.
Край нашъ стоитъ на широкомъ пути.
То, что страдалица мать выносила,
Сынъ богатырь не захочетъ снести.

Мысли живой не задушитъ въ немъ голодъ,
Силъ молодыхъ не надломитъ борьба,
Смѣло возьметъ онъ тяжелый свой молотъ
И разобьетъ имъ оковы раба.

II.

Смѣлый, друзья, идемъ впередъ,
Будя въ сердцахъ живое пламя!
И наше дѣло не умретъ,
Не сломятъ бури наше знамя!

Побѣды ужъ недолго ждать!
Проснулась мысль въ средѣ рабочихъ,
И зрѣетъ молодая рать
Въ нѣмой тиши зловѣщей ночи.

Она созрѣетъ... и тогда,
Стряхнувъ, какъ сонъ, свои оковы,
Подъ краснымъ знаменемъ труда
Проснется Русь для жизни новой.

Экономическая и политическая борьба и задачи соціалдемократіи.

[Переводъ съ еврейскаго].

Отъ редакціи. **Въ 1902 г. не было обычнаго ежегоднаго съѣзда Бунда. Вмѣсто него Центральный Комитетъ созвалъ конференцію, частное совѣщаніе изъ членовъ мѣстныхъ комитетовъ и другихъ организацій по своему выбору. Постановленія этого совѣщанія необязательны; самое широкое ихъ обсужденіе (дискуссія) происходитъ теперь въ печати, собраніяхъ и кружкахъ Бунда.**

На совѣщаніи въ связи съ вопросомъ объ измѣненіяхъ въ организаціи Бунда былъ поставленъ на очередь жгучій для международной соціалдемократіи вопросъ *о взаимныхъ отношеніяхъ между соціалдемократіей и профессіональными союзами.* Надо замѣтить, что въ Западномъ Краѣ среди еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ профессіональныя организаціи въ видѣ стачечныхъ кассъ получили широкое распространеніе: въ 1900 г. онѣ охватывали въ нѣкоторыхъ городахъ 20—40% мѣстныхъ евреевъ-рабочихъ, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ число организованныхъ рабочихъ доходило до 60% (щетинщики). Эти профессіональныя стачечныя кассы до послѣдняго времени лежали въ основѣ организаціи Бунда и имѣли рѣшающее вліяніе на его практическую работу. Въ настоящее время вмѣстѣ съ расширеніемъ дѣятельности еврейской соціалдемократіи такая зависимость комитетовъ отъ профессіональныхъ кассъ оказалась стѣснительной, задерживающей развитіе дѣятельности и суживающей ея размахъ. Поэтому на совѣщаніи признано было нужнымъ измѣнить существующія отношенія такъ, чтобы комитеты и другія руководящія организаціи были вполнѣ самостоятельны и независимы отъ профессіональныхъ кассъ (это только одна сторона предполагаемой реформы въ организаціи Бунда).

Постановленіе совѣщанія подробно разъясняется въ передовой статьѣ 28 № центральнаго органа Бунда „Голосъ Рабочихъ". Тамъ, между прочимъ, говорится: „Соціалдемократическія организаціи должны быть отдѣлены отъ профессіональныхъ организацій; въ послѣднихъ мы должны имѣть своихъ представителей; но мы не должны обратиться въ представителей профессіональныхъ организацій".

Это постановленіе уже вызвало живой обмѣнъ мыслей; редакція „Гол. Раб." получила нѣсколько писемъ по этому вопросу. Разборомъ одного изъ нихъ, принадлежащаго перу „рабочаго-агитатора", и занимается печатаемая нами статья („Гол. Раб." № 30, Изъ писемъ въ редакцію).

Статья эта представляетъ интересъ и для русскихъ товарищей. Тѣмъ недостаткомъ, противъ котораго такъ горячо ополчается авторъ,—пренебреженіемъ къ экономической борьбѣ и поверхностнымъ пониманіемъ задачъ борьбы политической — этимъ страдаетъ теперь въ сильной степени и русское движеніе. Такіе взгляды начинаютъ проникать и въ русскую рабочую среду. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., слѣдующее мѣсто изъ с.-п.-б. письма въ 25 № „Искры", почти буквально совпадающее съ первой цитатой изъ письма рабочаго-агитатора въ статьѣ: „Нерѣдко раздаются голоса рабочихъ на собраніяхъ, что экономическая борьба намъ ничего не дала... Въ рабочихъ кружкахъ рѣдко слышны разговоры о заработной платѣ, о прибавочной стоимости — врагъ русскаго народа приковалъ все вниманіе пролетарія". И т. д.

Мы въ общемъ согласны съ основными взглядами автора помѣщаемой ниже статьи. Мы расходимся съ нимъ только въ частностяхъ и наши разногласія отмѣчаемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Мы опускаемъ начало статьи; оно не представляетъ интереса для русскихъ читателей, незнакомыхъ съ передовицей 28 № „Гол. Раб.".

—

„Экономическая борьба, пишетъ нашъ товарищъ, уже не можетъ такъ интересовать рабочую массу, какъ 6-7 лѣтъ тому назадъ. Въ массѣ уже развито сознаніе противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ и необходимости экономической борьбы. Рабочая масса не нуждается уже въ научныхъ книжкахъ о рабочемъ днѣ, заработной платѣ, прибавочной цѣнности и т. д...."

Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ и должно ли такъ быть? Совершенно вѣрно, что въ массѣ ослабѣлъ интересъ къ экономической борьбѣ. Но отчего это произошло? Должны ли мы радоваться такому явленію и поддерживать его, или же мы должны съ нимъ бороться? Въ письмѣ нашего товарища мы не находимъ отвѣта на эти вопросы. Но изъ его практическихъ предложеній мы видимъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этого явленія, и поэтому онъ не предлагаетъ никакихъ средствъ для борьбы съ нимъ. Наоборотъ, указывая на тотъ фактъ, что масса въ настоящее время относится равнодушно къ экономической борьбѣ, онъ предлагаетъ приложить всѣ силы къ одной лишь политической организаціи, т. е. „*приспособиться*" къ теперешнему настроенію массъ, приспособиться къ тому, что масса чувствуетъ и чего она желаетъ въ настоящій моментъ. Если нашъ корреспондентъ думаетъ, что онъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ нашей передовицей, то мы должны замѣтить, что онъ невѣрно понялъ ее, вычиталъ изъ нея мысли прямо противоположныя высказаннымъ тамъ. Объяснимся.

съ абсолютной монархіей смести и самый принципъ монархіи, вмѣстѣ съ злоупотребленіями частной собственности смести и самый принципъ частной собственности."

Таковы политическія стремленія либераловъ. Каковъ же планъ дѣйствія либеральной партіи? Либералы „на практикѣ" еще несомнѣнно не сказали послѣдняго слова. Пока они еще въ значительной степени живутъ безсмысленными надеждами на „перемѣну курса" въ правительственныхъ сферахъ, стараются извлечь выгоду для себя изъ ссоръ между министрами, между Витте и Плеве; протестуютъ противъ произвола министровъ во имя самовластія царя; „изящно" обходятъ реакціонные министерскіе циркуляры, не покидая „законной" почвы и не нарушая формально воли монарха. Въ этой трусливой тактикѣ либераловъ, которая особенно ярко сказалась въ недавней земской кампаніи, какъ правильно выражается „Освобожденіе", есть „еще много недосказаннаго и много недодуманнаго." Но нетрудно предвидѣть, до чего они додумаются и до чего они договорятся, когда ихъ партія лучше сорганизуется и когда мы своей революціонной борьбой настолько расшатаемъ самодержавіе, что имъ не опасно будетъ открыто заявить всѣ свои затаенныя политическія требованія. *Въ этотъ критическій моментъ они предложатъ царскому правительству сдѣлать народу тѣ политическія уступки, въ которыхъ заинтересована также буржуазія, и взамѣнъ этого они окажутъ царскому правительству поддержку въ борьбѣ противъ того, въ чемъ заинтересована одна лишь демократія.*

Вотъ тотъ маневръ, который скрывается за словами ихъ программы: „земскіе люди обязаны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, *чтобы использовать всѣ преимущества своего фактическаго положенія.*"

Когда мы, соціалдемократы, указываемъ на эту двусмысленную тактику либераловъ, намъ обыкновенно возражаютъ: пусть такъ, но развѣ конституція, которой хотятъ либералы, не лучше неизмѣримо современнаго самодержавнаго произвола? Добьемся сначала хоть этой конституціи, а тамъ ужъ вашей партіи пролетаріата легче будетъ бороться за большее. Тѣ, которые такъ разсуждаютъ, не понимаютъ или, вѣрнѣе, неспособны понять великаго значенія настоящаго революціоннаго момента для русской демократіи вообще и для русскаго пролетаріата въ особенности.

Пролетаріатъ ведетъ давно упорную революціонную борьбу; вслѣдъ за нимъ въ борьбу втянулись и продолжаютъ втягиваться и другіе демократическіе слои населенія. Самодержавное правительство опирается почти исключительно на свои штыки, потому что всѣ отъ него постепенно отворачиваются. И вотъ въ такое-то время *либеральная буржуазія выступаетъ, по ея словамъ, съ цѣлью „посредничества", въ дѣйствительности же съ цѣлью заключить сдѣлку съ правительствомъ.* Либералы не скрываютъ, что они готовы оказать правительству помощь не только совѣтомъ, но *и дѣломъ* въ его борьбѣ съ революціонной гидрой, если оно сдѣлаетъ политическія уступки въ мѣру потребности буржуазіи. Такая поддержка со стороны либеральной буржуазіи могла бы вывести правительство изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ либеральная буржуазія—сила: *еслибы она рѣшительно отвернулась отъ самодержавія, оно бы неминуемо погибло; когда же она вступитъ съ самодержавіемъ въ половинчатую сдѣлку, государственный порядокъ въ громадной степени упрочится*, и тогда, тогда мы очутимся въ такомъ же положеніи, какъ западно-европейскіе народы послѣ неудачныхъ революцій 40-хъ гг. Главнѣйшія наши демократическія требованія останутся неудовлетворенными, а примѣръ Западной Европы насъ учитъ, что добиться осуществленія этихъ демократическихъ требованій отъ буржуазнаго правительства становится все труднѣе и труднѣе, не прибѣгая къ новой революціи: быстрый ростъ силы и сознательности пролетаріата окончательно вытравилъ всякій демократическій духъ изъ буржуазіи.

Одинъ изъ вождей германской соціалдемократіи, Каутскій, писалъ въ 1893 г.: „Нынче буржуазія прозрѣла... Вѣрно одно: въ Германіи и въ Австріи, да и въ большинствѣ европейскихъ

Ошибки нашей прежней работы заключались не только въ томъ, что мы отдавали слишкомъ много силъ экономической борьбѣ и слишкомъ мало политической. Нѣтъ, у насъ никогда не было того, что теперь извѣстно подъ именемъ „экономизма", т. е. равнодушія къ политическимъ вопросамъ. *) Наша ошибка состояла въ совершенно другомъ: въ томъ, что мы вообще слишкомъ поверхностно вели нашу работу, въ томъ, что мы недостаточно широко понимали и вели какъ *экономическую*, такъ и *политическую* борьбу, и въ первой это проявилось гораздо больше, чѣмъ въ послѣдней. И причина этой поверхностности именно и заключалась въ томъ, что теперь опять предлагаетъ сдѣлать нашъ корреспондентъ, т. е. въ *приспособленіи* къ элементарному настроенію массы, **) въ приспособленіи къ тому, что масса чувствуетъ и чего она требуетъ въ тотъ или другой моментъ. Здѣсь не мѣсто подробно разбирать всѣ причины нашихъ прежнихъ прегрѣшеній. Мы укажемъ лишь здѣсь на двѣ важнѣйшія.

Одна изъ этихъ причинъ чисто психологическаго свойства. Передъ глазами соціалдемократіи былъ примѣръ ея предшественниковъ, которые пали въ тяжелой борьбѣ противъ царизма вслѣдствіе того, что по нѣкоторымъ причинамъ они не могли заинтересовать въ осуществленіи своихъ идеаловъ широкіе слои рабочаго класса. Они должны были поэтому поставить себѣ важную цѣль—приложить всѣ силы къ тому, чтобы прежде всего вызвать широкое массовое рабочее движеніе. Работа ихъ дала хорошіе результаты—широкіе слои рабочей массы пробудились и выступили подъ руководствомъ соціалдемократіи на борьбу за лучшую жизнь. Но это пробужденіе массы было такъ дорого, воспоминаніе о прежнихъ напрасныхъ жертвахъ было такъ ужасно, боязнь быть опять непонятымъ массой и потерять ее была такъ велика, что послѣ первыхъ большихъ проваловъ новое поколѣніе нашихъ дѣятелей (1898—1900 гг.) начало въ своей агитаціи отодвигать въ сторону отдаленныя требованія нашей программы и агитировать лишь за требованія, которыя близки и доступны массѣ въ настоящій моментъ. Вслѣдствіе этого большинство нашихъ агитаторовъ изъ сознательныхъ соціалдемократическихъ руководителей рабочаго движенія превратилось лишь въ техническихъ организаторовъ повседневной борьбы за мелкія (хотя и очень важныя) улучшенія. Результаты очень скоро дали себя знать. Могучая волна революціоннаго движенія въ Россіи, совершенно неожиданно для насъ поднявшаяся, застала насъ,—мы должны въ этомъ сознаться,—совершенно неподготовленными къ такому важному моменту. Итакъ, наша первая ошибка состояла въ томъ, что мы слишкомъ отдавались борьбѣ за мелкія и ближайшія требованія массы и забывали при этомъ широкія задачи пролетарскаго соціалдемократическаго движенія.

Вторая причина нашихъ ошибокъ заключалась въ недостаткѣ сознательныхъ соціалдемократическихъ агитаторовъ. Массовое движеніе еврейскаго пролетаріата росло такъ быстро, что наши организаціи не имѣли возможности подготовлять достаточное количество сознательныхъ агитаторовъ, хотя онѣ постоянно къ этому стремились. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, повседневная борьба поглощала всѣ силы и все время организацій, и не оставалось ни времени, ни силъ для выработки отдѣльныхъ личностей—руководителей борьбы. Къ этому мы должны еще прибавить, что жандармы часто вырывали изъ нашихъ рядовъ лучшихъ товарищей. Все это привело къ тому, что повседневной борьбой руководили очень часто совершенно неопытные и мало развитые товарищи. Эти товарищи не въ состояніи были освѣтить повседневную борьбу съ широкой соціалдемократической точки зрѣнія, и свою агитацію они вели уже слишкомъ „просто". Наши мѣстныя организаціи должны въ настоящее время употребить всѣ усилія для избѣжанія этихъ двухъ недостатковъ, потому что лишь тогда мы въ состояніи будемъ крѣпко держать революціонное знамя соціалдемократіи, лишь тогда будемъ мы въ состояніи избѣжать вредныхъ уклоненій съ нашего прямого пути. Однимъ изъ самыхъ вредныхъ отклоненій является то обстоятель-

*) Авторъ, очевидно, хочетъ сказать, что въ евр. раб. движеніи никогда не было узкаго профессіонализма (Nur-Gewerkschaftlerei). *Ред.*

**) Указанные пробѣлы движенія въ прошломъ и въ настоящемъ зависятъ не отъ приспособленія къ рабочей массѣ, а отъ вліянія на соціалдемократію *общихъ* условій русской общественной жизни: „такъ называемый экономизмъ" въ прошломъ объясняется промышленнымъ подъемомъ средины 90-хъ гг. и общимъ политическимъ затишьемъ; въ З. Краѣ именно изъ среды рабочихъ вышла „оппозиція" противъ исключительнаго увлеченія стачками, которая требовала расширенія соціалистической и политической пропаганды.

„Чистая политика" послѣдняго времени объясняется вліяніемъ на *неокрѣпшую* соціалдемократію подъема политическаго настроенія въ разныхъ классахъ: отчасти соц.-демократы поддались вліянію обще-демократическаго движенія, а отчасти элементы этого движенія потянули въ соціалдемократію. Въ послѣднее время эти элементы видимо уходятъ въ партію соц.-революціонеровъ. *Ред.*

странъ... необходимыя демократическія учрежденія не будутъ введены, пока пролетаріатъ не завоюетъ власти". Судя по послѣднимъ событіямъ въ Бельгіи и въ Германіи, эти слова какъ будто пророческія.

Итакъ, мы должны твердо помнить: *если либеральной буржуазіи удастся на почвѣ взаимныхъ уступокъ упрочить „престижъ" русской монархіи, то главныя требованія демократіи останутся неудовлетворенными, а для удовлетворенія этихъ требованій намъ придется ждать новаго политическаго кризиса, придется готовить вторую, можетъ быть, болѣе трудную революцію.*

Вотъ та серьезная опасность, которая угрожаетъ русской демократіи вообще и русскому пролетаріату въ особенности. Чтобы по возможности предотвратить эту опасность, нужно прежде всего ясно и отчетливо ее сознавать и будить это сознаніе въ другихъ.

Соціалдемократическая партія, какъ передовой отрядъ въ борьбѣ за демократическую свободу, должна разъяснять демократіи разницу между ея политическими интересами и интересами либеральной буржуазіи; должна выяснить ей разницу между той демократической революціей, которая нужна ей, и тѣмъ конституціоннымъ оплотомъ противъ революціи, который хочетъ создать либеральная буржуазія.

Соціалдемократія должна избѣгать такихъ пріемовъ и рѣчей, которые возбуждаютъ у демократіи неосновательныя надежды на либераловъ, которые увеличиваютъ обаяніе либераловъ въ глазахъ демократіи, которые усыпляютъ бдительность демократіи по отношенію къ буржуазіи, которые заражаютъ революціонное движеніе демократіи буржуазно-либеральнымъ ядомъ.

Соціалдемократія должна оторвать отъ либеральной партіи тѣ многочисленные демократическіе элементы, которые примкнули и продолжаютъ примыкать къ ней, и повести ихъ за собою.

Либеральная партія, призванная къ жизни нашей революціонной борьбой, уже называетъ себя теперь „партіей политическаго освобожденія Россіи". Соціалдемократія должна доказать всему народу, что только она, партія пролетаріата, способна стать во главѣ его освободительной борьбы.

Юбилейная рѣчь Плеве.

Наша статья была уже набрана, когда въ газетахъ появилось оффиціальное извѣстіе, что и самодержавное правительство не прочь войти въ сдѣлку съ земской партіей. Объ этомъ заявилъ самъ Плеве на юбилейномъ торжествѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

100 лѣтъ занималось это жандармское министерство „охраненіемъ общественнаго спокойствія": топило въ крови всѣ попытки борьбы трудящихся классовъ, душило всякую свободную мысль, всякое правдивое слово. И результаты этой неустанной дѣятельности? Необычайно быстрый ростъ рабочаго движенія, упроченіе соціалдемократіи въ рабочей средѣ; организація демократическихъ и либеральныхъ элементовъ; непрерывные студенческіе безпорядки и повсемѣстные крестьянскіе бунты; первые раскаты надвигающагося общенароднаго возстанія... И въ этой бурной обстановкѣ совершенно растерянное, всѣми покинутое правительство. Оно стоитъ на краю пропасти; почва подъ ногами колеблется...

Чѣмъ спасти себя отъ неминуемой гибели? Плеве отвѣчаетъ на это: необходимо „усовершенствовать способы управленія". „Державной волей... предначертаны пути къ этому усовершенствованію." Ихъ нѣсколько, но всѣ они должны вести въ Римъ...

Путь первый. Необходимо „усилить распорядительную власть на мѣстахъ"—увеличить штаты жандармовъ и завести охранки; необходимо „упростить порядокъ ея дѣйствій"—окончательно развязать руки губернаторамъ и предложить имъ за образецъ „упрощенный порядокъ дѣйствій" Валей и Оболенскихъ. Все это для того, чтобы „интересы и удобства населенія получили вящее огражденіе", а то теперь даже и либеральные полтавскіе помѣщики, и вожаки земской партіи Гейденъ, Евреиновъ и К-о — всѣ въ одинъ голосъ жалуются на бездѣйствіе власти...

Путь второй. Предполагается устроить при министерствѣ „совѣщанія изъ лицъ мѣстнаго управленія" и вмѣстѣ съ ними „обсудить мѣры къ болѣе правильному сочетанію дѣятельности административной и общественной". Итакъ, приструнивъ сначала высочайшими выговорами слишкомъ зарвавшихся земцевъ, пра-

---

ство, что въ нашихъ организаціяхъ ослабѣлъ интересъ къ экономической борьбѣ.

„Стачками, пишетъ дальше нашъ корреспондентъ, руководятъ теперь сами рабочіе безъ всякой помощи развитыхъ рабочихъ—они уже достаточно самостоятельны для веденія экономической борьбы..." И далѣе: „экономическая борьба такъ глубоко вкоренилась въ сердцахъ рабочихъ, что они себѣ и представить не могутъ, какъ возможно не бороться за лучшія условія жизни. Экономическая борьба стала уже такимъ зауряднымъ явленіемъ, что не считаютъ даже нужнымъ агитировать въ массахъ на экономической почвѣ"... Но развѣ экономическое положеніе нашей рабочей массы уже настолько хорошо, спросимъ мы нашего товарища, что на экономической почвѣ невозможно вызвать недовольства существующимъ капиталистическимъ строемъ? Ужасный кризисъ, продолжающійся уже 2-3 г., очень ясно говоритъ противъ этого. ...Но, можетъ быть, вся масса уже такъ развита, что она сама понимаетъ, насколько негоденъ существующій капиталистическій строй и что необходима замѣна его соціалистическимъ. Мы увѣрены, что этого не скажетъ даже нашъ корреспондентъ, хотя онъ вообще склоненъ преувеличивать успѣхи нашего движенія!... Такъ въ чемъ же дѣло? Почему вдругъ стала исчезать у насъ подъ ногами та самая почва, на которой мы такъ долго и съ такимъ успѣхомъ вели нашу агитацію? Мы попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Повторяемъ еще разъ: мы вполнѣ согласны съ нашимъ товарищемъ, что у еврейскихъ рабочихъ ослабѣлъ интересъ... но не къ экономической борьбѣ, а — къ элементарнымъ, слишкомъ простымъ формамъ этой борьбы, ставшимъ у рабочихъ зауряднымъ явленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый еврейскій рабочій, даже совершенно неразвитой, понимаетъ теперь, что короткій рабочій день лучше длиннаго, что высокая заработная плата лучше низкой, — и что въ этихъ вопросахъ его интересы противоположны интересамъ хозяевъ. Но развѣ къ такой „борьбѣ за копейку" сводится истинная экономическая борьба? Развѣ пониманіе такихъ простыхъ вещей есть въ самомъ дѣлѣ истинное классовое самосознаніе? Вѣдь противъ такой „борьбы" ничего не имѣетъ самъ господинъ Зубатовъ! Вѣдь за такое „классовое самосознаніе" ухватятся обѣими руками господа „независимцы" *). Развѣ въ самомъ дѣлѣ достаточно для нашихъ рабочихъ такой борьбы и такого сознанія? Очевидно, нашъ корреспондентъ думаетъ, что этого вполнѣ достаточно, ибо онъ въ восторгѣ отъ того, что наша масса „сама ведетъ" экономическую борьбу, и онъ считаетъ лишнимъ вмѣшательство нашихъ сознательныхъ агитаторовъ въ эту борьбу!... Изъ того факта, что до сихъ поръ экономическая борьба носила у насъ такой узкій, поверхностный характеръ, нашъ товарищъ дѣлаетъ заключеніе, что другого, болѣе глубокого характера эта борьба вовсе не можетъ имѣть,—и онъ предлагаетъ намъ предоставить экономическую борьбу ея естественному теченію и взять на себя только руководство политической борьбой. Къ этому, думаетъ онъ, наши соціалдемократы стремились съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности.

„Десять лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ, когда въ Россіи началось рабочее движеніе, оно прежде всего выразилось въ экономической борьбѣ. Руководители же—соціалдемократы всегда имѣли въ виду политическую борьбу. Но было очень трудно сразу развивать массу политически, такъ какъ она прежде должна была пройти школу экономической борьбы. Благодаря этому, теперь ей легче понимать политическія задачи." Смотря на экономическую борьбу,—лишь какъ на средство вовлечь массы въ *политическую* борьбу, мы этимъ самымъ недооцѣниваемъ, умаляемъ значеніе экономической борьбы. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что до послѣдняго времени во многихъ мѣстахъ понимали именно такъ поверхностно экономическую борьбу. Только этимъ можно объяснить тотъ успѣхъ, которымъ нѣкоторое время пользовались въ Минскѣ независимцы.

Въ чемъ же должна состоять и какъ должна вестись экономическая борьба?

Она должна быть сознательной борьбой—не только противъ отдѣльныхъ проявленій существующаго строя, но противъ всего основанія этого строя; она должна быть борьбой противъ классового господства буржуазіи, противъ анархіи капиталистическаго строя съ его кризисами и безработицей, борьбой во имя соціалистическаго строя. Только обладая такимъ широкимъ сознаніемъ, наша рабочая масса не поддастся обману всякаго рода легализаторовъ, и всѣ наши мѣстныя организаціи теперь сознаютъ, что необходимо вносить глубокое соціалдемократическое сознаніе въ широкія массы.

Все наше предыдущее движеніе имѣло большое историческое значеніе: оно намъ создало много друзей въ еврейскомъ рабочемъ классѣ; значительная часть еврейскаго пролетаріата внимательно прислушивается къ каждому нашему слову; и намъ надо двигать впередъ нашу работу. Вмѣсто того, чтобы разсказывать нашей

*) Независимая Евр. Раб. Партія стремится создать рабочее движеніе, лишенное всякой политической окраски. За это она пользуется расположеніемъ и покровительствомъ жандармовъ. *Ред.*

вительство теперь въ интересахъ собственнаго спасенія готово удѣлить имъ частичку своей неограниченной власти. Какъ велика будетъ эта частичка? Все будетъ зависѣть отъ поведенія земской партіи, продешевитъ она или нѣтъ при запродажѣ своей оппозиціи царизму. Предстоящій торгъ явится серьезнымъ испытаніемъ политической зрѣлости земцевъ. Плохая надежда, что они съ честью выйдутъ изъ этого испытанія. Слишкомъ великъ страхъ земцевъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата и разростающимся крестьянскимъ движеніемъ. А страхъ — плохой совѣтчикъ тамъ, гдѣ требуется холодный политическій расчетъ.

Путь третій. Необходимо заручиться расположеніемъ въ крестьянской средѣ и ради этого заняться „упорядоченіемъ крестьянскаго дѣла со всѣми привходящими сюда сложными вопросами сельскаго быта“. Но „было бы легкомысленнымъ самомнѣніемъ полагать, что съ этими вопросами министерство можетъ справиться своими силами“. Нѣтъ,—для содѣйствія себѣ оно намѣрено привлечь „дѣятелей, опытомъ жизни ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ“. Очевидно, для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ въ деревнѣ понадобилось внести зубатовщину въ крестьянскую среду, и Плеве ищетъ себѣ въ этомъ дѣлѣ сотрудниковъ. Гг. земцы! откликнитесь ли вы на призывъ министра?!

Политическая жизнь Россіи усложняется съ каждымъ днемъ. Рѣшать политическія задачи старозавѣтными домостроевскими способами стало немыслимо даже для нашего пережившаго самого себя правительства. На сцену выступаютъ болѣе утонченные пріемы дѣйствій — политическій подкупъ и политическая сдѣлка.

Задача нашей партіи — разстроить хитроумный планъ Плеве. Мы должны во что бы то ни стало воспрепятствовать сдѣлкѣ правительства съ земской партіей. Мы должны съ большей энергіей двинуться въ деревню, разоблачая передъ крестьянами подоплеку правительственной крестьянской политики.

Знаменіе времени.

Ростовская стачка — самое крупное политическое событіе послѣдняго десятилѣтія. Но этотъ фактъ потому-то и имѣетъ крупное значеніе, что онъ не случайный, не неожиданный: въ Ростовѣ лишь болѣе ярко вспыхнулъ огонь, который тлѣетъ теперь повсюду въ пролетарской Россіи. Достаточно сравнить ростовскую стачку съ рабочими демонстраціями въ Сормовѣ, Баку, Тифлисѣ, съ обуховской обороной, съ харьковской маевкой 1900 г., достаточно вдуматься въ рѣчи сормовскихъ и саратовскихъ рабочихъ на судѣ, чтобы убѣдиться, что всѣ эти факты, какимъ бы они мѣстнымъ поводомъ ни были вызваны, порождены общими условіями нашего рабочаго движенія и свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ его.

„Рабочему человѣку въ Россіи нельзя не протестовать, нельзя не бороться!“ „Условія жизни рабочихъ настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало *бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути*, хотя бы эта борьба была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни...“ Такъ говорили Воеводинъ, Заломовъ и другіе, привлекавшіеся къ суду въ Нижнемъ и Саратовѣ, и такъ думаютъ теперь многія тысячи рабочихъ, которые страстно желаютъ принять осмысленное, активное участіе въ политической жизни Россіи. Въ этихъ событіяхъ и въ этихъ рѣчахъ особенно цѣнна для насъ одна черта: рабочіе протестуютъ теперь противъ политическаго гнета не просто, какъ отдѣльныя развитыя личности; такихъ рабочихъ было немало въ русскомъ пролетаріатѣ и во время прошлаго революціоннаго движенія 70 и 80-хъ гг.; нѣтъ, они протестуютъ, какъ члены рабочаго класса, во имя интересовъ рабочаго класса. Съ каждымъ днемъ растетъ классовое сознаніе и революціонная активность русскаго пролетаріата. Сегодня онъ въ Ростовѣ дошелъ до точки кипѣнія. Еще нѣсколько градусовъ, и закипѣть можетъ вся пролетарская Россія... Ростовская стачка *не исключительное* событіе, это „знаменіе времени“...

Когда русская соціалдемократія дѣлала первые свои теоретическіе, а затѣмъ практическіе шаги, когда она впервые прокладывала себѣ путь среди обломковъ старыхъ народническихъ ученій и народовольческихъ организацій, она все свое вниманіе и всѣ свои надежды сосредоточила на пролетаріатѣ. Люди, не освободившіеся отъ старыхъ предразсудковъ, въ этомъ усматривали крайнюю „узость“. Исторія доказала, что въ этой „узости“ была сила.

13 лѣтъ тому назадъ первые русскіе соціалдемократы писали въ заграничной газетѣ „Соціалистъ“: „Чтобы сломить де-

рабочей массѣ только старыя сказки о „копейкѣ“, мы должны ей говорить теперь о всѣхъ сторонахъ жизни рабочаго при современномъ строѣ, подготовляя изъ нашихъ товарищей—рабочихъ сознательныхъ борцовъ за политическую и соціальную революцію. Мы должны вмѣшиваться во всѣ, даже повседневныя проявленія борьбы между трудомъ и капиталомъ для того, чтобы на ихъ почвѣ вести соціалистическую агитацію. Мы всегда должны бороться со всякими „цеховыми“ и другими узкими тенденціями въ нашемъ движеніи, которыя теперь понижаютъ его характеръ. Мѣстнымъ или временнымъ интересамъ того или другого слоя рабочаго класса мы должны постоянно противоставлять глубокіе интересы всего пролетаріата. Мы должны не только вмѣшиваться въ ту борьбу, которую ведутъ рабочіе сами, но часто и самимъ *вызывать* экономическую борьбу; мы должны призывать къ всеобщимъ стачкамъ, которыя должны обнаружить классовой характеръ нашей борьбы; мы должны призывать къ массовой борьбѣ, въ которой должны быть выставляемы широкія экономическія требованія, удовлетворяющія интересамъ не только одного цеха или ремесла, но болѣе широкихъ слоевъ рабочаго класса. Словомъ, мы должны призывать пролетаріатъ, на почвѣ его современнаго экономическаго порабощенія на экономическую борьбу, которая должна носить *классовой*, а не только узко-профессіональный характеръ.

И нашъ корреспондентъ можетъ быть увѣренъ, что *такая* агитація на „экономической почвѣ“ *никогда* не „устарѣетъ“; она всегда будетъ интересовать широкія рабочія массы. Только глубокая и широкая программа и всесторонняя агитація въ состояніи вызвать широкое движеніе. Итакъ, не *отказываться отъ руководства экономической борьбой* имѣемъ мы въ виду, когда призываемъ наши организаціи стать совершенно независимыми отъ профессіональной борьбы, а какъ разъ наоборотъ: освободившись отъ односторонности и узости профессіональной борьбы, онѣ въ состояніи будутъ тѣмъ съ большей энергіей взяться за руководство какъ экономической, такъ и политической борьбой, но не съ узкой профессіональной, а съ широкой соціалдемократической точки зрѣнія.

Мы разобрали, такимъ образомъ, мнѣнія нашего корреспондента объ „экономической борьбѣ“. Наше движеніе, въ которомъ экономическая борьба до сихъ поръ занимала столько мѣста, онъ находитъ недостаточно революціоннымъ, и онъ совершенно правъ, желая его болѣе революціонизировать. Но какъ этого достичь?

„При современныхъ условіяхъ, говоритъ нашъ корреспондентъ, намъ необходимо и мы должны *революціонизировать* наше движеніе, чтобъ оно носило политическій характеръ.“

Политическая агитація — вотъ, слѣдовательно, единственное средство противъ всѣхъ золъ. Но что понимаетъ нашъ товарищъ подъ „политической агитаціей“?

„Подъ словомъ „политическая агитація“ я разумѣю, что нужно дать понять массѣ положеніе рабочаго класса въ Россіи и положеніе рабочаго класса въ другихъ странахъ; знакомить широкую массу рабочихъ со всякимъ политическимъ явленіемъ, происходящимъ у насъ и въ другихъ странахъ, напр., съ крестьянскими бунтами, студенческими безпорядками, военными бунтами и т. п. Отъ агитатора зависитъ, насколько онъ способенъ въ популярной формѣ вести политическую агитацію въ рабочей массѣ“.

Прекрасно! Было бы очень хорошо, если бы наша масса понимала все то, что предлагаетъ объяснять ей нашъ товарищъ. Но развѣ всего этого достаточно? Какая же въ такомъ случаѣ была бы разница между нашей политической агитаціей и агитаціей другихъ буржуазно-радикальныхъ партій? Куда дѣвался важный пунктъ нашей программы — о необходимости для пролетаріата захватить въ свои руки политическую власть и использовать ее для соціальной революціи? Куда дѣвалось наше пролетарское требованіе, — чтобы Россія превратилась въ федеративную республику? Обо всемъ этомъ нашъ товарищъ не говоритъ ни слова!....Конечно, „письмо“ вѣдь не программа, въ „письмѣ“ вѣдь можно кое-что забыть! Но характерно, что нашъ товарищъ забылъ не „мелочь“, но именно всѣ наши важнѣйшія пролетарскія, чисто соціалистическія требованія. Во всемъ своемъ письмѣ нашъ товарищъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ, когда и какимъ образомъ будемъ мы агитировать за наши соціалистическія требованія. Это характерно, какъ доказательство того, что корреспондентъ вмѣстѣ съ другими нашими товарищами, отказываясь отъ переоцѣнки професіональной борьбы, готовъ хватить съ другой стороны черезъ край въ сторону чистой политики. Такого рода „хватаніе“ черезъ край, забвеніе нашей величайшей соціалистической конечной цѣли есть одно изъ самыхъ вредныхъ явленій нашего движенія, и мы постоянно должны всѣми силами бороться противъ этого. Если, отдаваясь исключительно „экономизму“ мы можемъ прійти въ объятья господина Зубатова и его присныхъ, то съ другой стороны, отдаваясь исключительно политикѣ и забывая пролетарскія соціалистическія требованія, мы можемъ стать игрушкой въ рукахъ буржуазныхъ партій и всякихъ политическихъ шарлатановъ.

спотизмъ окончательно, нужна реальная сила... Наиболѣе способнымъ на эту роль является пролетаріатъ... Заинтересовавъ рабочихъ въ политической борьбѣ, сдѣлавъ эту борьбу *ихъ* борьбой, за *ихъ* освобожденіе, соціалисты почувствуютъ подъ собой твердую почву... Всякая стачка, всякій бунтъ, всякое столкновеніе съ фабрикантомъ ведутъ рабочихъ къ столкновенію съ правительствомъ. Всѣ эти явленія могутъ перейти подъ вліяніемъ агитаціи соціалистовъ-рабочихъ въ политическія манифестаціи, въ требованіе политической свободы... Мы разъ навсегда должны запомнить, что *степень демократичности конституціи находится въ прямой зависимости отъ степени заинтересованности въ борьбѣ за нее рабочаго населенія.*“ То, что наши товарищи писали въ 89 г., теперь уже наполовину сбылось; намѣченный соціалдемократіей путь къ низверженію самодержавія наполовину пройденъ. Десять лѣтъ зрѣло въ русскихъ рабочихъ кварталахъ и мастерскихъ великое дѣло сліянія *массоваго* рабочаго движенія съ *научнымъ* соціализмомъ. Борьба съ хозяевами за экономическія улучшенія, благодаря упорной работѣ соціалдемократовъ, углублялась, осмысливалась и превращалась въ борьбу рабочаго класса за его полное освобожденіе. Въ этомъ движеніи широкіе круги рабочихъ почувствовали тяжесть цѣпей, которыми они скованы еще крѣпче, чѣмъ весь русскій народъ; они въ борьбѣ изъ обывателей превращались въ *гражданъ* и все съ большимъ довѣріемъ и интересомъ прислушивались къ политическимъ рѣчамъ соціалдемократовъ. Въ началѣ и въ серединѣ 90-хъ гг. пролетарское ученіе Маркса было единственное идейное теченіе, привлекавшее къ себѣ вниманіе всего жизнеспособнаго въ русской интеллигенціи, а пролетаріатъ былъ единственный классъ въ Россіи, который съ бодрой вѣрой глядѣлъ на будущее. Благодаря тому, что все живое окунулось тогда въ пролетарскія идеи и въ пролетарскую среду, русскій пролетаріатъ скоро выбрался на широкую дорогу общеполитической жизни, и сама политическая жизнь Россіи оживилась: тяжелые шаги пролетаріата разбудили окружающее сонное царство и поставили самодержавное правительство лицомъ къ лицу съ народнымъ революціоннымъ движеніемъ.

Но именно тогда, когда „реальная сила“, о которой мечтали первые русскіе соціалдемократы, блестяще оправдала надежды, вниманіе и интересъ къ ней стали *относительно* ослабѣвать. Подъ косвеннымъ вліяніемъ политическаго роста рабочаго класса началось движеніе среди студентовъ, въ либеральныхъ сферахъ, среди крестьянъ. Быстро чередовались другъ за другомъ политическія событія: студенческіе безпорядки, террористическіе выстрѣлы, либеральные протесты, крестьянскіе бунты... Всѣ эти факты волновали умы рабочихъ, возбуждали у нихъ тысячи вопросовъ. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, чтобы освѣтить всѣ эти явленія съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, чтобы выяснить пролетаріату, какую классовую позицію онъ долженъ занять по отношенію къ нимъ, нужно было удесятерить соціалдемократическую дѣятельность въ пролетарской средѣ. При такомъ условіи голосъ пролетаріата покрылъ бы собой голоса всѣхъ недовольныхъ элементовъ населенія и революціонная волна поднялась бы на небывалую высоту; только при такомъ условіи соціалдемократія сохранила бы за собой главенство въ общественной жизни, какое она имѣла почти на всемъ протяженіи 90-хъ годовъ. Но сила стихіи оказалась сильнѣе силы логики.

Быстро стала складываться партія соціалистовъ-революціонеровъ. Революціонная учащаяся молодежь, которая раньше исключительно тянулась къ соціалдемократіи, а отчасти и рабочіе потянулись къ соц.-революціонерамъ. И среди самихъ соціалдемократовъ раздался кличъ: „идите во всѣ классы“, содѣйствуйте „*обще*національной задачѣ освобожденія Россіи!“ и т. д. Соціалдемократы, звавшіе своихъ товарищей идти во всѣ классы, вмѣсто того, чтобы усиленно звать ихъ въ пролетаріатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ безъ устали твердили имъ, чтобъ они не смѣшивали своихъ соціалдемократическихъ взглядовъ со взглядами другихъ классовъ и партій. Но къ этому требованію многіе остались глухи: теперь не время, говорили они, спорить о взглядахъ на отдаленное будущее; если, по вашему мнѣнію, въ настоящемъ наша задача *обще*національная“, если мы въ настоящемъ должны идти во *всѣ* классы, чтобы толкать ихъ на борьбу съ самодержавіемъ, то намъ нечего съ ними ссориться...

Такъ пролетарскіе идеи и интересы стали незамѣтно смѣшиваться въ сознаніи многихъ революціонеровъ съ идеями и интересами другихъ оппозиціонныхъ классовъ, а самъ пролетаріатъ, какъ активный общественный классъ, куда-то оттирался на задній планъ.

Къ счастью, вредный миражъ, затемнявшій классовое самосознаніе пролетаріата и ослаблявшій его политическую роль, сталъ разсѣиваться. Въ послѣднее время все явственнѣе обнаруживается, что у насъ не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ нѣтъ *одинаковой обще*національной задачи. По мѣрѣ того, какъ растетъ растерянность самодержавнаго правительства, все болѣе рѣзко обозначаются двѣ крупныя общественныя силы, которыя съ совершенно различными расчетами и видами подходятъ къ революціи и которыя однѣ могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ моментъ революціи: либеральная буржуазія и революціонный пролетаріатъ. Что касается интеллигенціи въ массѣ, крестьянства и другихъ демократическихъ слоевъ населенія, то становится очевидно, что ихъ движеніе можетъ ускорить развязку, но что сами по себѣ они не могутъ опредѣлить, какой характеръ будетъ имѣть развязка. Если пролетаріатъ совершитъ революцію, то крестьянское возстаніе и протесты интеллигенціи въ громадной мѣрѣ увеличатъ ея размахъ. Если же пролетаріатъ не совершитъ революціи, то крестьянскіе бунты, пугающіе въ одинаковой мѣрѣ правительство и буржуазію, лишь ускорятъ сдѣлку между ними, а „интеллигентское“ движеніе лишь въ большей или меньшей степени смягчитъ ея недостатки.

Въ виду того, что классовый характеръ современнаго политическаго движенія все рѣзче выступаетъ наружу, мы можемъ надѣяться, что наша партія займетъ ту твердую классовую позицію, которой она никогда не должна покидать. Чѣмъ болѣе приближается моментъ генеральнаго сраженія съ царскимъ деспотизмомъ, тѣмъ болѣе мы должны сосредоточивать свои силы въ пролетаріатѣ и стягивать къ этому ядру революціонныя силы демократіи. Мы должны звать пролетаріатъ на политическую борьбу во имя того, въ чемъ онъ одинъ заинтересованъ, и въ чемъ онъ больше всего заинтересованъ, т. е. во имя его экономическаго освобожденія, во имя соціализма. Мы должны подчеркивать въ своей политической агитаціи не то, что связываетъ пролетаріатъ съ другими классами, а то, что отдѣляетъ его отъ нихъ, какъ самый передовой, какъ единственный классъ, заинтересованный въ полной демократической свободѣ; мы должны будить его революціонную энергію не тѣмъ, что буржуазія тоже отчасти заинтересована въ борьбѣ съ самодержавіемъ, а тѣмъ, что время тревожное, что безъ его рѣшительнаго участія буржуазія продастъ дѣло свободы. Поскольку въ демократическихъ слояхъ возникаютъ *истинно революціонныя* движенія, мы, конечно, должны *ихъ* поддерживать, но, какъ общее правило, мы должны звать демократію поддерживать *наше* революціонное дѣло, а „могущихъ вмѣстить“ мы должны звать прямо въ ряды нашей партіи, потому что только партія пролетаріата пойдетъ до конца въ борьбѣ за политическую свободу. При такой опредѣленной тактикѣ мы будемъ не только *защищать* и представительствовать интересы пролетаріата, мы будемъ ясно *выражать* то, что онъ раньше или позже смутно начинаетъ чувствовать. Такимъ образомъ онъ насъ пойметъ и пойдетъ за нами.

Только развивая политическую самодѣятельность пролетаріата мы можемъ надѣяться раздуть въ пожаръ огонь, тлѣющій въ пролетарской Россіи. И мы можемъ быть увѣрены, что, когда поднимется пролетаріатъ, за нимъ пойдутъ и другіе революціонные слои народа.

Пусть знаменательныя ростовскія событія оживятъ въ памяти всѣхъ то, что говорили наши товарищи еще въ 89-мъ году.

„Мы разъ навсегда должны запомнить, что *степень демократичности конституціи находится въ прямой зависимости отъ степени заинтересованности* (и сознательнаго участія) *въ борьбѣ за нее рабочаго населенія*“.

—⁂—

Еще о ростовскихъ событіяхъ.

I. Письмо изъ Ростова.

Въ субботу 2 ноября бросили работу рабочіе котельнаго цеха владикавказскихъ мастерскихъ. Поводомъ къ этому послужило то, что расплата съ ними производилась неправильно. Немедленно къ нимъ явился начальникъ мастерскихъ Дзевонскій и успокоилъ ихъ обѣщаніемъ удовлетворить ихъ требованіе. Въ общемъ котельщики не работали часа два. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же предлагали пойти въ другіе цеха и пригласить всѣхъ рабочихъ примкнуть къ стачкѣ. Но это предложеніе не встрѣтило сочувствія, — кажется, въ силу какой-то странной амбиціи: „мы сами бросили работу, такъ пускай и тѣ сами бросаютъ“, — говорило большинство котельщиковъ.

Этимъ случаемъ рѣшилъ воспользоваться Донской Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи для того, чтобы призвать къ стачкѣ всѣхъ рабочихъ мастерскихъ. На успѣхъ такого призыва позволяло надѣяться благопріятное для стачки настроеніе рабочихъ. Уже съ мѣсяцъ среди нихъ шли толки объ ея необходимости. Дѣло въ томъ, что съ мая управленіе дороги постепенно, но значительно понизило расцѣнки. Это, а также грубое обращеніе мастеровъ возбуждали среди рабочихъ сильное недовольство. Оно усилилось послѣ появленія 3 октября прокламаціи Комитета, которая произвела хорошее впечатлѣніе и вызвала оживленные разговоры о стачкѣ.

Въ воскресенье Комитетъ созвалъ сходку человѣкъ въ 40 изъ представителей разныхъ цеховъ. На ней были выработаны тѣ 9 требованій, которыя вошли въ выпущенную на слѣдующій день прокламацію, призывавшую къ стачкѣ. Главныя изъ нихъ — 9-часовой раб. день, работа подъ праздникъ до 2 часовъ, повышеніе зараб. платы на 20 % и расцѣнковъ такъ, чтобы они составляли не менѣе 50% жалованья, отмѣна штрафовъ за неявку на работу, вѣжливое обращеніе мастеровъ и удаленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, школа для дѣтей рабочихъ и т. д.

Въ понедѣльникъ утромъ въ мастерскихъ были распространены эти прокламаціи. Около 10 часовъ нѣсколько организованныхъ рабочихъ ворвались въ кочегарку и, отбросивъ послѣ нѣкоторой борьбы кочегара и мастера (инженера), дали тревожный гудокъ. Въ то же время другіе бросились по цехамъ съ крикомъ: „Стачка! Бросайте работу!“

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ рабочіе (около 3800) бросили работу и собрались на обширномъ дворѣ мастерскихъ. Скоро явились туда и жандармы (желѣзнодорожные). Начальникъ мастерскихъ не пришелъ, отговариваясь болѣзнью. Вмѣсто него въ качествѣ посредника выступилъ жандармскій полковникъ. Но его не стали слушать и забросали прокламаціями. „Долой посредниковъ! Не надо посредниковъ!“ кричала сходка. Полковнику пришлось удалиться подъ свистъ и насмѣшки рабочихъ. Та же участь постигла и другихъ лицъ изъ администраціи. „Зачѣмъ вы здѣсь? Чего вамъ надо? Мы васъ не звали!“—кричали рабочіе жандармамъ и полицмейстеру.

Отъ Комитета выступилъ ораторъ и разъяснилъ слушателямъ значеніе выставленныхъ въ прокламаціи требованій. Списокъ ихъ былъ тутъ же дополненъ. Изъ новыхъ требованій можно отмѣтить требованіе полной безотвѣтственности стачечниковъ и ихъ депутатовъ. Общее число пунктовъ дошло до 28.

Въ число требованій попало, между прочимъ, два—о переходѣ сверлильщиковъ и электрическаго цеха съ поденной платы на сдѣльную. Эти требованія кореннымъ образомъ противорѣчатъ одному изъ требованій соціалдемократіи, и самъ Комитетъ еще наканунѣ стачки предполагалъ начать въ мастерскихъ самую широкую пропаганду противъ сдѣльныхъ работъ, осложненныхъ здѣсь еще хищнической системой процентовъ. Включеніе въ прокламацію упомянутыхъ двухъ требованій объясняется стеченіемъ несчастныхъ случайностей, говорить о которыхъ въ силу конспиративныхъ соображеній неудобно.

5 ноября во дворѣ мастерскихъ собралась новая сходка, которая привлекла много постороннихъ лицъ. Сходки продолжались и въ слѣдующіе дни, и число слушателей увеличивалось съ каждымъ днемъ. Съ среды ораторы, дѣйствовавшіе по указаніямъ комитета, перешли къ политическихъ рѣчамъ. Содержаніе ихъ было очень разнообразно, особенно если принять во вниманіе, что сходки продолжались 12 дней и длились по нѣсколько часовъ ежедневно.

Въ началѣ политическія рѣчи были встрѣчены холодно и равнодушно. Точнѣе говоря, пока рѣчь шла о политической свободѣ, о демократической конституціи, о жандармахъ, полиціи и правительствѣ, оратора слушали съ интересомъ, соглашались съ нимъ и поддерживали его. Но едва дѣло доходило до самодержавія, до царской власти, настроеніе мѣнялось, и крикъ: „долой самодержавіе!“ подхватывался 3-4 сотнями изъ 10-15 тысячъ. Впрочемъ, такое отношеніе къ самодержавію, помимо слабаго развитія политическаго сознанія, объясняется еще тѣмъ, что многочисленные шпіоны и переодѣтые городовые шныряли въ толпѣ и фабриковали общественное мнѣніе.

Но уже къ концу первой недѣли отношеніе къ политическимъ рѣчамъ измѣнилось. Оно приняло болѣе опредѣленный, сознательный характеръ. Слушатели явственно раздѣлились на нѣсколько группъ. Многіе изъ нихъ стали слушать эти рѣчи съ бóльшей охотой и бóльшимъ сочувствіемъ; другіе, наоборотъ, гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказывались противъ нихъ. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, только часть была принципіально противъ политическихъ рѣчей; другіе же высказывались противъ нихъ лишь изъ опасенія, что онѣ повредятъ стачкѣ.

Въ виду такого положеніе вещей въ воскресенье, 10-го, на громадной сходкѣ передъ 25—30 тысячной толпой былъ произнесенъ рядъ рѣчей на тему: „почему мы произносимъ политическія рѣчи?“ Удачныя рѣчи имѣли большой успѣхъ и окончательно разсѣяли недовѣріе къ политической пропагандѣ и противоправительственной агитаціи.

Между тѣмъ совершенно растерявшееся начальство не знало, что предпринять. Опасаясь отпора со стороны толпы и не имѣя подъ руками достаточно войска, оно не трогало сходокъ. Единственная предпринятая администраціей мѣра—воспрещеніе сходокъ во дворѣ мастерскихъ—имѣла неожиданные для нея результаты: сходки были перенесены за городъ, на Темерницкую балку, и сдѣлались болѣе крупными и многолюдными.

Вѣсть о стачкѣ и сходкахъ въ первые же дни разнеслась по всему городу и всколыхнула застоявшееся болото ростовской жизни, лишь слегка затронутой общерусскими революціонными событіями и мелкими проявленіями мѣстной революціонной работы. Особенно заволновались рабочіе и ремесленники. Всѣхъ охватила какая-то эпидемія стачекъ. Первыми поднялись переплетчики, булочники, портные. За ними забастовала писчебумажная фабрика Панченко (600 чел.); часть требованій была немедленно удовлетворена. Плугостроительный заводъ „Аксай“ (300 ч.) выставилъ рядъ требованій; акціонеры завода охотно бы ихъ удовлетворили, если бы не запрещеніе на это фабричной инспекціи. Два дня стоялъ чугунполитейный заводъ Дутикова (120 ч.). Забастовки газовщиковъ (40 чел.). и трамвайщиковъ (120 чел.) были предупреждены немедленнымъ удовлетвореніемъ ихъ требованій. Забастовали-было рабочіе гвоздильнаго завода Панина (200 чел.), но „продали стачку“ за 15 руб. на брата, чѣмъ вызвали со стороны остальныхъ рабочихъ градъ насмѣшекъ. Табачная фабрика Асмолова (3000 ч.) стояла два-три дня; нѣкоторыя мелкія требованія были удовлетворены; точно также и на фабрикѣ Токарева, послѣ трехдневной остановки. Были стачки на мыловаренномъ заводѣ Месерова (50 ч.), плугостроительномъ Григорьева, на заводѣ Мартена (изъ 120 бастовало 40), на табачной фабрикѣ Кушнарева (2000 ч.; 1 день; съ начала стачки въ каждой мастерской стояло по 2 городовыхъ) и т. д. Такимъ образомъ стачка захватила почти всѣ фабрики и заводы въ Ростовѣ и сосѣдней Нахичевани. Но отсутствіе организованныхъ рабочихъ на многихъ заводахъ и вообще слабость рабочей организаціи и недостаточность собственныхъ силъ Комитета непозволили ему оформить и организовать всѣ эти отдѣльныя стачки. Формулировка для нихъ требованій, выпускъ прокламацій, постановка на всѣ заводы опытныхъ и умѣлыхъ руководителей — все это требовало такой огромной работы, на которую не хватало ни наличныхъ силъ, ни техническихъ средствъ. Типографія Комитета все время была занята печатаніемъ прокламацій къ желѣзнодорожнымъ стачечникамъ; члены его направили всѣ силы на лучшую организацію сходокъ и поддержку стачки въ мастерскихъ. Кромѣ того, 12 и 13 числа часть силъ была обращена на тихорѣцкія мастерскія по просьбѣ явившейся оттуда въ Ростовъ на сходку депутаціи.

Событія обнаружили важную и характерную черту: слабое развитіе политическаго и въ особенности революціонно-соціалистическаго сознанія и наряду съ этимъ стихійную революціонную активность массъ. Такъ, въ то же время, когда слышалось недовольство политическими рѣчами, особенно направленными противъ самодержавія, та же самая масса, которая выражала это недовольство, фактически вела борьбу съ самодержавнымъ строемъ, сама этого не сознавая. Въ жандармовъ и полицію бросали камнями; приказы атамана встрѣчались ядовитыми насмѣшками; телеграмма министра путей сообщенія, воспрещавшая какія бы то ни было уступки, вызвала общее негодованіе и возбудила ненависть къ правительству, которую масса не стѣснялась открыто и рѣзко выражать.

Между тѣмъ администрація понемногу оправилась: въ Ростовъ были стянуты войска, на столбахъ появились „обязательныя постановленія“. Городъ очутился на военномъ положеніи. По улицамъ съ пѣснями разъѣзжали сотни казаковъ въ полномъ вооруженіи. На вокзалѣ цѣлые дни высаживались изъ вагоновъ войска, а по дорогѣ съ вокзала въ городъ тянулись цѣлые обозы съ фуражемъ, патронами. Привезено было даже двѣ пушки. И тѣмъ

не менѣе администрація не приступала къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Тѣмъ временемъ стачка начала уже оказывать вліяніе на городскую жизнь. Торговля совершенно прекратилась, купцы, разумѣется, не могли быть этимъ довольны и ругали—кто стачечниковъ, а кто втихомолку администрацію, кто соціалистовъ, а кто —самодержавіе, а иные и тѣхъ и другихъ сразу.

Въ понедѣльникъ 11-го администрація рѣшилась, наконецъ, ограничить свободу слова и собраній. Сотня казаковъ спозаранку расположилась въ балкѣ, гдѣ въ 11 часовъ было назначена сходка. Часамъ къ 10 тамъ собралось достаточно народу, главнымъ образомъ женщинъ. Казаки рѣшили, что пора дѣйствовать, и, по приказу офицера, въ карьеръ бросились на толпу. „Садись!“ раздалась команда въ толпѣ. Всѣ сѣли... Летѣвшіе во весь опоръ съ пиками на перевѣсъ казаки остановились передъ сидѣвшими. Вторая аттака была рѣшительнѣе: казаки пустили въ ходъ пики и нагайки и стали топтать первые ряды сидѣвшихъ лошадьми. Толпа живо вскочила, и завязалась битва: градъ камней полетѣлъ въ казаковъ. Нѣсколькихъ стащили съ лошадей. Женщины хватались за пики, вырывали ихъ, выхватывали изъ рукъ нагайки. Послѣ недолгой борьбы казаки отступили. Еще нѣсколько разъ пытались они повторить аттаку, но толпа всякій разъ отбивала ихъ камнями, палками и досками изъ заборовъ и съ крышъ. Казаки сочли за лучшее удалиться.

Сходка тянулась до трехъ часовъ. И вотъ, когда толпа расходилась, произошло то, чего меньше всего можно было ждать въ этотъ день. Недалеко отъ мѣста сходки собралась небольшая толпа, человѣкъ въ 500 — женщины, дѣти, любопытные. Ничего они не думали предпринимать, а такъ, просто, стояли и, несмотря на требованія казачьяго офицера, не расходились. Мальчишки издѣвались надъ казаками, кувыркались, ходили на рукахъ передъ офицеромъ. Не стерпѣло его казачье сердце, и онъ скомандовалъ въ аттаку. Одинъ мигъ — и мальчишки уже очутились за заборами и на крышахъ и оттуда встрѣтили славныхъ донцовъ такой тучей камней, что имъ пришлось отступить. Шесть разъ повторялась аттака и съ тѣми же результатами. Конные казаки удалились; вмѣсто нихъ явилось полсотни пѣшихъ и безъ всякаго предупрежденія произвели залпъ въ расходившуюся толпу. 6 или 7 человѣкъ было убито, десятка два ранено. Это гнусное звѣрство вызвало въ городѣ страшное возмущеніе: говорили о необходимости устроить демонстрацію пройтись съ трупами убитыхъ по улицамъ города...

Администрація сама струсила послѣдствій своего звѣрскаго поступка и приняла мѣры для успокоенія умовъ: расклеила на утро спѣшно отпечатанное „Душевное слово“ генерала - отъ - самодержавія Богдановича и рядомъ съ нимъ объявленіе о воспрещеніи *рабочимъ* подъ угрозой строгаго наказанія устраивать собранія. Но помѣшать сходкѣ она побоялась. Настроеніе на сходкѣ во вторникъ было крайне возбужденное. Рабочіе явились вооруженные, готовые во что бы то ни стало идти демонстративно въ городъ. Но отъ мысли о демонстраціи пришлось отказаться.

Надо замѣтить, что Затемерницкая часть, гдѣ происходили сходки, отдѣляется отъ расположеннаго на горѣ города глубокой долиной, по которой протекаетъ рѣчка Темерникъ. Долина занята вокзаломъ, станціонными постройками, желѣзнодорожными путями. Пробраться отсюда въ городъ можно только двумя путями; оба они пролегаютъ черезъ шлагбаумы, тянутся затѣмъ узкими переулками между станціонными постройками и, наконецъ, около рѣчки заканчиваются неширокими мостами. На этихъ мостахъ во вторникъ предусмотрительно были расположены усиленные казацкіе наряды, а по всему берегу во дворахъ фабрикъ и мельницъ была спрятана не одна сотня казаковъ. Это еще не все. На горѣ, по которой идетъ подъемъ на главную улицу, были расположены три цѣпи казаковъ. Стратегическое положеніе войскъ было очень выгодное. Попытка демонстрантовъ проникнуть въ городъ стоила бы имъ сотенъ жизней и кончилась бы, по всей вѣроятности, неудачей...

Съ другой стороны были основанія предполагать возможность бунта и погромовъ. Крупный скандалъ съ полиціей, устроенный въ городѣ новобранцами, колоссальная драка за Нахичеванью на салганахъ *), масса оставшихся безъ работы вслѣдствіе неожиданнаго прекращенія навигаціи береговыхъ рабочихъ, общая возбужденная атмосфера, повышенная еще вчерашнимъ кровопролитіемъ, — все это внушало серьезныя опасенія, какъ бы широкое народное политическое движеніе не выродилось въ стихійную разрушительную бурю народнаго бунта.

Въ виду этого Комитетъ выпустилъ въ этотъ день прокламацію, въ которой, снимая съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти событія и возлагая ее цѣликомъ на правительство, убѣждалъ всѣхъ гражданъ Ростова не производить погрома.

Въ среду на смѣну атамана по высочайшему приказу явился въ Ростовъ Плеве, двоюродный братъ министра-вѣшателя, и сейчасъ же принялъ рѣшительныя мѣры противъ сходокъ. Городъ былъ оцѣпленъ со стороны Темерника, и проникнуть за рѣку и даже на вокзалъ не было возможности. Движеніе трамваевъ по вокзальной линіи были пріостановлено. На самомъ Темерникѣ всюду были разставлены патрули. И тѣмъ не менѣе сходки продолжались еще два дня, но съ каждымъ днемъ становились малочисленнѣе. Рѣшено было ихъ прекратить. По вечерамъ, впрочемъ, еще долго происходили въ разныхъ мѣстахъ небольшія собранія по нѣсколько сотъ человѣкъ. При этомъ не разъ происходили стычки съ казаками. Послѣ одной изъ нихъ, въ которой казаки дважды были отбиты камнями, появилось распоряженіе полицмейстера, чтобы домовладѣльцы убрали со своихъ дворовъ камни, иначе они будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

Такъ закончился періодъ сходокъ, продолжавшійся 12 дней Необходимо отмѣтить, что всѣ сходки, даже самыя крупныя, проходили въ изумительномъ порядкѣ. Толпа проявила замѣчательную дисциплинированность. Во время сходокъ царила мертвая тишина, несмотря на то, что въ воскресенье, 10-го, народу было до 30 тыс. человѣкъ. Единственно, что моментами нарушало порядокъ, это — распространеніе прокламацій, появлявшихся ежедневно около полудня. Сначала ихъ просто бросали въ толпу, но это вело обычно къ свалкѣ: на листки набрасывались, какъ голодные на хлѣбъ. Такъ же неудаченъ оказался и другой способъ распространенія—ихъ раздача: одного распространителя стиснули въ толпѣ до обморока, на другомъ разорвали пальто. Такъ какъ количество прокламацій было недостаточно (1500-2500 на 10-15 тыс.), то каждая читалась вслухъ на сходкѣ. Тамъ же производился сборъ денегъ на стачечниковъ. Всего собрано было на сходкахъ около 800 р.; общій же сборъ достигалъ до 2300 р.; изъ нихъ наиболѣе нуждающимся было роздано 1700 руб. Вообще среди стачечниковъ не только острой, но и вообще нужды не было, и они могли бы продержаться еще недѣли 2—3. Объясняется это сравнительной зажиточностью желѣзнодорожныхъ рабочихъ и тѣмъ, что стачка началась сейчасъ же послѣ получки.

Обычный порядокъ сходокъ былъ таковъ: начиналась она съ обсужденія текущихъ дѣлъ, сообщались послѣднія извѣстія о ходѣ стачки, о правительственныхъ распоряженіяхъ. Затѣмъ начинались рѣчи. Онѣ были очень разнообразны и часто прямого отношенія къ стачкѣ не имѣли. Это была широкая массовая пропаганда политическихъ идей. Вотъ, для примѣра, нѣсколько темъ, на которыя произносились рѣчи: о весеннихъ крестьянскихъ бунтахъ, о голодовкахъ, что значитъ долой самодержавіе, о задачахъ женскаго раб. движенія въ Россіи и т. д.

Замѣчу еще, что кромѣ рабочихъ самыми усердными посѣтителями сходокъ были гимназисты, реалисты и гимназистки старшихъ классовъ. Учебныя заведенія всѣ эти дни пустовали, педагоги неистовствовали и ревностно принялись за шпіонство. Все было напрасно...

Между тѣмъ дорога несла крупные убытки; она вынуждена была прекратить сначала пріемъ срочныхъ, а на 4 дня и всякихъ вообще грузовъ. Правленіе дороги удовлетворило бы всѣ требованія стачечниковъ, до 9-часового дня включительно, если бы не правительство: оно запретило дорогѣ уступки стачечникамъ и взялось силой заставить ихъ приняться за работу.

16-го появилось объявленіе полицмейстера, требовавшее немедленнаго прекращенія стачки; крайній срокъ былъ назначенъ на вторникъ, 19-го. Ослушникамъ объявленіе грозило всякими карами.

Въ понедѣльникъ явилось на работу изъ 3800 только 60 чел.; среди нихъ было человѣкъ 40 городовыхъ и жандармовъ, которые напялили на себя пальто и фуражки и съ виду сошли бы, пожалуй, за рабочихъ, если бы изъ-подъ пальто не торчали предательскія шашки, которыя они забыли снять второпяхъ. Во вторникъ явилось столько же, въ среду не больше. Объявленіе не дѣйствовало, и полиція приняла другія мѣры.

Начались высылки и аресты. Выслано до 300 человѣкъ, арестовано 25. Съ другой стороны, въ пятницу съ Закаспійской военной жел. дор. для замѣщенія стачечниковъ прибылъ желѣзнодорожный батальонъ, т. е. тѣ же желѣзнодорожные рабочіе, но въ солдатскихъ шинеляхъ.

Появленіе этихъ казенныхъ штрейкбрехеровъ оказало свое дѣйствіе: въ субботу, 23-го, стало на работу около 1500 рабочихъ. Тогда явился на сцену начальникъ мастерскихъ Дзевонскій и обѣщалъ рабочимъ удовлетворить часть ихъ требованій. Въ воскресенье въ помѣщеніи мастерскихъ состоялся благодарственный молебенъ. Въ понедѣльникъ, послѣ трехнедѣльной стачки, возобновили работу всѣ рабочіе на условіи, что управленіе дороги дастъ имъ окончательный отвѣтъ не позже субботы. Конечно, рабочіе послѣ такого громаднаго движенія не могли сразу успокоиться и цѣлую недѣлю не столько работали, сколько собирались въ кучки и обсуждали послѣднія событія.

Въ субботу рабочимъ было объявлено, что окончательный отвѣтъ будетъ имъ данъ только тогда, когда они совершенно успокоятся. Такое наглое издѣвательство возмутило рабочихъ. Но силъ для дальнѣйшей борьбы уже не было: попытка начать вновь стачку окончилась неудачей.

Вотъ въ общихъ чертахъ описаніе ростовскаго движенія. Оцѣнить все его значеніе въ настоящее время еще невозможно, но ближайшее будущее покажетъ его неизмѣримо громадное вліяніе на ростъ политическаго и революціонно-соціалистическаго сознанія ростовскихъ— да однихъ ли только ростовскихъ — рабочихъ. Если въ прошломъ году на первомайскую демонстрацію въ

*) Скотобойни и салотопенные заводы, гдѣ осенью рѣжутся милліоны овецъ. Тамъ работаютъ тысячи рабочихъ, въ массѣ совершенно некультурныхъ.

Ростовѣ явилось до 500 рабочихъ, то въ этомъ году вполнѣ возможно ждать, что въ празднованіи перваго мая примутъ самое живое участіе всѣ ростовскіе рабочіе.

---

2. Ростовскія прокламаціи.

„На листки набрасывались, точно голодные на хлѣбъ," сообщаетъ авторъ ростовскаго письма. И это неудивительно. Яркій образный языкъ, живое революціонное чувство, простое и толковое разъясненіе смысла всего, что происходитъ, умѣнье улавливать въ каждый моментъ настроеніе рабочей массы и вести ее къ намѣченной цѣли—вотъ отличительныя свойства появлявшихся прокламацій Донского Комитета. Тѣсная нравственная связь съ рабочей массой и строгая выдержанность въ планѣ дѣйствія сдѣлали Донской Комитетъ, по общему признанію свидѣтелей, истиннымъ хозяиномъ во время стачки, и прокламаціи его лучше всего это иллюстрируютъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ помѣстить эти прокламаціи цѣликомъ. Мы приведемъ изъ нихъ только наиболѣе характерныя мѣста.

Первый листокъ къ рабочимъ владикавказскихъ мастерскихъ появился за мѣсяцъ до стачки, 3-го октября, по поводу грубаго обращенія мастеровъ съ рабочими.

„Долгіе годы, говорится въ немъ, изо дня въ день, какъ каторжники, цѣпями прикованные къ тачкѣ, мы стоимъ у своихъ станковъ! Глухо гудятъ колеса, грохочутъ и стонутъ машины, звенятъ молотки, визжитъ напильникъ, жалобно жужжатъ приводные ремни, переплетаясь между собою... Солнце иной разъ заглянетъ сквозь тусклыя стекла въ мрачныя мастерскія,—и чистый свѣтъ его слабѣетъ отъ дыма и пыли... И зрѣетъ въ этихъ сѣрыхъ, закоптѣлыхъ стѣнахъ среди грохота машинъ и лязга желѣза, среди этого кипящаго ада,—черная дума... Тяжелымъ камнемъ ложится она на сердце, сжимаетъ его злобою и тоской... Но среди этой сѣрой, безпросвѣтной жизни, товарищи, среди вѣчнаго каторжнаго труда, какъ звѣздочка, мерцаетъ передъ нами надежда, что истина и правда восторжествуютъ, что настанетъ день, когда мы вздохнемъ свободною грудью и громко воскликнемъ: „Да здравствуетъ свобода!" Рабы труда—мы станемъ свободны! Но эта свобода не придетъ къ намъ сама, не спустится съ небесъ! Въ жестокомъ бою должны мы завоевать ее... Въ каждомъ рабочемъ должно жить сознаніе, что онъ въ рядахъ великой арміи рабочихъ, что онъ членъ рабочаго класса, и каждый, видя гнусныя издѣвательства и наглыя оскорбленія, наносимыя его товарищу-рабочему, долженъ встать на его защиту. Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ! Часъ послѣдней борьбы еще не пробилъ, но и теперь, каждый день, каждый часъ мы должны вести борьбу противъ нашихъ угнетателей и оскорбителей! Товарищи! Мы не должны долѣе сносить издѣвательства и насилія нашихъ мастеровъ! Мы—рабы труда, но не холопы и лакеи нашихъ мастеровъ! Не позорно ли, чтобы мы молчали, когда мастеръ Чернявскій билъ рабочаго за то, что тотъ во время работы ѣлъ хлѣбъ? Не позорно ли что никто, ни одинъ рабочій изъ 400 человѣкъ, не всталъ на защиту своего товарища? Не забудьте, товарищи, что, оскорбляя одного рабочаго, они оскорбляютъ насъ всѣхъ! Мы боремся не противъ мастеровъ! Наши враги выше! Но каждый часъ, каждую минуту должны мы быть готовы выступить въ защиту своей поруганной чести, своего человѣческаго достоинства! Товарищи, помните. что намъ предстоитъ великая борьба за наше освобожденіе! Помните, что для этой борьбы нужны мужественные люди, умѣющіе смѣло и стойко защищать свои права, свою честь, свое достоинство. Холопы и лакеи неиужны намъ! Пусть холопы холопствуютъ, мы же будемъ вести постоянную борьбу, каждый день, каждый часъ будемъ стоять за наши права."

Листокъ этотъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе. Послѣ него въ мастерскихъ начались оживленные толки о необходимости стачки. Со дня ея начала прокламаціи появляются ежедневно. Первая изъ нихъ отъ 4-го ноября, формулируетъ требованія рабочихъ и призываетъ ихъ къ борьбѣ: „Товарищи! Довольно терпѣть, начинайте борьбу. Пока мы молчимъ, мы сами куемъ себѣ цѣпи, мы сами усиливаемъ свое рабство, мы укорачиваемъ свою трудовую жизнь. Кто желаетъ жить почеловѣчески, кто цѣнитъ свой трудъ, кто созналъ свое рабское состояніе, —тотъ долженъ начать сегодня борьбу. Кого ругательства мастеровъ не превратили въ лакея, у кого отъ тяжелой работы не помутился умъ, кто не желаетъ быть безсловеснымъ животнымъ, —тотъ пусть объявляетъ сегодня стачку!"

6 ноября Комитетъ обратился ко всѣмъ гражданамъ съ приглашеніемъ поддержать стачечниковъ. „Первый снѣгъ, говорится въ этомъ обращеніи, и вмѣстѣ съ нимъ первый отдаленный раскатъ надвигающейся революціи. Рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ бросили работу и выставили свои требованія. Въ нихъ нѣтъ ничего политическаго и революціоннаго, но самый фактъ такой крупной стачки своимъ могучимъ напоромъ рветъ старыя заржавленныя средневѣковыя цѣпи самодержавія. И не дождемся мы, быть можетъ, будущаго „перваго снѣга", какъ тѣ же рабочіе стройной тысячной толпой пройдутъ подъ красными знаменами соціалдемократіи съ громкимъ крикомъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!",—пройдутъ по улицамъ Ростова, которыя еще никогда не слышали вольныхъ криковъ свободы. Они — и только они — въ силахъ разрушить смрадное зданіе проклятаго самодержавія, они — и только они — въ силахъ дать свободу задушенной, голодной Руси.

Придите же къ нимъ на помощь въ ихъ первыхъ трудныхъ шагахъ борьбы! Придите вы, втайнѣ ненавидящіе запятнанное кровью гнуснѣйшихъ преступленій самодержавіе, придите вы, втайнѣ болѣющіе за вымирающій отъ голода народъ; придите вы, втайнѣ робко мечтающіе о свободѣ. Придите на помощь, чѣмъ можете. Окажите борющимся хоть матеріальную поддержку! Проснитесь же, граждане!"

Въ листкѣ отъ 9-го числа Комитетъ сообщаетъ стачечникамъ объ успѣхахъ движенія. „Товарищи! Радуйтесь! Борьба наша растетъ, движеніе разгорается, и со всѣхъ сторонъ вспыхиваетъ пожаръ возстанія. На многихъ фабрикахъ и заводахъ уже бросили работу, на другихъ не нынче-завтра бросятъ. Отовсюду къ стачечникамъ на помощь спѣшатъ толпы рабочихъ, со всѣхъ сторонъ слышны крики негодованія противъ грабителей-капиталистовъ и ихъ защитника-правительства. И несмотря на такое торжество нашего праваго дѣла, среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ нашлись измѣнники. Нашлось полсотни холоповъ, которые тайкомъ, точно воры, ночью пошли работать въ мастерскія, пошли выслуживаться передъ нашими грабителями, пошли лизать обагренныя нашей кровью руки тирановъ. Товарищи! Кто пойдетъ на работу безъ согласія всѣхъ стачечниковъ, кто не дождется конца борьбы и броситъ товарищей,—того мы будемъ считать подлецомъ и измѣнникомъ. Мы—не дѣти, и когда начали борьбу, то мы знали, мы должны были знать, что это не игрушка и не забава, что мы должны всѣ дружно дѣйствовать и не отказываться ни отъ одного изъ нашихъ требованій, не отступать ни на одинъ шагъ. И вотъ теперь находятся нищіе духомъ, которые испугались борьбы, которые въ рѣшительную минуту оказались лакеями. Товарищи! Вспомните, что во время кризиса насъ выбрасываютъ сотнями и тысячами на улицу, и мы по нѣсколько мѣсяцевъ сидимъ безъ работы и безъ хлѣба. Такъ неужели же теперь, когда намъ приходится постоять за себя, за свои священныя права, за свою совѣсть и человѣческую жизнь, —неужели теперь мы не будемъ держаться двухъ-трехъ недѣль? Товарищи! мы должны держаться до конца! Помните, что если мы сдадимся, то мы покажемъ свое безсиліе нашимъ врагамъ. Надъ нами будутъ торжествовать разные гады, находящіеся на службѣ у акціонеровъ, надъ нами будутъ издѣваться и глумиться мастера, хуже прежняго."

„Въ настоящую минуту, говорится въ прокламаціи, вышедшей на слѣдующій день, наша цѣль—это стачка. Мы должны, мы обязаны ее выиграть во что бы то ни стало. Три года тому назадъ въ Тифлисѣ во время стачки желѣзнодорожные рабочіе подъ конецъ выходили съ семьями и ложились на рельсы дороги, останавливая такимъ путемъ движеніе поѣздовъ. По примѣру тифлисскихъ товарищей, мы рѣшимся лечь на рельсы, но не пойдемъ работать на прежнихъ условіяхъ. Пусть насъ давятъ паровозы, пусть нашей кровью омоется насыпь, мы согласимся умереть въ борьбѣ, но не пойдемъ въ прежнюю неволю. Товарищи! Въ настоящее время наша цѣль —выиграть стачку; мы только этого требуемъ, мы только этого добиваемся. Но посмотрите, товарищи, чему учитъ насъ наша стачка. Наши враги—капиталисты спрятались за спину своего защитника—правительства... Товарищи! Зачѣмъ къ намъ прислали казаковъ, за что хотѣли колотить насъ? Мы ведемъ себя мирно—мы не разбили ни одного стекла, не оторвали ни одной щепки, не сказали никому ни одного грубого слова, мы стремимся только облегчить свое положеніе, и за это противъ насъ посылаютъ вооруженныя войска. Жандармскій полковникъ говорилъ намъ, что по закону мы не имѣемъ права устраивать стачекъ и сходокъ. Товарищи! Вы слышали это. Такъ боритесь же противъ тѣхъ законовъ, которые запрещаютъ намъ облегчать участь, которые запрещаютъ намъ, честнымъ труженикамъ, мирно говорить на сходкѣ о своихъ дѣлахъ и разрѣшаютъ капиталистамъ устраивать засѣданія, собранія, съѣзды и т. д. Боритесь противъ этихъ законовъ, товарищи! Говорите всѣмъ, убѣждайте каждаго: до тѣхъ поръ народъ будетъ страдать, пока онъ не добьется политической свободы, пока выборные отъ народа не будутъ участвовать въ управленіи страной и въ изданіи законовъ."

12 ноября, на слѣдующее утро послѣ кровопролитія, Комитетъ обратился къ „гражданамъ города Ростова" съ слѣдующей прокламаціей: „Граждане! Да что же это творится у насъ! Въ какой странѣ мы живемъ, какимъ законамъ подчиняемся? У насъ —турецкія звѣрства, у насъ стрѣляютъ изъ ружей въ мирныхъ жителей, у насъ войска безъ предупрежденія дали залпъ въ безоружную толпу, у насъ разстрѣливаютъ безъ суда своихъ же гражданъ! Нашъ долгъ идти и заступиться за нихъ, намъ нужно идти и остановить кровопролитіе. Если удовлетворятъ требованія рабочихъ, то въ городѣ наступитъ полное спокойствіе. Ни одна щепка не упадетъ, если правительственныя войска не вмѣшаются въ борьбу рабочихъ съ хозяевами. Донской Комитетъ руководилъ мирной стачкой. И если сегодня произойдетъ бунтъ, если возмущенный и возставшій народъ станетъ громить городъ, то отвѣтственность за это преступленіе падетъ на этихъ трехъ министровъ—убійцъ и на палача—атамана. Донской Комитетъ съ своей стороны обращается ко всѣмъ гражданамъ, приказываетъ и умоляетъ ихъ не производить разгромовъ и не дѣлать бунта. Пусть месть народа обратится на тѣхъ, которые издавали приказъ избивать нашихъ братьевъ! Идите, граждане, на защиту нашихъ братьевъ и требуйте удаленія войскъ изъ города!"

„Побѣда близка!—писалъ Комитетъ 13-го числа, убѣждая стачечниковъ продолжать борьбу. Каждый день, каждое событіе, каждая новая сходка поднимаетъ въ насъ духъ, радуетъ насъ, поддерживаетъ бодрость въ нашей неравной борьбѣ. Мы бросили работу одни—и къ намъ на помощь пришли сотни и тысячи рабочихъ другихъ фабрикъ и заводовъ, намъ сочувствуетъ все городское населеніе, на наши сходки являются тысячи людей всякаго званія и состоянія. Всѣ они привѣтствуютъ нашу борьбу и вѣрятъ въ нашу скорую побѣду. Бросить теперь стачку, когда побѣда близка, когда управленіе дороги готово сдѣлать уступки! Да вѣдь враги наши засмѣютъ насъ, все населеніе станетъ насъ называть дураками, насъ мастера будутъ топтать въ грязь, увидѣвъ, что мы не можемъ стоять до конца за свои интересы, за свои права. Вѣдь ужъ лучше было не начинать стачки совсѣмъ, чѣмъ теперь бросить ее, не добившись своихъ требованій. Товарищи! Во время этой борьбы были разстрѣлены 6 человѣкъ. Неужели вы примиритесь съ тѣмъ, что кровь ихъ пролита напрасно? Одинъ изъ ораторовъ арестованъ жандармами, и теперь они замучаютъ его въ темницѣ. Неужели вы согласитесь, чтобъ и его молодая жизнь погибла даромъ? Потерпите же, товарищи, всѣ вмѣстѣ еще немного".

14 ноября Комитетъ приглашалъ рабочихъ тихорѣцкихъ и другихъ мастерскихъ поддержать стачкой стачку своихъ ростовскихъ товарищей. Въ листкѣ отъ 16 ноября положеніе дѣлъ изображается въ такомъ видѣ. „Вы видите, товарищи, какъ дѣйствуетъ правительство, когда рабочіе начинаютъ борьбу съ капиталистами, когда они хотятъ улучшить свое положеніе. Вы видите, что правительство стремится держать рабочихъ въ нищетѣ и голодѣ, въ рабствѣ и покорности. Вы видите, что правительство гнететъ рабочихъ и не даетъ имъ возможности завоевать у капиталистовъ хоть часть своихъ правъ. Теперь ясно, товарищи! Правительство—нашъ врагъ, нашъ главный и первый врагъ. Учитесь же ненавидѣть этого врага, учитесь бороться съ нимъ. Товарищи! Наглыми, безстыдными дѣйствіями правительства возмущены всѣ граждане. Казаки оторваны отъ хозяйства, ихъ плохо кормятъ и цѣлые дни заставляютъ проводить на морозѣ въ боевомъ порядкѣ; торговля пріостановилась, и торговцы недовольны, такъ какъ теряютъ убытки. Не только мы—всѣ хотятъ, чтобы стачка скорѣе кончилась, всѣ требуютъ, чтобы войска удалили изъ города и удовлетворили наши требованія. Управленіе дороги готово пойти на уступки,—еще нѣсколько дней и стачка будетъ выиграна. И мы были бы собственными врагами, если бы теперь, когда побѣда такъ близка, не довели дѣла до конца и пошли на работу. Товарищи! на насъ устремлены взоры всего Ростова. Наши товарищи—рабочіе съ вѣрой и надеждой смотрятъ на насъ. Мы мужественно держимся двѣ недѣли, мы терпѣли лишенія и невзгоды. Неужели же наше мужество, наши двухнедѣльные труды пропадутъ даромъ изъ-за нѣсколькихъ дней?"

Наконецъ, 19 ноября, послѣ полнаго прекращенія сходокъ, Комитетъ писалъ: „Товарищи! Бѣснуются тираны. Воютъ и злобствуютъ грабители, скрипятъ зубами отъ безсилія дармоѣды,—и все напрасно. Всетаки наши враги ничего съ нами подѣлать не могутъ, ничѣмъ они не могутъ заставить рабочихъ идти въ прежнюю кабалу, попрежнему подвергаться обсчетамъ и оскорбленіямъ, ругательствамъ и штрафамъ. Капиталисты и правительство ужъ потеряли голову, они совсѣмъ не знаютъ, они не могутъ придумать никакихъ мѣръ, чтобы сломить непреклонную волю рабочихъ. Цѣлымъ рядомъ вопіющихъ звѣрствъ заставили рабочихъ прекратить свои ежедневныя сходки. Правительство думало, что рабочіе—это стадо барановъ, и только въ стадѣ они могутъ дружно держаться; но и тутъ оно ошиблось. Сходокъ не даютъ устраивать, и всетаки рабочіе не идутъ на работу и не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока не одолѣютъ враговъ своихъ. Своими дѣйствіями, своими звѣрствами, своимъ безстыдствомъ—правительство только открыло глаза рабочимъ, и они знаютъ теперь уже, кто главный врагъ рабочаго люда и съ кѣмъ нужно вести неустанную борьбу. Рабочіе на дѣлѣ увидѣли и убѣдились, что имъ нужно добиваться политической свободы, свободы стачекъ, свободы сходокъ и собраній, свободы слова и печати. Товарищи! Вчера въ мастерскихъ дали гудокъ, и широко раскрыли ворота, ожидая что рабочіе гурьбой побѣгутъ тянуть лямку, не дожидаясь больше уступокъ. Стачка прекратится только тогда, когда рабочимъ уступятъ. Товарищи! Наши враги изнемогаютъ уже. Въ Тихорѣцкой, Кавказской и Армавирѣ рабочіе послѣдовали нашему примѣру и бросили также работу. Дорога ужъ сдѣлала распоряженіе—не принимать срочныхъ грузовъ. Еще немного и дорога уступитъ, иначе движеніе прекратится. Побѣда наша близка, совсѣмъ близка. Товарищи! Мы ужъ много разъ повторяли: держитесь до конца, держитесь до тѣхъ поръ, пока не уступятъ. Исходъ стачки зависитъ отъ насъ, и только отъ насъ, отъ нашего единенія, отъ нашей сплоченности. И теперь мы повторяемъ снова: напрягайте всѣ усилія, собирайте всѣ свои силы и не уступайте. Мы побѣдимъ, мы придемъ въ мастерскія съ гордо поднятой головой. Еще нѣсколько дней,—враги наши сдадутся и мы будемъ трубить побѣду."

Приводимъ въ заключеніе выдержку изъ послѣдней, вышедшей уже послѣ конца стачки, прокламаціи, въ которой Донской Комитетъ даетъ общую оцѣнку ростовскимъ событіямъ.

Прокламація обращена къ гражданамъ всей Россіи. „Тяжела и самоотверженна борьба рабочихъ, многими жертвами и пораженіями сопровождается она, но каждый день приближаетъ насъ къ побѣдѣ, все больше и больше появляется фактовъ, свидѣтельствующихъ о силѣ революціонной энергіи, скрывающейся въ нѣдрахъ ихъ массы. Кто могъ предвидѣть, что въ 1900 году харьковскіе рабочіе впервые подымутъ красное знамя политической демонстраціи? Кто за недѣлю до стачки могъ предсказать, что рабочіе почти всѣхъ ростовскихъ фабрикъ обнаружатъ чисто европейскую дисциплину, съ сочувствіемъ будутъ слушать политическія рѣчи и на вопросъ, поставленный собранію: „нужна ли политическая свобода?" — единодушно отвѣтятъ: „да, нужна!" Вихрь событій, пронесшійся въ теченіе нѣсколькихъ дней по юговостоку Россіи, показалъ пробужденіе рабочаго класса, силу развившейся въ немъ классовой солидарности и политическаго сознанія. Достаточно было возникнуть стачкѣ на ростовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, чтобы забастовали рабочіе еще нѣсколькихъ крупныхъ фабрикъ; стоило проникнуть прокламаціямъ въ Тихорѣцкую и Новороссійскъ, какъ тамъ всѣ рабочіе бросили работу. Движеніе сразу приняло ярко политическій характеръ; тысячи рабочихъ, до того слабо затронутые пропагандой, воочію убѣждались въ истинномъ значеніи самодержавнаго строя и до боли осязательно почувствовали насущность политической свободы. Такой характеръ ростовской стачки, охватившей нѣсколько тысячъ рабочихъ, не долженъ пройти безслѣдно, теперь, въ минуту крайней реакціи, общественной растерянности и предсмертныхъ судорогъ самодержавія. Въ то время, какъ университетская молодежь колеблется и готова примириться съ объѣдками жалкой „автономіи", а либералы, польщенные учрежденіемъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, изобрѣтаютъ подпорки для гнилого зданія самодержавія и униженно выслушиваютъ издѣвательства лейбъ-жандарма Плеве, — одинъ только пролетаріатъ высоко держитъ знамя борьбы и среди всеобщаго мрака не угашаетъ свѣточа свободы. Эта позорная трусость командующихъ классовъ въ настоящую минуту особенно рельефно оттѣняетъ революціонную и соціально-прогрессивную роль пролетаріата. Политическая тенденція ростовскихъ событій даетъ лишній поводъ подчеркнуть первенствующее значеніе пролетаріата въ освободительномъ движеніи, и потому должна повсюду вызвать сочувствіе и поддержку, чтобы этимъ подкрѣпить ихъ значеніе и показать солидарность всего рабочаго класса Россіи; звѣрская расправа со стачечниками, трупы убитыхъ борцовъ и страданія сотни раненыхъ взываютъ къ протесту и открытому негодованію. Стыдно сказать — насилія противъ рабочихъ проходили до сихъ поръ для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Маріи Вѣтровой, избіеніе московскихъ студентовъ дворниками, побоище на Казанской площади въ Петербургѣ—приводили къ протесту и даже демонстраціямъ, въ то время, какъ смертоносные выстрѣлы въ рабочихъ „молодцовъ-фанагорійцевъ", кубанскихъ и донскихъ зулусовъ замирали съ послѣднимъ вздохомъ жертвъ... Пора положить конецъ столь постыдному равнодушію! Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрѣлъ въ рабочихъ, каждая пущенная въ ходъ нагайка всколыхнетъ революціонную волну, которая съ увеличенной силой прокатится по всей Руси, какъ грозное напоминаніе о смерти дряхлому самодержавію, какъ заря грядущей молодой Россіи... Ростовская стачка, какъ частное дѣло ростовскихъ рабочихъ, закончена; требованія рабочихъ, по всей вѣроятности, будутъ удовлетворены, а политическое значеніе происшедшихъ волненій не замедлитъ сказаться въ будущемъ. Но этого, конечно, мало. Для великаго дѣла политическаго освобожденія страны ростовская стачка только тогда сыграетъ свою роль, когда она встрѣтитъ сочувствіе среди всѣхъ протестующихъ элементовъ, когда въ той или иной формѣ ее поддержатъ революціонныя организаціи русскаго пролетаріата. Пусть же пожаръ, вспыхнувшій на Дону, разгорится грознымъ пламенемъ, пусть въ отвѣтъ на ружейные залпы могучимъ эхомъ прогремятъ демонстраціи, пусть стоны жертвъ покроетъ громъ протеста, пусть повсюду такъ же единодушно, какъ въ Ростовѣ, вынесутъ смертный приговоръ самодержавію, гнетущему страну. Долой самодержавіе! Да здравствуетъ грядущая революція!"

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Ростовъ-на-Дону. Вотъ какъ описываетъ въ Раб. Словѣ рабочій—очевидецъ большую сходку 10-го ноября. „Погода 10-го ноября, воскресенье, была прекрасная, и общая сходка представляла грандіозное зрѣлище. Несмотря на порядочное разстояніе, на сходку пришло до 15000 рабочихъ и работницъ и до 10000 посторонней публики, сочувствующей и любопытной до всякихъ зрѣлищъ. Многіе пріѣхали изъ города на извозчикахъ. Настроеніе было приподнятое. У всѣхъ были праздничныя, веселыя лица, всѣ чувствовали себя легко и свободно, словно съ каждаго изъ нихъ сняли десятипудовую тяжесть. Вся балка на всемъ своемъ громадномъ пространствѣ была покрыта волнующимся моремъ са-

ныхъ разнообразныхъ головъ. Рядомъ стояли дама въ богатомъ нарядѣ и работница въ простенькомъ платьѣ и о чемъ-то горячо толковали; съ литераторомъ въ золотыхъ очкахъ стоялъ блузникъ рабочій и толково излагалъ ему о тяжелыхъ порядкахъ своей заводской жизни. Въ толпѣ сновали торговки съ фруктами, сбитенщики, разносчики, продавцы газетъ и пр. Все смѣшалось и перепуталось. И надъ всѣмъ стоялъ несмолкаемый гулъ оживленія и общей радости. Вокругъ толпы, на свободномъ пространствѣ, громаднымъ кольцомъ расположились ожидающіе извозчики, а невдалекѣ, на холмѣ, словно передъ непріятелемъ, безмолвствовала сотня казаковъ и рота солдатъ. Начались рѣчи. Сначала говорили представители рабочихъ организацій на ростовскихъ фабрикахъ и заводахъ. Они описывали тяжелые порядки, при которыхъ приходится жить и работать русскому рабочему, и указывали, какіе размѣры приняла забастовка на каждомъ заводѣ. Потомъ говорили агитаторы. Они указывали на необходимость единодушія и совѣтовали, какъ надо держаться. Нѣкоторыя горячія головы предлагали даже обрѣзать телефонные и телеграфные провода и задерживать поѣзда, чтобы прекратить сообщеніе Ростова съ другими городами, помѣшать доставкѣ войска и этимъ добиться удовлетворенія своихъ требованій. Говорили дальше представители 7.000 босяковъ. Они тоже указали на свое плохое житье, на недовольство русскими порядками и ждутъ только приказаній отъ рабочихъ, чтобы поучить богатѣевъ и ихъ полицію. Назначили слѣдующую сходку на завтра, и потомъ рабочіе съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ волнами направились въ городъ, домой. Я живу въ Ростовѣ 15 лѣтъ и никогда не забуду этого дня и думаю, что его будутъ помнить всѣ товарищи, бывшіе на этой сходкѣ; я слышалъ, какъ изъ тысячъ грудей вырывался могучій революціонный гимнъ. и думалъ, что всѣ мы возвращаемся съ народнаго праздника. Мнѣ казалось, что прежнее царство гнета и насилія уже похоронено и что мы, бодрые и сильные, вступаемъ въ новое царство добра и правды.

Тихорѣцкая. 13 ноября сюда пріѣхали делегаты отъ ростовскихъ стачечниковъ съ прокламаціями и предложеніемъ примкнуть къ стачкѣ. Тихорѣцкіе рабочіе заявили, что сейчасъ они забастовать не могутъ. Ростовскіе делегаты не выяснили, въ чемъ дѣло, и, обезкураженные первой неудачей, не поѣхали, какъ предполагали, въ Новороссійскъ, а вернулись въ Ростовъ. Между тѣмъ дѣло объяснилось просто. 14 была здѣсь получка, и рабочіе ждали ея, чтобы начать стачку съ деньгами въ карманѣ. 15-го началась забастовка. Требованія тѣ же, что и въ Ростовѣ.

16-го масса рабочихъ двинулась къ вокзалу, рѣшивъ съ первымъ поѣздомъ отправиться въ Ростовъ на сходку. Но казаки ихъ предупредили и загородили имъ дорогу на вокзалъ плотной стѣной. Тогда рабочіе двинулись вдоль по полотну, расчитывая вскочить на ходу. Но начальникъ станціи по соглашенію съ жандармами распорядился сразу пустить поѣздъ на всѣхъ парахъ, и рабочимъ не удалось привести въ исполненіе свой планъ.

Не попавъ въ Ростовъ, стачечники на слѣдующій день устроили сходку у себя. Она закончилась тѣмъ звѣрскимъ побоищемъ, о которомъ уже сообщалось во 2-мъ № „Красн. Знам."

Новороссійскъ. Заимствуемъ подробности о здѣшней стачкѣ изъ 13-го № Рев. Россіи.

„Въ виду стачки сюда было вызвано двѣ сотни казаковъ изъ Екатеринодара и рота солдатъ изъ Ставрополя; по Мефодіевскому (рабочій поселокъ) разъѣзжаютъ патрули. Неоднократно со стачечниками говорилъ вице-губернаторъ Березниковъ... На вопросъ Березникова: „чего вы хотите?" одинъ изъ рабочихъ ему очень мѣтко отвѣтилъ: „Развѣ вы не знаете, чего мы хотимъ? Мы уже неоднократно заявляли другимъ, что намъ нужно, и вамъ это хорошо извѣстно, а потому и повторять нечего!" Другой рабочій съ цементнаго завода сказалъ: „Посмотрите на нашихъ женъ и дѣтей, и вы увидите, чего намъ нужно. Мы всѣ въ теченіе цѣлаго года глотаемъ цементную и известковую пыль и мремъ отъ нея, получая съ бочки только по 3 коп., а вы спрашиваете, чего мы хотимъ? Чего вы хотите?—спрашиваю я васъ. Достаточно мундиры вашихъ окружающихъ обрызганы нашей кровью; если хотите еще, такъ нате, берите, пейте ее." При этомъ онъ распахнулъ куртку и открылъ грудь. Рабочіе закричали „ура" и спрятали его въ толпу отъ начавшихъ-было наступать казаковъ. Вообще надо отмѣтить громадное воодушевленіе не только самихъ рабочихъ, но и женъ, матерей и сестеръ, которыя на вопросъ, чего имъ нужно, отвѣчали: „Того же, что и нашимъ мужьямъ и братьямъ." До сихъ поръ еще никто не былъ арестованъ, и никакихъ насилій не было употреблено. Въ среду были расклеены заявленія за подписью Березникова съ убѣжденіемъ начать работу въ субботу 23-го ноября; въ противномъ случаѣ начнутся высылки по этапу на родину. Толпа сорвала и выпачкала грязью эти заявленія. Кромѣ того, въ городѣ расклеены извѣщенія не ѣздить на вокзальную сторону безъ особенной надобности, чтобы не мѣшать дѣйствіямъ полиціи. Рабочіе рѣшили не идти на работу въ субботу, а держаться дальше. Желѣзная дорога терпитъ громадные убытки. По всей линіи прекращенъ пріемъ грузовъ. Мѣстный желѣзнодорожный паркъ полонъ груженыхъ хлѣбомъ вагоновъ (1200 вагоновъ), и грузить некому. Элеваторъ не работаетъ. До 12 иностранныхъ пароходовъ стоятъ въ бездѣйствіи, ожидая конца стачки. Пароходы Русскаго Общества пар. и торг. и Россійскаго Общества приходятъ и уходятъ дальше, не разгрузившись и не принявъ грузовъ. На всѣхъ заводахъ и на всѣхъ пристаняхъ полная тишина и никакихъ работъ. Ходятъ слухи, что и здѣсь будетъ пущено въ ходъ оружіе."

Гомель. Всѣ здѣшніе рабочіе выразили сочувствіе ростовскимъ рабочимъ и протестъ противъ правительственнаго разбоя въ Ростовѣ—однодневной общей забастовкой. По тому же поводу были распространены прокламаціи. Городъ въ этотъ день находился въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Власти готовились къ демонстраціи: улицы были заняты полиціей и войскомъ; съ вечера было почти прекращено уличное движеніе. („Посл. Изв." Бунда, № 104).

Наступательный союзъ противъ соціалистовъ заключенъ рабочими-зубатовцами съ „видными представителями спб. высшаго общества". Это историческое событіе произошло 10 декабря въ засѣданіи и помѣщеніи отнынѣ знаменитаго „Русскаго Общества". Зала была полна „сановными, мундирными лицами", великосвѣтскими дамами, представителями печати изъ цеха разбойниковъ пера. И среди нихъ ввидѣ отдѣльной группы присутствовало 6 рабочихъ въ блузахъ въ качествѣ докладчиковъ и *почетныхъ гостей*.

Засѣданіе открылось докладомъ спб. зубатовца Соколова о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ рабочихъ. Затѣмъ произнесъ рѣчь выписанный спеціально изъ Москвы зубатовецъ и несомнѣнный шпіонъ Слѣповъ. Онъ просилъ „почтенное собраніе" обратить милостивое вниманіе на „образованіе рабочихъ, находящееся далеко не въ удовлетворительномъ видѣ, чѣмъ съ успѣхомъ пользуются злонамѣренныя личности для проведенія соціалистической пропаганды." „Несомнѣнно, ораторствовалъ онъ дальше, что поддержка въ матеріальныхъ нуждахъ рабочихъ составила бы лучшее опроверженіе злонамѣренной пропаганды въ ихъ средѣ. Эти фальшивые доброжелатели рабочихъ говорятъ обыкновенно, что жизнь улучшить они могутъ только посредствомъ бунтовъ, возмущеній, сопротивленія власти. Къ несчастью нашему, такое подстрекательство имѣетъ иногда успѣхъ, какъ всѣ знаютъ. Мирное улучшеніе быта рабочихъ лучше всего опровергаетъ агитаторовъ." Слѣповъ ссылался на примѣръ Москвы. Здѣсь, „несмотря на сильнѣйшую безработицу, соціалистическая пропаганда потеряла за послѣднее время всякій успѣхъ именно потому, что рабочіе начинаютъ уже организовываться въ общества взаимопомощи и потребителей и потому что сочувственное вниманіе власти обращено на нужды рабочихъ, давъ возможность устроить для нихъ общеобразовательныя чтенія." И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ перепечатать всей рѣчи, которую самъ Слѣповъ опубликовалъ въ „Моск. Вѣд." (15 декабря.)

„Почтенное собраніе" высказалось въ томъ смыслѣ, что надо задуматься надъ вопросомъ о рабочихъ и „дать рабочимъ возможность и способы выбиться изъ-подъ вліянія соціалистическаго ученія." Что за атмосфера была въ залѣ, можно судить по слѣдующему факту, сообщенному княземъ Мещерскимъ въ „Гражданинѣ" (№ 97). Всѣ рѣчи были до того пропитаны шпіонски-провокаторскимъ духомъ, что не выдержалъ даже нововременецъ Сигма и захотѣлъ нѣсколько освѣжить собраніе разговоромъ о фабричной инспекціи. Увы! попытка его встрѣтила энергичный отпоръ со стороны Слѣпова и К-о.

Будемъ ждать дальнѣйшихъ сообщеній о дѣятельности этого противосоціалистическаго союза. А пока небезынтересно будетъ отмѣтить трезвое сужденіе кн. Мещерскаго объ этомъ засѣданіи. „Зачѣмъ, разсуждаетъ князь, выводить рабочихъ искусственно изъ ихъ среды?... Пока моднымъ вопросомъ является цыганская пѣвица Вяльцева, это безобидно. Но когда въ моду входитъ вопросъ о десяткахъ тысячъ рабочихъ, нужно быть весьма осторожнымъ и осмотрительнымъ... Надо помнить (слушайте, г. Зубатовъ!), что въ этомъ вопросѣ есть огонь, а съ огнемъ (это прямо ужъ по вашему адресу!) изъ опасенія обжечься шутить не слѣдуетъ."

Какъ держать себя на допросахъ. Отказъ давать показанія жандармамъ—вотъ правило, обязательное теперь для каждаго революціонера. Такое поведеніе вызывалось раньше главнымъ образомъ соображеніями пользы—боязнью своими показаніями повредить дѣлу, невольно запутать товарищей. (См. напр., брошюру Бахарева). Но теперь въ виду общаго обостренія революціонной борьбы возможно и должно иначе обставить дѣло: отказы отъ показаній все чаще принимаютъ форму протеста противъ инквизіонныхъ пріемовъ жандармскаго дознанія. Очень многіе изъ лицъ, привлеченныхъ по дѣлу Сѣвернаго Рабочаго Союза, принципіально отказались не только отъ дачи показаній, но даже отъ поѣздокъ на допросъ въ жандармское управленіе. Такъ же держало себя и большинство изъ привлекавшихся по дѣлу о саратовской и нижегородской демонстраціяхъ. Нѣкоторыя организаціи заранѣе обязываютъ своихъ членовъ не только къ отказу отъ показаній, но и къ мотивировкѣ своего поступка принципіальнымъ нежеланіемъ имѣть дѣло съ жандармами.

Итакъ, не только отказъ отъ показаній изъ практическихъ соображеній, но полный отказъ имѣть дѣло съ жандармами, непризнаніе жандармскаго дознанія и требованіе гласнаго суда по политическимъ дѣламъ для гласнаго протеста противъ деспотизма — вотъ тотъ девизъ, который долженъ завоевать себѣ возможно больше сторонниковъ въ революціонной средѣ и получить самое широкое примѣненіе на практикѣ.

Изъ студенческаго движенія. Гора не пошла къ Магомету: тогда Магометъ пошелъ къ горѣ. Высланные въ Сибирь студенты дважды съ презрѣніемъ отвергли заигрыванія царскаго правительства: они отказались вступить въ сдѣлку съ жандармомъ Свят. Мирскимъ; часть ихъ отказалась воспользоваться разрѣшеніемъ вернуться въ Европ. Россію, пока оно не будетъ дано всѣмъ ихъ товарищамъ по дѣлу и ссылкѣ. И правительство спѣшитъ пойти навстрѣчу этому требованію студентовъ. 6-го декабря получаетъ разрѣшеніе вернуться изъ Сибири послѣдняя группа (58 чел.), оставленная - было тамъ до марта 1903 г. „Пока имъ жить въ городахъ съ высшими учебными заведеніями, сказано въ царской телеграммѣ, не слѣдуетъ, но всетаки нужно позаботиться, чтобы возвращенные молодые люди оказались по возможности на попеченіи своихъ семей, въ обстановкѣ, пріучающей къ порядку".

Разбросанные по разнымъ городамъ по возвращеніи изъ ссылки, студенты не станутъ, конечно, сидѣть сложа руки: блестящая побѣда ихъ надъ правительствомъ только окрылитъ ихъ, прибавитъ энергіи для дальнѣйшей борьбы. Но куда направить имъ свои силы? Для насъ на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: они должны идти въ ряды революціоннаго пролетаріата, борющагося подъ знаменемъ соціалдемократіи. Къ этому ихъ долженъ побуждать даже здравый политическій смыслъ: только пролетаріатъ до конца будетъ бороться за широкую демократическую свободу, къ завоеванію которой всегда стремилась передовая часть студенчества.

Мы со своей стороны должны вести самую широкую пропаганду своихъ идей въ средѣ учащейся молодежи. Еще недавно соціалдемократическое направленіе было преобладающимъ среди студентовъ. Еще нѣтъ года, какъ всероссійскій студенческій съѣздъ призналъ необходимымъ самую тѣсную связь студенческихъ организацій съ комитетами нашей партіи. Теперь замѣтно сильное теченіе въ обратную отъ соц.-демократіи сторону. Организація одесскихъ студентовъ заявляетъ по поводу постановленія съѣзда: „Въ призывѣ къ соединенію съ одной лишь соц.-дем. партіей мы видимъ существенно важную ошибку послѣдняго студенческаго съѣзда. Поставляя изъ своей среды отдѣльныхъ членовъ какъ для соц.-дем., такъ и для партіи соц.-революц., студенчество въ цѣломъ сходится съ обѣими партіями на почвѣ борьбы за политическую свободу". Такое же заявленіе сдѣлано и организаціей кіевскихъ студентовъ.

Въ смыслѣ вліянія на студенчество соціалдемократія имѣетъ теперь серьезныхъ соперниковъ въ лицѣ соц.-революціонеровъ и даже Освобожденія (не говоря уже о томъ, что ей приходится считаться съ распространеннымъ взглядомъ учащейся молодежи на себя, какъ на особую партію, составляющую авангардъ въ политической борьбѣ). И мы должны съ честью выйти изъ испытанія, пріобрѣтя себѣ въ студенчествѣ возможно большее число единомышленниковъ и соратниковъ.

Каково вообще теперь настроеніе учащейся молодежи? „Въ массѣ студентовъ-середняковъ особеннаго подъема настроенія нѣтъ; если эта масса не говоритъ о новыхъ забастовкахъ, такъ просто потому, что устала; если не обсуждаетъ вопросовъ академической жизни, то потому что эти вопросы ей уже надоѣли." „Вкусъ къ чисто студенческимъ безпорядкамъ, поглощающимъ массу силъ и энергіи, какъ будто теряется—сознательное организованное студенчество ищетъ формъ чисто политической борьбы". (Корр. изъ Кіева въ 14 № Рев. Росс.). „Теперь унизительно, заявляетъ кіевскій союзный совѣтъ, заниматься критикой министерскихъ циркуляровъ".

Очевидно, интересъ къ чисто университетскимъ вопросамъ исчезъ совсѣмъ. Вопросы политич. борьбы вполнѣ овладѣли умами студентовъ. Тѣмъ лучше! Тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ нашей пропаганды!

Движеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ маѣ на югѣ Россіи образовалась южнорусская группа учащихся среднихъ школъ. Въ августѣ по ея почину состоялся съѣздъ представителей учащихся изъ нѣсколькихъ южныхъ городовъ. На немъ была выработана программа дѣятельности. Центральный пунктъ ея состоитъ въ содѣйствіи изученію соціальнаго вопроса; для этого группа предполагаетъ устройство кружковъ самообразованія, изданіе собственнаго органа, распространеніе въ широкой массѣ учащихся какъ собственной, такъ и общерусской соціалдемократической литературы.

Духовныя семинаріи являются послѣдніе два года одними изъ самыхъ „безпокойныхъ" заведеній. Семинарскіе „бунты" вспыхиваютъ безпрерывно то въ одномъ, то въ другомъ городѣ. Недавно опять были крупные „безпорядки" въ одесской семинаріи. „Усмирять" семинаристовъ явился отрядъ казаковъ съ самимъ градоначальникомъ Шуваловымъ во главѣ. До сраженія однако не дошло. Семинарія закрыта.

Одесса. Газета мѣстнаго Комитета Соц.-Дем. Раб. Партіи „Рабочее Слово" выходитъ за послѣднее время регулярно разъ въ мѣсяцъ: 15 октября появился 2-ой №, 15 ноября—3-ій, 14 декабря—4-й. Газета составляется живо и разносторонне. Помѣщаются статьи на общія темы,—напр., правительство и крестьяне, памяти декабристовъ. Во 2 и 3 №№ помѣщена большая статья противъ пріѣхавшихъ въ Одессу съ проповѣдью зубатовскаго „соціализма" независимцевъ. Статья убѣждаетъ рабочихъ не посѣщать устраиваемыхъ независимыми собраній, не выступать съ возраженіями противъ нихъ, не вступать съ ними ни въ какія сношенія. „Если бы независимые старались провести свою экономическую программу безъ помощи жандармеріи, мы вступали бы съ ними въ споры, какъ съ заблуждающимися, но честными противниками. Но съ перваго же момента своего появленія на свѣтъ независимые дѣйствуютъ иначе. Чтобы провести въ жизнь свои взгляды, эти „новые друзья" рабочихъ соединились съ жандармеріей.... Вотъ почему у насъ не можетъ быть къ независимымъ такого отношенія, какъ къ другимъ идейнымъ противникамъ. Люди, прибѣгающіе къ союзу съ жандармами, могутъ вызывать въ насъ лишь ненависть и отвращеніе." Кромѣ статей, въ газетѣ помѣщенъ рядъ корреспонденцій съ одесскихъ фабрикъ и заводовъ, а также изъ другихъ городовъ южнаго района.

Въ Одессѣ все прочнѣе укореняется распространенный въ Западномъ Краѣ обычай устройства соціалистическихъ празднествъ и собраній. Такъ, въ сентябрѣ состоялось собраніе въ годовщину рожденія Лассаля (150 чел.); произнесены были рѣчи о значеніи общественной дѣятельности, о роли интеллигенціи въ рабочемъ движеніи и т. д. Въ день Интернаціонала состоялось собраніе въ 250 человѣкъ. Рядъ собраній былъ созванъ въ октябрѣ; были произнесены рѣчи объ отношеніи къ соц.-революціонерамъ и террору, о партійномъ объединеніи, о независимыхъ, о тяжеломъ положеніи рабочихъ въ отдѣльныхъ ремеслахъ и т. д. Собранія вызываютъ большое оживленіе среди рабочихъ и создаютъ приподнятое настроеніе.

Кромѣ Комитета въ Одессѣ работаетъ другая соц.-демократическая организація—Рабочая Воля. Она имѣетъ, какъ намъ сообщаютъ, довольно обширныя связи среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Дѣятельность ея внѣшнимъ образомъ проявляется въ выпускѣ прокламацій, напр., о независимыхъ, о чумѣ. Много силъ затрачиваетъ Раб. Воля на организаціонную работу.

Кишиневъ. Два года назадъ идеи соціализма впервые стали проникать въ среду кишиневскихъ рабочихъ. Сознательныхъ рабочихъ было тогда очень мало, недовѣріе къ нимъ со стороны рабочей массы было очень велико, полицейскія преслѣдованія крайне затрудняли ихъ работу. Несмотря на это, имъ удалось добиться значительныхъ успѣховъ—пріобрѣсти симпатіи широкихъ слоевъ кишиневскихъ рабочихъ, разбудить ихъ на борьбу съ хозяевами, внушить имъ ненависть къ царскому правительству. Движеніе за эти два года сильно выросло; задачи его осложнились. Все это побудило недавно мѣстныхъ соціалдемократовъ въ интересахъ дѣла убѣдить комитетъ, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ всю конспиративную и руководящую дѣятельность мѣстной соц.-дем. организаціи. „Учрежденіе Комитета, говорится въ выпущенномъ по этому поводу въ декабрѣ листкѣ, „вызвано разросшимся и у насъ движеніемъ; сама жизнь заставила насъ основать такое учрежденіе. И это тѣмъ болѣе необходимо, что въ послѣднее время событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ... Основывая Комитетъ, мы тѣмъ скорѣе, тѣмъ своевременнѣе будемъ откликаться на всѣ случаи протеста противъ звѣрской политики царскихъ палачей. Но не забывайте, товарищи, что дѣятельность Комитета будетъ плодотворна только при общей дружной поддержкѣ всѣхъ васъ". Кромѣ этой прокламаціи, новый Комитетъ, выступившій пока лишь, какъ Комитетъ мѣстной организаціи, а не какъ Комитетъ Партіи, выпустилъ еще другую—о ростовскихъ событіяхъ. Обѣ прокламаціи исполнены типографскимъ способомъ.

На-дняхъ у насъ хоронили мальчика рабочаго, задавленнаго машиной. Провожали рабочіе. Похоронная процессія встрѣтилась съ другой, въ которой участвовали буржуа. Послѣдніе стали осыпать рабочихъ насмѣшками. Тогда рабочіе выстроились въ ряды и въ числѣ болѣе 100 чел. прошли мимо озадаченныхъ обывателей съ криками: „Долой самодержавіе"! На кладбищѣ были произнесены рѣчи.

Николаевъ. Въ 20-хъ числахъ ноября послѣ 5-лѣтняго перерыва вышелъ 4-ый № мѣстной рабочей газеты „Наше Дѣло". О задачахъ газеты издающій ее Николаевскій Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи говоритъ такъ: „Мы будемъ внимательно слѣдить за всѣми темными сторонами и случаями изъ жизни рабочаго люда. Всякое притѣсненіе и угнетеніе трудящагося люда, будь то фабричный рабочій, ремесленникъ, сельскій рабочій или разоренный крестьянинъ, приказчикъ или поденный рабочій въ порту,—получитъ у насъ мѣсто и будетъ надлежащимъ образомъ освѣщено. Мы постараемся по мѣрѣ силъ и возможности выяснять причины всѣхъ темныхъ явленій изъ жизни рабочаго люда и указывать средства для уничтоженія зла." Затѣмъ Комитетъ приглашаетъ рабочихъ къ живому сотрудничеству въ газетѣ. Номеръ составленъ интересно. Передовица, посвященная вопросу о безработицѣ, заканчивается такимъ призывомъ: „Широ-

кимъ моремъ заливаетъ теперь страну голодъ и безысходная нужда, но пусть такимъ же широкимъ моремъ зальетъ умы всѣхъ рабочихъ сознаніе, что имъ нужна война съ самодержавіемъ за народное самоуправленіе, за право свободно объединяться для борьбы съ капитализмомъ". За передовицей слѣдуетъ богатая фактами хроника мѣстной рабочей жизни.

Изъ другихъ событій въ Николаевѣ за послѣднее время можно упомянуть о распространеніи прокламацій къ новобранцамъ (1000 экз.) и къ казакамъ (500 шт.). Вообще нужно сказать, что рабочее движеніе въ Николаевѣ сравнительно мало развито, и здѣсь предстоитъ еще очень много работы.

Самара. Въ Самарѣ съ 1896 г. не велось систематической соц.-демокр. работы. Правда, иногда устраивались кружки, велись занятія. Но это носило совершенно случайный характеръ. Въ 99 г. дѣло стало-было налаживаться, но неудавшаяся попытка отпраздновать маевку опять надолго все задержала. Что касается воздѣйствія на широкія рабочія массы, то этого здѣсь и въ заводѣ не было. А между тѣмъ работы въ Самарѣ вовсе не мало. Конечно, это городъ торговый, а не промышленный: крупныхъ фабрикъ и заводовъ, кромѣ мельницъ, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и жигулевскаго пивного завода, здѣсь не имѣется. Но за то во всѣхъ здѣшнихъ заведеніяхъ условія труда крайне плохія, даже по сравненію съ сосѣдними городами, и матеріалу для агитаціи на экономической почвѣ представляютъ немало. Это вопервыхъ. Вовторыхъ, если Самара не изобилуетъ фабрично-заводскимъ пролетаріатомъ, то въ ней, особенно лѣтомъ, скопляется громадное количество чернорабочихъ—грузчиковъ, работающихъ на пристаняхъ. Затѣмъ Самара является центромъ скопленія и наемки сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, въ Самарѣ много интеллигентныхъ силъ: этотъ городъ не ограничивается для житья отбывшимъ ссылку, и здѣсь ихъ всегда собирается непочатый уголъ.

Теперь самарцы намѣрены серьезно приняться за соц.-демокр. работу. За самое послѣднее время здѣсь образовался Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи, обратившійся уже къ самарскимъ рабочимъ и работницамъ съ нѣсколькими прокламаціями. Въ одной изъ нихъ онъ излагаетъ свои задачи. „Комитетъ, говорится тамъ, это организованный отрядъ рабочей арміи. Онъ состоитъ изъ сознательныхъ рабочихъ и людей, посвятившихъ свою жизнь дѣлу свободы и счастья рабочихъ, дѣлу лучшаго будущаго всего народа." „Въ своей практической ежедневной работѣ, говорится дальше, Комитетъ опирается на мѣстныя назрѣвшія нужды рабочихъ массъ. Направляя и развивая самосознаніе самарскихъ рабочихъ, указывая имъ на ихъ непосредственныхъ враговъ, Комитетъ будетъ постоянно связывать ихъ борьбу съ борьбой всего рабочаго класса Россіи... будетъ указывать связь этихъ (мѣстныхъ) насильниковъ съ насильниками и эксплуататорами всей страны." Комитетъ не думаетъ ограничивать своей дѣятельности исключительно рабочей средой: онъ предполагаетъ „внести свой вольный призывъ" и въ тяготѣющія къ Самарѣ крестьянскія массы; онъ предполагаетъ „бичевать позорное равнодушіе" мѣстнаго сочувствующаго общества къ бѣдствіямъ народа и „подталкивать къ болѣе дѣятельному проявленію гражданской энергіи."

Воронежъ. Здѣсь только что образовался Комитетъ Соц.-Дем. Партіи. Въ послѣднихъ числахъ ноября онъ выпустилъ три прокламаціи (печатныя)—одну объ общихъ задачахъ Соц.-Дем. Партіи, другую—о либеральномъ движеніи вообще и о дѣятельности мѣстныхъ либераловъ Бунакова и Мартынова въ частности, третью—о ростовскихъ событіяхъ. Прокламаціи были встрѣчены рабочими съ радостью и читались на расхватъ. Комитетъ отъ имени рабочихъ послалъ сочувственное привѣтствіе ростовскимъ стачечникамъ. Вообще ростовскія событія вызвали здѣсь въ рабочей средѣ очень оживленные толки; нѣкоторые рабочіе отсюда, а также изъ Екатеринослава, ѣздили въ Ростовъ спеціально затѣмъ, чтобы посмотрѣть самимъ, что тамъ творится, — побывать на сходкахъ, послушать ораторовъ.

Если въ рабочей средѣ у насъ за послѣднее время наблюдается особенное оживленіе, то въ либеральномъ обществѣ теперь наступило затишье. Мартыновъ, какъ извѣстно, не выдержалъ и двухъ недѣль заключенія и послалъ изъ тюрьмы на имя Витте покаянное письмо. Но это не подѣйствовало: онъ былъ отправленъ на 3 года въ Арханг. губ. Тамъ его встрѣтили съ распростертыми объятіями. Бунаковъ вмѣсто Новгородской губ. поселенъ въ своемъ имѣніи безъ права выѣзда оттуда; причина такой перемѣны — та, что правительство прослышало о готовящейся въ честь его въ Новгородѣ встрѣчѣ и рѣшило предупредить ее.

О послѣдней вспышкѣ здѣшняго либеральнаго движенія другой корреспондентъ сообщаетъ слѣдующее.

Засѣданія губернскаго земскаго собранія не могли состояться въ теченіе нѣсколькихъ дней: не являлось достаточнаго числа гласныхъ. Публика недоумѣвала, въ чемъ дѣло, почему у гласныхъ пропалъ интересъ къ земскимъ дѣламъ. Ларчикъ открывался просто: это либеральные земцы хотѣли протестовать противъ непрошеннаго вмѣшательства правительства въ дѣла здѣшнихъ комитетовъ. Такъ они объясняли свое отсутствіе, но только „своимъ" и подъ глубочайшимъ секретомъ. Заявить же о своемъ протестѣ публично не хватило гражданскаго мужества. „Секретная" забастовка скоро прекратилась, и либеральные земцы покорно принялись посѣщать собраніе.

Кіевъ. Въ декабрѣ забастовало 110 портныхъ на Подолѣ, работающіе на магазины готоваго платья. Держались около мѣсяца, требовали 12-тичасового рабочаго дня (отъ 8 до 8; раньше было 18—19 ч.) и увеличенія платы на 25%. Стачечниковъ поддерживали всѣ рабочія кассы (столяровъ, типографщиковъ, касса союза портныхъ), а также собрано было до 100 руб. Одновременно съ ними была стачка 70 дамскихъ портныхъ, продолжавшаяся недѣлю. Обѣ стачки кончились побѣдой рабочихъ.

Во время недавней общей стачки наборщиковъ въ Житомирѣ сюда пріѣхали хозяева типографій вербовать штрейкбрехеровъ. Они ошиблись въ расчетѣ—хорошіе профессіональные наборщики отказались ѣхать. Удалось уговорить только такихъ, которые лапти плетутъ, а не набираютъ.

5-го ноября, полугодовщину смерти Балмашева, студенты въ университетѣ чествовали прекращеніемъ занятій. Вечеромъ въ драматическомъ театрѣ была сдѣлана попытка устроить манифестацію по тому же поводу, но неудачно. Человѣкъ 5 на галерѣе было арестовано, но черезъ нѣсколько дней выпущено.

Кіевскій Комитетъ приступилъ къ изданію Летучаго Листка.

Красноярскъ. 1 ноября рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ послѣ свистка бросили работу. Забастовка была вызвана отмѣной выдачи рабочимъ безплатныхъ билетовъ. Когда объ этомъ стало извѣстно, рабочіе сначала пошли къ жандармскому офицеру. Тотъ сталъ ихъ умасливать: „Желѣзнодорожная администрація не права; я вамъ все устрою; только ведите себя спокойно." Рабочіе рѣшили ждать, но скоро поняли, что ихъ только по губамъ помазали, и забастовали, сначала котельный, а потомъ и другіе цеха. Рабочіе депо не хотѣли присоединиться къ стачкѣ; ихъ силой выгнали изъ мастерскихъ. Тогда завѣдующій мастерскими инж. Клачковскій вывѣсилъ объявленіе о закрытіи мастерскихъ „впредь до особаго распоряженія". Этимъ онъ хотѣлъ пустить пыль въ глаза: намъ, дескать, наплевать на то, что вы бросили работу: вы же сами придете просить объ открытіи мастерскихъ. Клачковскій ошибся въ расчетѣ: ни одинъ изъ рабочихъ къ нему не явился. Тогда 6-го по его просьбѣ губернаторъ выпустилъ такое объявленіе: „Закрытыя ввиду появившейся въ Красноярскѣ крамолы мастерскія открываются вновь. 7-го рабочіе обязаны вновь приняться за работу. Ослушники получатъ расчетъ, а кто не будетъ пускать работать другихъ, тотъ или будетъ засаженъ въ тюрьму, или высланъ въ отдаленнѣйшія губерніи". Съ своей стороны администрація увѣрила рабочихъ, что министерство соглашается исполнить ихъ требованіе: отмѣнить распоряженіе о билетахъ. Стачка была прекращена, но 9-го чуть-было не началась снова: этому помѣшали казаки и полиція. 9-го же полученъ былъ отвѣтъ отъ министра: удовлетворить всѣ требованія. Администрація объявила объ этомъ рабочимъ только 12-го числа. *)

Красноярскій Комитетъ Соц.-Дем. Раб. Партіи выпустилъ двѣ прокламаціи съ призывомъ къ стачкѣ и 15 во время самой стачки.

Средствъ для поддержки стачечниковъ не было. „Общество" отнеслось къ стачкѣ совершенно равнодушно и за это было заклеймено въ особыхъ прокламаціяхъ, которыя 14-го были расклеены по улицамъ и разбросаны въ театрѣ. Полиція спохватилась поздно и ограничилась тѣмъ, что переписала всѣхъ бывшихъ въ театрѣ гимназистовъ и гимназистокъ. Но ей на подмогу явился сыщикъ-доброволецъ Леонтьевъ; онъ показалъ, что листки распространяли фельдшерица Натансонъ, ученикъ жел. дор. училища Соколинскій и двѣ гимназистки. Началось дознаніе, пошли допросы. Натансонъ привлечена къ отвѣтственности.

Азовъ. Въ октябрѣ въ порту началась усиленная работа вслѣдствіе обычнаго осенью скопленія грузовъ. Такъ какъ опытныхъ рабочихъ рукъ не хватало, то подрядчики до послѣдней степени увеличили трудъ наличныхъ грузчиковъ. Обыкновенно разгрузка или нагрузка сдается цѣлой артели съ обязательствомъ исполнить подрядъ въ опредѣленный срокъ. Теперь сроки стали назначаться непосильно короткими; плата же за работу стояла чрезмѣрно низкая.

Среди портовыхъ рабочихъ имѣются спропагандированныя лица; черезъ нихъ въ это время проникли въ портъ ростовскія прокламаціи по поводу повѣшенія трехъ мѣщанъ за убійство городового. Грузчики, и раньше почитывавшіе нелегальщину, встрѣтили прокламаціи очень сочувственно. Тогда азовскіе товарищи выпустили прокламаціи къ портовымъ рабочимъ и одновременно къ крестьянамъ окрестныхъ деревень (на тему о крестьянскихъ волненіяхъ въ Харьк. и Полт. губ., а также подъ Екатеринодаромъ). Кромѣ того, по городу были расклеены и разосланы по домамъ прокламаціи „къ гражданамъ" общаго политическаго содержанія (800 экз.)

Прокламаціи создали въ порту возбужденную, благопріятную для стачки атмосферу. 50 „бунтарей" (отъ слова „бунтъ"—складъ

*) Стачка по тому же поводу была въ Омскѣ и готовилась въ Нижнеудинскѣ.

мѣшковъ) бросили работу и потребовали увеличенія или поденной платы, или же числа рабочихъ въ артели. Они убѣждали товарищей примкнуть къ стачкѣ. Но они сейчасъ же получили расчетъ. Въ Азовѣ скопилась теперь масса безработныхъ, и подрядчикъ предпочелъ замѣстить ими непокорныхъ рабочихъ, мирясь съ отсутствіемъ у нихъ навыка для портовой работы. Дальнѣйшую очистку порта отъ зловредныхъ элементовъ взяла на себя жандармерія. Начались обыски и аресты. Арестовано, между прочимъ, 3 интеллигента и отвезены въ ростовскую тюрьму.

Батумъ. Рабочіе Ротшильда, которые весной прошлаго года такъ блестяще вели стачку, снова забастовали. 9 дек. они заявили директору слѣдующія требованія: 1) каждому рабочему должна даваться на рождество награда въ размѣрѣ его ежемѣсячнаго заработка; 2) всѣ штрафныя деньги, которыя фирма Ротшильда взыскала за все время своего существованія съ рабочихъ (отъ 500 до 700 тыс. руб.) раздать рабочимъ. Дирекція, разумѣется, не согласилась на эти требованія и заявила 21-го дек. расчетъ всѣмъ рабочимъ. Теперь всѣ заведенія Ротшильда наполнены солдатами, такъ какъ дирекція боится поджоговъ и т. д. Послѣ новаго года будутъ наняты новые рабочіе и, какъ дирекція заявила, никто изъ прежнихъ не получитъ работы. Къ сожалѣнію, нѣкоторые трусливые рабочіе начинаютъ выдавать главарей, чтобы такимъ образомъ выслужиться передъ дирекціей и жандармеріей. Но такихъ „молодцовъ" немного; въ скоромъ времени устроятъ имъ „овацію".

Баку. Какое хорошее вліяніе оказываютъ на мѣстныхъ рабочихъ пришлые изъ болѣе культурныхъ губерній, болѣе требовательные и менѣе склонные безпрекословно подчиняться хозяйскому гнету, — показываетъ слѣдующій случай.

На ткацкой фабрикѣ Тадѣева большинство рабочихъ туземцы — грузины, татары и даже персіяне. Условія работы и жизни самыя отвратительныя. При фабрикѣ устроены казармы для семейныхъ рабочихъ, но за недостаткомъ жилыхъ помѣщеній вблизи фабрики въ этихъ казармахъ живутъ также и холостые. На комнату приходится 16—18 человѣкъ. Плата сдѣльная, по 1 коп. за аршинъ. Пользуясь некультурностью рабочихъ-туземцевъ, фабричная администрація систематически ихъ обсчитывала и обмѣривала. Но вотъ на фабрикѣ появилось человѣкъ 30 рабочихъ изъ Шуи, Владим. губ. Сейчасъ же начались недоразумѣнія между ними и управляющимъ фабрикой. Рабочіе протестовали противъ отсутствія воды на фабрикѣ, противъ грязной негигіенической обстановки; наконецъ, поднялся ропотъ по поводу обсчитыванія при расчетѣ. Рабочіе забастовали, требуя полной оплаты за сработанное. Уладить неудовольствіе домашними средствами управляющему не удалось. Рабочіе настояли на вызовѣ фабричнаго инспектора. Перемѣрили при немъ куски, и оказалось, что въ каждомъ кускѣ не оплачивалось по крайней мѣрѣ 6 арш. Хозяинъ принужденъ былъ уступить рабочимъ, но, чтобы на будущее время избѣжать подобныхъ исторій, онъ рѣшилъ распрощаться съ владимирцами. Онъ заплатилъ имъ за двѣ недѣли впередъ, выдалъ еще на дорогу въ Шую и на прощанье пожелалъ имъ не возвращаться обратно. И вотъ, всколыхнувъ на время тадѣевское болото, владимирцы отправились домой. А на фабрикѣ все вошло въ прежнюю колею. Только надолго ли? Примѣръ владимирцевъ не прошелъ безслѣдно для ихъ товарищей — туземцевъ.

Пропаганда нѣмецкихъ хозяевъ среди русскихъ рабочихъ. Осенью въ Гамбургѣ была большая стачка строительныхъ рабочихъ. Хозяевами были разосланы гонцы во всѣ концы на поиски рабочихъ рукъ для замѣны стачечниковъ. Нѣкоторые изъ вербовщиковъ отправились въ Россію. Тамъ имъ удалось найти охотниковъ ѣхать въ Гамбургъ. Нѣмецкіе хозяева, узнавъ о пріѣздѣ русскихъ рабочихъ, потирали руки, расчитывая всласть поживиться на ихъ счетъ. Они прежде всего позаботились совершенно отдѣлить ихъ отъ вреднаго вліянія нѣмецкихъ товарищей. Затѣмъ обманомъ заставили подписать новыя условія найма, стали донимать непомѣрными штрафами и беззаконными вычетами. Не вытерпѣли русскіе рабочіе и подали жалобу на хозяевъ русскому консулу. „Передъ отъѣздомъ сюда мы справлялись, не стачка ли здѣсь. Насъ увѣрили, что стачки нѣтъ... Теперь намъ здѣшніе рабочіе не даютъ проходу, и мы за это на нихъ не можемъ претендовать, не вправѣ требовать иного къ себѣ отношенія. Мы видимъ, въ какое положеніе мы, явившись сюда, поставили нашихъ товарищей, борющихся за лучшія условія найма. И мы ни одного бы дня здѣсь не пробыли, если бы получили возможность выбраться отсюда." Нѣсколько разъ обращались русскіе рабочіе къ консулу за содѣйствіемъ, но, конечно, безъ всякаго результата. Кто-то надоумилъ ихъ обратиться въ промысловый судъ*) съ жалобой на хозяевъ за нарушеніе контракта. И судъ не только расторгъ договоръ найма, но и обязалъ хозяевъ выдать рабочимъ деньги на обратный путь. Вернувшись домой, штрейкбрехеры поневолѣ и другу, и недругу не посовѣтуютъ ѣздить впередъ срывать стачки.

*) Промысловый судъ состоитъ изъ выборныхъ представителей отъ хозяевъ и рабочихъ для разбора дѣлъ, касающихся условій труда и найма. Требованіе устройства подобныхъ судовъ должно войти въ россійск. соц.-демокр. программу.

За тюремной стѣной. Не такъ давно еще многіе революціонеры смотрѣли на тюрьму, какъ на мѣсто отдыха. Теперь не то. Теперь борьба съ воли переходитъ и въ угрюмыя тюремныя стѣны. Голодовки и всякіе другіе протесты противъ тюремныхъ порядковъ не прекращаются. Конечно, и тюремщики не остаются въ долгу и отвѣчаютъ на это новыми преслѣдованіями, иногда прямо звѣрствами. Борьба одесскихъ политическихъ заключенныхъ и ужасная расправа съ ними еще жива у всѣхъ въ памяти. Свѣдѣній о подобныхъ фактахъ можно сколько угодно найти на страницахъ нелегальной печати. Вотъ два новыхъ факта изъ той же области.

Изъ Москвы пишутъ: „Недавно въ нашу тюрьму перевели изъ Смоленска 13 чел., 3 инт. и 10 раб. за безпорядки въ смоленской тюрьмѣ, происшедшіе 1-го сентября. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ одинъ изъ переведенныхъ: „Во время прогулки надзиратель сказалъ политическому дерзость. Когда мы замѣтили, что онъ не имѣетъ права говорить дерзости, надзиратель отвѣтилъ, что не только воленъ говорить намъ дерзости, но что, если даже пробьетъ голову одному изъ насъ, то и въ такомъ случаѣ будетъ правъ. Мы потребовали начальника, но послѣдній не счелъ нужнымъ явиться. Тогда кто-то подалъ мысль начать пѣть; остальные уцѣпились за это предложеніе и запѣли: „Вставай, подымайся..." Начальникъ, зная, каковы были передъ тѣмъ наши взаимныя съ нимъ отношенія, перетрусилъ и, вызвавъ конвой, не входя въ разбирательство нашего заявленія, подъ защитой полсотни конвоировъ изрекъ намъ приговоръ: мы подлежали заключенію въ карцеръ на трое сутокъ, лишенію горячей пищи на то же время и лишенію прогулки и свиданій въ теченіе трехъ недѣль. Это хоть кого бы взбѣсило. Мы рѣшили вызвать губернатора. Такъ какъ начальникъ тюрьмы не хотѣлъ сдѣлать этого добровольно, то мы стали продолжать скандалъ. Къ намъ присоединились 6 человѣкъ политическихъ подслѣдственныхъ; мы 3 дня пѣли, кричали „караулъ" и т. под. На третій день явился помпадуръ и, отобравъ отъ насъ заявленіе, уѣхалъ, оставивъ насъ въ самомъ хорошемъ настроеніи, а 4-го, смотримъ, вызываютъ насъ по одиночкѣ въ контору, объявляютъ о переводѣ въ Москву и обратно въ камеры не пускаютъ. Сначала мы хотѣли запротестовать, но слишкомъ ужъ много было конвоировъ, да, по совѣсти говоря, и рады были переводу, такъ какъ самыя мрачныя ожиданія не могли быть хуже смоленской дѣйствительности. Здѣсь обращались съ нами до нельзя возмутительно. Рабочихъ прямо били на допросахъ въ жандармскомъ управленіи."

Примѣръ политическихъ заразительно дѣйствуетъ на уголовныхъ и увлекаетъ ихъ на поддержку протестовъ политическихъ. Политическіе въ свою очередь пробуютъ организовать протесты уголовныхъ и руководить ими, какъ это имѣло мѣсто въ митавской тюрьмѣ. Вотъ что намъ сообщаетъ объ этомъ латышскій „Соціалдемократъ" (№ 9. Борьба въ темномъ царствѣ.)

О порядкахъ въ митавской тюрьмѣ и ея начальникѣ Гаазе можно судить по тому, что онъ въ прошломъ году довелъ до самоубійства 18-лѣтняго гимназиста Крейера. Переведенные сюда изъ Либавы латыши Ролау съ товарищами рѣшили бороться съ Гаазе и объявили голодовку. Побѣда оказалась на ихъ сторонѣ: Гаазе уступилъ. Этотъ фактъ произвелъ впечатлѣніе на уголовныхъ: они стали внимательно слѣдить за дѣйствіями политическихъ. Послѣдніе, продолжая борьбу съ Гаазе, со своей стороны рѣшили привлечь къ ней и уголовныхъ и обратились къ нимъ съ предложеніемъ устроить общую стачку. Была составлена совмѣстно „внутренняя конституція" изъ 8 требованій. Главныя изъ нихъ: прогулка два раза въ день, улучшеніе пищи на казенный счетъ, свиданія безъ рѣшетокъ, устройство лѣтомъ судебныхъ засѣданій для сокращенія времени подслѣдственнаго заключенія и т. д. Въ случаѣ отказа рѣшено было бунтовать — разбивать казенную мебель. 4-го іюля „конституція" была предъявлена тюремному начальству. Поднялся ужасный переполохъ; пошли допросы, дознаніе. Къ несчастью въ это время увезли въ Сибирь душу всего движенія, Ролау. Съ его отъѣздомъ движеніе прекратилось. Попытка Ролау заслуживаетъ серьезнаго вниманія и подражанія.

Полтава. На дняхъ вышелъ приговоръ студенту Баумштейну —5 лѣтъ Вост. Сибири. Онъ, встрѣтившись по дорогѣ изъ Карловки въ Полтаву съ поѣздомъ солдатъ, отправленныхъ на усмиреніе крестьянскаго бунта, сказалъ имъ нѣсколько словъ, совѣтуя не стрѣлять въ крестьянъ. До сихъ поръ онъ сидитъ, и его не выпустятъ, а прямо изъ тюрьмы увезутъ въ Сибирь.

Вологда. Губернаторъ Муравьевъ запретилъ ссыльнымъ провожать товарищей на вокзалѣ и на пристаняхъ, и не то, что скопомъ, но и въ одиночку. Нѣсколько товарищей отказались подчиниться этому незаконному распоряженію и за это были разосланы по уѣздамъ. Одна изъ нихъ, назначенная въ Сольвычегодскъ, отравилась. Ее удалось спасти, и министерство разрѣшило ей уѣхать на родину.

Провалы. Крупные аресты были за послѣдніе два мѣсяца въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Казани и Екатеринославѣ. Въ Москвѣ забрали до 60 человѣкъ. Въ Харьковѣ брали въ нѣсколько пріемовъ.

Изъ Чернигова намъ пишутъ: „3 декабря здѣсь взята тайная типографія. При ней арестовано двое мужчинъ и одна женщина. На обыскѣ присутствовала чуть не вся черниговская полиція съ губернаторомъ, полицмейстеромъ и жандармскимъ полковникомъ во главѣ. По городу ходили слухи объ арестѣ фальшивыхъ монетчиковъ, но правда скоро обнаружилась.“

Въ декабрѣ взяты еще тайныя типографіи въ Екатеринославѣ и Житомірѣ.

Съ шахтъ и заводовъ южнаго горно-заводскаго района *).

ЮЗОВКА. *Успенскій каменно-угольный рудникъ.* 14 декабря 1902 года на рудникѣ разразилась страшная катастрофа, стоившая жизни 68 шахтерамъ. Въ ночь съ 13-го на 14-е въ шахтѣ № 12 произошелъ пожаръ, — загорѣлись подшипники у лебедки, находившейся въ 30 саж. отъ ствола. Замѣтили пожаръ, когда ужъ загорѣлись подпорки. Пока достали воды, вся проходка была объята пламенемъ, и доступъ для шахтеровъ къ стволу № 12 былъ прегражденъ. Поднялась суматоха: стали сбѣгаться жены, дѣти шахтеровъ, погребенныхъ въ шахтахъ. Явилось и начальство. Надежды не было никакой. Ни одинъ изъ шахтеровъ не могъ спастись, такъ какъ шахта № 12 *не имѣла самостоятельнаго запаснаго выхода, такъ назыв. „шурфа“*, вопреки горнымъ правиламъ, которыя требуютъ устройства „шурфовъ“ на случай пожара, наводненія или взрыва. Правда, № 12 соединяется на разстояніи 300 саж. съ шахтою № 10, но это не предохраняетъ въ случаѣ несчастья тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ, напр., на коренной продольной на востокѣ. Такъ и было въ данномъ случаѣ: заживо погребенные шахтеры не могли бѣжать къ шахтѣ № 10, такъ какъ на пути ихъ бушевало пламя возлѣ ствола № 12. Надо замѣтить, что подобная *экономія* имѣетъ мѣсто на многихъ рудникахъ и не первый разъ служитъ причиной гибели массы шахтеровъ. Часовъ въ 9 утра инженеръ и штейгера рѣшили закупорить оба ствола (№ 12 и № 10), чтобы прекратить доступъ воздуха и потушить пожаръ. При этомъ происходили душу раздирающія сцены: женщины силой не давали забивать шахты, на колѣняхъ умоляли пощадить ихъ мужей. Говорятъ, что инженеръ, отдавшій это распоряженіе, заявилъ: „*Намъ необходимо прежде всего спасти уголь въ шахтѣ, рабочіе все равно уже не выскочатъ; если они задохнутся, ихъ можно еще привести въ чувство, если же это не удастся,—на ихъ мѣсто найдутся другіе*“. Въ 4 ч. дня стволы почему-то опять открыли. Такимъ образомъ, шахта въ теченіе 9 часовъ была закупорена, и многіе изъ шахтеровъ, которые могли бы продержаться долго подъ землею,—задохлись моментально. Только 13 чел. удалось привести въ чувство (ихъ извлекли на третьи сутки). Погибло *68 человѣкъ*, спасено, кромѣ 13 приведенныхъ въ чувство, 45. Пріѣхалъ вице-губернаторъ и обратился къ семьямъ погибшихъ съ рѣчью: „Молитесь не только за вашихъ покойниковъ—братьевъ и отцовъ, молитесь также и за покойника Успенскаго, отца вашего хозяина; онъ вашъ благодѣтель, такъ какъ застраховалъ шахтеровъ; вамъ выдадутъ крупное пособіе“. Но слова губернатора не оправдались: страховое общество отказывается платить деньги, такъ какъ Успенскій нарушилъ полисное условіе, не устроивъ въ шахтѣ „шурфа“. Картины нужды и отчаянія ужасны: въ каждомъ домикѣ шахтера вдовы, вопли отчаянія, плачъ. Ѣсть многимъ нечего. Трупы похоронены, шахты заколочены — что же будетъ съ семьями погибшихъ?

Прохоровскіе рудники. Работаетъ на рудникахъ больше двухъ тысячъ человѣкъ. Постоянныхъ рабочихъ мало. Вслѣдствіе низкой платы и каторжныхъ условій рабочіе постоянно перекочевываютъ на другіе рудники. Кризисъ сначала слабо отразился на числѣ рабочихъ, но въ послѣднее время ихъ увольняютъ массами. Сильно повысилась интенсивность труда; уроки забойщикамъ увеличились въ полтора раза. Въ тоже время заработная плата упалана 20—30%. Всѣ шахтеры дѣлятся на поденныхъ — конторскихъ и на артельныхъ, работающихъ сдѣльно отъ подрядчиковъ. Конторскихъ человѣкъ 500, остальные артельные: это забойщики, саночники, вагонщики. Подрядная система работъ заслоняетъ отъ шахтеровъ его истинныхъ эксплуататоровъ, съ другой стороны, дробя рабочихъ на мелкія группы, мѣшаетъ ихъ совмѣстной борьбѣ съ капиталистами. Подрядчики же, такъ называемые „артельщики“, сильно эксплуатируютъ рабочихъ, наживая въ мѣсяцъ 100—200 руб. Рабочіе въ среднемъ зарабатываютъ 20—35 р., при этомъ масса всевозможныхъ вычетовъ, непомѣрные штрафы, обсчитываніе на числѣ „упряжекъ“. Нѣтъ мѣсяца, чтобы у шахтера не пропала упряжка. А чтобы онѣ не пропадали, приходится давать взятки десятскимъ. Они вынуждаютъ у шахтеровъ взятки и другими способами: переводятъ рабочихъ на болѣе тяжелую работу, придираются къ рабочимъ, отказываютъ въ заработкѣ, пока не добьются своего. Большинство штрафовъ — за невыходъ на работу — въ размѣрѣ 1 руб. Куда идутъ штрафы, никому неизвѣстно, ежемѣсячныхъ отчетовъ о движеніи штрафного капитала ни на одномъ рудникѣ не вывѣшивается. Рабочій день 12 час. (безъ обѣда), спускъ въ шахту занимаетъ еще $1/2$—1 ч. Въ мѣсяцъ свободныхъ сутокъ у шахтеровъ только двое; въ праздники работа въ шахтахъ начинается съ вечера. Въ шахтахъ нѣтъ самыхъ примитивныхъ приспособленій; постоянные несчастные случаи, главнымъ образомъ вслѣдствіе обваловъ. За 1902 г. число несчастныхъ случаевъ—1277. Условія работы въ шахтахъ невозможныя: сквозняки, сырость, отсутствіе вентиляціи; въ старыхъ шахтахъ много воды; въ одной изъ шахтъ приходится работать при 30° жары.

Рудничное начальство обращается съ рабочими крайне грубо, самая отборная ругань слышится то и дѣло. Холостыя квартиры — „балаганы“ и семейныя — „каютки“ поражаютъ тѣснотой и отсутствіемъ воздуха, неуютностью, грязью. Глейщики и глейщицы ночуютъ въ нераздѣленномъ перегородками балаганѣ, валяясь всѣ вмѣстѣ на грязныхъ нарахъ. За послѣднее время полиція то и дѣло совершаетъ ночные обходы и набѣги на „балаганы“. Читаютъ рабочіе преимущественно лубочную литературу. Библіотека на сосѣднихъ рудникахъ закрыта по распоряженію начальства. Послѣдній разъ крупные безпорядки на Прохоровскихъ рудникахъ были въ октябрѣ 1900 г. изъ-за заработной платы. По рукамъ ходили прокламаціи, но въ небольшомъ числѣ. Казаки тогда произвели страшное избіеніе шахтеровъ.

Марковскій рудникъ. При открытіи церкви мѣстный священникъ сказалъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ служащихъ и рабочихъ не обижать своего хозяина ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже въ мысляхъ, а оказывать ему безпрекословное послушаніе. На случай, если бы рабочіе не послѣдовали добрымъ совѣтамъ священника, на рудникѣ содержится казацкая сотня.

Горловка. Въ ноябрѣ найдены мертвыми въ степи 2 шахтера, шедшихъ изъ Харцызска въ поискахъ работы. Умерли отъ истощенія.

Чулковскій рудникъ Рутченковскаго Гор-го О-ва. (800 рабоч.) Благодаря директору-распорядителю Авдакову (председатель съѣзда южныхъ горнопромышленниковъ), кризисъ вовсе не отразился на дѣлахъ рудника; наоборотъ, здѣсь всегда недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, такъ какъ рабочіе никогда долго не работаютъ на рудникѣ вслѣдствіе безчеловѣчной эксплуатаціи: попадаютъ сюда шахтеры въ случаѣ крайней нужды. Шахтеры и здѣсь дѣлятся на артельныхъ ($3/4$) и конторскихъ. Подрядчики страшно наживаются. Плата вслѣдствіе кризиса понизилась на 20—30%. Шахтеровъ обсчитываютъ при расчетѣ упряжекъ, обираютъ посредствомъ вычетовъ за квартиру, баню, воду, страховку. Квартиры отвратительныя, питьевая вода скверная, горько-соленая. Баня — какая-то клоака грязи и вони. Штрафовъ масса. Особенно сильно штрафуютъ и грубо обращаются съ шахтерами инженеръ Ильинъ, штейгеръ Ожигъ, конторщики Рыбальченко и Станищевскій. Не лучше ихъ и врачъ. По праздникамъ существуетъ обычай „загонять“ рабочихъ на ночную работу: полиція обходитъ квартиры шахтеровъ и съ угрозами понуждаетъ рабочихъ идти въ шахту. Въ январѣ на рудникѣ было сильное броженіе. Многіе получили разсчетъ и были для памяти записаны въ штрафной журналъ, чтобы ихъ впредь не принимать на рудники компаніи. Въ сентябрѣ была стачка глейщиковъ (80 ч.) На отборкѣ глея работаютъ преимущественно подростки (11—15 л.) и молодыя дѣвушки, послѣднія, впрочемъ, неохотно, такъ какъ работа ужасная: копаться въ кучахъ угля, отбирая куски породы. Къ вечеру работница превращается въ негритянку. Зарабатываютъ въ мѣсяцъ 8—10 р. и то съ трудомъ. Поводомъ къ стачкѣ послужила сбавка платы за ящикъ съ 20 до 17 к. (до кризиса плата была 30—40 к.). Глейщики забастовали, требуя старой платы. Полицейскіе ходили по квартирамъ и съ грубой руганью гнали ихъ на работу; черезъ недѣлю нужда заставила глейщиковъ согласиться на пониженную расцѣнку. Среди рабочихъ до $1/2$ грамотныхъ, читаютъ лубочную литературу.

Енакіево, Екатеринославской г. Александро-Пардинскій рудникъ (болѣе 500 чел.). Получка на нашемъ рудникѣ производится не болѣе 4 разъ въ годъ. Рабочему съ трудомъ удается получить $1/4$ деньгами; на остальную сумму выдаются талоны въ кладовую. Въ кладовой ничего кромѣ желѣза и дегтя нѣтъ. Рабочему приходится брать этотъ товаръ и продавать его лавочникамъ за $1/2$ цѣны. А то продаютъ прямо талоны за $1/2$ цѣны. Контора иногда сама принимаетъ талоны со скидкой 8%. Нѣкоторые рабочіе по 3 года не получаютъ правильно заработка.

*) Матеріалъ доставленъ Соц.-демокр. Союзомъ Горнорабочихъ.

Отъ редакціи.

Нами получена для опубликованія слѣдующая резолюція:

„Присутствующіе на собраніи въ г. Женевѣ 16 января 1903 г. выражаютъ самое полное и самое искреннее сочувствіе свое ростовскимъ рабочимъ, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрѣлости русскаго пролетаріата. Они считаютъ своей нравственной обязанностью всѣми своими силами служить дѣлу политическаго и экономическаго освобожденія этого пролетаріата, которое является въ то же время дѣломъ освобожденія всего трудящагося населенія Россіи. Они выражаютъ свое презрѣніе и свою ненависть къ царскому правительству, которое держится лишь посредствомъ грубаго насилія и вопіющаго нарушенія всѣхъ правъ человѣка и гражданина“. Такая же резолюція была принята въ Бернѣ.

За недостаткомъ мѣста отчетъ о конфер. Междун. Соц. Комит. печатается прилож., а иностранный отдѣлъ отложенъ до слѣд. №.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.

Изъ Чернигова намъ пишутъ: „3 декабря здѣсь взята тайная типографія. При ней арестовано двое мужчинъ и одна женщина. На обыскѣ присутствовала чуть не вся черниговская полиція съ губернаторомъ, полицмейстеромъ и жандармскимъ полковникомъ во главѣ. По городу ходили слухи объ арестѣ фальшивыхъ монетчиковъ, но правда скоро обнаружилась.“

Въ декабрѣ взяты еще тайныя типографіи въ Екатеринославѣ и Житомірѣ.

Съ шахтъ и заводовъ южнаго горно-заводскаго района *).

ЮЗОВКА. *Успенскій каменно-угольный рудникъ.* 14 декабря 1902 года на рудникѣ разразилась страшная катастрофа, стоившая жизни 68 шахтерамъ. Въ ночь съ 13-го на 14-е въ шахтѣ № 12 произошелъ пожаръ, — загорѣлись подшипники у лебедки, находившейся въ 30 саж. отъ ствола. Замѣтили пожаръ, когда ужъ загорѣлись подпорки. Пока достали воды, вся проходка была объята пламенемъ, и доступъ для шахтеровъ къ стволу № 12 былъ прегражденъ. Поднялась суматоха: стали сбѣгаться жены, дѣти шахтеровъ, погребенныхъ въ шахтахъ. Явилось и начальство. Надежды не было никакой. Ни одинъ изъ шахтеровъ не могъ спастись, такъ какъ шахта № 12 *не имѣла самостоятельнаго запаснаго выхода, такъ назыв. „шурфа“*, вопреки горнымъ правиламъ, которыя требуютъ устройства „шурфовъ“ на случай пожара, наводненія или взрыва. Правда, № 12 соединяется на разстояніи 300 саж. съ шахтою № 10, но это не предохраняетъ въ случаѣ несчастья тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ, напр., на коренной продольной на востокѣ. Такъ и было въ данномъ случаѣ: заживо погребенные шахтеры не могли бѣжать къ шахтѣ № 10, такъ какъ на пути ихъ бушевало пламя возлѣ ствола № 12. Надо замѣтить, что подобная *экономія* имѣетъ мѣсто на многихъ рудникахъ и не первый разъ служитъ причиной гибели массы шахтеровъ. Часовъ въ 9 утра инженеръ и штейгера рѣшили закупорить оба ствола (№ 12 и № 10), чтобы прекратить доступъ воздуха и потушить пожаръ. При этомъ происходили душу раздирающія сцены: женщины силой не давали забивать шахты, на колѣняхъ умоляли пощадить ихъ мужей. Говорятъ, что инженеръ, отдавшій это распоряженіе, заявилъ: „*Намъ необходимо прежде всего спасти уголь въ шахтѣ, рабочіе все равно уже не выскочатъ; если они задохнутся, ихъ можно еще привести въ чувство, если же это не удастся,—на ихъ мѣсто найдутся другіе*“. Въ 4 ч. дня стволы почему-то опять открыли. Такимъ образомъ, шахта въ теченіе 9 часовъ была закупорена, и многіе изъ шахтеровъ, которые могли бы продержаться долго подъ землею,—задохлись моментально. Только 13 чел. удалось привести въ чувство (ихъ извлекли на третьи сутки). Погибло *68 человѣкъ*, спасено, кромѣ 13 приведенныхъ въ чувство, 45. Пріѣхалъ вице-губернаторъ и обратился къ семьямъ погибшихъ съ рѣчью: „Молитесь не только за вашихъ покойниковъ братьевъ и отцовъ, молитесь также и за покойника Успенскаго, отца вашего хозяина: онъ вашъ благодѣтель, такъ какъ застраховалъ шахтеровъ; вамъ выдадутъ крупное пособіе“. Но слова губернатора не оправдались: страховое общество отказывается платить деньги, такъ какъ Успенскій нарушилъ полисное условіе, не устроивъ въ шахтѣ „шурфа“. Картины нужды и отчаянія ужасны: въ каждомъ домикѣ шахтера слезы, вопли отчаянія, поѣсть многимъ нечего. Трупы похоронены, шахты заколочены — что же будетъ съ семьями погибшихъ?

Прохоровскіе рудники. Работаетъ на рудникахъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Постоянныхъ рабочихъ мало. Вслѣдствіе низкой платы и каторжныхъ условій рабочіе постоянно перекочевываютъ на другіе рудники. Кризисъ сначала слабо отразился на числѣ рабочихъ, но въ послѣднее время ихъ увольняютъ массами. Сильно повысилась интенсивность труда: уроки забойщикамъ увеличились въ полтора раза. Въ тоже время заработная плата упалана 20—30%. Всѣ шахтеры дѣлятся на поденныхъ, конторскихъ и на артельныхъ, работающихъ сдѣльно отъ подрядчиковъ. Конторскихъ человѣкъ 500, остальные артельные: это забойщики, саночники, вагонщики. Подрядная система работъ заслоняетъ отъ шахтеровъ его истинныхъ эксплуататоровъ, съ другой стороны, дробя рабочихъ на мелкія группы, мѣшаетъ ихъ совмѣстной борьбѣ съ капиталистами. Подрядчики же, такъ называемые „артельщики“, сильно эксплуатируютъ рабочихъ, наживая въ мѣсяцъ 100—200 руб. Рабочіе въ среднемъ зарабатываютъ 20—35 р., при этомъ масса всевозможныхъ вычетовъ, непомѣрные штрафы, обсчитываніе на числѣ „упряжекъ“. Нѣтъ мѣсяца, чтобы у шахтера не пропала упряжка. А чтобы онѣ не пропадали, приходится давать взятки десятскимъ. Они вынуждаютъ у шахтеровъ взятки и другими способами: переводятъ рабочихъ на болѣе тяжелую работу, придираются къ рабочимъ, отказываютъ въ заработкѣ, пока не добьются своего. Большинство штрафовъ — за невыходъ на работу — въ размѣрѣ 1 руб. Куда идутъ штрафы, никому неизвѣстно, ежемѣсячныхъ отчетовъ о движеніи штрафного капитала ни на одномъ рудникѣ не вывѣшивается. Рабочій день 12 час. (безъ обѣда), спускъ въ шахту занимаетъ еще ½—1 ч. Въ мѣсяцъ свободныхъ сутокъ у шахтеровъ только двое; въ праздники работа въ шахтахъ начинается съ вечера. Въ шахтахъ нѣтъ самыхъ примитивныхъ приспособленій; постоянные несчастные случаи, главнымъ образомъ вслѣдствіе обваловъ. За 1902 г. число несчастныхъ случаевъ—1277. Условія работы въ шахтахъ невозможныя: сквозняки, сырость, отсутствіе вентиляціи; въ старыхъ шахтахъ много воды; въ одной изъ шахтъ приходится работать при 30° жары.

Рудничное начальство обращается съ рабочими крайне грубо, самая отборная ругань слышится то и дѣло. Холостыя квартиры — „балаганы“ и семейныя — „каютки“ поражаютъ тѣснотой и отсутствіемъ воздуха, неуютностью, грязью. Глейщики и глейщицы ночуютъ въ нераздѣленномъ перегородками балаганѣ, валяясь всѣ вмѣстѣ на грязныхъ нарахъ. За послѣднее время полиція то и дѣло совершаетъ ночные обходы и набѣги на „балаганы“. Читаютъ рабочіе преимущественно лубочную литературу. Библіотека на сосѣднихъ рудникахъ закрыта по распоряженію начальства. Послѣдній разъ крупные безпорядки на Прохоровскихъ рудникахъ были въ октябрѣ 1900 г. изъ-за заработной платы. По рукамъ ходили прокламаціи, но въ небольшомъ числѣ. Казаки тогда произвели страшное избіеніе шахтеровъ.

Марковскій рудникъ. При открытіи церкви мѣстный священникъ сказалъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ служащихъ и рабочихъ не обижать своего хозяина ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже въ мысляхъ, а оказывать ему безпрекословное послушаніе. На случай, если бы рабочіе не послѣдовали добрымъ совѣтамъ священника, на рудникѣ содержится казацкая сотня.

Горловка. Въ ноябрѣ найдены мертвыми въ степи 2 шахтера, ушедшихъ изъ Харцыска въ поискахъ работы. Умерли отъ истощенія.

Чулковскій рудникъ Рутченковскаго Гор.-то О-ва. (800 рабоч.) Благодаря директору-распорядителю Авдакову (предсѣдатель съѣзда южныхъ горнопромышленниковъ), кризисъ вовсе не отразился на дѣлахъ рудника, наоборотъ, здѣсь всегда недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, такъ какъ рабочіе никогда долго не работаютъ на рудникѣ вслѣдствіе безчеловѣчной эксплуатаціи: попадаютъ сюда шахтеры въ случаѣ крайней нужды. Шахтеры и здѣсь дѣлятся на артельныхъ (...) и конторскихъ. Подрядчики страшно наживаются. Плата вслѣдствіе кризиса понизилась на 20—30%. Шахтеровъ обсчитываютъ при расчетѣ упряжекъ, обираютъ посредствомъ вычетовъ за квартиру, баню, воду, страховку. Квартиры отвратительныя, питьевая вода скверная, горько-соленая. Баня — какая-то клоака грязи и вони. Штрафовъ масса. Особенно сильно штрафуютъ и грубо обращаются съ шахтерами инженеръ Ильинъ, штейгеръ Ожигъ, конторщики Рыбальченко и Станишевскій. Не лучше ихъ и врачъ. По праздникамъ существуетъ обычай „загонять“ рабочихъ на ночную работу: полиція обходитъ квартиры шахтеровъ и съ угрозами понуждаетъ рабочихъ идти въ шахту. Въ январѣ на рудникѣ было сильное броженіе. Многіе получили разсчетъ и были для памяти записаны въ штрафной журналъ, чтобы ихъ впредь не принимать на рудники компаніи. Въ сентябрѣ была стачка глейщиковъ (80 ч.). На отборкѣ глея работаютъ преимущественно подростки (11—15 л.) и молодыя дѣвушки, послѣднія, впрочемъ, неохотно, такъ какъ работа ужасная: копаться въ кучахъ угля, отбирая куски породы. Къ вечеру работница превращается въ негритянку. Зарабатываютъ въ мѣсяцъ 8—10 р. и то съ трудомъ. Поводомъ къ стачкѣ послужила сбавка платы за ящикъ съ 20 до 17 к. (до кризиса плата была 30—40 к.). Глейщики забастовали, требуя старой платы. Полицейскіе ходили по квартирамъ и съ грубой руганью гнали ихъ на работу; черезъ недѣлю нужда заставила глейщиковъ согласиться на пониженную расцѣнку. Среди рабочихъ, по ½ грамотныхъ, читаютъ лубочную литературу.

Енакіево, Екатеринославск. губ. Александро-[illegible] рудникъ (болѣе 500 чел.). Получка на нашемъ рудникѣ производится не болѣе 4 разъ въ годъ. Рабочему съ трудомъ удается получить ½ деньгами; на остальную сумму выдаются талоны въ кладовую. Въ кладовой ничего кромѣ желѣза и дегтя нѣтъ. Рабочему приходится брать этотъ товаръ и продавать его лавочникамъ за ½ цѣны. А то продаютъ прямо талоны за ½ цѣны. Контора иногда сама принимаетъ талоны со скидкой 8%. Нѣкоторые рабочіе по 3 года не получаютъ правильно заработка.

---

*) Матеріалъ доставленъ Соц.-демокр. Союзомъ Горнорабочихъ.

Отъ редакціи.

Нами получена для опубликованія слѣдующая резолюція:

„Присутствующіе на собраніи въ г. Женевѣ 16 января 1903 г. выражаютъ самое полное и самое искреннее сочувствіе свое ростовскимъ рабочимъ, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрѣлости русскаго пролетаріата. Они считаютъ своей нравственной обязанностью всѣми своими силами служить дѣлу политическаго и экономическаго освобожденія этого пролетаріата, которое является въ то же время дѣломъ освобожденія всего трудящагося населенія Россіи. Они выражаютъ свое презрѣніе и свою ненависть къ царскому правительству, которое держится лишь посредствомъ грубаго насилія и вопіющаго нарушенія всѣхъ правъ человѣка и гражданина“. Такая же резолюція была принята въ Бернѣ.

За недостаткомъ мѣста отчетъ о конфер. Междун. Соц. Комит. печатается прилож., а иностранный отдѣлъ отложенъ до слѣд. №.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, № 7.